

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ**

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ**

**№ 4 (6)
ЧАСТЬ 1
2017**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Луганск 2017

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

№ 4(6) Ч.1 2017

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

ВХОДИТ В БАЗУ
РИНЦ

ОСНОВАТЕЛЬ

Луганский национальный университет
имени Владимира Даля

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации, печати и массовых коммуникаций
Серия № ПИ 000108 от 08 июня 2017 г.

Свидетельство о государственной регистрации
Издателя, изготовителя и распространителя
средства массовой информации

МИ-СРГ ИД 000003 от 20 ноября 2015г.

VESTNIK

LUGANSK VLADIMIR DAHL
NATIONAL UNIVERSITY

№ 4(6) P.1 2017

THE SCIENTIFIC JOURNAL
WAS FOUNDED IN 2015

INCLUDED INTO THE BASE OF
RISC

Founder

Lugansk Vladimir Dahl
National University

Journal is registered by the Ministry of Information,
Publishing and Mass Communications
Series № PI 000108 of June, 08 2017

State Registration Certificate of Publisher,
Producer and Distributor of means of mass
information

MI-SRG ID 000003 of November, 20 2015

В журнале публикуются результаты диссертационных работ на соискание ученой степени доктора и кандидата технических, гуманитарных, экономических, общественных, юридических, педагогических, исторических, химических и физико-математических наук.

ISSN 2522-4905

Главная редакционная коллегия :

Свиридова Н.Д., докт. экон. наук, (главный редактор),
Корсунов К.А., докт. техн. наук, (зам. главн. редактора),
Витренко В.А., докт. техн. наук (зам. главн. редактора),
Ver R., dr hab,
Авершин А.А., канд. техн. наук,
Андрійчук Н.Д., докт. техн. наук,
Артемченко В.А., докт. экон. наук,
Атоян А.И., докт. филос. наук,
Белых А.С., докт. пед. наук,
Болдырев К.А., докт. экон. наук,
Будиков Л.Я., докт. техн. наук,
Гедрович А.И., докт. филос. наук,
Губачева Л.А., докт. техн. наук,
Гутько Ю.И., докт. техн. наук,
Дейнека И.Г., докт. техн. наук,
Дрозд Г.Я., докт. техн. наук,
Евдокимов Н.А., докт. ист. наук,
Ерошин С.С., докт. техн. наук,
Захарчук А.С., докт. техн. наук,
Замота Т.Н., докт. техн. наук,
Исаев В.Д., докт. филос. наук,
Клименко А.С., докт. филол. наук,
Коваленко А.А., канд. техн. наук, проф,
Кожемякин Г.Н., докт. техн. наук,
Коробецкий Ю.П., докт. техн. наук,
Кривоколыско С.Г., докт. хим. наук,
Крохмалева Е.Г., канд. пед. наук,
Куликов Ю.А., докт. техн. наук,

Лазор В.В., докт. юридич. наук,
Лазор Л.И., докт. юридич. наук,
Лустенко А.Ю., докт. филос. наук,
Ляпин В.П., докт. биол. наук,
Максимова Т.С., докт. экон. наук,
Максимов В.В., докт. экон. наук,
Мечетный Ю.Н., докт. мед. наук,
Мирошников В.В., докт. техн. наук,
Мортиков В.В., докт. экон. наук,
Нечаев Г.И., докт. техн. наук,
Панайотов К.К., канд. техн. наук,
Родионов А.В., докт. экон. наук,
Рябичева Л.А., докт. техн. наук,
Рябичев В.Д., докт. техн. наук,
Санжаров С.Н., докт. ист. наук,
Семина Д.А., докт. техн. наук,
Скляр П.П., докт. психол. наук,
Слащев В.А., канд. техн. наук, проф,
Старченко В.Н., докт. техн. наук,
Тарарычкин И.А., докт. техн. наук,
Тисунова В.Н., докт. экон. наук,
Ульшин В.О., докт. техн. наук,
Утутов Н.Л., докт. техн. наук,
Фесенко Ю.П., докт. филол. наук,
Шамшина И.И., докт. юридич. наук,
Шелюто В.М., докт. филос. наук,
Яковенко В.В., докт. техн. наук

Ответственный за выпуск: Шелюто В.М.

Рекомендовано в печать Ученым советом Луганского национального университета имени Владимира Даля (Протокол № 4 от 24.11.2017 г.)

Материалы номера печатаются на языке оригинала.

© Луганский национальный университет имени Владимира Даля, 2017
© Lugansk Vladimir Dahl National University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ**ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ**

САКРАЛЬНОЕ В РОМАНЕ-МИФЕ А.А.ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» <i>Шелюто В.М.</i>	10
ДУХОВНАЯ ОПАСНОСТЬ «НОВОЙ ДУХОВНОСТИ» <i>Исаев В.Д.</i>	17
СЖИГАЯ СОВЕСТЬ: ТРАГЕДИЯ ДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ <i>Пономарев А.В.</i>	21
МЕТОД ЭСТЕТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК ОПЫТ КОНКРЕТИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА <i>Атоян А. И.</i>	25
ТЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ГУМАНИТАРИСТИКЕ <i>Звонок Н.С.</i>	32
КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В РЕЛИГИОВЕДЕНИИ <i>Дервянко К.В.</i>	37
ИММОРТАЛИЗМ И НЕОИММОРТАЛИЗМ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ <i>Слюсаренко А. В.</i>	43
ТЕОРЕТИКО-КОНСТРУИРУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ <i>Мандрыка В.А.</i>	47
ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИСКУССТВА <i>Алексеенко Т.А.</i>	54
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БЫТИЯ <i>Кобылкин Д.С.</i>	59
ГОГОЛЕВСКИЙ САСПЕНС «ЗАКОЛДОВАННОГО МЕСТА» <i>Брянцева О.А.</i>	66
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Кравцов Д.Н., Чилигин В.В., Татаркин А.В.</i>	70
ВНЕЭСТЕТИЧЕСКОЕ КАК СПОСОБ БЫТИЯ ЭСТЕТИКИ <i>Понкратенкова Т.В.</i>	75
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ СЕР. XX – НАЧ. XXI ВЕКА: МАНИПУЛЯЦИЯ МАССАМИ В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА <i>Кравцов Д.Н.</i>	79

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

ПРОБЛЕМА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА) <i>Лустенко А.Ю.</i>	83
О РОЛИ КОНЦЕПТА «СОЦИАЛЬНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» В ДИАГНОСТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ <i>Яковенко А.В.</i>	91
ПЕРЕДЕЛ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ СОВРЕМЕННЫМИ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ <i>Каминская О. В., Атоян А. В.</i>	96
СТАНОВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ: ДИСКРЕТНОСТЬ И КЛАССИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОПРЯЖЕНИЯ <i>Попов В.Б.</i>	102
ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА <i>Юсеф Ю.В.</i>	110
АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕЙТИНГОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ <i>Герасимов А.В.</i>	114
ЗДОРОВЬЕ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: С ПРИБЫЛЬЮ И БЕЗ МОРАЛИ <i>Серикова Т.Е.</i>	124
ЧЕЛОВЕК И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ: ДВА ПОЛЮСА КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА <i>Артёмова Ю.А.</i>	129
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ <i>Каминская О. В., Омеляненко И. А., Пидченко С. А.</i>	134
ФИЛОСОФСКИЕ МЕТОДОЛОГИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА МЕТОДА <i>Долженко О.А.</i>	141
СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ КУЛЬТУРЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА <i>Сергеева Н.В.</i>	147
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА <i>Цехмистренко А.В.</i>	150

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК НОВЫЙ ВИД ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ <i>Пробейголова Н.В.</i>	155
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС <i>Мазур О.Г.</i>	159
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА <i>Михайловская О.Г.</i>	165
ИМПЕРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: К ВОПРОСУ ОБ ИМПЕРСКОЙ СУЩНОСТИ США <i>Татаринев И.Е.</i>	169
США СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>Писаный Д.М.</i>	174
РОЛЬ РЕФЕРЕНДУМА КАК ФОРМЫ ПРЯМОГО НАРОДОВЛАСТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ <i>Проценко А.В., Крупа К.В.</i>	178
ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА ОБЩЕСТВА <i>Ковтун К. В.</i>	183
КАЛЬМІУСЬКА ПАЛАНКА <i>Симоненко І.В.</i>	187
ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ЛУГАНСКИЙ АСПЕКТ <i>Федоровский Ю.Р.</i>	191
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 40 – 60 ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ <i>Пилипенко Ю.В.</i>	196
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТЕРРОРИЗМ: ПОНЯТИЙНЫЕ АСПЕКТЫ <i>Кандауров Б.И.</i>	203
ТЕОРИЯ ПРЯМОЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ <i>Самойлов А. О.</i>	207
ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ЧЕРТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ <i>Селиванов А.С.</i>	210
ЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ <i>Трубчанинов А.Д.</i>	216
ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. <i>Скоков А.С.</i>	221
ВОПРОС ВЕРХНЕГО НИЛА И ЕГО РОЛЬ В «БИТВЕ ЗА АФРИКУ» <i>Харьковский Р.Г.</i>	225

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ КОЛОНИАЛЬНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА: «ПУТЬ К ФАШОДЕ» <i>Харьковский Р.Г., Саидов З.А.</i>	231
МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ВО ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЕ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 1929-1939 гг. <i>Гречишкина Е.С.</i>	236
«ЖЕЛТАЯ» ПРЕССА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА <i>Одинцова М.И.</i>	241

CONTENTS

SACRAL IN THE NOVEL-MYTH OF A.A.FADEYEV «THE YOUNG GUARD» <i>Shelyuto V.M.</i>	10
THE SPIRITUAL DANGER OF A «NEW SPIRITUALITY» <i>Isaev V.D.</i>	17
BURNING CONSCIENCE: THE TRAGEDY OF SPIRITUALITY AND PERSONAL LIFE ²¹ <i>Ponomarev A.V.</i>	21
METHOD OF AESTHETIC ANTHROPOLOGY AS THE EXPERIENCE OF CONCRETIZATION CULTURAL-HISTORICAL PROCESS <i>Atoyan A.I.</i>	25
THEOLOGY OF CULTURE AS A NEW DIRECTION IN HUMANISTARISTICS <i>Zvonok N.S.</i>	32
COLLECTIVE AGENT OF COGNITION IN RELIGIOUS STUDIES <i>Derevyanko K. V.</i>	37
IMMORTALISM AND NEOIMMORTALISM IN SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA <i>Slyusarenko A. V.</i>	43
THEORETICAL AND CONSTRUCTIVE ACTIVITIES AS A WAY OF RESOLVING THE EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS <i>Mandryka V. A.</i>	47
BODY AS THE OBJECT AESTHETICS THEORY OF ART <i>Alekseenko T.A.</i>	54
THE GNOSEOLOGICAL ASPECT OF BEING <i>Kobylkin D.S.</i>	59
GOGOL'S SUSPENCE OF HIS «ENCHANTED PLACE» <i>Briantseva O.A.</i>	66
ACTIVITY OF NON-TRADITIONAL RELIGIOUS MOVEMENTS IN THE POST-SOVIET SPACE AS A THREAT OF NATIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY <i>Kravtsov D.N., Chiligin V.V., Tatarkin A.V.</i>	70
OUT OF THE ESTHETIC AS A WAY OF BEING AESTHETICS <i>Ponkratenkova T.V.</i>	75
INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WARS MID. XX - INIT. XXI CENTURY: MANIPULATION OF MASSES IN CONDITIONS OF IDEOLOGICAL CONTRADICTION <i>Kravtsov D.N.</i>	79
THE PROBLEMATIC OF INTERETHNICAL RELATIONS IN THE MIRROW OF SOCIOLINGUISTIC ANALYSES (ON THE MATERIAL OF COMMUNICATIVE LEXIC OF TURKISH) <i>Lustenko A.J.</i>	83
ON THE ROLE OF THE CONCEPT «SOCIAL UNCONSCIOUS» IN THE DIAGNOSIS OF MODERN SOCIAL PROCESSES <i>Yakovenko A.V.</i>	91

TRANSFORMATION OF INFORMATIVE SPACE MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES <i>Kaminska O. V., Atoyana A. V.</i>	96
THE FORMATION OF THE EVOLUTIONARY THEORY: PRIVACY AND CLASSIC OF CONCEPTUAL COOPERATION <i>Popov V.B.</i>	102
SPECIFICS OF HUMANITARIZATION OF EDUCATION IN MEDICAL UNIVERSITY <i>Yusef Yu.V.</i>	110
ANALYSIS OF GLOBAL RATING SYSTEM OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS <i>Gerasimov A.V.</i>	114
HEALTH AS A TECHNOLOGICAL PROCESS: WITH PROFIT AND WITHOUT MORALITY <i>Serikova T.E.</i>	124
THE MAN AND THE SOCIOCULTURAL INDEFINITION TWO POLES OF THE CULTURAL-PHILOSOPHIC DISCOURSE <i>Artemova J.A.</i>	129
USE OF ARCHIVAL INFORMATION IN INSTITUTIONS OF SECONDARY EDUCATION <i>Kaminska O.V., Omelyanenko I.A., Pidchenko S.A.</i>	134
PHILOSOPHICAL METHODOLOGIES OF DEFINITION OF POLYMENTALITY OF MAN: PROBLEM OF METHOD <i>Dolzhenko O.A.</i>	141
THE PRESERVATION OF CULTURAL TRADITIONS A NECESSARY CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIETY <i>Sergeeva N.V.</i>	147
ECONOMIC CULTURE IN THE SPACE OF INFORMATION SOCIETY <i>Tsehmistrenko A.V.</i>	150
INFORMATION TERRORISM AS A NEW KIND OF TERRORIST ACTIVITIES <i>Probeygolova N.V.</i>	155
POLITICAL MEDIATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL DISCOURSE <i>Masur O.G.</i>	159
SOME FEATURES OF MODERN TERRORISM <i>Mihailovskaya O.G.</i>	165
THE NEW TIME EMPIRE: TO THE ISSUE OF THE IMPERIAL DISSENTION OF THE USA <i>Tatarinov I.E.</i>	169
USA IN THE LIGHT OF THE POLITICAL MYTHS OF THE NEW AND MODERN TIMES: AN AXIOLOGICAL ASPECT <i>Pisanyi D.M.</i>	174
THE ROLE OF REFERENDUM AS A FORM OF DIRECT NATIONAL REGION IN THE MODERN DEMOCRATIC SOCIETY <i>Procenko A.V., Krupa K.V.</i>	178
TRENDS OF EDUCATIONAL POLICY IN THE FIELD OF FOREIGN LANGUAGES AS A REFLECTION OF THE SOCIAL ORDER OF A SOCIETY <i>Covtun C. V.</i>	183

KALMIUSKAY PALANKA <i>Simonenko I.V.</i>	187
DONETSKO-KRIVOROZH REPUBLIC: LUGANSK ASPECT <i>Fedorovsky J.R.</i>	191
STATE-CHURCH RELATIONS IN 40-60 YEARS OF XX-th CENTURY <i>Pilipenko Yu.V.</i>	196
GLOBALIZATION AND TERRORISM: CONCEPTUAL ASPECTS <i>Kandaurov B.I.</i>	203
THEORY OF DIRECT AND REPRESENTATIVE DEMOCRACY IN THE ITALIAN POLITICAL THOUGHT <i>Samoilov A.O.</i>	207
THE EMERGENCE OF NEW FEATURES OF THE POLITICAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION PROCESSES Selivanov A.S.	210
ETHNICITY AND POLITICAL CONFLICT: PROBLEM OF CONNECTION <i>Trubchaninov A.D.</i>	216
THE ETHNOSOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE DONBAS IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES <i>Skokov A.S.</i>	221
THE QUESTION OF THE SUPREME NILE AND ITS ROLE IN THE "BATTLE FOR AFRICA" <i>Kharkovskii R.G.</i>	225
ANGLO-FRENCH COLONIAL COMPETITION IN THE NORTH-EASTERN AFRICA AT THE END OF THE XIX CENTURY: "THE WAY TO THE FASHODA" <i>Kharkovskii R.G., Saidov Z.A.</i>	231
MORAL UPBRINGING IN THE OUT-OF-SCHOOL WORK OF THE PIONEER ORGANIZATION IN 1929-1939 <i>Grechishkina E.S.</i>	236
YELLOW PRESS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY <i>Odintsova M. I.</i>	241

Эстетика и философия религии

УДК 316.752'7.046.3

САКРАЛЬНОЕ В РОМАНЕ-МИФЕ А.А.ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Шелюто В.М.

SACRAL IN THE NOVEL-MYTH OF A.A.FADEYEV «THE YOUNG GUARD»

Shelyuto V. M.

Чем больше лет проходит со времён событий Великой Отечественной войны, тем большим числом мифов эти события обрастают. Вследствие этого в культуре постмодерна мифологическая составляющая относительно минувшей войны явно превалирует над исторической. Для понимания значения указанных событий исключительно важно, что представляют собой эти мифы, как они связаны с контекстом истории. В настоящее время мы наблюдаем попытку беспрецедентной фальсификации истории событий минувшей войны, которые ещё четверть века назад воспринимались подавляющим большинством человечества как знаковые и даже сакральные. В статье подчёркивается, что подвиг, героизм и жертвенность молодогвардейцев, которые увековечены на страницах романа А.А.Фадеева, так или иначе, благодаря мифологеме, культивировавшейся в советскую эпоху, продолжают жить в сознании новых поколений. Роман «Молодая гвардия» является одним из программных для советской литературы романов-мифов, оказавшим колоссальное воздействие на формирование сакральных ценностей послевоенной эпохи. Историческая мифологема, положенная в основу самоидентичности населения Донбасса данным произведением, является исключительно важной для настоящего времени, когда народ Донбасса вынужден отвечать на новые «вызовы» истории XXI века.

Ключевые слова: миф, история, роман «Молодая гвардия», сакральное, жертва, подвиг.

С течением времени события Великой Отечественной войны обрастают большим числом мифов. Ведь, по словам В.Высоцкого, те времена стали для нас «почти былинными». Ушли многие непосредственные участники и свидетели событий войны. Исчезла с карты мира огромная страна, являвшаяся безусловным победителем. Утратила свой сакральный характер символика того времени. В современной культуре мифологическая составляющая относительно минувшей войны начинает явно превалировать над исторической

достоверностью. Для сохранения истины о тех великих событиях исключительно важно знать, что по своей сути представляют собой мифы о минувшей войне, в каком отношении они находятся по отношению к исторической реальности. В настоящее время мы наблюдаем беспрецедентную фальсификацию истории, приводящую к извращению глубинной сути тех событий, которые ещё 30-40 лет назад воспринимались почти всем человечеством как знаковые и даже сакральные.

Ещё в 70-е годы XX века, в годы разрядки международной напряжённости, на телевизионных экранах США и стран Западной Европы демонстрировался документальный фильм «Неизвестная война», снятый советскими и американскими кинематографистами. Этот фильм объективно и всесторонне освещал события 1941–1945 гг. В настоящее время само понятие «Великая Отечественная война» практически изъято из употребления не только в европейской и американской историографии, но и в историографии тех стран, которые образовались на постсоветском пространстве после развала СССР. В «свободном мире», к которому причисляют себя страны, входившие ранее в «социалистический лагерь», и страны, получившие государственную независимость вследствие распада СССР, принято говорить исключительно о Второй мировой войне. Причём военные действия англо-американских войск против корпуса Э. Роммеля в Северной Африке зачастую приравниваются по своим масштабам и значению к Сталинградской битве или к битве на Курской дуге. Ниспровергая идеалы, современные историки, делающие постоянные нападки на устоявшуюся концепцию Второй мировой войны, напоминают учеников, которые не столько решают стоящую перед ними задачу объективной оценки событий, сколько подгоняют решение этой задачи к заранее известному ответу,

который определяет в настоящее время текущая политическая конъюнктура.

В настоящее время европейскому обывателю предлагается множество различных концепций альтернативной истории Второй мировой войны, среди которых трудно отыскать истину. Тем самым в культуре постмодерна происходит фактическое разрушение представлений об объективности истины в историческом процессе. В результате манипуляций сознанием возникает «гремучая смесь» идей, верований и мнений, среди которых практически невозможно отыскать истину.

В поисках истины мы обращаемся к литературным произведениям современников событий Великой Отечественной войны, к мемуарам её участников, к материалам, опубликованным в различных периодических изданиях того времени. Мы также обращаемся к тем культурным мифологемам, которые произвела эта война, в частности к «Молодой гвардии».

Миф является важнейшим медиатором сакрального в историческом процессе. Миф о «Молодой гвардии» является одним из наиболее устойчивых мифов, созданных советской эпохой. Он присутствует в современной культуре, несмотря на многочисленные попытки дискредитировать и фальсифицировать историю этой подпольной организации. Для жителей Донбасса сохранение истины мифа о «Молодой гвардии» является исключительно важной задачей. Это связано не только с историей, но и с событиями современности, когда Донбасс снова оказался в «грозном зареве войны».

За данным мифом стоят реальные исторические события, происшедшие в Краснодоне в конце 1942 – начале 1943 года. Деятельность «Молодой гвардии» являлась одним из ярких эпизодов минувшей войны. Публикации относительно «Молодой гвардии» продолжают выходить и в настоящее время в периодической печати. О деятельности этой подпольной организации зачастую распространяются разноречивые сведения, затрудняющие поиск исторической истины. Некоторые авторы, пишущие на данную тему, под предлогом восстановления объективной истины иногда дискредитируют деятельность этой подпольной организации. В то же время исключительное внимание к организации, которая существовала непродолжительное время в небольшом донбасском городе Краснодоне, является наглядным свидетельством глубочайшей «истины культурного мифа» о «Молодой гвардии», сложившегося во второй половине 40-х годов XX века.

Выход знаменитого романа А.А.Фадеева, повествующего о молодых героях-подпольщиках, заложил основу существования культурного мифа в сознании нескольких поколений советских людей. Тема сакрального отчётливо звучит на страницах данного романа. «Молодая гвардия» как

исторический миф, проходя сквозь пространство и время, живёт и побеждает и в XXI веке, как бы и хотелось обратного тем, кто отказался от Великой победы и фактически предал те идеалы, за которые гибли в войне отцы и деды. Тем не менее вследствие исключительной устойчивости мифа о «Молодой гвардии» в культурном измерении он и в настоящее время выступает в качестве той незыблемой истины, которая даёт надежду всему человечеству в сложные и переломные моменты его исторического бытия.

Небольшой город Краснодон, благодаря тому, что именно в нём действовала подпольная организация, а также во многом благодаря известному роману А.А.Фадеева, выступает в качестве своего рода сакрального центра по отношению ко всей территории Донбасса. И в настоящее время посещение музея «Молодой гвардии» в Краснодоне является важным для гражданского и политического воспитания новых поколений. Со времён «Молодой гвардии» название «Краснодон» перестало восприниматься как название одного из обычных городов, которых десятки тысяч на карте страны. О существовании Краснодона благодаря деятельности молодогвардейцев узнал почти весь мир. Слова известной советской песни «Это было в Краснодоне» сразу навевают ассоциации, связанные с событиями, описанными в романе А.А.Фадеева.

В контексте происходящей в современной Украине кампании по «декоммунизации» стремление нынешних украинских властей вернуть городу его историческое название «Сорокино» свидетельствует вовсе не как восстановление исторической справедливости. Под предлогом этого переименования нынешние властители Украины в который раз стремятся «обесмыслить» историю Великой Отечественной войны и подвиг всего советского, в том числе и украинского народа. Ведь прежнее название города Сорокино ничего не говорит современному человеку. Наименование «Краснодон» в каком-то смысле стало сакральным для большинства тех, кто родился и вырос в Советском Союзе, независимо от национальности. Своё исключительное значение среди других городов Краснодон получает в первую очередь по причине того, что именно в нём действовала организация подпольщиков-молодогвардейцев. Поэтому единственная цель переименования данного города заключается в уничтожении исторической и культурно-мифологической памяти об этой организации. Изъятие этих событий из памяти человечества приведёт к глубокой деформации самого смысла культуры XX века, в которой «Молодая гвардия» заняла своё достойное место. Поэтому переименование Краснодона в Сорокино в результате «декоммунизации» по своей сути является не актом восстановления исторической правды, а актом фальсификации истории. Оно есть прямым покушением на

содержательно-смысловую составляющую истории Великой Отечественной войны, а также всей Второй мировой войны. А значит, и на всю историю XX века, в которой данная война являлась главным судьбоносным событием для всего мира. В результате подобного переименования происходит обесмысливание и профанация исторической реальности, ниспровергается историческая правда. Подобные процессы, к сожалению, нередко происходят в постмодернистском контексте современных украинских реалий. Переименование Краснодона в Сорокино способствует разрыву пространственно-временной ткани исторического процесса. Вместо наполненного историческими событиями пространственно-временного континуума в историческом сознании людей возникает зияющая пустота. Забвение собственной истории, также как и забвение культурных мифов, на которых выстраивается мировоззрение данного народа, ведёт к хаосу в мыслях и чувствах. Отсюда произрастают многие негативные тенденции в современной исторической реальности народа, не выучившего «уроков истории». Если народ перестает помнить об «уроках истории», вряд ли у него может быть достойное будущее. Забвение прошлого в конечном счёте приводит народ к историческому беспамятству. В этой ситуации подлинные, «выстраданные» исторические мифы заменяются постмодернистскими симулякрами. Они либо являются малозначимой «шелухой» исторических событий, либо наскоро сфабрикованными фальшивками, в которых в ложном свете выставлены исторические документы. Задача подобных манипуляций сознанием заключается в том, чтобы сформировать у граждан современной Украины стойкое неприятие всего того, что так или иначе было связано с советским периодом истории. В первую очередь это касается героических событий, связанных с Великой Отечественной войной. Ведь день Великой Победы 9 мая 1945 г. и начало 20-х гг. XXI века отделены огромным промежутком времени. Этот промежуток отделяет новое поколение молодёжи от событий Великой Отечественной войны. К этому времени уйдут почти все непосредственные участники войны и её живые свидетели. Останутся только исторические мифы. Какими будут эти мифы – вот в чём вопрос. Будут они нести истину или будут насквозь лживыми? Формирование психологии «Иванов, не помнящих родства», не взыскующих как истины истории, так и «истины мифа», осуществляется с вполне понятной целью, которая заключается в эффективной манипуляции сознанием людей в интересах власть предержащих. Не имея устойчивых жизненных принципов, ясных представлений об исторической реальности и надёжных исторических мифов, поколение постмодерна будет слепо исполнять приказы любой власти. Поэтому даже в случае критического отношения к коммунистической идеологии и

практике строительства социализма в СССР к переименованиям населённых пунктов, а также к сносу памятников советской эпохи следует относиться крайне осторожно. Ведь практически каждая историческая эпоха несёт в себе как негативные, так и позитивные моменты. Поэтому, как и при лечении больного, процесс восстановления исторической истины должен основываться на принципе «Не навреди».

Каждый из героев-молодогвардейцев в романе А.А.Фадеева является личностью. А личность, по словам А.Ф. Лосева, есть миф: «Миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности» [1, с. 97]. Личность означает единство «внешнего» и «внутреннего» человека при доминанте «внутреннего».

Эстетическое восприятие красоты мира Ульяной Громовой ощущается уже в первых строках романа А.А.Фадеева. Несмотря ни на разгорающийся пожар войны, окружающий мир для Ульяны Громовой по-прежнему прекрасен. И в этом смысле он сакрален, ибо побуждает к благоговению перед красотой. Первые слова романа даже заставляют читателя на мгновение подумать о том, что перед нами одна из «тургеневских девушек», которым свойственно обострённое чувство прекрасного. Однако в то же время мы понимаем, что перед нами отважная подпольщица, отдавшая свою жизнь в борьбе за Отчизну. Чисто религиозной возможности постижения сакрального начала у героини романа А.А.Фадеева нет, поскольку она выросла и воспитана в стране, где официальной идеологией является коммунистическая. А эта идеология базируется на материализме и воинствующем атеизме. Однако путь приобщения к сакральным ценностям посредством эстетического восприятия красоты природы и прекрасного в искусстве не закрыт для героини романа и в этом случае. Посредством эстетического восприятия явлений природы и культуры, романтических мечтаний о совершенном обществе будущего, которое, по словам революционера Н.Г.Чернышевского, «светло и прекрасно», герои романа А.А.Фадеева соприкасаются с миром ценностей другого порядка. Герои «Молодой гвардии» не верят в Бога в его религиозном понимании. Однако будучи чистыми душой и сердцем, они обретают свой путь к сакральному началу не только через романтические мечтания, но и через реальный подвиг во имя свободы родной земли, через моральное сопротивление разрастающемуся злу. Ведь в эпоху средневековья подобный путь к сакральному началу выбирали и некоторые русские святые. Это – путь воина, по которому шли к идеалу святости Александр Невский и Дмитрий Донской. Проявлением сакрального начала в душах молодогвардейцев является готовность участников этой организации пожертвовать жизнью во имя высоких целей. В

романе А.А. Фадеева показано, что в «пограничной ситуации» войны происходит глубокая трансформация мировоззрения молодых людей, которые из обычных советских школьников превращаются в подлинных героев.

Так, в какой-то степени «наивный» романтизм Сергея Тюленина в экстремальных условиях войны трансформируется в исключительную смелость и мужество, в готовность претерпеть все пытки и даже пожертвовать своей жизнью за Родину, за своих друзей и единомышленников. Сергей Тюленин, в силу особенностей характера, является неисправимым романтиком. Его идеалами являются герои именно того времени, в котором он живёт. Среди них Валерий Чкалов и челюскинцы, герои, о которых пишут газеты того времени. Сергей считает, что ему повезло жить именно в это «героическое» время, и, «если страна прикажет быть героем», он готов даже отдать свою жизнь за эту страну. Его сокровенная мечта, так же как и многих мальчишек страны Советов, заключается в том, чтобы попасть в школу лётчиков и затем летать на «стальных птицах». Он живёт в тот единственный период истории нашей страны, когда исключительным почётом и уважением пользуются именно люди труда. Именно в 30-е годы XX века подлинными «героями нашего времени» являются шахтёры, трактористы и представители других рабочих профессий, а не «лишние люди», типа Евгения Онегина или Печорина. Каждый советский человек знал в эти годы имена героев труда, таких как Никита Изотов, Алексей Стаханов, Паша Ангелина. Он знал имена всех тех, о ком раньше, да и в настоящее время, не пишут в газетах и книгах. Ведь люди труда, начиная с эпохи перестройки, не в особом почёте у большинства современных литераторов и деятелей искусства. В 30-е годы XX века всё было по-другому. В эти времена утвердилась соответствующая политическая мифология, где именно эта категория людей заняла центральное место на страницах книг, в кинолентах, в произведениях искусства. Это была мифология строителей «Нового мира», превращающая в подлинных героев именно людей труда. Такая мифология способствовала формированию оптимистических взглядов человека на мир и его место в этом мире. Вот почему стихи Ивана Земнухова имеют совсем другую интонацию, нежели пессимистические строки «И скучно, и грустно», написанные М.Ю. Лермонтовым, которого Д.С. Мережковский называл «поэтом сверхчеловечества». Молодому человеку новой эпохи, который живёт в «стране героев, стране мечтателей, стране учёных», жить «и не скучно, и не грустно». Подвиги героев «Молодой гвардии» вдохновлены именно животворным и искренним, может быть, в чём-то наивным оптимизмом советской эпохи, который вселял надежду на построение «светлого будущего». Молодогвардейцы ясно осознают, что «инфернальные» силы «Старого

мира», которые в концентрированном виде олицетворяет фашизм, будут яростно сопротивляться силам «Нового мира». Поскольку «Старый мир» не желает уходить в прошлое, он навязывает человечеству новые войны. Война рассматривается как столкновение двух по своей сути «космических начал», несущих противоположные по направленности сакральные ценности. «Новый мир», за которым стоит «светлое будущее», и «Старый мир», за которым – «тёмное прошлое», с точки зрения коммунистической «эсхатологии», должны сойтись в последней схватке. Итог этой «великой борьбы» уже заранее предreshён самим ходом исторического процесса, подобно тому, как он предreshён в христианской эсхатологии. В этой «великой борьбе» «Новый мир» сокрушит мир старый, так же как, согласно христианскому мировоззрению, Бог в конечном счёте сокрушит силы зла. Трагедия гибели молодогвардейцев, как и другие трагедии в советской литературе, выступает именно как «оптимистическая трагедия». В «великой войне» добра со злом каждый из молодых героев романа А.А. Фадеева занимает своё место в строю.

Героизм молодогвардейцев является важнейшим проявлением сакрального начала в романе А.А. Фадеева «Молодая гвардия». Герой, начиная с древневосточных и античных мифов, а также в эпических произведениях, предстаёт в качестве сакральной фигуры, которая сохраняет мир и не даёт деструктивным силам зла его разрушить. Героизм молодогвардейцев, как свидетельствуют исторические документы, заключался именно в том, что в результате их деятельности гитлеровцы не смогли вывезти из города ни одной тонны угля, не смогли восстановить ни одной шахты. За короткий период своей подпольной деятельности «Молодая гвардия» распространила 5 тыс. антифашистских листовок. Молодогвардейцы вывесили в канун 25-летия Октябрьской революции красные флаги. Такова была символическая защита от сил зла, которые в романе А.А.Фадеева олицетворяет германский фашизм.

Красное знамя, реющее над Краснодоном, является кульминационным моментом романа А.А.Фадеева. Оно является не просто государственным атрибутом одной из стран мира, пусть даже «шестой части мира». Это знамя борьбы против человеконенавистнической идеологии фашизма. Символика цвета государственного флага изначально восходит к религиозному канону. В строго упорядоченной христианской церковью иерархии цветов «Красный – цвет пламенности, огня (как карающего, так и такого, который очищает). Это цвет животворного тепла и, следовательно, символ жизни» [2, с. 47]. Красное знамя над Краснодоном обладает сакральной энергией, заряжающей жителей города на борьбу с фашизмом. Ведь «красный цвет представляет собой цвет страсти и борьбы, цвет огненной стихии. Он

противостоит серому и чёрному цветам, символизирующим землю и смерть». Несмотря на развал Советского Союза, и в настоящее время невозможно представить себе празднование Дня победы, да и саму историю Великой Отечественной войны без красного Знамени Победы, развевающегося над рейхстагом. Символика этого знамени тесно связана с государственным флагом СССР, где красный цвет олицетворяет могущество, прорыв, волю к победе, достижение поставленных целей и кровь, пролитую за свободу народов.

Вывешенное в центре Краснодона красное знамя является наиболее яркой манифестацией сакрального в романе-мифе А.А. Фадеева. Эта манифестация нацелена именно на то, чтобы сохранить в сознании населения города целостный образ Советской страны, показать её исключительную значимость для всей истории человечества. В сознании молодогвардейцев советская страна по-прежнему существует, несмотря на то, что их родной город оккупирован фашистами. Красное знамя, реющее на башне, обладает глубиной экзистенциальной характеристикой, поскольку оно переживается каждым жителем города. Подобные переживания символики Советского государства человеком «Нового мира» с высокой художественной и гражданской силой выразил также В.В. Маяковский в «Стихах о советском паспорте».

Смысл государственного символа нельзя понять только усилием рациональной мысли. В него необходимо «вжиться», ощутить всей душой его значимость и смысл. Глубинный смысл государственного символа усваивается не столько на рациональном уровне, сколько на уровне «коллективного бессознательного». Он взывает к архетипам, к глубоким бессознательным слоям психики человека. К государственному символу можно относиться как позитивно, так и негативно. Это особенно ощущается в переломные моменты истории той или иной страны, когда общество переживает раскол или войну. Государственный символ, который является объектом почитания для одних, для других становится объектом ненависти и глумления. Однако в обществе, пребывающем в состоянии конфликта, государственный символ никого не оставляет равнодушным.

К числу подвигов молодогвардейцев относится также уничтожение вражеских машин с солдатами, боеприпасами и горючим, освобождение из фашистского концлагеря советских военнопленных, поджог биржи труда, где хранились списки людей для вывоза в Германию.

Молодогвардейцы также ставили перед собой задачу поднять вооружённое восстание в Краснодоне, чтобы выступить навстречу подходящим к городу отрядам Красной Армии. Поэтому «Молодая гвардия» изначально не могла и не ставила перед собой задачу стать тщательно законспирированной, «тайной организацией». Об

этом противоречии в деятельности молодёжной подпольной организации говорит А.А.Фадеев: «Организация росла и не могла не расти, потому что она развивала свою деятельность. В конце концов, она к этому была призвана. Правда, ребята чувствовали, что стали как-то заметней, по сравнению с тем временем, когда начали свою деятельность» [3, с. 640]. В силу этого противоречия молодогвардейцы не могли предпринять что-либо надёжное в плане конспирации. Никто из них даже не знал азбуки Морзе, никто не был готов на случай ареста. О неподготовленности «Молодой гвардии» к конспиративной деятельности наглядно свидетельствует разговор Филиппа Лютикова и Олега Кошевого. А.А.Фадеев всячески подчёркивает глубокое противоречие в самом существовании «Молодой гвардии», которое неизбежно вело к аресту её участников. Ведь молодогвардейцы, с одной стороны, стремились поднять весь народ на борьбу с фашистами, но, с другой стороны, они могли осуществлять свою деятельность исключительно как конспиративная и подпольная организация.

Сакральное начало выражено в романе А.А.Фадеева также в речевом ритуале клятвы, которую дают молодогвардейцы. Клятва представляет собой ритуальный договор, имеющий целью освятить слово, дать подтверждение его истинности со стороны свидетелей. Молодогвардейцы, «перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом родной многострадальной земли, перед лицом всего народа», торжественно клянутся: «беспрекословно выполнять любые задания организации; хранить в глубочайшей тайне всё, что касается работы в «Молодой гвардии». Они клянутся «мстить беспощадно за сожжённые, разорённые города и сёла, за кровь наших людей, за мученическую смерть героев-шахтёров». Они готовы «для этой мести отдать без минуты колебаний жизнь». Нарушение клятвы несёт за собой суровое наказание. Поэтому каждый молодогвардеец произносит следующие слова: «Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть моё имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь, смерть за смерть» [3, с. 499]. Клятва молодогвардейцев является сакральным ритуалом, благодаря которому происходит глубокая трансформация их сознания, своего рода инициация. Принятие клятвы подготовлено всем их предшествующим жизненным опытом, их воспитанием в духе борьбы. В то же время принятие клятвы способствует качественному обновлению личности. Именно в момент клятвы

молодогвардейцы из обычных молодых людей со всеми слабостями и недостатками превращаются в настоящих борцов за свободу, антифашистов, воинов, которые готовы отдать за Родину свою жизнь. Об этом «преображении» сознания пишет А.А. Фадеев: «Ещё вчера они были просто школьные товарищи, беспечные и озорные, и вот с того дня, когда они дали клятву, каждый из них словно простился с собой прежним. Они словно разорвали прежнюю безответственную дружескую связь, чтобы вступить в новую, более высокую связь – дружбы по общности мысли, дружбы по организации, дружбы по крови, которую каждый поклялся пролить во имя освобождения родной земли» [3, с. 538]. Сами слова клятвы свидетельствуют о беззаветной преданности молодогвардейцев своим идеалам. Клятва преимущественно связана с языческим типом сакрального. Об этом свидетельствует, в частности, словарь В. Даля. Согласно данному словарю такие речевые ритуалы, как заклятие, проклятие и клятва, имеют общие черты. Данные речевые ритуалы издавна были присущи именно языческой культуре и не были свойственны для христианской религии. С точки зрения христианства, клятва оценивается скорее негативно, нежели позитивно, поэтому лучше не клясться вообще. О негативной оценке клятвы с христианских позиций свидетельствуют приведённые в «Толковом словаре» В. Даля значения слова «клясть» – «проклинать, анафемить; ругать, бранить; желать кому-то зла, ненавидеть кого-либо» [4, с. 124]. Если в отношении молитвы в религиозной традиции христианства всегда подчёркивается её благотворный характер в отношении личности, то относительно клятвы в христианской традиции явно доминирует негативная оценка.

Клятва является важнейшим обрядом инициации, когда человек умирает для прежней жизни и одновременно возрождается для жизни новой. Это преобразование личности может быть связано с изменением собственного имени. Принимая другое имя, человек как бы принимает на себя и другую жизнь. Так, Олег Кошевой становится не Олегом, а Кашуком. Такова была фамилия его отчима, в молодости известного на Украине партизана. Именно взяв эту фамилию в качестве подпольной клички, Олег Кошевой подчёркивает преемственность поколений. По словам А.А. Фадеева: «С ней у него связаны были первые героические представления о партизанской борьбе, и всё то мужественное воспитание – с работой на

поле, охотой, лошадьми, челнами на Днестре, – которое дал ему отчим» [3, с.538].

Выводы. Таким образом, в романе А.А.Фадеева тема «Молодой гвардии» раскрыта не только в историческом, но и в мифологическом аспекте. Сакральное в данном романе предстаёт перед нами как конфликт героизма и предательства. Она проявляется в теме жертвенности. Истина мифа о «Молодой гвардии» тесно связана с исторической правдой деятельности этой организации. Для политической идеологии советского государства молодогвардейцы предстают как своего рода святые, жертвовавшие своей жизнью во имя Родины. Они не являются страстотерпцами, поскольку идут на смерть сознательно. Она является результатом их свободного выбора. Сакрализация жертвы имеет исключительную значимость не только для религии, но и для политической идеологии. Это происходит потому, что политическая идеология, хотя и принадлежит к мирской среде, тем не менее сохраняет в себе отдельные элементы религиозного деления мира на сакральное и профанное. Идеологи европейского человечества, в противовес религиозным учителям, пытались отыскать в истории общества именно те ценности, которые смогли бы заменить религиозную идею. К числу таких ценностей, безусловно, относилась и жертвенность. В политических идеологиях XX столетия в зашифрованной форме присутствуют отдельные элементы не только языческих религиозно-мифологических представлений, но и христианского мировоззрения. Сакральная жертва всегда имеет исключительное значение в процессе формирования той или иной политической общности людей и оказывает существенное воздействие на динамику её развития. Жертвенность молодогвардейцев сыграла исключительно важную роль в процессе формирования таких качеств человека, как патриотизм и любовь к Родине. Вплоть до настоящего времени подвиг и жертвенность молодогвардейцев сохранили исключительную значимость для населения Донбасса, столкнувшегося в XXI веке с новыми «вызовами» истории.

Литература

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Алексей Фёдорович Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 560 с. – (Философское наследие, т.130).
2. Кривцун О.А. Эстетика / О.А. Кривцун. – М.: Аспект Пресс 2001. – 447 с.
3. Фадеев А. Разгром. Молодая гвардия// Александр Фадеев. – М.: Худ. лит-ра, 1971.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Даль. – М.: Рус. яз., 1981– Т. 2 : И–О. – 1981. – 779 с.

References

1. Losev A.F. Dialektika mifa / Aleksey Fedorovich Losev. – М.: Mysl. 2001. – 560 s. – (Filosofskoye naslediyе. t.130).
2. Krivtsun O.A. Estetika / O.A. Krivtsun. – М.: Aspekt Press 2001. – 447 s.
3. Fadeyev A. Razgrom. Molodaya gvardiya// Aleksandr Fadeyev. – М: Khud. lit-ra. 1971.
4. Dal V.I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka / Vladimir Dal. – М.: Rus. yaz.. 1981– Т. 2 : I–O. – 1981. – 779 s.

Shelyuto V.M.

SACRAL IN THE NOVEL-MYTH OF A.A.FADEYEV «THE YOUNG GUARD»

The more years have passed since the events of the Great Patriotic war, the more these events have grown into myths. Consequently, in the postmodern culture a mythological constituent related to the past war prevails obviously over historical one. It is exceptionally important for understanding of these events significance to understand the essence of these myths and their relation to the context of history. Nowadays we witness an attempt of unprecedented falsification of history of the past war events, which were perceived by overwhelming majority of people as landmark and even sacralevents only a quarter of a century ago. It is pointed out in the article, that exploit, heroism and sacrifice of the Young Guard which are eternalized on the pages of novel of A.A.Fadeyev, in one way

or another, due to mythologem, cultivated in the Soviet epoch, continue to live in the consciousness of new generations. The novel «The Young Guard» is one of the school curriculum novel-myths of the Soviet literature, which had a tremendous impact on the formation of sacral values of the post-war epoch. Historical mythologem fixed as the basis of self-identity of Donbas population by this work is exceptionally important for the present time, when the people of Donbas is forced to respond to new challenges of the XXIth century history.

Key words: myth, history, novel the «Young guard», sacral, sacrifice, feat

Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии, директор института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Shelyuto Vladimir Mikhaylovich – Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of World Philosophy and Theology, Director of Institute of Philosophy and Social and Political Sciences of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля, г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК 130.2:17.03.36

ДУХОВНАЯ ОПАСНОСТЬ «НОВОЙ ДУХОВНОСТИ»

Исаев В.Д.

THE SPIRITUAL DANGER OF A «NEW SPIRITUALITY»

Isaev V.D.

В работе охарактеризованы признаки культурной опасности, которая угрожает современному миру в результате его чисто цивилизационной деятельности во всех сферах бытия. Наибольшая опасность угрожает человеку в духовной сфере, когда она мимикрирует под видом «новой духовности». Обозначены все признаки этой опасности в области культуры – «новой духовности», показаны механизмы ее внедрения во внутренний мир человека и способы противостояния этой опасности в современном мире.

Ключевые слова: духовность, культура, квазикальтура, квазичивилизация, церковь, традиция, современность.

Введение. Слово «новое» как корневое слово многих смыслов – от слова «революция» до «современный», «креативный» и «прогрессивный» – всего словаря дают свыше 130 синонимов – используется сегодня довольно часто и, как видим, во многих значениях. Значительно меньше к этому слову антонимов, обратим внимание хотя бы на такие, как «устаревший» и «традиционный».

Основная часть. Новое как характеристика желаемой и получаемой нами реальности таит в себе множество опасностей. Э. Кац и Э. Бронсон в работе ««Властелин колец» как философия» (2005) очень глубоко и красочно описали одну из таких опасностей, когда на основе новых технологий «с помощью одного только скоростного репликатора любой человек сможет произвести достаточно энергии, чтобы уничтожить все, что он пожелает» [см. 8]. Поэтому необходимо все слова-термины, как новые, так и старые, которые относятся к современному порождению нового и безудержной погоней за ним, употреблять чрезвычайно обдуманно, поскольку наши слова часто превращаются в цели, цели – в результаты, а результаты еще чаще непредсказуемы, и угрожающе опасны в своей непредсказуемости. Как теперь ясно, власть языка и дискурсов безгранична и небезопасна. Не случайно появилась статья директора Русской экспертной школы, преподавателя МГИМО, канд. филос. наук Василия Щипкова «Современность между смертью и

традицией», в которой он показывает, что понятие «современность» является не только хронологическим, но и идеологическим [см. 7]. Мы исходим из того, что все понятия и термины с их императивными дискурсами всегда имеют двойной смысл, так как они (смыслы) имеют два разных и различных основания, и поэтому разную направленность императивности. Эти два основания – цивилизация и культура – как две стороны жизненных обстоятельств каждого человека и каждого социума. Под культурой мы понимаем пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с альтруизм-центром «мы», обслуживаемым цивилизацией, который разворачивается в логике вечности. Тогда как пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с эгоцентром «я», обслуживаемым техникой и технологией и разворачивающийся в соответствии с логикой истории, мы называем цивилизацией. Если исходить из такого двусоставного представления о социуме, то станет сразу ясным, что, например, «новое» или «современное» в пространстве культуры и в пространстве цивилизации будут иметь разный смысл и разную интенциональность. В цивилизационном пространстве «современный» как раз и выступает как идеологическое образование, как цель сделать что-либо так, чтобы оно сделало меня хоть на минуту современным. Выделись, выдели свое «Я» из ряда вон – и ты станешь современным, хотя такая современность на самом деле есть лишь ее подобие, а за минутную славу человек, вышедший из ряда вон, расплачивается своей душой, с которой он вольно или невольно покидает поля культуры ради цивилизации с ее эгоцентризмом. Такая душа как раз и нарушает «правила техники духовной безопасности»: она становится слепой, не способной видеть Другого. Сегодня проблема безопасности – это прежде всего проблема духовной безопасности. Эта проблема возникает в облике «новой духовности», суть которой создается в рамках цивилизационного пространства, в котором нет места традиции, где культура заменена «якобы-культурой»,

квазикультурой. В такой квазикультуре вроде бы все как в культуре – есть и театр, и музыка, и религия, мораль – только все направлено на эго, на оправдание борьбы, конкуренции и любовь к себе любимому. Г.С. Батищев еще в 1991 году предупреждал о «своемирии» как антипода «мирности» с его «друго-доминантностью», когда своемирие отождествляется с прогрессом и своеволием человека и рождает как раз опасности последствий для человека его «плодотворной деятельности» [1]. Цивилизация требует, чтобы душа не сливалась с христианским преданием и с православной традицией. Вот катехизис «новой духовности», которая сегодня претендует на кодекс цивилизации: «Признать, что некоторые из наших прежних представлений о Боге и Жизни больше не работают».

Допустить возможность, что мы не до конца понимаем, что такое Бог и что такое Жизнь, и что, если мы поймём это, всё изменится.

Объявить, что мы готовы к появлению новых представлений о Боге и Жизни, которые могут изменить образ жизни на нашей планете.

Смело исследовать эти новые представления и, если они будут созвучны нашей внутренней истине и мудрости, сделать их частью своего мировоззрения.

Жить так, чтобы воплощать наши самые великие и возвышенные убеждения, а не отрицать их» [5]. Обратим внимание на подчеркнутые нами пункты – это, по сути, отрицание всего традиционного, освящение возможности игнорировать всю культуру, основанную на христианских идеалах. Как видим, – это ни что иное, как квазидуховность без православия, без Христа, без русской культуры.

Общепризнанным и являющимся сегодня воплощением банальности трюизмом есть утверждение о том, что мы живем в постатеистическую эпоху. Однако дальше этого утверждения общепризнанность заканчивается, и начинаются совершенно разные способы толкования этой всеобщей для постсоветского пространства данности.

Во-первых, в каждой из стран, образовавшихся на месте Советского Союза, постатеизм протекает в совершенно разных формах: одно дело в странах Прибалтики, другое – в среднеазиатских республиках и третье – в славянских.

Во-вторых, в каждой из этих стран по-разному происходит возврат к религиозному сознанию. Либо как возврат к традиционным религиям, либо как возврат к религиозным ценностям христианского, нехристианского, языческого или неязыческого толка, одним словом, – возврат к «новой» духовности.

В-третьих, нельзя не учитывать процессов формирования того, что Михаил Эпштейн называет «бедной религией» [8] – религией вообще, стремлением найти или восстановить связь с

единым Богом без церкви и религиозных традиционных способов – религией, которая могла возникнуть только на руинах тоталитарно атеистического общества как ответ на потребность в вере, возникшей на развалинах такого общества, т.е. на развалинах его системы атеистических ценностей. Бедная религия и есть еще одна и самая опасная форма «новой» духовности, в которой бедной на самом деле оказывается искаженная цивилизацией душа. Душа, лишенная иммунитета к бациллам духовной опасности. Иммунитета, который вырабатывается (воспитывается) в культуре.

Ясно, что такое положение вещей в духовной сфере общества порождает условия для появления многих культур. Совсем недавно формула поликультурности стала идеологией европеизма. В действительности это означает, что современный постатеистический социум беременен множеством квазикультур.

Положение усложняется тем обстоятельством, что в практической эстетике – литературе и искусстве, в гуманитарной сфере общественного бытия и в самой гуманитарной науке на постсоветском и, в общемировых масштабах, постбиополярном мире происходят процессы, ведущие к качественным изменениям во всех указанных областях культуры и цивилизации.

Закончилась эпоха постмодернизма. Что же дальше?

На место эпохи постмодернизма не приходит никакое оформленное или оформляющее гуманитарные устремления социума течение. Появляются творческие импульсы в гуманитарных сферах, питающиеся энергией отрицания – творчество отрицания: антиамериканизм и атиглобализация, антикоммунизм и антисталинизм, антиросиянизм и антихристианизм – и так до бесконечности. Все имеет основу цивилизационную с энергией разрушения и «своемирия». Не случайно господствует в умах сегодняшних интеллектуалов аналитическая философия – все под нож анализа. Парадигмы синтезов безнадежно устарели, а их надобность стала весьма и весьма сомнительной. Естественное, что эти обстоятельства так же порождают свою эстетику в новой квазидуховности – квазикультурность квазибытия.

Еще одним важным обстоятельством, влияющим на появление новых потребностей в иных, нетрадиционных отношениях (нетрадиционность сегодня освящена эпитетами «новый», «демократичный», «прогрессивный») является установление прочных взаимозависимостей в характеризуемом нами постмодернистском мире между философским и политическим выбором целей, средств тактик и стратегий мышления и действия.

В стороне от этих релятивистских ветров и антитрадиций стоит культура традиции, которая сохраняет человеческие чувства и идеалы. Этот

редут изменившиеся обстоятельства взять пока не могут. Результат достигается движением в обход, с тыла: когда появляется формальная религиозность, бедная религия и новая духовность как ценность, как единственно возможный и правильный сегодня образ жизни с его основными чертами:

- спаянность материального, организационного и духовного (последнее лишь в контексте характеризуемых обстоятельств);

- придание сакральности материальным и духовным сторонам коммуникации;

- перевод личного в публичное путем утраты стыда, приличия и ощущения прекрасного;

- соотнесение материального с духовным, гуманитарного и природного сакрального и проданного путем их конгломерации на основе критериев прагматичности;

- отход от логики и горизонтов вечности в практику жизненной конкретики, повседневности, трансформации с помощью эстетических средств жизни в бесконечный праздник, но праздник банальности.

Без труда можно угадать, что все перечисленное сегодня наиболее характерно для США. Интегрируется такая эстетика в поддержании первозданной разомкнутости духа, в творчестве, направленном на вечное техническое усовершенствование ради самого состояния инновационности, что, как заметил Хайдеггер, знаменует затмение бытия («Революционность техники знаменует затмение бытия») [6].

В итоге эстетика света, которая составляет сущность религиозных эстетических чувств, сменяется эстетикой тьмы. Тьма реализуется во всеобщей разомкнутости человеческого в человеке, человеческого в его отношениях с миром, когда на основе такой разомкнутости и онтологической оксюмеризации бытия путем обожествления безбожного понятия подменяют бытие.

Уверовавший взрослый человек, сложившийся, но явивший для себя новый нравственный закон и поначалу вполне загоревшийся этим новым нравственным законом и желанием следовать за Христом, в какой-то момент может пожалеть о том, что он утратил. «Такая жизнь была интересная и яркая, в том числе и какие грехи, пусть они грехи, зато какие яркие, небанальные, сколько красок они добавляли повседневности!»

Вот это оборачивание назад, в смысле принятия заново тех ориентиров и ценностей, которыми человек руководствовался до сознательного воцерковления, – такой путь и есть путь в «новую духовность». Никто из нас уже не может вернуться в состояние до Крещения или до обретения веры. Не случайно же мы говорим: «Верую во едино Крещение во оставление грехов».

Крещеный человек, как бы он ни грешил и что бы он ни делал, не может стать некрещеным. В сущности, он уже находится во взаимосвязи с Тем, от Кого он это Крещение принял. Он может

восстать, своими грехами замутишь душу до крайности, но он не может стать некрещеным. Тот, кто однажды стал христианином, не может впасть в «невинное» состояние тех людей, которые с христианством глубоко не соприкоснулись [подробнее см. 3].

Языческий и атеистический мир вокруг – это одно. А человек, который стал христианином, а потом раздумал им быть, – это качественно другое состояние.

Вовсе не христианин, но тонкий наблюдатель за человеком Фридрих Ницше в свое время точно сказал: «Сладкая стрела христианства дрожит в сердце каждого из нас». Духовность – средоточие всей жизни внутреннего человека, средоточие его душевной энергии. Опасность подмены духовности на новую, модную – главная сегодня опасность: утратить своего внутреннего человека и расчеловечиться в мире культуры и в мире цивилизации.

Выводы. Духовно-нравственная безопасность представляет собой состояние личности, общества и власти, обеспечивающее их нормальное взаимоувязанное существование и функционирование, а также созидательное культурно-цивилизационное развитие сложившегося или складывающегося образа жизни на основе развивающегося русского мира. Выход за рамки этой нормы ведет к распаду общества как целостной системы в связи с разрушением структурирующих его духовно-нравственных оснований.

Литература

1. Батищев С.Г. Размышление об истоках и условия человеческой плодотворности / С.Г.Батищев // «Наше наследие», – 1991, №V.
2. Кац. Э., Бронсон Э. «Властелин колец» как философия / Э.Кац, Э.Бронсон. – М.: 2005. Издательство: У-Фактория. – 297 с.
3. Козлов Максим. Я против «новой духовности» / Протоиерей Максим Козлов: RELIGARE («РЕЛИГИЯ и СМИ»), religare.ru постоянный URL текста: http://www.religare.ru/2_80207.html
4. Малявин В.В. Загадка бессмертия в древнем даосизме. Постоянный URL: <http://www.sredotochie.ru/zagadka-bessmertiya-v-drevnem-daosizme/>
5. Постоянный URL: <http://5dreal.com/2011/07/10/новая-духовность-мы-не-пытаемся-создать-новую-религию/>
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
7. Щипков Василий / Василий Щипков / Современность между смертью и традицией. // Постоянный URL: http://www.religare.ru/2_113690.html
8. Эпштейн Михаил / Михаил Эпштейн // Постатеизм, или Бедная религия / Михаил Эпштейн // «Октябрь» 1996, №9. Постоянный URL: <http://magazines.russ.ru/october/1996/9/epsh.htm>

References

1. Batischev S.G. Razmyishlenie ob istokah i uslovii chelovecheskoy plodotvornosti / S.G.Batischev // «Nashe nasledie», – 1991, №V.

2. Kats. E. , Bronson E. «Vlastelin kolets» kak filosofiya./ E.Kats, E.Bronson/ M.: 2005. Izdatelstvo: U-Faktoriya, 297 s.

3. Kozlov Maksim. Ya protiv «novoy duhovnosti» /Protoierey Maksim Kozlov:/ RELIGARE («RELIGIYA i SMI») , religare.ru postoyannyiy URL teksta: http://www.religare.ru/2_80207.html

4. Malyavin V. V. Zagadka bessmertiya v drevnem daosizme. Postoyannyiy URL: <http://www.sredotochie.ru/zagadka-bessmertiya-v-drevnem-daosizme/>

5. Postoyannyiy URL: <http://5dreal.com/2011/07/10/novaya-duhovnost-myi-ne-pyitaemsa-sozdat-novuyu-religiyu/>

6. Haydegger M. Vopros o tehnikе / M. Haydegger // Vremya i byitie. Stati i vyistURLeniya. M.: Respublika, 1993. – 447 s.

7. Schipkov Vasiliy / Vasiliy Schipkov/ Sovremennost mezhdu smertyu i traditsiy. // Postoyannyiy URL: http://www.religare.ru/2_113690.html

8. Epshteyn Mihail /Mihail Epshteyn/ . Postateizm, ili Bednaya religiya/ Mihail Epshteyn // «Oktyabr» 1996, №9. Postoyannyiy URL: <http://magazines.russ.ru/october/1996/9/epsh.htm>

Isaev V.D.

THE SPIRITUAL DANGER OF A «NEW SPIRITUALITY»

In the paper, signs of a cultural danger that threatens the modern world as a result of its purely civilizational activity in all spheres of life are characterized. The greatest danger threatens man in the spiritual sphere, when she mimics under the guise of a «new spirituality». All signs of this danger in the field of culture – «new spirituality» are indicated, the mechanisms of its introduction into the inner world of man and ways of confronting this danger in the modern world are shown.

Key words: spirituality, culture, quasi-culture, quasi-civilization, church, tradition, modernity.

Исаев Владимир Данилович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Isaev Vladimir Danilovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of World Philosophy and Theology, LNR, Luhansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: vd.isaev@gmail.com

Рецензент: *Лустенко Андрей Юрьевич* – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК: 24:130.2

СЖИГАЯ СОВЕСТЬ: ТРАГЕДИЯ ДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ

Пономарев А.В.

BURNING CONSCIENCE: THE TRAGEDY OF SPIRITUALITY AND PERSONAL LIFE

Ponomarev A.V.

Рассматривая проблему возникновения и утери совести, в статье показаны механизмы цивилизации и культуры, которые формируют высокие или же низменные моральные качества у современного человека в зависимости от того, в каком социальном пространстве находится его личность – в цивилизации, квазицивилизации, культуре или же в квазикультуре.

Ключевые слова: культура, цивилизация, человек, квазикультура, совесть, расчеловечивание.

Введение. Проблема формирования совести как важнейшего свойства человеческой личности почти не освещена в литературе с точки зрения того, в каком социальном пространстве формируется совесть и как и при каких условиях человек ее теряет.

Гегель в «Феноменологии духа» [2], рассказывая о путешествиях человеческого духа как Духа вообще, по сути, имплицитно изложил закон становления и развития всякой системы в ходе ее самостроительства и самопознания (цивилизация и культура, вместе со своими «квази» составляют именно единую такую систему – социум). У Гегеля речь идет о принципе, согласно которому всякое нарушение системности на пути становления духа (редукция системы к одному из элементов, ускорение развития «выпрямления» или «перепрыгивание» через некоторые этапы) сразу искажает само развитие: истина становится ложью, система выворачивается наизнанку, человек живет в событиях неадекватного ему мира, пространство цивилизации и культуры оборачивается пространством квазикультуры и квазицивилизации. Это происходит, очевидно, всегда, когда субъективная воля навязывается объективному ходу вещей, когда она подменяет волю объективную, когда человек, реализуя божественный дар свободы, пытается изменить замысел о нем Творца. Этот принцип, или, если хотите, закон, оказывается довольно конструктивным и эвристичным для такого специфического вида деятельности, которым является преодоление трагедии личностного бытия

человека на пути из цивилизации в культуру. Именно здесь чаще всего появляется соблазн навязать объективному ходу вещей субъективную волю. Тенденция к технологизации, а теперь уже – цифровизации-виртуализации всего – от создания книг и фильмов до действий педагога и воспитателя – приобрела в последнее время характер эпидемии во что бы то ни стало «спрямить путь», перепрыгнуть ступени «Лестницы», чтобы быстрее и эффективнее достичь желаемого результата.

Цивилизация – это пространство, вне которого человек, конечно, не может жить, но зато и не может понять, что цивилизация – это лишь поле пользы и соблазнов, которые и побуждают его и торопиться жить, и торопиться чувствовать. В понимании категорий и диалектики цивилизации и культуры мы исходим из теории проф. В.Д. Исаева: «культура – это пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с альтруизм-центром «мы», обслуживаемым цивилизацией и разворачивающийся в логике вечности. Тогда как пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с егоцентром «я», обслуживаемым техникой и технологией и разворачивающийся в соответствии с логикой истории, есть цивилизация» [3, с. 13-22]. Это-то и не дает возможности личности понять простую истину: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит» (Мф. 16:26). Логика этих слов человеку цивилизации недоступна. Она доступна человеку культуры, но культура лишена соблазнов сиюминутной пользы по принципу «нет-нет-нет! Мы хотим сегодня!» Для логики цивилизации завтра – только средство получить еще больше удовольствия.

Цивилизация и культура, квазицивилизация и квазикультура в своей сущности могут быть определены через их центр – системообразующую ось, вокруг которой строится каждое из этих жизненных пространств личности. Для цивилизации – это **вещь и егос**, для культуры – это **Бог и комунитас**, для квазикультуры – это **гуманизм в**

отсутствии Бога и удовольствия, для квазицивилизации – это **комфорт в отсутствии совести**. Все эти четыре пространства скрепляет воедино каждый человек своей жизнью, практическими действиями, своим умом и словами. Жизненный дискомфорт, в том числе и когнитивный диссонанс, наступает, когда цивилизационная и культурная сторона личностного бытия разламываются стремящуюся к обретению гармонии жизнь человека на светлую и темную стороны. Это и есть определяющее трагичность нашего бытия обстоятельство разлома, **несогласованности в человеке и обществе ритмов цивилизации и культуры**. В этих обстоятельствах – часто не до разговоров с людьми по поводу истины, чести и совести. Именно тогда человек чаще всего обращается к Богу.

Для разговоров с Богом нужны другие обстоятельства: когда «ночь темна, пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит!» А где же эта самая «пустыня»(?!), если все свое жизненное пространство человек, поддавшись цивилизационным соблазнам, уже успел заполнить массой вещей?! Ответ имеется: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал» (Мф. 4: 1–2). Об искушении Христа в пустыне блаженный Феофилакт пишет: «Отводится же именно в пустыню, чтобы показать нам, что диавол искушает нас тогда, когда видит, что мы одни и без помощи других. Поэтому нам не должно оставаться без совета и полагаться только на себя» [6, с. 55–56]. Христос не учил нас молиться «Отче мой», а, напротив, – «Отче наш». Отче наш (!) – для того, чтобы мы всегда чувствовали соборную ответственность друг за друга. Не отрекались и не отказывались друг от друга, а, напротив, как и сказано в Писании: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6: 2). Ясно, что соборность можно осуществить лишь в пространстве культуры. Цивилизация и культура в истории идут параллельно, но в жизни каждого конкретного человека и каждого конкретного социума они то сходятся, то расходятся; и как только усиливается разрыв между цивилизацией и культурой в реальном жизненном пространстве личности, так снова и снова для человека обостряется проблема трагичности бытия и одновременно остро ощущается потребность в неклассической логике, потому что классическая логика, даже диалектическая, – это логика синтеза. А цивилизация и культура не поддаются механическому синтезированию. В этом случае они сразу превращаются в квазикаультуру и в квазидецивилизацию. Нужны новые пути, на которых переход для человека из цивилизации в культуру и наоборот не оборачивался бы потерей самого себя, чтобы в этих переходах человек оставался сам собой: оставался бы одновременно и профессионалом, и интеллигентом. Это

обстоятельство очень важно. Логика повседневных поступков такова, что она просто становится частью нашей жизни. Но, став такой, она теряет способность быть другой. Трагедия Гамлета – это трагедия духа в его погружении в бытие человека, когда он при этом остается самим собой, и связывает цепь разорвавшегося времени. Это трагедия личности, которая пытается, одновременно оставаясь собой, быть и сыном любимого отца, и сыном предавшей его матери; быть и принцем, и влюбленным. И логика, которую выбирает Гамлет, приводит к тому, что он, двигаясь от культуры в цивилизацию, перестает быть сыном, затем принцем, затем влюбленным и в конце концов становится для цивилизации сумасшедшим. Сама логика горя от ума, эта «безумная логика», на самом деле оказывается эффективной логикой сочетания цивилизации и культуры сохранением и себя, и цивилизации, и культуры, лишь при одном, но важнейшем условии: ты должен для себя соблазны и прилоги цивилизации превратить в пустыню. Одним из нормальных состояний для ума человека культуры является его постоянная саморефлексия, в основе которой находится осмысления бытия как источника трагической самореализации. Конечно, сегодня модно говорить о культуре. Модно тем, что в сегодняшних социальных обстоятельствах, которые лишены культуры, хочется сохранять культуру хотя бы в виде одежды.

Сегодня, разочаровавшись во многих цивилизационных проектах и ни разу не приступив по-настоящему к проектам духовно-культурным, под влиянием постмодернистских философских интенций стали винить во всем ум человека. Вот типичное мнение этих настроений: «Человек как машина, производящая и удовлетворяющая желание, пришла на смену человеку разумному» [1]. Конечно, дело не в наличии человека с испорченным умом и не в покорении ума желанию. Дело в том, **каким** желаниям подчиняется ум и **какого** человека этот ум? – Свт. Иоанн Златоуст писал: «Бог даровал нам разум для того, чтобы человек познавал и принимал сообщаемое, а не для того, чтобы он считал себя достаточным для себя». Действительно, очевидно, следует, стремясь в культуру, прислушиваться к своему духовному разуму и стараться игнорировать нашептывания разума плотского, как его называл Игнатий Брянчанинов.

Тьма реализуется во всеобщем размыкании человеческого в человеке, человеческого в его отношениях с миром, когда на основе такого размыкания происходит онтологическая оксюмеризация бытия, когда, как писал философ и поэт Георгий Иванов, «Еще молитву повторяют губы, а ум уже считает барыши». Это и есть истинное безбожие! Именно такое понимание безбожия и, следовательно, такое же искаженное понимание обожения является естественным пониманием красоты для оксюмерированного

сознания, когда освященное цивилизационными (политическими) интересами понятие подменяет реальность бытия. Жизнь истоптанную и превращенную в пустыню повседневности, и пыль (именно пыль!) этой повседневности воспринимает соблазненное барышами сознание как прекрасное, как саму настоящую жизнь. Человек, который добивается славы в цивилизации, становится более восприимчивым к логике цивилизации и – глухим и слепым к логике культуры. Более того, человек, находящийся в плену цивилизации, воспринимает ее императивы как собственную мотивацию и теряет способность вообще общения с культурой. Цивилизация не может во всей полноте реализовать свою логику: люди с такой логикой просто уничтожат друг друга. В цивилизации поэтому возникают собственные скрепы, которые хоть как-то способствуют удержанию людей в рамках обстоятельств их жизни в конкретном пространстве и времени. Такими скрепами оказываются все проявления демократии. Она произрастает в цивилизации и тогда становится идеологией, а воспитание – зондированием. Мода на ту или иную идеологию вгоняет человека в общие рамки и стандарты, на которые подвигает нас цивилизация: на потерю душевности, человечности, гордости, совести. Главный вывод: мода и культ потребления товаров и услуг, сфера того, что сейчас пытаются заставить нас принимать за «культуру», хотя ни капли культуры в нем нет, – все это тенденции расчеловечивания, игры дьявола. Конечно, читатель, который не хочет анализировать трагедию своего бытия через отношения с Богом или дьяволом, может протестовать против отождествления цивилизации с дьяволом. На это мы ему можем только сказать, что духовность вне этих «координат» – ту духовность, которая составляет важнейшую часть онтологии нашего бытия, ни определить, ни удержать человеческое в себе и других невозможно. Вне этих координат расчеловечивание кажется и нормой, и благом. Осуществление логики полезности человеком превращает его в некое подобие личности. Когда два человека встречаются на дружеской вечеринке, цивилизация заставляет их видеть друг друга сквозь призму пользы. Мы часто так и говорим: «Чем я могу вам быть полезен?» Но еще чаще мы думаем оценивающе: «А чем он мне может быть полезен?». В этом пространстве тает духовность как способность души, как говорил Иоанн Дамаскин, быть отмеченной умом, украшенной способностью выбора, сиять свободой воли, иметь ум, не раблепствуя желанию [3, с. 27].

В Ветхом Завете есть одно из самых драматичных мест, которое проливает свет на суть трансгрессивного и тем самым поистине трагического способа бытия человека в цивилизации. Речь идет о «торге» Авраама с Господом по поводу судьбы Содома (Быт.18: 20-33). Авраам просит, чтобы вместе с нечестивыми не

были загублены и праведники. Господь соглашается на эту просьбу пощадить город, если в нем найдется пятьдесят праведников: «... если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу весь город» (Быт.18: 26). Авраам затем просит пощады для Содома, даже если праведников будет сорок пять, ... тридцать ... двадцать ... десять. И каждый раз Господь соглашается ... Но и десяти не находится! Цивилизация не терпит праведников! Действительно, не живем ли мы в городе, в котором и десяти праведников не найдется?! Директор Института проблем глобализации Михаил Делягин справедливо пишет, что для возрождения «мы должны познать самих себя: определить хотя бы основные черты русской культуры, которая программирует наше поведение... Культура определяет то, как себя человек ощущает и как он себя ведет ...»[2]. Еще в большей степени это справедливо для цивилизации в нашем понимании этого слова. Именно она не только поставляет энергию и ресурсы, но и формирует трансгрессивные программы перехода из возможного в невозможное с последующей его реализацией. Уверенность в возможности перехода границы дозволенного влияет в первую очередь на духовное состояние человека: он начинает считать, что может все, что можно все, даже невозможное, забывая, что только для Бога невозможного нет. Трансгрессия – соблазн и реальное изъятие человека из культурного пространства. Пробуя переступить грани невозможного, человек наглухо закрывает для себя границы культуры, которая единственно дает возможность формировать духовное пространство и реально видеть возможное и невозможное.

Вертикаль (жизненный путь в логике культуры) и горизонталь (жизнь в логике цивилизационного пространства) составляют не только координаты жизни каждого человека, но задают направление его жизнедеятельности, направление строительства его реальности. Не найдя вертикали или потеряв ее, человек замыкается в пространстве цивилизации и не находит выхода. Теперь его окружают призраки ложных ценностей и ложных ориентиров, тогда как в присутствии вертикали призраки погибают, если «вера неизменна» (В. Соловьев) [5, с. 156].

Выводы. В любых тупиках цивилизации, в любом ее лабиринте для человека всегда есть выход. Этот выход в том, чтобы подняться над лабиринтом – над пространством цивилизации. Сначала поднять себя к культуре, а затем – и к ее Центру. Даже находясь в цивилизации, квазикультуре и квазичивилизации, человек может осуществлять выбор: сжигать или не сжигать свою совесть. Сжигая совесть, мы сжигаем и себя, становимся обидчиками, сожженными в совести своей (1 Тм. 4: 2).

Человек рождается с божьим даром, а умирает с тем, что сделал за свою жизнь для себя и для Другого. Между этими событиями и расположена

реальность личности и ее жизни. Реальность конечности и бесконечности, Вечности. Реальность Добра и зла, совести и ее утери.

Литература

1. Бердяев Н.А. Человек и машина / Н.А.Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147-162.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф.Гегель; [пер. з нем. П.Тарасчук; науч. ред. Ю.Кушаков] – К.: Основы, 2004. – 548 с.
3. Делягин М. Русская культура: куда она ведет экономику. // UPL : <https://www.donetsk.kp.ru/daily/24406/581272/>
4. Исаев В.Д. Теос культуры / В.Д. Исаев // Філософські дослідження. – Випуск № 12. – Ч.1.– Луганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля, 2010. – С. 13-23.
5. Киприан (Керн), Архимандрит. Антропология св. Григория Паламы / Архимандрит Киприан (Керн). – Париж.: УМКА ПРЕСС.–197 с.
6. Святитель Игнатий Брянчанинов: [В 7 т.].– Репринт. изд.– М.: Правило веры: Дон. монастырь, 1993.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра / В.С.Соловьев // Русская философия собственности. – СПб.: Лань, 1993. – С.276.
8. Толстой Л.Н. О литературе: Статьи. Письма. Дневники / Л.Н.Толстой. – М.: Гослитиздат, 1955. – 764 с.
9. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Книга первая./ Блаженнейший Феофилакт Болгарский // М.: Изд-во Сретенского монастыря. – 2002. – 652 с.

References

1. Berdyaev N.A. Chelovek i mashina / N.A.Berdyaev // Voprosy filosofii. – 1989. – № 2. – S. 147-162.
2. Gegel G.V.F. Fenomenologiya duha / G.V.F.Gegel; [per. z nem. P.Taraschuk; nauch. red. Yu.Kushakov] – K.: Osnovi, 2004. – 548 s.
3. Mihail Delyagin. Russkaya kultura: kuda ona vedet ekonomiku. //UPL : <https://www.donetsk.kp.ru/daily/24406/581272/>
4. Isaev V.D. Teos kulturyi. / V.D. Isaev // Filozofski doslidzhennya. – Vipusk № 12. – Ch.1.– Lugansk: vid-vo SNU Im. V. Dalya, 2010. – S. 13-23.
5. Kiprian (Kern), Arhimandrit. Antropologiya sv. Grigoriya Palamy / Arhimandrit Kiprian (Kern). – Parizh.: UMKA PRESS. – S.197.

6. Svyatitel Ignatij Bryanchaninov: [V 7 t.].– Reprint. izd.– М.: Pravilo very: Don. monastyir, 1993.

7. Solovev V.S. Opravdanie dobra / V.S.Solovaev // Russkaya filosofiya sobstvennosti. – SPb.: Lan, 1993. – S. 276.

8. Tolstoy L.N. O literature: Stati. Pisma. Dnevniky / L.N.Tolstoy. – М.: Goslitizdat, 1955. – 764 s.

9. Feofilakt Bolgarskiy. Blagovestnik. Kniga pervaya./ Blazhenneyshiy Feokfilat Bolgarskiy // М.: Izd-vo Sretenskogo monastyirya. – 2002. – 652 s.

Ponomarev A.V.

BURNING CONSCIENCE: THE TRAGEDY OF SPIRITUALITY AND PERSONAL LIFE

Considering the problem of appearance and loss of conscience, the article shows the mechanisms of civilization and culture that form high or low-lying moral qualities the modern man depending on what the social space is his personality, in a civilization quasireversible, culture or quasiculture.

Key words: culture, civilization, people, quasiculture, conscience, dehumanization.

Пономарев Александр Владимирович – магистр религиоведения, аспирант кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет им.В.Даля», г. Луганск.
E-mail: umileneiugansk@gmail.com

Ponomarev Alexander Vladimirovich – Magister of religious studies, Postgraduate student of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: umileneiugansk@gmail.com

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК 130. 87

МЕТОД ЭСТЕТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК ОПЫТ КОНКРЕТИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Атоян А. И.

METHOD OF AESTHETIC ANTHROPOLOGY AS THE EXPERIENCE OF CONCRETIZATION CULTURAL-HISTORICAL PROCESS

Atoyán A.I.

В статье представлен новый метод анализа артефактов культуры. Каждый феномен культуры принадлежит определенной культурной тотальности. Автор доказывает взаимосвязь социально-исторических и художественных практик. В артефактах мы можем наблюдать проявление культурно-исторических типов.

Ключевые слова: метод эстетической антропологии, культурно-исторический процесс, артефакт, культурно-историческая типология

Введение. Конкретизация реминисценций как метод выступает темой спорной и одновременно практической. Выявление понимания культурно-исторического процесса как основания для разработки тем эстетической антропологии определяется близостью типов личности в культуре и социальной антропологии в процессах живой истории. Метод не препятствует соединению результатов изучения истории и исследования культурных реминисценций как отзвуков того, что предполагалось как бывшее или становилось как таковое, что составляет одну из трудностей феномена понимания как процедуры уяснения смыслов данных эстетической антропологии.

Среди **задач** рассмотрения – выяснение возможности метода сопоставления данных социальной и эстетической антропологии для обнаружения типологии личностей в культуре; конкретизация феномена понимания культурно-исторических реминисценций в продуктах образного освоения действительности; обозначение контуров проблемы типологии личности в культуре по следам заимствований из запаса «общих мест» образного строя памяти поколений; место метода конкретизации реминисценций в отношении других методов анализа типов человека в эстетической антропологии; пояснение, чем выступают разрешающие диапазоны проблемных вопросов данной конкретизации; уточнение выявления типов личности в истории в обратной перспективе от данных эстетической антропологии; возможности применения за пределами эстетики и некоторые

частичные аспекты, данные в примерах сопутствующего применения.

Практическое значение имеет выделение особой разновидности предметности – реминисценций или, условно говоря, «общих мест», присутствующих в отражениях типов человека в культуре, которые обладают известной единой природой с отражаемыми периодами, событиями, людьми и так далее. Это означает выделение самостоятельного пласта исследований эстетической антропологии в сугубо практических интересах гуманитаризации всех образовательных процессов, расширение программ приобщения к культурным ценностям и гуманизации общественных движений, представляя возможности обновления арсенала средств борьбы с антигуманистическими тенденциями современного социума. **Степень разработанности темы** в литературе определить трудно, ибо дана по касательной к другим более крупным и совсем малым сюжетам методологического инструментария. Опираясь на работы С.С. Аверинцева, А. Ф. Лосева, С.А. Токарева, Ю.М. Лотмана, М.А. Лифшица, Д. Лукача, Ж. Пиаже, К. Леви-Стросса, Т. Адорно, Г. Франкфорта и многих других, можно выделить область интереса к продуктам реминисцентного разума. К сфере феноменов повторения в диахроническом и синхронистическом развёртывании образных программ деятельности тех или иных общностей (в данном случае не важно: родов или творческих коллективов) подобрать на основании знаков присутствия одной программы в другой. Например, можно отметить идею С.С. Аверинцева о том, что роман вырос из проповеди, вспомнив одновременно и идею К. Леви-Стросса о том, что повторения в мифах, сказках, стихах и прочих продуктах словесного творчества на деле передают самую важную часть послания. Её условно можно назвать канвой, по ней воспроизводятся схемы прежних и строительство новых мотивов. Элементы проповеди проступают в романе на заднем или переднем плане

повествования как мотивы улучшения или ухудшения нравов. Этот момент может быть скрыт, особенно в талантливом или просто современном произведении, но его обнаружение по следам – реминисценциям – продуктивно.

Метод эстетической антропологии ставит рассмотрение типологий человека в эстетических практиках и художественных образах в ретроспективный и одновременно перспективный и альтернативный культурно-исторический контекст смены эпох, стилей, направлений, творцов, течений, критиков, публик, словом, в незавершённый ряд субъектов – носителей реминисценций, припоминаний общих мест, которые важны своей неистребимостью в артефактах эстетически опознаваемого ряда.

Какой тип человека мы хотим видеть результатом наших усилий? Именно это просматривается в глубине анфилады комнат открывающихся под напластованиями образов, передающихся от эпохе к эпохе якобы неизменными или стихийно, сознательно изменёнными.

Общие места, встречающиеся в продуктах творчества и эстетических практик, как нельзя лучше подходят для выяснения якорных стоянок нашей памяти, мест, где мы брали неизбежные для плавания припасы, отмеченные гаванями и кондуитами. Движение намёков на уже познанное и опознание контекстов задаёт пространственно-временные координаты мотивам – мельчайшим единицам сюжета. Мотив опознаётся или может быть опознан тогда и там, где он узнаваем среди аналогичных мотивов, отличим от них. Формален мотив или содержателен? Реминисценция – понятие или образ? Припоминание чувств слишком личностное или коллективно бессознательное? Припоминание – факт или его оценка? Припоминание оценок лучше начать с противопоставления позиции эстетства: всякое искусство совершенно бесполезно, и нет книг нравственных и безнравственных, а есть хорошо или плохо написанные (Уайльд), и «я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» (Маяковский), то есть ангажированность и участие в социальной борьбе как вечная задача. Не отрицая функций познания мира, украшения жизни, сохранения переживаний, психологической компенсации и не счесть их числа, ибо функций столько же, сколько и целей (Акофф и Эмери). Мы придерживаемся той точки зрения, что искусство есть там, где его артефакты оказывают, пусть и ничтожное, но всё-таки влияние на нравы людей. Именно изменение, преобразование нравов стихийно или сознательно выступает как нерв искусства, его жизненное предназначение – менять параметры движения в направлении красоты, а значит, и добра, и истины, и справедливости, пусть и непрямым способом. Борьба за красоту – борьба за стиль. Желание изменить стиль – есть в конечном счёте желание изменить человека. Борьба же за нового человека – борьба за новую социальную

среду, новую культуру. Поход за красотой в ощутительно данных артефактах есть материя эстетических практик реципиентов, забота творцов образно-чувственного пространства опознанных знаков пережитого в реминисценциях памяти. Искусство – возбуждение цепочек знаков и символов по реминисцентным следам, ведущее к воспроизводству нашего отношения к тотальности целого. Тотальность целого и постановка в его контекст отдельного артефакта, достойного эстетической оценки, позволяет говорить об эстетике как философской науке, отражающей это отношение как всеобщее в категориях миро-восприятия, миро-оценивания, миро-преобразования.

Самодвижение типичных образов искусства всегда было и остаётся частью эстетического освоения научными методами. Конкретизации онтологических оснований присутствия этих образов в искусстве и эстетических практиках не могут быть отданы на откуп предпочтения «так захотевшего» субъекта рецепции или творческого акта. Повторение авторами и публиками различных эпох одних и тех же образных ходов с опорой на заимствование есть закономерность утверждения, отрицания и смены содержательно ценных для эстетического сознания форм трансляции опыта. Канва повторений стала маршрутной картой движения образно-чувственных реминисценций и интеллектуально-практических ходов мысли ради локализации достижений и ценностей культурного роста и духовного производства здесь и всегда определённым образом.

Метод определяется в данном случае не процессами роста и развития новых типов культуры и типов человека в ней, что отражено в обширной междисциплинарной сфере наших знаний о культуре, а границами *опыта конкретизации понимания феномена реминисценций* самого культурно-исторического процесса как доступного поля эстетической типологии личности, отражённой в артефактах культуры. Таким образом, необходимо конституировать статус реминисценции при сопоставлении данных социальной и эстетической антропологии. Образная жизнь сознания полна как бы случайных сочетаний эстетических переживаний с внеэстетическими данными опыта. Отчасти эти переживания замещают или смягчают удары по психике от неконтролируемых эмоциональных источников беспокойства. Эффект переключения внимания иногда фиксирует ощущение «где-то я уже это встречал». Обыденное сознание проводит не «отстранение» (термин В.Б. Шкловского к месту) привычного, как это делает художник дабы сделать его эстетически оформленным, а напротив, деконструирует образное до привычного и заходит в тупик, когда осознает, что не понимает, зачем тот или иной мотив используется для вещей очевидных.

Привлечение неочевидных пояснений опирается на память реципиента. А поскольку у

каждого она не такая, как у другого, хотя бы в частностях, то толкование требует говорения, что и кто имел в виду. Мышление предметами, имеющими в виду, опирается на феномен припоминания. Психологи в отличие от филологов акцентируют в реминисценциях не невольное или намеренное использование заимствований как таковых, переносимых из одного произведения в другое, чаще чужого, иногда своего, а явление улучшения памяти. Если в первом случае поэтические и иные образные черты рассчитаны на память читателя, который должен припомнить, если не контекст, то значение употреблённой реминисценции, то психологически повторное воспроизведение знакомого или изученного должно извлечь и закрепить из долгой памяти в актуальную часть аппарата внимания не ради ассоциаций, а для ускорения опознания результата. Припоминание вроде общий знаменатель, но есть ещё одно – педагогическое уточнение реминисценции. Она выступает как напоминание о бывшем в более раннем социокультурном опыте индивида или общности того, что следовало бы знать и использовать сознательно. В силу основного закона сохранения Г. Эббингауза воспроизведение заученного должно с течением времени ухудшаться, но происходит обратное: улучшенная память воспроизводит не только то, что было предпочтительно установкой на запоминание, но и среду, обстоятельства, «прихватывает» попутные мотивы [6, с. 227, 229-230]. Эти мотивы расширяют данные припомненного, но могут и увести память и актуальное сознание от намеренного использования (грибоедовское «шёл в комнату – попал в другую»). Перемена намерения влечёт перемену участи образа, чувства, поведенческого акта, познавательного или жизненного хода индивида и так далее, вплоть до перемены участи целой общности людей; а они, конечно же, не подозревают, как реминисценция в сознании субъекта могла изменить их ощущение, восприятие, представление о несущественном моменте жизнедеятельности, что в сцеплении с другими моментами запустило цепочку произвольных или произвольных действий. Так образ становится регулятором и начинает эксплуатироваться ради обнаружения именно тех вкраплений сознания или психики, что отвечают за движение больших общностей людей и отдельного индивида.

Вульгарным ли двойником метода конкретизации реминисценций выглядит работа с ключевыми словами? Это так, и одновременно не так. Так, потому что типичные ситуации побуждают к построению понятийного аппарата на основе сравнимости феноменов. Также потому, что мы имеем дело с уникальными образами уникальных произведений, за которыми стоят наслоения различных действительностей – действительности события, автора, отношения к герою и так далее. Припоминание обстоятельств использования образа

может иметь значение для искусствovedения или неадаптивной психологии. То есть индивидуализация даст в каждом отдельном случае нам материал, который можно интерпретировать как акцентированную личность К. Леонардо, но и как один из основных типов отношения к действительности у К. Хорни (агрессор или бунтарь, изгой или изоляционист, конформист или адаптированный к ситуации). В любом таком случае перед нами слишком широкая сеть для улавливания подтипов и неакцентированных личностей. От дальнейших дроблений уходит социальная антропология. В начале XX века было много неудачных попыток классифицировать большие общности людей как рамочные конструкции для типологии людей в истории и в культуре, в морали и этике, в литературе и психологии. Один из пучков таких классификаций был связан с вульгарной социологией. Наибольшее число стрел в адрес марксистской классификации типов получит, по-видимому, классовый подход.

Приём дискредитации классового подхода в социальной и эстетической антропологии – редукция к вульгарной социологии. М.А. Лифшиц провёл последовательное разделение этих позиций: «... Вовсе не злоупотреблению понятиями *класс* и *прослойка* обязана вульгарная социология своим существованием» [3, с. 236]. Марксистская формула «*бытие определяет сознание*» становится здесь удобным средством для подавления сознательности сознания, для превращения его в стихийный продукт общественной среды и классовых интересов. С точки зрения вульгарной социологии все исторические формы сознания одинаково слепы, условны и замкнуты в своём общественном горизонте. Разница между ними есть, но она измеряется не отражением действительности, не содержанием исторического развития, выраженным в тех или других ступенях и формах духовной жизни. Главный критерий – жизненная сила общественной группы, имеющей своё замкнутое в себе коллективное сознание (по терминологии школы Дюркгейма), более и менее сильно выраженное. Все культуры и стили обладают равной ценностью. Сравнить их между собой можно только посредством своего рода *социальной диагностики* (термин основателя немецкой «социологии знания» Мангейма). Одна общественная группа является более здоровой и сильной, чем другая, одна мужает, другая падает.

«Один писатель выразил идеологию своего класса сильнее, значительнее, чем другой» (Курсив М.А. Лифшица – Авт.) [3, с. 237-238]. Вульгарная социология, заостряет полемически свою мысль М.А. Лифшиц, это «опиум интеллигенции» и там, где искусство – средство, лишённое самостоятельного значения, а классовая борьба сведена до вульгарной теории насилия, там понятно, что образованное меньшинство имеет «претензию управлять сознанием масс», и не трудно

понять, в чьих интересах [3, с.244]. Можно, конечно, занять позицию страуса, но песок не единственный ингредиент фундамента: типологию класса нельзя игнорировать. Она также входит в составляющие социальной и эстетической антропологии. Нагляден в этом плане вклад неомарксистов. Их путь можно начать с фигуры Д. Лукача, с книги «История и классовое сознание» (1923). В ней классовая типология восходит к месту человека в производственном процессе, но не в качестве представителя класса в себе, а как частицы социальных отношений, включённой в контекст отношения к целому данного общества, как отношение класса к тотальности культурно-исторического процесса в его основном социально-экономическом звене. Социальные силы, призванные контролировать общество как целое, не могут ограничиться частичным признанием конкретного сознания как несущего послание одного класса другому. Здесь важны соотношения уровней сознания большой общности, отдельного индивида и типологии отражений личности в жизнедеятельности и представленности в культуре. Надстройка надстроек и отражение отражений находятся на неравном расстоянии от классовой принадлежности индивида в конкретном континууме представленного в пространстве-времени социокультурного движения. Отношение к тотальности – ключевая позиция вырванного сознанием из контекста общности индивида. Сознание класса может не быть присуще его представителю, оно может совпасть с его коренными интересами, оно может перерасти конкретный классовый интерес и осуществить сдвиг в сторону более или менее адекватного отражения и даже опережения интересов другого класса.

Обратимся к Д. Лукачу: «Стало быть, контролировать общество – это значит сообразоваться с обществом как целым. Ибо только с таким сообразованием конкретное сознание, которое имеют люди относительно своего существования, проявляется во всех своих структурных определениях. С одной стороны, оно выступает как нечто *субъективно*-правомерное, если исходить из данной общественно-исторической ситуации... С другой – одно и то же сознание в одном и том же отношении выступает как нечто такое, что *субъективно* не способствует достижению поставленных им самим целей общественного развития. Такое идейное диалектическое определение «ложного сознания» изменяет его рассмотрение из простого описания того, что *фактически* думали, чувствовали и хотели люди при определённых исторических условиях, в определённых классовых ситуациях и т.д. Всё это лишь *материал*, – впрочем, очень важный, – для настоящего исторического исследования. Соотношение с конкретной тотальностью и вытекающие из него диалектические определения выводят за рамки такого простого описания и

результатируются в истории объективной возможности» [4, с. 149]. Таким образом, закрепление классовой характеристики за тем или иным индивидом (прототипом, персонажем, автором, критиком и так далее) допускает типизацию исторических ситуаций и обобщение социокультурного движения в определённых, например, классовых типах. Д. Лукач продолжает: «Когда сознание устанавливает отношение к обществу в целом, то познаются те мысли, ощущения и т.д., которые *имели бы люди* в определённой жизненной ситуации, если бы *они были способны полностью понять* эту ситуацию, вытекающие из них интересы. Как применительно к своей непосредственной деятельности, так и применительно к отвечающему этим интересам переустройству всего общества; стало быть, речь идёт о мыслях и т.д., которые адекватны объективной ситуации людей. Число подобных ситуаций ни в одном обществе не является неограниченным» [4, с. 150].

Реминисценции или «общие места» задают саму возможность совместного движения, дискурса как перехода через противоречивые послышки посредством логических допущений. Намекая на уже известное, на движение образа привычным способом, реминисценции вовсе не предопределяют восприятие точным образом. Восприятие не есть только повторение. Реминисценции провоцируют подстановки индивидуального социокультурного опыта, что позволяет различным зрителям использовать для истолкования свои собственные ключи, не предусмотренные критиком, автором или прокатчиком, издателем и так далее. Непредсказуемость результата – одно из важнейших эстетических завоеваний. Оно не позволяет заранее планировать всемирный успех зависимостью от количества затраченных средств. Ожидаемые мировые премьеры с упоминанием о затратах живут часто не долго или живут благодаря неразвитому вкусу. Подъём следующей волны интереса к ним будет, как правило, свидетельством невысокого уровня последующих достижений. Эксплуатация темы или приёма может быть удачной, художественная ценность – сомнительной. Погоня за ощущениями предполагает предпросмотр ожидаемых ощущений. А это снижает эффект непосредственности. Люди получали бы то, что они хотели, если бы знали, чего именно они хотят. Травести чувств и образов рождает травести припоминаний. Это те же образы, но загримированные воображением «как если бы». Если бы понимал, то понимал бы так, но... Если объяснить, то нужно объяснять так, чтобы понял тот, кому адресовано объяснение. Выход из реминисценции препятствует искусству быть только средством общения, оно зовёт к соучастию при восприятии образа в пространстве эстетических практик.

Рациональные реконструкции движения образа всегда включают цепочку, которая идёт от реальных событий к перспективе их восприятия в контексте эпохи. Отдать ли предпочтение пониманию искусства как рационально воспринимаемого или отдать его на удушение фантазиям от эмоций – вопрос праздный, но типы рациональности изменчивы. Достаточно будет обратиться к взгляду схоласта эпохи Возрождения и Гегелю, чтобы фиксировать отправные точки решения проблемы реминисцентного разума. В эпоху Возрождения, закладывая математические, эстетические и натур-философские основы теории перспективы, итальянский схоластик Пачоли, по словам Леонарда Ольшки, робко намеченное в своей «Сумме...» положение о примате разумного над чувственным в дальнейшем делает правилом и законом [5, с. 134]. Пачоли разделяет взгляд Леонардо да Винчи на приоритет зрения в познании перед другими органами чувств. Тем самым эмпирический, опытный метод представлен как более важный, чем умозрение схоласта. Идеи Пачоли в его трактате иллюстрируются рисунками Леонардо. Но и тут есть платонизм. Стереометрические основы видимого мира и живописи восходят у Пачоли к платоновским фигурам устройства материи в диалоге «Тимей». Мир чувственного и сверхчувственного он, по словам Ольшки, собирается рассмотреть под знаком пропорциональности [5, с.122].

Таким образом, идеалистические теории перспективы произвольно сопоставляют опытные данные ради реминисценций из Платона. Здесь гуманисты поддерживают традицию восприятия перспективы от умозрений Платона с поправками на новый опыт того же мастера Леонардо. На самом деле именно попытка внести пропорциональность превращает проблему эстетической оценки в соотношения уравнительности: больше – меньше, лучше – хуже, что ведёт к математизации проблематики оценки, построению количественных шкал прекрасного, напрочь игнорирующих особенности культурно-исторического процесса. Тупики этого подхода можно было бы иллюстрировать подсчётами П. Сорокина. Но сам принцип игнорирует восприятие посредством реминисценций и исследования того, как в переданном образе фиксировать уже имевшееся в нём содержание, помогающее опознавать представленное посредством исторической памяти, в том числе исторически-травматической.

Предполагая последовательную цепочку от события к факту и оценке в перспективе, нельзя только констатировать возможность и полноту картины. Она – скорее рубашка на вырост. Конкретизация конкретной реминисценции – дело сложное и неблагодарное, она лишь пропуск к смыслу рождённости эпохи в отдельном произведении. Теодор Адорно в своём фрагментарном труде «Эстетическая теория» (фрагмент «Художественное произведение как

монада и его имманентный анализ») подчёркивает значение этого уникального: «Эстетика в качестве предпосылки предполагает погружение в отдельное произведение» [1].

Вряд ли морализаторство по поводу извлечения оценок из потока подходит под анализ реминисцентного разума. Так, относительно греческих состязаний и их нравственного значения, засвидетельствованного Аристотелем, ещё Гердер делает замечание: «Если смотреть целый день пьесы, то едва ли этим можно очистить страсти» [2, с.179]. А значит, нет альтернативы анализу рационального типа, если мы хотим разобраться в судьбах послания произведения настоящим и будущим поколениям. Реконструкция рационального восприятия образа не делает искусство уделом эстетика, но с публикой его связывает наличие общих мест и способов их истолкования. Зритель, слушатель и читатель также выступают как эксперты рецепции, степень уяснения смыслов не оканчивается непосредственным контактом. Повторение опыта, пережитого ранее, или даже поиск пережитого в чувствах даёт старт эстетической эмоции уже постфактум первичной оценки. Реминисценция этой оценки коренится в объективно возможном восприятии того или иного типа человека своего или другого типа, представленного в образе. Искусство появляется из целенаправленного управления эстетическими процессами. Но тогда оно появляется очень рано. Синкретизм равен эстетическому или охвату эстетического – это очень интересный момент, ибо типология универсально заложена в эстетической практике и художественной деятельности до их оформления. Искусство ведёт человека к самому себе через мир познанного и преображённого к проектированному будущему.

Конкретизация реминисценций вновь возвращает нас к понятию конкретного в его сути как «сложно-сращенного» (Гегель). Именно Гегель применил принцип историзма и диалектику к эстетической тематике. Гегелю, по словам классика, удалось выступить за строгую историчность в противовес тому, чтобы приписывать древним надуманные идеологемы последующих веков. Это отразилось и в его истории философии, и в эстетике. Что касается элементов истории эстетики, то они разбросаны в сотнях сочинений по искусству и истории искусства с древности. Так Р. Циммерман полагал, что история философии красоты с III по XVIII века представляет сплошной пробел. Другие эстетики не столь откровенны, но суждения свои чаще моделируют на основании нескольких хорошо изученных культурно-исторических эпох, не говоря уже о европоцентризме большинства эстетических систем и категорий.

Мысль о враждебности капитализма и искусства стала у Гегеля самостоятельным учением. Падение искусства при возвращении абсолютного

духа к себе фатально предопределено. Искусство связано с самопорождением человека в вещах – его судьба зависит от диалектики абсолютного духа, то есть от мистифицированного движения объективной реальности. Каждое произведение искусства принадлежит своему времени, народу, среде, а потому искусствовед вооружается всё большим историческим запасом знаний для его понимания, в то время как публика закономерно охладевает к его содержанию. Каждой эпохе соответствуют и свои жанры. Так эпопеей буржуазного общества Гегель называет роман.

Если мы ищем простого, то примитивы в новом контексте уже не будут примитивами. Это игра в простоту, но не сама простота. Сложности бывают естественными и надуманными, как идеологии класса у А. Грамши. Надуманные идеологии живучи, они отвлекают. Конкретизация ставит их в контекст эпохи и служит точкой отсчёта соответствий или несоответствий реальности. Нужно, однако, помнить, что реализм и постмодерн неоднородны ни в социальном, ни в эстетическом плане. Рождённость произведения вызывает устойчивый рефлекс ожидания. Если ожидание оправдано – классификация и шкалирование означают приобретение «пропуска» к широкой публике. Неудача возвращает к потере времени, средств, эмоций и так далее. Публика избегает неудачных решений, и её нельзя осуждать за это. Но она же и пропускает решения, несовместимые с эстетическими нормами, или топит в привычном открытом впервые. Неокончателность решений – дело художника и критика.

Перейдём к выводам:

- метод сопоставления данных социальной и эстетической антропологии для обнаружения типологии личностей в культуре возможен;

- конкретизация понимания культурно-исторических реминисценций в продуктах образного освоения действительности коренится в онтологии социальной структуры;

- является продуктивной историзация типологии личности в культуре по следам заимствований из запаса «общих мест» образного строя памяти поколений;

- место метода конкретизации реминисценций в отношении других методов анализа типов человека в эстетической антропологии между всеобщими категориями и особенными указывает на типизацию как осуществление тенденций развития предмета в отдельном артефакте и его носителях;

- внеэстетические цели художественной и иной преобразующей символические формы деятельности сопоставимы в отдельные периоды с эстетическими. Существует близость и родство исторических и художественных реминисценций. Толкования продуцируют нехоженые тропы движения за образами, в первую очередь типичными, массовыми, принятыми средой;

- разрешающие диапазоны проблемных вопросов данной конкретизации позволяют двигаться от принципа полноты образной картины к принципу достаточности присутствия типов в рецепции;

- уточнение выявления типов личности в истории в обратной перспективе от данных заставляет предполагать, что по образам искусства полное восстанавливается облик типичных фигур культуры.

Варианты Уайльда («искусство бесполезно») и Сартра («искусство – ангажировано») внешне кажутся противоположными, но на деле они едины, ведь стать событием мешает не эстетство или ангажемент, а отсутствие объективных возможностей быть эффективным предметом эстетической практики. Не так важно, что манифестирует художник, а важно отношение произведения к тотальности, целому, совокупности публик и экспертов. Не преувеличивая значения экспертных оценок в прошлом, можно констатировать их засилье в настоящем. Одобрение экспертов как пропуск на рынок не есть окончательно раскрытая функция. Эксперт, каким бы оригинальным он не был, лишь орган общества, отвечающий за контроль над движением ценностей, но не за само социокультурное движение.

Л и т е р а т у р а

1. Адорно Т. В. Эстетическая теория / перевод А.В. Дранова / Т. В. Адорно. – М.: Республика, 2001. – 527 с.
2. Гердер И.-Г. О влиянии поэзии на нравы народов в древние и новые времена / Идеи эстетического воспитания / И.-Г. Гердер. – М.: Мысль, 1973. – Т. 2. – 179 с.
3. Лифшиц М.А. Вульгарная социология / Лифшиц М.А. Собрание сочинений в трёх томах. – Т. 2. – М.: «Изобразительное искусство», 1986. – 448 с. / С. 233-244
4. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике / Г. Лукач. – М.: «Логос – Альтера», 2003. – 416 с.
5. Ольшки Л. История научной литературы на новых языках / Л. Ольшки. – М. – Л., 1933. – Т.1. – 218 с.
6. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология: Выпуск IV / Ред.- сост. П. Фресс и Ж. Пиаже. – М.: Прогресс, 1973. – 342 с.

R e f e r e n c e s

1. Adorno T. V. Esteticheskaya teoriya / perevod A.V. Dranova / T. V. Adorno. – M.: Respublika. 2001. – 527 s.
2. Gerder I.-G. O vliyaniy poezii na ngray narodov v drevniye i novyye vremena / Idei esteticheskogo vospitaniya/ I.-G. Gerder. – M.: Mysl. 1973. – T. 2. – 179 s.
3. Lifshits M.A. Vulgarnaya sotsiologiya / Lifshits M.A. Sobraniye sochineniy v trekh tomakh. – T. 2. – M.: «Izobrazitelnoye iskusstvo». 1986. – 448 s. / S. 233-244
4. Lukach G. Istoriya i klassovoye soznaniye. Issledovaniye po marksistskoy dialektike / G. Lukach. – M.: «Logos – Altera». 2003. – 416 s.
5. Olshki L. Istoriya nauchnoy literatury na novykh yazykakh / L. Olshki. – M. – L. 1933. – T.1. – 218 s.
6. Fress P., Piazhe Zh. Eksperimentalnaya psikhologiya: Vypusk IV /Red.- sost. P. Fress i Zh. Piazhe. – M.: Progress. 1973. – 342 s.

Atoyan A.I.
**METHOD OF AESTHETIC ANTHROPOLOGY AS THE
EXPERIENCE OF CONCRETIZATION CULTURAL-
HISTORICAL PROCESS**

The article presents a new method of analysis of cultural artifacts. Every phenomenon of culture belongs to a cultural totality. The author argues the relationship of socio-historical and artistic practices. In artifacts we can observe manifestation of cultural and historical types.

Key words: *method of aesthetic anthropology, cultural and historical process, artefact, cultural and historical typology*

Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский

национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: atoyannn@bk.ru

Atoyan Arsentiy Ivanovich – Doctor of Philosophical Sciences, professor of the Department «Document Science and a Technetronic Informologiya», State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University», Lugansk.

E-mail: atoyannn@bk.ru

Рецензент: *Лустенко Андрей Юрьевич* – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 20.10. 2017

УДК: 24:130.2

ТЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Звонюк Н.С.

THEOLOGY OF CULTURE AS A NEW DIRECTION IN HUMANISTARISTICS

Zvonok N.S.

Рассматривается проблема введения в гуманитарное образовательное пространство теологии как научной специальности. Теология является систематическим изложением религиозной веры и в то же время это система дисциплин, отвечающих критериям научности. Автор останавливается на проблеме такого направления в теологии, как теология культуры, которая как отрасль науки оставляет за собой право совершать анализ существующей православной культуры, выделив в ней гуманные, соответствующие высокой Истине тенденции. Теология культуры в России продолжает традиции русских философов нач.ХХ века Н.Бердяева, С.Булгакова, В.Розанова, П.Флоренского, С.Франка и др.

Ключевые слова: теология, теология культуры, православие, культура, искусство.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современное гуманитарное знание допускает осмысление с научной точки зрения религиозной традиции, существующей тысячелетия. Обращение к традиции, поиск новых оценок, стремление разобраться в сущности явлений, находящихся в основании каждой культуры, способствует восстановлению целостности духовной культуры, в рамках которой наука, философия и религия занимают свое особое место.

События, которые развиваются сегодня в мире, дают возможность содержательно определить феноменологию человека в культуре. Наука и мистика, религия и искусство, война и мир – все смешалось в истории человечества нач. XXI века. И в этой «адской смеси» идей стоит вопрос: что такое сегодня человек?

Основная часть. В ходе обсуждения проблем на последнем Всеправославном Соборе, проходившем в июне 2016 г. на Крите, было высказано отношение к науке. С одной стороны, соборное решение говорит о многочисленных благах, которые наука принесла человечеству, а также о том, что Церковь не имеет компетенции вмешиваться в научный метод. С другой – собор предостерегает о возможных манипуляциях во имя науки, о негативных последствиях для окружающей

среды, о необходимости нравственного компонента в научной деятельности [15]. С нашей точки зрения, наука должна способствовать Церкви нести Истину человечеству. Подтверждением тому является открытие специальности «теология» – 26.00.01 – в Российской Федерации, одобренной ВАК при Минобразования и науки РФ в сентябре 2015 года. В паспорте специальности есть пункт: «14. Теология культуры. Теологическое осмысление произведений искусства, творчества и основных эстетических категорий».

В приветствии участникам Первой Всероссийской научной конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве» говорится: «Признание государством теологии как научной специальности, создание диссертационных советов и экспертного совета Высшей аттестационной комиссии знаменует собой начало нового этапа в истории российского образования и науки... С радостью хотел бы отметить, что сегодня среди ученых крепнет осознание того, что теология, которая прежде всего является систематическим выражением религиозной веры, представляет собой также и систему дисциплин, отвечающих критериям научности. Искусственно отделять этот мощный пласт гуманитарного знания от науки и образования – значит обкрадывать нашу культуру, лишать ее исторической памяти, мировоззренческих и ценностных основ», – сказал Предстоятель Церкви Святейший Патриарх Кирилл 15 июня 2017 г. [10].

С точки зрения арх. Кирилла (Говоруна), «гуманитарные науки изучают феномен человека в широком смысле. Этот феномен можно подвергать различного рода анализу и интеллектуальным спекуляциям. Богословие входит в область гуманитарных наук, поскольку в его фокусе – восприятие человеком Бога. В этом смысле богословие отличается от Откровения, хотя и зиждется на нем. Откровение – это то, как Бог обнаруживает себя: движение сверху вниз. Богословие – это человеческое восприятие Откровения: движение снизу вверх. Бог проявляет Себя через несотворенные божественные логосы, а человек осознает и артикулирует их в виде смыслов,

которые являются конвенциональными, то есть сотворенными человеческим разумом. Подобные конвенциональные смыслы изучает философия и в целом гуманитарное знание»[1].

В то же время важно подчеркнуть значение для Церкви культурного творчества. Согласно позиции РПЦ, именно культура способна быть средством благовестия, и не зря отцы Церкви подчеркивали изначальное божественное происхождение культуры. Вместе с тем Церковь оставляет за собой право на нравственную оценку явлений культуры. Если творчество способствует нравственному и духовному преображению личности, Церковь благословляет его. Если же культура противопоставляет себя Богу, становится антирелигиозной или античеловеческой, превращается в антикультуру, то Церковь противостоит ей [4].

Теология формирует религиозное мировоззрение, это – систематическая форма выражения доктрины определенной религиозной традиции, ее вероучения. «В этом контексте можно говорить о важности таких направлений теологических исследований, как богословие личности, богословие культуры, теология образования, пастырская психология. Они являются своего рода мостом между теоретическими проблемами теологии и практическими реалиями жизни общества» [12]. Подобным мостом между теологией и культурой является «теология культуры». Определение «Вестминстерского словаря теологических терминов» гласит: «Теология культуры (eng.theology of cultur) – понимание человеческой культуры, охватывающей все творческие достижения людей, в свете теологических убеждений. В Теологии культуры важное место отводится природе различных теологических тем, а также природе культуры, выраженной в ее идеалах, целях и ценностях»[7].

Новое направление – «теология культуры» как отрасль науки оставляет за собой право совершать анализ существующей православной культуры, выделив в ней гуманные, соответствующие высокой Истине тенденции, продолжая традиции русских философов нач. XX века Н.Бердяева, С.Булгакова, В.Розанова, С.Франка, П.Флоренского и др.

Автор опирается на точку зрения, согласно которой размышления о Боге, смысле жизни, об истине и прекрасном не являются результатом действия социальных факторов, но представляют собой стойкую интенцию человеческого разума, стремящегося к поискам высших ценностей. Причины болезни общества – в мировоззрении человека, человек призван быть, по определению апостола Павла, «соратником» Божьим (1 Коринф. 3,9). Миф о вселенском могуществе человеческого разума вызвал к жизни господство иррациональных сил технотронной цивилизации, которая подчинила себе человека и превратила его из «соратника» Божия в простого оператора

машины. Вызовы культуры для современного человека имеют сакральное, а вызовы цивилизации – профанное основание [5]. Культура – плод земных усилий человека, религия же питается из вечности. Именно религия придает вечный смысл культурной деятельности. Религия и искусство развиваются по своим собственным законам. Проблема православной культуры должна рассматриваться в контексте исторической динамики, используя комплексное исследование, необходимо опираться на данные теологии, философии, религиоведения, культурологии и других гуманитарных наук.

Особой остроты проблема традиции приобретает в условиях современной дегуманизации художественного процесса, медиаэкспансии. Современная ситуация ставит перед нами вопрос: возможно ли сегодня возродить сакральное искусство, и будет ли в состоянии возрожденное искусство придать импульс нашему духовному возрождению? И какую роль играет при этом теология культуры?

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» сказано (XIV.3): «Латинское слово *cultura*, означающее «возделывание», «воспитание», «образование», «развитие», происходит от слова *cultus* – «почитание», «поклонение», «культ». Это указывает на религиозные корни культуры... Культура как сохранение окружающего мира и забота о нем является богозаповеданным делом человека...

Церковь восприняла многое из созданного человечеством в области искусства и культуры, переплавляя плоды творчества в горниле религиозного опыта, стремясь очистить их от душепагубных элементов, а затем преподать людям. Она освящает различные стороны культуры и многое дает для ее развития. Православный иконописец, поэт, философ, музыкант, архитектор, актер и писатель обращаются к средствам искусства, дабы выразить опыт духовного обновления, который они обрели в себе и желают подарить другим...

Светская культура способна быть носителем благовестия. Это особенно важно в тех случаях, когда влияние христианства в обществе ослабевает или когда светские власти вступают в открытую борьбу с Церковью. Так, в годы государственного атеизма русская классическая литература, поэзия, живопись и музыка становились для многих едва ли не единственными источниками религиозных знаний. Культурные традиции помогают сохранению и умножению духовного наследия в стремительно меняющемся мире»[8]. Десакрализация общества ставит под угрозу полноту бытия человека в традиции, что находит свое отражение в культуре. Современный человек в условиях десакрализации культуры находится в условиях незавершенности, размытости границ добра и зла, что сопровождается утратой целостности. Особенность восточнохристианской

традиции состоит в том, что она не является периферийной, а сакральное непосредственно влияет на формирование отечественной культуры. Это свойственно греческой, украинской, российской, грузинской и сербской культурам. При таких условиях исследование особенностей православной культуры является необходимым для понимания специфики ментальности украинского и российского народов.

«Следует ли нам считать мир греческого православия другим, не похожим цивилизационным контекстом? Думаю, что да; не всегда и не везде, но безусловно, это так для понимания великих изменений, которые произошли и происходят в религиозной жизни. Латина и грека сформировали две разных христианских цивилизации, которые мы называем «христианствами», каждая со сродственным, но отличным богословским видением, и еще важнее, с разными стремлениями к Реформе» [1, с.9], – считает Чарльз Тейлор. Следует особо подчеркнуть, что для православного мира смыслообразующим является не Реформа, а Традиция. Историческая судьба украинского и российского народов способствовала их духовной близости, которая имеет свои корни в славянской культуре и православной религии. Принадлежность большинства украинцев и россиян к православию имела решающее значение в самоидентификации этих народов. Православие было решающим фактором в формировании их мировоззрения. Религиозное мировоззрение – а именно православие – способствовало формированию и кристаллизации украинской и русской национальной идеи. Православие было объединяющим фактором двух восточнославянских народов. Православное мировоззрение способствовало формированию восточнославянского суперэтноса, а также становлению украинской и русской культур, определяло парадигму развития литературы и искусства двух славянских народов. Именно в рамках православия сложилась шкала мировоззренческих ценностей, на основе которой формировались этические и эстетические представления наших народов. Религиозное сознание изначально предполагает деление мира на две сферы – сакрального и профанного, что нашло свое отражение в творчестве мыслителей русской и украинской культуры, которое мы объединяем общим названием «православная культура».

В целом в культуре исследователи выделяют следующие ее составляющие:

– первая из них связана с обычаями и традициями и представляет собой совокупность культурных приобретений прошлого (православная культура, католическая культура, протестантская культура, мусульманская культура и т.д.);

– вторая составляющая включает в себя новшества в культуре и определяет те культурные практики, которые воссоздают современные формы деятельности;

– третья составляющая обеспечивает возможность создания социокультурных форм, связанных с прогнозами о будущем.

В современном мире возрождается особая мировоззренческая сила, которая на протяжении веков формировала культуру общества, его идеалы, ценности, коннотации и смыслы – религиозность, возрождение которой предсказывали современные мыслители («новое Средневековье» – Н. Бердяев, «новая антропологическая ступень» – А. Солженицын, «религиозный Ренессанс» – А. Шубаро, «реванш Бога» – Ж. Кеппель, «постатеистическая религиозность» – М. Эпштейн и т.д.).

В теологии культуры особую роль играет сакральное искусство как воплощение Традиции и в то же время воплощение будущего, особенность которого в том, что оно способно выразить трансцендентное через имманентное. Сила сакрального художественного произведения не столько в его эстетическом потенциале, сколько в его духовной мощи, проявляющейся благодаря его онтологической связи с Абсолютом. Исследователь В. Головей рассматривает критерии художественности на нескольких основоположных уровнях: онтическом, онтологическом и метафизическом. Для сакрального искусства важнейшее значение имеют онтологическое и метафизическое измерения [3, с.196]. С нашей точки зрения, и онтологическое, и метафизическое измерения дублируют друг друга и уместно использовать все-таки «метафизическое измерение».

Теология культуры рассматривает, каким образом в художественном произведении сакрального типа священный смысл соответствующим образом выражен, оформлен. Искусство отражает сложность трансцендентного с помощью символов. Символические образы антиномичны: в них заключено материальное и идеальное, земное и небесное. Понятие обожения тесно связано в православной культуре с понятием символа и красоты. Само понятие красоты в христианском понимании глубоко связано со смыслом бытия. Красота в Боге. Истинная красота – это сам Бог. А земная красота – это образ, в большей или меньшей степени символически отражающий Первоисточник. Поэтому спасение не может быть без-Образным. Обожение – это не просто стремление к Богу, это стремление к красоте, это достижение божьего подобия. Этот процесс христоцентричен, так как основан на движении ко Христу. Любая икона, не зависимо от того, кто на ней изображен, христоцентрична, потому что единственный образ, которому следует подражать, это Христос. Цель иконы – направить нас к Первообразу – через выявление образа Божия в нас самих. В. Бычков считает, что художественный образ, не имея онтологической общности с первообразом, самой передачей его внешнего вида (миметическим подобием) символически

репрезентирует его духовную сущность и тем самым передает святость архетипа [2, с.75]. Через мощный выразительный потенциал художественной формы превращается ее материальная основа, которая в образно-символическом оформлении приобретает онтологичность настоящего присутствия, а само художественное произведение становится откровением, выявлением истины бытия [13, с.304-305].

Выводы. Теология культуры есть направление в гуманитаристике, которое раскрывает глубинную сущность культуры как воплощения ценностных и смысловых конотационных исканий человека, связанных с мыслями о вечном.

Теология культуры связана с культурными смыслами и воплощением поведения, отражающего представления о потусторонних сущностях и внутренних возможностях постижения сакрального измерения.

Теология культуры есть наука, поскольку исходит из факта существования культуры как данности Богом и опредмеченности ее человеком в реальном бытии (творчество, искусство, наука и т.д.).

Теология культуры с формальной точки зрения есть изучения здесь – бытия и бытия – в – истории, которое раскрывается одновременно и человеческим познанием, и верой.

Л и т е р а т у р а

- 1.Арх. Кирилл (Говорун). Почему в мире теология – наука, а в России – нет. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravmir.ru/te-kto-vyistupaet-protiv-teologii-zhivut-proshlyim1/>
- 2.Бычков В.В.Феномен иконы :История. Богословие. Эстетика. Искусство /Виктор Бычков. –М.:Ладомир, 2009. – 633 с.
- 3.Головей В.Ю. Сакральне в мистецтві: проблеми образотворчої репрезентації. Монографія / В.Головей. – Луцьк: Волинський національний університет ім. Лесі Українки, 2012. – 420 с.
- 4.Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, об «Об основах социальной концепции Русской Православной Церкви // Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия» : [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/429361>
- 5.Исаев В.Д. Антропос цивілізації та теос культури /В.Исаев. – Автореф. дис...доктора філос.наук. – Луганськ, 2012. – 37 с.
- 6.Майоров Д.Н. Теология культуры и культура теологии. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://проза.рф/2015/10/30/185>
- 7.Мак-Ким Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов / К.Мак-Ким Дональд. – М.: Республика, 2004. – 503 с.
- 8.Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Архиерейский Собор 2000 г. Официальный сайт Московского Патриархата. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.

9.Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства / Н.В. Покровский. – СПб: Лига-плюс, 1999. – 412 с.

10.Признание государством теологии – начало нового этапа в российской науке [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravmir.ru/priznanie-gosudarstvom-teologii-nachalo-novogo-etapa-v-rossiyskoy-nauke/>

11.Тейлор Чарльз. Секулярна доба. Книга перша./ Чарльз Тейлор; [пер. з англ.]. – К.: Дух і літера, 2013. – 664 с.

12.Теология в современной России: становление отрасли. Доклад председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона на пленарном заседании Первой Всероссийской конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве», Москва, 14 июня 2017 года. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/index.html>

13.Хайдеггер М. Исток художественного творения/Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. А.В.Михайлов] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1987. – С.264-312.

14.Хоружий С.С. Род или недород (заметки к онтологии виртуальности) / С.С.Хоружий//Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С.53-68.

15.Что решил Всеправославный собор?- [Электронный ресурс]. – URL: http://antikor.com.ua/articles/111074-что_reшил_vsepravoslavnyj_sobor

References

- 1.Arch. Kirill (Govorun). Pochemu v mire bogosloviye yest' nauka, a v Rossii net. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.pravmir.ru/te-kto-vyistupaet-protiv-teologii-zhivut-proshlyim1/>
- 2.Bychkov V.V. Znachok ikony: Istoriya. Bogosloviye. Estetika. Iskusstvo / Viktor Bychkov. – M. : Ladomir, 2009.– 633 s.
- 3.Golovey V.YU. Sakralin v tayne: problemy formirovaniya predstavleniy. Monografiya / V.Golovey. – Lutsk: Volins'kiy natsional'niy universitet im. Lesi Ukrainki, 2012. – 420 s.
4. Otchet mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla, predsedatelya Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata «Ob osnovakh sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi» // Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» «: [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/tekst/429361>
- 5.Ísaev V.D. Antropos tsivilizatsii ta teos kul'turi /V.Ísaev.–Avtoref. dis ... doktora filos.nauk. – Lugans'k, 2012.– 37 s.
- 6.Mayorov D.N. Teologiya kul'tury i kul'tura teologii.– [Elektronnyy resurs] .– URL: <http://proza.pf/2015/10/30/185>
- 7.Mak-Kim Donald K. Vestminster'skiy slovar' teologicheskikh terminov / K.Mak-Kim Donald. – M. : Respublika, 2004. – 503 s.
- 8.Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Arkhiyereyskiy Sobor 2000 g. Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo Patriarkhata. – [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
- 9.Pokrovskiy N.V. Ocherki pamyatnikov khristianskogo iskusstva / N.V.Pokrovskiy. – Spb: Liga-plyus, 1999. – 412 s.
- 10.Priznaniye gosudarstvom teologii – nachalo novogo etapa v rossiyskoy nauke [Elektronnyy resurs]. – URL:

<http://www.pravmir.ru/priznanie-gosudarstvom-teologii-nachalo-novogo-etapa-v-rossiyskoy-nauke/>

11. Teylor Charl'z. Sekulyarna doba. Kniga persha./ Charl'z Teylor; [per. z angl.]. – K.: Dukh i litera, 2013. – 664 s.

12. Teologiya v sovremennoy Rossii: stanovleniye otrasli. Doklad predsedatelya Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata mitropolita Volokolamskogo Ilariona na plenarnom zasedanii Pervoy Vserossiyskoy konferentsii «Teologiya v gumanitarnom obrazovatel'nom prostranstve», Moskva, 14 iyunya 2017 goda. – [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/index.html>

13. Khaydegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniya/Martin Khaydegger; [per. s nem. A.V. Mikhaylov]// Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury KHIKH–KHKH vv.: traktaty, stat'i, esse. – M.: Izd-vo Mosk.un-ta, 1987. – S. 264–312.

14. Khoruzhiy S.S. Rod ili nedorod (zametki k ontologii virtual'nosti)/S.S. Khoruzhiy// Voprosy filosofii. – 1997. – № 6. – S. 53–68.

15. Chto reshil Vsepravoslavnyy sobor? – [Elektronnyy resurs]. – URL: http://antikor.com.ua/articles/111074-chno_reshil_vsepravoslavnyj_sobor

Zvonok N.S.

THEOLOGY OF CULTURE AS A NEW DIRECTION IN HUMANISTARISTICS

The problem of introducing theology into the humanitarian educational space as a scientific specialty is considered. Theology is a systematic exposition of religious

faith and at the same time it is a system of disciplines that meet the criteria of scientific character. The author dwells on the problem of such a direction in theology as a theology of culture, which, as a branch of science, reserves the right to analyze the existing Orthodox culture, singling out in it humane, corresponding to the high Truth. Theology of culture in Russia continues the traditions of Russian philosophers of the early nineteenth century N. Berdyaev, S. Bulgakov, V. Rozanov, P. Florensky, S. Frank and others.

Key words: theology, theology of culture, orthodoxy, culture, art.

Звонок Наталья Степановна – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Zvonok Natalia Stepanovna – Candidate of Philosophical Sciences, Docent of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: zvonok1962@mail.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК 165.42

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В РЕЛИГИОВЕДЕНИИ**Деревянко К.В.****COLLECTIVE AGENT OF COGNITION IN RELIGIOUS STUDIES****Derevyanko K. V.**

Понятие коллективного субъекта познания (КСП), предложенное И. Т. Касавиным, было охарактеризовано им с точки зрения структуры. Авторы анализируют некоторые принципы функционирования КСП на примере актуальной для религиоведения и теологии проблемы аскетических практик (АП). По мнению авторов статьи, КСП не может успешно функционировать без общей для всех участников интерсубъективной логики. Если участники КСП пользуются различными типами логик, это должно быть отрелфлексировано и учтено в их совместной деятельности.

Поскольку Гегель был одним из первых философов, предлагавших набросок дефиниции КСП, в их функционировании определенное место должны занимать диалектические принципы становления и развития. Так, исследуя становление АП в своей философии религии, немецкий философ возводил их генезис к базисному феномену жертвоприношения. Игнорирование принципа системности может легко привести к редукционизму как отдельного исследователя, так и КСП.

Участие в работе КСП принимают носители различных парадигм. Диалог или полилог парадигм предполагает наличие их репрезентативных представителей. Для этого участники КСП должны соблюдать принцип последовательности в проведении своих собственных принципов. Релевантность перечисленных принципов подлежит верификации на других примерах из различных областей знаний.

Ключевые слова: коллективный субъект познания, логика, диалектика, системность, редукционизм, парадигма, диалог.

Введение. Понятие «коллективный субъект познания» (КСП) было проанализировано И. Т. Касавиным в работе [6]. Для уяснения структуры КСП автор использовал ряд весьма показательных примеров из различных областей знаний. Аналогичные примеры из области религиоведения помогают прояснить некоторые особенности функционирования КСП в этой сфере. Рассмотрим один из них. Работу КСП в религиоведении можно изучать в связи с любой проблемой. Остановимся на проблеме аскетических практик (АП).

Целью настоящей работы является анализ основных методологических принципов,

применяемых при изучении АП в современном религиоведении и философии религии. К таковым можно отнести принципы системности, логичности, диалектичности и диалогичности.

Основная часть. Значение методологических принципов исследования АП становится особенно заметным при анализе попыток их нарушения. Один из основных принципов состоит в необходимости соблюдения логических закономерностей. Это требование кажется само собой разумеющимся. Однако его нарушения встречаются довольно часто. Так, например, В. Г. Лысенко в содержательной работе об индийском аскетизме озвучивает претендующий на всеобщность тезис: «Непременным условием аскетизма в Индии, как и в религиозных традициях других регионов, был радикальный разрыв с обществом, отказ от социальных, религиозных и личных обязательств и культивируемых в обществе ценностей и готовность всецело посвятить себя поискам идеального внутреннего состояния...» [7, с.122]. Но уже через абзац автор опровергает непреложность собственного обобщения: «В глазах мирян аскеты были героями умерщвления плоти и победы духа над ограниченностью материальных условий. Их присутствие было своего рода гарантийным знаком духовной чистоты не только той или иной религиозной доктрины, но и религиозного уклада как такового. И это положение вещей оставалось неизменным на протяжении многих веков. Не случайно Ганди сумел привести Индию к ее независимости именно как аскет» [7, с.123]. Очевидно, успешную деятельность аскета Ганди трудно объяснить «радикальным разрывом с обществом».

Пытаясь оспорить тот факт, что АП является универсальным атрибутом любой крупной религии, философ достигает противоположного эффекта. При этом тезис и его опровержение парадоксальным образом сосуществуют в рамках одного предложения: «Далеко не все крупные религии располагали так или иначе институализированной традицией аскезы (например, ни шииты, ни сунниты не видят никакой надобности в специальной аскетической практике, поскольку их обычная

жизнь и так достаточно регламентирована), а в тех, в которых она в той или иной форме присутствует (христианство, суфизм, иудаизм), ее рассматривают скорее как опцию в рамках господствующей церкви (православие, католичество)» [7, с.122]. Но суннизм, шиизм и суфизм не являются отдельными «крупными религиями», представляя собой лишь течения в исламе. А такая «специальная аскетическая практика», как суфизм, присутствовала в этой религии всегда. Называть ее только «опцией» (т. е., не устойчивой практикой, а неким случайным выбором) довольно трудно, поскольку такой выбор значительная часть мусульман стабильно осуществляет уже вторую тысячу лет.

В христианстве аскезы практикуется две тысячи лет. И замена родового понятия («христианство») видовыми («православие», «католицизм») вряд ли может отменить этот факт. Таким образом, желая обосновать свой тезис, автор доказывает обратное: все крупные религии располагали и располагают так или иначе институализированной традицией аскезы.

Разумеется, философ может пользоваться и неаристотелевской логикой. Но он сам (и его собеседники) должны отдавать себе в этом отчет. В противном случае работа КСП будет иметь недостаточно высокий КПД. Любая логика интересубъективна, так как логос не может быть индивидуальным. А любой КСП не может не пользоваться логосом. Дисперсность распределенного знания, очевидно, имеет своим пределом стихию логоса.

Создателем логики как таковой был Аристотель. Поэтому в своих лекциях Кант называл греческого философа «отцом логики». Спустя столетие Хайдеггер развил эту метафору: «Кант еще ничего не знал о Гегеле и его нарождающейся логике, с которой тот стал и останется единственным и равнодостоинным сыном отца логики» («Kant wusste noch nicht von Hegel und dessen kommender Logik, mit der er der einzige und ebenbürtige Sohn des Vaters der Logik geworden ist und bleiben wird» [15, s.14]). Слово «ebenbürtige» В. В. Бибихин перевел как «равный по роду» [3, с.201]. Однако в этом случае не учитывались такие значения, как: 1) равный, равноценный, не уступающий (кому-нибудь), достойный; 2) равный по происхождению. Поэтому мы остановились на переводе «равнодостоинный».

Среди делавших свои «наброски дефиниции КСП» философов после Канта был назван Гегель [6, с.5]. Его диалектичность демонстрирует свою актуальность во многих вопросах, в том числе и в проблеме АП. Один из основных принципов диалектики заключается в том, что объективное изучение любого сложного феномена требует рассматривания его генезиса и развития. Однако многие исследователи АП сознательно уходят от подобных вопросов. Так, например, во введении к посвященной исследованию АП диссертации С. М. Дергалева исторический аспект проблемы

исчерпывается фразой: «Родоначальником одной из самых древних аскетических практик является буддизм» [5, с.4]. А в основном тексте работы еще раз авторитетно подтверждено, что «очень мощным источником аскетизма является буддизм» [5, с.52]. Но, помимо чисто дескриптивной характеристики аскетизма в буддизме, ни о какой динамике речи не идет.

Однако, как справедливо заметила Лысенко, «зарождение индийского аскетизма можно проследить к Ведам... Уже в «Ригведе» упоминается несколько категорий аскетов: яти («дисциплинированный»), кешин («волосатый»), муни («молчальник»), вратья («давший обет») [7, с.124]. Отсюда следует, что индийский аскетизм существовал за тысячу лет до возникновения буддизма и вследствие этого не мог не повлиять на его АП (о влиянии на концептуальном уровне хорошо известно). Но вопросы генезиса аскетизма остались вне поля зрения Дергалева.

Между тем, генезис АП является фундаментальной проблемой. С. С. Аверинцев, например, одной из древнейших мотиваций аскетизма считал «идею удовлетворения, приносимого за свои или чужие грехи. Самые архаические культуры уже знали концепцию жертвы как наиболее действенного средства обеспечить общине благо, связать силы зла и восстановить порядок мироздания, поколебленный нарушениями религиозно-моральных запретов» [1, с.74]. Феномен жертвоприношения был представлен в самых ранних формах поклонения и известен повсеместно. По мере культурного развития практика жертвоприношений видоизменялась и возникла потребность в некоем эквиваленте жертвоприношения, которым и стали АП.

Генезис аскезы из жертвоприношения был предметом глубокого анализа еще в гегелевских лекциях по философии религии. Этот анализ не утратил своей актуальности и сегодня. По мнению лектора, жертвоприношение несет в себе отказ от непосредственной конечности: «принося жертву, человек стремится засвидетельствовать, что конечность не должна быть мне *свойственна*, что я отвергаю для себя эту конечность» [4, с.390]. Смысл религиозного культа для него заключался в том, что конечный человек стремится восстановить исконную связь с бесконечным источником своего возникновения и существования. Это стремление в истории религии проходит через целый ряд этапов, пока не достигает своей полной реализации в христианстве. Богочеловеческая личность Иисуса Христа совершенным образом примиряет и соединяет в себе конечную природу человека и бесконечную природу Бога.

Однако после воскресения Христа человечество оказывается в совершенно новой ситуации. «При этом предполагается, что примирение само по себе уже совершено. В культе

человек создает для себя уверенность и присваивает это совершенное в себе примирение. Однако совершенно оно в Боге и Богом, и эту божественную реальность должен присвоить человек» [4, с.398]. Присвоить, т.е. усвоить и сделать своей «божественную реальность» человек может, становясь сознательно частью Тела Христова, согласовывая свою волю с Божьей волей.

Анализируя АП, Гегель входил в такие детали, которые и сегодня являются предметом оживленных дискуссий. «Присвоение примирения совершается посредством отрицания отчуждения, следовательно, посредством *отречения*. Тогда встает следующий вопрос: от чего, собственно говоря, должен отречься человек? Отречься следует от своей собственной воли, от своих вожелений и природных стремлений (Naturtrieben). Однако это может быть понято так, что природные стремления должны быть искоренены, а не только очищены, что живая воля должна быть уничтожена. Это совершенно неверно: истина заключается в том, что очищено должно быть лишь *нечистое содержание*, т.е. содержание стремлений должно быть приведено в соответствие с нравственной волей. Напротив, неправильно требование, возникающее при абстрактном понимании этого отречения, требование снять инстинкт жизни как таковой» [там же].

Рассуждения Гегеля помогают пролить свет на вопрос о смысле христианского аскетизма и его возможных искажений. Отрекаясь от своей греховной воли, человек вовсе не отказывается от воли благой: он просто начинает согласовывать свою волю с волей Творца. Отречение от совершенных в прошлом злых поступков начинается с покаяния: «это уничтожение их идеального существования есть *покаяние* и *раскаяние*; дух может совершить это отречение, так как он обладает энергией, с помощью которой он может изменить себя и уничтожить в себе максимы и интенции своей воли. Если человек отрекся таким образом от своего эгоизма и от раздвоенности с добром, то он обрел примирение и через опосредствование – мир в себе» [4, с.399]. Разумеется, использование категории «энергия» вовсе не приближает Гегеля к какому-либо современному «энергетизму» (разве что – к аристотелевскому).

Монашествующий аскет и сегодня может с интересом ознакомиться с гегелевской точкой зрения на монашеские обеты: «К тому, что свойственно природе человека, принадлежит и его имущество, его собственность; оно принадлежит его воле. С этой точки зрения можно было бы требовать и того, чтобы человек отказался и от своего имущества, или требовать безбрачия. Человеку принадлежит также свобода, совесть; если идти дальше по этому пути, то можно потребовать от человека и отказа от его свободы, от его воли, можно довести его таким образом до состояния тупого, безвольного существа. Такова крайность

подобного требования» [там же]. Но философ, как мы видели, призывает держаться золотой середины, когда «содержание стремлений должно быть приведено в соответствие с нравственной волей».

Для Гегеля история религии есть история культа, т.е. действительного воссоединения с Богом. «История божественного содержания есть по существу также *история человечества*, движение Бога к человеку и человека к Богу. Человек знает, что он существенно содержится в этой истории, переплетен с ее моментами... он познает достоверность содержащегося здесь примирения и наслаждается им» [там же].

Таким образом, с точки зрения гегелевской философии религии, АП возникли практически одновременно с возникновением религии. Только такой подход может привести в проблему АП подобающую ей глубину.

Одним из базовых принципов гегелевской философии, как известно, являлся принцип системности. Сегодня знания, относящиеся к АП, содержатся в целом ряде дисциплин: истории религии, психологии религии, социологии религии, феноменологии религии и некоторых других. Соблюдение же принципа системности должно привести к тому, чтобы с помощью категориального аппарата философии религии и философии культуры собрать и оценить эти знания в их взаимосвязи. Нарушение этого принципа приводит к необоснованной гипертрофии определенной концепции (или даже гипотезы), взятой из отдельной науки. Тогда возникают различные виды редукционизма. В советское время, например, доминировал редукционизм социальный. Сегодня некоторые исследователи на его место ставят редукционизм психологический.

Дергалев, например, во введении к своей диссертации сообщает: «В настоящее время наблюдается некоторая переориентация отечественных представителей трансперсональной психологии. Если ранее они работали только в сфере ориентации на Восток, то теперь происходит расширение поля поиска. В результате чего практика исихазма в настоящий момент времени называется трансперсональной практикой» [5, с.21]. Правда, отношение автора к такому наименованию осталось загадкой. Мало сказать, что некоторые отечественные психологи называют исихазм «трансперсональной практикой». Важно знать, правы ли они и как к этому относится диссертант.

Высочайшая оценка трансперсональной психологии приводится им в одном-единственном предложении из текста работы: «Часто феномен аскетичности воспринимается как нечто отжившее свой век и совершенно не приспособленное к решению тех проблем, которые стоят перед современным человечеством. Но даже беглый взгляд на феномен аскетичности с точки зрения практик самого себя, с точки зрения трансперсональной психологии открывают перед нами невиданные горизонты»

[5, с.71]. Однако из самого текста ни о содержании «практик самого себя», ни о содержании трансперсональной психологии читатель не узнает ровным счетом ничего. В обзоре литературы они упомянуты один-единственный раз: «Здесь можно было бы упомянуть и философа М. Фуко, который в работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» рассматривал аскетизм как «практику самого себя» [5, с.19]. А в финале диссертации ее автор честно признается: «Разумеется, невозможно было исчерпать всю проблематику в достаточной теоретической полноте. За полем нашего исследования остались практики самого себя в трансперсональной психологии... Здесь находится большое проблемное пространство для других исследователей» [5, с.168].

Таким образом, помимо предельно высокой (без всяких на то оснований) оценки трансперсональной психологии, никакого содержательного анализа проблемы Дергалев не дает. Из «других исследователей» большим поклонником данного направления был Е. А. Торчинов, изложивший свою концепцию в двух монографиях [9, 10]. Автор считал «своим долгом познакомить читателя с основными результатами исследований с помощью ЛСД, которые имеют огромную психологическую, культурологическую и философскую значимость» [9, с.33]. Как известно, исследования С. Грофа показали, что после воздействия галлюциногенных препаратов (или некоторых других средств) у испытуемых возникали измененные состояния сознания, которые были им названы «трансперсональными состояниями». Содержание же переживаний человека, находящегося в таких состояниях, интерпретировалось как воспоминание о различных этапах его развития в онто- и филогенезе, а также о прежних воплощениях.

Релевантность подобных интерпретаций далеко неочевидна. Поэтому все предложенные гипотезы нуждаются в кропотливой проверке и верификации. Однако Торчинов был непоколебимо убежден: «Необходимо подчеркнуть, что в ЛСД-сеансах имеют место именно воспоминания о перинатальных состояниях, а не аналогичные им галлюцинации, поскольку многое из сообщений пациентов относительно обстоятельств их внутриутробного развития и родов было верифицировано в ходе опроса их родителей или акушерского медперсонала» [9, с.34]. Верификация закончена. И действительно: кому же внутренний мир эмбриона может быть известен лучше, чем акушерке или родителям?

Торчинов солидаризировался с интерпретацией Грофа, согласно которой у субъекта в измененном состоянии сознания активируется филогенетическая и эволюционная память. «При этом субъект имеет очень живое убедительное чувство, что животные особи, с которыми он отождествляет себя, являются частью

филогенетической истории и что он таким образом исследует эволюцию видов в природе. Процесс субъективного отождествления, часто выходя за пределы человеческой фантазии и воображения [Куда же? – Авт.], включает в себя [Процесс? – Авт.] ощущение веса, размера, чувство тела, разнообразие физиологических ощущений, а также необычное восприятие окружения» [9, с.37].

Верификация подобных нарративов осуществляется просто: «С. Гроф сообщает, как после рассказа о переживаниях пациентки, отождествившей себя с самкой доисторической рептилии, он проконсультировался с зоологом-палеонтологом, подтвердившим на материале поведения современных рептилий адекватность этих переживаний» [там же]. Правда, и фальсифицируемость этих рассказов не составляет проблемы. Стоит только дать слово другому зоологу-палеонтологу, который (даже не беспокоя мир современных рептилий) авторитетно заявит, что переживания самок доисторических рептилий кардинально отличаются от впечатлений современной пациентки.

В последние годы, осуществив тщательный анализ концепции Торчинова, его ученики и коллеги пришли к справедливому заключению: «Сегодня методология, которой Торчинов придавал столь большое значение, едва ли может восприниматься с прежним воодушевлением. По крайней мере, она «лишь одна из» в длинном ряду объяснительных моделей, разработанных за пределами религиоведения» [8, с.117]. «Одним из фундаментальных аспектов трансперсональной психологии религии является весьма слабая включенность этой концепции в религиоведческий контекст» [8, с.122].

Причина подобных неудач заключается в том, что место принципа системности у Торчинова занимал диаметрально противоположный принцип: «Мы наблюдаем здесь определенный редукционизм, поскольку имеем дело с попыткой психофизиологического обоснования инвариантности религиозных переживаний» [8, с.117]. При этом из всех школ психологии религиовед выбрал наименее научное направление: «Преобразование психологии в духовную практику (spiritual discipline) дает основание значительному числу исследователей расценивать положение сторонников трансперсонального направления как спекуляции, несмотря на всю их популярность – в том числе и в настоящее время» [8, с.121]. Одним из поклонников данной «спекуляции», как мы видели, является Дергалев.

Важнейшую роль в изучении АП занимает феноменологический метод. Однако он дает лишь дескриптивный материал для дальнейшего осмысления. Применительно к православной аскезе особого внимания заслуживает книга С. С. Хоружего «К феноменологии аскезы» [12]. Если феномены православной АП описаны здесь

подробно, то их интерпретация не выдерживает критики с точки зрения принципов, заявленных самим ученым в начале своего исследования.

В своей книге «Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском отношении» [11] философ ставил задачу синтезировать святоотеческое богословие с идеями православных аскетов. Однако со временем в ходе реализации этого синтеза обнаружились ощутимые потери. Рассуждая о природе человека сегодня, он приходит к выводу о наличии в ней различных «энергий» и отсутствии какой-либо человеческой «сущности»: «Мы не сопоставляем человеку понятие сущности» [13, с.872]. В своей последней публикации автор категорически настаивает на «ставшем необходимостью отказе от понятия «сущность человека» [14, с.95].

А между тем, святоотеческое богословие (например, Халкидонский догмат) без этой категории обойтись не могло. Св. Василий Великий писал: «Нет ни сущности по природе без энергии, ни какой бы то ни было энергии без сущности, и больше того, мы познаем сущность через энергию, имея для удостоверения саму эту энергию как показание сущности: ведь Божией сущности никто никогда не видел, но мы все равно достоверно знаем эту сущность через ее энергию» [цит. по: 2, с.419]. Легко найти аналогичные рассуждения об отношении человеческой сущности и ее «энергий».

Хоружий, разумеется, имеет право сменить парадигму. Но работать одновременно в двух (христианской и постмодернистской) еще никому не удавалось. Стремление же подняться над обеими парадигмами довольно рискованно: легко можно оказаться в каком-нибудь межпарадигмальном пространстве. В любом КСП имеет место диалог (или даже полилог) различных парадигм. Но он возможен лишь при наличии их репрезентативных носителей. А последние, как правило, соблюдают принцип последовательности в проведении своих собственных принципов.

Выводы. Методология исследования таких сложных феноменов, как АП, требует применения системного подхода. На начальном этапе их изучения необходимо детальное феноменологическое описание с последующим герменевтическим истолкованием. Применение формальной и диалектической логики позволяет осуществить философский анализ и синтез знаний. Только после этого можно переходить к теологическому осмыслению изучаемого материала. Таковы, на наш взгляд, некоторые принципы функционирования КСП феномена АП в религиоведении и теологии. Разумеется, релевантность этих принципов подлежит верификации на других примерах из различных областей знаний.

Литература

1. Аверинцев С. С. Аскетизм / София-Логос. Словарь. – К.: Дух і літера, 2006. – С. 72-76.
2. Бибихин В. В. Краткие сведения о житии и мысли св. Григория Паламы / Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. – СПб.: Наука, 2004. – С. 409-421.
3. Бибихин В. В. Ранний Хайдеггер. – М.: Институт философии, теологии и истории св.Фомы, 2009. – 536с.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии религии / Г. В. Ф. Гегель. Философия религии: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 205-530.
5. Дергалева С. М. Философско-религиоведческий анализ феномена аскетизма в нехристианских и христианских традициях: дисс. ... канд. философ. наук. – Белгород, 2007. – 151 с.
6. Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа / Эпистемология и философия науки. – 2015. – №4. – С. 5-18.
7. Лысенко В. Г. Аскетизм в Индии: его принципы и основные формы / Религиоведение. – 2004. – №1. – С. 122-133.
8. Пахомов С., Рахманин А., Светлов Р. Творческое наследие Евгения Торчинова и особенности его типологии религий / Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 3(31). – С. 110-129.
9. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. – 384 с.
10. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 480 с.
11. Хоружий С. С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском отношении. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. – 138 с.
12. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 352 с.
13. Хоружий С. С. Лекции по синергийной антропологии / Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 748-882.
14. Хоружий С. С. Античная забота о себе и практика исихазма: компаративный анализ (заметки на полях «Герменевтики субъекта» Фуко) / Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 89-102.
15. Heidegger M. Logik. Die Frage nach der Wahrheit / M. Heidegger. Gesamtausgabe: in 98 Bdn. – Bd. 21. – Frankfurt am Main: Aufbau Verlag, 1976. – S. 6-182.

References

1. Averincev S.S. Asketizm / Sofiya – Logos. Slovar' – K.: Duh i litera, 2006. – S. 72-76.
2. Bibihin V.V. Kratkie svedeniya o zhitii i mysli sv. Grigoriya Palamy / Grigorij Palama. Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchih. – SPb.: Nauka, 2004. – S. 409-421.
3. Bibihin V.V. Rannij Hajdegger. – M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv.Fomy, 2009. – 536с.
4. Gegel' G. V. F. Lekcii po filosofii religii / G.V.F. Gegel'. Filosofiya religii: v 2 t. – T. 1. – M.: Mysl', 1975. – S. 205-530.
5. Dergalev S.M. Filosofsko-religiovedcheskij analiz fenomena asketizma v nekhristianskih i hristianskih

tradiciyah: diss. ... kand. filosof. nauk. – Belgorod, 2007. – 151 s.

6. Kasavin I.T. Kollektivnyj sub'ekt kak predmet epistemologicheskogo analiza / Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2015. – №4. – S. 5-18.

7. Lysenko V.G. Asketizm v Indii: ego principy i osnovnye formy / Religiovedenie. – 2004. – №1. – S. 122-133.

8. Pahomov S., Rahmanin A., Svetlov R. Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Torchinova i osobennosti ego tipologii religij // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2013. – № 3(31). – S. 110-129.

9. Torchinov E.A. Religii mira: Opyt zapredel'nogo: Psihotekhnika i tanspersonal'nye sostoyaniya. – SPb.: Centr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1998. – 384 s.

10. Torchinov E.A. Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo. – SPb.: Azbuka-klassika, 2005. – 480 s.

11. Horuzhij S.S. Diptih bezmolviya. Asketicheskoe uchenie o cheloveke v bogoslovskom i filosofskom otnoshenii. – M.: Centr psihologii i psihoterapii, 1991. – 138 s.

12. Horuzhij S.S. K fenomenologii askezy. – M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1998. – 352 s.

13. Horuzhij S.S. Lekcii po sinergijnoj antropologii / Fonar' Diogena. Proekt sinergijnoj antropologii v sovremennom gumanitarnom kontekste. – M.: Progress-Tradiciya, 2010. – S. 748-882.

14. Horuzhij S.S. Antichnaya zabota o sebe i praktika isihazma: komparativnyj analiz (zametki na polyah «Germenevtiki sub'ekta» Fuko) / Voprosy filosofii. – 2016. – № 8. – S. 89-102.

15. Heidegger M. Logik. Die Frage nach der Wahrheit / Heidegger M. Gesamtausgabe: in 98 Bdn. – Bd. 21. – Frankfurt am Main: Aufbau Verlag, 1976. – S. 6-182.

Derevyanko K.V.

COLLECTIVE AGENT OF COGNITION IN RELIGIOUS STUDIES

The concept of the collective agent of cognition (CAC), proposed by I. T. Kasavin, has been characterized in terms of its structure. The authors analyze some of the principles of functioning of the CAC through the problem of ascetic practices (AP), that is very important in religious studies and

theology. According to the authors, the CAC can not operate successfully without common for all participants intersubjective logic. If the CAC participants use different types of logic, it should be taken into account in their joint activities. As Hegel was one of the first philosophers who proposed draft definition of CAC, in their functioning should occupy a certain place dialectical principles of genesis and development. Thus, examining the AP genesis in his philosophy of religion, the German philosopher deduced their genesis from the basic phenomenon of sacrifice. Ignoring systemic principle easily leads individual researchers and the CAC to reductionism. Participation in the CAC functioning may take agents of media paradigms. Dialogue or polylogue between different paradigms requires an availability of their agents. For this purpose the CAC participants must abide by the principle of consistency in the conduct of its own principles. The relevance of these principles shall be the object of verification in the other examples from different areas of knowledge.

Key words: *collective agent of cognition, logic, dialectics, genesis, systemic, reductionism, paradigm, dialogue.*

Деревянко Константин Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: fl-fil@yandex.ru

Derevyanko Konstantine Vasilevich – Candidate of Philosophical Sciences, Docent of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: fl-fil@yandex.ru

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информатологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК:17

ИММОРТАЛИЗМ И НЕОИММОРТАЛИЗМ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Слюсаренко А. В.

IMMORTALISM AND NEOIMMORTALISM IN SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA

Slyusarenko A. V.

В статье рассматривается феномен атеистического иммортализма в русской мысли. В XX веке этот феномен существовал в различных формах и ныне оформился в виде нескольких трансгуманистических организаций. По силам ли решить проблему смерти современным имморталистом? Ответ на этот вопрос содержится в данном исследовании.

Ключевые слова: иммортализм, неоиммортализм, аоизм, биокосмизм, трансгуманизм, смерть, воскресение.

Коммунистическая утопия, соблазвившая наше общество начала XX века, имела один существенный изъян. Обещая людям все мыслимые материальные блага, коммунизм никак не решал проблему бессмертия. Смерть следовало принять как данность, как неизбежное природное явление. В таких условиях оставалось утешаться эпикурейской мудростью, согласно которой смерть нестрашна, поскольку пока её нет, мы живём, а когда она придёт, нас уже не будет. Однако этот софистический выверт – утешение слабое. Страх перед смертью омрачал жизнь устроителей советского парадиза.

Иммортализм (от лат. immortalitas – бессмертие) стал реакцией на морталистический характер коммунизма. Социал-демократия смирилась со смертью, отдала ей жизнь без боя, фактически капитулировала без всяких условий. Атеистический иммортализм стал отрицанием морталистического (якобы научного!) атеизма. Семён Людвигович Франк совершенно справедливо видел в атеизме «отрицательную религиозную философию» [1, с. 11]. В конечном итоге атеизм отрицает сам себя, превращаясь в абсурдный нигилизм. В этом отрицании обнажается квазирелигиозная интенция коммунизма. Провозглашая атеизм собственным мировоззрением, коммунисты не могут избежать решения чисто религиозных проблем, прежде всего проблемы бессмертия. Коммунизм становится плодородной почвой для возникновения разнообразных имморталистских утопий.

В 20-х – 30х годах в Советском Союзе было предпринято несколько попыток достичь бессмертия или, по крайней мере, радикально продлить человеческую жизнь.

Так, в 1921–1923 годах в Москве на Тверской улице работал «социотехникум» так называемых аоиств. Его основал Ефим Моисеевич Сержантов – некогда анархист, а в ту пору толстовец и энтузиаст вечной жизни. Сержантов и его последователи предполагали преобразовать хаотичный, по их мнению, мир на принципах целесообразности и разумности. Прежде всего решили привести в порядок русский язык. Новый, целесообразный и разумный язык получил название «Ао». Отсюда пошло и наименование всей группы. В языке «Ао» каждое слово должно было иметь связь с родственными словами и понятиями. Например, старое русское слово «нос» неразумно. Вместо него нужно говорить «нюхалка» – так яснее. Сержантов принял имя Биаэльби, что означало на новоязе «изобретатель жизни». Аоиствы учили, что глупо проводить треть жизни во сне. Разумный человек должен тратить на сон минимум времени. Радикально необходимо изменить и питание человека. Люди слишком много и часто едят. Аоиствы мечтали изобрести так называемые пиктоны – специальные пилюли, содержащие концентрированную пищу. Питание пиктонами должно было быть редким и безвыделительным. Также люди должны носить маски, поскольку неразумная природа многих обделила красотой. В перспективе аоиствы планировали создать искусственные солнца и устроить межпланетное сообщение. Конечной целью аоиств было достижение вечной жизни [2, с.94-98].

Бессмертие было главной целью и литературно-философского движения биокосмистов-имморталистов. Главными идеологами биокосмизма были Александр Фёдорович Агиенко (литературный псевдоним А. Святогор) и Александр Борисович Ярославский (1896-1930). Первый из них редактировал московский журнал «Биокосмист»,

второй – петроградский журнал «Бессмертие». В программном первом номере своего журнала Александр Святогор декларировал:

«В борьбе за биокосмизм нельзя идти ни на какие подделки и соглашения религиозного или мистического порядка. Вместо бессмертия за гробом и бессмертия в духе, нашей целью мы выдвигаем бессмертие здесь, на земле, в реальном космосе, бессмертие личности во всей полноте ее духовных и физических сил. Поэтому к религии и мистике мы относимся непримиримо отрицательно. Точно также, вместо мечтательно-поэтического, мнимого проникновения в космос, мы выдвигаем реалистический интерпланетаризм, как очередную задачу техники»[3].

Соратник Святогора – Э. Грозин так описывал пути достижения бессмертия:

«Реальное объединение сил, планов и законов бытия, постепенное подчинение их человеческой воле и разуму, – вот пути, по которым пойдет биокосмический человек к победе над смертью» [4]¹.

Петроградский теоретик биокосмизма Александр Ярославский планировал достичь грядущего бессмертия с помощью погружения всего человечества в состояние анабиоза. Проснуться человечеству предстояло уже в мире свободном от смерти. Победу биокосмической революции Ярославский описывал в собственной поэме:

«Бессмертье здесь, на земле
Удел человеческий - отныне.
Кто может живому велеть
Растаять в хаоса пучине?

Смерть,
Долой,
В гроба!

Вместе с Богом и рухлядь прочей!
Сомкнут бестрепетный строй -
И тебя за горло, судьба -
Биолог, поэт и рабочий!! <...>

Довольно же ждать у разломанных урн!
Идите же все без изъятия,
Мы всех призываем на солнечный штурм!
На штурм Вселенной, братья!

Пусть будет победен, Пусть будет неистов
Наш клич над Вселенною пленной паря,
Грядет Революция Биокосмистов
За Красной Звездой Октября!» [5]

Закончил свою жизнь проповедник анабиоза на Соловках секретным сотрудником лагерной администрации [6, с. 41].

Попутчиками имморталистов в погоне за бессмертием (как компромисс – долголетием) были некоторые советские учёные, среди прочих:

А.А.Замков, К.Э.Циолковский, И.И.Иванов, И.П.Михайловский... Сциентические утопии и опыты этих учёных пронизаны тоской по бессмертию. В художественной литературе эти искания сатирически изобразил М.А.Булгаков в знаменитой повести «Собачье сердце». Но и среди простого народа обнаружились стихийные имморталистские тенденции. Гротескно их показал в своих произведениях А.П.Платонов. Так, к примеру, героиня повести «Котлован» – Настя убеждена, что при коммунизме «умирать должны одни буржуи, а бедные нет». Русский крестьянин Порфирий Иванов в своём больном воображении (он страдал шизофренией) также вообразил, что коммунизм неразрывно сопряжён с вечной жизнью. В результате ему удалось создать целую секту своих последователей, которые увидели в нём коммунистическую мессию [7].

В наше время атеистический иммортализм снова подаёт признаки жизни. И вновь это реакция на морталистический характер атеизма. Безбожники, вопреки советам Эпикура, страшатся смерти. Решить эту роковую для атеизма проблему ныне берётся «Российское трансгуманистическое движение» во главе с петербургским учёным Даниилом Медведевым². Современные неоимморталисты почти воплотили в реальность мечты своих предшественников биокосмистов – их «Криофирма» берётся сохранять в замороженном состоянии мозг, а при желании, и всё тело умерших. Цель – воскрешение в недалёком будущем с помощью всемогущей науки. Объявленная стоимость услуги – 10000 долларов США [8]. Помимо достижения бессмертия у Даниила Медведева и российских трансгуманистов есть и другие цели. Например, уничтожение всякой организованной религии, прежде всего православия. Гуру трансгуманизма пишет:

«Религия, которая заставляет своих последователей делать ТАКОЕ, должна быть уничтожена.

Предлагаю начать с цивилизованных методов - поучаствовать в дискуссии в ЖЖ Фонда "Здравомыслие" насчет ОРКСЭ³, поубеждать людей в том, что следов сверхъестественных сил на планете не обнаружено, ну и так далее. А затем переходить к плану В, элементы которого мы уже обрисовали.

У меня вообще есть предложение. Нужно определить какую-то конкретную дату (она должна быть задолго до сингулярности, иначе опасно - какому-нибудь религиозному фанатику дай свертехнологии, и он такое учудит...), к

¹ Орфография оригинала – а. С.

² Данила Андреевич Медведев – род. В 1980 г. В Ленинграде, кандидат экономических наук, ведущий программы «Программа на будущее» на государственном телеканале «Россия 2».

³ ОРКСЭ – основы религиозных культур и светской этики.

которой мы собираемся уничтожить организованную религию. Ну не знаю, 2020-й год например. И постараться не сорвать сроки» [9]⁴.

Увы, ничего нового к ругательствам поэта-биокоσμиста Ярославского Данила добавить не сумел. С высоты его учёности в наш адрес летят всё те же ругательства и проклятия... План «В» предполагает комплекс военных и экономических методов «борьбы с клерикализацией» [10]. В своём ЖЖ Данила Медведев сокрушается:

«Одни мои друзья занимаются пропагандой нетрадиционной сексуальной ориентации (защищают права ЛГБТ), другие оскорбляют чувства верующих (создают пародийные церкви и пропагандируют атеизм). Разумеется, их винтит ОМОН, им угрожают ФСБшники, обливают кетчупом ПГМнутые и бьют в отделениях.

А я продвигаю и пропагандирую гораздо более возмутительные и радикальные идеи - создание транслудей и постлудей, полная перестройка человека и природы, уничтожение общества и замена его ноосферным постчеловеком, отказ от эмоций, иррациональной веры, инстинктов и загрузка личности в компьютер.

Сократа за меньшее афиняне заставили выпить цикуту. Джордано Бруно за меньшее инквизиция сожгла на костре. А ко мне и к трансгуманистическим идеям общество почему-то относится более терпимо, чем к перечисленным выше вещам. Подскажите, что я делаю не так» [10].

Лестное для себя сравнение с Сократом наш имморталист делает совершенно произвольно. Данила Медведев по всем параметрам ближе к тем, кто был среди врагов Сократа – софистам. Именно они, а не Сократ стояли на позициях атеизма, а в лучшем случае агностицизма. Сократ же почитал богов и чтит единого Бога, за что удостоился от св. мученика Иустина Философа – звания «христианина до Христа».

На смену Православию и традиционным религиям, по мысли Данилы, придёт некая «рациональная, трансгуманистическая религия» [11]. В одной из социальных сетей неоимморталисты именуют своё сообщество «Церковью им. Тони Старка». Тони Старк – это железный человек, герой американских комиксов – прообраз трансчеловека...

По ряду признаков «Российское трансгуманистическое движение» вполне подпадает под квалификацию деструктивного культа или секты. Данила осознаёт себя религиозным вождём,

гуру. У них есть организация, особый метод спасения. С традиционной религией и культурой неоимморталисты находятся в конфронтации. Очевидно, в дальнейшем эти тенденции будут нарастать и РТД превратится в полноценную псевдонаучную секту.

Иммортализм в духовном смысле есть попытка устройства Рая без Креста. Трансгуманисты повторяют зады позитивизма, социалистического утопизма, потерпевших крах в своих притязаниях устроить совершенную жизнь без Христа, без духовного опыта страданий, болезни и смерти. Смерть не есть только научная проблема, как думают трансгуманисты. Её корни в сфере духовного, и пути преодоления её следует искать в сфере духа. Из тупика атеистического псевдоиммортализма возможен только один выход – через иммортализм подлинный – христианский. Истинный путь к бессмертию – через Воскресение Христова, через приобщение к Его смерти и воскресению: «Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освобожден от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим.6.3-9).

Литература

1. Франк С.Л. Введение в философию. Петроград: Academia, 1922. – 128 с.
2. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы / Сост. А.Б. Рогинский. – М.: Книга, 1989. – 480 с.
3. Святогор А. Наши утверждения // Биокоσμист. Орган организации: Креаторий Российских и Московских анархистов-биокоσμистов. 1922. №1. – С. 4.
4. Грозин Э. На пути к биокоσμизму // Биокоσμист. 1922. №1. – С. 6.
5. Ярославский А. Поэма Анабиоза. Петроград: Издание Комитета поэзии Биокоσμистов-Имморталистов, 1922. – С. 2-14.
6. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Части III-IV // Собрание сочинений в 30-томах. Т. 5. – М.: Время, 2010. – 558 с.
7. Слюсаренко А., свящ. Иванов, ивановцы, ивановщина. О Паршеке и его «детках». – Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2009. – 176 с.
8. О крионике. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/65/86/>
9. Медведев Д.А. Православие должно быть уничтожено. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/182821.html>
10. Медведев Д.А. Стратегия антиклерикализации – [Электронный ресурс]. – URL: [HTTP://LIVINGTOMORROW.LIVEJOURNAL.COM/212561.HTML](http://LIVINGTOMORROW.LIVEJOURNAL.COM/212561.HTML)
11. Медведев Д.А. Что я делаю не так? – [Электронный ресурс]. – URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/236461.html>

⁴ На видео, помещённом в ЖЖ Д.Медведева, запечатлена старушка, сидящая на тротуаре и просящая милостыню... именно за это православие должно быть уничтожено. - а.с.

12. Медведев Д.А. Рациональная религия. – [Электронный ресурс]. – URL: [HTTP://LIVINGTOMORROW.LIVEJOURNAL.COM/174365.HTML](http://livingtomorrow.livejournal.com/174365.html)

References

1. Frank S.L. Vvedenie v filosofiyu. Petrograd: Academia, 1922. – 128 с.
2. Vospominaniya krestyan-tolstovtsev. 1910 –1930-e godyi / Sost. A.B. Roginskiy. – М.: Kniga, 1989. – 480 с.
3. Svyatogor A. Nashi utverzhdeniya // Biokosmist. Organ organizatsii: Kreatoriy Rossiyskih i Moskovskih anarhistov-biokosmistov. 1922. №1. – S. 4.
4. Grozin E. Na puti k biokosmizmu // Biokosmist. 1922. №1. – S. 6.
5. Yaroslavskiy A. Poema Anabioza. Petrograd: Izdanie Komiteta poezii Biokosmistov-Immortalistov, 1922. – S. 2-14.
6. Solzhenitsyn A. I. Arhipelag GULAG. Chasti III-IV// Sobranie sochineniy v 30-tomah. T. 5. – М.: Vremya, 2010. – 558 с.
7. Slyusarenko A., svyasch. Ivanov, ivanovtysi, ivanovschina. O Parsheke i ego «detkah». – Nizhniy Novgorod: Hristianskaya biblioteka, 2009. – 176 s.
8. O krionike. – [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/65/86/>
9. Medvedev D. A. Pravoslavie dolzhno byit unichtozheno. – [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/182821.html>
10. Medvedev D. A. Strategiya antiklerikalizatsii – [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/212561.html>
11. Medvedev D. A. Chto ya delayu ne tak? – [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/236461.html>

12. Medvedev D. A. Ratsionalnaya religiya. – [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/174365.html>

Slyusarenko A.V.

IMMORTALISM AND NEOIMMORTALISM IN SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA

The article deals with the phenomenon of atheism immortalism in Russian thought. In the twentieth century this phenomenon has existed in various forms and now took shape in the form of several transhumanist organizations. It affords you solve the problem of the death of modern immortalists? The answer to this question can be found in this study.

Key words: *immortalism, newimmortalism, aoism, biocosmism, transhumanism, death, resurrection.*

Слюсаренко Алексей Владимирович – кандидат богословия, старший преподаватель кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Slyusarenko Alexey Vladimirovich – Candidate of Theology, a Senior Lecturer of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: slusarenkoa@mail.ru

Рецензент: *Лустенко Андрей Юрьевич* – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»

Статья подана 14.10. 2017

УДК 165.62

ТЕОРЕТИКО-КОНСТРУИРУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Мандрыка В. А.

THEORETICAL AND CONSTRUCTIVE ACTIVITIES AS A WAY OF RESOLVING THE EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS

Mandryka V. A.

В статье обсуждается современная острая проблема эпистемологии и философии науки, о природе и перспективах эпистемологического и феноменологического конструктивизма и проективно-теоретической деятельности в контексте рефлексивного научного теоретизирования. Показывается, что когнитивная способность предметно-теоретического и предметно-практического, разумно-рассудочного тематического конструирования является базовой в познающей деятельности когнитивно-эпистемологического субъекта. Делается вывод о естественном когнитивном фундаменте генетически-конструктивного метода в научном мышлении: абстрактно-теоретическое мышление научного типа переводит на более высокий уровень способность сознания, осваивающего и конструирующего мир в перспективных образах, моделях, теориях. Активность такого субъекта представлена как эвристически-смысловое проблемно-познавательное конституирование в формах смыслополагания, смыслоосчитывания, смыслоконструирования, смыслокомбинирования, понимания и интерпретации, новых типов научных знаний.

Ключевые слова: *познание, конструирование, смыслополагание, знание, схема, модель, понятие, теория, онтология, феноменология, когнитивные процессы, эпистемология.*

Введение. Ускоренные процессы социального и научно-технического прогресса обусловили динамичность знания, а вместе с этим и проблемы его новизны, исследования различных феноменов эвристической мыследеятельности процессов порождения и доказательства их истинности, а также конструктивной и регулятивной эффективности. Именно эти эпистемологические, феноменологические и логические особенности выступают специальным предметом методологической рефлексии. Необходимо специально сказать и о том, что новое в знании – это не всегда добавление, но и приращение выводов, умозаключений, принципов, постулатов, аксиом. Но логико-эпистемологический процесс нового может быть связан также с преобразованием

(перестройкой) и переоценкой. Теоретическое продуцирование нового знания можно анализировать в ключе рефлексий классической, неклассической и постнеклассической парадигм рациональности (В. С. Степин, В. А. Лекторский, Л. А. Микешина, И. Т. Касавин).

Среди многочисленных подходов и парадигм исследования проблем онтологии нового знания выделяются специальные рефлексивные процессы конструктивного построения новых понятий, моделей, схем, рассуждений. «Конструктивизм или конструкционизм, как пишет И.Т. Касавин, – направления в эпистемологии и философии науки, в основе которых лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов, понятий, рассуждений» [4, с. 129].

Произошел методологический поворот к парадигме эпистемологического конструктивизма в научной, научно-технической, художественной, историко-исследовательской, лингвистической деятельности, в психологии контекстуальных опознаний и обыденной деятельности.

Цель исследования. С расширением «поля» рациональности, признанием целеполагающей значимости конструктивной эпистемологии в познавательных (когнитивных) процессах, ее понятия «смыслополагание», «смыслоконструирование», «смыслокомбинирование» определяются автором статьи как «универсальные» формы эвристических и регулятивных процессов освоения непознанных сюжетов идеальной и материальной действительности. Эти понятия тематически-разнообразного конструктивного познания являются нашим интересом, а целью анализа в различных контекстах как формы, методы познавательной и проективной способности научного познания, как когнитивных процедур порождения новых смыслов, и как специфических способов бытия конструктивно творящего человека в мире. С методологических позиций развивается модель интерпретации

эпистемологического субъекта постигающего (выявляющего), порождающего (придающего), смыслозадающего перспективы как перед социально-гуманитарным знанием, так и перед естественными и техническими науками.

Отметим следующее: понятия «конструктивная деятельность», «конструирование», «конструкт», «проект», «проектирование», «проективно-конструирующая деятельность» широко используются в современных теоретико-понятийных структурах различных типов системного и междисциплинарного научного и ненаучного знания, в исследовании научных и научно-технических интегральных проблем системно-структурного, системно-функционального, системно-исторического, системно-генетического характера. Однако эти понятия не имеют пока четких определений.

Проблемно-смысловое конструирование используется почти во всех современных познавательно-преобразовательных процессах. Во второй половине XX века резко возросла роль целенаправленной конструирующей и проективной деятельности, в исследовании фундаментальных и прикладных системных проблем, «гибридных» проблем, образующихся на стыке различных наук в единстве с различными видами и формами научно-технической, экологической, социальной, медицинской, эстетической преобразовательной деятельности. Широко развивается теория и практика эвристического моделирования и проектирования искусственно создаваемой реальности. Возникли системы знания совершенно нового типа о мире искусственных вещей. Особую методологическую актуальность приобрела практика эвристических моделей социально-экономического, научного, научно-технического, космического и экологического проектирования, конструирования, моделирования, программирования и прогнозирования.

Смыслополагающие процессы, конструктивная деятельность качественно изменили форму и содержание различных видов материальной конструирующей деятельности, обусловили скачок в конструировании процессов художественного конструирования и различных видов дизайна. В этой связи возникли совершенно новые виды эстетической деятельности, например, открытие и широкое развитие видеоклипа как конструктивного эстетического феномена современной цивилизации.

Смысловое конструирование – это процесс конструктивного конституирования возможных онтологических миров и логико-гносеологических идеализаций – эвристических конструктов, постулирующих гносеологические способности теоретического и практического разума. И если предметная область познания не дана непосредственно, то ее нужно конструктивно предположить, сконструировать как заданную. Это есть мысленно творящий процесс чувственной и интеллигибельной реальности, процесс идеального

конструирования образов, моделей, феноменологических смысловых картин, понятийно-знаковых структур нового знания.

Главная особенность любого типа продуктивно-конструирующего мышления – это порождение новых смыслов, новой смысловой реальности – многообразных возможных миров. Возникновение новых смыслов есть творчески-конструктивный многомерный процесс, позволяющий человеку познавать и преобразовывать реальное бытие через структуры абстракции (чистого сознания), через язык, через миропонимание и ценностные формы всеобщего. Основатель феноменологии Э. Гуссерль пишет: «Между сознанием и реальностью по истине зияет пропасть смысла» [2, с. 108]. Любая интеллектуальная и конструктивная человеческая деятельность связана с моделированием целеполагающей онтологии мыследеятельности, порождением новых концептуальных структур. В структуру этого процесса входят опыт, осмысление, переосмысление, созерцание, интуиция, воображение. Что есть основоположением продуцирования смыслов?

Выделение и теоретическое обоснование термина «смысл» в значении процесса смыслополагания как формы конституирования продуктивного мышления имеет теоретико-методологическое значение в решении вопросов соотношения и взаимосвязи мысли и языка, смысла и реальности, содержательного отношения языковых конструкций с анализом концептуально-теоретических систем, мнения и знания, предположения и опыта. Сформулировать или усвоить определенный смысл (концепт), смысловую структуру – значит построить или реконструировать, понять и переосмыслить вербально-когнитивную систему, ядром которой есть концепты. Иначе говоря, происходит мысленное конструирование системы концептов – смысловой основы концептуальной системы или определение смысловой близости концептов как логико-гносеологической и онтологической возможности теоретического перехода от одних концептов к другим – новым концептам системы знания. «Смысл» такого перехода мыследеятельности и теоретизации имеет значение концепта – синтеза других концептов. Совместимость и несовместимость концептов системы свидетельствует об онтологической связи и логическом определении одних концептов другими, о построении структуры новых концептов данной концептуальной системы. Это означает, что концепты – это составляющие концептуальной структуры, которая есть мысленно-конструируемый концепт данной теоретической системы.

Концептуально-тематическое интеллектуальное конструирование многообразно: в философии Гегеля представлено структурой взаимосвязанных форм являющегося духа («Философия духа»), в работе Шеллинга «О конструировании в

философии» – методом дедукции, в феноменологическом учении Э. Гуссерля – процессом «усмотрения сущностей», в форме «интенциональных актов» сознания, «феноменологической дескрипции», описания смысловой структуры феномена – совокупности рядоположенных элементов сознания. А. Лосев, теоретически анализируя особенности «феноменологического метода» Э. Гуссерля, указывает на тот недостаток, что его феноменология ориентирована «на статические» особенности смысла вещи [5, с. 896]. Феноменолог А. Лосев считает, что смысловая структура интеллекта имеет динамический характер. Под конструированием он понимает «логическую конструкцию категориальной структуры», имеющую диалектическую природу. Диалектическое конструирование порождает особого рода Эйдос – «живое бытие предмета, пронизанное смысловыми энергиями, идущими из его глубины и складывающимися в цельную живую картину явленного лика сущности предмета» [6, с. 254]. Спродуцированная смысловая картина есть идеально-оптическая картина. Структурные элементы ее предстают во взаимной связи, в движении, смысловых изменениях. Таким образом, интеллектуальное конструирование репрезентирует «смысловые картины» различных онтологических миров, структуры понятий-идеализаций, образов-идеализаций, которые порождают новые этажи теоретизирования, трансформируют действующий стиль мышления, становятся новыми познавательными структурами научных поисков и открытий.

Современная конструирующая деятельность принципиально иная, чем конструирующую деятельность эпохи римских мыслителей, Гераклита, Платона. Если современное конструирование называется «научным», в основе его лежит критическая рефлексия и формы рациональности, теоретические знания и открытия естественных и технических наук, структуры научных технологий производственной деятельности, то логика конструирования древнегреческих мыслителей опиралась на умозрительные, мнимые и фантастические представления. Известный историк науки И. Д. Рожанский о философско-теоретической модели Анаксимандра в этой связи пишет, что «созданная им грандиозная картина мироздания – это не результат обобщения данных опыта и наблюдения: путь Анаксимандра был прямо противоположным. Обладая не столько аналитическим, сколько конструктивно-синтетическим умом, Анаксимандр первую законченную модель космоса, сплавил воедино многие разнородные элементы, в числе которых были и древние космогонические легенды, и идеи, почерпнутые в странах Востока, и традиционные народные представления» [8, с. 158].

Кант, анализируя трансцендентальную силу воображения, формулирует различие мышления и познания: «Мыслить себе, предмет и познать предмет не есть одно и то же» [3, с. 201]. Творчески мыслить можно согласно различным принципам, свободно выбирать предмет мысли какой угодно, в том числе нигде не существующий (например, существование альтернативных миров мифологической или утопической реальности; мысленно конструировать смысловые картины фантастической технической реальности или с точки зрения геной инженерии), создавать идеализированные структуры естественнонаучных и гуманитарных понятий, которые будут выполнять определенную роль в развитии культуры.

Смыслополагающему конструированию присуща самопроизвольность, спонтанность. Такой характер деятельности основывается продуктивной способностью воображения и дискурсивного мышления, например, я творю мыслью «рисунок», описываю «картины» воображаемой страны, острова, планеты.

Конструирующие возможности рассудка позволяют создавать: 1) эмпирические понятия, схемы, образы, модели и 2) конструкции «чистых» рассудочных понятий – чистой схемы, чистого образа. Спонтанность конструирующего сознания и опыта у Канта обуславливается дедукцией эмпирических построений и дедукцией категорий. Рассудок есть способность суждения, «все функции рассудка можно найти, если полностью показать функции единства в суждениях» [3, с. 167]. Объединяющие и синтезирующие функции рассудка в суждениях как раз и определяют его динамику продуктивной конструирующей деятельности. Предметы, находящиеся в сфере познания, не «дают», не «высвечивают» отношения, законы, причины развития в чистом виде. познающий субъект должен их «усмотреть», вычленив, открыть, мысленно и теоретически сконструировать.

Смыслополагающий и конструирующий рассудок обусловлен и чувственностью, и разумом. Кант относил разум к сфере философского познания. «Дело разума» продуцировать опосредованные, обобщенные результаты познания, конструировать понятия, давать принципы. Если рассудок продуцирует суждения, то разум определяется способностью умозаключать, конструировать различные типы умозаключений – дедуктивные и индуктивные; категорические, условные, гипотетические.

Разум и рассудок как процессуальные формы мыслительной конструирующей деятельности характеризуют не столько то, что преобразуется и что получается в результате обобщения, смыслового сочетания и синтеза, сколько образуют, как правило, сам механизм познавательного преобразования содержания образов, понятий и схем. Деятельность теоретического разума и рассудка позволила

«проникать», «залазить» как бы вовнутрь, а невидимую и неизвестную часть исследуемого предмета создавать умозрительно, полаганием, допускать возможное наличие свойств, законов, отношений в форме представления – образа, схемы. Эта особенность рассудочного мышления и есть смысловое полагание и конструирующие. С одной стороны, субъект рассудочным способом может мысленно как отдаляться (отходить) от целостности предмета, выделять суждениями отдельные его свойства, структурные элементы и связи, осмысливать их гносеологическую сущность. С другой стороны, субъект, изучая этот предмет, конструирует в уме его единство, целостность и форму. Рассудок продуцирует суждения, которыми постепенно, этапами, через образ и схему, конструирует целостную картину о нем. Образ и схема предстает как синтез чувственности, разума и рассудка в единстве с продуктивностью воображения (И. Кант).

Научный поиск и смысловая конструирующая деятельность применяют и продуцируют различные модели рассуждений – структуры, эмпирического и теоретического, чувственного и рационального процессов развития знаний. Логика и аргументация рассуждений – предложений – «строительных лесов» (Л.Витгенштейн) теоретических систем предстают в формах конструктивных теоретических обобщений, доказательств, опровержений, фиксирующих логические отношения, в выяснении которых «заинтересован» субъект. Такие модели рассуждений есть смысловые структуры концептуального решения проблемных ситуаций, вопросов, например теоретического исследования или научно-технического проекта. Они определяют последовательность и аргументированность познавательных действий, следствием которых есть максимальной вероятности успех, который содержит логику и эвристику императивов научной рациональности. Математизация этого процесса определяет структурные принципы согласованности и обоснованности, дает метод обобщения, на основе которого делаются объяснения путем более углубленного математического анализа. Кроме того, математические концептуальные модели рассуждений междисциплинарных, системных, фундаментальных научно-технических исследований и проектов, как правило, есть «гибридные» системы теоретических смыслов, конструктов различных систем знаний и производственной практики.

Разумно-рассудочная конструирующая деятельность состоит в создании новых концептуальных смыслов искусственного, теоретического замыслов и сценариев проекции будущего. Что такое искусственное?

Искусственный мир – это «вторая природа», продукт интеллектуальной конструктивной деятельности человека. Увеличение научных знаний, возникновение форм и методов творческой

деятельности – это усиление теоретической способности разума и расширение конструктивных возможностей субъекта познания. Отличительная особенность технического и художественного творчества от научного состоит не в познании «естественного» предмета и явления, открытии и доказательстве истины, а в конструировании, создании проектов и программ материального конструирования «искусственного», таких культурных реальностей, которых еще никогда не было. Американский ученый в области теоретической кибернетики М.Минский считает, что технические устройства – машины – это физические модели, подтверждающие конструирующие процессы абстрактно-теоретических концепций. Умственные построения, например, в математике, как утверждает А.А.Марков, отражают прообразы материальных построений. Об этом он пишет так: «Ведь умственные построения, такие, например, как построения все больших и больших натуральных чисел, обычно являются слепок с построений материальных, осуществляемых в окружающей нас действительности. Материальными прообразами таких построений являются построения все больших и больших домов, все более сложных машин и т.п. С другой стороны, умственные построения оказываются часто проектами построений материальных» [7, с. 227].

Технология и стратегия конструирующей деятельности может быть определена (как в отношении естественного, так и искусственного) формулой «Цель – метод – результат». Наличие исследовательских программ, стратегий – конструкций научного поиска, теоретических конструкций – технологий процесса решения конкретных научных и научно-технических проблем имело место в творческой деятельности М.В.Ломоносова, В.И.Вернадского, К.Э.Циолковского, А.А.Любищева, А.Н.Туполева, А.С.Яковлева.

Конструирующее сознание создает схемы, модели, системы образов и понятий новых идеальных объектов в контексте «возможных миров», идеальных форм виртуальности, не имеющих аналогов в действительности. Творение идеальных объектов осуществляется процессами воображения, созерцания, рассуждений, которые имеют, как правило, наглядный характер, являются «прототипом вещей – вещей таких, каких нужно было бы, чтобы они могли быть модифицированы для коллективных потребностей» [1, с.227].

Проблемно-познавательная смыслополагающая конструирующая деятельность не исчерпывается социально-техническим конструированием. Потребности материального конструирования обусловили относительную самостоятельность интеллектуального конструирования. Конструктивные возможности человеческого интеллекта различных умственных построений

лучше всего изучены математическим и научно-техническим мышлением. Таким образом, сформировалась особая форма интеллектуальной конструктивной деятельности – субъективно-идеальная.

О теоретизации мира искусственного. Проблема качественных различий мира естественных и мира искусственных предметов и процессов такова, что она выражается в содержательности теоретических знаний, их конструктивных особенностях и в спецификой созидательной деятельности. Практика научного познания и идеи конструирующей деятельности требует, чтобы теоретические и прикладные знания об искусственном нашли свое отражение в научной картине мира, в парадигмах миропонимания и конкретного мироотношения. Такие идеи стали формироваться теоретически более обстоятельно, концептуально. Оригинальной является точка зрения Г.Саймона о естественных науках, представляющих анализ и науках об искусственном, представляющих синтез в науке «Науки об искусственном». Основные общетеоретические положения концепции Г.Саймона таковы:

«Мир, в котором мы живем, в значительно большей мере является творением человеческих рук, чем природы, это гораздо более искусственный, нежели естественный, мир» [9, с. 10].

Если естественное предстает перед человеком в готовом виде как творение природы, «непосредственно данное», и изучается как таковое, то искусственное должно быть создано, спроектировано и произведено. Главная идея Г.Саймона в том, что необходимо разработать универсальную теорию конструирования искусственного. Он пишет: «...я призываю не к тому, чтобы игнорировать фундаментальные науки, а лишь к тому, чтобы наряду с фундаментальными основами естественных наук включить в программу и фундаментальные основы инженерного искусства. В 30-е годы это не представлялось возможным, зато это можно сделать сейчас» [9, с. 72].

Искусственное – это своеобразный конструктивный симбиоз, ибо всякое искусственное основывается материальным «носителем», закономерностями развития естественного. Интеллектуальный конструирующий процесс искусственного можно разделить на три больших творческих этапа: 1) этап замысла, осмысления и поиска решения поставленной задачи; 2) проектирование объекта; 3) разработка производственной технологии его изготовления.

Существует ли логика и феноменология технологии интеллектуального конструирования?

На вопрос психолога П.М.Якобсона о том, как проходит решение поставленной задачи, ученый и авиаконструктор А.Н.Туполев отвечает так: «Когда начинаешь продумывать вопрос, занимаешься поисками, то критически просматриваешь то, что было сделано тобой... Есть стремление отойти от

тех решений, которые были, хочется подойти с какой-то новой, непривычной стороны, взглянуть с новой точки зрения. Занимаешься продумыванием вопроса. Есть известный запас знаний, конструктивных форм, схем, технических принципов, которые при этом используешь» [11, с. 116]. Далее А.Н.Туполев говорит о самом творческом процессе, о комбинировании нового, о нешаблонном решении проблемы, создании образа, концепции. Главное внимание обращается на методологию и гносеологию образа. А.Н.Туполев в этой связи отмечает: «Представляется ли он (эйдос – образ – В.М.) реальным? Как рассказывают некоторые изобретатели, они видят, скажем, комбайн, как он работает, пылит и т.д. Думается, что такая ясность бывает далеко не в первой фазе» [11, с. 117]. Чтобы представление было реальным, надо много думать, вести поиски, конкретизировать решение задачи.

На вопрос П.М.Якобсона о том, какой «характер носит работа после отыскания решения», А.Н.Туполев отвечает так: «После отыскания решения наступает иная стадия работы, которая имеет много фаз. Суммарно о ней можно сказать так, что тут наступает период конструирования. Конструирование гораздо строже, чем изобретение» [11, с. 117].

В современной западной литературе по философии науки имеют место концепции логики открытия, логики конструирующей деятельности. Это концепции репродуктивных рассуждений – умозаключений Н.Р. Хенсона, логики «как эпистемологического анализа процесса поиска» Г.Гейтинга, «логики метода открытия» Г.Саймона, концепции синектики У.Гордона и методики инженерных конструирующих схем Е.Метчетта, «теория сложности объекта» проектирования дизайна Т.Мальдонадо и А.Моля. Среди многочисленных проблем, которые возникают при изучении эпистемологических вопросов научного и технического поиска, создания новых теорий, проектов и технологий, узловым оказывается вопрос сущности методологии и гносеологии различных интеллектуальных конструирующих процессов, форм и методов научно-теоретических конструктов. В последние десятилетия исследователи проблем творчества, открытия и проектирования стали уделять большое внимание эвристике мысленного эксперимента, логико-гносеологической роли разнообразных теоретических и научно-технических конструктов.

Эвристика концептуальных систем рассуждений позволяет мыслительной деятельности переходить от одних блоков знаний к другим. От одних идеализирующих объектов к другим, от одного уровня обобщений к обобщениям иного уровня и логически обоснованным теориям. Методологическое значение концептуальных структур рассуждений прежде всего в том, что они есть способ развития смысловой конструктивной

интеллектуальной и материальной деятельности, способ теоретического перехода от гипотезы к теории, от одной теории к другой, от одного конструирующегося проекта к другому. Теоретическое конструирующее сознание развивается как процесс генерирования новых идей, верифицируемых и неверифицируемых предположений, рабочих и правдоподобных гипотез, онтологических допущений, правдоподобных моделей индуктивных рассуждений, аксиом. Эйнштейн в работе «Геометрия и опыт» ставит вопрос о способности человеческого разума вне опыта, одними размышлениями понять истину свойств вещей. Гений физики, обращаясь к анализу «аксиоматики», сущности геометрических аксиом – свободных творений человеческого разума, не имеющих реального прообраза в действительности, пишет, что они ничего не могут «сказать о реальных объектах, или о каких-либо наглядных образах», так как «под точкой, прямой и т.д. в аксиоматической геометрии следует понимать только лишённые содержания понятия. То, что даёт им содержание, лежит вне математики» [11, с. 84]. Чтобы иметь понятия, суждения такого рода, «мы должны, – пишет А. Эйнштейн, – лишить геометрию её формально-логического характера, сопоставив пустой схеме понятий аксиоматической геометрии реальные объекты нашего опыта» [10, с. 84].

Выводы: 1. Смыслополагающая феноменологическая и эпистемологическая, идеальная и материальная конструирующая деятельность порождает структуры различных типов научных знаний, которые определяются предметами и явлениями искусственного мира. «Искусственный» мир в своем развитии предстает как «дважды возможный» – и с точки зрения возможности «усмотреть» и практически осуществить, и с точки зрения объективных условий, независимых от сознания субъекта деятельности. Мы согласны с идеей Г. Саймона, что главная задача современных высших учебных заведений (независимо от профиля) заключается в том, чтобы научить будущих специалистов науке конструирования, принципам проективно-конструирующей деятельности и теоретического синтеза.

2) Материальная конструирующая деятельность невозможна без целеполагающего смыслового конструирующего феномена, который продуцирует системы образов новой реальности в форме интегральных схем и моделей, новых проектов и технологий – творческих форм перехода от теории к практике. Исследование материальной и интеллектуальной конструирующей деятельности имеет важное значение в аспекте научного понимания и дальнейшего развития социальной и познавательной деятельности человека.

Литература

1. Валлон А. От действия к мысли. – М.: Изд-во иностранной литературы, – 1956. – 238 с.
2. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги. 1999. – 336 с.
3. Кант И. Соч.: В 6-ти т. – М.: Мысль – 1966. – Т.3.- 688 с.
4. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. Т.51. №1. – С. 8-17.
5. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
6. Лосев А.Ф. Из ранних произведений / Сост. ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Правда, 1990. – 655 с.
7. Марков А.А. Комментарии // Гейтинг А. – Интуиционизм. – М.: Мир – 1965. – 200 с.
8. Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука «о природе». – М.: Наука – 1979. – 485 с.
9. Саймон Г. Науки об искусственном. – М.: «Мир». Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы. – 1972. – 144 с.
10. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. – Т.2. – М.: Наука – 1966. – 879 с.
11. Якобсон П.М. Беседа с А.Н.Туполевым о процессе его работы (март, 1963 года) // Вопросы психологии. – 1973. – №5. – С.116 – 118.

References

1. Vallon A. Ot deystviya k myisli. – M.: Izd-vo inostrannoy literatury, – 1956. – 238 s.
2. Gusserl E. Idei chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. T. 1. – M.: Dom intellektualnoy knigi. 1999. – 336 s.
3. Kant I. Soch.: V 6-ti t. – M.: Myisl – 1966. – T.3. – 688 s.
4. Kasavin I.T. Zonyi obmena kak predmet sotsialnoy filosofii nauki // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2017. T.51. №1. – S. 8-17.
5. Losev A.F. Byitie – imya – kosmos / Sost. i red. A.A. Taho-Godi. – M.: Myisl, 1993. – 958 s.
6. Losev A.F. Iz rannih proizvedeniy / Sost. red. A.A. Taho-Godi. – M.: Pravda, 1990. – 655 s.
7. Markov A.A. Kommentarii // Geyting A. – Intuitsionizm. – M.: Mir – 1965. – 200 s.
8. Rozhanskiy I. D. Razvitie estestvoznaniya v epohu antichnosti. Rannaya grecheskaya nauka «o prirode». – M.: Nauka – 1979. – 485 s.
9. Saymon G. Nauki ob iskusstvennom. – M.: «Mir». Redaktsiya nauchno-populyarnoy i nauchno-fantasticheskoy literatury. – 1972. – 144 s.
10. Eynshteyn A. Sobranie nauchnyih trudov. – T.2. – M.: Nauka – 1966. – 879 s.
11. Yakobson P.M. Beseda s A.N.Tupolevyim o protsesse ego raboty (mart, 1963 goda) // Voprosyi psihologii. – 1973. – №5. – S.116 – 118.

Mandryka V.A.

THEORETICAL AND CONSTRUCTIVE ACTIVITIES AS A WAY OF RESOLVING THE EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS

The article discusses the acute problem of contemporary epistemology and philosophy of science, about the nature and prospects of epistemological and phenomenological constructivism and projective-theoretical activities in the

context of reflexive scientific theorizing. It is shown that the cognitive ability of the subject-theoretical and subject-practical, sensible-rational-themed construction that is basic in the knowing activities of cognitive-epistemological subject. Makes the conclusion about natural cognitive foundation of genetically-constructive method in scientific thinking: the abstract-theoretical thinking of the scientific type translates to a higher level, the ability of consciousness, exploring and constructing the world in the perspective images, models, and theories. Activity of such entity is represented as a heuristically-semantic problem-cognitive construction in the forms of conceptualization, valuereading, valueconstruction, valuecombining, understanding and interpretation of new types of scientific knowledge.

Key words: *cognition, construction, conceptualization, knowledge, schema, model, concept, theory, ontology, phenomenology, cognitive processes, epistemology.*

Мандрыка Василий Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Mandryka Vasily Andreevich – Candidate of Philosophical Sciences, Docent of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информалогии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК 7.01

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИСКУССТВА

Алексеев Т.А.

BODY AS THE OBJECT AESTHETICS THEORY OF ART

Alekseenko T.A.

В статье рассматривается соотношение эстетического, философско-антропологического и искусствоведческого подходов в исследовании человеческой телесности. Рассмотрена проблема превращения языка тела художественными средствами изображения и выражения. Определены особенности телесности стилей в рамках классической и неклассической традиций. Отображением телесности в теории искусства являются термины «пластичность» и «живописность». Раскрыты особенности художественно-стилевых модификаций телесности сквозь призму видовой специфики искусства.

Ключевые слова: целостность человека, тело, телесность, плоть, пластичность, живописность.

Введение. Актуальность указанной темы обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, само состояние современной культуры с её повышенным, точнее говоря, обострённым вниманием к проблемам телесности требует своего осмысления. Далее, необходимо отметить достаточно большое количество посвященных этим проблемам исследований в различных отраслях современной науки: культурологии, философской антропологии, социальной философии, истории философии, искусствоведении, психологии (в России – И. Быховская, А. Горяинов, А. Иванов, М. Колесник, Р. Маслов, Д. Михель, В. Никитин, В. Подорога, М. Цой и др.). Несмотря на присутствие в большинстве этих исследований эстетического аспекта, анализ телесности как эстетического и художественного феномена требует соответствующих конкретно-научных методологических подходов.

Каждая научная отрасль формирует свой специфический взгляд на сущность телесности, взгляд сквозь призму предмета науки и соответствующей системы понятий. Наличие разноплановых научных подходов в свою очередь вызывает необходимость их координации. Это актуально в силу того, что само эстетическое в неспециальных исследованиях часто представлено весьма упрощенно. Речь идет прежде всего о распространенных фактах отождествления

эстетического и прекрасного и, как результат, сведения эстетического аспекта к проблеме красоты тела. Более того, подобное искажение сути эстетического способствует выведению эстетики за границы проблемного поля телесности. Во всяком случае, именно так можно понимать следующее высказывание: «Что такое телесность в отличие от тела? В первую очередь, их отличает друг от друга, так сказать, мера «жизненности». Под «телом», как правило, подразумевают прежде всего физический объект, не обладающий субъектностью и лишенный духовности. Говоря о теле, мы имеем в виду или естественнонаучный взгляд (тело как биологический и физиологический организм), или эстетический, или, наконец, практический (обыденное понимание тела)» [8, с. 70]. Иначе говоря, «эстетический взгляд» (в одном ряду с естественнонаучным и практическим) может претендовать лишь на изучение тела, но никак не телесности.

Безусловно, сегодня различие понятий «тело», «плоть», «телесность» является уже общепризнанным, и это стало возможным в рамках определенной традиции, сложившейся благодаря исследованиям многих известных мыслителей, в числе которых А. Арто, Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, М. Бахтин и др. Эти исследования показывают, насколько органична взаимосвязь философской антропологии, искусствоведения и эстетики, для которых общей является проблема внутреннего и внешнего начал в человеке как осознание их противоречивого единства.

Философско-антропологические и культурологические исследования телесности часто обращаются к анализу художественного материала, но искусство является также объектом изучения эстетики и искусствоведения, что определяет наличие в эстетике своих специфических проблем в анализе телесности как художественного феномена.

Таким образом, возникает вопрос о сущности методологических подходов эстетики в исследовании человеческой телесности.

Целью настоящей работы является соотношение эстетического, философско-

антропологического и искусствоведческого подходов в исследовании человеческой телесности.

Построение методологии исследования модификаций телесности в искусстве невозможно без определенного исходного понимания сути феномена эстетического. Наиболее ёмким в философско-эстетическом плане является, на наш взгляд, определение эстетического как чувственного в значении способа всестороннего, целостного утверждения человека в его общественной сущности [4, с. 26]. Как подчеркивал А. Канарский, «эстетическое состояние есть не столько произвольно выраженная оценка, суждение или мнение, сколько особое воспроизводство целостности состояния человека» [4, с. 164].

Проблема целостности человека, при всем многообразии интерпретаций, является одной из важнейших как для философской антропологии, так и для эстетики, в рамках и диалектической, и феноменологической методологии. В контексте телесности анализирует ограниченность и целостность состояния человека В. Подорога: «Есть различные стадии телесных состояний, в которых тело приобретает качества *объектности*: есть тело *обнаженное*, видимое, угнетаемое касаниями; есть тело отвратительное, тело-мясо, тело раненого человека, разорванное на куски, залитое кровью; есть *тело-труп*, некое конечное состояние человеческой материи; есть тела рабов, тела-роботы, исполненные послушания и покорности, но есть и тела исследуемые. И все они отличаются единым качеством: в них в той или иной степени отсутствует, утрачена или насильственно вырвана внутренняя энергия жизни. *Тело объективируется, становится объектом по мере того, как ограничивается автономия действий его живых сил*» [6, с. 21]. Каждому из объективирующих дискурсов «требуется некое идеальное состояние тела, которое не имеет ничего общего с целостными, я бы сказал, «субъективными» переживаниями телесного опыта» [там же].

В центре внимания автора – живое человеческое тело, в котором физическое неотъемлемо от социального. Понятие «объектность» становится, в данном случае, признаком «разорванности» человека. Однако «объектность» приобретает также и другие смыслы в сфере искусства, отражая несовпадение мира искусства и жизненного мира, указывая на грань, разделяющую эти миры.

Восстановление целостности чувственного состояния человека возможно различными способами, одним из которых является искусство как система художественных форм, выражающих всю противоречивость человеческой чувственности.

Весь спектр проявлений эстетического предполагает рассмотрение видовых, жанровых, стилевых модификаций, а также анализ телесности с позиции эстетических категорий прекрасного и

безобразного, трагического и комического, возвышенного и низменного и т.д.

Понятийно-категориальный аппарат эстетической науки постоянно совершенствуется, и в связи с переосмыслением структуры современной эстетики обнаруживает себя еще одна методологическая проблема. В частности, В. Бычков предлагает выделить в структуре эстетики три раздела, «осмысляемых и разрабатываемых с учетом всего доступного нам историко-эстетического материала и самого современного эстетического и квази/около-эстетического опыта» [2, с. 108], а именно: классическую эстетику, неонклассику и виртуалистику. Нельзя не согласиться с мнением автора относительно того, что эстетика должна совершенствовать свой понятийный аппарат, отвечая вызовам усложнившейся художественной реальности. Однако относительно понятия телесности, называемого в числе категорий неонклассики, необходимо уточнить, что данное понятие в прошлом все же не являлось маргинальным ни для эстетической теории, ни для практики художественного творчества, ни для культуры в целом. Можно говорить, скорее, об изменении содержания этого понятия, о смещении смысловых акцентов телесности в современном искусстве.

Современное художественное видение телесности является логическим продолжением неклассической традиции в истории искусства, сформировавшейся и существовавшей всегда в органической связи с классической традицией. Эти основные традиции, которые сложились в истории искусства, обусловили и разный характер телесности в стилях, принадлежавших к одной из них: с одной стороны – классицизм и классический канон телесности, а с другой – готика, барокко, рококо, романтизм, модернизм и т.д. Вся история искусства предстает как борьба классического и неклассического типов телесности. Раскрывая драматический характер этой борьбы, Ф. Ницше выделил два противоположных и в то же время органично связанных друг с другом начала в истории искусства: аполлоническое (пластическое) и дионисийское (непластическое) [5, с. 59].

История стилей знает противостояние готики и античной классики; ренессансной классики и готики; классицизма и барокко; романтизма, реализма, импрессионизма, модернизма, с одной стороны, и классицизма – с другой. Основными художественными принципами, которые разделяют стили классической и неклассической парадигмы в изобразительных искусствах и художественной литературе являются, соответственно, идеализация и деформация или натурализация.

Таким образом, телесность является неотъемлемой стороной искусства в его истории, в теории же искусства она осмыслялась, прежде всего, в терминах «пластичность» и «живописность». Вопрос о сущности и соотношении этих понятий

изначально формировался на стыке эстетики и искусствоведения, и его решение отражало специфику методологических подходов этих двух наук.

Этимологически и генетически понятие «пластичность» связано с искусством пластики, или скульптуры. Поскольку понятие «пластика» связано с представлениями о строении человеческого тела, которое является объектом непосредственного созерцания, саму пластичность можно понимать как выразительность человеческого тела.

Для современной науки характерна тенденция расширения смыслового значения категорий пластичности, телесности и живописности, приобретающих наряду с эстетическими и искусствоведческими также и культурологические измерения. Пластичность и живописность, по мнению О. Беспалова, «предшествуют не только пространству «материальной» художественной формы, но и понятийности и материальности этого мира вообще, располагаясь «рядом» с универсальным первопринципом, первоначалом (если понимать его в близком платоновском смысле) [1, с. 257].

Вместе с тем подобный подход не является абсолютно новым, такое толкование пластики и пластичности мы находим ещё у представителей немецкой классической эстетики (И. Винкельман, А. и Ф. Шлегели, Ф.Шеллинг, Г. Гегель), а на рубеже XIX и XX столетий – у представителей немецкой школы искусствоведения (Г. Вёльфлин). Именно они рассматривали пластичность как универсальную категорию, которая относится не только к скульптуре, но и к другим видам искусства.

Сегодня исследователи стремятся раскрыть характерные черты проявления пластичности в разных видах искусства: художественной литературе, музыке, театре и т.д. В частности, О. Беспалов, опираясь на идеи Г.Вёльфлина, анализирует модификации принципов пластичности и живописности в художественной литературе и кинематографе. При этом он отмечает, что пластичность соответствует «объективному» видению художника (глаз словно ощупывает поверхность предмета, его четкие контуры). Наоборот, живописность соответствует «субъективному» видению окружающего мира, который предстает как «чистая видимость» [1, с. 257]. Ориентация художественной литературы на «объектность» реального мира, или на видимый телесный мир предметов, обуславливает ее пластичность: «предметы, сюжетные коллизии, ясная композиционная архитектоника, четко очерченные типичные характеры, биографии ...» [1, с. 266].

В данном случае понятие «пластичности» отождествляется с понятием «телесности». Однако пластичность является лишь одной из художественно-эстетических модификаций телесности как способа человеческого бытия.

Данное понятие указывает на такой аспект телесности, как способ изображения существующих тел, соответствующий определенной форме видения мира. «Пластичность» концентрирует в себе эстетический смысл телесности, выполняя в эстетике методологическую функцию раскрытия всего многообразия форм выразительности человеческого тела.

Факт отождествления понятий «телесность» и «пластичность», каждое из которых является многозначным по своему смыслу, является основой своеобразной терминологической и смысловой путаницы. Характеризуя телесность в искусстве, исследователи часто говорят о разных вещах. Если использовать для анализа, например, искусства барокко термин «телесность» в разных смысловых значениях, то с позиции узкого значения телесности как художественного принципа (именно в этом смысле телесность отождествляют с пластичностью) барокко определяют как живописное (непластичное) искусство в отличие от классицизма [3]; в то же время, с позиции широкого значения телесности как внимания к человеческому телу с его естественными потребностями или еще более широкого значения как внимания ко всему многообразию тел существующего мира, искусство барокко оказывается телесным. Решение данного вопроса лежит в понимании того, что и пластичность, и живописность являются эстетическими модификациями телесности. Иначе говоря, непластичность барокко не противоречит его телесности.

Сложность телесности выявляет себя в ее разнообразных модификациях в разных видах и стилях искусства в их исторической динамике. Поэтому очень важным является раскрытие особенностей художественно-стилевых модификаций телесности сквозь призму видовой специфики искусства.

Общепризнанным является то, что категория «стиль» используется для характеристики и индивидуального творчества, и направления, течения, школы, и большой эпохи. Большую роль в формировании стиля играют мировоззренческие основы, эстетические идеалы. Способ видения тела (телесность), в свою очередь, является необходимым моментом мировоззрения, а значит, и художественного стиля. Представления о прекрасном и безобразном составляют необходимый момент эстетических идеалов, которые определяют особенности того или иного стиля на любом уровне (индивидуальном или общекультурном). Переживание человеком своего места в мире – главный нерв искусства. Художественный стиль как непосредственное воплощение мировоззрения всегда является решением проблемы субъективного и объективного, которое обуславливает конструирование систем художественных средств.

Рассмотрение телесности в разных аспектах (тело как пластика, или фигура; телесные

потребности; эмоции, которые выявляют жизнь души, и т.д.), позволяет увидеть их динамику в рамках истории художественных стилей. Каждый художественный стиль является определенной эстетической модификацией телесности, и в каждом стиле происходит смещение акцентов на тот или иной аспект телесности. Стилиевые принципы по-разному выявляют себя в разных видах искусства, именно поэтому указанное смещение будет зависеть от видовой специфики.

Отдельным видам искусства также соответствуют определенные аспекты телесности. Живое тело может быть материалом искусства, и это касается всех разновидностей театрального искусства. К видам искусства, где тело представлено в отчужденной форме как предмет изображения и выражения, относятся живопись, скульптура, художественная литература, кино. Наконец, есть виды искусства, где тело является основой создания художественного образа, а не материалом и не изображенным в своей отчужденности. Такой основой может быть или художественно-эстетическая трансформация природных особенностей органов человеческого тела (музыка), или аналогии между особенностями строения человеческого тела и конструктивными принципами художественного произведения (архитектура, музыка, декоративно-прикладное искусство).

В современном искусстве видовые, жанровые и стилиевые границы достаточно подвижны, художник обладает гораздо большей свободой эксперимента в выражении своего видения мира и человека, что вполне объясняет многие видовые трансформации. В этом контексте представляет интерес мнение австрийского философа и художника Элизабет фон Самсонов, утверждающей, что «тип скульптуры, которая исчезает, – священное «второе тело» репрезентативной скульптуры и отображения властителя. Символическая пластика списана. *Пластическое* было синонимом для *Реального*. В этом горизонте кажется неизбежным курс на ужас, жестокость и травму. Напротив, более старой функцией скульптуры была операция бессмертия. Что, однако, должно предполагать как сильную концепцию тела, так и сильное понятие души. Моя критика направлена на недостаточность современных концептов» [7, с. 123]. И далее: «...Моя скульптура крайне современна, потому что я работаю с биоматериалом, который сам несет высокоинформационную нагрузку. Так что у меня не студия, а биотехнологическая лаборатория. Перформанс был необходимым следствием этого познания. ... Между тем, я считаю свое биотехническое пластическое искусство гуманной альтернативой шоку Реального, обязанного интервенцией в собственное тело» [там же].

Амплитуда изобразительно-выразительных возможностей в современной скульптуре достаточно велика: от использования собственной крови в материалах автопортретов английского

художника Марка Куинна [10], одержимого идеей сохранения и консервирования жизни, до использования неприродных и непластичных материалов, например, металлических деталей «отживших» автомобилей в создании фигур домашних животных, но, опять-таки, с целью сохранения природы и решения экологических проблем (финский скульптор и животновод Миина Эккийюрккя) [9].

Указанные факты и мнения в контексте общих тенденций развития современного искусства свидетельствуют о заостренности проблемы гуманного и трансгуманного в культуре нашего времени.

Выводы. Таким образом, специфика эстетической методологии исследования телесности как художественного феномена обнаруживает себя в следующих аспектах.

Если философско-антропологический подход предполагает анализ телесности как способа бытия человека в контексте понимания его целостности, то эстетика рассматривает телесность в контексте её многообразных способов художественного выражения в видах и жанрах искусства, в разных художественных стилях и направлениях, в соответствии с определенными представлениями о прекрасном и безобразном, возвышенном и низменном, трагическом и комическом и т.д.

Если понятие «телесность» выражает отношение человека к телу как способу бытия, то в искусстве телесность можно определить как способ выражения эстетического отношения человека к собственному телу и окружающему предметному миру, иначе говоря, это отношение выявляет себя как определенная форма видения тела.

В искусстве отношение к телу предстает сквозь призму системы художественных средств изображения и выражения, поскольку вне этой системы искусство не существует. Вопрос трансформации тела в процессе художественного творчества лежит в плоскости соотношения жизненной реальности и мира искусства.

Телесность в искусстве может быть рассмотрена и как цель, и как средство изображения и выражения, а значит, и как принцип художественного видения мира, реализующийся в качестве конструктивного принципа создания художественного произведения.

Целостный эстетический анализ телесности в искусстве невозможно осуществить, не учитывая разветвленной системы эстетических категорий, не раскрывая стилиевые и видовые модификации телесности.

Решение обозначенных в данной статье некоторых узловых проблем будет способствовать как совершенствованию понятийного аппарата эстетики, так и формированию новых возможностей интеграции наук в вопросе исследования телесности.

Л и т е р а т у р а

1. Беспалов О.В. Модификация принципов пластичности и живописности в художественном мышлении столетия // Искусство Нового времени. Опыт культурологического анализа. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 256 – 285.

2. Бычков В.В. Постнеклассическая эстетика: к вопросу о формировании современного эстетического знания // Философский журнал. – 2010. – № 1. – С. 90 – 108.

3. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств: пер. с нем. А. А. Франковского. – СПб.: Мифрил, 1994. – 398 с.

4. Канарский А.С. Диалектика эстетического процесса. – К., 2008. – 378 с.

5. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм: пер. с нем. Г.А. Рачинского // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. С. 47 – 157.

6. Подорога В.А. Феноменология тела. – М.: Ad Marginem, 1995. – 339 с.

7. Степанов М.А. Интервью с проф. Элизабет фон Самсонов «Тело, машина и искусство» // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1. – С. 118 – 123.

8. Цветус-Сальхова Т.Э. «Тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 351 (октябрь). – С. 70 – 73.

9. Framework: the Finnish Art Review, 10 / June,09- [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.framework.fi/en/framework/issues/10-jun-2009>.

10. Marc Quinn.- [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.marccuinn.com>.

R e f e r e n c e s

1. Bepalov O.V. Modifikatsiya printsipov plastichnosti i zhivopisnosti v hudozhestvennom myshlenii stoletiya // Iskusstvo Novogo vremeni. Opyit kulturologicheskogo analiza. – SPb.: Aleteyya, 2000. – S. 256 – 285.

2. Byichkov V.V. Postneklassicheskaya estetika: k voprosu o formirovanii sovremennogo esteticheskogo znaniya // Filosofskiy zhurnal. – 2010. – №1. – S. 90 – 108.

3. VYolfllin G. Osnovnyie ponyatiya istorii iskusstv: per. s nem. A. A. Frankovskogo. – SPb.: Mifril, 1994. – 398 s.

4. Kanarskiy A.S. Dialektika esteticheskogo protsesssa. – K., 2008. – 378 s.

5. Nitsche F. Rozhdenie tragedii, ili ellinstvo i pessimizm: per. s nem. G.A. Rachinskogo // Nitsche F. Sochineniya: V 2 t. T. 1. – M.: Myisl, 1990. S. 47 – 157.

6. Podoroga V.A. Fenomenologiya tela. – M.: Ad Marginem, 1995. – 339 s.

7. Stepanov M.A. Intervyu s prof. Elizabet fon Samsonov «Telo, mashina i iskusstvo» // Mezhdunarodnyiy zhurnal issledovaniy kulturyi. – 2013. – №1. – S. 118 – 123.

8. Tsvetus-Salhova T.E. «Telo» i «telesnost» v kulturologicheskikh issledovaniyah // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – №351 (oktyabr). – S. 70 – 73.

9. Framework: the Finnish Art Review, 10 / June,09- [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://www.framework.fi/en/framework/issues/10-jun-2009>.

10. Marc Quinn.- [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://www.marccuinn.com>.

Alekseenko T.A.

BODY AS THE OBJECT AESTHETICS THEORY OF ART

This article examines the correlation of aesthetic, philosophical-anthropological and art criticism in the study of human corporeality. The problem of transformation of the body language by artistic means of image and expression is considered. The peculiarities of the corporeality of styles within the framework of classical and non-classical traditions are determined. The notion of corporeality in the theory of art is the terms «plasticity» and «picturesqueness». The features of artistic-style modifications of corporeality are revealed through the prism of the specific nature of art. The features of artistic modifications of the corporeality, in a context of a relation between the ideal and the real in person's activity, are analyzed.

Key words: human integrity, body, corporeality, flesh, plasticity, picturesqueness.

Алексеенко Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, социальных и гуманитарных наук ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки», г. Луганск.

Alekseenko Tatayna Anatol'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Social and Human Sciences SI LPR Archbishop Luka Lugansk State Medical University, Lugansk.

E-mail: tanyaaleks@inbox.ru

Рецензент: Черных Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социальных и гуманитарных наук ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет имени святителя Луки», г. Луганск

Статья подана 14.10. 2017

УДК 111.1

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БЫТИЯ

Кобылкин Д.С.

THE GNOSEOLOGICAL ASPECT OF BEING

Kobylikin D.S.

Вопрос о значимости оснований связан с ценностью философии и мыслящего субъекта, рефлексия которого устремлена к пониманию фундаментальных основ бытия, к глубинам самосознания. В связи с чем в ней математически простенькими или прагматически весомыми представлениями обойтись невозможно.

Особенно, если речь идет об осмыслении субъектом своего положения, осознание переломности и судьбоносности всего человечества в потоке современных событий, касающихся нарастающего разрушительного кризиса в отношении угрозы экзистенциальной нестабильности личности и социальной в целом.

Важным предстает выявление того, что занять позицию стороннего выжидания явно философу представляется утопичной, либо вообще капитуляцией.

Ключевые слова: человеческое сознание, мыслящее и мыслимое, подлинное бытие, живое знание, персонализм и имперсонализм, личность и вещь, целое и часть.

Введение. Для рассмотрения данной проблематики достаточно предположить, что как бы ни маргинализировать и нивелировать трагичность философского восприятия для ее носителей, основания для нее останутся всегда гнетуще убедительными. Довлеющая часть проблем, широко известных как глобальные, большей частью населения, которая о них не столь задумывается, могут восприниматься отдаленно и абстрактно. Пугающе выглядят перспективы человека и даже актуализация вопроса с его исчезновением. Все чаще приходится сталкиваться с тем, что в современном обществе и из средств массовой информации красной нитью прослеживается значение нарастающего разрушительного кризиса – духовности и ценностей культуры в отношении угрозы мирного сосуществования человека и общества как следствие нарушения общечеловеческих ценностей. О чем свидетельствует проблематика публикаций авторов, представленных на международной научно-практической конференции «Личность-общество-государство: социальное пространство и его безопасность», проходившей в Луганском

национальном университете имени Владимира Даля 23-24 марта 2017 г.

Данный аспект очень остро ощущается философами. Именно нивелирование, либо полное игнорирование его лежит в основе остальных кризисов.

Целью работы предстает рассмотрение значения роли оснований как фундирующего элемента, играющего интенционально важное значение в формировании мировоззренческой установки мыслящего субъекта, что, в свою очередь, направлено на осмысление проблемы взаимодействия между «внутренними» и «внешними» целями и ценностями деятельности человека, его личностное совершенствование в отношении к достижению идеала общественных отношений, осознание общей друг за друга ответственности и в целом межгосударственному социокультурному устройству.

В одной из статей, вышедших в журнале философии, отмечен следующий момент: «...утратившее связь с Бытием человеческое сознание единственной достоверной реальностью самоуверенно признало само себя» (игумен Вениамин (Новик)).

Данный тезис, а именно указание на: 1) «связь с Бытием человеческого сознания», нам представляется актуальным. Что же касается последующего утверждения: 2) «человеческое сознание единственной достоверной реальностью самоуверенно признало само себя» – наоборот, представляется неистинным и недостоверным в понимании оснований как фундаментального антропологического фактора.

Начнем с первого. Рассматривая анализ связи бытия с человеческим сознанием, нельзя обойти вниманием творчество С.Л. Франка, уделившего данному вопросу более детальное и обширное рассмотрение. Неслучайно его именуют как «самого выдающего русского философа вообще» (В.В.Зеньковский). Его система, по замечанию того же Зеньковского, самая «значительная и глубокая».

Другой мыслитель замечает о творчестве С. Франка следующее: «Не вызывает никаких

сомнений, что дистанция исторического времени, отделяющая нас от той эпохи, не делает их менее значимыми. Наоборот, только сейчас, когда произошло своеобразное «воскрешение» наследия русских мыслителей религиозного направления, появилась, наконец, возможность для подлинно объективного и точного обоснования... тех идей и принципов философии Франка, которые позволяют назвать его *звездой первой величины на небосводе не только русской, но и мировой философии XX в.* (выделено – К.Д.), одним из создателей совершенно нового и оригинального философского мировоззрения, актуального сейчас не менее, чем в то время; когда оно было впервые сформулировано» [4, с. 5].

Так, в отличие от Канта, ограничение претензий разума, освещенное Франком в своем фундаментальном труде «Предмет знания», вовсе не ведет Франка к агностицизму и признанию недоступности для человека подлинной реальности. Выявление места разума при взаимосвязях человека с реальностью предстает понимание разума как «частного момента в фундаментальном акте интуитивного *отождествления сознания с бытием, в фундаментальном акте жизни*» (выделено – К.Д.) [7, с. 14].

«Для того чтобы окончательно преодолеть недостатки «атомистического» понимания человека, Франк снимает различие между двумя актами: познавательным и мистическим; ради этого он отвергает фундаментальный принцип традиционных рационалистических теорий познания о различии познавательного образа в сознании и самого бытия (точно так же поступал Лосский при построении своей интуитивистской гносеологии...). Франк утверждает, что нет никакой разницы между «изображением» (познавательным образом), наличным в сознании, и изображаемым предметом: *познание и есть мистическое «обладание» самим бытием*» [7, с. 18].

Решающую роль в формировании такого понимания познания (на что указывает сам Франк) сыграли философские идеи Э. Гуссерля и А. Бергсона. Понятие интенциональности, занимающее центральное место в феноменологии Гуссерля, было наиболее решительным ударом по традиционной концепции сознания-субстанции, сознания, «отражающего» окружающий его и независимый от него мир. Для Гуссерля важнейшее качество сознания – его направленность на предмет; сознание при этом как бы «размыкается», лишается традиционной самостоятельности по отношению к внешней реальности. Однако Гуссерль в своей реформе философии остановился на полпути; он все же оставил нетронутым само противостояние независимых от сознания идеальных смыслов и деятельности сознания по схватыванию этих смыслов. Сознание как деятельность, направленность остается чем-то отличным от самого объекта деятельности – идеального смысла.

Именно против этой непоследовательности выступает Франк в книге «Предмет знания» [7, с. 19].

«Для того чтобы сама эта направленность была возможна, мы должны иметь ту сферу, на которую сознание направлено, уже не в форме направленности на нее, а совершенно непосредственно, как нечто имеющееся у нас и при нас в абсолютной форме, независимо от всякого акта усмотрения, направленности» (там же). «Как бы ни расходились мнения по вопросу о его познаваемости или непознаваемости, возможности или невозможности, во всяком случае, под понятием бытия независимого от нас, «от сознания», все одинаково понимают такое бытие, которое, «дано» ли оно нам или нет, не исчерпывается этой данностью. Другими словами, бытие подлинное есть то, которое продолжает существовать там и тогда, где и когда оно не воспринимается (причем в виду уясненной нами сводимости всякого «там» к «тогда»: отношение «там, где» может быть опущено). Моя зубная боль (в качестве чистого переживания) существует только «в моем сознании», потому что в момент, когда я перестаю ее чувствовать, она перестает и существовать: ее бытие и ее воспринимаемость есть одно и то же» [7, с. 145].

Анализ представленной позиции подводит к рассмотрению вопроса о трансцендентности и имманентности предмета знания, а именно, что подразумевать под понятием сознание. Следует сказать, что предмет в одном смысле имманентен, в другом – трансцендентен. Отсюда возможен двойственный подход к понятию сознания. Если это не различать, то смешение их, очевидно, является источником многих противоречий и безвыходных трудностей в теории знания. Поэтому, по мнению Франка, «под сознанием, во-первых, мы можем разуметь совокупность данного, комплекс актуально переживаемого... выделенный из его связи с «имеющимся», запредельным и взятый просто как самодовлеющая, замкнутая реальность потока впечатлений. В этом смысле все остальное – прошлое и будущее, как и пространственно удаленное – словом, все, в данный момент «отсутствующее», не вмещающееся в поток впечатлений и восприятий, находится «вне сознания и поскольку мы мыслим о нем, мы его противопоставляем, именно как отсутствующее, тому, что дано, что актуально наполняет наше сознание; это «отсутствующее» может, конечно, при известных условиях «войти в сознание», т. е. быть воспринятым и актуально пережитым, но пока оно отсутствует, его именно нет в сознании, оно лежит вне его, *за его пределами*» (выделено – К.Д.) [7, с. 147].

Далее, замечал Франк, интересное объяснение: «...сама мысль о неданной реальности тоже входит в состав переживания, но она входит в него именно в качестве мысли, т. е. определенного переживания,

например, мелькнувшего образа, приятных или неприятных чувств... Если я представляю себе Наполеона, то сам Наполеон как реальная личность находится, конечно, «вне моего сознания»: он жил сто лет тому назад, мое сознание живет теперь; он имел длительную и безмерно богатую жизнь, для меня же теперь он живет лишь то мгновение, которое я посвящаю мысли о нем; в следующее мгновение я занят чем-нибудь другим, и он уже не существует для меня. То, что мне в этом смысле дано, есть не сам Наполеон, а «образ» его, представившийся мне сейчас, чувства, которые я при этом пережил, и т. п. Точно так же, например, мысль о вечности, в качестве мысли, может быть мне «дана» и в этом смысле входит в состав моего сознания наряду с образами преходящих вещей; но дана мне, конечно, не «сама вечность», которая, очевидно, ни в какое мгновение моей жизни вместиться не может, а именно мысль о ней, впечатление, переживаемое в этот момент, смутный образ чего-то грандиозного, безмерного, непоколебимого и т. п.» [7, с. 148].

Получается, что Франк выделял, с одной стороны, под сознанием – поток актуальных переживаний, как таковых: «Если я искусственно выделю все эти образы, впечатления, чувства, разорву их естественную, непосредственно навязывающуюся связь с тем, что они означают, на что они указывают вне самих себя, то я получу понятие «сознания», в отличие от того, к чему сознание относится, как к реальности, лежащей за ее пределами» (там же).

С другой стороны, под «сознанием» Франк разумел не только актуально переживаемое как таковое, но и то, к чему оно относится, на что оно указывает вне себя: «...картина «данного» естественно связана со своим продолжением – с неданным безграничным фоном; содержание, актуально заполняющее сознание в каждый данный момент, непрерывно слито с тем, что находится за его пределами, и потому сразу и непосредственно воспринимается не как таковое, не как только имманентное содержание, а как знак отсутствующего «иного». Одновременно и непосредственно вместе с восприятием «данного» мы имеем неданное, и эта связь так тесна, что нужна трудная работа анализа, чтобы отделить, например, образ письменного стола, в данный момент конкретно стоящий в моем сознании, от не-данного мне «стола» как длительной реальной вещи, не вмещающейся ни в какой образ, ибо стол как непрерывную длительную реальность я потенциально имею непосредственно и в тот же момент, когда мне актуально дан текущий «образ стола», изменяющийся или исчезающий с каждым поворотом головы» (там же).

В связи с чем «под бытием «вне сознания» или «независимым от нас», согласно Франку, можно разуметь лишь «бытие, которое, входя в состав сознания во втором смысле, находится за пределами

сознания в первом смысле – реальность, которая у нас «имеется», не совпадая с потоком актуально переживаемого и не охватываемая им. Сознание «большое» и «малое» – как мы могли бы их назвать – суть как бы два круга, из которых меньший помещается внутри большого» [7, с. 149]. Им же делается вывод, что «мы отнюдь не замкнуты пределами «малого круга», потоком актуально воспринимаемого как таковым; напротив, через него мы всегда направлены на то, что лежит за его пределами, на независимую от нашего («малого») сознания реальность и в большей или меньшей степени способны познавать ее» [7, с. 150].

Рассмотрим второе утверждение – «человеческое сознание единственной достоверной реальностью самоуверенно признало само себя».

Тезис данного утверждения может иметь, по нашему мнению, в аксиологическо-этическом смысле не подлинное развитие личности, но ее переориентирование. Если основной философской проблемой В. Штерн справедливо признает вековечную загадку между духовным и материальным началом, то подразумеваемое переориентирование склоняется к физическому, к наивному персонализму, а в конце концов к имперсонализму.

Хотелось бы отметить, что дуализм между духовным и материальным глубже различия между сознательным и лишенным сознания (как это было упускаемо философией Нового времени, признавая взаимодействие между «душой» и «телом»), всецело исходя из старых, установленных Декартом, понятий физического и психического», но хорошо известные древней и средневековой мысли), т.е. «находясь вне противоположности между сознательным и лишенным сознания, эта пара понятий отмечает различие между живым и безжизненным, между единым целым и механическим агрегатом, между целесообразным и слепым, между самоценным и лишенным ценности, словом – между *личностью и вещью*» [6, с. 171].

«Личность, – согласно позиции В.Штерна, на которого ссылается Франк, – есть такое сущее, которое, несмотря на множественность своих частей, образует реальное, своеобразное и самоценное единство и, в качестве такового, несмотря на множественность своих частичных функций, осуществляет единую самодеятельность». Вещь же «... есть такое сущее, которое, состоя из многих частей, не обладает реальным, своеобразным цельным единством и, выполняя многие частичные функции, не осуществляет никакой единой целестремительной самодеятельности». Таким образом, здесь важнейшим замечанием является следующее: не представляется возможным «отрицать, что эта пара понятий отмечает действительно глубокие и важные мотивы миропонимания» [6, с. 172].

Главенствующий вопрос в данном рассуждении в том, «существуют ли в мире личности, или одни

только вещи? И если личности существуют, то каково отношение между личностями и вещами? Или, еще шире и общее: *каково отношение между личным и вещественным началом в мироздании?*» (там же). В связи с чем в зависимости от того, какое начало является преобладающим, – устанавливается различие между персоналистическим или имперсоналистическим мировоззрениями. Имперсонализм, как известно, полагает, что ничего подобного «личности» не существует, наличествуют же только вещи. А персонализм, наоборот, реальным считает бытие личностей.

При этом по Штерну следует различать наивный и критический персонализм. Однако наивный персонализм соединяет в себе противоречивые элементы мысли: «признает обособленное существование мира личностей и мира вещей», и «потому находится в неустойчивом состоянии, видоизменяясь и постепенно разрушаясь под влиянием критического анализа» [6, с. 173].

Интересным выступает анализ сущности личности.

«Личность не может мыслиться иначе, как в виде *единства множественного*, состоя из многих и разнообразных частей, она все же образует единое целое, которое не исчерпывается простой суммой входящих в него частей». «Это синтетическое единство противоречит требованиям аналитического сознания, для которого все сложное должно без остатка разлагаться на свои составные части, и, следовательно, все неделимое должно быть абсолютно простым» (там же). Вследствие чего «личность не есть сумма всех своих (видимых) частей, а есть эта сумма *плюс* особый элемент **единства**» (выделено – К.Д.) (там же). Аналогичным образом это проявляется и по отношению к организму... «плюс особая жизненная сила», к человеческому сознанию... плюс «душа», к космосу ... «плюс руководящее им Божество». Поэтому наивный персонализм не столь отражает тенденцию «подчинения мира вещей миру личностей», сколько *деперсонализирует* целое и персонализирует отдельную его часть».

Разложение целого на обособленные элементы личностного и вещественного характера не устраняет трудность, но отодвигает. Поскольку «в противоположность вещественным элементам, действующим механически, личный элемент должен осуществлять сложную ... активную деятельность; а в таком случае, мыслимо ли, чтобы он сам был абсолютно простым, не содержал в себе никакого разнообразия?» Поэтому акцент внимания нацелен на значение единства: «Если все живое понимается как машина плюс целесообразно действующий на нее инженер (жизненная сила, душа, Бог), то возможно ли, чтобы этот инженер был простой однородной субстанцией, как бы математической точкой? Многообразие функций непредставимо без многообразия частей и органов. В таком случае мы останемся в том же положении...

перед неразрешимой загадкой единства многообразного. Поэтому, если мы хотим строго следовать требованиям логического анализа, мы должны видеть его последнюю цель в разложении многообразного на абсолютно простые части... другими словами, наша задача будет состоять в совершенном устранении личного элемента, в разложении (его)... на механическую связь частей, т.е... на вещественное. Таким образом, наивный персонализм... приводит к *имперсонализму*, к абсолютному отрицанию идеи личности, как несовместимой с требованиями здравого логического анализа [6, с. 175].

Рассмотрение второго утверждения «человеческое сознание единственной достоверной реальностью самоуверенно признало само себя» предстает нам аналогичным развитию тенденции наивного персонализма, а это, в свою очередь, чревато, как выяснено выше, – следствием развития имперсонализма.

Если детальнее проанализировать, то следует отметить важный губительный элемент в личностном развитии. Имперсонализм по Штерну как мировоззрение «тождественен механическому миропониманию», что связано с уничтожением личного элемента, а последнее связано с тем, что «устраняется из мира всякое подлинное своеобразие: ...все качественное должно в последнем счете сводиться на количественное... всякое событие без остатка сводится на всеобщую закономерность. Отсюда следует провозглашение универсальной пассивности; в мире нет активности, свободы... все *подчиняется действию*... но ничто *не действует само*. Все процессы механически детерминированы, т.е. вытекают не из внутренней природы субстанций, а только из *соотношений* между субстанциями... С отрицанием активности и внутреннего единства сложного дано также абсолютное отрицание всякой целесообразности: сложный целевой акт немислим, как активное единство, а распадается на совокупность простых, извне определяемых процессов. Целесообразность есть пустая видимость, случайный результат бесцельных, слепых причин. Само собой разумеется, что вместе с этим отпадает и какое-либо космологическое применение категории ценности: вне активности и целесообразности, вне выбора и сознательного действия не может быть ценностей; в мире однородных, простых и пассивных частиц, в мире, лишенном жизни и свободы, всякая ценность есть лишь фантом и субъективный вымысел. Таковы основные требования безличной картины мира» [6, с. 176].

Вот почему утверждение «человеческое сознание единственной достоверной реальностью самоуверенно признало само себя» – представляется неистинным и недостоверным в понимании оснований как фундаментального антропологического фактора.

Сам же Франк замечал, что дело обстоит сложнее. Сознание в целом, по его мнению, есть «не механизм, а организм», не совокупность или сумма указанных своих частей, а «столь неразрывное и внутренне слитное их единство»... Мы стоим, таким образом; перед задачей... уяснить роль, которую в нем (сознании) или в отношении его играет момент трансцендентного [7, с. 150].

Существование представлений «внутри» сознания в качестве независимых «двойников» реальных объектов, т.е. в сущности становясь на сторону агностицизма, – есть не более чем иллюзия (С.Л. Франк). Согласно последнему, который сохранял главную идею о том, что «подлинная философия может быть только мистической философией, Франк тем не менее делает объектом мистического опыта не запредельную реальность, но единственную «посюстороннюю» *реальность нашего мира, реальность самого бытия*. Самым главным здесь оказывается мистическое восприятие окружающей нас реальности во всех ее частных и ограниченных проявлениях, а не отрицание этой реальности ради чего-то, выходящего за ее пределы» [4, с. 15].

Франк идет дальше Вл. Соловьева, поскольку последний в акте познания человека в отношении к «сущему (соловьевскому Абсолюту) относится чисто «внешним» образом, подобно тому, как он относится к противостоящим ему предметам окружающего его раздробленного бытия. «Совершенно очевидно, – пишет Соловьев, – что наше познание не может содержать это сущее в самом его подлинном бытии или материально, так же как изображение в зеркале не содержит в себе материально изображаемого предмета, ибо тогда они были бы тождественны и не было бы уже изображения» [Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х томах. Т.2. С. 211. Цит. по: 7, с. 18]. Тем самым Соловьевский «дуализм в понимании реальности (сущее и бытие) приводит к дуализму в понимании форм отношения человека к реальности (мистическое единство с сущим и познавательное отражение бытия) и, самое главное, к дуализму в понимании самого человека» [7, с. 18]. «Возникающее в его философии противопоставление Абсолюта (Сущего, всеединства) и идеально-материального бытия, раздробленного и «отпавшего» от всеединства, оказывается не менее существенным, «чем традиционное противопоставление «мира вещей» и «мира идей». Мистицизм Соловьева, в сущности, является не столь уж далеким от мистицизма Платона; но тогда и все те трудности, с которыми сталкивалась дуалистическая философия Платона, на новом уровне обнаруживаются в философии Соловьева... Именно на преодоление этих трудностей и направлен анализ отвлеченного знания у Франка... [2, с. 271].

В связи с чем соловьевский человек «в своем «реальном», познавательном отношении к

окружающему миру... оказывается в состоянии «неистинного» существования; основная задача его состоит не в углублении и расширении этого реального отношения, а в его преодолении, в придании ему символического значения, в узрении за реальным бытием мира и человека – бытия мистического» [7, с. 18]. Для того чтобы окончательно преодолеть недостатки «атомистического» понимания человека, Франк «снимает различие между двумя актами: познавательным и мистическим; и это ведет к тезису прямо противоположному тому, который формулирует Соловьев. Франк утверждает, что нет никакой разницы между самим «изображением» (познавательным образом) и изображаемым» – о чем было замечено нами выше.

Поэтому бытие Франк трактует как жизнь, всеобъемлющую реальность: «Мистицизм Франка – это мистический реализм, приемлющий весь мир и все в мире, но не ограничивающийся простым принятием данного, а требующий углубления в каждый элемент мира ради усмотрения в нем Абсолюта, всей полноты бытия (в трансцендентно-имманентном акте живого знания)» [7, с. 16].

Вышесказанное дает основание согласиться, что, раскрывая онтологические основы знания как гносеологический аспект бытия, мы приходим к идеи всеобщности, а точнее, всеобщей целостности бытия. Как замечает русский философ – «мы погружены в бесконечное бытие всеединства, окружены им, пропитаны им, и всякий акт знания предполагает его. Эта несомненная истина хорошо обоснована Франком» [1, с. 635].

Замечая о значении знания, русский философ Н.А. Бердяев также подметил важный аспект: «Превосходны его разъяснения о том, что трансцендентное есть лишь неизвестное, неузнанное, задача познания, а не абсолютный, онтологический предел. Поэтому трансцендентное подвижно, его границы вечно меняются. Для знания не поставлено абсолютных пределов. Еще трансцендентное мне, как познающему, имманентно мне, как бытию, ибо я погружен во всеединство, внедрен в абсолютное бытие» [1, с. 636].

Логическим продолжением следует выяснение смысла и роли знания. И на этот вопрос русский философ ответил следующим: «Франк должен признать, что темная еще сфера «имеющегося» бытия в знании становится светлым бытием. А это значит, что знание имеет не только онтологическую основу, но и какой-то положительный онтологический смысл, осуществляет какую-то онтологическую задачу» [1, с. 637].

Выводы. Осуществление онтологической задачи к идеи всеобщности, всеобщей целостности бытия позволяет рассматривать бытие не как некое вневременное содержание, но «живое сверхвременное бытие». «Бытие же в его живой сверхвременности есть единство реальности и идеальности, т. е. единство переживания и

мыслимости. Поэтому оно может уясняться не воспроизводящему знанию-мышлению, которое все превращает в только мыслимое содержание, а лишь непосредственному *живому знанию* как единству мышления и переживания, к мыслимому переживанию» [7, с. 352]. Учение о живом знании в противоположность знанию как чистой мысли составляет основную мысль философии Якоби и позднейшей философии Шеллинга; оно было развиваемо и целым рядом русских мыслителей-славянофилов [«Исторические записки» М. О. Гершензона. – М. 1908. Цит. по: 7, с. 352].

В этом живом знании заключено и непосредственное знание индивидуального как такового. Однако отдельные факты моей жизни я сознаю не как внешне-констатируемые обособленные события, которые я мысленно могу заменить иными, а «содержания, непосредственно истекающие из реальности моего «я» как целого и разделяющие его необходимость», представляющая лишь как «единая в себе непрерывная цепь сменяющихся моментов... как целое, а следовательно, и в каждом отдельном своем моменте, и есть не что иное, как развернутое во временной поток единое обнаружение нашего существа как такового» [7, с. 354].

Дальнейшее развитие темы о значении живого знания требует отдельного исследования, а именно его связи с духовной жизнью личности и ее взаимодействием, в этом контексте, с тем, что «за пределами моего «я»», «где мы интуитивно «понимаем» чужую душевную жизнь, связь мотивов, настроений, поступков в чужом сознании; то же, очевидно, заключено и в исторической интуиции. Но не только чужая душевная жизнь и вообще мир одушевленный есть сфера, на которую может распространяться интуиция живого знания. Все великие прозрения во всех областях знания основаны на таком умении вжиться в объект, пережить его самого, чтобы изнутри прочувствовать его природу. Научные открытия, которыми мы обязаны таким художникам, как Леонардо да Винчи и Гете, умевшим «жить одной жизнью» со всей вселенной, и именно через погружение себя в природу и слияние с ней изнутри знать ее в непосредственном переживании, как обычный человек знает лишь свою собственную жизнь [7, с. 357].

Так, И. Гердер уделял интерес концепции «всеобщего мира», акцентируя внимание не на договоры политические «верхов», как в большинстве аналогичных трактатов XVIII в., а на нравственное воспитание общественности. Гердер в «Идеях» видит в прогрессирующем развитии человечества нарастание гуманизма, который понимается им как расцвет принципа личности (и обретение индивидом душевной гармонии и счастья) [3, с. 232].

Значение всеобщности мы видим и у И. Гете. «Искусство, по Гете, вместе со своим творцом,

человеком, принадлежит природе, но в своем духовном аспекте оно все же «возвышается» над ней и обретает право соединять «рассеянные в природе моменты», придавая им «высшее значение и достоинство ... Но, чтобы применить это право, художник должен найти правильную связь между всеобщим и особенным. Гете решает таким образом классическую задачу Просвещения: задачу выхода из двух тупиков – абстрактной нормативности и слепой эмпиричности» [«О правде и правдоподобию произведений искусства», 1797. Цит. по: 3, с. 234].

В работе «Искусство и древность» Гете дает важное в отношении всеобщности и особенного пояснение: «Огромная разница, подыскивает ли поэт особенное для всеобщего или видит в особенном всеобщее. В первом случае возникает аллегория, где особенное служит лишь примером, случаем всеобщего; второй случай характеризует собственную природу поэзии, она передает особенное, не думая о всеобщем, не указывая на него. Кто, однако, схватывает это живое особенное рано или поздно, не замечая, получает одновременно и всеобщее». Здесь перед нами не что иное, как формулировка гетевского символизма, который окажет на культурологию немалое влияние» (там же).

В завершении хотелось бы привести глубокую онтологическую мысль немецкого мыслителя И. Фихте: «Лишь бытие есть, и отнюдь нет ничего другого, что не было бы бытием и выходило бы за пределы бытия; ... лишь бытие – лишь то, что есть само собой и из себя – есть» [Anweisung zum seligen Leben, Werke, V, с. 405 Цит. по: 7, с. 407-408].

Л и т е р а т у р а

1. Бердяев Н. Два типа созерцания. (С.Л. Франк «Предмет знания») // Типы религиозной мысли в России. [Собрание сочинений. Т. III]. Париж: YMCA-Press, 1989. – 714 с.
2. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.
3. Доброхотов А.Л. Культурология / Доброхотов А.Л., Калинин А.Т. – М.: ИД «Форум»: 2010 – 480 с.
4. Евлампиев И.И. Человек перед лицом абсолютного бытия: мистический реализм Семена Франка // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека / Отв. ред. И.И.Евлампиев. Санкт-Петербург: Наука, 1995. – С. 5-34.
5. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т./ [сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги]. – М.: Мысль, 1988. – Т. II. 822 с.
6. Франк С.Л. Философия и жизнь: Этюды и наброски по философии культуры. – СПб.: Изд. Д.Е. Жуковский, 1910. [8]. – 389 с.
7. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека / Отв. ред. И.И.Евлампиев. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – 656 с.

R e f e r e n c e s

1. Berdyayev N. Dva tipa sozertsaniya. (S.L. Frank «Predmet znaniya») // Tipy religioznoy mysl'i v Rossii. [Sobranie sochineniy. T. III]. Parizh: YMCA-Press, 1989. – 714 s.

2. Gaydenko P.P. Vladimir Solovev i filosofiya Serebryanogo veka. – M.: Progress-Traditsiya, 2001. – 472 s.

3. Dobrohotov A.L. Kulturologiya / Dobrohotov A.L., Kalinkin A.T. – M.: ID «Forum»: 2010 – 480 s.

4. Evlampiev I.I. Chelovek pered litsom absolynutnogo byitiya: misticheskiy realizm Semena Franka // Franka S.L. Predmet znaniya. Dusha cheloveka / Otv. red. I.I.Evlampiev. Sankt-Peterburg: Nauka, 1995. – S. 5-34.

5. Solovev V.S. Sochineniya v 2 t./ [sost., obsch. red. i vstup. st. A.F. Loseva i A.V. Gulyigi]. – M.: Myisl, 1988. – T.II. 1988. 822 s.

6. Frank S.L. Filosofiya i zhizn: Etyudy i nabroski po filosofii kulturyi. – SPb.: Izd. D.E.Zhukovskiy, 1910. [8], – 389 s.

7. Frank S.L. Predmet znaniya. Dusha cheloveka / Otv. red. I.I.Evlampiev. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1995. – 656 s.

Kobylkin D.S.

THE GNOSEOLOGICAL ASPECT OF BEING

The question of the significance of bases is connected with the value of philosophy and the thinking subject, whose reflection is directed toward understanding the fundamental foundations of being, to the depths of self-consciousness. In this connection it is impossible to manage mathematically unpretentious or pragmatically weighty concepts.

Especially if we are talking about the comprehension of the situation by the subject, the awareness of the fracture and fate of all mankind in the stream of contemporary events relating to the growing destructive crisis in relation to the

threat of existential instability of the individual and the social as a whole.

Important is the identification of the fact that taking a position of external expectation clearly philosopher seems utopian or even capitulation.

Key words: *human consciousness, thinking and conceiving, authentic being, living knowledge, personalism and impersonalism, personality and thing, whole and part.*

Кобылкин Дмитрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Kobylkin Dmitriy Sergeevich – Candidate of Philosophical Sciences, Docent of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named of Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: dmitriy3003@mail.ru

Рецензент: *Лустенко Андрей Юрьевич* – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК 130.2:[1+572]:159.942:821.161.1(Гоголь)

ГОГОЛЕВСКИЙ САСПЕНС «ЗАКОЛДОВАННОГО МЕСТА»

Брянцева О.А.

GOGOL'S SUSPENCE OF HIS «ENCHANTED PLACE»

Briantseva O.A.

Статья посвящена анализу проблемы переживания саспенса при попадании человека в пограничную ситуацию и последующего метафизического рождения личности с обретением ею подлинного бытия. Одним из наиболее ярких примеров такой символической формы саспенса является литература, поэтому базой для анализа проблемы стали произведения Н.В. Гоголя, в которых очень четко очерчена в символической форме пограничная ситуация личности с возможностью выхода из нее, при этом состояние саспенса здесь является одним из условий данного выхода.

Ключевые слова: Гоголь, *locus misticus*, граница, пограничная ситуация, саспенс, подлинное бытие, метафизическое рождение.

Введение. Современный человек уже давно существует не в пределах страха, но в пределах саспенса, подозревая и инстинктивно зная о том, что с ним случится нечто плохое, но при этом продолжая ждать кульминационного момента. Как и страх, саспенс имеет свои символические формы, которые наиболее ярко выражены в его истоках, т. е. в литературе и кинематографии. В данной статье мы остановимся на литературе. Эта форма саспенса, пожалуй, даже сложнее кинематографической, т. к. читатель не получает готовой картинки повествования, а потому вынужден дорисовывать ее с помощью собственного воображения, но и сам герой произведения потенциально и интуитивно имеет знания о том, что может произойти и какими могут быть результаты ситуации.

Русская литература уникальна по своему содержанию и форме выражения, но даже среди ее представителей находятся поистине уникальные личности, которые как бы переворачивают все с ног на голову и при этом делают это невероятно мастерски. Одной из таких личностей, несомненно, является Н.В. Гоголь. Символический саспенс фантастических произведений Гоголя поражает своей многогранностью и многоликостью, своими возможностями. Присутствующая в каждом из произведений граница (представленная «заколдованным местом»), которая, по сути, для героя есть пограничной ситуацией переживания,

приводит героя к состоянию метафизического рождения, катарсиса, обретению им подлинного бытия.

В ходе исследования были поставлены такие научные задачи: проанализировать символ «заколдованного места» в произведениях Н.В. Гоголя; определить суть границы как символического выражения перехода личности в новый топос, определить связь феномена границы и пограничного состояния личности, показать, каким образом личность, будучи в пограничной ситуации и находясь в состоянии саспенса, обретает возможность метафизического рождения и обретения подлинного бытия. Для анализа поставленных задач были использованы научные изыскания К. Ясперса, А.Р. Бурханова, Н.А. Васильева, Т.В. Куликовой, Е.Г. Логиновой, В.В. Мануковского и М.Ю. Трофимова. Анализ фантастического, феномена заколдованного места и границы в творчестве Н.В. Гоголя представлен в работах Т.А. Волоконской, Н.И. Ищук-Фадеевой, Ю.М. Лотмана и А.Х. Гольденберга.

Цель данной работы – показать, что саспенс является не просто художественным приемом, но одной из экзистенций человека, его бытийственной составляющей, благодаря которой он и обретает возможность перехода к подлинному существованию.

Основная часть. Творчество Н.В. Гоголя неиссякаемо для исследователей, пожалуй, практический каждый философ, культуролог или литературовед найдет в нем то, что ему нужно для размышлений. Особое место у Гоголя занимают произведения фантастического характера, а точнее его цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Арабески». Их особенностью является то, что действие в них происходит в обычном реально данном мире, но при этом постоянно и безоговорочно граничащем с потусторонним миром, полным таинственных сил и явлений. Художественное пространство произведений писателя довольно просто и одновременно сложно. Логично предположить, что потусторонний мир, граничащий с реальным,

должен быть его абсолютной противоположностью (по крайней мере, так зачастую мы видим в классических фантастических произведениях), но с топонимикой Гоголя все гораздо сложнее: потусторонний мир здесь представлен зачастую калькой внешнего убранства реального мира, но как только человек вступает в контакт с этим потусторонним миром, он начинает проявлять себя всякого рода чертовщиной, что очень точно отмечено Ю.М. Лотманом: «Эти миры очень похожи, но сходство их – лишь внешнее: сказочный мир как бы притворяется обыденным, надевает его маску» [7]. Кроме того, у писателя всегда присутствует точка перехода в это самое пространство. И сам бесовской мир, и точка перехода в него Гоголем именованы «заколдованным местом» (*locus mysticus*). ««Заколдованное место» – это пространство, закрытое для «непосвященных», но не непроницаемое» [5]. Цикл «Вечеров...» завершается самой маленькой по объему повестью «Заколдованное место». Не зря писатель разместил ее самой последней, ведь, несмотря на свой размер, она является своего рода квинтэссенцией идеи *locus mysticus*. Рассмотрим же ее более внимательно.

Повествование ведется от лица некоего дьячка, чей дед как раз и стал предметом насмешек бесовских сил. Никак в танце не мог дед пройти проклятое место, а с третьего раза и вовсе пространство обернулось к нему оборотной стороной. Как уже было сказано выше, место это надевало маску обыденного и главный герой сперва даже не замечает разницы, просто место другое: «Начал прищуривать глаза – место, кажись, не совсем знакомое: сбоку лес, из-за леса торчал какой-то шест и виделся прочь – далеко в небе. Что за пропасть: да это голубятня, что у попа в огороде! С другой стороны тоже что-то сереет; взгляделся: гумно волостного писаря» [3, с. 196]. Поманивший деда огонек на могилке явно говорил ему о кладе, но решив вернуться сюда на следующий день с лопатой, герой обнаруживает, что место вроде бы то, да и не то: «Вышел и на поле – место точь-в-точь вчерашнее: вон и голубятня торчит; но гумна не видно. «Нет, это не то место. То, стало быть, подалее; нужно, видно, поворотить к гумну!» Поворотил назад, стал идти другою дорогою – гумно видно, а голубятни нет! Опять поворотил поближе к голубятне – гумно спряталось<...> Побежал снова к гумну – голубятня пропала; к голубятне – гумно пропало» [3, с. 197], – стало быть, волшебный мир Гоголя лишь внешне похож на обыденный, на самом деле он постоянно изменяется и в рамки обыденного никак не вписывается: он может и сжаться, и растянуться, и вывернуться наизнанку. Кроме того, пространство «заколдованного места» имеет тенденцию к постоянной текучести и изменямости форм. Как указывает А.Х. Гольденберг: «... ему [художественному миру Гоголя – авт.] свойственна

склонность к текучей зыбкости, превращаемости форм и явлений» [4, с. 83]. Так, в «заколдованном месте» у пня краснеют глаза и отрастают уши, раздуваются ноздри, верхушка дерева бараньей головой кажется, а «клад», принесенный на баштан, оказывается дрязгом и мусором, на это также указывает в своей статье Т.А. Волоконская [3]. В плане «заколдованного места» очень четко прослеживается символ границы. Оба мира – мир обыденный и волшебный – никогда не пересекаются, но существуют непосредственно рядом друг с другом. Граница, разделяющая их, – не просто черта, но некий порог, и порог этот всегда у Гоголя имеет четкий топос, к примеру, в «Заколдованном месте» этим топосом становится участок земли на баштане главного героя, причем следует отметить, что место перехода действует только с одной стороны. Понятие границы очень важно сейчас для нас, т. к. именно благодаря ему мы можем обратиться к проблеме саспенса.

Итак, граница есть необходимостью, именно она позволяет оценить мир, ориентируясь на его противоположность. Как указывает Т.В. Куликова: «На границе, у крайнего предела, совсем другое ощущение времени. Опыт предела, границы обостряет восприятие мира и дает возможность познания более глубокого смысла бытия» [6, с. 382]. Граница, как в художественном, так и в онтологическом плане, – есть то пространство, в котором осуществляется переход от жизни к смерти личности и наоборот. К слову, если уж мы говорим о переходе через границу, то всегда стоит помнить, что этот переход есть временным явлением, к чему мы вернемся несколько позже.

В экзистенциально-онтологическом плане от границы неотъемлема ясперсова «пограничная ситуация». Фактически сам акт перехода границы между мирами у Гоголя, а чтобы точнее – именно та точка перехода, в которой главный герой находится ни здесь ни там, именно эта точка есть той самой пограничной ситуацией, в которой рождается новая личность. Сам К. Ясперс говорит: «Ситуация становится пограничной ситуацией, если она пробуждает субъект к экзистенции через радикальное потрясение его существования» [10, с. 79], – другими словами пограничная ситуация есть такая ситуация, в которой человек коренным образом меняется, начиная с собственных мыслей и заканчивая собственной экзистенцией. Такими ситуациями являются различные ситуации предельного психоэмоционального потрясения, как то: смерть, болезнь, борьба, одиночество. Особенностью пограничной ситуации является то, что результатом ее становится онтологическое одиночество человека, как точно указывает на это в своей работе В.В. Мануковский: ««Пограничная ситуация» К. Ясперса трагична и сопряжена с глубоким потрясением человека, она отбрасывает человека в одиночество, где он остается один на один со своими несчастьями» [8, с. 128].

Парадоксальность ситуации заключается в том, что человек страдает, ему предоставлен выбор: либо самостоятельно побороть свои несчастья, либо сдаться и превратиться в ничто, но при этом, если человек желает переродиться и раскрыть смысл подлинного бытия, он должен страдать и должен пройти через испытание пограничной ситуацией.

Любая пограничная ситуация, в которой бы человек не находился, всегда сопряжена с понятием страха и тревоги, т. к. человек стоит перед неизвестным и необъяснимым. Попадая в «заколдованное место», главный герой испытывает чувство страха-тревоги от того, что внешне похожий на обыденный потусторонний мир принимает искаженную форму, пугает бесовскими проделками и пытается сбить человека с толку. Если К. Ясперс говорит о том, что «действительность мира полна для человека ужаса и страха» [11], то мы добавим: действительность волшебного мира полна для человека страха и ужаса еще в большей степени. Если говорить об экзистенциальном страхе, то именно он является активатором защитного механизма человека, благодаря которому становится возможным развитие человека. Согласно К. Ясперсу страх стимулирует человека к размышлениям о собственной судьбе, а преодолев свою судьбу, он обретает возможность остаться самим собой [1]. Другими словами, чувство страха при нахождении в пограничной ситуации есть необходимостью для того, чтобы главный герой преобразился.

Если взглянуть несколько глубже, то перед нами встает проблема не просто страха, но саспенса. Во-первых, главный герой «Заколдованного места» – простой мужик, который, естественно, с молоком впитал рассказы о нечисти, кладах, ею охраняемых, странных места и прочей бесовщине, поэтому, попадая в это «заколдованное место», дед уже изначально обладает некими знаниями, предположениями относительно того, что с ним может здесь случиться. Во-вторых, сам процесс переживания страха-тревоги главным героем есть процесс временного характера, другими словами, действие всегда разворачивается во времени, и не важно, как это время будет искажено в потустороннем мире. Прохождение через рубеж саспенса главным героем является не просто испытанием страхом, но именно той пограничной ситуацией, которая влечет за собой полное изменение человека. Без этого саспенса (страха) у главного героя и читателя не было бы надежды на положительный исход, т. к. именно в это время сознание главного героя и читателя находится в максимальном напряжении, оно достигает здесь своих крайних пределов и в результате именно здесь человек обретает свой опыт самосознания.

Читая фантастические произведения Н.В. Гоголя, мы часто забываем о том, что он был глубоко религиозным человеком, а потому любой исход для главного героя должен был заключаться в конечном обращении к Богу, к духовному

очищению. Находясь в заколдованном месте и проходя через пограничную ситуацию, переживая состояние саспенса, главный герой как бы находит путь к очищению, он метафизически перерождается в новую личность, личность, не подверженную влиянию злого и дурного, личность, обращенную к Богу. На этот же факт указывает Т.А. Волоконская: «Заколдованное место в этом случае играет роль чистилища, места испытания человеческой души» [2, с. 63].

Так, когда дед все-таки приносит на баштан добытый у нечисти «клад» и обнаруживает там сплошь сор и дряг, он зарекается верить черту и внукам своим наказывает от Христа не отступать: «И с той поры заклил дед и нас верить когда-либо черту<...> И, бывало, чуть только услышит старик, что в ином месте не спокойно: «А ну-те, ребята, давайте крестить!» – закричит к нам» [3, с. 200]. На этой же позиции стоит и К. Ясперс, который утверждает, что человек, пережив свою пограничную ситуацию, обнаруживает свою глубокую связь с Богом [8, с. 128]. Об этом же говорит и М.Ю. Трофимов: метафизическое рождение человека является его выбором объективных, высших ценностей в результате прохождения через пограничную ситуацию [9]. Стоит добавить, что это метафизическое рождение в литературе становится возможным не только для главного героя, но и для читателя, который со-переживая главному герою, проходит те же стадии очищения посредством состояния саспенса.

Выводы. В ходе исследования мы пришли к выводу, что в произведениях Н.В. Гоголя «заколдованное место» представляет собой не просто потусторонний мир, наполненный бесовщиной, но ту пограничную ситуацию, находясь в которой человек приходит к истинному метафизическому рождению, осознанию смысла подлинного бытия, значимости Бога как светлого начала. Само перерождение человека становится возможным благодаря переживанию главным героем и читателем саспенса, приводящего к духовному очищению личности.

Л и т е р а т у р а

1. Васильева Н.А. Феномен страха: онтологический статус и пути преодоления / Н.А. Васильева. // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5 (48). – С. 228-231.
2. Волоконская Т.А. Мотив заколдованного места в малороссийских циклах Н.В. Гоголя: от описаний к поискам причины / Т.А. Волоконская. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2012. – № 4. – С. 61-64.
3. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород / Н. В. Гоголь. – М.: Худож. лит., 1982. – 431 с.
4. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография / А.Х. Гольденберг. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. – 261 с.
5. Ищук-Фадеева Н.И. Мир Гоголя как «заколдованное место» [Электронный ресурс] / Н.И. Ищук-Фадеева // Дом Гоголя. – М.: Дом Гоголя, 2007 – Режим доступа :

<http://www.domgogolya.ru/science/researches/1473/>, свободный. – Загл. с экрана.

6. Куликова Т.В. Феномен границы / Т.В. Куликова. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 381-387.

7. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя [Электронный ресурс] / Ю.М. Лотман // Poetica – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

8. Мануковский В.В. «Пограничная ситуация» и «подлинное бытие» в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова / В.В. Мануковский. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 18 (272). – С. 127-129.

9. Трофимов М.Ю. Метафизическое рождение и метафизическая смерть в пограничной ситуации / М.Ю. Трофимов. // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 60-63.

10. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / К. Ясперс. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.

11. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://royallib.com/book/yaspers_karl/smisl_i_naznachenie_i_storii_sbormik.html, свободный. – Загл. с экрана.

References

1. Vasileva N.A. Fenomen straha: ontologicheskiy status i puti preodoleniya / N.A. Vasileva. // Mir nauki, kulturyi, obrazovaniya. – 2014. – № 5 (48). – С. 228-231.

2. Volokonskaya T.A. Motiv zakoldovannogo mesta v malorossiyskikh tsiklah N.V. Gogolya: ot opisaniy k poiskam prichiny / T.A. Volokonskaya. // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. – 2012. – № 4. – С. 61-64.

3. Gogol N.V. Vechera na hutore bliz Dikanki; Mirgorod / N. V. Gogol. – М. : Hudozh. lit., 1982. – 431 с.

4. Goldenberg A.H. Arhetipyi v poetike N.V. Gogolya: monografiya / A.H. Goldenberg. – Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2007. – 261 с.

5. Ischuk-Fadeeva N.I. Mir Gogolya kak «zakoldovannoe mesto» [Elektronnyy resurs] / N.I. Ischuk-Fadeeva // Dom Gogolya. – М.: Dom Gogolya, 2007 – Режим доступа : <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1473/>, свободный. – Загл. с экрана.

6. Kulikova T.V. Fenomen granitsy / T.V. Kulikova. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2010. – № 6. – С. 381-387.

7. Lotman Yu.M. Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya [Elektronnyy resurs] / Yu.M. Lotman // Poetica – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

8. Manukovskiy V.V. «Pogranichnaya situatsiya» i «podlinnoe bytie» v ekzistentsialnykh kontseptsiyah K. Yaspersa i L. Shestova / V.V. Manukovskiy. // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 18 (272). – С. 127-129.

9. Trofimov M.Yu. Metafizicheskoe rozhdenie i metafizicheskaya smert v pogranichnoy situatsii / M.Yu. Trofimov. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 349. – С. 60-63.

10. Yaspers K. Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire / K. Yaspers. – М. : «Kanon » ROOI «Reabilitatsiya», 2012. – 384 с.

11. Yaspers K. Smyisl i naznachenie istorii / K. Yaspers. – М. : Politizdat, 1991. – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa : https://royallib.com/book/yaspers_karl/smisl_i_naznachenie_i_storii_sbormik.html, свободный. – Загл. с экрана

Briantseva O.A. GOGOL'S SUSPENSE OF HIS «ENCHANTED PLACE»

This article is devoted to the analysis of the problem of experiencing suspense when a human enters to a border situation and his metaphysical birth in this situation getting his true being. Literature is one of the most vivid examples of symbolic forms of suspense therefore we chose it for analyze the problems of suspense, border situations, a metaphysical birth and a true being. We chose Gogol's fantastic novels for our analysis. The article pointed out that the condition of the metaphysical human's birth, his escape to the sphere of a true being is precisely a state of suspense, namely that border situation coercing a human to the need to rethink his life. The point of the border situation in Gogol's fantastic novels is becoming «an enchanted place» as a place of transition from an non-true existence to a true one.

Key words: Gogol, locus mysticus, border, border situation, suspense, true being, metaphysical birth.

Брянцева Ольга Анатольевна – ассистент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Briantseva Olga Anatol'evna – Teaching Assistant of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.
E-mail: olga.dolzhenko@gmail.com

Рецензент: *Атоян Арсентий Иванович* – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информатологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК 13:316.74

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кравцов Д.Н., Чилигин В.В., Татаркин А.В.

ACTIVITY OF NON-TRADITIONAL RELIGIOUS MOVEMENTS IN THE POST-SOVIET SPACE AS A THREAT OF NATIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY

Kravtsov D.N., Chiligin V.V., Tatarkin A.V.

В статье исследованы проблемы деятельности некоторых нетрадиционных религиозных движений (НРД) на территории России, стран СНГ и ОДКБ. Постулируется, что трансформация ряда НРД в тоталитарные деструктивные секты сопряжена с ведением ими асоциальной маргинальной деятельности, угрожающей эффективному функционированию государственных институтов и дестабилизирующей социально-политические процессы внутри государства.

В качестве примера нетрадиционного религиозного движения, угрожающего национальной и международной безопасности, исследован нетрадиционный культ «саентология». Религиозные общины «Церкви саентологии» после распада СССР появились в большинстве государств постсоветского пространства.

Как тоталитарная деструктивная секта «Церковь саентологии» манипулирует поведением своих адептов в деструктивных целях, в частности, привлекает их к сбору и передаче разведывательных данных в интересах спецслужб иностранных государств, что угрожает национальной и международной безопасности России, а также ряда других стран СНГ и ОДКБ.

Ключевые слова: национальная безопасность, международная безопасность, саентология, «Церковь саентологии», нетрадиционные религиозные движения, тоталитарная деструктивная секта.

Введение. В условиях ведения Украиной войны с мирным народом Донбасса, который в 2014 г. не признал насильственный захват власти киевской хунтой, активизируется взаимодействие органов украинской государственной власти, уполномоченных на ведение разведывательной и контрразведывательной деятельности, с представителями международных религиозных организаций, относящихся к нетрадиционным т.н. новым религиозным движениям (НРД), структурные подразделения которых действуют на территории всего постсоветского пространства.

Оперативными подразделениями Службы безопасности Украины (СБУ) осуществляется

вербовка адептов украинских общин «Церкви саентологии» в целях получения ими разведанных по каналам взаимодействия с центрами саентологии в РФ, а также в ряде стран СНГ и ОДКБ.

Данные процессы создают условия для формирования спецслужбами Украины и других государств системы агентурной разведки на территории РФ, а также стран СНГ и ОДКБ посредством использования адептов, действующих в этих государствах тоталитарных сект, в целях получения интересующих разведанных. Это создаёт угрозу национальной безопасности РФ, а также безопасности государств-членов СНГ и ОДКБ. В свете необходимости купирования и нейтрализации данных угроз актуализируется исследование использования спецслужбами иностранных государств с агрессивной антироссийской внешней политикой религиозных организаций, исповедующих нетрадиционные культы, для дестабилизации социально-политической и экономической ситуации на территории России и других стран ближнего зарубежья.

Цель данной статьи – исследовать деятельность нетрадиционных религиозных движений (НРД) на постсоветском пространстве как угрозу национальной и международной безопасности через обобщение практики использования спецслужбами Украины религиозных организаций постсоветского пространства (на примере «Церкви саентологии») в целях ведения шпионажа на территории России, стран СНГ и ОДКБ, а также предложить меры противодействия процессам распространения деструктивных культов в республиках бывшего СССР.

Изложение основных материалов. Исследованием проблем влияния нетрадиционных культов на обеспечение национальной безопасности России занимались многие отечественные учёные. В работах М.Н. Артюхова, Р.А. Быкова, Е.Н.

Васильевой, А.В. Дворкина, Р.В. Зарубиной, А.Е. Раевского и др. распространение нетрадиционных религиозных движений интерпретируется как угроза национальной безопасности. Это обуславливается деструктивным психологическим влиянием на человека-адепта НРД посредством манипулирования его сознанием и активностью со стороны миссионеров и проповедников нетрадиционных культов [5].

На начало XX века приходится активный рост числа новых религиозных учений, чему способствовали технический прогресс и расширение сети средств массовой коммуникации. Часть религиозных организаций, исповедующих новые нетрадиционные культы, пошла по пути десоциализации и маргинализации. Результатом этого стала их трансформация в тоталитарные деструктивные секты, для которых основной формой вероисповедования стал поиск новых нетрадиционных практик и путей религиозного познания.

Тоталитарная деструктивная секта – это возглавляемая харизматическим лидером или группой лидеров организация, применяющая осуждаемые в обществе методы по вовлечению, контролю и удержанию своих членов внутри манипулирующей среды, что наносит ущерб отдельным личностям и всему обществу в целом [4].

Провозглашение асоциальных ценностей как приоритетных, осуществление религиозно-ориентированной экстремистской деятельности, пропаганда расовой и религиозной вражды – это неотъемлемые элементы деятельности тоталитарных сект, которые угрожают национальной безопасности и требуют разработки симметричных мер противодействия в рамках правового поля [2].

Одной из таких тоталитарных деструктивных сект является т.н. саентология – современный нетрадиционный культ, который провозгласил писатель-фантаст Рон Хаббард. Как международное религиозное движение саентология исповедует систему религиозно-философских идей, эклектически состоящих из околонуточных взглядов и оккультных духовно-мистических практик.

В ней существует два течения – «Церковь саентологии» и «Свободная зона», из которых первое является «каноничным» – самым массовым, интернациональным и централизованным, а второе – «реформаторским», которое крайне малочисленно.

В настоящее время в мире насчитывается по различным данным от 11 до 30 млн. саентологов (60% общин находятся на территории США). По мнению экспертов-религиоведов, саентология является одной из самых быстрорастущих новых религий в мире [3]. Особенно активно развивается на территории стран постсоветского пространства. Общины саентологов действуют на территории России, Казахстана, Украины, Белоруссии,

Киргизии, при этом активно взаимодействуют между собой.

Основным классом адептов данного культа являются успешные состоятельные люди с достатком выше среднего, имеющие связи в обществе и способные помогать общине материально и ресурсно-административно. Основная деятельность саентологов направлена на саморазвитие личности адепта, его материального статуса, достижение им социально выгодного положения в целях служения культуре. Это объясняет популярность саентологии в среде представителей среднего и крупного бизнеса, чиновников, а также представителей власти различного уровня.

В США и Великобритании саентология признана религией. В большинстве стран Европы её представительства статус религиозных организаций не получили, однако активно функционируют в качестве общественных организаций и незарегистрированных религиозных групп.

В России первая религиозная организация саентологов была зарегистрирована в 1994 г. В 1996 г. «Церковь саентологии» классифицирована Государственной Думой РФ как деструктивная религиозная организация. В 2010-2012 гг. ряд текстов Р. Хаббарда были признаны судом экстремистскими и включены в Федеральный список экстремистских материалов. В июне 2015 г. Октябрьский районный суд Санкт-Петербурга отказал в регистрации организации «Церковь саентологов Санкт-Петербурга». В июне 2016 г. Верховный Суд РФ подтвердил решение Московского городского суда по иску Министерства юстиции о самоликвидации в течение полугода «Саентологической церкви Москвы», признанной нарушившей ФЗ «О свободе вероисповедания и религиозных объединения в РФ» [1].

Однако в настоящее время на территории РФ продолжают действовать около трёх десятков центров и миссий «Церкви саентологии» различных организационно-правовых форм в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Екатеринбург и др.).

Результаты исследований. Руководители центров и миссий требуют от своих адептов полного подчинения идеям саентологии и культовому лидеру, воздействием на духовно-психологическую и соматическую сторону индивида-адепта контролируют его действия и поступки, применяют специальные методы борьбы с критиками саентологии, создают условия финансового роста культовой общины, используя для этого кризисное психическое состояние и неосведомлённость адептов [6]. Отличительным свойством саентологии, позволяющим считать её доктрину экстремистской, является предписание борьбы с «врагами Церкви» всеми средствами (вплоть до летальных).

С целью привлечения новых адептов саентологи осуществляют миссионерскую деятельность в среде «золотой» молодёжи и

студентов элитных ВУЗов – детей и родственников хорошо обеспеченных людей. В целях обеспечения безопасности и расширения своей организации через своих adeptов руководством «Церкви» организуется сбор сведений компрометирующего конфиденциального характера о высокопоставленных персонах государственного аппарата РФ (в т.ч. военных и правоохранительных органов), от которых шантажом получают интересные организации материалы. Можно предположить, что в этих материалах могут содержаться сведения служебного характера, а также сведения, составляющие государственную тайну, что угрожает безопасности государства.

На Украине первые две общины саентологов были зарегистрированы в 1995 г. В период с 1996 по 2004 гг. в отношении саентологов велась государственная политика ограничения их активности. После «Оранжевой революции» прозападное руководство Украины начинает активно содействовать представителям «Церкви саентологии».

В период 2005-2016 гг. на Украине появляются два мощных саентологических центра – Харьковский и Киевский гуманитарные центры Хаббарда и около 15 незарегистрированных саентологических общин в Киеве, Харькове, Одессе, Львове, Николаеве, Ужгороде, Полтаве, Мариуполе, Прилуках и других городах. Незначительное ослабление активности саентологов наблюдается в 2010-2013 гг. в период правления президента В.Ф. Януковича, к правительству которого неоднократно обращались представители традиционных религий (УПЦ МП) с жалобами на деятельность на Украине тоталитарных сект (в т.ч. саентологов). Однако в конце 2013 г. саентологи Украины активизировались и начали поддерживать антиправительственные выступления молодежи в Киеве, выступили за «Майдан» и свержение Януковича, осуществляли в интересах своего культа финансирование радикально настроенных националистических группировок.

Одна из причин такой поддержки антиправительственных сил – наличие в среде лидеров «Майдана» adeptов саентологии. Одним из наиболее влиятельных является экс-премьер-министр Украины А.П. Яценюк, семья которого много лет исповедует саентологию, а сам Яценюк имеет ОТ-6 (по некоторым данным, уже ОТ-8 – наивысший) уровень посвящения в «тайны Церкви саентологии». Многие представители общин саентологов при приходе к власти нового режима получили должности в министерствах и мэриях городов и осуществляют политику протекционизма в интересах своей «Церкви». Так, например, содействием adeptов «Церкви саентологии» в высших эшелонах украинской власти общины саентологов Киева получили безвозмездно новые здания, а руководители Церкви саентологии –

земельные участки под Киевом, которые зарегистрированы на подставных лиц.

В период со второй половины 2015 г. руководство общин саентологов начинает активно сотрудничать с оперативными подразделениями СБУ. В условиях люстрации СБУ была существенно изменена структура личного состава департамента защиты национальной государственности, набраны опытные сотрудники из среды философского-религиоведческого сообщества Украины для получения информации о деятельности саентологов и формирования подходов к сотрудничеству с ними.

Первичное сотрудничество с СБУ руководителей и adeptов «Церкви саентологии» на Украине заключалось в передачи саентологами компрометирующей информации о неподдержавших «Майдан» представителях бизнеса, которые были объявлены «врагами Церкви саентологии», т.к. выступали во время правления «режима Януковича» против их культа. Необходимую информацию СБУ, конечно же, оплачивала.

После ухода с поста премьер-министра Яценюка, который являлся главным политически покровителем саентологов на Украине, СБУ пересматривает отношение к «Церкви саентологии». Высказывая угрозы закрытия данной культовой организации как деструктивной и угрожающей безопасности Украины, сотрудники СБУ достигли договорённости о негласном сотрудничестве с руководителями «Церкви». Основная цель сотрудничества – установление руководителями украинских общин саентологов связи с руководителями российских саентологов для получения компромата на высших должностных лиц государственных органов РФ (особенно в структурах МО РФ, ФСБ и СВР), имеющих отношение к сделкам с недвижимостью и землёй (которые оформляются на подставных лиц); получающих теневые доходы; участвующих в коррупционных схемах.

Выводы. Нетрадиционные религиозные движения (НРД) на территории постсоветского пространства активно используются враждебными спецслужбами иностранных государств в целях дестабилизации социально-политической обстановки в странах бывшего СССР, а также получения сведений разведывательного характера, что является угрозой национальной и международной безопасности.

Одной из религиозных организаций, которая ведёт деструктивную деятельность на постсоветском пространстве в интересах иностранных спецслужб, является запрещённая в РФ в судебном порядке «Церковь саентологии».

По мнению авторов, сбор и передача саентологами секретных сведений, полученных на территории РФ, сотрудникам спецслужб Украины необходимы для вербовки высших должностных лиц государственных органов РФ с целью

агентурной работы в интересах иностранных разведывательных органов как самой Украины, так и стран НАТО, что требует разработки и реализации мер противодействия этой деятельности.

Ввиду данного целесообразно:

- в условиях официального запрещения деятельности ряда саентологических общин РФ обратить повышенное внимание органов государственной власти на активность руководства российских саентологических религиозных групп и их связи с представителями иностранных общин «Церкви саентологов»;

- установить содержание компрометирующих сведений, которыми располагают саентологические общины, и не допустить их передачу иностранным спецслужбам, а также иным третьим лицам;

- инициировать разработку и принятие законопроекта, который бы ввел понятие «тоталитарной деструктивной организации» и предусмотрел правовой механизм защиты граждан от её активности, ограничения её деятельности;

- реформировать действующие правовые акты России и стран СНГ, регулирующие свободу вероисповедания, с учётом предложений и предостережений, вносимых органами государственной власти, уполномоченными в сфере обеспечения безопасности, по минимизации угроз национальной безопасности религиозного характера.

Реализация вышеуказанных мер позволит эффективно противодействовать распространению в России и в странах постсоветского пространства тоталитарных деструктивных религиозных организаций, которые используются иностранными спецслужбами для дестабилизации социально-политической обстановки внутри стран, а также сбора разведанных.

Литература

1. Верховный суд поддержал ликвидацию церкви саентологов Москвы. URL: https://www.pravda.ru/news/society/29-06-2016/1305223-cerkov_saentologov-0/ (Дата обращения: 10.10.2017).

2. Зарубина Р.В. Секты и национальная безопасность. Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2009. Спец. выпуск № 1. – С. 155-161.

3. История религий в России: учеб. пособие / под общ. ред. Н. А. Трофимчука. – М.: Изд-во РАГС. 2002. – 591 с.

4. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник. – Белгород. Миссионерский отдел Московского Патриархата Русской Православной Церкви. 2000. – 457 с.

5. Раевский А.Е. Психологическое манипулирование в новых религиозных движениях. Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2009. Вып. №2. – С. 81-89.

6. Шакумид Ж.Н. Саентология как тоталитарная секта. Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2012. №2. – С. 133-137.

References

1. Verhovnyj sud podderzhal likvidaciju cerkvi saentologov Moskvy. URL:

https://www.pravda.ru/news/society/29-06-2016/1305223-cerkov_saentologov-0/ (Data obrashhenija: 10.10.2017).

2. Zarubina R.V. Sekty i nacional'naja bezopasnost'. Vestnik Taganrofskogo instituta imeni A.P. Chehova. – 2009. Spec. vypusk № 1. – P. 155-161.

3. Istorija religij v Rossii: ucheb. posobie / pod obshh. red. N. A. Trofimchuka. – M.: Izd-vo RAGS. 2002. – 591 p.

4. Novye religioznye organizacii Rossii destruktivnogo i okkul'tnogo haraktera: spravochnik. – Belgorod. Missionerskij otdel Moskovskogo Patriarhata Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2000. – 457 p.;

5. Raevskij A.E. Psihologicheskoe manipulirovanie v novyh religioznyh dvizhenijah. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14: Psihologija. 2009. Vyp. №2. – P. 81-89.

6. Shakumid Zh.N. Saentologija kak totalitarnaja sekta. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. – 2012. №2. – P. 133-137.

Kravtsov D.N., Chiligin V.V., Tatarkin A.V.

ACTIVITY OF NON-TRADITIONAL RELIGIOUS MOVEMENTS IN THE POST-SOVIET SPACE AS A THREAT OF NATIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY

The article explores the problems of the activities of some non-traditional religious movements (NRMs) in the territory of Russia, the CIS countries and the CSTO. It is postulated that the transformation of a number of NRMs into totalitarian destructive sects is associated with their asocial marginal activity, which threatens the effective functioning of state institutions and destabilizes sociopolitical processes within the state.

As an example of an unconventional religious movement threatening national and international security, an unorthodox «Scientology» cult was explored. Religious communities of the «Church of Scientology» after the collapse of the Soviet Union appeared in most post-Soviet states.

As a totalitarian destructive sect, the Church of Scientology manipulates the behavior of its adepts for destructive purposes, in particular, attracts them to collect and transmit intelligence data in the interests of the special services of foreign countries, which threatens the national and international security of Russia, as well as a number of other CIS countries and CSTO.

Key words: national security, international security, Scientology, «Church of Scientology», non-traditional religious movements, totalitarian destructive sect.

Кравцов Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Kravtsov Dmitry Nikolaevich – Postgraduate student of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: kravhor.1l@mail.ru

Чилигин Виталий Валерьевич – магистрант кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР

«Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Chiligin Vitaliy Valerievich – Student of magistracy of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: syerov.@lds.net.ua

Татаркин Александр Владимирович – магистрант кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Tatarkin Alexander Vladimirovich – Student of magistracy of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: tatar-dd@lds.net.ua

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информалогии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК 316.74:811.512.161

ВНЕЭСТЕТИЧЕСКОЕ КАК СПОСОБ БЫТИЯ ЭСТЕТИКИ**Понкратенкова Т.В.****OUT OF THE ESTHETIC AS A WAY OF BEING AESTHETICS****Ponkratenkova T.V.**

Современная эстетика находится на этапе переосмысления, в поиске новых, других воплощений. XXI век стал веком иных ценностных ориентиров, побуждающим к реформации эстетических взглядов. Эстетическая сфера деятельности выражается воплощением ценностных представлений сознания в практике жизни. В существующих областях эстетической деятельности (эстетики труда, быта, природы, отношений), а также в искусстве стираются границы между подлинно эстетическим и внеэстетическим. Эстетическое отношение к действительности и искусству как высшей форме эстетического бытия проявляется через эстетическое сознание и эстетическую деятельность. Эстетическое сознание, состоящее из феноменов эстетического восприятия, эстетического вкуса, эстетического опыта, формируется через призму современного социокультурного пространства.

Эстетика выходит на новый неизведанный уровень – осмысление через противоположность.

Ключевые слова: эстетика, эстетическое, внеэстетическое, прекрасное, искусство, бытие, восприятие, ценностное, антиценность, чувственное, философское, художественная культура.

Введение. В наше время общественных перемен, активной утраты традиционных исторических ориентиров подлинно эстетического особенно остро встает задача выявления новых граней – внеэстетического. Традиционно-консервативные взгляды на определение сущности эстетики испытали потребность в новых исторических фактах, подтверждающих ценность достигнутого опыта в расширении рамок эстетического – внеэстетического. Обновления стоят перед необходимостью создания новой методологии исторического анализа и оценок.

Главной задачей и естественной потребностью нашего времени становится тотальная активизация всех без исключения фактов истории эстетики.

Цель исследования – рассмотрение ценностных ориентиров, определяющих современные рамки эстетики.

В процессе достижения цели решались следующие задачи:

- исследование ценностных ориентиров эстетического;
- изучение особенностей процесса формирования ценностного отношения;
- установление эволюции восприятия внеэстетического в эстетико-философской мысли XXI века.

Объект исследования – сущность взаимоотношения эстетического и внеэстетического.

Предмет исследования – система ценностей и антиценностей в эстетическом пространстве XX – XXI веков.

Изложение основного материала. Общепринятым считается положение о том, что именно искусство выступает очевидным индикатором системы ценностей, ведь именно по памяткам и наследию искусства мы можем судить о ценностях ушедших столетий и осознавать их подлинную духовную значимость. Эстетическая и художественная культура и ее ядро – эстетические и художественные ценности – являются «специальным и адекватным средством фиксации, хранения и передачи следующим поколениям в живом и концентрированном виде общечеловеческих и духовных ценностей» [7].

Связи искусства со сферой эстетического многоплановы. Во-первых, предметом познания и воссоздания в художественных произведениях становится жизнь в ее эстетических свойствах (качествах): все то в реальности, что «адресовано» человеческому зрению и слуху. Во-вторых, сам материал художественных образов (звук в музыкальном произведении; трехмерные визуально воспринимаемые формы скульптуры; слова с их фонетическим обликом и т. п.) имеет чувственный характер и апеллирует к его эстетическому восприятию. В-третьих, эстетическое не только преломляется в произведениях искусства, но и создается в результате творческого акта. Художественные произведения, не воспринимающиеся в качестве эстетической ценности, не выполняют важнейшей из своих задач.

Произведению искусства могут быть присущи также внеэстетические ценности, и оно может оцениваться с разных точек зрения. Однако внеэстетические ценности произведения не могут составлять основу его оценки, поскольку только эстетические ценности являются для искусства специфическими и определяющими.

А.Ф. Лосеву принадлежит определение эстетического, которое есть «выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно исторических отношений». Эстетическое предполагает выразительность, которая «заставляет нас всматриваться, погружаться в неё, освобождаться от всяких других представлений и любоваться ею, созерцать её как некоторого рода самодовлеющий предмет». Г. Шпет выделяет такие особенности эстетического: чувственную выразительность, неутилитарность, особую экспрессию (эмоция, которая сопровождает процесс смыслообразования) [6]. В.В. Бычков утверждает, что эстетическое указывает на такой опыт освоения реальности, который «основан на созерцании или выражении в чувственно-воспринимаемой форме абсолютных ценностей, не поддающихся адекватному словесному выражению, но явленных субъекту в переживании им сопричастности полноте бытия» [2, с.15]. Как отмечает И.П. Никитина, эстетическое есть «результат свободной игры духовных сил в процессе неутилитарного созерцания объекта или в ходе творческого акта, завершающегося созданием произведения искусства» [4].

Фундаментальной в процессе восприятия эстетического является категория прекрасного, определяющая качество реальности эстетики, классифицируя ее. В современной мировой эстетической мысли существуют две тенденции в исследовании прекрасного. Одна связана с развитием эстетической проблематики в системе определенных направлений современной философии. В работах Фехнера, Липпса, Вундта – интуитивистская и психологическая эстетика. На этой основе актуальной стала теория «вчувствования», где реальный предмет выступает не более чем внешним поводом для восприятия. Субъект пополняет предмет своими собственными переживаниями. Продолжаются линии развития эстетических идей, идущие от неотолизма, экзистенциализма, герменевтики, феноменологии.

Другое направление связано с отказом от всяких попыток логического и философского исследования красоты. Философы-иррационалисты говорят о смерти искусства, вырождении красоты. Так, немецкий искусствовед К. Фидлер считает, что понятие прекрасного должно быть изгнано из эстетики. Его место занимают такие понятия, как абсурдное, безобразное, болезненное, жестокое, злое, непристойное, низменное, омерзительное, отвратительное, отталкивающее, пошлое, скучное,

ужасное, шокирующее. По мнению американского философа Х. Дикмана, прекрасное сходит с эстетической сцены, поскольку больше неспособно изумлять и подавлять. Профессор О. Марквард считает, что искусство не является больше прекрасным, и эстетика как наука завершила свое существование в начале XIX в. Эстетика невозможна как наука, поскольку сегодня место прекрасного заняли новые ценности: интенсивность, необычность, шок-ценность [5].

Все эти особенности взглядов на эстетическое сами по себе принадлежат к «отрешённому бытию» и определяют свою сущность через грань внеэстетического.

Н.А. Бердяев писал: «Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах. Окончательно померк старый идеал классически-прекрасного искусства, и чувствуется, что нет возврата к его образам. Искусство судорожно стремится выйти за свои пределы. Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство, что выше или ниже его. Никогда еще так остро не стояла проблема отношения искусства и жизни, творчества и бытия, никогда еще не было такой жажды перейти от творчества произведений искусства к творчеству самой жизни, новой жизни» [1].

Можно ли считать эстетическое обесцененным, а нынешние произведения искусства идолами современного упадка морали, нравственности и чувства прекрасного, что транслируют свою деформацию на определение бытия человека.

Или же эстетика и эстетическое приобретает новые грани, расширяя границы своей сущности, эволюционируя от числовой пропорции, поглощая область внеэстетического.

В 1853 году К. Розенкранц сформулировал эстетику ужасного как позицию, стимулированную вещами прямо противоположными понятию Прекрасного. «Гротеск, карикатура, сатанинский ужас прекрасны как комедия, которая определяется деформацией юмора». Розенкранц резюмирует Гегеля, открывающего родство комедии и безобразия. «Комедия демонстрирует не разложение ценностей и правды как эпического и божественного, а обобщает деформацию этих понятий» [8, с.61].

Следовательно: «Эстетика, как сама жизнь, необязательно приятна и желанна. Мир изрешечен систематическим саморазрушением, грубостью и деспотическим индивидуализмом, которые сами по себе противоречивы по определению допустимого, но извращенно привлекательного величия» [3].

«Репутации эстетики не позавидуешь, – писал философ Жак Рансьер в 2004 году, – Не проходит и года, чтобы очередное сочинение не провозгласило либо, что ее время вышло, либо, что продолжают ее злодеяния». Спустя более десяти лет можно

сказать, что ситуация не сильно изменилась: как старые, так и новые философские концепции пытаются ограничить права эстетики, объявляя ее устаревшей и неактуальной дисциплиной. В противоположную крайность впадают другие авторы, превозносящие эстетику как «первую философию», наделяя этот раздел знания метафизическим статусом. Однако сколь бы категоричны ни были заявления критиков, сегодня мы можем говорить о множестве «эстетик», принимающих различные формы: инэстетика, эстетический режим, нейроэстетика, красота математики, новая эстетика, спекулятивная эстетика, деколонизальный эстетизм, энвайронментальная эстетика [9].

Выводы. Синтез эстетического и внеэстетического, опираясь на культурно-исторические дефиниции, позволяет говорить о зарождении новой эстетики, прошедшей через призму социально-психологических и морально-этических тенденций XXI века. Эстетическая природа произведения является неповторимой и уникальной, она раскрывает прекрасное, эстетическое, возвышенное, а иногда безобразное и трагическое, но все вышеперечисленное формирует эстетическую оригинальность. Чувственное познание существует в разных сферах действительности: природа, общество, человек и его деятельность. Такие всевозможные эстетические отношения (чувства, переживания, наслаждения) опираясь на социокультурные рамки, рождает новую эстетику.

Литература

1. Бердяев Н. А. Кризис искусства. Издательство: – М.: СП Интерпринт ISBN: 5-7100-0005-1, 1990. – 48 с.
2. Бычков В.В. Эстетика: учебник / В.В. Бычков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2006. – 573 с.
3. Жилинский Е. Эстетика наоборот «Философия – Джокер в карточной колоде». Эдди Брикель [Электронный ресурс] // Русский переплет: электронное периодическое издание М., 2001–2017. URL: <http://www.pereplet.ru/text/3-Joker.html>. (дата обращения: 02.03.2017).
4. Зеленев Е.В. К вопросу о проблематике художественно-эстетического образования в связи с концептом «эстетическое» [Электронный ресурс] // Институт художественного образования и культурологии российской академии образования, 2017. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/k-voprosu-o-problematike-hudozhestvenno-esteticheskogo-obrazovaniya-v-svyazi-s>. (дата обращения: 05.03.2017).
5. Кисельникова Елена Прекрасное и безобразное. Смещение акцентов. [Электронный ресурс] // taby27.ru, Татьяна Быстрова 2007-2017. URL: <http://www.taby27.ru/>.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2-х книгах. Книга 1. М.: Искусство, 1992. – 656 с.
7. Моргунов А. П. Соотношение эстетических и внеэстетических ценностей в искусстве Авангарда [Электронный ресурс] // Всероссийский журнал научных публикаций 2011. № 8 (9). URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-esteticheskikh-i-vneesteticheskikh-tsennostey-v-iskusstve-avangarda>. (дата обращения: 05.03.2017).

8. Шкепу М. А. – Эстетика безобразного Карла Розенкранца К.: Феникс, 2010. – 448с.

9. Шульженко И. Неудовлетворенность эстетикой [Электронный ресурс] // Философский Клуб ЦСИ ВИНЗАВОД 2014–2017. URL: <http://syg.ma/@irina-shulzhenko/niudovlietvoriennost-estietikoi>. (дата обращения: 15.03.2017).

Referencies

1. Berdyaev N. A. Krizis iskusstva. Izdatelstvo: M.: SP Interprint ISBN: 5-7100-0005-1, 1990. – 48 s.Orhan Pamuk. Kar. / Istanbul: Iletişim, 2007. – 436 s.
2. Byichkov V.V. Estetika: uchebnik / V.V. Byichkov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Gardariki, 2006. – 573 s.Costomarov N.I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ejo glavnejshih deyateley. – M.: Exmo, 2008. – 1024 s.
3. Zhilinskiy E. Estetika naoborot «Filosofiya – Dzhoker v kartochnoy kolode». Eddi Brikel [Elektronnyy resurs] // Russkiy pereplet: elektronnoe periodicheskoe izdanie M., 2001–2017. URL: <http://www.pereplet.ru/text/3-Joker.html>. (data obrascheniya: 02.03.2017). Mansurova O.J. 111 istoriy o Hodje Nasreddine: chitajem paralelno na tureckom i russkom yazikah / O.J. Mansurova. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2006. – 288 s.
4. Zelenov E.V. K voprosu o problematike hudozhestvenno-esteticheskogo obrazovaniya v svyazi s kontseptom «esteticheskoe» [Elektronnyy resurs] // Institut hudozhestvennogo obrazovaniya i kulturologii rossiyskoy akademii obrazovaniya, 2017. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/k-voprosu-o-problematike-hudozhestvenno-esteticheskogo-obrazovaniya-v-svyazi-s>. (data obrascheniya: 05.03.2017).Tureckiy s ljubovju = Hanzade «Ağlama gözlerim» / posobije podgot. N.Obrezhnikov i A.Kelmenchuk. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 349 s.
5. Kiselnikova Elena Prekrasnoe i bezobraznoe. Smeschenie aktsentov. [Elektronnyy resurs] // taby27.ru, Tatyana Byistrova 2007-2017. URL: <http://www.taby27.ru/Tureckiy-jazik-s-R.N.-Gjuntekinom-Klejmo> = Reşat Nuri Güntelin «Danga» / posobije podgot. D.Teplava, I.Frank. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 544 c.
6. Losev A.F. Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tyisyacheletnego razvitiya: V 2-h knigah. Kniga 1. M.: Iskusstvo, 1992. – 656 s.Chevik Sh. / Povsednevnyy tureckiy yazik / Shahin Chevik. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2005. – 123 s.
7. Morgunov A. P. Sootnoshenie esteticheskikh i vneesteticheskikh tsennostey v iskusstve Avangarda [Elektronnyy resurs] // Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy 2011. № 8 (9). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-esteticheskikh-i-vneesteticheskikh-tsennostey-v-iskusstve-avangarda>. (data obrascheniya: 05.03.2017)
8. Shkepu M. A. Estetika bezobraznogo Karla Rozenkrantsa K.: Feniks, 2010. – 448s.
9. Shulzhenko I. Neudovletvorennost estetikoy [Elektronnyy resurs] // Filosofskiy Klub TsSI VINZAVOD 2014–2017. URL: <http://syg.ma/@irina-shulzhenko/niudovlietvoriennost-estietikoi>. (data obrascheniya: 15.03.2017).

Ponkratenkova T.V.
**OUT OF THE ESTHETIC AS A WAY OF BEING
AESTHETICS**

Contemporary esthetics is on the stage of rethinking. It is looking for new evocations. XXI century has become the age of other value orientations, which are encouraging to esthetics' views reforming. The aesthetic sphere of activity is expressed by the embodiment of value representations of consciousness in the practice of life. In the existing areas of aesthetic activity (the aesthetics of labor, life, nature, relations), and also in art, the boundaries between a truly aesthetic and extra-aesthetic are blurred. The aesthetic attitude to reality and art, as the highest form of aesthetic being, is manifested through aesthetic consciousness and aesthetic activity. Aesthetic consciousness consisting of the phenomena of aesthetic perception, aesthetic taste, aesthetic experience, is formed through the prism of modern sociocultural space. Esthetics is rising to a new level of rethinking through contradictory.

Key words: *esthetics, esthetic, fake esthetics, beautiful, art, existence, apperception, value-based, fake value, sensuous, philosophical, artistic culture.*

Понкратенкова Тамара Владимировна – магистр философии, аспирантка кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля,
E-mail: bondara@mail.ru

Ponkratenkova Tamara Vladimirovna – Magister of Philosophy, Postgraduate student of Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.
E-mail: bondara@mail.ru

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информатологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 18.10. 2017

УДК 355.01

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ СЕР. XX – НАЧ. XXI ВЕКА: МАНИПУЛЯЦИЯ МАССАМИ В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Кравцов Д.Н.

INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WARS MID. XX - INIT. XXI CENTURY: MANIPULATION OF MASSES IN CONDITIONS OF IDEOLOGICAL CONTRADICTION

Kravtsov D.N.

В статье анализируется специфика ведения информационно-психологической войны в свете идеологического противоборства США и СССР во второй половине XX века. Рассмотрены аспекты применения информационно-психологического оружия как основного средства информационно-психологической войны в призма его влияния на духовно-идеологические основы противоборствующих социально-политических и экономических систем коммунизма и капитализма. Распад СССР, дальнейшая духовно-нравственная деградация российского народа, а также дестабилизация политической обстановки в России в начале XXI века представляются как следствие применения средств информационно-психологического воздействия. Обеспечение идеологической и информационно-психологической безопасности современного российского общества рассматриваются как приоритетные направления государственной политики.

Ключевые слова: пропаганда, информационно-психологическая война, информационно-психологическое оружие, холодная война, идеологическое противоборство.

Введение. Идеологическая борьба капитализма и коммунизма сформировала исторический облик второй половины XX столетия. Одним из аспектов этой борьбы было информационно-психологическое противоборство.

Антагонистические мировоззренческие системы СССР и Запада противостояли друг другу в холодной войне посредством ведения подрывной идеологически-диверсионной деятельности, весь спектр средств которой огромен. Их противостояние превратило всю вторую половину XX века в эпоху глобальной информационно-психологической войны [1].

Применение сторонами идеологического противоборства латентных (скрытых) средств поражения сделало информационно-психологическую войну практически невидимой для взгляда обывателя, убедив его в том, что он независимый внешний наблюдатель и его взглядами

на мир никто не управляет и не манипулирует. Но это не так, ведь, как говорил один политик, если человек (тот самый обыватель) считает, что им никто не манипулирует, значит, он в руках профессионалов. Манипулирование общественным сознанием, активностью и вектором политической силы граждан было основной целью применения в условиях идеологического противоборства средств и методов информационно-психологической войны, которую никто ни на Западе, ни в СССР не объявлял, которая, однако, велась на протяжении почти пятидесяти лет [2].

Вся история холодной войны – это не только эпоха глобального вооружённого противостояния СССР и США (хотя «холодная война», так и не стала «горячей»), но и период пребывания этих двух сверхдержав в состоянии информационно-психологической войны, средствами которой выступали различные виды пропаганды, экономические санкции, дипломатические меры и др.

Целью данной статьи является исследование эффективности ведения информационно-психологической войны в призма влияния её средств на массовое сознание граждан как своего государства, так и государства противника.

Изложение основного материала. Вопросы сущности информационно-психологической войны, средств и методов её ведения интересовали многих отечественных и зарубежных учёных. В исследованиях В.А. Баришпольца, Г.В. Грачева, С.Г. Кара-Мурзы, П. Лайнбарджера, О.В. Литвиненко, А.В. Манойло, А.А. Матенюка, И.К. Мельника, И.Н. Панарина, В.Д. Попова, Г. Почепцова, Л.А. Шелепина, В.В. Шейнова, А.И. Черняка, О.К. Юдина рассматриваются теоретические и методологические проблемы применения различных видов информационно-

психологического оружия в условиях современного противоборства [3].

Холодная война и её окончание, которым стал распад СССР, показала, что средства информационно-психологического воздействия эффективны в условиях современного противостояния социально-политических, экономических и военных систем. Однако сам распад СССР не был победой Запада над Советским Союзом. Причины краха СССР были определены не одними деструктивным влиянием Запада и ведением им информационно-психологической войны с Союзом, а комплексом внешних и внутренних детерминант.

Одной из этих детерминант, действительно, была информационно-психологическая война, и определение уровня эффективности применения её методов и средств – это важное направление современных исследований, необходимых для формирования системы контрпропаганды. Основной целью применения средств и методов информационно-психологической войны были деморализация и дезорганизация советского народа, духовно-нравственное разложение молодёжи и противопоставление разрозненных социальных групп действующему режиму, которые в конечном счёте должны были привести к свержению конституционного строя СССР [4].

Западное информационно-психологическое воздействие через СМИ, литературу и искусство способствовало внесению деструктивных ментальных установок в общественное сознание граждан и углубило внутренние противоречия внутри Советского Союза. Культурная экспансия западного привела к вестернизации традиционной русской культуры, делегитимации базисных духовно-нравственных установок и альтруистических ценностей советского общества, что привело после «трагедии 1991 г.» – распада СССР – к становлению самостоятельной российской нации, основой которой стали не духовные ценности, а материальные блага индивидуализма западного мира.

Однако не только внешнее информационно-психологическое влияние определило дестабилизацию обстановки внутри Советского Союза. Внешнее воздействие было лишь катализатором внутривнутриполитических деструктивных процессов. В основе этих процессов – философская антиномия материального и идеального начал бытия человека.

Хотя в СССР многократно провозглашалась борьба с религией (прежде всего православием), однако именно ценности духовного нематериального характера полагались в основании советской идеологии. Этими ценностями были равенство, справедливость, всеобщее социальное благоденствие и толерантность. В то же время, формируя гуманистическое общество, СССР шёл по пути идеологизации всех сфер жизни общества, а

значит, по авторитарному пути развития и управления государством и обществом, что не могло не вызвать ответную реакцию сопротивления нетерпимых к политике давления социально-политических масс.

Кроме того, политика ограничения свободы получения информации извне закрытой политической системы сыграла с СССР злую шутку. Советские партийные идеологи запрещением чтения книг, прослушивания радио, просмотра телепередач капиталистических стран стремились обезопасить «неокрепшие умы» от «глетворного влияния Запада». Но подогреваемые интересом постижения «запретного плода», который всегда «сладок», советские граждане воспринимали западные СМИ, культуру и искусство как некое «дуновение свободы», как альтернативу, которой нет в СССР, не понимая, что именно эти инструменты являются основным информационно-психологическим оружием западных пропагандистов. Следствием этого была постепенная вестернизация вначале интеллигенции, а потом и молодёжи, что привело к увеличению числа недовольных советских строем граждан. Именно эти «недовольные» и стали движущей силой «перестройки» и распада СССР.

Проводимая внутри страны пропагандистская политика, направленная на идеологизацию всех социальных групп и общественных институтов, разрабатывалась советскими идеологами без учёта возможности реализации права на альтернативное мнение, что было главной ошибкой советской пропаганды. В условиях понимания частью граждан безальтернативности пропаганды и односторонности интерпретации фактов у населения постепенно формируется недоверие к пропагандистской государственно-партийной машине, что сводит на нет вначале контр- и антипропаганду, направленную на дискредитацию Запада, а потом и позитивную пропаганду советского коммунистического строя. Результатом становится деидеологизация общества, что разваливает социально-политическую систему, которая конституирована коммунистической идеологией.

Подогревали деидеологизацию общества и другие факторы социально-политического и экономического характера. Культурный застой 1970-х гг. увеличивал число диссидентов; ограничение свободы слова обостряло недовольство творческой и научной интеллигенции; репрессии в отношении вольнодумцев порождали подпольные антисоветские группировки; экономические проблемы, вызванные «съедающей» бюджет «гонкой вооружений», решались за счёт сокращения финансирования социальной сферы: количество недовольных действующим режимом хотя и медленно, но росло. В конечном итоге жесткий партийный контроль над всеми сферами жизнедеятельности советского общества оказался губительным, а сформировавшийся диссонанс

между пропагандируемой партией идеологией и реальным положением дел в стране стал «козырем» в информационно-психологической войне Запада с СССР.

Культурная экспансия – вестернизация – через рецепцию западных систем материальных ценностей происходила динамично и хаотично, без адаптации к ментальным условиям советского человека. Высокая результативность вестернизации была обусловлена выгодностью для западной антисоветской пропаганды ситуации культурно-цивилизационного выбора советского народа, когда общественные массы требовали получить альтернативный взгляд на мир и на путь советского развития, а иной альтернативы, кроме западной, не было. И эту альтернативу Запад транслировал в СССР через «Голос Америки», «Свободу», книги Солженицына и даже православную литературу [5].

В комплексе вышеуказанные деструктивные явления стали базой для социально-политического кризиса внутри СССР, а также факторами деморализации социальных масс, которые почувствовали неуверенность в завтрашнем дне и иллюзорную перспективность «западной модели» пути развития Советского Союза. Партийные склоки конца 1980-х – начала 1990-х стали лишь логическим завершением кризиса моделей развития и трансформации социально-политической системы СССР. А поддерживаемый извне раздор в общесоюзном управлении и в управлении на местах довёл дело до логического конца – распада СССР и появления «независимых» постсоветских республик, провозгласивших «новый путь» своего развития по «западной модели», который совсем скоро свёлся к политике отчуждения от России и выслуживания перед Западом.

Результаты исследований. Как видим, именно внешнее информационно-психологическое воздействие на общественные массы Советского Союза катализировало сложные внутривнутриполитические процессы деструкции единой идеологизированной государственно-партийной системы СССР. А длительная информационно-психологическая обработка населения Союза антисоветской пропагандой на протяжении почти пятидесяти лет позволила Западу сформировать внутри СССР такие социально-политические общности противников советского режима, которые в условиях социально-политического кризиса смогли сгруппироваться и выступить активной политической силой. Именно от рук этого организованного антисоветского меньшинства, управляемого Западом, и пал СССР.

Преобразования в поведенческих моделях и ценностных системах граждан, которые произошли (и доньяне происходят) под влиянием западных средств информационно-психологической войны, детерминировали дальнейшее развитие российского социума. Это проявляется в деморализации ряда социальных групп, духовно-нравственном

разложении молодёжи, появлении апатриотичных пассивных социальных общностей, превалировании материальных индивидуалистических ценностей, формировании общества потребления западного образца. Данные процессы мы наблюдаем уже более чем четверть века. И это значит, что информационно-психологическая война Запада с Россией не окончена.

Выводы. По мнению автора, анализ современных внутри- и внешнеполитических процессов позволяет говорить о продолжении ведения Западом (прежде всего, США) информационно-психологической войны с Россией посредством применения средств информационно-психологического воздействия, объектом которого является массовое сознание современного российского общества, что является угрозой государственной безопасности и требует мер ответного характера.

В гражданине России пытаются нигилизовать веру в величие своего государства, в прогрессивный путь его развития, а также уверенность в стабильном завтрашнем дне (как некогда это сделали с гражданами Советского Союза). Это реализуется через действующие в интересах Запада СМИ, международные неправительственные структуры, крупные общественные и нетрадиционные религиозные организации посредством ведения ими антироссийской пропаганды в целях деморализации и дезорганизации многонационального народа России.

В таких условиях властным институтам Российской Федерации целесообразно исследовать специфику и методы применения западных средств информационно-психологической войны в целях ведения позитивной контрпропаганды, направленной на стабилизацию политического и информационно-психологического климата российского социума, минимизацию деструктивного воздействия западной антироссийской пропаганды, а также консолидацию граждан России в деле созидания российской государственности.

Литература

1. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. – К. Ваклер. 2000. – 576 с.
2. Брусницын Н. А. Информационная война и безопасность. – М.: ВитаПресс, 2001. – 279 с.
3. Ерофеева Н.В. Современные информационные войны и их влияние на политическую стабильность государства. PolitBook. – 2015. №2. – С. 74-83.
4. Кравцов Д.Н. Информационно-психологическое оружие как средство обеспечения защиты национальных интересов государства. Коммуникология. – 2017. Том 5. №3. – С. 78-89.
5. Зазворка Г. Психологическая война НАТО (Организация, способы и методы ведения психологической войны). – М. Воениздат. 1963. – 312 с.
6. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). – Мн. Харвест. 1999. – 448 с.

References

1. Pochepstov G. G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy. – K. Vakler. 2000. – 576 p.
2. Brusnitsyn N. A. Informatsionnaia voina i bezopasnost'. – M.: VitaPress. 2001. – 279 p.
3. Erofeeva N.V. Sovremennye informatsionnye voyny i ikh vliianie na politicheskuiu stabil'nost' gosudarstva. PolitBook. – 2015. №2. – P. 74-83.
4. Kravtsov D.N. Informatsionno-psikhologicheskoe oruzhie kak sredstvo obespecheniia zashchity natsional'nykh interesov gosudarstva. Kommunikologiya. – 2017. Tom 5. №3. – P. 78-89.
5. Zazvorka G. Psikhologicheskaya voina NATO (Organizatsiya, sposoby i metody vedeniya psikhologicheskoi voiny). – M. Voenizdat. 1963. – 312 p.
6. Krys'ko V.G. Sekrety psikhologicheskoi voiny (tseli, zadachi, metody, formy, opyt). Mn. Kharvest. 1999. – 448 p.

Kravtsov D.N.

INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WARS MID. XX - INIT. XXI CENTURY: MANIPULATION OF MASSES IN CONDITIONS OF IDEOLOGICAL CONTRADICTION

The article analyzes the specifics of the conduct of the information-psychological war in the light of the ideological confrontation between the US and the USSR in the second half of the 20th century. The aspects of the use of information and psychological weapons as the main means of information and psychological war in the prism of its influence on the spiritual and ideological foundations of the opposing socio-political and economic systems of communism and capitalism are considered. The disintegration of the USSR, the further

spiritual and moral degradation of the Russian people, as well as the destabilization of the political situation in Russia at the beginning of the 21st century, appear as a consequence of the use of information and psychological means. Providing ideological and information-psychological security of modern Russian society are considered as priority areas of state policy. It is assumed that the creation of an effective system of counterpropaganda is possible only taking into account the analysis of the use of information and psychological means of the enemy.

Key words: *propaganda, information-psychological warfare, information-psychological weapon, Cold war, ideological contradiction.*

Кравцов Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Kravtsov Dmitry Nikolaevich – Postgraduate student of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: kravhor.ll@mail.ru

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информатологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

Философская антропология и философия культуры

УДК 316.74:811.512.161

ПРОБЛЕМА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Лустенко А.Ю.

THE PROBLEMATIC OF INTERETHNICAL RELATIONS IN THE MIRROR OF SOCIOLINGUISTIC ANALYSES (ON THE MATERIAL OF COMMUNICATIVE LEXIC OF TURKISH)

Lustenko A.J.

В статье проводится анализ различных форм коммуникативной лексики современного турецкого языка (словоупотребление, метафоры, употребляемые в разговорном языке, омонимия, идеоматические выражения), имеющих аналоги в русском языке, а также рассматривается проблематика их происхождения. Феномен таких смысловыразительных параллелей не может быть объяснён прямыми заимствованиями в области словарного запаса или процессами межэтнических взаимодействий. Такой параллелизм носит социальную природу и генезис, ввиду чего адекватным способом для его рассмотрения является социолингвистический анализ, что предполагает рассмотрение процессов исторического бытия социумов соответствующих народов.

Ключевые слова. Язык, этнос, семантика, социокультура, религия, социум, межэтнические отношения.

Введение. Актуальность данной статьи обусловлена тем значением, которым обладает рассмотрение феноменов языкового бытия с позиции социолингвистики. Язык существует в сугубо своём конкретно наличествующем социуме, испытывает на себе воздействие его состава, генезиса, характеристик, особенностей, фиксирует в своей лексике и в своей семантике как стационарные, так и изменяющиеся формы бытия данной социальной общности. Это верно для процесса существования всякого языка, как верно и обратное. Жизнь социума осуществляет себя через языковую коммуникацию, диалог между его членами, через вербальную и текстовую трансляцию знания. Ввиду этого анализ различных

социокультурных, субкультурных, этносоциальных единичностей, производимый в свете общенаучных категорий «общее», «различное», «универсальное», «особенное», «единичное», имеет высокую продуктивность.

Кроме того, актуальность данному направлению в исследованиях придаётся самой этнокультурной спецификой предлагаемого материала, а именно – тем, что анализ производится на эмпирическом материале коммуникативной лексики турецкого языка. В статье приводится ряд примеров семантической «переключки» между турецким и, что совершенно парадоксально, русским языком. Проблема межнациональных, межрелигиозных, межгосударственных отношений России и Турции обладает многовековой историей противоречий и конфликтов, и нынешние позиции и приоритеты, выражаемые обоими государствами в отношении военных действий на Ближнем Востоке, а также в отношении проблематики евроамериканских претензий на цивилизационное лидерство в планетарном масштабе, подтверждает это.

Целью работы является раскрытие социально-исторической специфики происхождения данных смысловых параллелей. Аналогичные процессы в организации общественного бытия, государственного управления, аналогичные комплексы проблем, перед которыми ставится общество в определённую эпоху, способны результироваться в виде аналогичных конструкций коммуникации, словоупотребления. Примечательно то, что такие процессы не обязательно предполагают формирование общих черт

этнической ментальности и действуют, таким образом, «через голову» процессов образования и трансформации так называемого «духа народа», иными словами, национального характера.

Изложение основного материала.

Семантические либо семантико-фонетические совпадения, что встречаются при сопоставлении различных языков, неродственных в историко-лингвистическом плане, с позиции социальной ангажиранности могут быть преимущественно отнесены к одному из трёх направлений. Научное рассмотрение оснований, в силу которых происходит формирование межлингвистических и, соответственно, межэтнических параллелизмов, имеет несомненную культурологическую, этнологическую и социологическую ценность.

Первое направление составляют многочисленные эквиваленты, существующие в области пословиц и поговорок, включая обращение к одним образно-смысловым ассоциациям. В качестве иллюстрации из последней области скажем, например, что поговорка «Обжѣгшись на молоке – будешь дуть на воду» обладает рядом устойчивых эквивалентов в различных языках, применяя при этом одну и ту же ассоциацию антиномий: «беда, несчастье по причине опрометчивости» – «горячее» / «излишняя осторожность, мнительность» – «холодное». Совпадения, что встречаются в области лексики, ассоциаций, метафор, используемых в пословицах и поговорках, объясняются тем, что этот уровень коммуникации и соответствующей субкультуры отражает универсальные, общечеловеческие практики, ситуации эмоционального, ценностно-смыслового, рационального существования человека в контексте таких практик.

Второе направление составляет область прямых лексических заимствований. Такие примеры языковых заимствований, как «водка» или «перестройка» – для англо-американской коммуникативной среды, «офис», «менеджер» – для русского языка XX века, а «оберофицер», «пакгауз» или «аустерия» – для русского языка века XVIII, способны много сказать в деле анализа социальной, экономической, культурной жизни для соответствующего временного среза. Ещё больший исследовательский интерес представляет прослеживание сопротивления, которое социум и соответствующий коммуникативный код оказывают, пытаясь сберечь своё лицо. Чтоб убедиться в этом, достаточно попытаться представить тот путь, каким проходит русская культура в лице своих наиболее значительных представителей. Пусть не на всей широте, но на довольно длительной протяжённости. Скажем, начиная от галантных комплиментов, которыми светскую красавицу Марью Турскову одарил один из ранних славянофилов, адмирал А.С. Шишков: «без румян ты, девка, румяна» (и, как следовало ожидать, оскорбивших их адресат) [5, с.59-64]. И

заканчивая вложенной Владимиром Войновичем в образ и лексику Сим Симыча Карнавалова из романа-антиутопии «Москва-2042» едкой пародией на стремление А.И. Солженицына уберечь русский язык от заимствований.

Основанием прямых лексических заимствований, в результате которых слово переходит из одного коммуникативного тезауруса в другой, выступает доминирующее влияние одной цивилизационной идентичности на другую. Как правило, такое доминирование с самого начала опирается на элитарно-политические основания и в силу этого пользуется для своего времени мощной идеологической поддержкой. В результате социум, признавший и в прямом смысле расписавшийся в своём цивилизационном подчинении, испытывает массивный и принудительный импорт чужой бытовой сферы, предметов обихода, профессий, должностей, социальных статусов и, как следствие, обозначающей его лексики.

В рамках темы, заявленной в заголовке работы, следует сказать, что в турецком языке бытует достаточное количество слов, заимствованных из европейских языков, которые обозначают предметы бытового обихода, его инстанции и соответствующие формы поведения. В силу доминирующего на протяжении XVIII-XX веков влияния французской и англо-американской цивилизаций здесь доминируют слова, изначально принадлежавшие к данному вещно-смысловому пространству. В качестве примеров заимствований с французского укажем на «repense» – «окно» (франц. la fenêtrе), «asansör» – «лифт», «büfe» – «буфет». Наиболее часто употребляемое слово, обозначающее школу – «okul», также имеет французское происхождение при существовании в турецком языке собственного аналога «mektep». Вернее, данный аналог является также результатом заимствования, поскольку он пришёл из фарси и отождествляется скорее с религиозным учебным заведением. Специфически французский словесный оборот, что навеивает аромат либертинажа и эпохи Людовиков, предшествовавших Великой французской революции – «faire l'esprit» – «проявлять остроумие», в турецком словоупотреблении претерпевает калькированную замену глагола французского «делать» – «faire» на турецкий «уармак» и бытует как «esprî uарmak». Примеры заимствований с английского: «berber» – «парикмахер», «ofis» – «офис» (при наличии собственного аналога «şirket»), «gazino» – бар, ресторан западного типа (однако не идентифицируемый с игорным домом или аналогом ресторана в турецком языке – «lokanta»).

Третье направление семантического параллелизма, а именно случаи многократного совпадения разговорных метафор, ассоциаций, семантических многозначностей одного и того же слова, синонимических и омонимических рядов, идеоматических выражений представляют, на наш

взгляд, наибольший интерес с позиции социолингвистического анализа. Феномен таких смысловыразительных параллелей не может быть объяснён прямыми заимствованиями в области словарного запаса или процессами межэтнических взаимодействий. Такой параллелизм не может сослаться в качестве причины ни на этническое, ни на лингво-генетическое происхождение ввиду изначального факта принадлежности русского и турецкого этносов к различным этническим группам, а соответствующих языков – к разным языковым группам.

Обратимся к примерам таких семантических совпадений, перечень которых, безусловно, далеко неполный, является результатом работы автора с коммуникативной лексикой турецкого языка (Табл. 1).

Материалом послужили различные художественные тексты, репрезентующие лексику турецкого разговорного языка в рамках различных нарративных жанров: бытовой анекдот [6, 9, 12], мелодрама [8], историческая мелодрама [10], социально-философский роман [2].

Таблица 1

Сравнительная таблица примеров семантического параллелизма в коммуникативной лексике турецкого и русского языков

Турецкий язык	Эквивалент в русском языке	Семантический комментарий
tekerine çomak sokmak	совать палки в колёса	<i>Дословно</i>
göz koymak	глаз положить	<i>Дословно</i>
yolsuzluk	беспутство	yol-suz-luk yol - путь suz – суффикс, обозначающий отсутствие luk – суффикс субстантивации
sınıf	класс – и школьный, и социальный	<i>дословно</i>
küplere binmek	побить горшки (скандалить, окончательно рассориться)	лезть в горшки
zor geliyor	тяжело идёт	<i>дословно</i>
akıldışı	зуб мудрости	<i>дословно</i>
soğukkanlık	хладнокровие	soğuk-kan-lık soğuk-холодный kan-кровь lık – суффикс субстантивации
dil	язык – и часть тела, и лингвистический	<i>дословно</i>
kendi başımıza	своей головой	<i>дословно</i>
gözü var	глаз имеет (на кого-то)	<i>дословно</i>
topla kendini	соберись	toplamak – собираться, объединяться kendini – с собой, в себе
sarhoşluktan ne söylediğini	спьяну чего не скажешь	sarhoş-luk-tan sarhoş-пьяный luk - суффикс субстантивации tan – суффикс исходности, переводится как «от», «из-за»
teklifsiz	без претензий	<i>дословно</i>
kendini iyi yokla	о себе подумай	yoklamak – сверяться kendini – твой, тебя iyi – хорошо
Kavram	понятие	kavramak – брать рукой, «поять»
gelmek	«Приходить» в значении «следовать», «находиться после чего-то». Пример: «За первым учебным корпусом у нас идёт второй». Другие случаи ассоциативного использования глагола «идти, приходиться»: «müzik sesi geliyor» - «идёт (доносится, звучит) музыка»	<i>дословно</i>
girmek	«Входить» в значении «детализировать», «углубиться». «özel konulara girmek» – входить в личные проблемы	<i>дословно</i>

Продолжение табл. 1

Турецкий язык	Эквивалент в русском языке	Семантический комментарий
göz gibi sevmek	беречь пуще глаза	любить как глаз
sora Kâbe bulunur	язык до Киева доведёт	Bulunmak – находить «спрос и до Каабы доведёт»
ucundan öteki ucuna	из конца в конец	uç, ucu – конец, остріе
herşey su yüzüne çıkıyor	всё всплыло на поверхность	дословно
senin aklın başında değil	ты не в своём уме	твой ум не в твоей голове
takma kafana	не бери в голову	takmak – засовывать kafa – голова kafana – в твою голову
hangi rüzgar attı?	каким ветром занесло?	дословно
şaka bir yana	шутки в сторону	дословно
basmak	печатать – газету, шаг, и «припечатывать» кого-то	дословно
vakti gelince	по прошествии времени	дословно
topraklar	земля (в значении «грунт»), и территория (Турецкая земля)	дословно
çift	пара: в значении и «пара перчаток» и «влюблённая (брачующаяся) пара»	дословно
yokum	«меня нет» – в том же значении, как во фразе «скажите, что меня нет»	дословно
sonra	употребляется не только во временном значении, но и в значении следования, перечисления, синонимично выражениям «и далее», «а кроме того»	потом
bir kenarda acı içine gömmek	в уголке внутри себя прятать своё горе	прятать своё горе внутри себя
işleri yüklenmek	дела навьючивать, грузить	нагружать делами
yuva	«гнездо» в значении «семейное гнездо»	дословно
pencere bakar	окно смотрит на...	окно выходит на...
göz koymak	закрывать глаза на что-то (в значении «намеренно не обращать внимание»)	дословно

Не будем слишком наивно и некритично воспринимать такой параллелизм. В коммуникативной лексике, омонимии, разговорных метафорах турецкого языка можно найти как парадоксальные совпадения, так и словесные обороты, в которых запечатлены собственное лицо

языка и той народной ментальности, которой язык даёт слово. Приведём несколько примеров, в которых шум караван-сараев и базаров, аромат кондитерских лавок и наргиле-ханэ, звучание восточной речи «приблизившись, приобретают явность» (Табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная таблица примеров семантических различий в коммуникативной лексике турецкого и русского языков

Турецкий язык	Эквивалент в русском языке	Семантический комментарий
Hava alırsız	Останемся ни с чем	Воздух поймаем
Yarım ağızla	Нехотя	Половиной рта
Bala gibi olur	Ещё как бывает	Бывает, как мёд
Dünyanın masrafını yapmak	Потратить кучу денег	Сделать мировую трату
Onların ayranını kabartmat	Сбивать их с толку	Мутить их айран
Göz kulak olmak	Следить, присматривать	Быть глазом и ухом Однако по-русски можно сказать: «вы будете моими глазами и ушами»

Ситуация постоянной, переходящей из столетия в столетие военной конфронтации при исходной чужеродности коренных этносов и их языков уже сама по себе делает невозможным пояснение таких семантических параллелей «положительным», мирным лингвистическим влиянием. Чтобы проиллюстрировать глубину и значимость таких взаимоотношений, обратимся к истории военных столкновений Российского и Турецкого государств [4, 11].

Приведём здесь краткий перечень войн, которые они вели между собой за временной период, начатый первой войной между ними в прямом межгосударственном масштабе (что в отношении Османской империи означало прежде всего действия своими собственными военными силами, а не посредством Крымского ханства) и заканчивающийся изменением социально-политического строя в том и другом государстве по окончании Первой мировой войны.

1735-1739 гг. – русско-турецкая война (Россия в союзе с Австрией) за выход к Чёрному морю и для пресечения набегов крымских татар. Русские войска под командованием фельдмаршала Миниха взяли Азов, Очаков, Яссы, Хотин, дважды занимали Крым. Война закончилась подписанием Белградского мира в 1739г., инспирированного отколом Австрии от военных действий (сепаратным миром), а также дипломатическими усилиями Франции, действовавшей через императорский двор Анны Иоанновны.

1768-1774 гг. – русско-турецкая война, начата Турцией после отказа России вывести войска из Польши. Разгром турецких войска при Ларге и Кагуле, турецкого флота в Чесменском сражении, занятие Крыма заставили турецкое правительство подписать Кючук-Кайнарджийский мир в 1774 г.

1787-1791 гг. – русско-турецкая война, начата Турцией с целью возвращения Крыма и других территорий. Победы русских войска под командованием Суворова (Кинбурн, Фокшаны, Рымник, Измаил), русского флота под командованием адмирала Ушакова (Килиакрия). Завершилась подписанием Ясского мира в 1791г.

1806-1812 гг. – русско-турецкая война, начата Турцией с целью возврата бывших владений в Северном Причерноморье и на Кавказе. Победы русских войска и дипломатическое искусство Кутузова привели к заключению Бухарестского мира в 1812 г.

1828-1829 гг. – русско-турецкая война как часть борьбы европейских держав за раздел Турции. Русские войска взяли в Закавказье города Карс и Эрзурум, разгромили турецкие войска в Болгарии и подошли к Стамбулу. Завершилась война подписанием Адрианопольского мира в 1829 г.

1853-1856 гг. – Крымская война, в которой союзниками Турции против России выступили Австрия, Франция и Англия. Война была развязана в результате ультиматума, предъявленного

Николаем I Турции с требованием особых прав для христиан, проживающих в Палестине.

1877-1878 гг. – русско-турецкая война, начата Россией для укрепления влияния на Балканах. Сражение на Шипке, осада и взятие русскими войсками Плевны, Карса, Андрианополя. Война завершилась подписанием Сан-Стефанского мира, решения которого были пересмотрены на Берлинском конгрессе 1878 г.

1914-1919 гг. – Турция вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, после поражения в Турцию вошли войска Антанты.

Таким образом, за 179 лет происходит восемь войн, которые вели либо непосредственно Россия и Турция, либо государства и соответствующие народы выступали на стороне противостоящих военных блоков. И даже в последнем случае неизбежно ввиду своего территориального размещения они вступали в прямое столкновение. Стало быть, в среднем на каждые 22 года из исторического периода с 1735 по 1914 годы приходится по одной войне, а поскольку ни одна из них не занимала времени менее двух лет, то такой «среднестатистический» промежуток приходится ещё более сократить. Таким образом, с обеих сторон весьма значительным было число тех профессиональных военных, от простых солдат до главнокомандующих, на долю которых пришлось участвовать в русско-турецких войнах по целых два раза на протяжении жизни: условно говоря, в молодые и в зрелые годы.

Результаты исследований. Приведенные семантические параллели, образные и ёмкие, свидетельствуют не о межэтнических контактах, а о долговременном, переходящем из поколения в поколение процессе формирования сходных черт общественного сознания и социальной психики. Комплексом причин, которые обуславливали этот процесс в таких непохожих друг на друга государствах, как Турция и Россия, являются многочисленные аналоги в протекании социальных процессов. Такие процессы касаются особенностей социальной стратификации, специфики функционирования общественных институтов, формирования отношения к межцивилизационным контактам. Преимущественно в роли партнёра таких межцивилизационных отношений, а также точки преломления форм этносоциальной самоидентификации выступает Европа как социальное, экономическое и культурное пространство, которое, начиная с XVIII века, устойчиво претендовало в отношении обеих стран на роль социокультурного лидера.

Кратко обозначим ряд общих тенденций в истории общественного бытия и сознания Турции и России [1, 7].

1. В период формирования основной социокультурной парадигмы в качестве модели государственности выступает многонациональное, управляемое по принципу твёрдой

централизованной власти государство – Российская и Османская империи. Таким образом, империя выступает в качестве макромоделли организации общественного бытия, в рамках чего происходит взаимопритяжение и взаимоотталкивание многонационального характера населения страны и главенствующей роли культуры, языка, психологии доминирующего этноса.

2. На социально-административной плоскости главенствующая роль в управлении и формировании общественного сознания принадлежит сановной бюрократии, обслуживающей административный центр, и представителям фамильного благородного сословия, выполняющего в обществе военную функцию (захватническую – вовне и охранительно-репрессивную – внутри страны).

3. Доминирующая роль религии, религиозной детерминации мировоззрения и соответствующих институтов, отсутствие их кризиса, который был бы связан с экономической и политической модернизацией общества, а также с социально-политически инспирированным доминированием научной картины мира и идеи интеллектуального прогресса.

4. В религиозной картине мира и соответствующих практиках, конфессиональных и неконфессиональных, происходит синтез их надэтнического, мирового содержания и смысловых, ценностных, эмоционально-психологических, выразительных черт народной жизни. Как понятие «русское православие» является гораздо более широким, нежели простая констатация единства этнического и конфессионального, также и о «турецком исламе» следует говорить как об особом духовном феномене.

5. В процессе социального существования обоих этноконфессиональных идентичностей движения, связанные с проявлением воинствующего религиозного фанатизма, относительно редки и в значительной мере оказываются инспирированными «сверху», со стороны факторов и сил политического характера.

6. Опыт европеизации, протекавшей на протяжении XVIII-XIX веков, носит избирательный, искусственный, элитарный, политически инспирированный волею «верхов» характер. Знакомство с элементами культурного бытия Европы (относящимися, как правило, к области т.наз. «высокой» культуры: искусство, философия, политические идеалы, дорогостоящие предметы обихода) соседствует с консервацией жизненного уклада подавляющего большинства социума в его старых формах.

7. При этом институты власти, образования, культуры служили мощным и надёжным буфером, предохраняющим большинство населения от знакомства с «обратной стороной» технической и социальной модернизации: социокультурной неопределённостью, социально-экономической незащищённостью. Опыт проживания таких сторон

развивающегося капиталистического уклада в странах Европы способствовал как развитию самой либерально-экономической модели, так и выработке механизмов по преодолению её дегуманизирующих тенденций. Тогда как население Российской и Османской империй, столкнувшись в конце XIX – начале XX веков с аналогичными процессами, оказалось в своей массе слабо адаптированным или просто беззащитным перед ними.

8. Во второй половине XIX века, то есть на момент, когда в Европе и Северо-Американских Штатах происходит резкий промышленно-экономический скачок и радикальные политические трансформации, преимущественная масса населения России и Турции принадлежит сфере аграрного производства.

9. Обладание значительными материальными, человеческими, культурными ресурсами, которые аккумулируются, включаются в действие и легитимируются посредством «старых» технологий, форм общественного бытия и сознания, позволяя обходиться без заимствований новых научных, экономических, политических технологий, которые развиваются в это же самое время в Европе и Америке.

10. В результате действия предыдущих факторов общественное мнение характеризуется значительным обострением взаимоотталкивания и взаимопритяжения «собственного» и «европейского», которое пронизывает область социально-экономических и политических реалий, а также получает отражение в сфере культуры, общественного сознания, идеологии.

11. Конец XIX – начало XX века знаменуется обострением социально-политических, экономических проблем, общим кризисом управления страной, приводящим, в конце концов, к революции. На это же время приходится пережитый обоими народами опыт поражения в войне, в значительной степени детерминированный социально-политическими, чем военно-стратегическими причинами.

12. Значительную роль в этих событиях играет позиция государств Европы, стремящихся к ослаблению опасного и сильного геополитического субъекта и маскирующих свои действия дипломатическими, протекционистскими шагами и соответствующей лексикой.

13. На протяжении XX века в общественной жизни наиболее весомую роль играет принадлежность государственной власти светскому, воинствующе-атеистическому тоталитарному режиму, который совмещает черты личной и партийной диктатуры, а в конфессиональном плане стремится к полному исключению религиозного измерения из массового сознания. В результате этого складывается устойчивый механизм противопоставления государственной власти и народной религиозности.

14. Культурно-этническая специфика такого тоталитарного режима состоит в клевании между интернациональной моделью общественного устройства и идеей национальной гегемонии. Первая модель представлена разнообразными вариантами космополитизма, подражания Европе, в разное время охватывающие общественность Турецкой Республики. Для советской идеологии это идеал интернационализма, транснациональное единство пролетарского сознания, братская помощь народам развивающихся стран, идея торжества мировой революции. Модель вторая может быть проиллюстрирована такими примерами из истории СССР, как понятие «русский народ» в речах и идеях И.В. Сталина, «борьба с безродным космополитизмом» конца 1940-х годов. Для Турции это постоянное тяготение к национальной идеологии, пролегающее вектором от политики М.К. Ататюрка по формированию турецкой идентичности до политики паносманизма у Р. Эрдогана [3, с. 154-165].

15. Общая для обеих стран особенность идеи национальной гегемонии состоит в том, что её значительный упор делается не на традиционную семантику национального бытия (национальная одежда, культ национального языка, эскалация внимания к языческим культурам практикам), а на резкий скачок в области социальных, экономических, индустриальных технологий. Это отличает социальную практику обоснования национального идеала, осуществлявшуюся Российским и Турецким государствами от начала XX века и в принципе до настоящего времени от моделей, традиционных для националистических политических режимов и национально-почвеннических идеологий.

Выводы. Смысловые параллели, бытующие в языках, наподобие тех, о которых мы говорили в этой работе, ни в коей мере не являются основанием для смотрения через «розовые очки» на проблематику взаимоотношений народов, говорящих на них. Скорее даже наоборот. Такие параллели можно расценивать как «высказанные помимо желания» свидетельства об общих оценочных ракурсах, бытующих в коллективном сознании или подсознании, о сходных мотивах эмоциональной жизни социума. А такая общность способна выступать как в роли основания для взаимопонимания, так и в роли благодатной питательной среды для столкновения интересов и отсутствия путей к примирению. Прежде всего потому, что «за спиной» у народов или государств, выступающих с той или иной позицией в ходе конфликта, оказывается сходный опыт, выстраданный веками собственной истории. Именно в силу таких причин соединение лингвистического эмпирического материала с анализом исторической специфики общественного бытия турецкой и российской государственности обладает, на наш

взгляд, исследовательской ценностью и научной новизной.

Литература

1. Mansel Philip. Constantinople. City of the world's desire, 1453-1924 / London: Penguin books, 1997. – 528 p.
2. Orhan Pamuk. Kar. / Istanbul: Iletişim, 2007. – 436 s.
3. Богдасаров С.А. Ближний Восток: извечный конфликт / Семён Богдасаров. – М.: Издательство «Э», 2016. – 288 с.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – М.: Эксмо, 2008. – 1024 с.
5. Манн Ю.В. Семья Аксаковых: Историко-литературный очерк. – М.: Дет. лит., 1992. – 384 с.
6. Мансурова О.Ю. 111 историй о Ходже Насреддине: читаем параллельно на турецком и русском языках / О.Ю. Мансурова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 288 с.
7. Памук О. / Снег: [роман] / Орхан Памук; [пер. с тур. А.Аврutiной]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 542 с.
8. Турецкий с любовью = Hanzade «Ağlama gözlerim» / пособие подгот. Николай Обрезчиков и Алла Кельменчук. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 349 с.
9. Турецкий шутя: 99 анекдотов о дервишах / пособие подгот. Алла Кельменчук. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 123 с.
10. Турецкий язык с Р.Н. Гюнтекином «Клеймо» = Reşat Nuri Güntelin «Damga» / пособие подгот. Дарья Теплова, Илья Франк. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 544 с.
11. Турция: карманная энциклопедия. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 220 с.
12. Чевик Ш. / Повседневный турецкий язык / Шахин Чевик. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2005. – 123 с.

Referencies

1. Mansel Philip. Constantinople. City of the world's desire, 1453-1924 / London: Penguin books, 1997. – 528 p.
2. Orhan Pamuk. Kar. / Istanbul: Iletişim, 2007. – 436 s.
3. Bogdasarov S.A. Blizhniy Vostok: izvechniy konflikt / Semjon Bogdasarov. – М.: Izdatelstvo «E», 2016. – 288 s.
4. Costomarov N.I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ejo glavnejshih deyateley. – М.: Exmo, 2008. – 1024 s.
5. Mann J.V. Semja Aksakovih: Istoriko-literaturniy ocherk. – М.: Det. lit., 1992. – 384 s.
6. Mansurova O.J. 111 istoriy o Hodje Nasreddine: chitajem paralelno na tureckom i russkom yazikah / O.J. Mansurova. – М.: AST: Vostok – Zapad, 2006. – 288 s.
7. Pamuk O. / Sneg: [roman] / Orhan Pamuk; [per. s tur. A.Avrutinoy]. SPb.: Amfora. TID Amfora, 2007. – 542 s.
8. Tureckiy s ljubovju = Hanzade «Ağlama gözlerim» / posobije podgot. N.Obrezchikov i A.Kelmenchuk. – М.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 349 s.
9. Tureckiy shutja: 99 anekdotov o dervishah / posobije podgot. A.Kelmenchuk. – М.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 123 s.
10. Tureckiy jazik s R.N. Gjuntekinom «Klejmo» = Reşat Nuri Güntelin «Damga» / posobije podgot. D.Teplova, I.Frank. – М.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 544 с.
11. Turciya: karmannaya enciklopediya. – М.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 220 s.

12. Chevik Sh. / Povednevniy tureckiy yazik / Shahin Chevik. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2005. – 123 s.

Lustenko A.J.

THE PROBLEMATIC OF INTERETHNICAL RELATIONS IN THE MIRROR OF SOCIOLINGUISTIC ANALYSES (ON THE MATERIAL OF COMMUNICATIVE LEXIC OF TURKISH)

In the article it is analysed the various communicative forms of modern Turkish (the using of words, communicative methafors, idiomatic expressions), that have analogue sense in Russian language. It is investigated the problematic of their origion. The phenomenon of such sense and expression parallels wouldn't be explaind by means of relies to linguistic and ethnical influences. This parallelity has a social nature and genesis, and the adequate method for their investigation is the sociolinguistic analyses, based on the looking through the historical being of such states and people.

Key words: language, ethnos, semantic, socioculture, religion, socium, interethnic relations.

Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.
E-mail: andrei.lustenko@yandex.ru

Lustenko Andrey Jurjevich – Doctor of Philosophic Scienses, Professor, Head of Department of Sociology Luhansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.
E-mail: andrei.lustenko@yandex.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, директор Института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 316.752.4

О РОЛИ КОНЦЕПТА «СОЦИАЛЬНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» В ДИАГНОСТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Яковенко А.В.

ON THE ROLE OF THE CONCEPT «SOCIAL UNCONSCIOUS» IN THE DIAGNOSIS OF MODERN SOCIAL PROCESSES

Yakovenko A.V.

Аргументируется необходимость более фокусированного обращения к категории «социальное бессознательное» для диагностики процессов, происходящих в современном обществе, при характеристиках которого продолжают доминировать категории психопатологического и аномического порядка. Появление и распространение мировых религий и идеологий глобального уровня рассматривается в качестве своеобразных периодических выхлопов энергии социального бессознательного. Подавление локальными институциональными системами универсальных сущностей личности, вытеснение их в социальное бессознательное в условиях уплотнения взаимосвязей и взаимозависимостей представляется контрпродуктивным.

Ключевые слова: социальное бессознательное, коллективное бессознательное, общество, сексуальная революция, универсальность, человек.

Введение. Обращаться к теме социального бессознательного сложно не в связи с ее специфичностью, а, прежде всего, исходя из понимания насколько, непросто будет прорываться сквозь устоявшиеся ведомственные сегменты гуманитарного знания. Любое словосочетание, несущее в себе привычные понятия, воспринимаемые различными отраслями науки в качестве монопольных и незыблемых, обречено на критику. Термин же «социальное бессознательное», с которым нам пришлось впервые столкнуться у Эриха Фромма, словно сам напрашивается на рассмотрение с негативной предустановкой. Ведь очевидно, что «социальное» – прерогатива социологии, а «бессознательное» – беспрекословно относится к психологии. При этом собственно «социальное бессознательное», как представляется, особо скрупулезно не разбирается ни в социологии, ни в психологии. Показательно, но о «социальном бессознательном» написано куда меньше, нежели о собственно бессознательном в его популярной фрейдистской трактовке, а затем и в иных многочисленных интерпретациях, включая и знаменитое «коллективное бессознательное»

К.Юнга. Практическая же значимость рассмотрения непосредственно «социального бессознательного» вполне очевидна, хотя бы по причине того, что при описании процессов, происходящих в современном обществе, уже давно используют психологические термины, включая и категории из области клинической психопатологии. Превалирование в научной да и бытовой лексике характеристик социума как шизоидного, едва ли не дебилоидного, опять-таки психопатологического и даже безумного [1] свидетельствует о предельной кризисности общественных порядков, равно как и о недостаточности способов преодоления подобного рода критического состояния. Классическая Дюркгеймовская «аномия» приобретает общемировой масштаб и создает как качественную, так и пространственную почву для коллективного суицида, хотя бы в виде тотальной войны с применением ОМП, кибероружия, психоаннигиляции, деятельности искусственного интеллекта и т.д.

При оценке фундаментальных разработок по данной теме целесообразно прежде всего обратить внимание на раздел «Социальное бессознательное» в, к сожалению, недостаточно популярной книге Э. Фромма «По ту сторону поработавших нас иллюзий», которую сам автор называл своей «интеллектуальной биографией» [2, с. 7]. Также представляются значимыми многие выкладки из работы «Социальное бессознательное» коллег из Санкт-Петербурга и совсем недавно изданной коллективной монографии «Нормальная аномия» в России и современном мире», подготовленной в МГИМО [3,4].

При этом еще раз подчеркнем – степень проработанности данной проблематики не может удовлетворять, исходя из плачевного состояния самого общества, размытости траекторий смыслов, ориентиров и даже привычных ценностей его жизнедеятельности.

Целью работы является актуализация исследовательского внимания на проблеме

социального бессознательного, вычленив аргументационную базу, позволяющую обозначить узловые проблемы современного социума посредством учета практик подавления универсальной сущности человека.

Изложение основных материалов. Для обозначения терминологической определенности или, как минимум, выражения собственного понимания категории «социальное бессознательное» вначале обратимся к трактовке непосредственно Э. Фромма. С целью экономии эпистолярного ресурса и во избежание утраты оригинальности авторского текста при пересказе фроммовской позиции приведем примечательную цитату, характеризующую не только его понимание содержания категории «социальное бессознательное», но и ее соотношение с более привычным словосочетанием «коллективное бессознательное». В одном из примечаний в книге «По ту сторону порабощающих нас иллюзий» Э. Фромм указывает: «Различие между Юнговым термином «коллективное бессознательное» и «социальным бессознательным», как это понятие используется здесь, таково: термин «коллективное бессознательное» прямо обозначает универсальную психику, значительную часть которой невозможно осознать; концепция социального бессознательного исходит из представления о репрессивном характере общества и относится к той части человеческого существования, которой данное общество не позволяет достичь осознания. Это та часть человеческого в человеке, которую общество отчуждает от него. Социальное бессознательное – это вытесненная обществом часть универсальной психики» [2, с. 161]. Предметно говоря, под социальным бессознательным следует понимать целую систему взглядов, мыслительных актов, реакций, которые общество «не может позволить своим членам довести до осознания, если оно собирается и дальше успешно функционировать на основе собственных противоречий» [2, с. 124].

То есть, анализируя социальное бессознательное, следует исходить одновременно как из того, что в человеке в том виде, в котором мы определяем его в качестве продукта социальных отношений, заложены универсальные качества, так и отчетливо видеть систему ограничений, накладываемых в каждом конкретном обществе на мыследеятельность его членов. Данные ограничения призваны купировать, блокировать, тормозить осознание различного рода выводов, актов мышления, вытесняя их в сферу, которую ныне принято называть бессознательной. Тот же Э. Фромм в качестве примеров приводит целую серию очевидных для нас тупиковых вопросов, возникающих в зрелом сознании, но так или иначе подавляемых, загоняемых внутрь силой общественных порядков: «Есть ли смысл тратить половину национального бюджета на оружие, которое разрушит нашу цивилизацию, если его

использовать? Стоит ли учить детей христианским добродетелям смирения и бескорыстия и в то же время готовить их к жизни, в которой, чтобы добиться успеха, необходимы прямо противоположные качества?.. Разумно ли жить посреди изобилия, испытывая так мало радости?» [2, с.174-175]. Данные самоочевидные, но не имеющие простых ответов вопросы непосредственно корреспондируются со многими другими дилеммами, которые также запрессовываются в «зоны отчуждения» сознания. Так, например, великий русский философ С.Франк, характеризуя взаимосвязь между умением «устраиваться в жизни» и «смыслом жизни», прямо указывает, что в интересах реализации умения устраиваться в жизни «и совершается это задавливание в глубокие низины бессознательности тревожного недоумения о смысле жизни» [5, с. 7].

Стремительно увеличивающаяся плотность социальных связей и отношений, взаимозависимость и взаимовлияние доминирующих экономических, политических, культурных форм организации общественной жизни по мнению многочисленных исследователей уже давно создали универсальное пространство, в котором все сложнее спрятаться за локальность, выдавая ее как монополию на универсум. Нынешние конвульсии последней государственнической империи также во многом связаны с размыванием благодной почвы самопрезентации в некритичном, удобном-комфортном свете абсолютной истинности. Стремление удержать данные представления как раз и приводят к усилению репрессивных механизмов, направленных прежде всего на общественное сознание, создание средств по ограничению возможностей посмотреть на себя всего лишь как на толику глобального и уже демонополизирующегося мира. Впрочем, о раздвоенности сознания рядовых американцев между идеологемой «свободы» и доминантой предопределенности Э. Фромм писал еще в своей ранней известной работе «Бегство от свободы» [6]. В более близком для нас трагическом контексте уместно говорить о той же гражданской войне, которую предпочитают не называть войной или во всяком случае войной не гражданской. Да и вообще сложно воспринимать сознанием обстоятельства и реалии войны, когда, в общем-то, созданы и постоянно декларируются условия для мирного сосуществования, где военные способы разрешения конфликтов давно уже воспринимаются не как органика, а как архаика. И представления об архаичности войн во многом базируются на почве сопонимания значимости, уникальности и универсальности каждой личности.

Бессознательное в его, так сказать, традиционном фрейдистском звучании – также часть социального бессознательного. В человеческом сообществе, как хорошо известно, сексуальное влечение вытесняется в сферу

«бессознательного» в результате действия или воздействия именно социальных канонов. При отсутствии социальных критериев, требований, табуирований нет смысла говорить о бессознательном. Отсутствует необходимость прятать свои естественные порывы к совокуплению под личину общественно одобряемых актов, сублимировать сексуальную энергию в искусство, политику и прочие привычные институциональные атрибуты. О собственно же социальном бессознательном есть смысл говорить, когда сам усеченный, сегментированный социум накладывает ограничения на потенциально наличествующие идеи и действия активной направленности универсального свойства. Скажем так, «всечеловеческая» социально деятельная энергия мало в чем уступает сексуальной энергии. Показательно, что тема сексуальности отнюдь не держит монополию на пафос великих творений искусства. Напротив, по праву делит ее с героикой и переживаниями универсального человека, мечущегося в оковах множественных ограничений, условностей и сформированной на данной почве повсеместной лживости отношений. И то, что секс не удовлетворяет, а может лишь временно притулять ощущение потребности человеку быть Человеком – кажется вполне очевидным. Другое дело, что сексуальную энергию легче выпустить наружу, нежели правильно распорядиться, так сказать, энергией универсальной социальности. Вновь приходится напоминать, что тот же весьма вульгарно трактуемый А. Маслоу к базовым относил потребность человека в самоактуализации [7]. В нашей социальности, понятное дело, заложено не только совокупляться, но и активно манифестироваться, правда, в том числе и демонстрируя «подвиги на сексуальном фронте», которые, кстати говоря, иногда дополняют иные достижения, а нередко, напротив, компенсируют отсутствие ощутимых побед на других социально престижных и тем более общественно значимых поприщах.

Сексуальные комплексы, как это аргументировано доказали тот же Э. Фромм и иные конструктивные критики учения З. Фрейда, имеют ограничения по социальным группам и даже по историческому времени. А вот социальное бессознательное несколько шире по формам легитимации. На поверку оказалось, что разрешить сексуальному влечению вырываться наружу легче, нежели позволить реализоваться социально положительному в человеке. Мало того, с определенного периода времени инструментарий «сексуальной революции» стал достаточно эффективно использоваться в качестве рычагов по буферизации, смягчению, а в большинстве случаев подавлению (если не сказать «растлению») подлинной социальной революции. Сегодня отчетливо видно, как происходит подмена поиска выходов из реального глобального социально-

духовного кризиса на культивирование и резонирование страстей по свободе «полового самоопределения», как мнимые или далеко не первостепенные, локальные проблемы индивидуального бессознательного эксплуатируются в качестве рычагов подавления социального бессознательного. В конечном счете сексуальную раскрепощенность проще осуществлять и даже ею бравировать, чем проявлять абсолютное свободомыслие, критически относящееся ко всем формам и видам, например, узкофункциональных политических идеологий. За сексуальную открытость кара может быть более лояльной, нежели за «общечеловеческую» открытость. Последнее – более чем фронда. Это, по сути, – духовный и непростительный ни для одной системы организации порядка бунт. Трагический пример Христа, пожалуй, наиболее известный и ярчайший.

Социальное бессознательное относится или, точнее сказать, характеризуется целым комплексом параметров (событийность, эмоциональность, степень укорененности...). Среди его главных структурных элементов следует указать прежде всего: отношение к фактам, ценностям, поведенческим нормам. В плане же воздействия на общественную эволюцию важно подчеркнуть, что именно своеобразные «выхлопы», некие концентрированные акты периодов высвобождения социального бессознательного можно считать ключевыми эпизодами исторического процесса. Достаточно обратиться к «осевому времени» К. Ясперса, когда по его оценкам формировался задел для созидания мировых религий и, соответственно: «во всех направлениях совершался переход к универсальности» [8, с. 33].

Именно выкристаллизация, а затем и доминирование мировых (именно мировых, т.е. универсально-вселенских) религий – первые ощутимые для видимой нам исторической канвы колоссальные социальные взрывы, знаменовавшие собой прославление возможностей Человека во многом в альтернативу Племеню, Роду, т.е. ограниченному общественному коллективу. Там лежат истоки, прецеденты созревания идей универсальной личности, способной самостоятельно идти к Абсолюту, преодолевая локальные верования, стремиться к высшему знанию посредством колоссальных ограничений касательно внешних соблазнов, в сосредоточении искать и находить истину. Декларируемые финансово-индустриальным обществом революционные лозунговые порывы (правда, отнюдь не для создания действительно гуманного социального миропорядка) – также исключительно «общесвободительны» по своим доминантам. Достаточно вспомнить призывы к «Свободе, Равенству и Братству», «коммунизму», «мировой революции», «обществу социальной справедливости» и т.д.

Возможно, социальное бессознательное теснейшим образом взаимосвязано с одной из наибольших загадок общественной природы человека – с совестью. Все что мы делаем в ущерб своей совести, выступающей продуктом целого комплекса культурных (в самом широком значении данного слова) напластований, остается, фиксируется в том же сознании, ищет, взвешивает и перевзвешивает аргументы в свое оправдание. Все существование – нередко сплошная цепь самооправданий и вытеснений в социальное бессознательное стыда, тех же «угрызений совести», осуществляемое посредством практик самого изощренного и одновременно очень примитивного характера.

Разворачивающееся и укрепляющееся на наших глазах и при нашем же участии так называемое сетевое общество позволяет более планомерно сжигать и расщеплять социальное бессознательное. Те же селфи, компьютерные игры, социальные сети – все это современные каналы истечения копящихся и ищущих активного проявления амбиций, самопредставлений о собственной исключительности, сверхзначимости. Индивид в любой, пусть и самой гротескной, форме хочет быть всемирным, различимым на глобальном горизонте среди миллиардов себе подобных человеческих особей. Борьба за «лайки» и другие поощрения в мире мобильной интернет-коммуникации – важнейшая стратегия ослабления разрушительного или, напротив, созидательного социального потенциала стремлений к самоактуализации и социальному признанию.

Если же попытаться проиллюстрировать сопряжение функционирования социального бессознательного с научной сферой, то можно отметить следующее. За видимой сложностью конструкций зачастую маскируется очевидность и простота выводов, которые также нередко загоняют в социальное бессознательное. Например, одним из значимых критериев дифференциации общества выступают не классовые, этнические, профессиональные, и даже, страшно утверждать (!) с учетом нынешней конъюнктуры, – не гендерные особенности, а степень личной порядочности. Как справедливо писал В. Франкл, прошедший ад фашистских концлагерей, включая Освенцим, – «все зависит от человека» [9, с. 155]. Пережив казалось бы невозможное и немислимое антигуманное, он описывает, как начальник лагеря тайно помогал заключенным лекарствами, а староста из числа арестантов вел себя хуже охранников-эсэсовцев.

Однако констатировать, что все человечество прежде всего делится на людей, которые не украдут никогда, украдут при определенных обстоятельствах и будут стараться воровать при любой ситуации (слово «украдут» можно заменять или дополнять глаголами «предадут», «убьют» и т.д.) – значит попадать в разряд личностей, произносящих банальности. Но почему-то такого

рода банальности не слишком распространены в научной литературе, оказываются оттесненными на периферию компетентных рассуждений.

Мало того, если такие сентенции «аксиоматичны», почему-то они слабо закладываются во главу угла социального знания так же, как, например, математические аксиомы формируют основы впечатляющей системы всеобщего естественно-научного знания. До сих пор такой подход воспринимается, повторимся, как слишком упрощенный, обыденный и ненаучный.

На поверку утверждение о всеобщем равенстве людей вызывает куда больше вопросов, нежели предметный опыт, что в любой точке земного пространства есть порядочные, добрые, отзывчивые, внимательные к бедам других люди и их соответствующие антиподы. Но такие самоочевидные выводы чаще всего подводятся к границам социального бессознательного, формируя питательную почву для тех же тотальных психопатологий и массовых девиаций.

Одно из ключевых противоречий современности заключается, как известно, между колоссальной динамикой изменений внешнего порядка и отсутствием каких-либо трансформаций внутреннего порядка. И до тех пор, пока социальное бессознательное не высвободится в своей гуманистической универсальности, человеческая цивилизация не снимет с себя проклятие обреченности.

Результаты исследований. Представлено соотнесение и взаимосвязь «социального бессознательного» в трактовках Э. Фромма, «сексуального бессознательного» (З. Фрейд), «коллективного бессознательного» (К. Юнг).

Уточнено представление о «социальном бессознательном» применительно к современным условиям. Приведены примеры деятельности, направленной на подавление универсальной сущности человека. Отмечена важность расширительного толкования данного концепта для диагностики социальных процессов как локального, так и глобального характера.

Акцентировано внимание на принципиальной значимости универсалистского рефрена человеческой природы при оценке возникновения мировых религий, идеологий и революционных призывов.

Выводы. 1. Исследование социального бессознательного представляет собой прежде всего попытку понимания порогов возможностей: а) преодоления социумом ограничений, создающих институциональные, межгрупповые, межличностные и даже внутриличностные «тормозы»; б) более естественного восприятия действительности; в) нахождения способов преодоления искусственной мистификации, способной загнать все человечество в безвыходный тупик.

2. Социальное бессознательное следует трактовать как периодически прорывающееся наружу и одновременно вытесняемое представление об «уникальной универсальности» личности. Вначале мировые религии, а затем светские идеологии – это в том числе, если не прежде всего, способы релаксации глобально человеческого в сонме многочисленных ограниченных зон самоидентификации.

3. Весь жизненный опыт человека, способного оценивать, думать и сопоставлять, не может не привести к очевидным выводам о важности дифференциации людей не только по классовому, профессиональному, этническому, религиозному или идеологическому признакам, а прежде всего по степени личной порядочности. Т.е. по универсальным человеческим критериям, зачастую вытесняемым в сферу социального бессознательного.

4. Переход из общетеоретического пласта анализа в предметно-практический чреват шаблонизмами и бессилием перед обыденностью. В этой обыденности сконфигурированы и зацементированы социальные порядки многовековой давности. Как представляется, результативность трансформаций по высвобождению социального бессознательного будет тем выше, чем аккуратнее, невоинственнее они будут осуществляться, при осознании фундаментальности назревших общественных реформаций по всему спектру отношений.

Л и т е р а т у р а

1. Головаха Е., Панина Н. Социальное безумие. – К.: Абрис, 1994. – 168 с.
2. Фромм Э. По ту сторону поработавших нас иллюзий. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 253 с.
3. Сикевич Б.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер. – 2005. – 267 с.
4. «Нормальная аномия» в России и современном мире : коллективная монография / [Зарубина и др.] ; под общ. ред. С.А. Кравченко. – М. : МГИМО-Университет, 2017. – 281 с.
5. Франк С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 157 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. – Мн.: Харвест, 2003. – 384 с.
7. Маслоу Абрахам Г. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

R e f e r e n c e s

1. Golovaha E., Panina N. Social'noe bezumie. – K.: Abris, 1994. – 168 s.
2. Fromm Je. Po tu storonu poraboshhajushhih nas illjuzij. – M.: AST: Astrel', 2011. – 253 s.

3. Sikevich B.V., Krokinskaja O.K., Possel' Ju.A. Social'noe bessoznatel'noe. – SPb. : Piter. – 2005. – 267 s.

4. «Normal'naja anomija» v Rossii i sovremennom mire : kollektivnaja monografija / [Zarubina i dr.] ; pod obshh. red. S.A. Kra-vchenko. – M. : MGIMO-Universitet, 2017. – 281 s.

5. Frank S.L. Smysl zhizni / S.L. Frank. – M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004. – 157 s.

6. Fromm Je. Begstvo ot svobody. – Mn.: Harvest, 2003. – 384 s.

7. Maslou Abraham G. Motivacija i lichnost'. – SPb.: Evrazija, 1999. – 478 s.

8. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. – M.: Politizdat, 1991. – 527 s.

9. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla: Sbornik. – M.: Progress, 1990. – 368 s.

Yakovenko A.V.

ON THE ROLE OF THE CONCEPT «SOCIAL UNCONSCIOUS» IN THE DIAGNOSIS OF MODERN SOCIAL PROCESSES

Correlation and interrelation of the «social unconscious» in the interpretations of E. Fromm, «sexual unconscious» (Z. Freud), «collective unconscious» (C. Jung) is presented. The importance of a broad interpretation of the concept of «social unconscious» for diagnosing social processes, both local and global, is noted.

Attention is focused on the fundamental importance of the universalist refrain of human nature in assessing the emergence of world religions, ideologies and revolutionary appeals.

The conclusion is drawn that the study of the social unconscious is, first of all, an attempt to understand the thresholds of possibilities: a) of human community to overcome constraints that create institutional, intergroup, interpersonal and even intrapersonal «thrombi»; b) of more natural perception of reality; c) of finding ways to overcome artificial mystification, capable of driving the whole mankind into a hopeless impasse.

Key words: social unconscious, collective unconscious, society, sexual revolution, universality, human.

Яковенко Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: daoav@rambler.ru.

Yakovenko Andrei Vyacheslavovich – Dr. Sci. (Soc.), Professor, the Department of Sociology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: daoav@rambler.ru.

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информатологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 18.10. 2017

УДК 316.722

ПЕРЕДЕЛ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ СОВРЕМЕННЫМИ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

Каминская О. В., Атоян А. В.

TRANSFORMATION OF INFORMATIVE SPACE MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES

Kaminska O. V., Atoyan A. V.

Статья рассматривает проблему передела информационного поля информационными технологиями, заранее заданные условия данного передела, стратификацию информационного поля, игнорирование инерционно данных культурных смыслов, что обостряет ситуацию отторжения технически заданных каналов коммуникации, превращая коммуникантов в противников передела информационного поля якобы технически нейтральными средствами.

Ключевые слова: информационное поле, коммуникация, культурный смысл, коммуникант

Введение. Передел информационного поля технологическими программами и смысл инерционно данных содержательных слоёв культуры, оставшихся за пределами освещаемых сегментов, подразумевают обработку информационного поля путём элиминирования излишних сегментов. Разумеется стремление к доступности и лёгкости восприятия, к тому, чтобы информация усваивалась методично и целенаправленно, а результат воспринимался как однозначный.

Расширение технических возможностей и сужение культурных смыслов, стандартизация и рубрикация «всех» возможных ответов на вновь возникающие вопросы представляет тревожный фон самоуверенного движения информационных технологий в традиционные сферы культурного общения и трансляции социокультурного опыта.

Целью статьи можно назвать проблематизацию сопротивления коммуникантов заранее заданным условиям передела информационного поля и его стратификации новейшими информационными технологиями под предлогом технического и неизбежного предпочтения одних сегментов другим, сокрытие инерционно данных культурных смыслов, что обостряет ситуацию отторжения технически заданных каналов коммуникации, превращая коммуникантов в противников передела

информационного поля якобы технически нейтральными средствами. **Практическое значение** имеет то, что же именно отражает и учитывает передел информационного поля новейшими технологиями, ставящий коммуникантов в новые отношения с тенденциями адаптации к требованиям заданного алгоритма передела информационного пространства с потерей ориентации опознаваемого привычного социокультурного мира. **Задачами** на этом пути можно считать:

- проверку гипотезы нейтральной установки на техническое обновление средств коммуникации при сохранении смыслов культурных трансляций и позиций коммуникантов на информационном поле;

- кризисное размещение и передвижение знаково-символических фиксаций смыслового поля постоянно действующих компонентов культурной ситуации под воздействием перемены фокуса внимания реципиентов;

- сознательное перекодирование смысловых оснований информационно нейтральной технологии на пропуск значимых для коммуникантов сообщений или отдельных смысловых фрагментов;

- сопротивляемость коммуникантов – носителей инерционно заданных смыслов культурных программ в их редуцированном виде.

Изложение основных материалов.

Предполагается, что решение подобных задач имеет основанием методологию изучения инерционных процессов культурного развития, то есть аккультурации, транскультурации, амплификации.

Степень разработанности темы в научной литературе определяется исходными работами Дж. Форрестера, С. Бира, И. Пригожина, В. Шутса, М. Мак-Люэна, Г. Марселя, Ю. Хабермаса, К.-О. Апеля, Р. Дебрэ и других авторов. В исследованиях мы наблюдаем движение от апологии системного подхода и упоения информатизацией до обнаружения несовместимости человеческой экзистенции с технизацией передачи социокультурного опыта, редукцией его к

селективным смыслом. В отечественной традиции разносторонне тему разрабатывали или заметным образом обнаруживали подходы к ней М.М. Бахтин, В.Н. Ильин, В.С. Библер, А.И. Ракитов, Ю.А. Шрейдер, Н.Н. Чурсин и другие. Однако некорректно считать, что проблематика попадала в фокус осознания как тема философской антропологии и философии культуры изначально, за редкими исключениями (А.И. Ракитов, В.Н. Ильин). Выделения же сопротивляемости коммуникантов заданности информационными технологиями поля распространения культурных смыслов касаются немногие, она на периферии апологии новых возможностей, если исключить тех, кто всегда против новшеств; чаще, впрочем, на словах («третья сила»: фундаменталисты, традиционалисты, альтернативисты или анархисты).

Очевидна констатация: «Информатизация общества – это процесс, в котором социальные, технологические, политические и культурные механизмы не просто связаны, а буквально сплавлены, слиты воедино» [5, с. 34]. Культурные механизмы не однотипны для передачи именно тех фрагментов, что отобраны новыми технологиями (или планировщиками, стоящими за ними) для насаждения в качестве образцов. Вульгаризацией для массовой аудитории является и теория заговора («всё плохо, ибо кем-то так задумано»).

Исходным пунктом является предположение, что именно инерционный характер движения культурных ценностей составляет основу сохранения мира сообщающихся сосудов наличных смыслов коммуникантов посредством механизмов коммуникации, понятых как нейтральные носители действительного интенционального богатства культурных программ в их изначальном богатстве и приращении взаимодействующими самобытными субъектами. Сведение сегодня многих проблем к поиску идентичности и её закреплению в фиксациях переданной информации представляет собой лишь один из аспектов мира взаимодействующих самобытных субъектов. Эти субъекты в качестве коммуникантов вовсе не стремятся растворить свои особенности в потоке информационных практик, их идентичности для них самих не есть в ряд положенный джентльменский набор предметов и привычек, свойственный всем остальным «джентльменам». Методологически ошибочно было бы идти по пути переложения вины на коммуникантов за изъяны самого технологического способа функционирования информационного поля.

Поэтому есть необходимость разделить переделы информационного поля на технологические и иные. Технологический передел возможен всегда вне уровня тех носителей, с которыми он связан. Формально он задан уже в первобытности способами раздела добычи или организации миграций особей в составе стада. Однако сами способы раздела и организации ещё до оформления организационных групп общественного

разделения труда, например, половозрастного, связаны не только с особенностями субъекта, но и с особенностями среды воспроизводства того или иного алгоритма живого труда и сохранения в результатах труда его мёртвого остатка. Так возникают рамочные конструкции технологического способа организации информационного поля. Правила пользования становятся каркасом реформативного социокультурных кодов, считаваемых определённым технологически единственным способом.

Это позволяет контролировать каналы коммуникации и направлять потоки информации так, чтобы перекодировать общение самобытных субъектов по стандартам «нейтрального» набора коммуникативных механизмов. Аккультурация ведётся как внедрение нового социокультурного кода дикарям (принцип: «если вас нет в интернете, то вас нет нигде»). Принятие или неприятие мустанга, кольта и огненной воды – условие выживания (хотя справедливости ради нужно помнить, что большинство ковбоев были мирными скотоводами, а не героями боевиков). Транскультурация – проникновение в код иной культуры и работа над переносом своих культурных программ в сознание самобытных субъектов контакта – происходит под знаком преодоления варварства. Якобы есть одна «глобальная деревня», то есть цивилизация – термин канадского пророка телекоммуникаций М. Маклюэна как нельзя кстати. Но и само слово «Канада» означает «Деревня», момент самоиронии присутствует имплицитно, показывая множество смыслов помимо воли автора в подтекстах; потому с варварами нельзя обращаться как с равными в поле взаимодействия цивилизаций (принцип первой европейской империи «Рим – это мир – остальное варвары»). Значит, есть только одна технологическая глобальная цивилизация. К ней надо приобщиться и её культурный контент имеет все основания деформировать миры социокультурных реципиентов на том основании, что он незаменим.

Наконец, амплификация – прихватывание чужого без ясного понимания того, что оно и зачем, массовое бессознательное усвоение норм общения другой цивилизации, обращённой к человеку как предметному телу, движение которого силами информационных технологий становится управляемым, предсказуемым и не опасным для планировщиков в их ограниченном наборе целей. В этих же целях разведены количественные параметры качественных процессов контроля, присоединения, открытости. Дж. Форрестер полагал, что любую систему можно задать двумя показателями – уровнями и темпами. Теоретически открытость максимальна, особенно для реципиента амплификации. Присоединение одностороннее, центрам не обязательно усваивать опыт периферии, который им не нужен по различным причинам, но главным образом по антиэгалитарным

соображениям (эгалитаризм не в равенстве возможностей, а в уравнивании ценностей, а ценности центра не могут быть принесены в жертву ценностям периферии, хотя обратное допустимо). Контроль тяготеет к тотальности.

В результате применения культурологических моделей понимания, а не объяснения процессов передела информационными технологиями указанного поля полагается подвергнуть сомнению тезис о нейтральности техники. Мир опредмечивания становится миром овеществления: с человеческим существом обращаются как с вещью, предметным носителем, который на всякий случай необходимо заполнить как можно больше информацией. Здесь не было бы ничего нового, если бы не масштаб отчуждения. Отчуждение от информационного поля начинает восприниматься как общее зло. Всё было бы безнадежно, если бы не сопротивляемость коммуникантов (индивидов и общностей), преследующих свои культурные цели, а не цели планировщиков, также, кстати, принадлежащих слоям культурного ландшафта).

Передвижение знаково-символических фиксаций смыслового поля постоянно действующих компонентов культурной ситуации под воздействием перемены фокуса внимания реципиентов заметно деформирует культурные программы самобытных субъектов коммуникации. Разумеется, коммуниканты, обладая языком общения, договариваются о привычных формах взаимодействия. Но их язык общения не остаётся без изменений. Вовлечённый в интернет-сообщество, он также эволюционирует к общему стандарту, задаваемому господствующим дискурсом. Но дело на самом деле не в языке, а в ценностной перегруженности нового контента комфортными возможностями переинципирования культурных программ сознательным и бессознательным образом.

Следует согласиться с тем, что даже самое классическое, короткое, восходящее к Шеннону выражение информации через степени неопределённости уже содержит интенцию на отсечение культурных смыслов по принципу их неудобности при передаче («белым шумом» кибернетиков может оказаться любой объект при восприятии устройством, стоит только перезадавать код работы).

«Однако, – замечает один из исследователей, – «открытие» информационного общества менее всего обязано классическому пониманию информации» [7, с.200]. Превращённые формы информационного отношения к миру, максимально технизированные, вызывают спрос на виртуальные аналоги. В.Н. Ильин предупреждает: «Классическое определение виртуального – это потенциальное и латентное, то есть заложённое, но ещё не явленное в реальности. Актуальное – вот диалектическая пара виртуальному. Так, в зерне виртуально существует растение, также как и его цвет виртуально несёт в

себе зерно. Виртуальное, таким образом, предполагает становление, процесс, являясь его внутренней предпосылкой. В распространённом ныне значении виртуальное обозначает совсем иное реальное мира, который обеспечивает всем, кроме «хлеба насущного». В «виртуальном» мире человек имеет дело не с реальными предметами, а лишь с представлениями о них; он воспринимает, преобразовывает и направляет собратам по разуму то, что лишено привычных свойств материи» [2, с.128]. Разрушение границы между вещью и представлением составляет иллюзию, но двойственную: продуктивную и контрпродуктивную. Перезадача кода смысловых оснований информационного передела при помощи якобы нейтральной технологии, нацеленная на пропуск значимых для коммуникантов сообщений или отдельных смысловых фрагментов становится технологической ловушкой единения смыслов вокруг набора клише, одобренных в господствующем дискурсе селективных ценностей.

Селективные ценности (рыночная экономика, представительная демократия, потребительское общество, мультикультурализм, равенство возможностей, свобода информации, которые привлекательны обещанием однотипности, но в разных средах имеют разнонаправленные формы, часто противоположные смыслам заявлений о приверженности (выражаясь в стилистике средневековья: является ли собрание ведьм на Лысой горе представительным органом? или новейшего времени: предполагает ли равенство прав с канибалами возможность отката от совместной трапезы, либо присутствие обязательно, ведь их можно обидеть?) двусмысленны. Эту двусмысленность задаёт практика насаждения правил единого отбора из имеющихся дискурсов. Они доступны в современном информационном поле, переделы которого задаются из одних и тех же точек доминирования посредством иерархизации. Практика отбора ценностей посредством технологически удобного приходит к вопросу: «Как в условиях повсеместного торжества машин и протезов (всевозможных информационно-интеллектуальных пристроек к человеку) может сохраниться человек обыкновенный, способный чувствовать и сочувствовать, понимать и верить?» (Курсив Н.Н. Чурсина – Авт.) [7, с.250].

Важным аргументом выступает довод от множества цивилизаций и ещё большего множества культурных программ. При объяснении инерционного хода имеющихся ценностей важно, что процесс цивилизации, как считал Н. Элиас, имеет своим ядром структурные трансформации, которые ведут к упрочению и дифференциации контроля людей над аффектами и над своими переживаниями. Обнаружение факта в поведении нескольких поколений требует его объяснения [8, с.7]. На смену метафизической категории развития пришли теории социальных изменений. Речь не идёт

скорее о специфическом социальном развитии. Суть этого развития в изменении фигураций в долгосрочной перспективе, направленных как вперёд, так и вспять социальных движений в их совокупности. Структурное изменение, зафиксированное в поведении людей, как бы мы его не оценивали, можно рассматривать как подтверждённое в поколениях движение, как процесс цивилизации [8, с.8]. Отмена контроля над переживаниями, инерция технизации представляется губельной для трансляции культурных смыслов. Смысловые модификации ставят информационно поддержанные «ударные» фрагменты антикультуры в привилегированное положение. При равенстве плохих и хороших образцов падение в плохие неизбежно.

Задолго до появления современных технологий информационного общества экзистенциалист Г. Марсель предупреждал, что прогресс техники и науки не обеспечивает единения людей сам по себе. Если экзистенция даже захвачена устройством порядка, то мудрость не в ней и не в нём, а рядом [3, с.357]. Мудрость не имманентна человеческому роду. Я и его эгоцентризм появляется только на определённых ступенях развития. Мудрыми не бывают, ими стремятся стать [3, с.362]. Независимо от веры и отношения к ней мудрость выводит нас к иному или этому же самому миру, который не может быть его частью. Истинная мудрость в век абсолютной необеспеченности в том, чтобы с необходимым благоразумием и трепетным восторгом искателей пуститься по тропам не за пределы времени, а за пределы нашего времени, где технократы и статистики, а заодно инквизиторы и палачи теряют почву под ногами, но исчезают как туман на заре прекрасного дня [3, с.364].

Вопрос о модели средств коммуникации в социально ориентированном государстве постоянно обсуждается. Глобальные механизмы публичной политики должны открыть возможность демократическим СМИ в поле действия глобального информационного ресурса, понятого как состояние общества, а не частных лиц, корпораций или даже государства. Глобальная публичная сфера мыслится как демократический форум для всех, но правила глобальной публичной дискуссии не ясны [6, с.74]. На деле двойственность демократического форума не позволила реализовать всех интенций, заложенных в опережающем видении судьбы проекта Всемирной Паутины. Сама идея Всемирной Паутины сформировалась из желания упрощения обмена информацией между географически разделёнными группами физиков-ядерщиков. Идея создания гипертекстовой сетевой среды предложена в конце 80-х годов Тимом Бернерс-Ли. Система завершена весной 1991 и запущена в мае. Но прообраз связан с исследованиями Министерства обороны США 60-х годов. Сетевой охват и сохранность информации – образование информационного поля, которое можно

контролировать технологически, создано. Связь с возможностью ядерного удара была в её центре. Сетевая коммуникация – АРПАНЕТ была создана в 1969. Это был первый шаг к Интернету. Доступом к информации дело, однако, не ограничилось. Прогресс противоречив, антагонистичен. Речь, несомненно, идёт о новой социальной революции. Сеть стала двигателем глобализации. Одна из главных функций – отключение привязанности пользователя к определённой среде, трансформация всех связей индивида, пространства его обретения и развития.

Формирование коммуникационной среды проходило в несколько этапов. Хотя на начальном этапе возникло несколько линейных коммуникативных структур, которые существовали независимо друг от друга, мощность потоков информации потребовала их взаимодействия, а затем и закольцевания. С этого момента начинается формирование коммуникационного ядра, воздействующего на те коммуникационные системы, которые привели к его возникновению.

В. Мартынов полагает, что ядро трансформирует эти коммуникационные системы в коммуникационные районы. Плотность системы связей в ядре максимально насыщенная, в районе – средняя, в пределах пространства – минимальная. Когда складываются три компонента – ядро, районы и пространство, начинается новый этап развития: движение вне ядра и района. Внешняя граница ядра движется медленнее, чем граница района, поскольку плотность связи ядра требует сверхконцентрации ресурсов, энергии, информации. Перемещение внешней границы района имеет любопытную особенность: смещается не только внешняя граница, но и внутренняя, а это означает, что перемещение внешней границы ускоряет цивилизационное развитие территорий, а аналогичное движение внутренней границы ведёт к деградации оставляемых территорий, вовлечение их в коммуникационное пространство. Неодновременность продвижения районов создаёт фрагментарную структуру коммуникационного мира. Части развиваются не одновременно. Коммуникационное пространство поглощается как снаружи, так и изнутри (соответственно районом и ядром) [4, с.27]. Из этого следует, что рост коммуникационной среды ведёт к ускоренному развитию территорий именно в цивилизационном отношении. Но преимущества, как и всё в системе, зависят от затрат. Затраты в разных частях регионах мира, в том числе в России, неодинаковы, но и цивилизации находятся на различных уровнях. Так возникают проблемное поле культурных смыслов и информационное поле, преобразуемое и переделённое новейшими информационными технологиями. Наблюдаются фундаментальные неравенства центр-периферийного комплекса сложной палитры проблем. Для их решения сопротивляемость самобытных субъектов выступает

необходимым условием трансляции подлинных аутентичных культурных программ, поддерживающих децентрацию информационного пространства, сохранения самобытности, нивелируемых потоком якобы нейтральных технологий. Пропорциональность ответа на вызовы будет нарастать, но подавление своеобразия, шаги стандартизации, вызывающие бунты против технологически заданного предела информационного поля требуют консолидации усилий альтернативного поиска. Неразумие бунтов не аргумент в пользу замалчивания угроз самобытности общностей и индивидов.

Выводы. Таким образом, можно заключить:

- нейтральность установки на техническое обновление средств коммуникации при сохранении смыслов культурных программ требует как минимум коррекции не с точки зрения удобства применения техники, а с позиции сохранения своеобразия самобытного субъекта;

- перенесение моделей аккультурации, транскультурации и подобных им неизбежно вызывает следствия, уже апробированные другими технологиями подавления позиций коммуникантов в информационном поле;

- кризисное перемещение знаково-символических фиксаций смыслового поля постоянно действующих компонентов культурной ситуации под воздействием перемены фокуса внимания реципиентов подчиняет коренным образом наличные дискурсы господствующему дискурсу;

- самодвижение по ритмам своей культурной матрицы тем или иным самобытным субъектом по избранному алгоритму господствующего дискурса отбрасывает и стирает то, что не согласуется с установками информационного сообщества;

- перекодирование смысловых оснований информационно якобы нейтральной технологии на пропуск значимых для коммуникантов сообщений или отдельных смысловых фрагментов становится технологической ловушкой единения смыслов вокруг набора клише одобренных в господствующем дискурсе селективных ценностей;

- сопротивляемость коммуникантов – носителей инерционно заданных смыслов культурных программ в их нередуцированном виде – есть база противодействия переделу информационного поля на принципах господствующего типа культурных программ.

Интерес информационного пространства содержит идею равенства прав самобытных общностей на собственный культурный продукт и его продвижение без заранее перекроенного планировщиками системы информационного поля под приемлемые для господствующего дискурса культурные смыслы. Альтернатива – стремление к гуманизации открытого сообщества коммуникантов, демократизации решений мирового сообщества по сегментации информационного поля,

обобществление информационных ресурсов на правах безвозмездного доступа к ценностно-значимой общечеловеческой памяти и действенного обращения в этически выверенном пространстве.

Л и т е р а т у р а

1. Аникеев И.А., Покасов В.Ф. Историческая информатика в России и за рубежом // Новая и новейшая история. – 2002. – № 1. – С. 6-17

2. Ильин В.Н. Виртуальное. Идеальное. Информация // Свободная мысль. – 2004. – № 9. – С. 127-140

3. Марсель Г. К трагической мудрости и за её пределы. Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. Составитель Р.А. Гальцева / Г. К. Марсель. – М.: Издательство политической литературы. – 1991. – С.352-364

4. Мартынов В. Коммуникационная среда мира и общественное развитие // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 1 – С. 27-33

5. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции /А. И. Ракитов. – М.: Прогресс, 1991. – 288 с.

6. Розанова Ю. Телевидение как субъект государственной публичной политики (К истории вопроса) // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 10. – С. 63-74

7. Чурсин Н.Н. Понятие тезауруса в информационной картине мира: монография / Н.Н. Чурсин. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2010. – 305 с.

8. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Н. О. Элиас. – Москва – Санкт-Петербург: Университетская книга. 2001. – Т. 1. Изменения в поведении слоя мирян в странах Запада.– 331 с. (Норбетрт Элиас. – Академия исследований культуры. Университетская библиотека. Социология)

R e f e r e n c e s

1. Anikayev I.A., Pokasov V.F. Istoricheskaya informatika v Rossii i za rubezhom // Novaya i noveyshaya istoriya. – 2002. – № 1. – S. 6-17

2. Ilin V.N. Virtualnoye. Idealnoye. Informatsiya // Svobodnaya mysl. – 2004. – № 9. – S. 127-140

3. Marsel G. K tragicheskoy mudrosti i za eye predely. Samosoznaniye evropeyskoy kultury KhKh veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kultury v sovremennom obshchestve. Sostavitel R.A. Galtseva / G. K. Marsel. – M.: Izdatelstvo politicheskoy literatury. –1991. – S.352-364

4. Martynov V. Kommunikatsionnaya sreda mira i obshchestvennoye razvitiye // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2001. – № 1 – S. 27-33

5. Rakitov A.I. Filosofiya kompyuternoy revolyutsii /A. I. Rakitov. – M.: Progress. 1991. – 288 s.

6. Rozanova Yu. Televideniye kak subyekt gosudarstvennoy publichnoy politiki (K istorii voprosa) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2001. – № 10. – S. 63-74

7. Chursin N.N. Ponyatiye tezaurusy v informatsionnoy kartine mira: monografiya / N.N. Chursin. – Lugansk: Izd-vo «Noulidzh». 2010. – 305 s.

8. Elias N. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya / N. O. Elias. – Moskva – Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. 2001. – T. 1. Izmeneniya v povedenii sloya miryan v stranakh Zapada.– 331 s. (Norbetrt Elias. – Akademiya issledovaniy kultury. Universitetskaya biblioteka. Sotsiologiya)

Kaminska O.V., Atoyan A.V.
**TRANSFORMATION OF INFORMATIVE SPACE
MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES**

The article contains the problem of redistribution of informative space information technologies. The terms of this redistribution, stratification of informative space, problem of inertia of cultural senses, situation of negative perception of technical channels of communication, refutation of neutrality of technical equipments of communication

Key words: *the informative space, communication, cultural sense, subject of communication.*

Каминская Оксана Валериевна – кандидат философских наук, зав. кафедрой документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.
E-mail: kamo06@yandex.ru

Атоян Анна Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры документоведения и технотронной

информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: atoyannn@bk.ru

Kaminska Oksana Valerievna – the Candidate of Philosophical Sciences, the Associate Professor manager of Department of Document Science and Technetronic Informologiya of the Luhansk national university of Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: kamo06@yandex.ru

Atoyan Anna Viktorovna – the Candidate of Philosophical Sciences, the Associate Professor of Department of Document Science and a Technetronic Informologiya of the Luhansk National University of Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: atoyannn@bk.ru

Рецензент: *Лустенко Андрей Юрьевич* – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 20.10. 2017

УДК 141.155 (043.83)

СТАНОВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ: ДИСКРЕТНОСТЬ И КЛАССИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОПРЯЖЕНИЯ

Попов В.Б.

THE FORMATION OF THE EVOLUTIONARY THEORY: PRIVACY AND CLASSIC OF CONCEPTUAL COOPERATION

Popov V.B.

Классический эволюционизм изначально дискретно развивался в нескольких сферах познания: естественнонаучной, историко-социологической и социально-философской. Взаимодействие между ними осуществлялось в форме концептуального сопряжения, концептуальной связки и концептуальной имплементации. Итогом стала универсальная теория эволюции Г.Спенсера. Кризис линейно-детерминистических картин мироздания привел к кризису классического эволюционизма.

Ключевые слова: классический эволюционизм, общая теория эволюции, биологическая теория эволюции, теория общественной эволюции, ламаркизм, дарвинизм, социальный дарвинизм, концептуальное сопряжение, концептуальная связка, концептуальная имплементация.

Введение. Эволюционная теория представляет собой достаточно специфическую форму организации научного знания, особенность которой заключается в ее изначально дисперсном формировании сразу в нескольких отраслях самых разных наук. Исходной предпосылкой была парадигма о стадийном развитии высших форм из низших, истоки которой можно найти еще в античной мысли (наиболее последовательно у Тита Лукреция Кара). Затем идет Новоевропейская эпистема, во многом базирующаяся на прогрессе в области естествознания и точных наук, окончательно сформировавшая доктрину трансформизма как развития, то есть поступательного видоизменения, в противовес креационистской картине однократного творения и неизменности мироздания. В 1677 г. появился еще один термин трансформистского дискурса – эволюция. Впервые его употребил английский богослов, юрист и финансист М.Хэйл, говоря о скрытом в семени человека строении или образе «в эволюции которого должно состоять соединение и формирование человеческого организма» [1]. Как видно по смыслу, оно почти соответствовало развертыванию (*explicatio*) Кузанца.

Новая методологема развивалась по трем основным направлениям (в трех измерениях): естественнонаучное, историческое – этнологическое – социологическое и философское – социально-философское. Проблема взаимодействия между данными направлениями, а также роль подобных контактов в формировании общей теории эволюции (ОТЭ) не получила должного освещения, внимание исследователей сосредотачивается главным образом в той отрасли, специалистами которой они являются. Наиболее продвинутым здесь является естественнонаучное (биологическое) направление – биологическая теория эволюции (БТЭ). Именно на него, в первую очередь опирается концепция Глобального эволюционизма (например, в трактовке Э.Янча и Н.Моисеева), которая, вроде претендуя на философские глубины, должна была бы фокусироваться на более широких концептуальных синтезах.

Выходом из создавшейся ситуации, на наш взгляд, является категориальная разработка самих особенностей генезиса эволюционизма. С этой целью нами предлагаются следующие категории: концептуальная сопряженность, концептуальная связка и концептуальная имплементация. Под первой мы понимаем синхронное развитие сразу нескольких направлений, концептуально взаимодействующих друг с другом и взаимно трансформирующихся в результате подобных воздействий.

Концептуальная связка предполагает уже конкретизацию данного феномена – сопряженное развитие уже определенных методологем, теорий и подходов из разных направлений различных наук и форм познания. Понятие «связка» дается нами с учетом усилий М.А.Чешкова, который использует его для раскрытия сущности «сораздельных отношений» как антиномичной диады, покрывающей процессы и структуры, противоположные по направленности и качествам [2, с.87]. Думается, что «связка» может пониматься и более широко, не сводясь к антиномичным

диадам. Тут может иметь место и синхронное развитие методологием одного макронаправления, но в разных трактовках, исходящих из смежных, а порой и далеких друг от друга наук (варианформистские подходы в биологии и в теории социальных структур, теория эволюционного многообразия и прочие).

Концептуальная имплементация предполагает внедрение методологемы, теории, подхода и т.п. из одного эпистемологического континуума в другой с последующей трансформацией ее методологического аппарата и сопряженных с ней когнитивных направлений. Примером здесь может быть внедрение биологической теории эволюции А.Н.Северцева в структуру историологическо-философского познания.

Когнитивные феномены, отраженные подобными категориями, характеризуют прежде всего постклассический период развития эволюционизма. Если научный синтез, в его классическом понимании, заключается в сведении воедино в рамках общего направления различных методологием, подходов, принципов, взятых из разных, хотя, как правило, смежных отраслей познания, то постклассический синтез затребовал объемную теорию эпистемологического континуума как диффузного поля, где разворачивается сопряженное развитие не смешивающихся одна с другой теорий из разных дисциплин.

Естественнонаучную ветвь эволюционизма заложили работы Ж.Л.Бюффона и Р.Чемберса, Ч.Лайеля, Ж.Сент-Илера и ряд других. Ее концептуальной основой была идея естественной закономерности не зависящей от божественного вмешательства, как механизм всеобщей изменчивости. Нередко, например, как у Ч.Лайеля, наблюдался синтез трансформизма в геологии и «естественной теологии» в биологии и антропогенезе.

Идея развития как предмет философского познания мощно представлена в трудах Лейбница. Ему же принадлежит небезызвестное – «природа не терпит скачков», ставшее непререкаемой аксиомой для Ч.Дарвина. Впечатляющую картину развития Солнечной системы представил И.Кант, тем не менее считавший идею развития «рискованным приключением разума». Классическим воплощением линейно-прогрессивистской концепции стала философия Просвещения. Наконец, гегелевские диалектические принципы дали целостную картину движения познающего мышления. Ему же принадлежит эстафетно-стадиальная схема шествия мирового духа через дух отдельных народов, завершающаяся Германским миром, после окончательного торжества которого наступает конец истории как политики и все развитие смещается в сферу науки и культуры.

Первая развернутая попытка концептуального синтеза, приведшая, в конечном счете, к теории глобального эволюционизма, по нашему мнению,

связана с именем И.Гердера, впрочем, называются и прочие лица. С.Д.Хайтун отдает предпочтение Р.Чемберсу и Г.Спенсеру [3, с.74, прим.1], хотя хронологический приоритет И.Гердера здесь видится неоспоримым. Он, конечно, уступает естествоиспытателям своего времени в проработке проблем естественной истории, но превосходит их в широте постановки проблемы. Основа всего сущего по И.Гердеру – живые, органические силы определяющие бытие материи и духа, неразрывно связывающие царство неживой и живой природы с миром человека [4, с.73–76, 116–117, 123–133, 182–185, 230, 278]. Его непосредственный предшественник Бюффон (1707–1788, многотомная «Естественная история» издавалась им с 1749 г.) оставался лишь в рамках идеи взаимосвязи неживой и живой природы.

В русле последней универсальной системы классического периода – марксизма эволюция как целостность не стала объектом специального исследования, ее различные трактовки (философская, историческая и естественнонаучная) так и не были унифицированы. Идеи эволюционизма в марксизме наиболее явственно представлены в социально-философской части (формационная теория), однако таковая осталась лишь на уровне эскизных набросков.

Общая теория эволюции (ОТЭ) стала формироваться совсем в иной сфере – сначала возникло представление о биологической эволюции, разворачивающейся на неких общих закономерностях, у истоков которого стояли Ж.Б.Ламарк и Ч.Дарвин. Их идеям процессуальной континуальности вроде бы противостоял катастрофизм Ж.Кювье, но, как оказалось, это было одним из измерений эволюции. Наконец, Г.Спенсер попытался свести воедино процессы развития неживой, живой и социальной природы, построенных на единых универсальных принципах, объединяемых общим концептом тотальной эволюции.

Эволюционные идеи Ламарка, наиболее полно изложенные в его фундаментальном труде «Философия зоологии» (1809), базируются на идее самопроизвольного зарождения и дальнейшего усложнения жизни. В основе этого лежит особая сила, автономно от среды целенаправленно управляющая данным процессом непрерывно и строго равномерно по времени. Она управляет движением животных к наивысшей степени совершенства. В то же время происходит их адаптация к среде обитания. Тем самым можно говорить о внутренней и внешней причинах эволюции [5, с. 83], которая тем самым, разворачивается у него как по «вертикали», так и по «горизонтали» [6, с.183]. Общим для них является принцип постепенного накопления мелких изменений без разрывов и скачков (лейбницанское наследие). При этом, в отличие от Дарвина, Ламарк проводил идею прогрессивистского наследования

благоприобретенных признаков путем усложнения структуры вида, что, соответственно, усиливает их адаптивные возможности. Однако вряд ли стоит говорить о том, что окружающая среда рассматривалась им как движущая сила эволюции вообще, как это считают неоламаркисты Б.Липтон и С.Бхаэрман [7, гл.6,7.]. Более правомерным будет предположить, что Ламарк различал общую и приспособительную эволюцию, как полагают К.М.Завадский и Э.И.Колчинский [8, с.81–83]. Именно на последнюю роль среды оказывает решающее воздействие.

Относительно причин эволюции исследователи усматривают у Ламарка несколько методологических подходов. Когда он постулирует свой так называемый прогрессистский «закон градации», то придает ему строго униформистский характер как общего закона эволюции, единого для всей живой природы. В ходе же приспособительной эволюции общая причина (приток тонких флюидов) не только модифицируется, но и возникают новые частные причины эволюции, действующие в пределах одной или двух ступеней организации. Тем самым крупные новшества сами становятся новыми факторами эволюции. Причина и следствие становятся взаимно обратимыми. Подобное изменение самих причин эволюции именуется вариформизмом [8, с.81–82]. Данная позиция оценивается как более плодотворная методологически по сравнению с дарвинистской [8, с.83].

Альтернативные позиции ламаркизму занимает теория катастроф Ж.Кювье. Доктрина катастрофизма была вызвана к жизни необходимостью снять противоречие между явлением устойчивости современных видов и данными палеонтологии по изучению ископаемых животных. К.М.Завадский и Э.И.Колчинский сводят воззрения Ж.Кювье к следующим положениям: 1) резкое отличие ныне действующих сил природы от сил, действовавших в прошлом; 2) отсутствие связи между сменяющимися друг друга причинами; 3) резкая неравномерность скорости геологических процессов; 4) о прогрессивном усложнении ископаемых животных во временном процессе [8, с.107].

Авторы отвергают традиционные представления о креационизме у Кювье, хотя и отмечают то обстоятельство, что вышеназванный п. 4 у него остался без объяснения [8, с.111]. Вместе с тем утверждается об антиэволюционизме Кювье [8, с.105,111], о его отрицании ламаркистского градуалистического эволюционизма [8, с.110]. Думается, что это не одно и то же. Взгляды Кювье надо сопоставлять не с катастрофистами – креационистами, например, Л.Агасисом и ему подобными, а с современными концепциями прерывистого равновесия, теорией катастроф Р.Тома и т.п. В этом случае Кювье опередил свое

время, раскрыв скачкообразный тип эволюции, хотя и не сопоставил его с иной динамикой.

Хотя в своем противостоянии катастрофизму Ж.Кювье, Ж.Б.Ламарк и Ч.Дарвин в целом исповедовали общий круг идей эволюционного градуализма, однако именно с последним связывают решающий шаг на пути становления эволюционной теории. Дарвин сумел нанести решающий удар по доктрине креационизма, сведя воедино все виды доказательств развития живой и неживой природы из области селекционизма, геологии, географии, биологии [9, с.337–349]. Теория эволюционного процесса как целостного, взаимосвязанного, направленного потока изменений в большей мере принадлежит Г.Спенсеру (сам Дарвин применял термин «эволюция» крайне редко, предпочитая традиционное «трансмутация видов»), но Дарвин создал ключевые предпосылки для подобных выводов, хотя многие из его воззрений, например, идея мелких, случайных, постепенно накапливающихся изменений этому не соответствовали. Тем самым трансформизм XVII – I-й половины XIX в. сменился эволюционизмом, генетически с ним преемственным.

Вкратце основные положения дарвинизма можно свести к следующему. Размножение – это естественное свойство всего живого. Оно осуществляется в геометрической прогрессии, в результате чего возникает переполнение экологической ниши и, соответственно, конкуренция и борьба за существование (явное влияние мальтузианства) [9, с.119,345–347]. Итогом всего этого является «переживание наиболее приспособленных» или естественный отбор как сохранение благоприятных индивидуальных различий и изменений и уничтожение вредных [9, с.65,94]. Общеизвестное «выживание приспособленных» – это уже спенсеровская терминология. Естественный отбор идет медленно, без скачков, разрывов и т.п., путем накопления незначительных благоприятных видоизменений [9, с.347–348]. Основной путь развития – дивергенция, конвергенция – вспомогательное [9, с.81–83,92–93]. Дарвин делает акцент на случайный характер изменений [9, с.81,344], что позволяет Л.С.Бергу назвать дарвиновскую концепцию «тихогенезом» (от греч. тихе – случай), то есть «эволюцию путем случайностей» [10, с.95,108–110]. Дарвиновская эволюция – это череда изменений, осуществляемых путем наследственности и отбора.

Градуалистский подход к эволюционному процессу, по идее, предполагает наличие большого количества переходных форм, однако это не подтверждается палеонтологическими материалами, вынуждая Дарвина искать объяснение подобному феномену. Оно видится ему в том, что промежуточные разновидности быстро истребляются более «продвинутыми» видами, но этот процесс на геологическом материале не прослеживается, поскольку геологическая летопись

значительно менее полна, чем предполагает большинство геологов [9, с.120,339–341]. Несколькими забега вперед, отметим, что если во времена Дарвина данный аргумент был достаточным, то теперь с развитием палеонтологии и накоплением соответствующего материала он полностью утратил свою силу [11, с.67]. Уже после Дарвина его теория была сведена к знаменитой триаде: наследственность, изменчивость, естественный отбор, где последнему отводилась решающая роль в эволюционных процессах.

Возражения против дарвиновской теории последовали незамедлительно. Наиболее обоснованными В.И.Назаров считает аргументы П.Флуранса и А.Картфажа де Брео, а в России – Н.Я.Данилевского [11, с.66–75]. Они указывают, что Дарвин не привел ни одного примера превращения одного вида в другой, спутав внутривидовую изменчивость с видовой трансформацией. Весьма уязвимой для критики оказалась и концепция постепенного, непрерывного накопления случайных изменений, отрицающая любые скачки и разрывы. Отсутствие переходных форм как ступеней в поступательном эволюционном процессе видится как один из наиболее веских аргументов против дарвинизма. Не вдаваясь в детальный разбор дискуссии, все же отметим, что, по мнению В.И.Назарова, Данилевский предвосхитил главную идею номогенеза, согласно которому развитие как процесс внутренних изменений совершается закономерно, что вполне совместимо с сальтационным развитием, о чем говорят теория прерывистого равновесия Дж.Гулда и Н.Элдриджа, а также экосистемная теория эволюции (ЭТЭ) [11, с.74–75].

Идеи эволюционизма стали господствующим умонастроением европейского общества с середины XIX в., показателем чего служит система универсального эволюционизма Г.Спенсера, которую он выработал независимо от Дарвина, хотя и опирался на общий круг идей (в частности мальтузианства) [12, с.243]. Закон эволюции понимался им как универсальный закон природы, базирующийся на принципе неуничтожимости материи и непрерывности движения, причем действие этих принципов непостижимо для человека. Из всего этого вытекает формулировка универсального эволюционного процесса: каждая действующая сила производит более одного изменения – каждая причина производит более одного действия. Отсюда каждая сила развивает все новые группы сил. Действие сложнее причины [13, с.48–49].

Данный закон эволюции осуществляет связь между неживой, живой и социальной природой, перераспределяя материю и движение. Эволюция представляет собой интеграцию материи и рассеяние (дезинтеграцию) движения, т.е. переход от рассеянного состояния материи к концентрированному, сопровождающийся

дифференциацией как переходом от состояния неопределенной несвязной однородности материи к определенной структурной разнородности [13, с.52–55; 14, с.611–614].

Особо следует остановиться на положении о том, что динамическое равновесие как результат взаимодействия сил образует переходную ступень на пути к полному равновесию [14, с.615]. Принцип равновесия (уравновешивания) рассматривается им как общий закон эволюции. Поскольку динамическое равновесие имеет силу самосохранения [14, с.615], то понятие «адаптация» выводится на концептуальный уровень эволюционной теории. Это сближает его с Дарвиным, но понятие прогрессии как неуклонного усложнения в первую очередь характеризует Спенсера, нежели Дарвина, на что прежде всего обычно обращают внимание при сопоставлении обоих исследователей [15, р.5–8]. У обоих критерий эволюционного развития видится в увеличении структурной дифференциации. Базисная модель эволюции у Спенсера – рост отдельного организма, так что именно его можно считать первым социобиологом. Как Дарвин, так и Спенсер используют символ дерева для иллюстрации эволюционного процесса [9, с.95–96; 13, с.64, прим.], но у Спенсера рост дерева символизирует каналы универсального движения. В дарвиновской системе время – лишь фон для его триады, а у Спенсера, как и у Ламарка, время имманентно эволюционному процессу. Так что теория эволюции у Спенсера дается скорее «по Ламарку», нежели «по Дарвину», что еще более заметно в его концепции общественной эволюции.

Вряд ли может быть оправдана позиция тех исследователей, которые говорят о «плоскоэволюционистском» подходе Г.Спенсера, но в то же время отводят аналогичный упрек в сторону Ч.Дарвина [16, с.436–437]. Подобное противопоставление «плоскостного» Спенсера и, видимо, «подлинного» эволюционизма Дарвина не имеет достаточных оснований. Напомним, что Дарвин не только не оперировал термином «эволюция», предпочитая ему «трансмутацию видов», но и не привел ни одного примера подобного превращения, тем самым спутав ее с внутривидовой изменчивостью. Оба они стояли на градуалистических позициях, но даже если допустить, что Дарвин, в отличие от Спенсера, признавал мутации (как показано выше, внутривидовые), то это вполне компенсируется тем обстоятельством, что именно Спенсер четко изложил линейно-прогрессистскую теорию общей эволюции. Популяционная трактовка эволюции характерна прежде всего для синтетической теории эволюции (СТЭ), но не для Дарвина, который, когда говорит о «восхождении на более высокую ступень организации», то перед этим пишет об «улучшении каждого существа» [9, с.94]. Понятие «эволюционное древо» используется им как

иллюстрация принципа дивергенции [9, с.95–97]. Что же касается отрицания Спенсером естественного отбора как универсального эволюционного механизма [13, с.61–64, прим.с.64], то подобная позиция теперь получает все большее распространение даже в отечественной биологической теории эволюции, не говоря уже о зарубежной.

Общественная эволюция мыслится Спенсером как продолжение общей, где универсальные принципы преломляются через специфические. Прежде всего следует отметить, что он разграничивает понятия «эволюция» и «прогресс», о чем и пишет в своей «Автобиографии». Эволюция видится ему как более широкое понятие, именно ему он отдает предпочтение, рассматривая универсальные законы развития/изменения, понятие же «прогресс» слишком отягощено антропоцентристской нагрузкой. Общие принципы общественной эволюции у него сводятся к нескольким положениям. Эволюция общества – это движение: 1) от простого к сложному; 2) от аморфности к четкости; 3) от гомогенности к гетерогенности; 4) от текучести к стабильности [13, с.63–70].

Спенсеровская теория эволюции общества базируется на ламаркистской идее наследования приобретенных признаков, что придает ей кумулятивный характер. В его концепции прослеживаются две основные идеи, в целом слабо стыкующиеся одна с другой. Первая – это идея конкуренции, борьбы за универсальные потребности: ресурсы, контроль над производством, управлением и т.п. С другой стороны – это идея адаптации как универсального принципа социального организма. В этом случае общая схема общественной эволюции видится как дифференциация + интеграция = адаптация.

В литературе все же отмечается то обстоятельство, что степень «адапционизма» у Спенсера разнится, достигая наибольшей степени в «Основаниях этики» [12, с.255]. Среда здесь может пониматься предельно широко, включая природные условия, мир природы, преобразованный человеком, и наконец – социально-культурное окружение. При этом достаточно очевидным с позиций современной эволюциологии представляется, что абсолютизированный адапционизм, ведя к гомеостазису, подрывает саму сущность эволюции как развития. Однако на чисто биолого-редукционистские подходы накладываются структурно-функционалистские, где индивидуальное поведение соотносится с общественными интересами, что дает иную форму регуляции по сравнению с естественным отбором. Ламаркистская теория прямого влияния среды при условии ее расширительного понимания здесь оказалась более затребованной. В целом подход Спенсера к механизмам общественной эволюции оценивается как «многофакторный» [12, с.271].

Факторы эволюции у него делятся на «первичные» и «вторичные», (производные). В каждой из этих групп различаются «внешние» и «внутренние». Первичные внешние – природная среда. Первичные внутренние – физические и психические качества людей. Вторичные цивилизационные факторы (внутренние и внешние) есть результат самой общественной эволюции.

Оценивая в целом спенсеровскую эволюционную теорию, следует констатировать, что его попытки вписать в универсальную эволюцию специфическую (биологическую, социальную) сталкивались с определенными трудностями. Эволюционно-субстанционалистские воззрения переплетались с адапционистскими (средовыми), а идея всеобщей детерминации – с многообразием факторов. Не нашлось места в его концепции и трансформациям взрывообразного типа. Достаточно подробно описывая процессы общественной эволюции по своей излюбленной схеме, он даже не упоминает о социальных революциях. Стремление максимально широко сформулировать законы универсальной эволюции подрывало их эвристическую значимость. Биологический редукционизм по отношению к социальности наталкивался на феномен активной преобразовательной деятельности человека. Подобные дилеммы в рамках его системы оказались неразрешимыми по определению.

Эволюционистские, линейно-поступательные подходы, где порой понятие «эволюция» и «прогресс» практически отождествлялись, безраздельно господствовали в европейской мысли вплоть до начала XX вв. Таковые были широко представлены во всех отраслях познания от естественнонаучного до философского.

Теории однолинейной прогрессистской эволюции в рамках исторической науки нашли свое предельное воплощение в трудах Л.Моргана и Э.Тайлора в их трехстадийной схеме: дикость, варварство, цивилизация, где исторический процесс рисовался как неуклонное продвижение человечества к высотам мировой цивилизации, правда, неравномерное и разноразностное. Для отражения подобного феномена Э.Тайлор применяет термин «пережиток» как «живое ископаемое». Под это определение подходили те явления или даже целые народы, находящиеся не на той стадии развития, какую занимали «передовые» народы.

Однако еще Г.Т.Бокль усомнился в некоторых постулатах прогрессизма («История цивилизации в Англии» 1857–1861 гг.). Еще дальше в этом направлении продвинулся Н.Я. Данилевский, который в своем труде «Россия и Европа» в 1869 г. сформулировал идею циклично-дискретного цивилизационного процесса. Постклассическая трансформация связывается уже с именем О.Шпенглера («Закат Европы» 1918–1922 гг.).

Итогом классического эволюционизма стал концептуальный синтез БТЭ (ламаркизм и дарвинизм) и теории общественной эволюции (ТОЭ) – Г.Спенсер, У.Самнер, У.Беджгот и, далее, все направление, получившее во второй половине XIX века наименование «социальный дарвинизм». Общим тезисом для всех социал-дарвинистов стал концепт о конкуренции, о «борьбе за существование» (термин Т.Мальтуса) как универсальной движущей силе любой эволюции, будь то биологическая или общественная. При этом надо иметь в виду, что многие социал-дарвинисты (сюда же вслед за Г.Спенсером можно отнести и Л.Гумпловича) отрицали в том или ином виде биологический дарвинизм. Здесь можно проследить концептуальное сопряжение ТОЭ (мальтузианство), далее БТЭ (Ламарк, Дарвин) и, наконец, вновь ТОЭ (социал-дарвинизм).

Вряд ли можно считать Г.Спенсера социал-дарвинистом «в полном смысле слова», как это утверждает А.Б.Гофман [12, с.295], тем более что немногим выше он именовался «главой тогдашнего неоламаркизма» и указывается на связь ламаркистского закона прогрессии/градации и спенсеровской ОТЭ [12, с.272]. Правильнее здесь было бы словосочетание «в широком смысле слова», тем более что свою связь с дарвинизмом Г.Спенсер в целом отвергал. Еще более это неприемлемо для того направления, что обычно именуется расистским вариантом социального дарвинизма (Ж.Лапуж, Л.Вольтман, Ж. Гобино, О.Аммон и др.)

Таким образом, БТЭ (дарвинизм) и ТОЭ (социал-дарвинизм) можно рассматривать в качестве концептуальной связки классического периода. Концепт «борьба за существование» проходил концептуальную имплементацию из одной ветви эволюционизма в другую. Классический концептуальный синтез, приведший к созданию ОТЭ, в наиболее полном виде был осуществлен Г.Спенсером. Он осуществлялся по единой схеме, постулировал универсальные законы эволюции, применял общую терминологию (биологические термины порой произвольно навешивались на социальные структуры и т.п.). Подобный подход в основном был отвергнут уже постклассическим эволюционизмом.

В целом на развитие классического эволюционизма оказали воздействие две онтологические парадигмы: органицизм и механицизм. То есть мироздание рассматривалось либо как организм, либо как механический агрегат. Соответственно, в одном рост живого рассматривался как универсальная модель развития; в другом – все процессы в конечном счете сводились к физическим. Следующая система координат связана с понятием направленного и ненаправленного/случайного движения. Направленность чаще всего выступала как телеология. Следующий параметр связан с

приоритетом внутренних и внешних факторов. Отсюда эндогенные и экзогенные теории. При этом целеустремленность может вырастать как внутри самой эволюции, так и за ее пределами (божественная воля и т.п.). Таким образом, эволюционная теория представляется нам в виде поля, формируемого несколькими системами координат, где теории могут перетекать из одной системы в другую.

С появлением марксизма можно, видимо, говорить об еще одной эволюционной макропарадигме – социологизме, базирующейся на идее нередуцируемости общественной эволюции к низшим формам, ее направленности, решающей роли внутренних факторов развития и специфическом варианте телеологизма (движение к коммунизму), материалистическим по форме, идеалистическим по содержанию.

Исходя из этого, нам представляется неправомерным сводить эволюционную теорию к двум трактовкам: механицистской и телеологической, как это делает И.И.Блауберг [17, с.302]. Телеологизм был присущ и механицизму, например, философии И.Ньютона. Непонятно тогда, куда относить дарвинизм, который не соответствует обоим подходам. Механицизму в первую очередь противостоял органицизм, где также имели место телеологические подходы (ортогенез, номогенез или «жизненная сила» / «энтелехия» витализма Х.Дриша). Дарвинизм, в целом развивающийся в рамках органицизма, излагал теорию случайных изменений.

Что же касается роли внешних и внутренних факторов, то здесь ламаркизм и спенсерианство с разной степенью отчетливости проводили идею общей и специфической эволюции в терминологии неозволюционизма. В зависимости от этого роль эндогенеза и экзогенеза у них различны, позволяя трактовать, в частности, позицию Ламарка то как приоритет экзогенеза (окружающая среда как движущая сила эволюции) [7, гл.6], то рассматривая его «закон градации» (стремление к совершенству), автономный от среды, как основной закон эволюции [8, с.80–81; 5, с.83]. Позиция Дарвина по этому вопросу обычно трактуется как приоритет приспособительной (к условиям среды) эволюции [6, с.184].

В конце XIX - начале XX века классический эволюционизм вступил в полосу системного кризиса. Показателем этого является практически параллельный кризис во всех ветвях эволюционизма: естественнонаучной, историко-социологической и социально-философской. В естествознании произошел переход от линейно-детерминистической лапласовско-ньютоновской картины мироздания к стохастичной эйнштейновской, в связи с чем пришел конец классическим версиям как холизма, так и дарвинизма. В философии рухнули универсалистско-субстанциональные философские

системы (классическое гегельянство и ортодоксальный марксизм). В истории/историологии, этнологии и социологии линейно-прогрессистские воззрения были оттеснены на периферию концепциями культурного релятивизма (Ф.Боас) и циклическим цивилизационно-дискретным направлением (прежде всего О.Шпенглер и П.Сорокин).

Идеи эволюционизма, казалось, были окончательно дискредитированными, но разные его направления сосредоточили свои усилия на преодоления кризиса, сосредоточив свое внимание на тех «узких» местах, какие выделялись по-разному в различных эволюционных течениях. Результатом стал постклассический эволюционизм, в рамках которого были затребованы уже иные методологемы, приведшие к иным концептуальным синтезам.

Л и т е р а т у р а

1. Эволюционизм // http://dic.academic.ru/dic.nsf/ens_culture/775.
2. Чешков М.А. Двойная спираль глобализации / М.А.Чешков. – М.: Изд-во Имэмо РАН, 2007. – 178 с.
3. Хайтун С.Д. Эволюция вселенной / С.Д. Хайтун // вф. 2004. – № 10. – с. 74–92.
4. Гердер И.Г. идеи к философии истории человечества / иоганн готфрид гердер. – м.: наука, 1977. – 703 с.
5. Попов А.В. Эволюция как саморазвивающаяся система / А.В.Попов. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2006. – 152 с.
6. Северцов А.С. Направленность эволюции / А.С.Северцов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 272 с.
7. Липтон Б., Бхаэрман С. Спонтанная эволюция / Б.Липтон, С.Бхаэрман. – М.: Изд-во София, 2010. – 576 с. // Реж. доступа. – natural world. / kniga – spontannaya evolucia. html.
8. Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции (историко-критические очерки проблемы) / К.М.Завадский, Э.И.Колчинский. – Л.: Наука, 1977. – 236 с.
9. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Чарлз Дарвин. – М.: ПРОГРЕСС, 1987. – 384 С.
10. Берг Л.С. Труды по теории эволюции /Л.С.Берг.– Л.: Наука, 1977. – 388 с.
11. Назаров В.И. Эволюция не по дарвину: смена эволюционной модели / В.И.Назаров. – М.: Ком.Книга, 2005. – 520 С.
12. История теоретической социологии. – М.:Канон+, 2002. – Т. 1. – 496 с.
13. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Герберт Спенсер. – Мн.: Современный литератор, 1998. – 1408 с.
14. Спенсер Г. Основные начала / Герберт Спенсер // Антология мировой философии. М.: Мысль, 1971. Т. 3. С. 608–620.
15. Ingold T. Evolution and social life / Tim Ingold. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1986. – 454 P.
16. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия / П.В.Алексеев, А.В.Панин. – М.: ТЕИС, 1996. – 504 с.
17. Блауберг И.И. Анри Бергсон / И.И.Блауберг. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 661 С.

References

1. Evolyutsionizm // http://dic.academic.ru/dic.nsf/ens_culture/775.
2. Cheshkov M.A. Dvoynaya spiral globalizatsii / M.A.Cheshkov. – М.: Izd-vo IMEMO RAN, 2007. – 178 s.
3. Haytun S.D. Evolyutsiya Vselenny / S.D.Haytun // VF. 2004. – №10. – S. 74–92.
4. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva / Iogann Gotfrid Gerder. – М.: Nauka, 1977. – 703 s.
5. Popov A.V. Evolyutsiya kak samorazvivayuschayasya sistema / A.V.Popov. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006. – 152 s.
6. Severtsov A.S. Napravlennost evolyutsii / A.S.Severtsov. – М.: Izd-vo MGU, 1990. – 272 s.
7. Lipton B., Bhaerman S. Spontannaya evolyutsiya / B.Lipton, S.Bhaerman. – М.: Izd-vo Sofiya, 2010. – 576 s. // Rezh. dostupa. – natural world. / kniga – spontannaya evolucia. html.
8. Zavadskiy K.M., Kolchinskiy E.I. Evolyutsiya evolyutsii (istoriko-kriticheskie ocherki problemy) / K.M.Zavadskiy, E.I.Kolchinskiy. – Л.: Nauka, 1977. – 236 s.
9. Darvin Ch. Proishozhdenie vidov putem estestvennogo otbora / Charlz Darvin. – М.: Progress, 1987. – 384 s.
10. Berg L.S. Trudyi po teorii evolyutsii /L.S.Berg.– Л.: Nauka, 1977. – 388 s.
11. Nazarov V.I. Evolyutsiya ne po Darvinu: smena evolyutsionnoy modeli / V.I.Nazarov. – М.: Kom.Kniga, 2005. – 520 s.
12. Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. – М.:Канон, 2002. – Т. 1. – 496 с.
13. Spenser G. Opyityi nauchnyie, politicheskii i filosofskie / Gerbert Spenser. – Мн.: Sovremennyiy literator, 1998. – 1408 s.
14. Spenser G. Osnovnyie nachala / Gerbert Spenser // Antologiya mirovoy filosofii. – М.: Myisl, 1971. Т. 3. – S. 608–620.
15. Ingold T. Evolution and Social life / Tim Ingold. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1986. – 454 p.
16. Alekseev P.V., Panin A.V. Filosofiya / P.V.Alekseev, A.V.Panin. – М.: TEIS, 1996. – 504 s.
17. Blauberger I.I. Anri Bergson / I.I.Blauberger. – М.: Progress-Traditsiya, 2003. – 661 s.

Popov V. B.

THE FORMATION OF THE EVOLUTIONARY THEORY: PRIVACY AND CLASSIC OF CONCEPTUAL COOPERATION

Classical evolutionism initially developed discretely in several areas of cognition: the natural sciences, the historical sociological and the socio-philosophical. The interaction between us was carried out in the form of conceptual interface, a conceptual link and conceptual implementation. The result was the universal theory of the evolution of G. Spencer. The crisis of linear-deterministic patterns of the universe led to a crisis of classical evolutionism.

Key words: *classical evolutionism, general theory of evolution, biological theory of evolution, theory of social evolution, Lamarckism, Darwinism, social Darwinism, conceptual interface, conceptual link, conceptual implementation.*

Попов Василий Борисович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск.

Попов Vasily Borisovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Lugansk National Taras Shevchenko University (Lugansk, Lugansk Peoples Republic).
E-mail: Itsucots@yandex.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, директор института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 14.10. 2017

УДК 378.011.3–057.1:614.23/.25

ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Юсеф Ю.В.

SPEFIFICS OF HUMANITARIZATION OF EDUCATION IN MEDICAL UNIVERSITY

Yusef Yu.V.

В рамках антропоориентированной парадигмы образования феномен гуманитаризации является важным фактором формирования личности специалиста. Особую актуальность приобретает гуманитаризация в медицинском образовании. Статья посвящена рассмотрению гуманитарной составляющей подготовки будущих врачей. Проанализированы особенности гуманитаризации учебного процесса в условиях медицинского вуза. Выделены некоторые факторы, влияющие на эффективность гуманитаризации учебного процесса в медицинском вузе.

Ключевые слова: антропоориентированная парадигма образования, гуманитаризация образования, гуманитаризация образования, личность врача, профессиональная культура врача.

Введение. Прогресс, который наблюдается сегодня в сфере медицины, либерализация и информатизация культуры, вовлечение медицины в систему рыночных отношений требуют особого внимания к формированию личности врача. Приоритетным заданием современной системы высшего медицинского образования является формирование компетентных врачей, которым присуща культура поведения, этика профессионального и межличностного общения.

Проблема формирования личности студентов-медиков в различных ракурсах находит свое отражение в работах последних лет: личностное и профессиональное становление будущего врача (О.Гуменюк, Т.Скрябина, Я. Цехмистер); развитие профессиональной культуры медицинских работников (О.Крсек, С.Хлестова); формирование профессионально-этической культуры будущего врача (А.Агаркова, С.Бухальская, Е.Уваркина).

Одним из основных направлений современной педагогической науки является развитие гуманистической парадигмы образования, направленной на формирование личности будущего специалиста. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос гуманитаризации и

гуманитаризации образования при подготовке будущих врачей.

Современные ученые разграничивают понятия «гуманизация» и «гуманитаризация» образования.

Л.В. Ягенич и М.Е. Акулова, ссылаясь на толковый словарь обществоведческих терминов, рассматривают гуманизацию образования как создание необходимых условий для формирования активной деятельной личности на принципах гуманизма и на основе общечеловеческих ценностей, считая гуманизацию образования стратегическим инновационным направлением в развитии медицинских вузов [8].

В.А. Гордашников и А.Я. Осин считают гуманизацию целью формирования личности, а гуманитаризацию – средством достижения этого. Как считают авторы, гуманитаризация образования заключается в создании новой программы формирования духовного мира человека в условиях техногенной цивилизации XXI века [4].

Важность гуманизации и гуманитаризации образования подчеркивает Е.В. Белоконева, считая, что это особенно важно при обучении студентов медицинских вузов, поскольку они имеют дело с жизнью и здоровьем людей [2].

Н.К. Тузельбаев и Г.А. Дуцанова рассматривая медико-социальные аспекты гуманизации медицинского образования, подчеркивают особую значимость гуманитарных дисциплин в медицинском образовании, т.к. стремительное развитие технологий может привести к «дегуманизации» медицины [7].

Таким образом, современные ученые считают феномен гуманизации и гуманитаризации в медицинском образовании важной составляющей в формировании личности врача.

Целью работы является рассмотрение воспитательного потенциала некоторых дисциплин гуманитарного цикла в системе высшего медицинского образования, выделение ряда проблем в процессе гуманитаризации высшего медицинского образования.

Актуальность работы заключается в необходимости воспитания врача гуманистической направленности, владеющего знаниями, умениями и навыками на современном уровне. Однако на сегодняшний день в высшем медицинском образовании существует ряд противоречий между:

- падением уровня общей культуры в обществе и необходимостью ее проявления в системе межличностных отношений;

- социальной потребностью подготовки гуманистически ориентированного врача и реальной возможностью такой подготовки;

- новой антропоориентированной педагогической парадигмой в образовании и доминированием в современном образовательном пространстве репродуктивных методов, авторитарных форм обучения.

Профессия врача принадлежит к категории типа «человек-человек».

По мнению студентов-медиков, врачу должны быть присущи такие черты, как уравновешенность, эмоциональный контроль, оптимизм, дисциплинированность, сила воли, уверенность в себе, гибкий и острый ум, психологическая компетентность, эрудированность, желание сотрудничать с пациентами [6]. Развитию этих качеств может способствовать правильно организованный учебный процесс, направленный на воспитание у студента гуманистических ценностей. Предметы гуманитарного цикла обладают значительным воспитательным потенциалом.

Понятие «гуманитаризация учебного процесса» включает два важных аспекта: гуманитарные знания в широком смысле (то есть все науки о человеке, а также сведения из таких важных сфер культурной жизни, как литература и искусство) и гуманистическое воспитание, которое утверждает гуманистическую нравственность, то есть признание ценности человека как личности и утверждения блага человека как критерия оценки общественных отношений.

Мы убеждены, что образование врача, который занимается лечебной практикой, не должно и не может ограничиваться одним только комплексом профессиональных медицинских знаний, хотя им принадлежит, несомненно, важнейшее и первостепенное место.

В процессе профессиональной подготовки будущих врачей особенное место имеют общекультурное развитие и моральное воспитание. Из-за того что на изучение гуманитарных дисциплин, которые имеют значительный воспитательный потенциал, отводится немного времени, учиться будущим врачам сегодня надо основательно, экономно и быстро, важно максимально использовать возможности учебного процесса, чтобы научить студентов профессионально мыслить, а потом и действовать. В связи с этим эффективным является применение произведений искусства в учебном процессе. Самые

сложные моральные понятия и категории становятся доступными и актуальными для студентов, т.к. искусство, обладая имманентной гуманистичностью и непосредственно влияя на культуру чувств, помогает через личное понятие общечеловеческие ценности. Искусство содержит в себе огромный воспитательный потенциал и познавательную информацию, служит средством самопознания личности, является специфическим каналом связи. Это особенная знаковая система, которая имеет свой код [5].

Таким образом, применение комплекса искусств в процессе профессиональной подготовки будущих врачей позволяет через духовность открыть для них доступ к важнейшим моральным понятиям, которыми являются любовь, совесть, чувство долга, красота и профессиональная культура. Знакомство с мировой культурой в плоскости исторической типологии позволяет будущему врачу получить необходимые ему представления о предметах и явлениях, их функциональных возможностях, о формах и средствах духовно-практического и главное — морального освоения человеком мира на разных этапах развития цивилизации.

Понять сложный душевный и духовный мир человека удастся только тем врачам, которые понимают и уважают его как в себе, так и в других, формируя отношение к пациенту как к неповторимой личности, то есть целостного человека, который владеет не только физической, но и душевной, и духовной сущностями.

Справедливым является утверждение о том, что без педагогических и социальных знаний также невозможно профессиональное становление будущего врача. Источники профессионального становления специалистов находятся в социальном окружении. Велико влияние философии на процесс морального воспитания студентов, их социальной ответственности. И дело не в том, чтобы концентрировать внимание студентов на тех или других этических понятиях. Главное – выработать у них потребность постоянного рассуждения над основными моральными ценностями человеческого бытия.

Отметим, что важнейшим заданием гуманитарной подготовки студентов является развитие мировоззрения молодых специалистов. В процессе становления мировоззрения происходит последовательное формирование таких качеств личности, как чувство новизны, реализма и смелости в постановке и решении разных вопросов, то есть идет процесс развития культуры мышления, важнейшего содержания культуры личности в целом.

Общая гуманитарная культура дает более широкое ориентирование деятельности врача. Решая сложные задачи, он не сможет не учитывать гуманистические аспекты — экологические

проблемы, физическое и духовное здоровье человека [9].

Собственно мировоззренческий аспект дает возможность к овладению студентами той суммой знаний, которые отображают как общую современную картину мира, так и социальную действительность. Но вместе с суммой знаний студент должен овладеть и основными законами научного мышления, его творческим характером. История многих диагностических шедевров С.Боткина, В.Образцова и других ученых свидетельствует о том, что правильная интерпретация заболевания является иногда выражением вдохновения, возникающего на основе каких-то неясных ассоциаций в комплексе с глубокими знаниями и гуманным отношением к больному. Теперь вряд ли кто-то будет сомневаться в том, что для раннего и правильного распознавания болезни, а главное, для успешного лечения больного, необходим теснейший контакт врача и пациента, взаимное доверие, проникновение в тайные переживания и надежды страдающего человека [3].

Очень важным является то, что знанием может называться только то знание, которое прошло через чувство и волю человека, знание, которое действует как новая жизнь. Знания не могут не пронизываться моральным безразличием к человеческой жизни

Необходимо также вспомнить роль этики, в центре внимания которой – человек и его взаимоотношения с другими людьми, способствующими становлению современного врача.

Именно с этого начинается приобщение к основам моральной культуры личности. Преподаватель должен влиять не только на рациональную сферу сознания студентов, но и на эмоциональную, не только формировать моральные установки, но и содействовать развитию, воспитанию культуры чувств студентов. Любая работа врача требует от него самостоятельной практической деятельности, связанной с творческой активностью, поиском возможностей реализации ее результатов, способностью принимать решение в нестандартных ситуациях, что в значительной степени актуализирует этические знания. Врачебная этика направлена на формирование таких моральных качеств, как добросовестность, личностная честность и ответственность. Врачебная этика призвана также создавать благоприятную атмосферу взаимопонимания в трудовом коллективе [1].

Результаты исследований. В процессе профессиональной подготовки будущих врачей особое место занимают общекультурное развитие и моральное воспитание.

Основной составляющей идеального образа врача является высокий уровень профессиональных знаний и высокие моральные качества. По нашему убеждению, вопросы формирования культуры

будущего врача должны быть ключевыми в учебно-воспитательном процессе медицинских вузов. Именно поэтому для решения этого задания разработаны программы соответствующих учебных предметов, курсов, факультативов, подготовлены учебно-методические материалы, издания, которые бы обеспечили их качественное преподавание. Однако ситуация осложняется тем, что студенты первых курсов имеют довольно слабую гуманитарную подготовку, низкую способность к восприятию необходимой информации по предметам гуманитарного цикла и низкую мотивацию к изучению гуманитарных дисциплин.

Анализируя содержательный потенциал гуманитарных дисциплин в формировании личности студентов-медиков, мы выявляем ряд негативных моментов. Несмотря на увеличение часов дисциплин гуманитарного цикла в медицинских вузах, эффективность их значительно снижается за счет того, что все эти дисциплины изучают на I – II курсах, когда студенты усваивают базовые знания по основным профильным предметам.

Выводы. 1. Формирование высокопрофессионального врача, обладающего высокими моральными качествами, является важным заданием современного медицинского образования.

2. Гуманитаризация высшего медицинского образования является эффективным способом формирования личности будущих врачей.

3. Существует ряд особенностей, присущих высшему медицинскому образованию, которые необходимо учитывать при организации учебного процесса и изучении гуманитарных дисциплин.

Литература

1. Агаркова А. О. Формування професійно-етичної культури майбутніх лікарів у вищому навчальному закладі. / А. О. Агаркова. – автореф. на здобуття наук. ступ. канд. пед.наук. – Луганськ, 2010. – 21 с.
2. Белоконева Е.В. Гуманитаризация и гуманизация высшего медицинского образования // Наука и бизнес: пути развития. – 2012. – №4. – С.29-33
3. Глузман А. В. Университетское педагогическое образование: опыт системного исследования : монография / А. В. Глузман. – Киев : Вид. центр «Просвіта», 1996. – 312 с.
4. Гордашников В. А., Осин А. Я. Образование и здоровье студентов медицинского колледжа. – М.: Академия естествознания, 2009. - 395 с.
5. Касьянова О. В. Комунікативна компетентність у підлітків: / О. В. Касьянова. – Луганськ, 2009. – 345 с.
6. Кожанова М.В. Задоволеність роботою лікарів, як суб'єктивний критерій професійної придатності //Актуальні проблеми психології. Том Х. Частина 5. – К.: Главник, 2008. – С. 275-284.
7. Медико-социальные аспекты гуманизации высшего медицинского образования / Н.К. Тузельбаев, Г.А. Душанова // Вестник КазНМУ: электрон. журн. 2014. Режим доступа URL: <https://kaznmu.kz/press> (дата обращения 10.10.2017).
8. О проблеме гуманизации высшего медицинского образования / Л.В. Ягенич, М. Е. Акулова // Наукові

записки [Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова]. Серія : Педагогічні та історичні науки. - 2013. - Вип. 112. - С. 225-231.

9. Роль психотренінгу в підвищенні комунікативної компетентності вчителів / К. Кальницька, В. Левицький // Післядипломна освіта педагогічних кадрів: проблеми розвитку : матеріали звіт. наук. конф. (Київ, 31 жовт. – 1 лист. 1996 р.) / за ред. М. І. Дробнохода, С. В. Крисюка, Г. А. Дмитренко та ін. – К. : УІПККО, 1997. – С. 219 – 226.

References

1. Agarkova A. O. Formuvannya profesijno-etichnoi kul'turi majbutnih likariv u vishnomu navchal'nomu zakladi. / A. O. Agarkova. – avtoref. na zdobuttja nauk. stup. kand. ped.nauk. – Lugans'k, 2010. – 21 s.

2. Belokoneva E.V. Gumanitarizacija i gumanizacija vysshego medicinskogo obrazovanija// Nauka i biznes: puti razvitija. 2012. №4. S.29-33

3. Gluzman A. V. Universitetskoe pedagogicheskoe obrazovanie: opyt sistemnogo issledovanija : monografija / A. V. Gluzman. – Kiev : Vid. centr «Prosvita», 1996. – 312 s.

4. Gordashnikov V. A., Osin A. Ja. Obrazovanie i zdorov'e studentov medicinskogo kolledzha. M.: Akademija estestvoznaniya, 2009. - 395 s.

5. Kas'janova O. V. Komunikativna kompetentnist' u pidlitkiv: / O. V. Kas'janova. – Lugans'k, 2009. – 345 s.

6. Kozhanova M.V. Zadovolenist' roboju likariv, jak sub'ektivnij kriterij profesijnoi pridatnosti //Aktual'ni problemi psihologii. Tom X. Chastina 5. - K.: Glavnik, 2008. - S. 275-284.

7. Mediko-social'nye aspekty gumanizacii vysshego medicinskogo obrazovanija/ N.K.Tuzel'baev, G.A.Dushhanova // Vestnik KazNMU: jelektron. zhurn.2014. Rezhim dostupa URL: <https://kaznmu.kz/press> (data obrashhenija 10.10.2017)

8. O probleme gumanizacii vysshego medicinskogo obrazovanija / L. V. Jagenich, M. E. Akulova // Naukovi zapiski [Nacional'nogo pedagogichnogo universitetu im. M. P. Dragomanova]. Serija : Pedagogichni ta istorichni nauki. - 2013. - Vip. 112. - S. 225-231.

9. Rol' psihotreningu v pidvishhenni komunikativnoi kompetentnosti vchiteliv / K. Kal'nic'ka, V. Levic'kij //

Pisljadiplomna osvita pedagogichnih kadriv: problemi rozvitku : materiali zvit. nauk. konf. (Київ, 31 жовт. – 1 list. 1996 г.) / за ред. М. І. Дробнохода, С. В. Крисюка, Г. А. Дмитренко та ін. – К. : УІПККО, 1997. – С. 219 – 226.

Yusef Yu.V.

SPECIFICS OF HUMANITARIZATION OF EDUCATION IN MEDICAL UNIVERSITY

In the context of anthropo-oriented paradigm of education the phenomenon of humanitarianization is an important factor of forming personality of a specialist. Humanitarization in medical education is a matter of special actuality. The article is devoted to humanitarian component of the training of future doctors. The specifics of humanitarianization of educational process in medical university were analyzed. The factors that effect humanitarianization of educational process in medical university were singled out.

Key words: anthropo-oriented paradigm of education, humanization of education, humanitarianization of education, the personality of a doctor, professional culture of a doctor.

Юсеф Юлия Владимировна – к. пед. н., доцент кафедры социальной медицины и экономики здравоохранения, ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет имени святителя Луки», г. Луганск

Yusef Yulia Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of the Department of Social Medicine and Health Economics, Lugansk State Medical University of St. Luke, Lugansk People Republic, Lugansk.

E-mail: j.yusef@mail.ru

Рецензент: **Черных Ирина Александровна** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социальных и гуманитарных наук ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет имени святителя Луки», г. Луганск

Статья подана 14.10. 2017

УДК 378.4; 316.74:001

АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕЙТИНГОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Герасимов А.В.

ANALYSIS OF GLOBAL RATING SYSTEM OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Gerasimov A.V.

Рассматриваются подходы к формированию рейтингов высших учебных заведений. Анализируются наиболее известные международные университетские рейтинги. Сравниваются теоретико-методологические подходы и основные принципы составления университетских рейтингов. Анализируется применение различных критериев и индикаторов оценки. Сделан вывод о том, что с целью сравнения различных университетов может быть использована только довольно узкая группа универсальных, объективных и общих для всех высших учебных заведений критериев и индикаторов.

Ключевые слова: рейтинг, мониторинг, высшие учебные заведения, критерии оценки, индикаторы оценки, глобальное пространство, глобальное образовательное пространство.

Введение. Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что Российская Федерация (далее – РФ) пока не достигла необходимого уровня качества и доступности высшего образования в системе высших учебных заведений (далее – ВУЗ), что вполне оправдано может трактоваться как определенная дискриминация и нарушение конституционных прав и свобод граждан. Несмотря на государственную аккредитацию ВУЗов, их деятельность из-за ненадлежащего финансирования, недостаточной материальной и научно-технической базы и во многих случаях низкой (в сравнении с европейскими и мировыми аналогами) квалификации научно-педагогических работников является фактором низкого уровня качества подготовки и недостаточной профессионально-региональной мобильности на рынке труда их выпускников. Действительно, общеизвестным является то, что лишь немногие выпускники отдельных ВУЗов РФ пользуются большим спросом на рынке труда. Кроме этого, многие работодатели, даже при условии наличия свободных должностей, отказывают выпускникам в приеме на работу по мотивам наличия «диплома не того учебного заведения», несмотря на то, что все

лицензированные и аккредитованные ВУЗы РФ выдают своим выпускникам дипломы единого государственного образца.

Российские университеты чаще всего вообще не представлены в международных университетских рейтингах. По мнению отечественных специалистов, более или менее успешная интеграция российского образования в глобальное образовательное пространство как приоритетное направление государственной политики получает достаточно сильный аргумент в свою пользу. Имеющаяся отечественная сеть ВУЗов представляется недостаточно результативной и эффективной из-за ее «замкнутости в себе», что проявляется в несоответствии учебных программ и квалификаций запросам общества. Кроме того, не осуществляется постоянный мониторинг качества высшего образования, оценки деятельности учебных заведений и обнародования его результатов.

Современный университет мирового класса предусматривает реальное и осязаемое пребывание соответствующего научно-производственно-образовательного учреждения в глобальном пространстве. Поэтому успешная интернационализация – это необходимая предпосылка вхождения в элитный клуб лидеров современного образования и науки. И если до недавнего времени уровень интернационализации измерялся процентом иностранных преподавателей и студентов, то в течение последнего десятилетия возникает и активно формируется новый модус интернационализации, система международных университетских рейтингов, одновременно выполняющих роль «судьи и медиатора» современной академической ойкумены. Действительно, инструментальная миссия рейтингов заключается в том, чтобы сравнивать учебный и исследовательский потенциал университетов и тем самым определять пути их реформирования и дальнейшего развития. И, что еще важнее, в процессе этого сравнения рейтинги констатируют

содержательное поле «идеального типа» (в веберовском понимании этого термина) современного университета как учебного, научно-исследовательского и инновационного центра общества знаний [4].

Как и любое социальное пространство, глобальное образовательное пространство имеет тенденцию к образованию собственных иерархий и, соответственно, формирует определенную технологию легитимации присутствующих в нем национальных университетов, как элитных (лучших, ведущих), так и обычных (рядовых). Создание глобального образовательного пространства предусматривает вхождение в него лучших национальных университетов, поэтому нахождение инструмента объективного определения «лучшего среди лучших» является основанием для легитимации де-факто существующих иерархий. В этом контексте феномен возникновения в XXI веке и стремительного развития международных университетских рейтингов может рассматриваться как своеобразный механизм создания соответствующего инструмента легитимации [1].

По этому поводу Александр Маккормик отмечает, что преимущество, которое предоставляется критериям, которые легко измеряются, – это момент, который наиболее легко раскритиковать при составлении как рейтингов, так и классификаций [8]. Оба подхода к сравнению предусматривают возведение сложной, многомерной реальности к ограниченному числу критериев, которые определяют место образовательного учреждения в предложенной системе. Другими словами, мы имеем дело с процессом симплификации, упрощения. Поэтому главная задача составителей рейтингов – опираться при этом упрощении на наиболее важные, фундаментальные критерии [8].

На этот аспект обращают внимание и другие западные исследователи, прежде всего, Саймон Маргинсон и Марийк ван дер Венде [7]. Они утверждают, что любая система рейтингования обусловлена целью, которую ставят перед собой исследователи, поэтому она опирается на убеждения и ценности, в соответствии с которыми формируются методы сравнения и оценки. В этом смысле все системы рейтингования не в полной мере отражают реалии высшего образования (например, успехи в проведении научных исследований университета ничего не говорят о реальном состоянии бизнес-образования или преподавания специальных технических дисциплин) и несут определенную погрешность [2].

Ключевой тезис заключается в том, что рейтинги формируют иерархию (или, используя термин Бодрийяра, «симулякр иерархии») [2] де-факто существующего глобального образовательного пространства, легитимируя дихотомическое деление университетов,

присутствующих в этом пространстве, на элитные и обычные (рядовые).

Изложение основного материала. Практика составления университетских рейтингов насчитывает уже более четверти века (первый университетский рейтинг, напечатанный в журнале *US News & World Report*, появился в США в 1983г.).

В течение последних 10-15 лет в разных странах мира начали разрабатываться и широко применяться разнообразные методологии и подходы к определению рейтингов университетов, или, как их называют в Великобритании, «таблиц лиг» (*league tables*). Такая работа постепенно стала выходить за национальные рамки и приобретать региональный и международный характер. Определение интегрального показателя качества деятельности ВУЗов, каков их рейтинг, в первую очередь обусловлено необходимостью взаимного признания учебных программ и университетов в Болонском пространстве. Оно также обусловлено потребностями как рынка труда, с целью его ориентации на выпускников тех или иных университетов, так и абитуриентов и их родителей во время выбора места будущей учебы. Постоянное определение и обнародование рейтингов университетов порождает, помимо прочего, и здоровую конкуренцию между ними, существенно способствует повышению качества их работы.

Роль мировых координаторов по наработке и применению названных методологий и подходов взяли на себя Институт стратегии высшего образования (*Institute for Higher Education Policy*, Вашингтон, США) и Европейский центр ЮНЕСКО в сфере высшего образования (*ЮНЕСКО – СЕПЕС*, Бухарест, Румыния).

Они стали изучать и обобщать все наработки в этой области для разных стран и регионов мира и проводить международные конференции, «круглые столы» и встречи по данной проблематике.

Очевидно, что высокое место в академическом рейтинге является очень удобным инструментом для маркетинга и продвижения университетов и учебных программ. Но есть также еще один важный момент – институциональное применение академических рейтингов, поскольку сегодня на них часто ссылаются в политических документах, рекламных материалах и различных видах сравнительного анализа экономического и культурного потенциала стран, регионов и прежде всего крупных городов.

Перечисленные тенденции подтверждаются соответствующими исследованиями. Например, недавно опубликованный отчет Совета по финансированию высшего образования Англии был с таким заголовком: «Учитывать то, что измеряется. Измерять то, что имеет значение. Таблицы рейтингов и их влияние на высшие учебные заведения в Англии». При составлении этого документа учитывались пять видов рейтингов (*The Sunday Times Good University Guide*, *The Times Good*

University Guide, The Guardian University Guide, The Academic Ranking of World Universities (рейтинг, опубликованный Шанхайским университетом Jiao Tong) и рейтинг The Times Higher Education/Quacquarelli Symonds). Основная задача, поставленная перед составителями отчета, – исследование того, как ВУЗы реагируют на рейтинги, и определение степени их влияния на принятие решений на институциональном уровне.

Авторитетными международными рейтингами в современном мире являются Шанхайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities) и рейтинг Таймс (THE-QS World University Rankings).

Первым из международных университетских рейтингов стал составленный в июне 2003 года Институтом высшего образования Шанхайского университета (Китай) «Рейтинг университетов мирового класса» («Ranking of World Class Universities»), или Шанхайский рейтинг. Изначальная цель составления данного рейтинга была, – оценить уровень отставания китайских университетов от ведущих университетов на мировом уровне. После обнародования этот рейтинг получил множество положительных отзывов и сейчас считается одним из самых авторитетных и взвешенных международных рейтингов ВУЗов.

При составлении рейтинга упор был сделан на исследовательскую деятельность в сфере науки и технологии, поскольку это именно те направления, в которых Китай стремился укрепить свои позиции. В методологическом плане был сделан упор на легкодоступные источники данных: открытая информация по лауреатам различных премий, количество изданий, индексы цитирования и тому подобное.

В Шанхайский рейтинг были включены все ВУЗы, где учились или работали лауреаты Нобелевской премии, обладатели высшей премии по математике – Филдсовской, наиболее часто цитируемые исследователи, а также университеты/институты, представители которых часто публикуются в авторитетных научных журналах. Кроме этого, в выборку попали университеты всех стран, опубликовавшие значительное количество работ, включенных в Расширенный индекс научного цитирования (SCIE), Индекс цитирования в области социальных наук (SSCI) или Индекс цитирования в области искусств и гуманитарных наук (АНЦИ). Опираясь на приведенные критерии, в рейтинг попало более тысячи университетов. Список пятисот лучших ВУЗов был опубликован в Интернете. Заметим, что ни одного украинского ВУЗа среди пятисот лучших университетов мира нет. Россия в этом рейтинге представлена двумя университетами – Московским государственным университетом им. М. Ломоносова (77-е место в 2009 году) и Санкт-Петербургским государственным университетом (в четвертой сотне) (см. табл. 1).

Таким образом, для того чтобы составить список из пятисот лучших университетов, исследователи анализируют данные, которые получают из нескольких тысяч университетов разных стран мира. Среди преимуществ Шанхайского рейтинга можно отметить понятность и универсальность индикаторов, в соответствии с которыми происходит оценивание, и открытость данных, которые используются в процессе составления рейтинга. К тому же эти данные берутся из авторитетных источников, признанных во всем мире. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что методика расчета рейтинга за последние годы не претерпела существенных изменений.

Согласно принципам Шанхайского рейтинга, рейтинг университетов мирового уровня рассчитывается по следующим критериям:

1) качество образования (10,0%), что определяется количеством выпускников университета, получивших Нобелевскую премию или особые отличия в своих областях (в частности медали Всемирного союза математиков);

2) уровень преподавателей (20,0%), рассчитываемый в двух субкатегориях: количество преподавателей – лауреатов Нобелевской премии (10,0%) и специальное отличие в своих отраслях (10,0%);

3) частота цитирования работ преподавателей в 21 предметной категории по версии ISI Highly Cited – 20,0%;

4) результативность научных исследований (40,0%), которая определяется, исходя из количества публикаций в ведущих академических журналах мира;

5) своеобразная «академическая плотность» университета (10,0%), когда результаты, полученные по первым трем критериям, делятся на количество постоянных преподавателей университета [5].

Таблица 1

Лучшие университеты мира по версии Шанхайского рейтинга 2010 [Ranking of World Class Universities 2010]

Место	Университет	Страна
1	Гарвард	США
2	Беркли	США
3	Стэнфорд	США
4	Массачусетский технологический институт	США
5	Кембридж	Великобритания
6	Калифорнийский технологический институт	США
7	Принстон	США
8	Колумбийский университет	США
9	Университет Чикаго	США
10	Оксфорд	Великобритания

Однако некоторые эксперты указывают на определенные недостатки этого рейтинга. Так, считается, что академический (Шанхайский) рейтинг лишь на официально-декларативном уровне базируется на формуле, которая учитывает в университетах количество выпускников-лауреатов и преподавателей – лауреатов Нобелевской и Филдсовской премий, индекс цитирования, размеры университетов и тому подобное. Более того, группа ученых из Франции и Бельгии, критически проанализировав в 2009 году Академический рейтинг в совместной статье «Вы действительно верите в Шанхайский рейтинг?», пришла к выводу, что критерии отбора, которые применяются в этом рейтинге, не являются релевантными, учитывая его цели, а его общая методология содержит значительные ошибки и страдает отсутствием внимания к фундаментальным вопросам структурирования и обработки данных. Их вывод однозначен: «Академический (Шанхайский) рейтинг, который получил столько внимания со стороны масс-медиа, не является пригодным и приемлемым средством для исследований и дискуссий вокруг «качества» академических (учебных) учреждений, не говоря уже о его роли как советчика при выборе студентами и их родителями университетов для обучения или по пропаганде реформ системы высшего образования. Мир нуждается в более научно-адекватных и качественных рейтингах, чем Шанхайский»[6].

Другой признанный рейтинг университетов всего мира, рейтинг Таймс, или THES – QS World University Rankings, впервые был опубликован в 2004 году и постоянно составляется из 200 университетов. В отличие от Шанхайского рейтинга, он использует не только объективные, но и субъективные индикаторы, в частности оценку коллег по академической среде и оценки работодателей. Оценка научно-исследовательской деятельности, которая почти в полной мере определяет Шанхайский рейтинг, составляет в рейтинге Таймс только часть общего «веса». Кстати, желанием усовершенствовать качество рейтинга его составители из «Таймс» объясняют изменение своего партнера (с 2010 вместо QS – это компания Томсон Рейтерс).

Как отмечают специалисты, методика рейтинга Таймс оценивает преимущественно маркетинговые показатели университета и его статусные параметры [2]. Эффективная репрезентация себя в информационном пространстве, удачная рекламная стратегия, положительный имидж, который ведет к признанию среди коллег, реальная интернационализация – эти параметры определяют успешность в современном мире как на индивидуальном, так и на институциональном уровне.

За время составления рейтинга ни один из украинских высших учебных заведений так и не попал в перечень ведущих университетов мира. Из

российских университетов в число 200 лучших университетов входят лишь Московский государственный университет им. М. Ломоносова, который демонстрирует устойчивую тенденцию к улучшению собственных позиций (155-е место в 2009 году, 183-е место в 2008 году, 231-е место в 2007 году), и Санкт-Петербургский университет (168-е место в 2009 году) (см. табл. 2).

При составлении рейтинга (рейтинг Таймс или THES – QS World University Rankings) британские исследователи опираются на следующие критерии:

1) имидж в академической среде, то есть, оценка университета со стороны ученых, преподавателей и представителей администрации других учебных заведений – 40,0%;

Таблица 2
Лучшие университеты мира по версии рейтинга Таймс 2009 [THE-QS World University Rankings 2009]

Место	Университет	Страна
1	Гарвард	США
2	Кембридж	Великобритания
3	Йель	США
4	Лондонский университетский колледж	Великобритания
5	Лондонский империял-колледж	Великобритания
6	Оксфорд	Великобритания
7	Университет Чикаго	США
8	Принстон	США
9	Массачусетский технологический институт	США
10	Калифорнийский технологический институт	США

2) оценка качества образования выпускников работодателями – 10,0%;

3) индекс цитирования научных работ сотрудников – 20,0%;

4) доля иностранных студентов – 5,0%;

5) доля иностранных преподавателей – 5,0%;

6) соотношение количества студентов к количеству преподавателей – 20,0%.

Составители рейтинга Таймс признают, что университетская жизнь не сводится к указанным критериям, и предлагают перечень индикаторов, которые следует привлечь к процессу рейтингования в будущем. Наиболее оправданы среди этих потенциальных индикаторов, на наш взгляд, следующие: средний уровень цен за обучение; годовой объем пополнения библиотечных фондов; качество университетского веб-сайта; базовые требования к абитуриентам, поступающим в университет; процент реального трудоустройства (и пребывания в должности не менее 3 лет) по

специальности среди выпускников; перечень предлагаемых учебных курсов (по данным составителей рейтинга, современные университеты в целом предлагают студентам около 65 тыс. курсов); наличие программ получения стипендий для обучения [2].

Новый рейтинг Таймс будет рассчитываться на основе 13 отдельных индикаторов (в дальнейшем возможно увеличение индикаторов до 16).

Эти индикаторы формируют 4 основных критерия, или комплексных индикатора. Наиболее весомым среди критериев является оценка научно-исследовательской деятельности университета (55,0%), которая состоит, в свою очередь, из 5 индикаторов:

- количество научных публикаций в расчете на одного сотрудника;
- индекс цитирования работ сотрудников;
- размер прибыли от научно-исследовательской деятельности в пересчете на одного научного сотрудника;
- размер фондов, дополнительно привлеченных для исследовательской деятельности от общественных организаций и реального сектора экономики;
- репутация университета как научно-исследовательского учреждения по итогам опроса представителей академического сообщества.

Вторым по весу критерием является оценка институциональных характеристик университета (25,0%). Она состоит из следующих индикаторов:

- 1) количество студентов в пересчете на одного преподавателя;
- 2) соотношение выпускников с докторской степенью (PhD) и выпускников с другими степенями;
- 3) оценка качества преподавания в университете со стороны академического сообщества;
- 4) размер прибыли университета в пересчете на одного сотрудника.

Третий критерий, который оценивает экономическую и инновационную активность университета (10,0%), в данном году состоит из одного индикатора – прибыль, полученная от научно-исследовательской деятельности от реального сектора экономики в пересчете на одного научного сотрудника. В дальнейшем этому критерию планируется добавить оценку количества работ, напечатанных совместно с партнерами, которые представляют реальный сектор экономики, а также оценку выпускников университета со стороны работодателей. И наконец, четвертый критерий оценивает уровень интернационализации университета (10,0%) и состоит из двух индикаторов:

- 1) соотношение иностранных и отечественных студентов;
- 2) соотношение иностранных и отечественных преподавателей [2].

Следует отметить, что общее количество индикаторов в новой методологии возросло с шести (в методологии THE-QS) до 13. К сожалению, пока не указан «вес» каждого конкретного индикатора, но можно констатировать тенденцию к увеличению значения финансовой деятельности университета в качестве критерия его эффективности. В целом же, по мнению авторов, использование именно комплексных критериев улучшит качество рейтинга и сделает его более объективным.

Несмотря на различие положенных в основу этих рейтингов методологий, исходные принципы их построения являются в определенной степени тождественными. Так, сравнивая Шанхайский рейтинг и рейтинг Таймс, немецкий исследователь Геро Федеркейль отмечает, что эти рейтинги объединяют общие подходы, несмотря на разницу предложенных индикаторов. Оба они оценивают университет в целом и используют принцип иерархической таблицы («league table approach»), при котором, как в футболе или теннисе, или шахматах, каждая команда (игрок) имеет определенную позицию, которая определяет ее статус. При этом подходе естественно, что, например, пятая позиция лучше восьмой или десятой [6].

Третий рейтинг университетов мира, который довольно часто упоминается в научной литературе, это рейтинг Вебометрикс, который рассчитывается специальной лабораторией Испанского национального исследовательского совета (Spanish National Research Council – SNRC), начиная с 2004 года [Ranking Web of World Universities]. В отличие от вышеприведенных рейтингов, он имеет несколько специфический характер, так как базируется на степени присутствия того или иного учебного заведения в глобальной сети Интернет.

С целью обобщения информации о научной деятельности в 1994 было образовано «Centro de Informaciun y Documentaciun Cientifica» (CINDOC) – центр официального документирования научной информации. На сегодняшний день «Cybermetrics Lab» является структурным подразделением совместного консорциума CINDOC-CSIC, который занимается количественным анализом ресурсов интернет-сети и отдельных веб-страниц с целью генерализации научных знаний, их унификации и рационального использования. Так сформировалось новое современное направление, получившее название Cybermetrics или Webometrics. В 2004 лабораторией Cybermetrics было начато проведение международного рейтинга университетов – «Webometrics Ranking of World Universities», который со временем стал традиционным с частотой проведения в 6 месяцев. Основной целью проекта является формирование логично мотивированного мнения о том, что ресурсы о научных и учебных достижениях университетов, которые ими предоставляются и размещаются на соответствующих сайтах сети Интернет, могут

использоваться не только для рекламы и научной популяризации, но и служить основой для количественной оценки деятельности ВУЗов. При этом предложенная методология исследования, в частности индикаторы, коррелируются с основными параметрами классических наукометричных и библиометрических исследований.

Следует обратить внимание на то, что, по мнению авторов метода, изложение информации о научных и учебных достижениях в сети Интернет в некоторых случаях является более показательным, чем обычное, традиционное – в печатной форме. Считается, что электронные издания более дешевые по сравнению с другими источниками, а также более доступны для широкого круга пользователей.

Стоит также отметить, что во внимание принимаются не только информационные материалы, представленные в официальных электронных изданиях (электронные журналы, библиотеки, базы данных и т.д.), а также и те, что носят неформальный характер (форумы, проблемы для обсуждения, дискуссионные группы и т.д.). «Cybermetrics Lab» разработала принципиально новую систему рейтинга, которая предусматривает оценку деятельности ВУЗов по критериям, которые носят достаточно широкий и специфический характер (см. табл. 3).

В отличие от традиционных рейтингов (в частности ранжирование университетов, которое проводит рейтинговая комиссия института ВО Шанхайского университета (The Ranking Group Institute of Higher Education of Shanghai Jiao Tong University), который является одним из самых престижных), в рейтинге Webometrics оцениваются не столько реальные количественные показатели достижений, сколько возможность доступа к ним через сеть Интернет. Предложенные критерии и принципы формирования рейтинга Webometrics должны стимулировать мотивацию как ВУЗов, так и отдельных их сотрудников к постоянному, систематическому и общедоступному сетевому присутствию, что, по мнению авторов рейтинговой системы, вполне отражает их деятельность и достижения.

Характерной чертой рейтинга Webometrics является привлечение большого количества ВУЗов из многих стран мира. При этом для анализа отбираются те учебные заведения и научные учреждения, которые имеют собственный сетевой домен. Предложен также показатель оценки деятельности – WIF (WEB Impact Factor), который предусматривает количество ссылок в Сети и количество соответствующих веб-страниц. В модели ранжирования на основании анализа сетевого присутствия ВУЗов определено 4 обобщающих направления, которые предусматривают анализ деятельности по следующим разделам:

1. Объем (S – Size). Оценивается по количеству веб-страниц, которые могут быть открыты через

наиболее значимые поисковые серверы. Этот параметр важен для оценки деятельности ВУЗа, поскольку указывает на возможность выхода университета на международный рынок информационных услуг. Мощная сетевая структура ВУЗа может привлечь внимание потенциальных студентов и ученых из разных стран мира.

Таблица 3
Сравнительная характеристика параметров оценки деятельности ВУЗа в различных рейтинговых системах

Параметр	Рейтинг Webometrics	Шанхайский рейтинг
Количество проанализированных ВУЗов, единиц	15000	3000
Количество вузов, представленных в конечном рейтинге, единиц	5000	500
Качество высшего образования		по количеству выпускников ВУЗов, которые получили Нобелевскую премию или особые отличия в своих отраслях
«Академический размер» ВУЗа	объем веб-страниц	«академическая плотность» ВУЗов
Научные достижения	количество прикрепленных файлов к другим веб-страницам, единиц	количество преподавателей-лауреатов Нобелевской премии и специального отличия в своих отраслях
	демонстрация документов на популярных поисковых серверах (15,0 %)	частота цитирования работ преподавателей в 21 предметной категории
	удобство и легкость доступа к основным ресурсам	результативность научных исследований (40,0%), которая определяется, исходя из количества публикаций в ведущих академических журналах мира

2. Видимость (V – Visibility). Предусматривает оценку общего количества внешних ссылок и ссылок, к которым можно получить доступ через поисковые серверы. Аналогично библиографическому цитированию печатных изданий, количество ссылок и вебссылок указывает

на доступность, важность и актуальность изложенного материала.

3. Прикрепленные файлы (R – Rich files). Определяет деятельность ВУЗа и его сотрудников по количеству документов, представленных в разных форматах, в том числе Adobe Acrobat (.pdf), Adobe PostScript (.ps), Microsoft Word (.doc), Microsoft Powerpoint (.ppt) и др.

4. Научные достижения (Sc – Scholar). Оценка производится по количеству статей, отчетов, научных материалов, представленных в научной базе данных Google. Рейтинг Webometrics готовится, как правило, с использованием данных, полученных в сети Интернет с помощью наиболее значимых поисковых серверов: Google, Yahoo, Live Search и тому подобное.

Распределение баллов по основным критериям деятельности ВУЗов по этой методике структурировано следующим образом:

- Видимость (V - Visibility) – 50,0%;
- Объем (S – Size) – 20,0%;
- Прикрепленные файлы (R – Rich files) – 15,0%;
- Научные достижения (Sc – Scholar) – 15,0%.

Расчет результирующего показателя рейтинга осуществляется методом суммирования и расчета по формуле: $P = 4 \times V + 2 \times S + 1 \times R + 1 \times Sc$ [3].

Следует отметить, что во многих случаях данные результата рейтинга Webometrics недостаточно точные, а критерии слишком широкие для того, чтобы уверенно определить однозначное положение ВУЗов в таблице о рангах. Поэтому рейтинг распределяет университеты на 9 групп:

- 4000 лучших вузов мира (Топ-4000);
- премьер-лига (100 лучших ВУЗов мира);
- лучшие вузы США и Канады;
- лучшие вузы Латинской Америки;
- лучшие ВУЗы Европы (Топ-Европы);
- лучшие ВУЗы Азии (Топ-Азии);
- лучшие ВУЗы Востока;
- лучшие ВУЗы стран Океании;
- лучшие ВУЗы Африки.

Как известно, на сегодняшний день в Топ-50 вузов рейтинга Webometrics входит 42 университеты США, 2 – Великобритании, 2 – Канады, по 1 – Австралии, Швейцарии, Финляндии и Норвегии. В первой тройке – Массачусетский технологический институт, Стэнфорд и Гарвард. Отметим, что первые 24 места занимают исключительно университеты США, на 25 месте университет г. Торонто (Канада). Среди европейских университетов наивысшая позиция у Оксфордского университета (37 рейтинговое место) [3]. Таким образом, в рейтинге Webometrics используется достаточно узкая группа универсальных, объективных и общих для всех ВУЗов критериев и индикаторов, что дает возможность сравнить между собой разные университеты – по направлению, по специфике научно-исследовательской и учебной работы, по историческим традициям и тому подобное.

Таблица 4

Лучшие университеты мира по версии рейтинга Вебометрикс 2010

Место	Университет	Страна
1	Гарвард	США
2	Массачусетский технологический институт	США
3	Стэнфорд	США
4	Беркли	США
5	Корнельский университет	США
6	Университет Вашингтона	США
7	Университет Миннесоты	США
8	Университет Джона Хопкинса	США
9	Университет Мичигана	США
10	Университет Висконсин Мэдисон	США

Для разработки редакции рейтинга Вебометрикс, которая была напечатана в июле 2007 года, было проанализировано 13043 сайта университетов и 4554 сайтов научно-исследовательских учреждений. В результате этого сформировался рейтинг 4000 лучших университетов мира. В редакции рейтинга, составленного в январе 2009 года, среди этих 4000 университетов есть 15 украинских [Rank of Universities of Ukraine]. Лучшие из них – это Национальный университет им. Тараса Шевченко (1283 место), Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (1440 место) и Львовский национальный университет им. Ивана Франко (1612 место). Как видим, результаты этого рейтинга для украинской системы высшего образования тоже не вызывают оптимизма. Репрезентация университета в Интернете и наличие соответствующих виртуальных ресурсов и серверов – все это тоже конституирует иерархию глобального образовательного пространства, а, следовательно, выступает фактором легитимации элитности в нем. В этой связи подход, предложенный авторами рейтинга Вебометрикс, может рассматриваться как «табель о рангах» виртуального пространства, экспансия которого определяет реальность настоящего (см. табл. 4).

Рейтинг Вебометрикс подсчитывается в соответствии со следующими индикаторами:

- 1) количество напечатанных интернет-страниц – 25,0%;
- 2) количество выставленных файлов в формате .pdf, .ps, .doc и .pps – 12,5%;
- 3) количество статей, которые находятся в Академической базе данных Гугл (Google Scholar Database) – 12,5%;
- 4) общее количество внешних ссылок – 50,0%.

Отметим, что ситуация в области международных рейтингов ведущих университетов не стоит на месте. Начиная с 2010 года, рейтинг Таймс как совместный проект ТНЕ и QS перестает существовать, а на его основе возникают два новых, потенциально влиятельных рейтинга. Это рейтинг мировых университетов Таймс (вместе с компанией Thomson Reuters в качестве исследовательского партнера) и рейтинг университетов мира QS. Кроме того, объявлено, что в 2011 году выйдет в свет Комплексный глобальный университетский рейтинг (Multi-Dimensional Global University Ranking), разработанный по заказу Европейской комиссии. В своем рейтинге университетов мира QS будет опираться на уже разработанную во время сотрудничества с Таймс методологию. Пятерка лучших мировых университетов по версии QS выглядит следующим образом [World University Rankings 2010]:

Таблица 5

Лучшие университеты мира по версии рейтинга QS 2011

Место	Университет	Страна
1	Кембридж	Великобритания
2	Гарвард	США
3	Йель	США
4	Лондонский университетский колледж	Великобритания
5	Массачусетский технологический институт	США

Упомянутую выше методологию разработчики нового рейтинга Таймс решили несколько изменить. Предварительная информация о новой методологии расчетов рейтингов появилась в начале июня 2010 года на сайте Times Higher Education (ТНЕ) и была вынесена на рассмотрение ведущих международных экспертов в области высшего образования.

В сентябре 2010 года были обнародованы и подсчитаны, согласно новой методике, результаты рейтинга Таймс-Томсон Рейтерс. Десятка лучших мировых университетов в 2010 году по их версии выглядит следующим образом (кстати, ведущие британские университеты Кембридж и Оксфорд получили в этом рейтинге одинаковый балл, который соответствует шестому месту в мире) (см. табл. 6).

В последнее время интенсивно разрабатывается европейский рейтинг мировых университетов U-Multirank, который уже в ближайшее время будет апробирован в пилотном режиме. Его появлению предшествовала разработка системы классификации ВУЗов, U-map, что дает возможность сопоставлять действительно сравнимые университеты. Таким образом, Европа сделала то, что США имеют уже более 35 лет.

Согласно этой классификации, каждый тип заведений будет иметь свой рейтинг, и составители не будут, образно говоря, сравнивать «зеленый с холодным». Этот рейтинг будет оценивать университетскую деятельность по пяти основным направлениям:

- 1) преподавание и обучение (четыре индикатора);
- 2) исследовательская активность (девять индикаторов);
- 3) передачи знаний (восемь индикаторов);
- 4) интернационализация (шесть индикаторов);
- 5) региональная включенность (пять индикаторов).

Таблица 6

Десятка лучших университетов мира в 2010 году по версии Таймс-Томсон Рейтерс [THE World University Ranking 2010-2011]

Место	Университет	Страна
1	Гарвард	США
2	Калифорнийский технологический институт	США
3	Массачусетский технологический институт	США
4	Стэнфорд	США
5	Принстон	США
6-7	Кембридж	Великобритания
6-7	Оксфорд	Великобритания
8	Беркли	США
9	Лондонский империял-колледж	Великобритания
10	Йель	США

Базовые методологические принципы данного рейтинга предполагают, что его результаты не будут суммироваться в общий балл. Также не будет фиксированного «веса» для отдельных индикаторов, и, соответственно, рейтинги будут интерактивными, или же пользовательскими. Результатами рейтинга станет не таблица университетов с четко определенными местами, а группы институтов с более или менее схожими показателями. Предполагается, что в пилотной стадии проекта будут участвовать 150 учебных заведений, распределенных на две основные группы:

- интернационально ориентированные исследовательские университеты, в которых магистры и аспиранты составляют не менее 30,0% от общего количества студентов, иностранные студенты – не менее 10,0%, а по библиометрическим показателям эти университеты входят в число пятисот лучших в мире;
- регионально ориентированные университеты, большинство студентов которых (более 70,0%) обучаются на уровне бакалаврата, а само учебное

заведение ориентировано на удовлетворение потребностей этого региона.

Результаты исследований. Подытоживая анализ методологии исследования международных университетских рейтингов, можно констатировать их значение как инструментов построения академических иерархий в образовательном пространстве, оценке элитности тех или иных учебных заведений. Поскольку вариативность подходов, репрезентированная основными индикаторами даже трех рассмотренных рейтингов, является неоспоримой, можно утверждать о трех академических иерархиях, которые де-факто существуют на сегодняшний день и получают оговоренную соответствующим рейтингом модель легитимации. Это представленная Шанхайским рейтингом научно-исследовательская иерархия, легитимированная рейтингом Таймс статусно-маркетинговая иерархия и представленная рейтингом Вебометрикс иерархия виртуального присутствия университета. Следует отметить, что новый рейтинг Таймс демонстрирует повышение веса оценки научно-исследовательского потенциала университета, что тоже, безусловно, отражает современные мировые тенденции в сфере высшего образования.

Таким образом, используя международные университетские рейтинги в сугубо инструментальной плоскости и опираясь на соответствующее научно-методологическое основание, можно определить элитный сегмент отечественного образовательного пространства. Но каким образом качество обучения в этом элитном секторе отвечает соответствующим мировым стандартам и требованиям к статусу элитного учебного заведения – это вопрос, который остается открытым.

Выводы. По результатам проведенного анализа можно сделать ряд выводов:

- ни один из современных рейтингов не является универсальным «мерилом» разносторонней деятельности ВУЗов, а лишь позволяет сравнить некоторые их показатели на основе использования тех или иных групп критериев (качество обучения, качество научных исследований и т.п.);

- с целью сравнения различных университетов может быть использована лишь достаточно узкая группа универсальных, объективных и общих для всех ВУЗов критериев и индикаторов;

- для более полной оценки уровня деятельности ВУЗа могут быть использованы также такие показатели, как данные, представленные в сети Интернет;

- электронные издания являются более дешевыми по сравнению с другими источниками информации, а также более доступными для широкого круга пользователей, и, как следствие, ранжирование ВУЗов в этом случае экономически более рационально и целесообразно.

Литература

1. Архипова Н. Рейтинг вузов как инструмент стратегического управления системой высшего образования / Н. Архипова, Н. Лепе, Н. Минаенкова // Человек и Труд. – №4, 2007. – Эл. вид. – Режим доступа к статье: <http://www.chelt.ru>
2. Курбатов С.В. О формировании рейтингов университетов в Украине / С. В. Курбатов // Педагогика и психология. – 2009. – № 3 (64) – С. 111 - 120.
3. Лесик Р.Б., Зименковский А.Б., Лопатинская А.И. Роль интернет-ресурсов как индикаторных показателей в определении рейтингов // Медицинская и фармацевтическая образование. – 2008. – №1. – С. 66 – 70.
4. Татарінов І.Є., Герасимов О.В. Методичні рекомендації щодо вивчення думки роботодавців та випускників стосовно рейтингу вищих навчальних закладів України. – Луганськ: ДУ НДІ соціально-трудових відносин, 2011. – 85 с.
5. Baker, 2007 "China's bid for world domination", BBC News, 17 November 2007 – Режим доступа к статье: <http://www.newsvote.bbc.co.uk>
6. Gero Federkeil Ranking and Quality Assurance in Higher Education // Higher Education in Europe. Vol. 33. № 2/3, July-October 2008. – P. 224
7. Simon Marginson and Marijk van der Wende To Rank or To Be Ranked: The Impact of Global Rankings in Higher Education // Journal of Studies in International Education. №11; 306, 2007. – P. 308-309.
8. McCormick A. The Complex Interplay Between Classification and Ranking of Colleges and Universities: Should the Berlin Principles Apply Equally to Classification? // Higher Education in Europe. Vol. 33. № 2/3, July-October 2008. – P. 209.

References

1. Arkhipova N. Reiting vuzov kak instrument strategicheskogo upravlenija sistemoi vysshego obrazovaniia / N. Arkhipova, N. Lepe, N. Minajenko // Chelovek i trud. – №4. 2007. – Rezhim dostupu do stat'i: <http://www.chelt.ru>
2. Kurbatov S.V. Pro formuvannia reityngiv universytetiv v Ukrajinі / S.V. Kurbatov // Pedagogika ta psykholohiia. – № 3 (64). 2009 – S. 111–120.
3. Lesyk R.B., Zimenkovskiy A.B., Lopatyn's'ka O.I. Rol' internet-resursiv yak indykatornykh pokaznykiv u vyznachenni reityngiv // Medychna ta farmatsevtichna osvita. – 2008. – №1. – S. 66 – 70.
4. Tatarinov I.Je., Gerasimov O.V. Metodichni rekomendatsii shchodo vyvchennia dumky robotodavtsiv ta vypusknikiv stosovno reityngu vyshchych navchal'nykh zakladiv Ukrainy. – Luhans'k: DU NDI sotsial'no-trudovykh vidnosyn, 2011. – 85 s.

Gerasimov A.V.

ANALYSIS OF GLOBAL RATING SYSTEM OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The author considers the problems of internationalization of modern higher educational establishments in the global educational process. The internationalization of higher educational establishments is carried out in the process of forming of certain hierarchies, in the shape of international university rankings. An intermediate conclusion about the statement that development of international university rankings can be viewed as a kind of mechanism of creation of an appropriate legitimation tool of higher educational establishments is done. Methodological approaches to the formation of rankings of higher educational establishments

are viewed. The most famous international university rankings such as Shanghai ranking, Times ranking, Vebometriks ranking, ranking of world universities QS, as well as the ranking of Thomson Reuters Times are analyzed. The theoretical and methodological approaches and basic principles of university rankings creation are compared. As a result of critical analysis of the advantages and disadvantages of studied international higher educational establishments rankings are identified. The application of different criteria and indicators for evaluation are analyzed. A comparative characteristic of the parameters of the higher educational establishment valuation in the various rating systems, in particular in the Shanghai ranking and Vebometriks ranking is conducted. The use of various international university rankings both qualitative and quantitative criteria and indicators for evaluation is researched. It's concluded that in order to compare different universities can only be used fairly narrow group of universal, objective and common to all higher education establishments criteria and indicators for evaluation.

Key words: rating, monitoring, universities, evaluation criteria, evaluation indicators, global space, global educational space.

Герасимов Алексей Вячеславович – ст. преподаватель кафедры философии и социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», г. Луганск.
E-mail: troica1911@gmail.com

Gerasimov Aleksey Vyacheslavovich – Senior Lecturer of Philosophy and Sociology Taras Shevchenko Luhansk National University, Lugansk.
E-mail: troica1911@gmail.com

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10.2017

УДК 316.4.063

ЗДОРОВЬЕ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: С ПРИБЫЛЬЮ И БЕЗ МОРАЛИ

Серикова Т.Е.

HEALTH AS A TECHNOLOGICAL PROCESS: WITH PROFIT AND WITHOUT MORALITY

Serikova T.E.

Рассматривается влияние бурного развития инноваций на сферу оказания медицинских услуг. Отмечается, что дальнейшая «технологизация» системы здравоохранения усугубляет процессы отчуждения в рамках взаимодействия «врач-пациент», маргинализирует при диагностике и лечении актуальные вопросы морального плана. Доминирующие в современной медицине тенденции формируют, по сути, замкнутый производственный цикл по непрерывному воспроизводству и «тюнингу» физических характеристик функционирования индивида, что, в свою очередь, требует постоянного вложения средств и нацеленности на получение прибыли.

Ключевые слова: здоровье, медицина, инновации, технологии, врач, пациент, мораль.

Введение. Высокая степень актуальности изучения различных аспектов здоровья незыблема для любой общественной системы. В настоящий же момент создания целого культа здорового образа жизни оценка трансформаций подходов к здоровью как специфическому социальному феномену тем более особо значима. Достаточно лишь обозначить возможность фигурального перехода в результате наступления роботизации от общества «здоровых работников» к «обществу «здоровых бездельников» или отметить наметившиеся перспективы создания универсальных лекарств, гарантирующих значительное продление физического существования организма, чтобы продемонстрировать существенные социально-психологические корректировки в восприятии качественных характеристик, казалось бы вполне устоявшегося и внешне бесспорного термина.

С сожалением приходится констатировать, что проблематика здоровья и медицины в условиях бурного развития технологической составляющей изучается социологической наукой не в полной мере. В основном анализ данной темы ограничивается рассмотрением собственно категории здоровья, его показателей, влияния внешне-социальных факторов на здоровье,

изучением здоровья разных социальных групп, качества жизни лиц, имеющих различные заболевания и т.д.

Ряд последних публикаций по рассматриваемому вопросу представлен в ведущем российском социологическом издании Института социологии РАН «Социологические исследования», например, Павленко Е.В., Петрова Л.Е. «О готовности врачей к использованию новейших информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении» [1]. В материалах VII Социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях» интересующая нас проблема была отображена в докладе Бурлуцкой М.Г. и Петровой Л.Е. «Будущее медицины и здравоохранения: противостояние технократизации и гуманизации?» [2]. С учетом динамики изменений в сопряжении сферы высоких технологий, биомедицины, геномной инженерии с системой здравоохранения в рамках доминирующей финансово-экономической парадигмы детальная научная проработка вопросов взаимодействия между данными социальными институтами представляется недостаточной.

Целью статьи является рассмотрение ряда трансформаций в представлениях о здоровье как социальной категории в условиях роста высокотехнологической составляющей функционирования системы здравоохранения, а также усиливающегося тренда на коммерциализацию оказания медицинских услуг, что, в свою очередь, приводит к коррекции смыслового значения категории «здоровье».

Изложение основных материалов. Уточнение понятийного аппарата следует начать со ссылки на определение Всемирной организации здравоохранения.

По данным Всемирной Организации Здоровья (ВОЗ), здоровье – это «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и

физических дефектов» [Устав ВОЗ]. В одном из социологических словарей термин «здоровье» представлен следующим образом: «Здоровье населения – 1) состояние, противоположное болезни, полнота жизненных проявлений человека; 2) естественное состояние организма, которое характеризуется его уравновешенностью с окружающей средой и отсутствием каких-либо болезненных изменений; 3) состояние оптимальной жизнедеятельности индивида, общности, наличие предпосылок и условий их всесторонней и долговременной активности в социальной практике; 4) количественно-качественная характеристика состояния жизнедеятельности человека или социальной общности. Состояние здоровья населения предопределяется многими факторами: сущностью общественно-политического строя, социальной политикой, уровнем санитарно-гигиенической культуры, спецификой обычаев и традиций различных групп населения, условиями труда и быта, уровнем благосостояния, характером межличностных отношений, состоянием окружающей среды, развитием здравоохранения и медицины» [4]. Как видно из представленных определений, здоровье физическое в значительной мере обусловлено социальной составляющей. По оценкам знаменитого специалиста в области социологии медицины академика Ю.П. Лисицина: «здоровье зависит от состояния здравоохранения на 10%, состояния окружающей внешней среды на 20%, наследственности – 20% и образа жизни – 50%» [5].

В любом случае, до настоящего момента здоровье представляет собой ту категорию, которая всегда значима практически для каждого индивида. О здоровье так или иначе говорят, думают, мечтают. Причем когда человек здоров (или считает себя таковым), он зачастую о здоровье не вспоминает. Оно воспринимается как данность, как нечто постоянное, обыденное. Но как только человек (или кто-то из его близких) сталкивается с болезнью, здоровье в тот час же становится одной из самых желаемых ценностей. Так, по данным ВЦИОМ, среди различных сторон жизни для россиян наиболее значимыми остаются здоровье (99 пункт индекса), отношения в семье (98 пункт индекса) и безопасность (96 пункт индекса) [6].

Очевидным является тот факт, что здоровье есть главный объект, на который направлена вся деятельность института медицины и здравоохранения. Особенно это становится актуальным на сегодняшний день в силу развития различного рода технологических инноваций, которые мы можем наблюдать в медицинской сфере. В одной из наших публикаций мы уже указывали на то, что медицина является своеобразным «проводником» многих инновационных разработок в другие сферы и отрасли знания [7], которые могут перформатировать жизнедеятельность не только

института медицины, но и многих других. Значение медицинских технологических разработок для здоровья, его поддержания, сохранения, улучшения и в конце концов избавления человека от различных недугов уметь конечно же не имеет смысла. Множество компьютерных, генных, био- и клеточных технологий, безусловно, направлены на улучшение качества жизни людей, профилактики и лечения многих, в том числе и социально-значимых, болезней. Однако мы вынуждены констатировать, что большинство медицинских инноваций (если не все) направлены на улучшение в значительной мере исключительно физического здоровья.

Сегодня, как мы уже указывали, в период технократизации всех сфер жизни социума, здоровье и медицина, наверное, выступают одними из первых социальных институций, которые претерпевают значительные изменения в своем функционировании. Фиксируется поток публикаций в средствах массовой информации о разработках и внедрении различных компьютерных, клеточных, молекулярных, генных, технологических и т.д. инноваций в диагностический, лечебный процесс, а также их использование для профилактики различных заболеваний. Например, как мы знаем, с начала 2000-х гг. осуществлены крупные инновационные прорывы, непосредственно связанные и влияющие на традиционное восприятие здоровья и медицины. В частности: а) был расшифрован геном человека, что послужило основой для генной инженерии, а также позволило распознавать предрасположенность к определенным заболеваниям на генном уровне и предупреждать их соответствующим образом; б) включаются в лечебный и реабилитационный процесс клеточные технологии для восстановления поврежденных (изношенных) частей тела или отдельных органов; в) ведется разработка «умных» иммунопрепаратов для терапии онкологических заболеваний; г) учеными были произведены первые протезы, управляемые силой мысли при помощи компьютера, что в значительной мере может облегчить жизнь людям с нарушением двигательной функции; д) очень популярной становится сегодня биосенсорная диагностика, позволяющая считывать ключевые физиологические данные с человеческого организма, что позволяет своевременно принимать определенные меры профилактического, лечебного и хирургического характера в случае необходимости. Это лишь тот основной сравнительно небольшой список, который наиболее часто обсуждается, включая и официальный уровень [8].

Как мы уже отмечали выше, все эти безусловно важные и нужные для человека открытия и достижения медицинской науки направлены прежде всего на здоровье физическое. Но при этом мало кто из исследователей, как медиков, так и социологов, говорит о социальной составляющей. Ведь по-прежнему нет ответов на такие вопросы: как

человеку противостоять вечному состоянию стресса, как успеть и надо ли успевать за все более ускоряющимся темпом жизни, как научиться ощущать себя счастливым в семье, при реализации своих профессиональных навыков, в общении с другими людьми, как не ощущать себя в экзистенциальном вакууме и т.д.

Ведь в большинстве случаев у многих людей, независимо от их возраста, социального статуса, материального положения, рода занятий, сегодня так складываются условия жизни, что они чувствуют себя неуверенно, ощущают постоянное чувство тревоги. По данным ВЦИОМ, отвечая на вопрос: «Что, по Вашему мнению, прежде всего, влияет на состояние Вашего здоровья?», 32% респондентов отметили эмоциональное состояние и стрессы [9]. По так называемой карте страхов россиян лидирующие позиции занимают страхи, связанные с ростом цен и международными конфликтами, оставаясь главными факторами, вызывающими беспокойство (позиция индекса 18 и 14 соответственно). Замыкают тройку лидеров страхи, связанные с проблемами со здоровьем и трудностями, связанными с получением медицинской помощи (позиция индекса 6) [10]. На вопрос: «Если говорить в целом, то в какой мере Вас устраивает или не устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?» мнения опрошенных распределились следующим образом: «Вполне устраивает, по большей части устраивает» – 49%; «Отчасти устраивает, отчасти нет» – 26%; «Совершенно не устраивает, по большей части не устраивает» – 23%; затруднились с ответом 2% респондентов. Общий индекс составил 52% [11]. Из представленной картины можно сделать вывод о том, что значительная часть респондентов пребывает в стрессовом состоянии, что в конечном итоге не может не отражаться на состоянии их психоэмоционального и физического здоровья.

Даже беглый анализ картины заболеваемости населения Российской Федерации позволяет сделать выводы о доминировании так называемых социальных болезней в общей структуре заболеваемости. Так, по данным Федеральной службы статистики, отмечается рост по многим группам заболеваний, в частности в разделе «Социально-значимые болезни», а именно сахарный диабет, болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением, злокачественные новообразования, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) [12].

Таким образом, создается впечатление замкнутого круга: постоянные стресс, тревога, неудовлетворенность жизнью провоцируют болезни, которые, в свою очередь, пытаются лечить в том числе передовыми методиками и разработками, однако неустраненные причины, провоцирующие очередные стрессы, повышенную тревожность и тот же экзистенциальный вакуум, вновь на очередном витке инициируют рецидивы

старых или обуславливают появление новых болезней, требующих очередных высокотехнологических вмешательств, чтобы купировать пагубные последствия развития заболеваний. Как нам кажется, в данном случае можно говорить о так называемой нормальной аномии (эта концепция была предложена авторским коллективом кафедры социологии МГИМО в коллективной монографии «Нормальная аномия» в России и современном мире»), под которой в самом общем смысле понимается расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека [13]. Когда болезнь становится своего рода нормой, но в то же время всем понятно, что так быть не должно, и современное здравоохранение направляет все свои усилия на «нормализацию» ситуации, на улучшение показателей в картине заболеваемости и в конечном итоге снижение смертности.

Но наряду с этим можно констатировать, что здоровье, несмотря на стабильное первенство в системе ценностей и значимостей для рядовых людей, несколько теряет свое истинное значение. Сегодня многое, связанное со здоровьем и болезнью, в значительной мере коммерциализируется. Те же технологические инновационные достижения и разработки зачастую создаются для увеличения прибыльности процесса оказания медицинской помощи, привлечения инвестиций под определенные исследовательские проекты, получение международных грантов и т.д. Таким образом, здоровье выступает объектом для обретения финансово-экономической выгоды. Создается впечатление, что гуманитарная составляющая здоровья размывается с каждой научной разработкой. Человек рассматривается как механизм, который нужно «наладить», «подремонтировать» с помощью различного рода технологий, провести своего рода «тюнинг». При этом потребность в пресловутом «тюнинге» активно задается посредством колоссальной по объёму и многообразной по видам специализированной рекламы. Следуя такой логике, медицинские учреждения и лечебно-профилактические центры становятся чем-то вроде станций технического обслуживания человека, стремясь, как и положено в такого рода бизнесе, усилить уровень зависимости клиентов от обращения к сервисным услугам. Значимость моральной составляющей, равно как и установок на выполнение работ, обеспечивающих полноценное оздоровление, нивелируется.

Сам потребитель (не пациент в прежнем значении данного термина) становится неотъемлемой частью технологического процесса, в котором здоровье выступает в качестве объекта для экспериментальных наработок, которые в настоящем и будущем не столько должны улучшить качество его существования, сколько полностью «вмонтировать» в систему медобеспечения.

В результате постепенного перехода к главенствованию коммерческой составляющей, закрепляющейся посредством высокотехнологических способов и рычагов влияния на пациентов, если не полного их соподчинения, человек постепенно отчуждается от собственно гуманной, человеческой и человеколюбивой стороны существования, да и вообще содержательно-творческой стороны мироздания.

Данный тезис подтверждается также и теоретическими выкладками академика Ю.П. Лисицина [14]. Им были предложены собственные, а также сгруппированы уже существующие различные теории здравоохранения и здоровья, а именно: теории социальной обусловленности здоровья; натуралистические теории народонаселения и здравоохранения; натуралистические медико-биологизаторские теории. Именно в указанной нами последней группе теорий наличествует такие, как неогиппократизм, биотипология. Суть их сводится к противостоянию процессу дегуманизации медицины в результате активного вторжения технологизации в лечебный и диагностический процесс. Человек как пациент в силу представленных подходов в значительной степени сегментируется на отдельные части, в которых отмечаются неполадки, и их необходимо устранить. Таким образом, и здоровье человека в очередной раз оказывается сегментированным. Он в качестве цельного существа перестает существовать в медицине (да и во многом и сам для себя). Медицинская сфера на казалась бы перспективном витке своего развития вновь не рассматривает пациента как самоценностную личность, связанную с глобальной внешней средой, с социальным окружением и обстановкой, условиями жизни, индивидуальными особенностями и т.д. Также врач как бы отчуждается от цельного пациента и рассматривает его исключительно по отдельным «неисправным» частям. Заметим, что критика такого рода подходов, взглядов и концепций в лечении имеет давнюю традицию. Однако нынешние инновационные достижения, активно внедряемые в сферу оказания медицинских услуг, не смягчают, а, напротив, только лишь усиливают технологичность, нецелостность, внемелочность методик диагностики и оказания медицинской помощи, продолжая включать каждого члена общества в прибыльный бизнес-проект.

Результаты исследований. Приведены свидетельства актуализации медицинской проблематики в связи с существенными достижениями в области генной инженерии, биотехнологий, интернет-революции и т.д.

Охарактеризованы тенденции дальнейшей коммерциализации сферы оказания медицинских услуг населению с учетом привлечения авторитета инновационных технологий.

Дана оценка уходу от рассмотрения общесоциальных проблем в качестве основных причин заболеваний и рассредоточению усилий по оказанию квалифицированной медицинской помощи.

Подчеркнута первостепенная значимость вопросов морального порядка, встающих и перед современной медициной в результате дальнейшего отчуждения врача от пациента теперь еще и под воздействием появления «технологического посредника» и общей направленности системы здравоохранения на получение прибыли.

Выводы. Здоровье человека, в силу складывающихся реалий техносциума, постепенно становится комплексом по внедрению и распространению различных инноваций. Представление о здоровье трансформируется в комплекс перманентно осуществляемых медицинских мероприятий, требующих исполнения во многом вне контекста социально насыщенной и общественно ответственной жизни.

Врач и пациент по-прежнему оказываются не цельны в процессе лечения, каждый выполняет только свою «узкую» функцию, усугубляя процесс взаимоотношения, детерминируя рецидивы болезней и провоцируя новые заболевания. В системе оказания медицинской помощи продолжает формироваться система своеобразного замкнутого «производственного» цикла, в рамках которого здоровье – процесс воссоздания и поддержания физического организма в видимом рабочем состоянии. При этом каждая стадия данного процесса «производства» и «оказания услуг» лишена моральной составляющей, поддерживается рекламой, продюцирует преимущественно финансовые интересы.

Литература

1. Павленко Е.В., Петрова Л.Е. О готовности врачей к использованию новейших информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении // Социологические исследования. – 2016. № 4. – С. 103-110.
2. Бурлуцкая М.Г., Петрова Л.Е. Будущее медицины и здравоохранения: противостояние технократизации и гуманизации? // Материалы VII Социологической Грушинской конференции (Москва, 15-16 марта 2017) [Электронный ресурс] – режим доступа: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/conferences/conference_2017/ – Москва: АО «ВЦИОМ», 2017. – С. 1301-1305.
3. Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения. Официальный сайт ВОЗ // [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://apps.who.int/gb/gov/assets/constitution-ru.pdf>
4. Краткий словарь по социологии / Авт.-сост. П.Д. Павленок. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 59.
5. Белова Н.И. Здоровье и практики его сохранения / поддержания // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) : Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – ЦСП и М, 2016. – С. 113.
6. Пресс-выпуск № 3391 «Жизненные приоритеты россиян». Официальный сайт ВЦИОМ // [Электронный

ресурс] – режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264>

7. Серикова Т.Е. Моральные аспекты технологического развития современной медицины // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского национального университета имени Владимира Даля. Выпуск № 3. – Луганск: ЛНУ им. В. Даля, 2017. – С. 79.

8. Добруха А. Пять прорывов в медицине, которые реально изменят нашу жизнь [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26738.7/3765802/>

9. Пресс-выпуск № 3498 «Россия 2017: качество жизни». Официальный сайт ВЦИОМ // [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116472>

10. Пресс-выпуск № 3477 «Карта страхов россиян: итоги лета». Официальный сайт ВЦИОМ // [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116418>

11. Пресс-выпуск № 3465 «Социальное самочувствие россиян: мониторинг». Официальный сайт ВЦИОМ // [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116391>

12. Заболеваемость населения социально-значимыми болезнями // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#

13. «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография / [Н.Н. Зарубина и др.] ; под общ. ред. С.А. Кравченко. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – С. 5-7.

14. Лисицын Ю.П. Здоровье населения и современные теории медицины. – М.: Медицина, 1982. – С. 70-72.

References

1. Pavlenko E.V., Petrova L.E. O gotovnosti vrachej k ispol'zovaniju novejsih informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v zdavoohranenii // Sociologicheskie issledovanija. 2016. № 4. – S. 103-110.

2. Burluckaja M.G., Petrova L.E. Budushhee mediciny i zdavoohranenija: protivostojanie tehnokratizacii i gumanizacii? // Materialy VII Sociologicheskoy Grushinskoj konferencii (Moskva, 15-16 marta 2017) [Jelektronnyj resurs] – rezhim dostupa: https://wciom.ru/nauka_i_ obrazovanie/conferences/confernce_2017/ - Moskva: AO «VCIOM», 2017. – S. 1301-1305.

3. Ustav (Konstitucija) Vsemirnoj Organizacii Zdavoohranenija. Oficial'nyj sajt VOZ // [Jelektronnyj resurs] – rezhim dostupa: <http://apps.who.int/gb/gov/assets/constitution-ru.pdf>

4. Kratkij slovar' po sociologii / Avt.-sost. P.D. Pavlenok. – M.: INFRA-M, 2001. – S. 59.

5. Belova N.I. Zdorov'e i praktiki ego sohraneniya / podderzhanija // Zhiznennyj mir rossijan: 25 let spustja (konec 1980-h – seredina 2010-h gg.) : Nauchnoe izdanie / Pod red. Zh.T. Toshhenko. – CSP i M, 2016. – S. 113.

6. Press-vypusk № 3391 «Zhiznennye prioritety rossijan». Oficial'nyj sajt VCIOM // [Jelektronnyj resurs] – rezhim dostupa: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264>

7. Serikova T.E. Moral'nye aspekty tehnologicheskogo razvitiya sovremennoj mediciny // Antropos: Logos i Teos. Sbornik nauchnyh trudov Luganskogo nacional'nogo universiteta imeni Vladimira Dalja. Vypusk № 3. – Lugansk: LNU im. V. Dalja, 2017. – S. 79.

8. Dobruha A. Pjat' proryvov v medicine, kotorye real'no izmenjat nashu zhizn' [Jelektronnyj resurs] – rezhim dostupa: <https://www.kp.ru/daily/26738.7/3765802/>

9. Press-vypusk № 3498 «Rossija 2017: kachestvo zhizni». Oficial'nyj sajt VCIOM // [Jelektronnyj resurs] – rezhim dostupa: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116472>

10. Press-vypusk № 3477 «Karta strahov rossijan: itogi leta». Oficial'nyj sajt VCIOM // [Jelektronnyj resurs] – rezhim dostupa: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116418>

11. Press-vypusk № 3465 «Social'noe samochuvstvie rossijan: monitoring». Oficial'nyj sajt VCIOM // [Jelektronnyj resurs] – rezhim dostupa: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116391>

12. Zabolevaemost' naselenija social'no-znachimymi boleznyami // Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Jelektronnyj resurs] – rezhim dostupa: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#

13. «Normal'naja anomija» v Rossii i sovremennom mire: kolektivnaja monografija / [N.N. Zarubina i dr.] ; pod obshh. red. S.A. Kravchenko. – M.: MGIOM-Universitet, 2017. – S. 5-7.

14. Lisicyн Ju.P. Zdorov'e naselenija i sovremennye teorii mediciny. – M.: Medicina, 1982. – S. 70-72.

Serikova T.E.

HEALTH AS A TECHNOLOGICAL PROCESS: WITH PROFIT AND WITHOUT MORALITY

The evidence of actualization of medical problems in connection with significant achievements in the field of genetic engineering, biotechnology, the Internet revolution, etc. is given.

The tendencies on the further commercialization of the sphere of providing medical services to the population are considered, taking into account the attraction of the authority of innovative technologies.

It is noted that within the system of providing medical care, there continues to form a system of a kind of closed «production» cycle, within which health is the process of recreating and maintaining the physical organism in a visible working condition.

The article emphasizes the paramount importance of the issues of moral order that arise in the face of modern medicine, as a result of further alienation of the doctor from the patient, now also under the influence of the emergence of a «technological intermediary» and the general direction of the health system to make a profit.

Keywords: health, medicine, innovations, technologies, doctor, patient, morality.

Серикова Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: tajako8@rambler.ru.

Serikova Tanyana Evgenevna – Senior Lecturer of Department of Sociology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: tajako8@rambler.ru.

Рецензент: *Атоян Арсентий Иванович* – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информатологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 130.2:572

ЧЕЛОВЕК И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ: ДВА ПОЛЮСА КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Артёмова Ю.А.

THE MAN AND THE SOCIOCULTURAL INDEFINITION TWO POLES OF THE CULTURAL-PHILOSOPHIC DISCOURSE

Artemova J.A.

Статья посвящена проблеме социокультурной неопределённости как состояния, которое, определяя на протяжении истории универсальные параметры взаимоотношений цивилизаций, переходные и кризисные состояния конкретной культурной модели, диалектической связи между человеком и его контекстом, в то же время приобретает особую остроту в настоящее время. Данная проблема рассматривается в статье как в глобальном ракурсе в качестве ситуации межцивилизационных отношений либо кризиса отдельной социокультурной идентичности, так и в качестве характеристики человеческого существования как императив поиска собственной социокультурной идентичности.

Ключевые слова: *социокультура, социокультурная детерминация, диалог цивилизаций, постмодернизм, смена парадигм, человек, культурная идентичность.*

Введение. Взаимоотношения человека и поливариантного универсума социума и культуры, поставленность человека в ситуацию перманентного экзистенциального выбора в поливариантном мире социокультурной идентификации перед бесконечным числом расходящихся в нём тропинок является одной из самых острых проблем в современном мире. В процессе философского осмысления данной темы вполне правомерно обозначить с первых шагов нашу проблему так: в чём состоит специфика настоящей эпохи в постановке человека перед ситуацией неопределённости его социокультурной идентичности?

Ведь вопрос, задаваемый в этом ключе, не нов. Не он ли на заре европейской христианской цивилизации прозвучал в знаменитом диалоге между юным франкским королём Карлом и его учителем Алкуином:

– Как поставлен человек?

– Как свеча на ветру [4, с. 131].

Не он ли на совсем другом языке и в свете совсем других культурных, ценностных, эстетических доминант был задан возле омываемых

холодным морем каменных стен Эльсинора Гамлетом, принцем Датским? Волна политических противостояний, сопровождавшая Первую мировую войну и повлекшая смену социально-политических режимов в целом ряде государств, разве она не представляла собою развёрнутую в небывалом по охвату масштабе социокультурную неопределённость?

Поскольку работа в области любой научной проблематики с самого своего первого шага предполагает чёткое и конкретное определение предмета исследования, то правомерен и необходим вопрос: как понимать сам феномен социокультурной неопределённости, в виде чего она может существовать, и в каких отношениях к ней может находиться человеческое существование? Что обозначает сама по себе социокультурная неопределённость как таковая, взятая в качестве состояния в бытии культуры и в бытии человека?

Рассмотрение проблемы социокультурной неопределённости в макромасштабе, то есть если смотреть на неё на плоскости самих культурных и социальных процессов, иначе говоря, охватывая в синхронной перспективе – значительные человеческие массы, а во временном обзоре – имея дело с культурными традициями, мировоззренческими направлениями, уходящими корнями в глубокое прошлое и направляющими векторы своих возможных последствий в будущее, мы получим ряд предметных областей, подлежащих рассмотрению в данной теме.

Изложение основного материала. На извилистых путях истории человечества неопределённость может выступать в виде встречи различных социокультурных идентичностей. Каждая из них опирается на собственную традицию, корпус интеллектуального, эстетического, практико-поведенческого, ритуалистического наследия, объединяет значительные человеческие массы, включает в себя как институализированные структуры, так и неформальные, находящиеся в

неустойчивом состоянии социокультурные практики. Качественный характер таких взаимодействий может осуществляться в широком типологическом диапазоне: как их диалог или как их противостояние, как ассимиляция и покорение одной идентичности – другой или как взаимообогащающее сосуществование. В качестве таких идентичностей могут выступать различные этнические культуры, цивилизационные общности, религиозные конфессии, социально-политические, экономические модели. История даёт огромное число таких примеров, каждый из которых неизменно выступал и продолжает выступать предметом для дискуссий: это разнообразные процессы диалогов и конфликтов между христианством и исламом, между Востоком и Западом, противоречия между европейской и славянской цивилизациями, между феодальной и буржуазно-капиталистической социально-экономическими формациями, между либерально-демократической и идеократической системами общественно-политического бытия.

Кроме того, проблема неопределённости, представленной в виде встречи и отношений между разными цивилизациями, может принимать вид отношений к собственному же, внутреннему для данной цивилизации, пути в истории. На данном временном срезе, в свете действия определённых ценностных, мировоззренческих, социально-политических процессов главенствующим вектором отношений может быть ориентация на прошлое, на достижение некоего идеального образа будущего, на удовлетворение настоящим или на диалог с самим же собой, со своей социокультурной идентичностью, когда её прошлое, будущее и настоящее представлено в относительном балансе.

Другим возможным вариантом неопределённости является осуществляющийся в истории процесс распада одной парадигмы социокультурного бытия, за которым следует формирование новой. «Синдром кризиса современной цивилизации усматривают в глубокой трансформации человеческого мировоззрения: вековые ценности оборачиваются недостижимыми результатами, разочарованием, тоской, горечью и отчаянием. Процесс утраты ценностей является долговременным и сопровождается не только отрицанием и переоценкой некогда нерушимых жизненных ориентиров, но и чувством необходимости их обновления», – говорит об этом киевский философ Тарас Люты́й [3, с. 6]. Образование новой органичной целостности, включающей в себя продуктивное функционирование общественных институтов, выработку некой системы транссубъективных норм поведения, иерархии ценностей, форм религиозного и идеологического осмысления их положительного, должного характера, новой системы эстетических канонов, представляет сложный и долговременный процесс, откликавшийся в индивидуальных судьбах

многими конфликтами и трагедиями. Здесь мы напрямую сталкиваемся с ситуацией, когда, по словам классика, «порвалась дней связующая нить», а новая социокультурная идентичность, призванная организовывать человеческие совместные действия и служить источником к формированию смысло- и целеполагания для каждой отдельной личности ещё не действует. Наиболее яркий в нашей памяти пример такого рода – распад СССР, ситуация этического и культурного безвременья 90-х и формирование социально-исторических моделей тех государств, которые образовались на фундаменте советского наследия и реакции на него.

Наконец, существует третий, более мирный, вариант социокультурной неопределённости, появление которого является закономерным и естественным следствием развития и дифференциации общественного и культурного бытия. При этом его естественный и относительно «мирный» характер ещё не служит основанием для констатации полного и «безоблачного» оптимизма относительно его плодов, которые может преподнести нам будущее. Скорее верно обратное: семена, посаженные в человеческих сердцах и умах, спонтанно осуществляющиеся синтезы идей, ценностей, практик, существовавших до этого момента в относительной взаимной изоляции, простота и беспроblemность соединения отрывков общественного, интеллектуального, художественного наследия, произвольный и непрогнозируемый характер вырывания их из своего традиционного, органического контекста требуют исследовательского внимания, чуткости и социокультурной прозорливости ещё в большей степени, чем прямой межцивилизационный конфликт. «Цветы зла», которые могут быть засеяны здесь, гораздо сложнее обнаружить. На важность многостороннего осмысления современных социокультурных процессов, на его насущный характер, переводящий проблему из разряда теоретических вопросов на грань выживания и плодотворного развития человека в планетарном масштабе, указывал выдающийся советский культуролог М.С. Каган: «сейчас становится всё более ясной тотальность изменений социокультурной сферы бытия во второй половине нашего века; потому понимание сути этих изменений требует не их разрозненного анализа в каждой конкретной области деятельности, но их рассмотрения в целостном контексте жизни современного человечества, а значит, в их сопряжённости и взаимодействии» [1, с. 384].

Наконец, проблема отношений человека и социокультурной неопределённости, проявляющаяся в микромасштабе, то есть в перспективе личной судьбы и участи каждого отдельного человека, может быть выражена в виде вопросов «с кем быть?», «с какой социокультурной моделью объединять себя?». Научные и социальные процессы второй половины

XX века, постановка проблемы данности человеческого фактора, учёт эффекта наблюдающего в, казалось бы, самых точных науках, лишаящих согласно своим сверхцелям и методологическим основаниям субъект всякого права вторжения в протекание и результат познания, говорят о необходимости и принципиальности постановки здесь такого вопроса. Об этих тектонических сдвигах в глубине современной социокультурной и научной реальности говорит выдающийся учёный, профессор С.Б. Крымский как о выдвижении на передний план персоноцентризма, исчерпывании возможностей методологического познания сущего [2, с. 7]. И разворачивание нашей проблемы в таком ракурсе ставит главную тему данного исследования в реальность императива, то есть требования и вопрошания, на которое приходится отвечать всякому человеку как в теоретическом, так и в практическом смысле.

Чтобы более предметно представить себе, что такое социокультурная неопределённость в перспективе бытия единичного субъекта, и в каком качестве она может выступать в отношении отдельного человека и его действий, проиллюстрируем это на примере двух известнейших литературных персонажей. Дон Кихот и Робинзон Крузо представляют собой ёмкие и многоплановые человеческие типы, гигантские обобщения жизни человечества, собранные в фокус опыт мышления и практики соответствующих эпох, социальных и национальных контекстов. В своём отношении к социокультурной неопределённости они находятся в совершенно различном положении.

Оба персонажа в качестве мыслящих и действующих субъектов оказываются в высшей степени детерминированными, то есть «определёнными» со стороны собственной социокультурной среды. Робинзон Крузо изначально был воспитан в состоянии прямой и однозначной социокультурной детерминированности, он примерный христианин и образцовый английский буржуа эпохи первоначального накопления капитала, решительный, предприимчивый и рачительный. Он в прямом смысле слова знает, что делает. Социокультурный космос, в который Робинзон оказывается заброшенным, мир морских приключений, необитаемый остров и его разнообразные гости, желанные и нежеланные, лежит перед ним как совершенно чистая страница, не покрытая знаками человеческого присутствия, которые способны были бы поколебать его собственную идентичность. Сталкиваясь с иными, отличающимися от его собственной моделями социокультурного бытия, шкалами ценностей, образами мира, он продолжает оставаться выше их, побеждает их, как это случилось в схватке с людоедами и пиратами, или же, в конце концов, оказывается в положении говорящего с ними «на

одном языке», принадлежащим к одному и тому же социокультурному коду, как при встрече с испанцем, пленённым дикарями, или с английским капитаном, захваченным пиратами. Или инкорпорирует, как это происходит с Пятницей, внутрь собственного ценностно-смыслового пространства, воспитанного европейской христианской цивилизацией.

Дон Кихот не в меньшей степени находился в состоянии детерминированности, то есть заданности своих социокультурных доминант. Однако этому состоянию противостояла иная, не менее весомая определённость, континуум ценностей, поведенческих моделей, ролей в обществе, вполне конкретная, предметная и обладающая гораздо бóльшим, чем он, запасом прочности. И здесь уже он сам, живой человек, провинциальный идалго Алонсо Кехана, находится в состоянии императива – вызова противостоять ситуации социокультурной неопределённости. Он поставлен перед вопросом, если угодно – ситуацией перманентного подвига, сутью которого предстаёт выбор. Что ему следует выбрать ту социокультурную реальность, которую он встречает на дорогах современной ему Испании, или ту, которую он вычитал из книг про Амадиса Гальского? Его ситуация социокультурного конфликта на поверку оказывается острее и трагичнее, чем для христианина, которого, скажем, под страхом смерти принуждают принять ислам. Ведь в этом случае альтернативной социокультурной реальностью является картина мира, откровенно иная и враждебная согласно его же, христианина, собственным социокультурным «правилам». Тогда как Дон Кихоту противостоят иная социокультурная реальность, выступающая в лице той же самой Испании, населённой соотечественниками, к тому же – «добрыми христианами». Неопределённость выступает в его ситуации как его же собственный мир, но изменившийся, вывернутый наизнанку, не предусмотренный его собственными правилами.

Результаты исследований. В современную эпоху социокультурная неопределённость выступает в лице множественности, поливариантности окружающего мира традиций, практик и символов, принимающей характер некой устойчивой трансквицизационной модели. Именно такие тенденции, начавшие активно проявлять себя со второй половины XX века, универсализуются под общим понятием культуры постмодерна, постинформационной или постиндустриальной цивилизации. Главной характеристикой современной цивилизации, радикально отличающей её от прочих моделей, является социокультурный плюрализм, полиметодологичность, возведенная в принцип как теоретического познания, так и практической деятельности, полипарадигмальность в качестве осевого начала, вокруг которого протекают процессы и действуют субъекты, индивидуальные и коллективные, современной

жизни общества. Новая цивилизационная модель, представившая социокультурную неопределённость в небывалом доселе ракурсе, предполагает соответствующую себе трансформацию механизмов анализа, научного познания, философской рефлексии. «Сложившуюся ситуацию можно сегодня осмыслить с позиции теории систем, которая объясняет, что жизнеспособность всякой сложной, функциональной и развивающейся системы зависит от того, в какой мере согласуются её интересы как целостности и интересы каждого компонента этого целого, ибо их рассогласование и подавление одной группы интересов другой группой ведёт либо к окостенению системы и её вырождению, либо к её саморазрушению» [1, с. 387]. Неопределённость, на которую наталкивается человек, порождена снятием классических предметных и понятийных дихотомий, которые выполняли функцию структуризации социокультурной действительности: дихотомии элитарной и массовой культуры, культуры и цивилизации, культурной традиции и новаторства, противоположения автора и текста и порождённого ею противопоставления автора и читателя, а также фундаментальной цивилизационной оппозиции Востока и Запада.

В перспективе личностного бытия проблема поставленности человека в условия социокультурной неопределённости приобретает императивный статус. Ведь даже для ситуации вполне естественной, врождённой и непроблематизируемой детерминированности собственной социокультурной идентичности, то есть при полном отсутствии тех возможных видов неопределённости, что мы перечислили выше, всякий человек уже в перспективе своего субъективного существования поставлен перед выбором. В рамках его собственного волеизъявления для него остаётся открытым вопрос □ принять эту, заданную мне, идентичность (то есть данную мне рождением, воспитанием, средой, в которой я существую как «честный христианин» или «рождённый в СССР») или отказаться. Принимать ли мне взамен какую-нибудь другую как некий идеальный образ уже имеющейся, другой, альтернативный для большинства моих современников. Как пример можно привести «уход» в дээн или хиппи как варианты контркультуры, или избирание в советское время в качестве политически «позволительной» формы критики существующего социального и ценностного уклада рубаи Омара Хайяма, или создавать свою собственную социокультурную данность, «лепить свой мир» наново, соединяя элементы из существующих социокультурных моделей и результаты собственного творчества.

И здесь перед нами назревает новый методологический вопрос, без решения которого исследование на данную тему рискует сделаться беспредметным: как отграничить нашу тему, чтобы

она чисто формально и бессодержательно не вбирала в себя любую ситуацию нравственного выбора? Например, Сократ: он сам, его деятельность, его смерть – представляют ли они собой случай трагически разрешившейся социокультурной неопределённости, или нет? Разумеется, в самой откровенной и безусловной ситуации выбора между двумя социокультурными путями, скажем, христианством или исламом, «белыми» или «красными», будут обязательно присутствовать причины и основания нравственного характера. Однако нравственность сама по себе есть отдельный уровень, составляющая социокультурной идентичности, а не наоборот. Здесь налицо соотношение части и целого. Выбор нравственного характера, заключающийся, скажем, в том, взбунтоваться ли мне в ответ на несправедливость или поступить «как все», приводит меня на путь, соответственно, бунтаря или нонконформиста. Но обозначать такие ценностно-поведенческие модели в качестве двух различных систем социокультурного существования будет едва ли правомочно.

Ведь выше всё-таки речь шла о выборе между социокультурной данностью «советского человека» и возможностью её отринуть, а не об альтернативе, которая по своему предмету целиком принадлежит нравственной сфере: поступить честно или бесчестно, бескомпромиссно или приспособленчески.

Разумеется, социокультурная неопределённость в жизненном пути Сократа присутствовала. Но проявилась она не в том моменте нравственно-интеллектуального выбора, что предстаёт перед нами в сцене суда над ним: подчиниться и признать себя виновным или настаивать на своей правоте, утверждая, что афиняне ещё и обязаны ему за его деятельность бесплатными обедами. Социокультурная неопределённость для Сократа – это выбрать мир родного полиса, где он, кстати, был вполне добропорядочным гражданином и патриотом, и закрыть глаза на кризис его демократической системы, вырождающейся в охлократию, власть толпы, или выбрать социокультурную идентичность бескомпромиссного борца, который принадлежит одновременно прошлому и будущему. Прошлому – в качестве критика демократии и мифотворца. И будущему – поскольку базисом этой критики выступали философские, политико-идеологические, нравственные мотивы, которые были способны созреть и высказаться уже по прошествии опыта полисной демократии и её интеллектуально-нравственного упадка.

Значит, факт альтернативы и настоятельная задача выбора не должны в ракурсе данной темы исследования перевешивать её основополагающее предметное качество: то, что речь идёт о социокультурной идентичности, о системном и многоплановом явлении, в отношении которого

отдельные ценностно-поведенческие модели, в том числе коллизии нравственного характера, выступают только составляющими структурными элементами или тематическими уровнями.

Выводы. Социокультурную неопределённость мы можем определить как широкомасштабное и многоплановое явление общественного и культурного бытия, несущее на себе функции его обновления, самосознания, а также обладающее значительной аналитико-характеристической значимостью для рефлексии процесса распада социокультурной парадигмы, зарождения новой, а также столкновения различных цивилизационных идентичностей. При этом состояние постмодерна представляет собой принципиально новую модель социокультурной неопределённости, целенаправленно опирающуюся на факт собственной поливариантности, выводя в этом качестве дискурс о социокультурной неопределённости за пределы кризисной и реконструкционной моделей толкования. И, наконец, социокультурная неопределённость выступает как насущная реальность всякого процесса личностного становления и идентификации. В данном качестве проблема работы предоставляет актуальное исследовательское поле для параллельной работы понятийно-методологического аппарата философии культуры и философской антропологии.

Литература

1. Каган М.С. Философия культуры. – С-Пб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
2. Крымский С.Б. Философия как путь человечности и надежды. – Київ: Курс. 2000. – 308 с.
3. Лютый Т.В. Нігілізм: анатомія Ніщо. – К.: Вид ПАРАПАН, 2002. – 296 с.
4. Рабинович В.Л. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. – М.: «Книга», 1991. – 496 с.

References

1. Cagan M.S. *Philosophiya culturi*. – S-Pb, TOO TK «Petropolis», 1996. – 416 s.
2. Crimskiy S.B. *Philosophiya kak put chelovechnosti i nadezhdi*. – Kiyiv: Kurs. 2000. – 308 s.
3. Ljutyi T.V. *Nigilizm: anatomiya Nishcho*. – K.: Vid PARAPAN, 2002. – 296 s.
4. Rabinovich V.L. *Ispoved knigocheya, cotoriy uchil bukve, a ukrepljal duh*. – M.: «Kniga», 1991. – 496 s.

Artemova J.A.

THE MAN AND THE SOCIOCULTURAL INDEFINITION TWO POLES OF THE CULTURAL-PHILOSOPHIC DISCOURSE

The article is devoted to the problem of sociocultural indefiniteness as the human station, which have defined some basic parameters of civilization relation, transitive and crisis situation of the concrete cultural identity, and today has the fundamental problematic value. This problem is investigated in the global outlook level as the situation of civilization relations, the possible crisis of culture, and, in the micro level, as the characteristic of human existence, the search for personal identity.

Key words: *socioculture, sociocultural determination, dialog of civilizations, postmodern, change of paradigms, human, cultural identity.*

Артёмова Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: aspdok@mail.ru

Artemova Juliya Aleksandrovna – Senior Lecturer of Department of Sociology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: aspdok@mail.ru

Рецензент: *Шелото Владимир Михайлович* – доктор философских наук, профессор, директор Института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 930.25

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Каминская О. В., Омеляненко И. А., Пидченко С. А.

USE OF ARCHIVAL INFORMATION IN INSTITUTIONS OF SECONDARY EDUCATION

Kaminska O. V., Omelyanenko I. A., Pidchenko S.A

Статья рассматривает использование архивной информации, содержащейся в документах Архивного фонда Луганской Народной Республики. Проанализированы законодательные акты Луганской Народной Республики, распоряжения и указы Главы ЛНР, Постановления Совета Министров ЛНР, инструкции и методические рекомендации, которыми руководствуются в процессе работы по использованию документов Архивного фонда ЛНР. Работа по использованию архивных документальных богатств позволяет судить о многогранной деятельности архивистов, свидетельствует об эффективности и общественной значимости их труда. Практика использования архивных документов в средних общеобразовательных школах показывает, что тесное взаимодействие архивистов и потребителей информации является важнейшим фактором удовлетворения запросов общества в ретроспективной документной информации. Использование архивных документов расширяет сферу применения документной информации на уроках истории при изучении многих тем, особенно там, где Донбасс сыграл не последнюю роль в развитии событий в целом по стране.

Ключевые слова: архивный документ, архивное учреждение, архивная информация, архивный фонд.

Введение. Процессы информатизации общества, усиления обмена информацией через СМИ, сеть Интернет, развития технических средств коммуникации происходят на фоне стремительного роста научно-технического прогресса и глобализации. В тоже время на фоне глобальных изменений следует отметить возрастание потребности общества в ретроспективной документной информации, сохраняемой в архивных учреждениях.

Информация, находящаяся в архивных документах, представляет историческое достояние любого народа, исходя из его исторической, научной и культурной ценности, и фрагментарные данные нашей истории. Архивные документы являются важнейшим источником достоверной информации практически обо всех возможных

аспектах развития общества.

Особенностью архивного фонда и одним из основных отличий его от других информационных фондов является то, что его объем постоянно возрастает за счет новых поступлений, причем с течением времени информационная, историческая и научная ценность архивной информации не снижается, а, напротив, постоянно возрастает. Поэтому увеличивается и интерес исследователей к архивной информации.

Одним из основных направлений работы архивной службы является использование информации, хранящейся в архивных документах. Работа по использованию архивных документальных богатств позволяет судить о многогранной деятельности архивистов, свидетельствует об эффективности и общественной значимости их труда. Практика использования архивных документов показывает, что тесное взаимодействие архивистов и потребителей информации является важнейшим фактором удовлетворения запросов общества в ретроспективной документной информации.

Организация использования архивных документов является частью научно-информационной деятельности архивов и направлена на введение в научный оборот и предоставление государственным, общественным организациям и гражданам ретроспективной документной информации. Использование архивных документов расширяет сферу применения документной информации и меняет категорию ее потребителей.

Обогащение духовного мира граждан республики неотделимо от необходимости познания нашей истории, отраженной в архивных документах, что и обусловило актуальность темы. Архивные документы, представляя материальную и духовную жизнь общества, имея историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являются одним из символов

государственности, отражают правовые и организационные основы ее становления и развития.

Определяя степень изученности темы, необходимо отметить недостаточную теоретическую разработанность темы использования архивной информации и отсутствие целостного исследования в области изучения использования архивной информации в учреждениях образования.

Учитывая специфику предмета исследования, отметим многоаспектность имеющихся источников, которые можно разделить на две группы: нормативно-методические документы (законодательные акты ЛНР, распоряжения и указы Главы ЛНР, Постановления Совета Министров ЛНР, инструкции и методические рекомендации), которыми руководствуются в процессе работы архивных учреждений, и труды отдельных авторов.

Проблемами использования архивных документов занимались Н. И. Капустина [1], Т.Ф. Павлова [2], Е. М. Ушакова [3], Т.Б. Куралина [4]. Проблемами удовлетворения информационной потребности занималась Т.Ф. Павлова [2]. Недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с направлениями и целями использования информации архивных документов, а также информационные технологии в использовании архивных фондов.

В исследовании использовались статьи местных периодических изданий, прежде всего газет: «Жизнь Луганска», «XXI век», «Луганская правда», которые используют и пропагандируют информацию, содержащуюся в документах Архивного фонда Луганской Народной Республики.

Отдельно в качестве источника следует выделить официальный сайт Государственной архивной службы Луганской Народной Республики (Госархив ЛНР), который отражает основные направления деятельности архива [5]. На сайте размещены документы, которыми архив руководствуется в своей работе, информация о составе и содержании документов архива и результаты работы в области комплектования, хранения, учета и использования архивных документов.

Целью настоящей работы изучение использования архивной информации в учреждениях среднего образования г. Луганска для удовлетворения информационных потребностей граждан, общества, государства.

Основная часть. Главная роль в творческих находках, открытиях, поступках людей в условиях возможности выбора принадлежит сосредоточенной в архивах документированной информации, являющейся хранилищем знаний, традиций, культуры народов и образующей значительный информационный потенциал. Сегодня информация, хранящаяся в архивных документах, превращается в определенной степени в самостоятельный фактор информационного обеспечения социального и

экономического развития общества. Увеличивается ее роль для принятия решений в различных сферах деятельности, а обладание этой информацией может способствовать получению экономических выгод. Она все чаще используется в качестве «сырья» для производства информационных продуктов и компонентов. Важен и уровень научной разработки проблем архивной информации как основного ресурса в поведенческих поступках людей.

Использование документов Архивного фонда Луганской Народной Республики осуществляется в соответствии с такими законодательными и нормативными актами, как Закон ЛНР «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [6], проект Закона ЛНР «Об архивном деле» [7], Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики № 297 «Порядок исполнения архивами запросов юридических, физических лиц на основании архивных документов и оформления архивных справок, архивных выписок, архивных копий» [8], Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики «Порядок пользования документами Архивного фонда Луганской Народной Республики в архивных учреждениях» № 378 [9], Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики № 109/17 «Правила организации делопроизводства, комплектования, хранения, учета и использования документов в государственных органах, органах местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях, организациях» [10], «Основные правила работы архивов организаций» [11], «Правила работы пользователей в читальных залах» [12] и т.д.

Отметим, что такой документ, как «Правила работы пользователей в читальных залах», не содержит важных для пользователей процедур доступа к различным категориям документов, прежде всего, содержащих информацию конфиденциального характера. В то время как проект Закона ЛНР «Об архивном деле» позволил в значительной степени расширить и дополнить положения в части обеспечения доступа пользователей к архивным документам» [7].

Согласно проекту Закона ЛНР «Об архивном деле» пользователь архивными документами имеет право искать и получать для изучения архивные документы. Доступ к архивным документам обеспечивается:

- путем предоставления пользователю архивными документами справочно-поисковых средств и информации об этих средствах, в том числе в форме электронного документа;
- путем предоставления подлинников и (или) копий необходимых ему документов, в том числе в форме электронных документов;
- путем использования информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, с возможностью

копирования [7].

Проект Закона «Об архивном деле» оговаривает, что граждане Луганской Народной Республики имеют право пользоваться документами Архивного фонда Луганской Народной Республики или их копиями на основании личного заявления и документа, удостоверяющего личность. Лица, которые пользуются документами Архивного фонда Луганской Народной Республики по служебному заданию, подают документ, подтверждающий их полномочия. Иностранцы и лица без гражданства, находящиеся в Луганской Народной Республике на законных основаниях, пользуются теми же правами доступа к документам Архивного фонда Луганской Народной Республики, а также имеют такие же обязанности, как и граждане Луганской Народной Республики.

Проектом оговаривается, что доступ к архивным документам может быть ограничен в соответствии с международными договорами Луганской Народной Республики, законодательством Луганской Народной Республики, а также в соответствии с распоряжением собственника или владельца архивных документов, находящихся в частной собственности. При ограничении доступа к архивным документам не учитывается их форма собственности. Кроме того, государственный архив, архивные учреждения имеют право сами ограничить доступ к документам Архивного фонда Луганской Народной Республики. Они вправе отказать несовершеннолетним лицам, лицам, признанным судом недееспособными, и лицам, которые грубо нарушали порядок пользования архивными документами, в доступе к документам Архивного фонда Луганской Народной Республики, принадлежащим государству, территориальным общинам [7].

Пользователь архивными документами, согласно ст. 40 проекта Закона ЛНР «Об архивном деле», имеет право использовать, передавать, распространять информацию, содержащуюся в предоставленных ему архивных документах, а также копии архивных документов для любых законных целей и любым законным способом.

Порядок использования архивных документов в государственном архиве, архивных учреждениях, муниципальных архивах, государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных предприятиях, учреждениях, организациях, государственных и муниципальных музеях, библиотеках определяется Советом Министров Луганской Народной Республики.

Права пользователей документами Архивного фонда Луганской Народной Республики оговаривает ст.41 проекта Закона ЛНР «Об архивном деле», согласно которой пользователи документами Архивного фонда Луганской Народной Республики, принадлежащими государству либо территориальным общинам, имеют право:

- пользоваться в читальных залах государственного архива, архивных учреждений, документами из фондов пользования;

- получать от государственного архива, архивных учреждений справки о сведениях, содержащихся в документах, доступ к которым не ограничен на основаниях, определенных законом;

- публиковать, объявлять, цитировать и иным образом воспроизводить содержание архивных документов со ссылкой на место их хранения и с соблюдением условий, предусмотренных законодательством и т.д. [7].

Работа с архивными документами, безусловно, прерогатива ученых и краеведов. Но не следует забывать о том, что интерес к прошлому зарождается, как правило, в школьные годы на уроках истории и для некоторых становится в дальнейшем профессией. Работа с подлинными источниками на уроках, элективных курсах или в рамках научного общества учащихся является самым эффективным методом развития интереса к познанию истории.

Сегодня изменились условия формирования гражданского общества, молодежь стремится найти собственное объяснение многим событиям истории и современным процессам. Кардинально изменилось содержание курса отечественной истории наряду с методикой его преподавания. У современных школьников большое количество источников информации, они могут сопоставить сведения по истории, почерпнутые из учебников и на уроках истории, с многочисленными сведениями, получаемыми в семье, из периодической печати, радио, телевидения, Интернета и т.п.

Современное историческое образование должно служить целям консолидации общества, формирования активных его членов, воспитания молодежи на принципах гражданственности и патриотизма. Главной проблемой работы в этом направлении является преподавание курса в условиях множества точек зрения в исторической науке на события XX века, неоднозначная их трактовка, сохранение дискуссионности ряда вопросов Новейшей истории. Важную роль в понимании происходивших в XX веке событий играет обращение к подлинным документам эпохи и развитие аналитических навыков у старшеклассников.

Даже десять прочитанных учебников истории не дали бы им возможности прочувствовать все тяготы войны так, как смог это сделать любой из документов, представленных в документальной выставке «Минувших лет живая память, мы этой памяти верны!», посвященной празднованию знаменательного события в историко-культурной жизни республики – 72-й годовщине со Дня Победы в Великой Отечественной войне.

На выставке были представлены документы фондов учреждений среднего образования республики, фондообразователей Архивного фонда

ЛНР – это и сочинения учащихся школ, выдержки из личных записей, относящиеся как к периоду 1941–1945 годов, так и к событиям лета 2014 года. В экспозициях выставки особое место заняли рисунки учащихся среднеобразовательных школ, посвященные боевым действиям в г. Луганске в 2014–2015 годах. Выставка пользовалась большой популярностью и привлекла к себе обширную аудиторию. Одними из первых выставку посетили учащиеся Государственного учреждения «Луганская специализированная школа I–III ступеней № 33». Знакомство с подлинными документами, десятилетиями хранящимися на полках стеллажей фондов Государственной архивной службы Луганской Народной Республики (Госархив ЛНР), произвело впечатление на посетителей, и оставивших отзывы в «Журнале отзывов» [5].

Документы выставки «Минувших лет живая память, мы этой памяти верны!», которые как исторические источники несут многоплановую информацию: от содержания, до стиля и грамотности исполнения, качества бумаги (например, записи между газетных строк химическим карандашом из-за отсутствия чернил), вызвали несомненный познавательный интерес у школьников и колоссальный воспитательный эффект.

Этой же дате Государственная архивная служба Луганской Народной Республики подготовила электронную документальную выставку «Письма с фронта». Целью выставки, прежде всего, является рассказать о суровой правде фронтовой жизни и трогательной заботе фронтовиков о своих родных и близких в суровые годы Великой Отечественной войны.

Архивы как научные учреждения не готовы принять такую массу школьников, а школьник не должен в процессе изучения школьного курса истории работать с подлинными архивными документами, но должен соблюдаться принцип личного интереса школьника и его умение анализировать исторические источники на практических занятиях в рамках уроков истории. Приведем как пример изданное заведующей кафедрой истории Отечества Луганского национального университета (ЛНУ) имени Тараса Шевченко Татьяной Анпиловой учебное пособие «Выдающиеся деятели Луганщины».

Учебное пособие содержит комплект из 36 портретов, краткие биографии известных земляков, чьи имена олицетворяют патриотизм, мужество, героизм и большую преданность Отечеству: героев-молодогвардейцев, Климента Ворошилова, Владимира Даля, Владимира Шевченко, Христины Алчевской и других. Пособие подготовлено для изучения измененного учебного курса «История Отечества». Тексты и опубликованные документы можно использовать при проведении тематических вечеров, классных часов и оформлении кабинетов истории. Также пособие могут использовать в

музеях и библиотеках республики [13].

Учащиеся могут использовать учебное пособие «Выдающиеся деятели Луганщины» при подготовке к домашним заданиям и олимпиадам исторического направления, написании сочинений и рефератов, оформлении выставок.

Издание учебного пособия «Выдающиеся деятели Луганщины» является одной из форм использования архивных документов в процессе преподавания истории в средней общеобразовательной школе. В данном случае информация, заимствованная из документов, содержащихся в Архивном фонде ЛНР, играет значительную роль в развитии исторической науки и краеведения.

Документы, рассказывающие о жизни людей в нашем крае, более понятны и близки учащимся, чем отвлеченное изучение исторических событий. В целом документы Госархива ЛНР позволяют конкретизировать, а также сделать нагляднее и доступнее изучение отечественной истории. Учитель может применять подборки архивных материалов Госархива ЛНР на уроках истории при изучении многих тем, особенно там, где Донбасс сыграл не последнюю роль в развитии событий в целом. Так, при изучении темы «Первая российская революция 1905–1907 гг.» школьники могут познакомиться с конкретными требованиями бастующих рабочих Донбасса, что позволит им лучше усвоить вопрос о причинах революции, понять мотивы выдвижения конкретных требований рабочими.

Документы различных органов власти, занимавшихся жизнью Русской Православной Церкви в 20-е годы XX века, и религиозных общин дают возможность четче представить сложившуюся в стране религиозную ситуацию. Прежде всего, это списки религиозных общин, распоряжения органов власти по различным аспектам жизни Церкви, использование потенциала Православной Церкви в период голода 1921–1923 годов и более позднего периода – индустриализации [14].

С ноября по декабрь 2016 года в помещении Государственной архивной службы Луганской Народной Республики с целью патриотического воспитания молодого поколения Луганской Народной Республики на героических подвигах молодежи Луганского края работала документальная выставка на тему: «Молодежно-патриотическое движение на Луганщине – связь поколений». Выставка содержала следующие разделы:

- молодежное движение в годы революционных событий 1917 года;
- первые шаги комсомола;
- участие молодежи в индустриализации Донбасса;
- вклад молодежи Луганского края в победу над нацизмом;
- движение сопротивления в период оккупации;

- создание и деятельность подпольной организации «Молодая Гвардия»;
- увековечение памяти.
- Молодежь на передовых рубежах [5].

Среди других архивных документов на выставке экспонировались фотографии и источники, освещающие деятельность комсомольских организаций Луганщины и, в частности, подпольной организации «Молодая Гвардия». Были выставлены документы фонда среднеобразовательной школы №7 г. Луганска, связанные с Третьякевичем Виктором Иосифовичем, в частности, его комсомольский билет. В. И. Третьякевич был секретарем комитета комсомола СШ №7 г. Луганска (г. Ворошиловграда) перед началом Великой Отечественной войны. В 1942 году Виктор Иосифович Третьякевич стал членом Ворошиловградского подпольного горкома комсомола и партизанского отряда И. М. Яковенко, впоследствии одним из организаторов, членом штаба и комиссаром подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия» [5].

Первыми экспозицию выставки посетили студенты Луганского национального университета имени Владимира Даля и Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, а также учащиеся Государственного учреждения «Луганская специализированная школа I-III ступеней № 33».

Не обойтись без использования документов архива и для раскрытия тем, посвященных Великой Отечественной войне. Документы документальных и online-выставок Государственной архивной службы Луганской Народной Республики (Госархив ЛНР):

- «Взгляни в глаза войны», посвященная 73-й годовщине освобождения города Луганска (г. Ворошиловграда) от фашистских захватчиков (документальная и online-выставка);

- «Через года, через века помните...», посвященная 71-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне;

- «Герои Великой Отечественной Войны – наши земляки», посвященная 71-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (online-выставка);

- «Пусть никогда не будет войны!», посвященная 75-летию начала Великой Отечественной войны (online-выставка);

- «Карикатура в суровые годы Великой Отечественной войны» (online-выставка по документам газетного фонда) как нельзя лучше помогают школьникам понять, как жил, что чувствовал человек, каков был быт и проблемы человека обозначенного периода [5]. На сегодняшний день рассекречены архивные документы, позволяющие восстановить «историческое равновесие» в знаниях об этом периоде.

Исходя из опыта работы многих школ города (например, Государственного учреждения

«Луганская специализированная школа I-III ступеней № 40»), заметим, что конкретизация общеисторических представлений на местных документальных материалах интересна большинству старшеклассников вне зависимости от выбранного ими профиля обучения. Происходит это прежде всего потому, что многие события приближены к школьникам через историю своей семьи, поэтому не могут быть им неинтересны. Например, выставка, посвященная Дню космонавтики, который ежегодно 12 апреля отмечают жители всего мира, подготовлена на основе архивных документов Газетного фонда Луганской Народной Республики, но используются и документы, которые хранятся в музее Государственного учреждения «Луганская специализированная школа I-III ступеней № 40», связанные с именем летчика-космонавта, дважды Героя Советского Союза Комарова Владимира Михайловича [15, с. 1; 16, с. 1].

Таким образом, проведение практикумов со старшеклассниками позволяет развивать у них в ходе изучения документов аналитические, исследовательские навыки, а также умение оценивать исторические события, вырабатывать и отстаивать собственные суждения, нередко позволяет формировать навыки ведения дискуссии. Обращение к подлинным документам в ходе проведения практикумов позволяет обучающимся увидеть детали исторического процесса, сформировать собственное мнение на развитие исторических событий, сопоставив его с точкой зрения профессиональных историков, выраженной в учебных пособиях.

Например, старшеклассники Государственного учреждения «Луганская специализированная школа I-III ступеней № 33», занимающиеся в исторической и краеведческой секциях школьного Научного общества, как правило, используют архивные документы в исследовании какой-либо проблемы. Работа с подлинными архивными документами увлекает и завораживает ребят. Опыт показывает, что старшеклассники способны овладеть методикой проведения исследования и даже вносить новые знания в историю Донбасса.

Выводы. Таким образом, одним из основных принципов использования документов Архивного фонда Луганской Народной Республики является общедоступность и открытость получения документной информации. Через документ, через практику работы с источником старшеклассники овладевают навыками исследовательской деятельности и, как результат, осознанно выбирают себе специальность, становятся студентами исторических, политологических и других гуманитарных специальностей высших учебных заведений Луганской Народной Республики. Использование архивных документов и хранящейся информации способствует не только формированию адекватного отношения к историческому прошлому,

но и формированию исторического сознания, любви к родному краю, к своей стране.

Результаты исследования могут быть использованы для практического применения во всех архивных учреждениях Луганской Народной Республики и на занятиях в учебных заведениях по дисциплине «Архивоведение».

Литература

1. Капустина Н.И. Бобровский архив Воронежской области: использование документов // Отечественные архивы. – 1999. – № 2. – С. 45-60.

2. Павлова Т.Ф. Пользователи в читальных залах федеральных архивов: проблемы доступа и обеспечения информационных потребностей // Вестник архивиста. – 2007. – № 1. – С. 8-17.

3. Ушакова Е.М. ЦДНИ Удмуртской Республики: использование документов общественных объединений // Отечественные архивы. – 2001. – № 6. – С. 145-158.

4. Куралина Т.Б. Общественная потребность в ретроспективной информации на современном этапе // Вестник архивиста. – 2002. – № 1 (67). – С. 56-71.

5. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (Госархив ЛНР). URL: <http://garhivelg.su/index.php/normative/> (дата обращения: 05.05.2017).

6. Закон ЛНР «Об информации, информационных технологиях и защите информации». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza> (дата обращения: 14.05.2017).

7. Проект Закона ЛНР «Об архивном деле». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza> (дата обращения: 14.05.2017).

8. Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики № 297 «Порядок исполнения архивами запросов юридических, физических лиц на основании архивных документов и оформления архивных справок, архивных выписок, архивных копий». URL: <http://sovminlnr.su/akt/10.06.2016/297.pdf> (дата обращения: 14.05.2017).

9. Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики года № 378 «Порядок пользования документами Архивного фонда Луганской Народной Республики в архивных учреждениях». URL: <http://sovminlnr.su/akt/01.08.2016/378.pdf> (дата обращения: 14.05.2017).

10. Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики № 109/17 «Правила организации делопроизводства, комплектования, хранения, учета и использования документов в государственных органах, органах местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях, организациях». URL: http://sovminlnr.su/akt/23.03.2017/109_17.pdf (дата обращения: 14.05.2017).

11. Основные правила работы архивов организаций / Под ред. В. А. Еремченко. – М.: ВНИИДАД, 2003. – 110 с.

12. Правила работы исследователей в читальных залах государственных архивов РФ. – М.: Росархив, ВНИИДАД, Росархив, ВНИИДАД, Росархив, ВНИИДАД, 1998. – 99 с.

13. Анпилогова Т. Выдающиеся деятели Луганщины: Учебное пособие / Т. Анпилогова. – Луганск: Пресс-экспресс, 2017. – 200 с.

14. Трагические страницы истории православия на Луганщине в первой половине XX века // Жизнь Луганска.

– 2017. – №10-11. URL: <http://garhivelg.su/wp-content/uploads/2015/08/pravoslavie.pdf> (дата обращения: 14.05.2017).

15. Полет человека на другие планеты возможен // Луганская правда. – 1961. – № 57 (125761). – С. 1.

16. В. М. Комаров, командир корабля, летчик-космонавт // Комсомолец Донбасса. – 1964. – №123 (6118). – С. 1.

References

1. Kapustina N. I. Bobrovskiy arhiv Voronezhskoy oblasti: ispolzovanie dokumentov // Otechestvennyye arhivyi. – 1999. – № 2. – S. 45-60.

2. Pavlova T. F. Polzovateli v chitalnyih zalah federalnyih arhivov: problem I dostupa I obespecheniya informatsionnyih potrebnostey // Vestnik arhivista. – 2007. – № 1. – S. 8-17.

3. Ushakova E.M. ZDNI Udmurtskoy Respubliki: ispolzovanie dokumentov obschestvennyih ob'edineniy // Otechestvennyye arhivyi. – 2001. – № 6. – S. 145-158.

4. Kuralina T.B. Obschestvennaya potrebnost v retrospektivnoy informatsii na sovremennom etape // Vestnik arhivista. – 2002. – № 1 (67). – S. 56-71.

5. Gosudarstvennaya arhivnaya sluzhba Luganskoy Narodnoy Respubliki (Gosarhiv LNR). URL: <http://garhivelg.su/index.php/normative/> (data obrascheniya: 05.05.2017).

6. Zakon LNR «Ob informatsii, informatsionnyih tehnologiyah i zaschite informatsii». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza> (data obrascheniya: 14.05.2017).

7. Proekt Zakona LNR «Ob arhivnom dele». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza> (data obrascheniya: 14.05.2017).

8. Postanovlenie Soveta Ministrov Luganskoy Narodnoy Respubliki № 297 «Poryadok ispolneniya arhivami zaprosov yuridicheskikh, fizicheskikh lits na osnovanii arhivnyih dokumentov i oformleniya arhivnyih spravok, arhivnyih vyipisok, arhivnyih kopiy». URL: <http://sovminlnr.su/akt/10.06.2016/297.pdf> (data obrascheniya: 14.05.2017).

9. Postanovlenie Soveta Ministrov Luganskoy Narodnoy Respubliki goda № 378 «Poryadok polzovaniya dokumentami Arhivnogo fonda Luganskoy Narodnoy Respubliki v arhivnyih uchrezhdeniyah». URL: <http://sovminlnr.su/akt/01.08.2016/378.pdf> (data obrascheniya: 14.05.2017).

10. Postanovlenie Soveta Ministrov Luganskoy Narodnoy Respubliki №109/17 «Pravila organizatsii deloproizvodstva, komplektovaniya, hraneniya, ucheta i ispolzovaniya dokumentov v gosudarstvennyih organah, organah mestnogo samoupravleniya, na predpriyatiyah, v uchrezhdeniyah, organizatsiyah». URL: http://sovminlnr.su/akt/23.03.2017/109_17.pdf (data obrascheniya: 14.05.2017).

11. Osnovnyie pravila raboty arhivo v organizatsiy / Pod red. V. A. Eremchenko. – M.: VNIIDAD, 2003. – 110 s.

12. Pravila raboty issledovateley v chitalnyih zalah gosudarstvennyih arhivov RF. – M.: Rosarhiv, VNIIDAD, Rosarhiv, VNIIDAD, Rosarhiv, VNIIDAD, 1998. – 99 s.

13. Anpilogova T. Vyidayuschiesya deyateli Luganshiny: Uchebnoe posobie / T. Anpilogova. – Lugansk: Press-ekspress, 2017. – 200 s.

14. Tragicheskie stranitsy istorii pravoslaviya na Luganshine v pervoy polovine XX veka // Zhizn Luganska. – 2017. – №10-11. URL: <http://garhivelg.su/wp>

content/uploads/2015/08/pravoslavie.pdf (data obrascheniya: 14.05.2017).

15. Polet cheloveka na drugie planetyi vozmozen // Luganskaya pravda. – 1961. – № 57 (125761). – S. 1.

16. V. M. Komarov, komandir korablya, letchik-kosmonavt // Komsomolets Donbassa. – 1964. – №123 (6118). – S. 1.

Kaminska O.V., Omelyanenko I. A., Pidchenko S.A.
USE OF ARCHIVAL INFORMATION IN INSTITUTIONS OF SECONDARY EDUCATION

Article considers use of information of the Luhansk People's Republic which is contained in documents of archival fund. Acts of the Luhansk People's Republic, the order and decrees of the Head of LPR, the Resolution of Council of ministers of LPR, the instruction and methodical recommendations by which are guided in the course of work on use of documents of Archival fund of LPR are analysed. Work on use of archival documentary riches allows to judge many-sided activity of archivists, demonstrates efficiency and the public importance of their work. Practice of use of archival documents at high comprehensive schools shows that close interaction of archivists and consumers of information is the most important factor of satisfaction of inquiries of society in retrospective document information. Use of archival documents expands scope of document information at history lessons when studying many subjects, especially where Donbass has played not the last role in succession of events countrywide.

Key words: archival document, archival establishment, archival information, archival fund.

Каминская Оксана Валериевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедры документоведения и технотронной информологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

Омельяненко Ирина Алексеевна – старший преподаватель кафедры документоведения и технотронной информологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

Пидченко Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и технотронной информологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

Kaminska Oksana Valerievna – the Candidate of Philosophical Sciences, the Associate Professor manager of Department of Document Science and Technetronic Informologiya of the Luhansk national university of Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: kamo06@yandex.ru

Omelyanenko Irina Alekseevna – Senior Teacher of Department of Document Science and Technetronic Informologiya of the Luhansk National University of Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: irinaomelyanenko@i.ua

Pidchenko Svetlana Anatolyevnais – the Candidate of Historical Sciences, the Associate Professor of Document Science and a Technetronic Informologiya of the Luhansk National University of Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: sp-m66@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, директор Института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 20.10. 2017

УДК 572+303.01

ФИЛОСОФСКИЕ МЕТОДОЛОГИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА МЕТОДА

Долженко О.А.

PHILOSOPHICAL METHODOLOGIES OF DEFINITION OF POLYMENTALITY OF MAN: PROBLEM OF METHOD

Dolzhenko O.A.

В статье автор представляет обзор возможных научных методов и подходов определения полиментальности, акцентирует внимание проблемы разработки методологического подхода к исследованию сущности человека, осуществляет анализ процесса социокультурных трансформаций человека на срезе междисциплинарных наук.

Ключевые слова: антропология, метод, подход, полиментальность, ментальность, герменевтика.

Антропологический поворот XX века в философии связывают с именем М. Шелера и появлением во второй половине 20-х годов новой философской дисциплины – философской антропологии. На самом деле значение поворота значительно шире и определено обстоятельствами века, сделавшего человека проблемой практики преобразований и жертвой техногенной цивилизации. Все социальные проблемы М. Шелер рассматривал как производные неверного истолкования человека. В других подходах часто вопрос ставился обратным образом: социальные проблемы превратили человека в средоточие антропологических перемен. Новая антропология народа оказалась множественной. Традиция противодействия европоцентризму, восходящая к Гердеру, сказала на расширении фронта антропологических исследований. Тема полиментальности вызрела исподволь и к концу XX века заняла место в кругу методологических поисков.

Для М. Шелера человек должен быть постигнут в своей истории как живой, развивающийся, динамичный, ведущий постоянный поиск. Рассматриваемая нами проблема полиментальности находится на стыке разных направлений гуманитарного знания, и поэтому методологической основой исследования следует обосновывать междисциплинарный подход к анализу процесса социокультурных трансформаций человека. Целью данной статьи выступает обзор научных методов и

подходов к полиментальности в свете возможного междисциплинарного синтеза. Гипотетически автор предполагает, что герменевтический ключ к полиментальности выступает неким предварительным синтезом подходов к проблеме, однако не исчерпывает возможных подходов. Отправной точкой исследования может стать констатация рождения философской антропологии в конце 20-х годов, однако сам антропологический поворот содержал предпосылки для оспаривания своих выводов и представлял скорее проблематизацию поля исследований, чем найденное решение.

Базисом для постановки проблемы могут стать исследования В. Дильтея, М. Шелера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра и других философов, близких к кругу создателей и трансформаторов герменевтического знания за пределы первоначального ядра: от текста к полиментальному субъекту.

Важной чертой философской антропологии, занявшей своё место в синтезе наук ранее, чем некоторые другие подходы (антропология во Франции получила название структурной, в США – культурной, в Англии – социальной), для М. Шелера является утверждение некоего разлада, разорванности во внутреннем мире человека. Он писал о «неуравновешенности и дисгармонии человека», наиболее ярко проявляющихся в чувстве стыда» [5, с.31].

В западноевропейской антропологии фиксируется множество существенных и второстепенных различий между людьми как основание для классификации человеческих культур. Примером может послужить различие таких двух типов человеческих культур, как «культура стыда» (shamekulture) и «культура вины» (guiltkulture), которые определяются противоположностью фундаментальных критериев оценки поведения индивида. В «культуре стыда» эти оценки имеют внешний характер – одобрение

или порицание членов данного сообщества; в «культуре вины» на первый план выступает внутренняя система ценностей – «суд совести», не зависящий от «суда толпы».

М. Шелер делает акцент на чувстве стыда, но разрешение внутренних противоречий за счет внешних оценок поведения вряд ли осуществимо. По Шелеру, современное общество, с его высоким уровнем науки и техники, с повсеместным распространением общего образования, внешней культуры поведения, всевозможных профессиональных, этических и прочих предписаний, строго регламентирующих человеческую жизнь, накладывает слишком тяжкие и обременительные оковы на естественные стремления и инстинкты человека, требует слишком больших жертв со стороны его элементарных, «природных» потребностей. Это Шелер называет «чрезмерной интеллектуальностью». Только осознание внутренней противоречивости и стремление разрешить ее (иначе говоря, «суд совести») делает возможным становление индивида как личности, а вместе с тем осмысление себя не просто как существующего в мире, но и способного познавать собственное бытие и бытие как таковое, испытывать тревогу за судьбу бытия. Поэтому человек должен осознавать свою противоречивую роль в единой системе бытия и исполнять ее с величайшей ответственностью, поскольку вопрос об ответственности каждого человека за судьбы человечества, за бытие человеческого рода и человеческой цивилизации является одним из главных вопросов современности. [5, с.33].

В философских учениях о человеке явственно обнаруживается противоречие между множеством различных моделей и концепций и недостаточной разработанностью теории, обобщающей и суммирующей все эти достижения.

Представляется, что при разработке антропологической модели необходимо опираться на философскую методологию, связанную с решением основных вопросов философской антропологии (например, какие качества человека являются сущностными, какие из них ментально образующие, методы анализа и интерпретации этих качеств. Без этого нельзя будет концептуализировать, что такое полиментальный человек. А без предварительного разграничения и классификации антропологических концептов по сущностным для них признакам нельзя произвести продуктивный синтез пониманий человека, объединить в единое целое то, что прежде не было аналитически разделено и не мыслилось как нечто самостоятельное.

Разумеется, у такого подхода множество предшественников, но акцент на полиментальности как базообразующей функции рассмотрения человека, крайне редок в явной форме, что делает задачу актуально и относительно новой. В современных социально-антропологических

исследованиях, направленных на биологическую интерпретацию сущности человека, особое место принадлежит П. Тейяру де Шардену, М. Шелеру, Х. Плеснеру, А. Портману, А. Гелену. Напротив, культурологическая антропология в лице М. Ландмана и Э. Ротхакера интерпретирует сущность человека как определяемую культурой.

Несмотря на великое множество концепций сущности человека в философии, проблеме собственно метода исследования сущности человека посвящено сравнительно небольшое количество исследований. Актуальной остается проблема выработки методологического подхода к изучению человека, который бы позволял перенести человека как живое, изменчивое, социальное существо в пространство философского дискурса, без утраты при этом его целостности и без сведения исследования к дескрипции человеческих качеств и состояний.

Методологии познания сущности человека посвящен ряд философских исследований. Теорию деления свойств человека на общераспространенные потенции и сущностные атрибуты выдвинули Э. Фромм, Р. Хирау; концепция различения понятий «сущность человека» и «природа человека» принадлежит Л.А. Мясниковой. Интерпретацию сущности человека на уровне разрешения проблемы «сознание – тело» разработал представитель британской аналитической философии Ст. Прист.

Если обратиться к одному из перспективных методологических направлений – философскому моделированию сущности человека, то такое моделирование как мысленное экспериментирование над идеализированными абстрактными объектами или над системами таких объектов имеет большую познавательную ценность в тех случаях, когда нельзя провести реальный эксперимент или применить предметно-математическое моделирование. Но с другой стороны, общим местом уже стало напоминание о том, что для новой парадигмы философской методологии характерно сближение методов естествознания и социально-гуманитарного знания.

Так, в социальных исследованиях применяются методы синергетики (И.Р. Пригожий, С.П. Курдюмов, Г. Хакен, Г. Кюпперс, Х. Адендт) и теории нелинейных динамик (О. Тоффлер, Ж.-Ф. Лиотар). Психоаналитики Ж. Делез и Ф. Гваттари выдвинули в качестве метода исследования общественных процессов шизоанализ, основанный на установлении соответствия между понятиями «социальная машина» и «машина желания». Можно ожидать эффекта и в отношении полиментальности, хотя прямое применение часто затруднено именно европоцентристскими аллюзиями этих методов, рассчитанных на европейскую ментальность прежде всего.

Однако обратимся к собственно философским методам. Основными из них признаются диалектический, критический, эвристический и

герменевтический, которые также должны быть адаптированы к изучению феномена полиментальности в свете междисциплинарного синтеза знаний о ней.

Диалектический метод, подразумевающий рассмотрение объекта сквозь призму движущих его развитие и саморазвитие противоречий, предполагает, что движение (развитие) объекта осуществляется по определенной схеме. Гегелевские триады могут послужить моделью взаимодействия ментальных слоёв внутри носителя или моделированию отношений между носителями различной ментальности. Снятие и синтез ментальных пластов могут быть поняты как диалектический процесс формирования полиментального субъекта. Вопрос скорее в том, будет ли это образование химерическим или устойчивым, искомым или нежелательным?

Критический метод позволяет расширить основания для ответа на предшествующий вопрос при помощи специфического мыслительного способа достижения поставленной цели выявлять и анализировать в объекте его позитивные и негативные стороны относительно цели и средств по ее достижению.

Эвристический метод в свою очередь предполагает проблемное восприятие анализируемой сферы действительности, а также постановку проблемы и выявление методологии ее решения с принципиально новых, «неожиданных» позиций. Можно от противного доказать невозможность отвергнуть полиментальность с позиции монистически данного субъекта, тупиковость игнорирования феномена.

Герменевтический метод предполагает необходимость такого подхода к объекту, при котором в нем выявляются и анализируются не только явные признаки, стороны и отношения, но и те, которые подразумеваются «контекстом» самого существования объекта и спецификой его взаимоотношения с субъектом познания (деятельности). Скрытые проблемы полиментальности выявляются в структурах, где их не ожидали увидеть, например, в правовых установлениях общества, где редукция к основным подходам практически манифестируется как самая высокая («закон один для всех», что не соответствует провозглашаемому принципам взаимодействия ментальности и институций).

Герменевтический подход здесь отражает необходимость не столько знания о каком-то феномене, сколько его понимания, поскольку знание и понимание отличаются друг от друга. Только понимание тех или иных культурных феноменов позволяет проникать в сущность протекающих процессов. Герменевтический метод заслуживает более пристального внимания, так как он легче других обнаруживает проблемное поле, выступает как один из самых распространенных методов исследования любых культурных феноменов.

Изначально герменевтика была связана с толкованием, искусством и методом понимания чужой индивидуальности (Шлеймахер и Ф. Шлегель). Хотя в дальнейшем она была обоснована М. Хайдеггером и Г. Гадамером не просто как метод гуманитарных наук, но как учение о бытии, обогащенное П. Рикером, Т. Куном, А. Аппелем и другими, но как методология переоценки прямых свидетельств нашего сознания и истолкование действительности через синтез текстового и контекстного знания она позволяет войти в проблемное поле взаимодействия ментальности внутри и вне субъекта исследовательской программы.

Принято писать, что иррационалистическая, антиинтеллектуалистская направленность находит свое выражение и в воззрениях сегодняшних приверженцев «философской герменевтики» (или «герменевтической философии»), ведущим представителем которой выступает Г. Гадамер. На самом деле иррациональность свойственна самому феномену и не находит адекватности при воспроизведении сугубо схематическом. Отсюда значение условно-мифологических картин пребывания ментальности в исходном состоянии ради понимания состояния искомого.

С помощью психологического «вживания» можно проникнуть во внутренний мир носителей полиментальных «текстов», практикующих полиментальность деятелей, реконструировать события, связанные с полиментальностью, понять их глубже, чем их осознавали сами участники этих событий, исходившие из примата своей ментальности. Ещё философская герменевтика В. Дильтея соединилась с «философией жизни», стремясь к пониманию изнутри, а не внешнему объяснению взаимодействия субъектов. Выступая с позиций критики «исторического разума», Дильтей доказывал, что основная проблема понимания истории – это прежде всего интуитивное переживание. «Факты, относящиеся к обществу, мы можем понять только изнутри, только на основе восприятия наших собственных состояний... С любовью и ненавистью, со всей игрой наших аффектов созерцаем мы исторический мир. Природа же для нас безмолвна, она нам чужда, она для нас внешнее. Общество – наш мир» – подчеркивает Дильтей. [2, с.61]

По Дильтею, «жизнь» – это прежде всего духовный процесс, то, что человек думает, чувствует и хочет; «жизнь», «переживание» – это постоянный поток ощущений, желаний, восприятий, представлений и т. п., который мы не можем познать умом, с помощью рациональных категорий мышления. Для постановки проблемы полиментальности главное здесь – внутренний психологический опыт, интуитивное переживание фактов сознания. Ключом к решению проблемы научного познания духовно-исторического мира личности становится у Дильтея анализ понимания,

которое может иметь различные градации – в зависимости от интереса, испытываемого человеком к рассматриваемому им предмету. В высших своих формах понимание доводится до специализированного искусства, которое в его применении к фиксированным жизненным высказываниям Дильтей называет истолкованием, или интерпретацией.

Традиционная герменевтика интересуется Дильтея как «интерпретация сохранившихся в тексте остатков человеческой жизни». По отношению к жизни нельзя занять некую внешнюю ей «исследовательскую» позицию, подвергать ее рассмотрению как нечто имеющееся. Понимание жизни может быть развернуто только из самого человека и постепенно расширено за счет переработки и усвоения нового опыта. Г. Гадамер провозгласит герменевтику универсальной философией нашего времени. Идеал исторического понимания коренится не в том, чтобы познать, как вообще развиваются люди, народы, государства, а в том, чтобы понять, каков этот человек, этот народ, это государство, каково было их становление и т. д.

Отвергая утилитарный подход к науке, ориентацию на «голую» эффективность полученных достижений (правильно лишь то, что функционирует), Гадамер утверждает, что любое познание имеет социально-политическое значение, и только философия включает фактор моральной и социальной ответственности, поскольку лишь она дискутирует о настоящих целях человеческого бытия, о его историческом происхождении и его будущем.

Гадамер открыто провозглашает неспособность разума и науки познать жизнь, мир истории. То, «что является жизненным... в действительности никогда по-настоящему не познается предметным сознанием, напряжением разума, который стремится проникнуть в закон явлений. Жизненное – не такого свойства, чтобы можно было извне достичь постижения жизненности. Напротив, единственный способ постичь жизненное – это постичь его изнутри» [1, с. 304].

Отвергая объективные, научные методы познания истории, познания «жизни» как результат некоего «ложного опредмечивания», Гадамер вместе с тем стремится отмежеваться от откровенного субъективизма, присущего Ф. Шлейермахеру и В. Дильтею. Если Шлейермахер доказывал, что понимание исторических событий возможно лишь на основе психологического «вживания» во внутренний психологический мир исторических деятелей, то В. Дильтей полагал, что для понимания истории главное – проникнуть в субъективный мир исторических персонажей. Что касается самих исторических событий, то они, по Дильтею, чтобы быть «интересными» для историка, должны быть в достаточной степени «мертвыми». Только тогда можно будет исключить субъективное участие исследователя. Гадамер, напротив, критикует

справедливо субъективистский психологизм Шлейермахера и Дильтея, показывает несостоятельность их усилий восстановить для понимания первоначальную направленность произведения (исторического события, предания, текста и т. п.). Напрашивается аналогия исторических событий и исторического формирования полиментальных комплексов – оснований для полиментального мотивируемого поведения и практики взаимодействия разно ориентированных субъектов.

С точки зрения Гадамера, ждуть «омертвления» исторического события – это парадокс, научно-теоретическое соответствие старой моральной проблеме о том, можно ли назвать кого бы то ни было счастливым до его смерти. По мнению Гадамера, восстановление изначальных обстоятельств, как и всякая реставрация, – это наивное и бессильное начинание перед лицом историчности нашего бытия. Восстановленная, возвращенная из отчуждения жизнь не тождественна жизни изначальной. Точно так же герменевтическая деятельность, для которой пониманием называлось бы восстановление первоначального, – это только сообщение «умершего смысла».

По Гадамеру, подлинное понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением. Оно требует постоянного учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех исторических обстоятельств, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и сегодняшней духовной атмосферы; это не только не затрудняет, а, напротив, способствует процессу понимания истории.

Гегель в свое время справедливо подчеркивал, что сущность исторического духа заключается не в восстановлении прошедшего, а в мыслящем опосредовании с современной жизнью. Это опосредование, по Гегелю, ничуть не имеет какого-либо внешнего или дополнительного отношения. Оно – путь к истине.

Представляется, исследователь, изучая культуру, ментальность, должен учитывать, что авторская рефлексия, размышления, свидетельства участников исторических событий не всегда тождественны ментальности, духу самой культуры.

Гадамер, в противовес Шлейермахеру и Дильтею, односторонне ставящим интерпретатора в историческую ситуацию автора текста и игнорирующим его собственную историческую обусловленность, требует сближения и слияния «горизонтов» (исторических ситуаций) того и другого. Понимание – это процесс слияния горизонтов, подчеркивает Гадамер.

Лишь осознание интерпретатором собственной исторической обусловленности, проникновение в историческую ситуацию, подлежащую пониманию, указывает он, способствует преодолению как его

собственной партикулярности, так и партикулярности текста, приводит истолкователя к образованию нового, более общего, более широкого «горизонта».

Прежде всего необходимо учитывать, что интерпретатор, подходя к тексту, всегда уже имеет определенное предварительное его понимание (предпонимание), детерминированное условиями и культурой, в которых он живет. Это предпонимание имеет характер предрассудка. Сам по себе предрассудок означает суждение, которое выносится до окончательной проверки всех предметно определяющих моментов. В методике правоверения предрассудок означает справедливое решение до вынесения подлинного окончательного приговора. Таким образом, предрассудок не означает ложного суждения, он может быть оценен и положительно, и отрицательно [1, с.322-323].

Но чтобы избавиться от отрицательных предрассудков, необходимо постоянно вести диалог с изучаемым преданием, текстом, событием, постоянно вопрошать традицию. Действия живой традиции и действия исторического исследования образуют деятельное единство.

Дело здесь обстоит так же, как в отношениях между «Я» и «Ты». Тот кто путем рефлексии выводит себя из двусторонности этих отношений, изменяет их, разрушая их нравственную обязательность» [1, С. 424].

Бесспорно, у Гадамера есть все основания утверждать: человек, чтобы понять то или иное явление действительного мира истории или истолковать «текст», должен обладать определенным рода «историческим пониманием»; понять историческую ситуацию, в которой живет и действует, уяснить имеющиеся в нем самом «предрассудки», стремиться понять исторические обстоятельства, в которых разворачивались события прошлого, то есть «вжиться» в «текст», «чувствовать» его, и лишь на этой основе истолковывать, интерпретировать, оценивать исторические факты, события и процессы. К истине исследователь должен идти, ведя постоянный «диалог» с «текстом», с окружающим сегодняшним миром и миром истории.

М.Л. Гаспаров отмечает традицию: комментировать, оценивать историческое событие, документ так, чтобы читатель воспринимал перевод, интерпретацию исторического документа, как современники воспринимали оригинал». По его мнению, этого недостаточно. Поэтому дать комментарий не к частностям, а к целому, представить памятник не очередной иллюстрацией к какому-то (будто бы) заранее известному образу античности, а первым вступлением к чему-то еще неизвестному, далекому и сложному, что называется античной культурой – вот что требуется от современного комментатора.

Выводы. Герменевтический ключ к полиментальности возвращает нас к антропологическому повороту М. Шелера, подготовленному всей предшествующей логикой развития этой дисциплины даже без прямого указания на источники Шелера. Понимание и истолкование текстов очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом, в том числе и опыта полиментальности.

Изначально герменевтический феномен вообще не является проблемой метода, но при понимании того, что передано нам исторической традицией, не просто понимаются те или иные тексты, но вырабатываются определенные представления и постигаются определенные истины.

Актуальность герменевтического феномена основывается, с точки зрения Гадамера, на том, что лишь углубление в феномен понимания может привести к подобной легитимации.

По мнению герменевтиков, философский опыт не входит в логику науки, лежит вне науки, предшествует ей, его нельзя верифицировать средствами научной методологии. Подобно опыту искусства и религии, он базируется прежде всего на интеллектуальном созерцании, на интуиции.

Диалог с историей необходим для понимания сути именно современных явлений. Научное понимание современности не может быть результатом изолированного рассмотрения данного исторического бытия; чтобы осмыслить настоящее, мы должны постоянно обращаться к прошлому.

Литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики : Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Дильтей В. Сущность философии / В. Дильтей. – пер. с нем. М.Е. Цельтера – М. : «Интрада», 2001. – 144 с.
3. Кимелев Ю.А. Современная буржуазная философско-религиозная антропология / Ю.А. Кимелев. – М., 1985. – 143 с.
4. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. – пер. с нем. А.Л. Вольского. Научный редактор Н.О. Гучинская – СПб: «Европейский дом». 2004. – 242 с.
5. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988 – 518 с.
6. Шелер М. Социология знания / Пер. с нем. А.Н. Малинкина // Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 1. – С. 160–171.

References

1. Gadamer H.-G. Istina i metod : Osnovyi filosofskoy germenевtiki : Per. s nem. / Obsch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. – M. : Progress, 1988. – 704 s.
2. Diltey V. Suschnost filosofii / V. Diltey. – per. s nem. M.E. Tseltera – M. : «Intrada», 2001. – 144 s.
3. Kimelev Yu.A. Sovremennaya burzhuaznaya filosofsko-religioznaya antropologiya / Yu.A. Kimelev. – M., 1985. – 143 s.

4. Shleyermaher F. Germenevtika / F. Shleyermaher. – per. s nem. A.L. Volskogo. Nauchnyiy redaktor N.O. Guchinskaya – SPb: «Evropeyskiy dom». 2004. – 242 s.

5. Sheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose / M. Sheler // Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: Perevodiy / Sost. i poslesl. P.S. Gurevicha; Obsch. red. Yu.N. Popova. – M.: Progress, 1988 – 518 s.

6. Sheler M. Sotsiologiya znaniya / Per. s nem. A.N. Malinkina // Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: V 2-h ch. / Per. s angl., fr., nem., it.; sost. i obsch. red. S.P. Bankovskoy. – M.: Knizhnyiy dom «Universitet», 2002. – Ch. 1. – S. 160–171.

Dolzhenko O.A.
**PHILOSOPHICAL METHODOLOGIES OF
DEFINITION OF POLYMENTALITY OF MAN:
PROBLEM OF METHOD**

In the article the author presents a review of scientific methods and approaches to definition of polymentality, draws attention to the problem of development of methodological approach to investigation of human essence, analyzes the

process of sociocultural transformations of man on the level of interdisciplinary sciences.

Key words: *anthropology, method, approach, polymentality, mentality, hermeneutics.*

Долженко Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Dolzhenko Olga Aleksandrovna – Senior Teacher of Department of Psychology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

Рецензент: Шелото Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 20.10. 2017

УДК 378.034+378. 036

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ КУЛЬТУРЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Сергеева Н.В.

THE PRESERVATION OF CULTURAL TRADITIONS A NECESSARY CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Sergeeva N.V.

Активизация культуротворческого процесса в ЛНР и целом в мире, стратегия возрождения традиций народной культуры диктует необходимость неотложного решения комплекса задач, которые касаются создания, сохранения, распространения и усвоения духовных достояний народа. Достижение этой цели обеспечит формирование стремления у студенческой молодежи к духовной творческой, нравственно-эстетической жизнедеятельности, которая будет сочетать в себе традиции и новации.

Ключевые слова: культура, традиции, ЮНЕСКО, религия, духовность, морально-эстетическое воспитание

Введение. Культурные традиции – универсальный ресурс, абсолютная ценность общества, народный капитал. Культурным традициям народа в XXI веке предстоит стать мерой Истины, Добра, Красоты как сущностных основ цели, процесса, средства, способа и результата человеческой жизни.

Первым и необходимым условием развития и самоопределения каждого народа является наличие в социальном организме этноса достаточно влиятельного слоя интеллектуальной элиты, которая олицетворяет все духовные и культурные чаяния народа, сохраняет и развивает «код народа», берет на себя ответственность осмысливать и предвидеть судьбу общества, влиять на ход исторических процессов.

Методологической основой рассматриваемой проблемы послужили положения философии и культурологии о преемственности как необходимом условии развития материальной и духовной культуры, а также труды, рассматривающие проблемы функционирования культуры и управления культурными процессами (М.С. Каган, С.Н. Иконникова У.Ю. Фохт-Бабушкин); культурной традиции (Д. С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Э.С. Маркарян, Э.В.Соколов); соотношения «общих» и «локальных» культурных традиций (С.Н. Артановский, Э.С. Маркарян); этнического в традиционной народной культуре (Ю.В. Бромлей,

Л. Н. Гумилев, С.Б. Рождественская, М.А. Лекрасова, К.В. Чистов, М.И. Имханицкий).

Цель статьи – рассмотреть вопросы необходимости возрождения социальной наследственности поколений и нарушенной культурной, исторической самоидентификации в современном обществе.

Изложение основных материалов. Традиционно мероприятия охраны культурного наследия были исключительно сферой внутренней деятельности государств. Осознание международным сообществом исключительной важности этих аспектов жизнедеятельности человека способствует тому, что защита культурных ценностей становится предметом международного правового регулирования.

Первые специальные нормы международного права в сфере охраны культурного наследия регламентировали вопросы защиты объектов культуры во время вооруженных конфликтов, это – Договор о защите художественных и научных учреждений и исторических памятников 1935 г. (известный как Пакт Рериха), Конвенция ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и др.

Кроме того, в последнее время международные институты, в первую очередь ЮНЕСКО, обращают внимание на необходимость усиления международной правовой защиты нематериальных форм культуры, таких как народные песни, легенды, мифы, обряды, традиции, народная медицина, верования и т.д. В отличие от материальных форм культуры, этот вид культурного наследия является наиболее уязвимым, поскольку зависит от ее носителей и среды, в которой они существуют.

Первоначальной концепцией культуры, которая была заложена в основу культурной политики ЮНЕСКО, была «культура открытая для всех» («доступ к культуре»). Концепция давала приоритет популяризации прогрессивных

достижений культуры по сохранению культурной самобытности народов.

Хотя термин «культурная политика» появился лишь в XX веке, обозначенная им деятельность существовала со времен человеческого сообщества, а именно, с возникновением государства. Государственная культурная политика представляет собой совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры.

Субъектами культурной политики выступают: физические лица (создатели, потребители культурных ценностей, меценаты, спонсоры, государственные деятели, управленцы, политические деятели, другие физические лица); коллективные субъекты (учебные заведения, внешкольные учреждения, общественные организации, в том числе религиозные, политические партии, телевизионные и радиокomпании, издательства, другие юридические лица); человеческие сообщества (субкультуры, социальные слои населения); государство; общество.

История развития образования и воспитания в Украине указывает на то, что религия, церковь играли в ней решающую роль. Особое значение в истории украинцев имеет православие. Население, которое испокон веков проживало на территории современной Украины, всегда было религиозным, за исключением незначительного по времени советского периода. В Украине вопрос о месте нравственно-религиозного воспитания в сфере воспитательного влияния на ребенка было решено законодательно: школа отделена от церкви. Однако в последнее время государство начинает предпринимать более решительные шаги навстречу церкви.

Возможно, это связано с распространением среди населения Украины нетрадиционных и новейших религиозных течений, прежде всего неохристианских и исторически не укорененных в Украине религиозных образований, которым оказывают значительную финансовую поддержку зарубежные миссии. Деятельность некоторых нетрадиционных религиозных общин негативно влияет на психику своих последователей, заставляя их к самоизолироваться, приводит к полному разрыву с социумом, семьей.

Задачей государства в этой сфере должно стать принятие мер по предотвращению появления, развития и регистрации деструктивных культов. Кроме того, обязанность усваивать и хранить духовные сокровища прошлых поколений должно стать одним из ведущих принципов современной системы воспитания.

Для Украины любые попытки двигаться в нетрадиционном направлении чреваты морально-

эстетической деградацией общества и полным параличом духовных сил народа.

П. А. Флоренский рассуждает о том, что религия находится над явлениями духовной культуры, культура возникает на основе религии: искусство родилось как культовое, наука и философия явились как попытка осмыслить религиозный взгляд на мир, а мораль и право всегда базировались на религиозных заповедях.

Содержание культурных ценностей задается религиозным сознанием. Непосредственным бытием сознания наций, формой жизни этносов встает морально-эстетическое мироощущение, которое аккумулируется в традициях народной культуры как специфическая форма отражения действительности.

Культурная самобытность определяется как совокупность неповторимых и незаменимых ценностей, традиций и форм выражения народа, с помощью которых он представляет себя в мировом сообществе и расширяет возможности для всестороннего развития человека. Национальная культурная самобытность тесно связана с таким стратегическим приоритетом, как сохранение культурного наследия народа, прежде всего духовного – обычаи, традиции, ценности, фольклор и т.п.

Национальную народную культуру нельзя ограничивать какими-то рамками, ее необходимо рассматривать как целостную систему, многогранность и разносторонность которой позволяет нам глубже понять особенности этнического мировосприятия и миропонимания.

Влияние морально-эстетического содержания традиций народной культуры на развитие наций является настолько очевидным и масштабным, что пренебрежение им является, на наш взгляд, недальновидным и безответственным. Традиция как наш эмоционально-чувственный опыт образует своеобразный жизненный контекст, в котором происходит наше личностное становление. Ведь процесс формирования личности разворачивается в контексте культурных традиций, которые человек усваивает.

А. Кураев рассуждает о том, что в глазах христианина культура похожа на жемчужину. Речь идет не о красоте, а о схожести происхождения. Жемчужина возникает из грязи, из песчинки, попавшей к нему в тело, обволакивает его слоями перламутра, то есть строит еще одну раковину, но на этот раз уже внутри, а не вокруг себя. То, что постороннему кажется украшением, на самом деле является признаком нарушения естественного хода органической жизни, болезнью. Культура похожа на жемчужину. Она возникла как следствие болезни человечества. Культурой мы обволакиваем грязь, которая попала в наши души. Слоями культурного перламутра мы защищаемся от пустоты, которая вторглась в нашу жизнь[5, с.51].

Выводы. Мы убеждены в том, что присутствие национально-исторического и национально-

культурного измерения в отечественном образовании создаст условия для формирования нравственно-эстетической культуры, целостного национального сознания, позволит студентам самоидентифицировать себя с культурой, возродит национальное и историческое достоинство народа в целом.

Наше видение важности обозначенной проблемы подкрепляется итоговым документом Всемирной конференции ЮНЕСКО по вопросам политики в области культуры. К числу принципиальных положений по вопросам культурной самобытности входят, в частности, такие

- любая культура представляет собой совокупность неповторимых и незаменимых ценностей,

- только через свои традиции и формы выражения каждый народ может заявить о себе всему миру- утверждение культурной самобытности способствует освобождению народов, и наоборот,

любая форма господства является ограничением такой самобытности или угрозой ее существованию;

- культурная самобытность является неоценимым достоянием, которое расширяет возможности для всестороннего развития человека, мобилизуя каждый народ и каждую группу, заставляет их черпать силы в своем прошлом;

- международное сообщество считает своим долгом сохранять и защищать культурное наследие каждого народа;

- нужна такая культурная политика, которая бы охраняла, развивала и обогащала самобытность и культурное наследие каждого народа; незнание культуры той или иной группы или ее уничтожение обедняет человечество в целом [3, с. 345-346].

Л и т е р а т у р а

1. Александрова, Е. А. Культурология. История идей и их воплощений. Учебное пособие / Е.А. Александрова. – М.: Форум, Инфра-М, 2014. – 144 с.

2. Горелов, А. А. История русской культуры. Учебник / А.А. Горелов. – М.: Юрайт, 2015. – 388 с.

3. Декларация о политике в области культуры. ЮНЕСКО: Всемирная конференция по вопросам политики в области культуры (Мехико, 1982г)//Глобальные проблемы цивилизации/ Под общ. ред. И.Т.Фролова.– М.,1987.

4. Культура и традиции России [Электронный ресурс] : энциклопедия. – М. : Хорошая погода : Бизнессофт, 2007. – эл. опт. диск (CD-ROM). – (Большая энциклопедия России).

5. Кураев А. (Диакон) Школьное богословие. Изд.– 3е испр. и доп. – Санкт-Петербург «Светлояр», 2001. – 124с.

6. Проскурякова, Н.А. Россия в XIX веке: образование, наука, культура : учебное пособие для вузов

/ Н. А. Проскурякова. – М. : Дрофа, 2010. – 221 с. – (Высшее образование).

7. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский образ жизни: – Москва, Институт русской цивилиз, 2007 г. – 944 с.

8. Aleksandrova, E. A. Kul'turologiya. Istoriya idej i ih voploshchenij. Uchebnoe posobie / E.A. Aleksandrova. – М.: Forum, Infra-M, 2014. – 144 с.

9. Gorelov, A. A. Istoriya russkoj kul'tury. Uchebnik / A.A. Gorelov. – М.: YUrajt, 2015. – 388 с.

10. Deklaraciya o politike v oblasti kul'tury. YUNESKO: Vsemirnaya konferenciya po voprosam politiki v oblasti kul'tury (Mekhiko, 1982g)//Global'nye problemy civilizacii/ Pod obshch. red. I.T.Frolova. – М.,1987.

11. Kul'tura i tradicii Rossii [Elektronnyj resurs] : ehnciklopediya. – М. : Horoshaya pogoda : Biznessoft, 2007. – ehл. opt. disk (CD-ROM). – (Bol'shaya ehnciklopediya Rossii).

12. Kuraev A. (Diakon) SHkol'noe bogoslovie. Izd.– 3e ispr. i dop. – Sankt-Peterburg «Svetloяр», 2001.–124s.

13. Proskuryakova, N. A. Rossiya v XIX veke: obrazovanie, nauka, kul'tura : uchebnoe posobie dlya vuzov / N. A. Proskuryakova. – М. : Drofa, 2010. – 221 s. – (Vysshee obrazovanie).

14. Svyataya Rus'. Bol'shaya ehnciklopediya russkogo naroda. Russkij obraz zhizni: – Moskva, Institut russkoj civiliz, 2007 g.– 944 s.N. V. Sergeeva

Sergeeva N.V.

THE PRESERVATION OF CULTURAL TRADITIONS A NECESSARY CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Activization of the cultural and creative process in LPR and all over world, the strategy of revival of folk culture traditions dictates the necessity of prompt decision of the complex of problems, which refer to creation, preservation, dissemination and assimilation of the spiritual heritage of the nation. This goal achievement will contribute to students' desire of positive and creative, moral and aesthetic life development, which will combine traditions and innovations.

Key words: culture, traditions, UNESCO, religion, spirituality, moral and aesthetic education.

Сергеева Наталья Вячеславовна – старший преподаватель кафедры документоведения и технотронной информологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

E-mail: nato4kalg@yandex.ru

Sergeeva Natalya Vyacheslavovna – Senior Lecturer of Document Science and a Technetronic Informologiya of the Luhansk National University of Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: nato4kalg@yandex.ru

Рецензент: Шелото Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, директор института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 20.10. 2017

УДК 130.2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Цехмистренко А.В.

ECONOMIC CULTURE IN THE SPACE OF INFORMATION SOCIETY

Tsehmistrenko A.V.

Рассматривается проблема взаимодействия, взаимовлияния культуры и экономики, рассмотрены основные принципы современной экономической культуры, проанализированы особенности интеграции экономики в современную культуру постиндустриального информационного общества.

Ключевые слова: культура, экономическая культура постмодерна, экоккультурация

Постановка проблемы. В настоящее время исследования экономической культуры, которая все более зависит от виртуально-информационных технологий современного информационного общества, находят особенное значение, поскольку современная информационная экономическая культура все более трансформируется в разные сферы деятельности личности как субъекта экономической деятельности. Сейчас личность невозможно представить вне поля экономической культуры. Вся деятельность субъекта экономической деятельности, все межличностное общение обусловлено его экоккультурацией. Для выявления тенденций экоккультурации личности в современных условиях информационного общества необходимо рассматривать субъективные и объективные факторы, влияющие на становление отношений в экономической деятельности субъектов.

На наш взгляд, экономическую культуру, которая формирует экономическое поведение субъектов, необходимо рассматривать как систему знаний, ценностей и норм поведения в экономике и мотиваций экономической деятельности человека. Только тогда мы сможем обнаружить факторы, обуславливающие функционирование механизма интеграции экономики в культуру в современных условиях культуры информационного общества, что в свою очередь позволит исследовать тенденции экоккультурации личности и показать те проблемы, которые могут возникнуть как перед отдельной личностью, как субъектом, так и перед культурой в целом.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблему интеграционных процессов взаимовлияния, взаимодействия и взаимообусловленности культуры и экономики исследовали зарубежные и отечественные философы, культурологи. Одними из первых к проблеме соотношения разных форм культуры и форм экономической деятельности в первобытных обществах подошли в своих работах М. Мосс, Б. Малиновский, Р. Фирс, проанализировавшие экономическую культуру на этапах ее развития. Для авторов экономическая культура – это система производства, деления и потребления материальных и духовных благ в обществе в разных формах, существующая на всех этапах его развития.

В работах М. Вебера, В. Зомбарта, С. Булгакова, посвященных выявлению взаимосвязей между духовной сферой культуры и экономической деятельностью, первичными являются этические вопросы. В исследованиях В. Иноземцева, Д. Карнеги, М. Мескони проведен анализ проблемы и основных тенденций развития постиндустриальной культуры современного информационного общества. В работах Ж. Бодрийяра, Ж. Батайя, К. Ясперса проанализировано отношение к современному постиндустриальному обществу, высказаны сомнения в возможности бескризисного функционирования современной экономической культуры. В последние годы в работах В.Д. Исаева, Т.В. Лугуценко и др. появляется методологическая предпосылка исследования современной экономической культуры информационного общества.

Цель исследования – выявить особенности интеграции экономики и культуры в современное поле экономической культуры постиндустриального общества. Реализация поставленной цели допускает решение следующих задач: рассмотреть основные принципы современной экономической культуры; проанализировать особенности интеграции

экономики в современную культуру информационного общества.

Основная часть. Экономическая культура является главной составляющей механизма интеграции экономики в культуру, следовательно, экономика может быть воспринята и встроена в культуру только в том случае, если этот процесс сопровождается процессами трансформации экономической культуры, культуры и экономики в целом, что в условиях динамически развивающихся информационных технологий современного общества практически невозможно.

Экономика влияет на экономическую культуру с помощью формирования форм экономической деятельности, то есть экономических институтов. Однако экономическая культура влияет на экономику, обуславливая поведение людей, их способность принять и освоить существующие экономические институты. Культура влияет на формирование экономической культуры через установки менталитета, а экономическая культура влияет на культуру, трансформируя менталитет. Таким образом, экономическая культура является связующим звеном, частью механизма интеграции экономики и культуры, который включает также менталитет и экономические институты.

Современная экономическая культура благодаря отсутствию в ней культурного ядра обладает всеми чертами культуры постмодерна, ее можно определить как экономическую культуру постмодерна, поскольку сами принципы постмодерна, такие как иррационализм, субъективизм и т.д., являются в ней базовыми и основополагающими, поскольку необходимы для современной информационной постиндустриальной культуры. Они позволяют максимально оперативно реагировать на изменения экономической ситуации и генерировать новые более конкурентоспособные решения, именно поэтому современная экономическая культура должна быть максимально пластичной, генерировать решения, не ориентируясь на устоявшиеся культурные якоря субъектов экономической деятельности. На наш взгляд, экономическая культура постмодерна является результатом длительного естественного развития всего механизма интеграции экономики в культуру, она наиболее адекватно отвечает потребностям как современной информационной культуры, так и современной постиндустриальной экономики.

В культурной сфере становление экономической культуры постмодерна происходит посредством процесса движения от католической религиозности и ее системы ценностей через протестантизм и рационализм индустриальной эпохи к иррационализму постмодерна. В прошлом в экономической сфере происходил процесс движения от традиционного ведения хозяйства через классический частновладельческий капитализм к постиндустриальной экономике и современному информационному обществу. Главной парадигмой

экономической культуры постмодерна есть представление о приоритете потребления перед любыми другими видами деятельности. Как утверждает А.И. Левин: «...рост информационной экономики влечет за собой рост потребления материальных ценностей, так как этот рост связан с обогащением населения» [6, с. 10–11].

Для раскрытия специфики механизма интеграции современной информационной экономики в постиндустриальную культуру можно рассмотреть систему «культура – экономическая культура – экономика». Экономическая культура, будучи важнейшей частью механизма интеграции экономики в культуру, одновременно с этим представляет своеобразный «буфер», который связывает две сферы культуры, исполняющие роль каналов взаимосвязи экономической культуры с культурой и экономикой (экономические институты со стороны экономики; и национальный менталитет со стороны культуры). Однако менталитет способствует в наибольшей степени формированию системы ценностей и смыслов экономической культуры, а экономические институты преобладают в оформлении в ней норм и традиций. Существует и обратная связь, в которой менталитет и экономические институты влияют на формирование картины мира в рамках экономической культуры. Таким образом, процесс функционирования экономической культуры является важнейшей составляющей механизма интеграции экономики и культуры в современном обществе. Но интеграционные процессы в современном информационном обществе, происходящие по средствам интенсивной компьютеризации и информатизации экономических взаимоотношений, не отражают ментальные особенности определенной части субъектов экономической деятельности. На наш взгляд, нельзя не согласиться с В.И. Антонюком, который утверждал: «...информатизация и компьютеризация могут не соответствовать менталитету данного народа, и поэтому будут носить принудительный характер. Отсутствие информационной компоненты должного уровня в общественной системе может грозить превращением страны в третьеразрядное государство» [1, с. 3–17]. На наш взгляд, в структуре экономической культуры можно обозначить экономическую культуру общества и экономическую культуру отдельного субъекта. Как утверждает В.К. Королев: «Экономическая культура общества является совокупным показателем экономического опыта, уровня экономических знаний, образцов и традиций поведения конкретного общества. Экономическая культура личности составляет какую-то аксиологическую базу, что определяет поведение индивида и его деятельность как экономического субъекта» [5, с. 100.]. Таким образом, во взаимодействии этих двух структурных уровней экономической культуры должны постоянно осуществляться три функции, каждая из

которых обеспечивается определенным сочетанием структурных элементов. Это аксиологическая, регулятивная и коммуникативно-познавательная функции, позволяющие нам выделить структурно-функциональные срезы экономической культуры:

– семантический срез экономической культуры включает духовные ценности, смыслы и символы культуры, основные знаки и значения. Они позволяют ей выполнять аксиологическую функцию;

– регулятивная функция экономической культуры выполняется благодаря совместному действию таких элементов нормативно-эталонного среза, как нормы и традиции;

– коммуникативно-познавательная функция экономической культуры реализуется с помощью элементов коммуникативно-информационного среза экономической культуры: знание и картина мира.

Таким образом, структура экономической культуры включает элементы религиозной, моральной, правовой, научно-образовательной сфер культуры, состоит из экономической культуры общества и личности, содержит внутренние взаимосвязи и выполняет аксиологическую, регулятивную и коммуникативно-познавательную функции. Все эти параметры необходимо использовать в исследовании современной экономической культуры информационного общества. Для современной экономической культуры информационного общества, которую можно определить как экономическую культуру постмодерна, характерны идеи, обозначенные Л.П. Евстигнеевой: «Субъективизм и индивидуализм, постулат о неопределенности развития, синергетический подход к построению всех общественных, в том числе и экономических отношений, свобода выбора (товаров и услуг), обезличивание общественного сознания, изменение статуса массового человека, что рассматривается теперь как духовная субстанция, глобализация» [4, с. 9].

Также к проявлениям культуры постмодерна необходимо отнести такие поведенческие особенности субъекта экономической деятельности, которые определены В.Ю. Пашкусом: «противоречие, эмоциональная восприимчивость, ориентация на индивидуальные потребности, прагматическая независимость» [7, с. 29 – 32]. На наш взгляд, как существенные характеристики культуры постмодерна можно выделить критичность и иронию, которые являются просто необходимыми свойствами современного субъекта экономической деятельности. Они позволяют ему адекватно реагировать на изменения экономической обстановки и генерировать наиболее адекватные конкурентоспособные реакции в условиях максимальной пластичности и изменчивости современной экономической культуры, опирающейся на информационные технологии.

Следует особо подчеркнуть глубинный, сущностный характер всех этих проявлений постмодерна в современной экономической культуре. Ретроспективный взгляд показывает, что циклы качественных превращений в экономике не соответствуют качественным изменениям в сознании и менталитете человека. В XX в. экономические институты (модель собственности, рынок, право) не испытывают коренных качественных изменений. Изменяются лишь их количественные параметры. Таким образом, постмодерн является показателем кризиса экономической сферы культуры модерна, показывает необходимость ее качественного, а не количественного превращения. Это подтверждается принципиальной неспособностью постмодернистских установок современной экономической культуры не только конституировать последующее развитие, но и обеспечить длительное воссоздание существующей модели экономики. Мы можем говорить о становлении во второй половине XX в. экономической культуры постмодерна, которая поддерживает экономику, существует за счет индустриального уклада, сложившегося в период модерна. В то же время разлагает его, отдавая приоритет развитию потребительских технологий, информационных технологий, призванных производить исключительно новую информацию, также приоритет отдается развитию виртуально-информационного сектора экономики над реальным сектором. Однако своей гибкостью и вариабельностью экономическая культура постмодерна способствует своему временному сохранению и воссозданию. Нельзя не согласиться с тем, что виртуально-информационная экономика является незаменимым инструментом решения глобальных проблем общества, связанных с выживании человечества, а именно без глобальной информационно-экономической системы невозможно создание экологически-безопасных производств, невозможно развивать рационализацию потребления. Эти экономические технологии невозможны без развитых средств информационного взаимодействия, которые обеспечат не только оперативность и полноту экологической и экономической информации, но и выработку глобальной экологической стратегии путем компьютерного моделирования глобальных экологических процессов.

Таким образом, последовательные и поступательные изменения в экономической культуре нам представляются как диалектическое развитие системы с нарастающими внутренними противоречиями, которые оказываются снятыми в результате выхода на новый качественный уровень. Кризисная экономика нашла свое идеологическое обоснование в новых принципах, предложенных постмодерном. Можно утверждать, что модерн отвечал эпохе индустриализации, а постмодерн –

становлению постиндустриального информационного общества.

Необходимо подчеркнуть, что экономическая культура постмодерна по своей сути является кризисной. Более того, ориентация на ценности постмодерна в экономической культуре делает ее более склонной к кризисным явлениям. Причиной кризисов является продолжение функционирования экономической системы, поддерживаемой не столько объективными факторами, сколько постоянной экономической культурой. Современное информационное общество видит такую систему, как нормальную, единственно возможную, наиболее эффективную и правильную. Многопрофильный характер современного кризиса свидетельствует о том, что он является системным. Ж. Бодрийяр сравнивает такой процесс с «распространением метастазов раковой опухоли» [8, с. 266]. Это объясняется инерционностью экономической культуры постмодерна, тесно связанной с определенным уровнем комфорта и уровня жизни, который воспринимается как естественный, а его потеря представляется большей катастрофой, чем крах мировой экономики. На наш взгляд, рынок и его общественно-политическая основа – демократия нашли в данной культуре сакральный статус, потому мысль об изменении принципа организации экономической деятельности кажется преступной и крамольной. Даже когда очевидная убыточность, деструктивна действующая экономическая система, сформировавшиеся установки экономической культуры не позволяют выйти за пределы привычного осмысления ситуации и найти решение, а принуждают продолжать движение в привычном направлении, усиливая сложившегося несоответствие.

Подчеркнем, что религиозное основание экономической деятельности в современной экономической культуре почти полностью отсутствует, что связано с падением значимости религиозного сознания. Этические нормы экономической деятельности неактуальны в условиях рынка, а правовые – недостаточно проработаны и не усваиваются в связи с ментальной несовместимостью народов. Система образования предоставляет в распоряжение субъекта экономической деятельности устаревшие, неполные знания, которые не имеют практической ценности. Это в свою очередь обусловлено застоєм в экономической науке, которая не продуцирует необходимое фундаментальное знание о закономерностях экономического развития. Таким образом, мотивы экономической деятельности обусловлены лишь сиюминутными потребностями, а программы экономического поведения не ведут к успеху или наносят вред другим субъектам экономической деятельности.

По нашему мнению, для нашего общества установки, составляющие содержание менталитета, как правило, находятся в противоречии с

требованиями современной информационной экономики. Это связано с восприятием и усвоением инноваций современным экономическим человеком. Нельзя не согласиться с Г.А. Гольцем, который писал, что ...традиционно ориентированное большинство как «защитный экран» от разрушительного действия инноваций формирует подвижную псевдо-культуру [3, с. 24]. Но некоторые изменения в менталитете все же происходят: меняется понимание справедливости, иначе воспринимается концепт времени. Так как трансформации менталитета должны быть синхронизированы с развитием культуры и отдельных ее сфер, а этому препятствует его инертность. Таким образом, содержание, которые входят в экономическую культуру современного постиндустриального информационного общества через два канала (менталитет и экономические институты), оказывается внутренне противоречивым.

Выводы. Таким образом, основными особенностями интеграции экономики и культуры в современную экономическую культуру постиндустриального общества является трансляция ценностей постмодерна как в культуру так и в экономику, и, как следствие, в экономическую культуру. Это приводит к изменению менталитета и создания соответствующих социальных институтов для сохранения и реализации ценностей современной экономической культуры постмодерна. Такая тенденция, на наш взгляд, может привести цивилизацию только к катастрофе. Избежать ее возможно, изменив этические основы экономической культуры. В такой роли могло бы выступить экономическое мышление, которое имеет абсолютно выразительную этическую подоплеку и одновременно непосредственно касается сферы экономики. Экономическое мышление как существенная часть менталитета должно дополняться ориентацией на инновации, развитие знаний, их углубление, что позволило бы реформировать экономику и экономические институты, не только в соответствии с запросами времени, но и в гармоничном сочетании с традициями, менталитетом и объективными условиями существования культуры конкретного народа.

Л и т е р а т у р а

1. Антонюк В.И. Информатизация общества: ожидания возможных воздействий и структурные подвижки / В.И. Антонюк, Э.Л. Напельбаум // Информатизация общества: анализ проблем и поиски решений. – М.: ВНИИ системных исследований. – № 12. – 1989. – С. 3 – 17.
2. Богатырева Е.А. Завершен ли «проект» постмодерна? / Е.А. Богатырева // Вопросы философии. – М. – 2009. – № 8. – С. 56 – 65.
3. Гольц Г.А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей / Г.А. Гольц // Общественные науки и современность. – М. – 2000. – № 1. – С. 23 – 35.

4. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономическая глобализация и постмодерн /Л.П. Евстигнеева, Р.Н. Евстигнеев // Общественные науки и современность. – М. – 2000. – № 1. – С. 5– 14.

5. Королев, В.К. Экономика как феномен культуры / В.К. Королев. – Ростов н/Д. : РГПУ, 1999. – 256 с.

6. Левин, А.И. Устойчивое развитие и информационное общество: тенденции, проблемы, противоречия / А.И. Левин // Философские науки. – 2004. – N 9. – С. 10 – 11.

7. Пашкус В.Ю. Новая экономика и культура постмодерна: проблемы влияния /В.Ю. Пашкус // Технологии информационного общества – интернет и современное общество: труды VII Всероссийской объединенной конференции. – СПб. – 2004. – С. 29 – 32. – Режим доступа:

<http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=000756>

8. Ясперс К. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. – М.: Алгоритм, –2007. – 272 с.

References

1. Antonyuk V.I. Informatizatsiya obschestva: ozhidaniya vozmozhnykh vozdeystviy i strukturnye podvizhki / V.I. Antonyuk, E.L. Napelbaum // Informatizatsiya obschestva: analiz problem i poiski resheniy. – М.: VNI sistemnykh issledovaniy. – № 12. – 1989. – С. 3 – 17.

2. Bogatyireva E.A. Zavershen li «proekt» postmoderna? /E.A. Bogatyireva // Voprosy filosofii. – М. – 2009. – № 8. – С. 56 – 65.

3. Golts G.A. Kultura i ekonomika: poiski vzaimosvyazey / G.A. Golts // Obschestvennyye nauki i sovremennost. – М. – 2000. – № 1. – С. 23 – 35.

4. Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. Ekonomicheskaya globalizatsiya i postmodern /L.P. Evstigneeva, R.N. Evstigneev // Obschestvennyye nauki i sovremennost. – М. – 2000. – № 1. – С. 5– 14.

5. Korolev, V.K. Ekonomika kak fenomen kulturyi / V.K. Korolev. –Rostov n/D. : RGPU, 1999. – 256 s.

6. Levin, A.I. Ustoychivoe razvitie i informatsionnoe obschestvo: tendentsii, problemy, protivorechiya / A.I. Levin // Filosofskie nauki. – 2004. – N 9. – С. 10 – 11.

7. Pashkus V.Yu. Novaya ekonomika i kultura postmoderna: problemy vliyaniya /V.Yu. Pashkus // Tehnologii informatsionnogo obschestva – internet i sovremennoe obschestvo: trudy VII Vserossiyskoy ob'edinennoy konferentsii. – SPb. – 2004. – S. 29 – 32. – Rezhim dostupa:

<http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=000756>

8. Yaspers K. Prizrak tolpy / K. Yaspers, Zh. Bodriyyar. – М.: Algoritm, –2007. – 272 s.

Tshmistrenko A.V. ECONOMIC CULTURE IN THE SPACE OF INFORMATION SOCIETY

The problem of interaction, mutual influence of culture and economy is considered, the basic principles of modern economic culture are considered, features of integration of economy into modern culture of a postindustrial information society are analyzed.

Key words: culture, postmodern economic culture, ecoculture.

Цехмистренко Александр Владимирович – ассистент кафедры документоведения и технотронной информологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск.
E-mail: Cehmestrenko@mail.ru

Tshmistrenko Aleksandr Vladimirovich – Assistant of the Department of Document Science and Technotronic Informology of the Luhansk National University named Vladimir Dahl, Lugansk.
E-mail: Cehmestrenko@mail.ru

Рецензент: *Лустенко Андрей Юрьевич* – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 20.10. 2017

Философия истории и политики

УДК 323.21

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК НОВЫЙ ВИД ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пробейголова Н.В.

INFORMATION TERRORISM AS A NEW KIND OF TERRORIST ACTIVITIES

Probeygolova N. V.

В статье сделана попытка рассмотреть основные направления использования информационного пространства как платформы террористической деятельности, а также дать характеристику существенным признакам подобной деятельности.

Ключевые слова: информационное пространство, информационный терроризм, социальные сети, террористическая деятельность, терроризм, мифология.

Отношения между обществами на современном этапе развиваются очень стремительно, что не позволяет им замыкаться в самих себе. Уровень развития интернет-технологий делает общества открытыми для создания дружеской и партнерской атмосферы общения между странами. Хотят или не хотят, страны вынуждены участвовать в международных процессах. Это вынуждает к интеграции в единое мировое информационное пространство, которое, с одной стороны, является важным интеграционным звеном в процессе создания кросскультурных и общечеловеческих ценностей, а также является гарантом предотвращения конфликтов как внутри общества, так и между обществами.

Вместе с положительными аспектами интеграционных процессов есть и негативные, связанные с единым информационным пространством. Прежде всего, за последние десятилетия серьезную угрозу международной безопасности представляет терроризм, то есть его разновидность – информационный терроризм. В определенной степени обретение подобного статуса объясняется влиянием качественного скачка в развитии глобальных коммуникационных каналов.

Новейшие разработки в сфере массовых коммуникаций не остаются без внимания

террористических структур. Использование террористами сети Интернет стало инструментом для поиска информации, взаимодействия, построения идентичности, вербовки сторонников, а также совершения атак на официальные ресурсы государств и организаций. О масштабах активности террористических организаций в интернете свидетельствуют данные Национального антитеррористического комитета России. Согласно статистическим данным Национального антитеррористического комитета России, в 1998 г. террористические структуры поддерживали всего 12 сайтов, к 2005 г. – уже около 4800, а в 2013 г. – свыше 10 тыс. [6, с. 17].

Значение интернета в аспекте противодействия терроризму неоднократно становилось темой различных исследований. Но говорить об исчерпывающей изученности столь стремительно развивающейся отрасли едва ли возможно.

Целью данного исследования является выявление направлений использования информационного терроризма как нового вида террористической деятельности и характеристика основных признаков подобной деятельности.

С начала XXI века российские исследователи в области террорологии стали акцентировать внимание на новой, не до конца на тот момент исследованной форме терроризма – информационном терроризме. По их мнению, террорология это наука о терроризме как особом социальном феномене (явлении), о его сущности, тенденциях, формах, целях, причинах [3]. В настоящее время информационный терроризм занял свою устойчивую позицию в классификации форм и видов терроризма. Такие исследователи, как Д.А. Соломин, А.В. Федоров, С.И. Грачев,

Е.А. Роговской, А.И. Маляров, Е.В. Белая и другие, выделяют из всех форм и видов терроризма – «информационный терроризм». По их мнению, это одна из самых опасных форм терроризма. И прежде всего потому, что так называемый «информационный терроризм» функционирует в интеллектуальной сфере [1, с. 133].

Между тем анализ научных работ вышеназванных и других авторов свидетельствует о разнообразии, а порой и абсолютно противоположном понимании сущности и отличительных признаков «информационного терроризма». Вызвано это его сложной природой.

Информационный терроризм характеризуется противоправной деятельностью негосударственных субъектов в информационном пространстве. Такая деятельность является террористической, то есть обладает всеми признаками, присущими терроризму. «Информационный терроризм» имеет свои отличительные признаки:

– платформой «информационного терроризма» выступает информационное пространство;

– воздействие как сущностный признак, в том числе «информационного терроризма», обладает определенной спецификой, то есть инструментами воздействия выступает информация, информационные ресурсы и информационные технологии;

– огромное влияние в сфере развития информационных технологий оказывает глобальная информатизация и прогресс;

– безграничность информационного пространства;

– различный уровень информатизации в обществах, который прямо пропорционален уровню законодательного обеспечения защиты информации от её неправомерного использования или воздействия на неё;

– доступность вычислительных и иных устройств, необходимых для проникновения в информационные системы, а также иных средств коммуникации.

Поскольку воздействие, осуществляемое в пределах информационного пространства, так или иначе содержит информационный элемент, следует говорить об информационном воздействии. Последнее в контексте понимания сущности информационного терроризма характеризуется специальными средствами воздействия.

Можно сказать, что «информационный терроризм» – это идеологически обоснованная практика воздействия устрашения населения, влияние на принятие решения или совершение действия (бездействия) органом власти, органом местного самоуправления, международной организацией, социальной группой, юридическим лицом или физическим лицом в пределах

информационного пространства, связанного с использованием информации, информационных технологий и (или) информационных ресурсов.

На сегодняшний день использование основных направлений информационного пространства как платформы террористической деятельности осуществляется двумя способами:

1) опосредованно (СМИ усугубляют общественный страх гипертрофированными сообщениями, чрезмерным привлечением внимания к террористическим актам и характеристикам личности террористов);

2) непосредственно (создание террористическими группами (организациями или сообществами) своих веб-сайтов, СМИ, радио- и телевизионных частот для распространения пропаганды, дезинформации, а равно вовлечения, склонения, вербовки и призывов к осуществлению террористической деятельности, оправдания терроризма и т. п. лично, с помощью сети Интернет либо иной информационно-телекоммуникационной сети) [4].

Кроме того, в связи с возникновением сети Интернет произошло глобальное расширение информационного пространства. Это привело к возникновению новых форм законной и противоправной деятельности.

Основным направлением использования информационного пространства в противоправной деятельности можно отнести к вопросам, связанным с социальными сетями, набирающими значительную популярность.

Согласно данным Mail.Ru Group, российская аудитория сети «ВКонтакте» – 52,7 млн пользователей, «Одноклассники» – 42,6, «Фейсбук» – 25,4, «Твиттер» – 11,6 [10].

По мнению современного ученого Д. С. Рязанова, в последнее время наблюдается рост медийной активности сторонников ИГИЛ и спад активности «Имарат Кавказ», переживающего глубокий кризис, в том числе в связи с целым рядом успешных спецопераций российских спецслужб. Активность «Имарата» ограничивается на данный момент несколькими сайтами, информирующими о последних действиях боевиков [9].

Информационные площадки, создаваемые и продвигаемые сторонниками ИГИЛ, открыто рассказывают о позиции его лидеров, занимаются пропагандой и вербовкой, несмотря на опасность блокировки ресурсов. Стоит подчеркнуть, что ИГИЛ практически не использует в своей деятельности лиц, маскирующих свою принадлежность к террористической организации или действующих в официальном правовом поле [9].

Практически каждая из социальных сетей в той или иной форме используется экстремистскими сообществами, террористическими группами. При этом выбор между «жесткими» и «мягкими» стратегиями в определенной степени связан с правилами функционирования конкретной

платформы. В частности, «Одноклассники» и «ВКонтакте» находятся в российской юрисдикции, где активно работают правоохранительные структуры. Потому на данных ресурсах активно используются «непрямые» действия террористов. Информационные ресурсы террористических организаций вынуждены маскироваться под развлекательные, просветительские или новостные ресурсы.

Несколько иначе поставлена работа на таких ресурсах, как «Фейсбук» и «Твиттер», часто расцениваемых в качестве важнейшего катализатора событий, которые носят названия «арабская весна» или «твиттерная революция». Подобные площадки используются для реализации как мягких стратегий, так и для создания официальных страничек и групп террористических структур.

Итак, деятельность СМИ, связанная с опосредованным информационно-психологическим воздействием. Она проявляется в нагнетании отношений, которые сложились между различными социальными группами.

Еще одним из направлений информационного терроризма, по мнению исследователей терроризма, является его мифологическая природа. В основе становления и развития информационного терроризма лежат стереотипы, которые передаются через образно-художественное осмысление мира, через литературу, кино и другие формы искусства. «Терроризм – один из наиболее впечатляющих мифов, которыми одержимо массовое сознание – утверждает Н. Мелентьева. – Реальное политическое значение терроризма ничтожно, но как символ, как захватывающий образ, как психологический ход он приобрел удивительную значимость в современном мире» [5, с. 16].

Мифология лежит в основе многих современных политических событий. Ведь миф воспринимают как повествование, как событие, которое имеет символическое значение и указывает на необходимость его копирования. Проявляется это в ритуальном акте путем эмоционального переживания от исполнения ритуала, что убеждает в реальности этого события.

По мнению российского ученого В. В. Кафтан, миф является основой практически любого террористического акта, потому что обладает рядом специфических признаков:

- понятное и упорядоченное раскрытие устройства мира;
- не подлежит проверке на правильность, реальность;
- нельзя опровергнуть (нет автора), можно только подтвердить;
- представляет собой единственно возможный универсальный взгляд на мир (все знают, что так всегда было);
- довольно легкий перевод на уровень самых простых ситуаций;

– признание отсутствия причинно-следственных связей;

– своеобразный симбиоз прошлого с настоящим;

– базирование на архетипе (герой, правитель, мудрый старец и др.) [2].

Указанные признаки, в частности, базирование на архетипе, находят свое воплощение во вполне конкретных проявлениях террористической деятельности, в том числе в т.н. современном исламском экстремизме и др.

Соглашаясь с точкой зрения ученого, можно сказать, что современное общество в мифологии террористов выступает мифологически инстинктивным социумом с принципиально новой моделью социально-политической реальности

Таким образом, несмотря на то что явление терроризма сопровождает человечество на протяжении более чем 200 лет, на международном уровне до сих пор не разработано соответствующей единой дефиниции. А информационный терроризм, являясь формой терроризма, известен российским исследователям с начала XXI в., и также не существует единого подхода к определению его понятия и отличительных признаков. Это обусловлено различным пониманием сущности, границ и признаков информационного пространства, выступающего специфической платформой террористической деятельности.

Постоянное совершенствование и растущее многообразие коммуникационных технологий ставят перед российским обществом, государством новые задачи по повышению эффективности методов мониторинга и систем выявления радикальных ресурсов в социальных сетях, их нейтрализации, привлечению к ответственности лиц, участвовавших в распространении экстремистских материалов, формированию системы взглядов, демонстрирующих ущербность идеологии насилия и нетерпимости. Скорость продвижения по данным направлениям противодействия в значительной степени зависит от активности научного осмысления складывающихся в данной сфере тенденций, качества принимаемых мер, что в условиях продолжающегося развития социальных сетей, усиления их роли в общественной жизни может стать одним из приоритетных исследовательских направлений в вопросах противодействия терроризму.

Л и т е р а т у р а

1. Глотина И.М. Информационный терроризм и его влияние на экономику // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51).
2. Кафтан, В. В. Терроризм в мифологическом пространстве / В.В. Кафтан // Пространство и Время. – 2015. – № 1-2(19-20). – С. 163-169. // URL: http://www.provr_st1_2-19_20.2015.44.
3. Ковлагина Д.А. Лекция по террологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mylect.ru/polytolog/obchee/434-terrologiya.html> (дата обращения: 27.10.2017).

4. Кулибаба А.Н. Информационный терроризм [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252544> (дата обращения: 11.04.2016).
5. Мелентьева Н. Размышления о терроре // Элементы. – 1996. – № 7. – С. 17-19.
6. Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы в сфере противодействия распространению идеологии терроризма в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. – М., 2013. – 49 с. – URL: <http://scienceport.ru/files/metod2013.pdf> (дата обращения: 17.08.2015).
7. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с. [Электронный ресурс] // Глотина И.М. Указ. соч. – С. 134. – URL: http://scienceport.ru/files/psi_terror.pdf (дата обращения: 11.04.2016);
8. Панарин И.Н., Панарина Л.Г. Информационная война и мир. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 317 // Роговский Е.А. Указ соч. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=66> (дата обращения: 11.04.2016).
9. Рязанов Д.С., Курбанов Р.Ш. Проблемы противодействия терроризму в социальных сетях (по материалам Северного Кавказа) [Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 15-37-01201 («Терроризм на постсоветском пространстве, 1991–2014 годы»)] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-terrorizmu-v-sotsialnyh-setyah-po-materialam-severnogo-kavkaza>
10. Старостина Е.В. Терроризм и кибертерроризм: угроза международной безопасности // Центр исследования компьютерной преступности [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.crime-research.ru/articles/starostina/3> (дата обращения: 11.04.2016).
11. Туронк С.Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 132 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251303793/Turonok.pdf> (дата обращения: 11.04.2016).
2013. – 49 с. – URL: <http://scienceport.ru/files/metod2013.pdf> (дата обращения: 17.08.2015).
7. Olshanskiy D.V. Psikhologiya terrorizma. – SPb.: Piter. 2002. – 288 s. [Elektronnyy resurs] // Glotina I.M. Ukaz. soch. – S. 134. – URL: http://scienceport.ru/files/psi_terror.pdf (data obrashcheniya: 11.04.2016);
8. Panarin I.N., Panarina L.G. Informatsionnaya voyna i mir. – M.:OLMA-PRESS. 2003. S. 317 // Rogovskiy E.A. Ukaz soch. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=66> (data obrashcheniya: 11.04.2016).
9. Ryazanov D.S., Kurbanov R.Sh. Problemy protivodeystviya terrorizmu v sotsialnykh setyakh (po materialam Severnogo Kavkaza) [Statiya vypolnena v ramkakh realizatsii granta RGNF № 15-37-01201 («Terrorizm na postsovetskom prostranstve. 1991–2014 gody»)] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-terrorizmu-v-sotsialnyh-setyah-po-materialam-severnogo-kavkaza>
10. Starostina E.V. Terrorizm i kiberterrorizm: ugroza mezhdunarodnoy bezopasnosti // Tsentr issledovaniya kompyuternoy prestupnosti [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.crime-research.ru/articles/starostina/3> (data obrashcheniya: 11.04.2016).
11. Turonok S.G. Informatsionnyy terrorizm: vyrabotka strategii protivodeystviya // Obshchestvennyye nauki i sovremennost. – 2011. – № 4. – S. 132 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251303793/Turonok.pdf> (data obrashcheniya: 11.04.2016).

Pobeygolova N. V.

INFORMATION SPACE AS A PLATFORM FOR TERRORIST ACTIVITIES

The article attempts to examine the main uses of an information space as a platform for terrorist activities, as well as to characterize the essential features of such activities.

Key words: information space, information terrorism, social networks, terrorist activity, terrorism, mythology.

Пробейголова Наталия Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: nataprob@mail.ru

Pobegalov Nataliya Vladimirovna – Candidate of Political Sciences, Assistant Professor of the Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: nataprob@mail.ru

Рецензент: Шелото Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

References

1. Glotina I.M. Informatsionnyy terrorizm i ego vliyaniye na ekonomiku // Problemy sovremennoy ekonomiki. – 2014. – № 3 (51).
2. Kaftan. V. V. Terrorizm v mifologicheskom prostranstve / V.V. Kaftan // Prostranstvo i Vremya. – 2015. – № 1-2(19-20). – S. 163-169. // URL: http://www.provr_st1_2-19_20.2015.44.
3. Kovlagina D.A. Lektsiya po terrologii [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.mylect.ru/polytolog/obchee/434-terrologiya.html> (data obrashcheniya: 27.10.2017).
4. Kulibaba A.N. Informatsionnyy terrorizm [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252544> (data obrashcheniya: 11.04.2016).
5. Melentyeva N. Razmyshleniya o terrore // Elementy. – 1996. – № 7. – S. 17-19.
6. Metodicheskiye rekomendatsii po sovershenstvovaniyu propagandistkoy raboty v sfere protivodeystviya rasprostraneniyu ideologii terrorizma v subyektakh Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]. – М.

УДК 323.2; 327.7; 341

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Мазур О.Г.

POLITICAL MEDIATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL DISCOURSE

Masur O.G.

В статье рассматриваются актуальные подходы к содержательному толкованию феномена медиации как признанной мировым сообществом реальности, эффективного способа решения конфликтов, альтернативной формы разрешения споров, позволяющей найти жизнеспособное решение, которое максимально удовлетворяет потребности сторон, вовлеченных в спор. Предложено авторское видение содержательного аспекта феномена политической медиации как политической практики, направленной на решение споров, конфликтов, противоречий с помощью коммуникативно-диалогового инструментария с участием посредника между специфическими акторами – субъектами политического процесса. Нами определены общие положения концептуального понимания процесса политической медиации и сделан вывод об имеющемся положительном потенциале медиации в современном политическом процессе.

Ключевые слова: медиация, урегулирование споров, примирительные процедуры, медиатор, альтернативная форма разрешения споров.

Введение. Актуальный политический процесс характеризуется повышенным уровнем рискогенности, расширением спектра конфликтных, проблемных и кризисных явлений. Несмотря на это, особую актуальность приобретает осознание необходимости деятельности, направленной на решение споров и конфликтов, распространение примирительной процедуры, поддержание устойчивых социальных интеракций. На наш взгляд, наиболее приемлемой и адекватной общественно-цивилизационному развитию общества в этом смысле процедурой является медиация. Медиация, на наш взгляд, является универсальным гибким инструментом разрешения конфликтов и достижения согласия в политической сфере, поскольку социально-политические конфликты характеризуются повышенным уровнем эмоциональной составляющей, а стороны заинтересованы в снижении репутационных рисков и установлении партнерства.

Эффективность медиации в урегулировании политических конфликтов и споров зависит от осознания адекватного содержания и сущности феномена медиации. Поэтому целью представленного исследования является привлечение внимания к содержательному наполнению теоретического конструкта медиации как практики социальной интеракции в политической сфере.

Научные исследования медиации свидетельствуют о достаточно неоднозначном понимании данного феномена. Традиционно медиацию рассматривают как альтернативный способ разрешения споров и конфликтов, примирительную процедуру. В научном дискурсе сложилось несколько подходов к определению сущности и содержания медиации.

Согласно психологическому подходу, медиация трактуется как форма посредничества, позволяющая урегулировать конфликты в различных сферах жизнедеятельности человека. Она рассматривается как структурно организованный процесс группового взаимодействия между двумя и более людьми, в котором один из участников взаимодействия облегчает коммуникацию между двумя (и более) участниками, которые находятся в эмоциональном противостоянии друг к другу и не способны самостоятельно осуществить конструктивную коммуникацию. По мнению кандидата психологических наук, фасилитатора-практика А. Аллахвердовой, медиация представляет собой последовательное и целенаправленное создание ситуации, при которой меняется ментальность и поведение человека. Именно это определяет особый тип психологического поведения участников в медиации, отличный от поведения людей в процессе третейского суда или психологического тренинга [1].

Социологический подход рассматривает медиацию в качестве относительно самостоятельного социального института

урегулирования конфликтов, системы взаимодействий с целью совместного урегулирования и разрешения споров с точки зрения достижения сбалансированности интересов. Непременным условием процесса медиации, по мнению американского социолога Г. Блумера, является участие беспристрастной третьей стороны, которая помогает соперникам или конфликтующим сторонам разобраться в существующих между ними различиях, понять их сущность и по возможности решить [2, с. 174].

Правовой подход к осмыслению сущности медиации опирается на многовековой опыт использования данного феномена именно в юридической сфере. Поэтому сторонники данного подхода утверждают, что медиация имеет правовую природу, поскольку те правила, в рамках которых действуют медиатор и участники конфликта, по характеру являются правовыми, а сам конфликт является противоречием между должным, каким его понимает субъект, и должным, которым оно выражено в праве [3]. С точки зрения кандидата юридических наук, адвоката А. Литвинова, медиация – это институт права, основанный на решении конфликта с участием нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения [4]. В отличие от традиционного решения споров в суде или в арбитраже, медиатор, который участвует в этой процедуре, призван способствовать выработке сторонами взаимовыгодного решения, отвечающего их интересам.

Изложение основных материалов. Сегодня термин «медиация» становится все более популярным и узнаваемым. В современном понимании медиация – это разновидность примирительной процедуры. Она представляет собой наиболее мягкую форму разрешения политических споров. Медиация, основными принципами которой являются проявление уважения друг к другу, принятие друг друга, умение слушать и слышать, обязательное соблюдение конфиденциальности – это возможность для всех участников конфликта выйти из него победителем при отсутствии победы.

Швейцарский психолог И. Дюссо-фон Вердт, который положил начало проведению медиации конфликтов на профессиональном уровне, в книге «Номо Mediator» отмечал: «Медиация – это согласованный процесс управления конфликтом, в котором независимая и беспристрастная третья сторона не имеет полномочия принимать решения, пытается ассистировать сторонам конфликта в процессе восстановления или улучшения отношений, или в процессе урегулирования конфликта путем организации обмена

[информацией] между лицами и учреждениями, вовлеченными в конфликт» [8, р. 56].

По мнению конфликтолога А. Вишневецкой, медиация – это процесс, в котором нейтральная третья сторона – медиатор – помогает разрешить предмет спора и своими действиями способствует выработке добровольного правильного решения между конфликтующими сторонами, облегчает процесс взаимного общения, понимания позиций и интересов, фокусирует внимание сторон на их интересах и ищет продуктивное решение проблемы, предоставляя возможность сторонам прийти к собственному соглашению [9, с. 23].

А психолог, доцент Е. Бессонова понимает под медиацией процедуру активного участия в конфликте нейтральной незаинтересованной авторитетной для спорящих лиц стороны, принимающей активные меры (усилия) для взаимовыгодного решения спора. При этом, как отмечает исследовательница, противники перестают искать виновного в конфликте и вместе пытаются найти решение, которое бы полностью устраивало всех участников спора [10].

Основательница и президент Научно-методического центра медиации и права Ц. Шамликашвили предлагает следующую формулировку понятия медиации: «медиация – это альтернативная форма разрешения споров, позволяющая найти жизнеспособное решение, которое максимально удовлетворяет потребности сторон, вовлеченных в спор». При этом Ц. Шамликашвили, аккредитованный медиатор CEDR (Center for Effective Dispute Resolution, Лондон, Великобритания), также обращает внимание на то, что ход медиации может изменяться с учетом потребностей сторон [11, с. 49].

Наличие разнообразия подходов к медиации как примирительной процедуры свидетельствует об актуальности такого рода интеракций в социальной реальности. На наш взгляд, медиация как мирный способ решения конфликтов и споров находит все большее признание и в политической сфере. Этот тезис подтверждается фактической активизацией теоретико-прикладных разработок в этом направлении. Интересно, что изучение медиации с политологических позиций не является абсолютно новым подходом. Так, еще в конце XX века в академическом толковом словаре украинского языка медиация была определена как «международное посредничество, мирный способ решения международных конфликтов с помощью государства, не участвующего в конфликте» [12]. Таким образом, можно констатировать, что медиативные практики получили признание не только в юридически-правовой и психологической сферах, но и в политико-международном дискурсе. Несмотря на этот факт, фундаментальных исследований политической медиации конфликтов, медиации споров в политической сфере, феномена политической медиации почти не проводилось.

На сегодня актуальны политологические разработки украинского исследователя С. Буртак, которая рассматривает политическую медиацию как комплексную функцию власти в пределах коммуникативной модели политического дискурса. По мнению ученого, власть уполномочена выступать медиатором коммуникации, которая ограничена законом или структурой. Поскольку медиация, согласно Й. Гальтунгу, – это форма управления, то медиатор – власть – способствует решению конфликта путем обсуждения проблемы. Разрешение конфликта в таком случае является результатом действий заинтересованных сторон, а процесс управления сосредоточен на будущем [13].

Примечательно, что некоторые современные ученые, которые углубленно изучают медиацию как согласительную процедуру, объединяют предложенные выше подходы. Весьма перспективным в прикладном смысле оказывается, на наш взгляд, подход к феномену политической медиации украинской исследовательницы В. Полянкой. Она рассматривает медиацию как форму организации политического общения и одновременно как процесс организации такой дискурсивной практики между сторонами политического конфликта, когда политические противоречия эффективно решаются, решение конфликта не навязывается ни одной из сторон или третьей стороной, а находится сторонами в добровольном порядке с учетом их специфики [14, с. 126].

Аналогичную точку зрения демонстрируют в своей работе «Медиация – переговоры в ситуации конфликта» исследователи А. Аллахвердова и А. Карпенко, где при характеристике медиации определяют ее формой, процессом, методом, способом, четко организованным методом [15, с. 6, 47-51, 61-62].

Несмотря на существенные различия в подходах к содержательному наполнению феномена политической медиации, наблюдается единство научного сообщества по определению роли и места личности медиатора, которая характеризуется как третья нейтральная сторона, способствующая достижению соглашения между спорящими с целью разрешения конфликта между ними.

Результаты исследований. Аналитическое исследование актуального научного дискурса по проблематике политической медиации позволяет сформулировать авторское видение содержательного наполнения этого феномена. В нашем понимании политической медиацией можно называть политические практики, направленные на решение споров, конфликтов, противоречий с помощью коммуникативно-диалогового инструментария с участием посредника между специальными (специфическими) акторами – субъектами политического процесса. Упомянутыми субъектами могут выступать политические силы внутри отдельно взятой страны (формализованные и

неформализованные субъекты политического процесса и др.), отдельно взятые государства, регионы, непризнанные территории. Итак, политическая медиация, по нашему мнению, имеет многоуровневую структуру и может осуществляться на региональном (локальном), национальном и международном уровнях.

Многочисленные исследования и подходы к изучению феномена политической медиации, наличие теоретического и прикладного видения сущности примирительной процедуры, примененной в политической реальности, позволяет конкретизировать феномен политической медиации через определение магистральных тезисов, характеризующих ее как политико-технологическую практику.

1. Политическая медиация становится продуктом и инструментом современного политического управления, опирающимся на посреднические структуры в урегулировании элитарных конфликтов, так как приводит к ослаблению внутривнутриполитических иерархий и расширению горизонтальных и вертикальных связей внутри государства.

2. Политическая медиация выступает как многоуровневая технология урегулирования политических противоречий, реализуемая на региональном, национальном и международном уровнях.

3. Политическая медиация проявляется как властно-управленческая практика самоорганизации и самоуправления. Поскольку политическая медиация реализуется через фазы: «конфликтная ситуация – диалог – согласие», то участники конфликта, проходя их самостоятельно, исходя из своих интересов, ценностных предпочтений и имеющихся обстоятельств, осуществляют взаимные уступки и на этой основе устанавливают границы и условия совместного существования и регулируют взаимоотношения. Таким образом, политическая медиация является формализованной политической практикой, поскольку имеет свойство повторяемости, типизации.

4. Политическая медиация приобретает черты институционализированной политической практики. Медиация в пределах политического пространства способствует достижению соглашения, получает институциональное оформление и закрепление, действенность которых гарантируется не только доброй волей и согласием участников переговоров, но и нормативными ресурсами общества и государства.

Благодаря сочетанию (комплементарной) медиации и институциональных структур в рамках политического поля происходит значительное расширение сферы применения медиативных процедур и повышение прочности достигнутых соглашений, модифицируется система оснований в матрице медиации, которая приобретает двухсоставную структуру. К базовым отношениям равенства добавляется

дифференцированная совокупность ролей и ожиданий, структурированных с помощью правил и норм, то есть институционально. Таким образом, обмен ценностями замещается нормативно-ценностным обменом, что превращает медиацию как практику разрешения межличностных конфликтов в практику регулирования элитарно-групповых отношений и тем самым делает ее составной частью, функцией политики как таковой. В свою очередь, выявление нормативной (институциональной) составляющей медиации способствует изменению ее статуса – из процедуры, осуществляемой на микроуровне политической системы, на уровне протополитики, она превращается в процедуру макроуровня, становится атрибутом политики, ее функциональным элементом. Закрепление в составе медиации институциональной составляющей снимает различие между медиацией как неинституционализированной политической практикой и институциональными структурами.

Итак, медиация становится определенным критерием, указывает на соответствие существующих норм и правил высшим общепризнанным ценностям. Получение медиацией статуса институционализированной политической практики отражается на содержании конструирования политической реальности: вместо спорадически применяемой процедуры решения межличностных конфликтов медиация реализуется как политическая технология разрешения институциональных конфликтов. Обновленная версия конструирования позволяет нейтрализовать негативные аспекты восприятия конфликта его участниками и способствует формированию политического поля.

5. В контексте вышеупомянутого свойства политической медиации формировать политическое поле участники конфликта, являющегося объектом медиации, получают возможность подготовиться к началу непосредственного урегулирования: выявить точки зрения, снизить напряженность в отношениях, сформировать взаимное доверие сторон, проработать различные варианты решений и в конце подойти к согласованию окончательного решения при условии синхронной статусности участников спора. Итак, политическая медиация как институционализированная политическая практика способствует реализации принципов постепенности и синхронности в развитии политического процесса.

Выводы. Таким образом, политическая медиация, по нашему мнению, постепенно обнаруживает черты институционализированной политической практики, актуальной для современного политического процесса. Именно через политическую медиацию как средство урегулирования международных и внутригосударственных конфликтов мы видим общие тренды развития постиндустриального общества.

Кроме того, сам процесс международной институционализации, тенденции к интеграции на фоне глобализации мира демонстрируют существенный уровень взаимозависимости и взаимопроникновения государств, наций, этносов, что, в свою очередь, провоцирует повышенную хрупкость существования цивилизации. Мировой финансово-экономический кризис выявил кризисные тенденции цивилизационного масштаба. Указанные процессы побуждают к переосмыслению правил международного общежития, в основу которого должны быть положены принципы коммуникативно-диалоговых практик – умение и воля решить спор.

Поэтому, по нашему мнению, научному сообществу необходимо интенсифицировать свою деятельность по разработке теоретико-концептуальной основы политической медиации. Востребованным представляется также прояснить и уточнить механизмы, позволяющие повысить эффективность применения этого вида медиации на практике.

Л и т е р а т у р а

1. Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен [Электронный ресурс] / О. В. Аллахвердова. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-sotsialno-psihologicheskii-fenome>.
2. Блумер Г. Общество как символическая интеракция / Герберт Блумер // Современная зарубежная социальная психология: тексты; [под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской]. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – С. 173-179.
3. Федоренко Н. В. Правовая природа медиации [Электронный ресурс] / Н.В. Федоренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 10. – Режим доступа : www.journal10.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1319&Itemid=1.
4. Литвинов А. В. Введение в медиацию [Электронный ресурс] / А.В. Литвинов. – Режим доступа : http://samlib.ru/1/litwinow_aleksandr_walentinowich/med1.shtm.
5. Владимиров В. М. Словарь-континуаль: пословицы, пословицы, меткие слова, афоризмы и направляющие сознание мысли / В. М. Владимиров ; [отв. ред. Н. Соломадина]. – Москва [и др.] : Директ-Медиа , 2015. – 669, [1] с.
6. Медиация в нотариальной практике (Альтернативные способы разрешения конфликтов): Сборник статей / Отв. ред.: Вегманн Б., Грефин фон Шлиффен К.; Пер.: Трушников С.С., Предисл.: Ярков В.В. – М., 2005. – 388 с.
7. Бесемер Х. Посредничество в конфликтах / Перевод с нем. Н.В. Маловой. Калуга: Духовное познание, 2005. – 176 с ; Besemer H. Posrednichestvo v konfliktah / Perevod s nem. N.V. Malovoj. Kaluga: Duhovnoe poznanie, 2005. – 176 s.
8. Duss-von Werdt J, Homo Mediator. Geschichte und Menschenbild der Mediation Stuttgart, Klett-Cotta, 2005.

9. Вишневецкая А.В. Медиация и институты гражданского общества. Популяризация и продвижение медиации с помощью общественных организаций / А.В. Вишневецкая // Медиация: теория, практика, перспективы развития. Сб. материалов Первой всероссийской научно-практической конференции (23–24 апреля 2015 г., Москва); [Отв. ред. О. П. Вечерина]. – М.: ФГБУ «ФИМ», 2015. – С. 23-28.

10. Бессонова Е.Н. Поле «брани» пора превратить в поле сотрудничества [Электронный ресурс] / Е.Н. Бессонова. – Режим доступа : <http://www.zabaykal.net>.

11. Шамликашвили Ц.А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации: Учебное пособие для вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Ц.А. Шамликашвили. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. – 160 с.

12. Медиация [Электронный ресурс] // Словник української мови: в 11 т. / [ред. колег. І. К. Білодід (голова) та ін.]. – К.: Наукова думка, 1970 – 1980. – Т. 4: І – М / [ред. А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк, П. П. Доценко]. – К.: Наукова думка, 1973. – 840 с. – Режим доступу: <http://sum.in.ua/s/mediacija>.

13. Проблема влади як політична медіація в перспективі комунікативно-діалогового підходу / С. Буртак // Вісник Львівського університету. Серія філософсько-політологічні студії. – 2012. – Вип. 2. – С. 129-136. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vlu_fps_2012_2_16.

14. Полянська В. Медіація політичних конфліктів як форма гармонізації політичних відносин / Вікторія Полянська // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф.Кураса НАН України. – 2014. – 4-5 (72-73) – С.121-129.

15. Аллахвердова О.В. Медиация – переговоры в ситуации конфликта: учебное пособие / Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. – Спб.: СПбГУ, 2010. – 178 с.

References

1. Allahverdova O.V. Mediatsiya kak sotsialno-psihologicheskij fenomen [Elektronnyy resurs] / O.V. Allahverdova. – Rezhim dostupu : <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-sotsialno-psihologicheskij-fenome>.

2. Blumer G. Obschestvo kak simbolicheskaya interaktsiya / Gerbert Blumer // Sovremennaya zarubezhnaya sotsialnaya psihologiya: tekstyi; [pod red. G. M. Andreevoy, N. N. Bogomolovoy, L. A. Petrovskoy]. – М. : Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1984. – С. 173-179.

3. Fedorenko N. V. Pravovaya priroda mediatsii [Elektronnyy resurs] / N.V. Fedorenko // Nauka i obrazovanie: hozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. – 2012. – № 10. – Rezhim dostupa : www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1319.

4. Litvinov A. V. Vvedenie v mediatsiyu [Elektronnyy resurs] / A.V. Litvinov. – Rezhim dostupu : http://samlib.ru/l/litwinow_aleksandr_walentinowich/med1.shtml.

5. Vladimirov V. M. Slovar-kontinual: posloviysyi, soslovnitsyi, metkie slova, aforizmyi i napravlyayuschie soznanie myisli / V. M. Vladimirov ; [otv. red. N.

Solomadina]. – Moskva [i dr.] : Direkt-Media , 2015. – 669, [1] s.

6. Mediatsiya v notarialnoy praktike (Alternativnyie sposobyi razresheniya konfliktov): Sbornik statey / Otv. red.: Vegmann B., Grefin fon Shliffen K.; Per.: Trushnikov S.S., Predisl.: Yarkov V.V. – М., 2005. – 388 s.

7. Besemer H. Posrednichestvo v konfliktah / Perevod s nem. N.V. Malovoy. Kaluga: Duhovnoe poznanie, 2005. – 176 s ; Besemer H. Posrednichestvo v konfliktah / Perevod s nem. N.V. Malovoj. Kaluga: Duhovnoe poznanie, 2005. – 176 s.

8. Duss-von Werdt J, Homo Mediator. Geschichte und Menschenbild der Mediation Stuttgart, Klett-Cotta, 2005.

9. Vishnevskaya A.V. Mediatsiya i instituty grazhdanskogo obshchestva. Populyarizatsiya i prodvizheniye mediatsii s pomoshchyu obshchestvennykh organizatsiy / A.V. Vishnevskaya // Mediatsiya: teoriya. praktika. perspektivy razvitiya. Sb. materialov Pervoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (23?24 aprelya 2015 g., Moskva); [Otv. red. O. P. Vecherina]. – М.: FGBU «FIM». 2015. – S. 23-28.

10. Bessonova E.N. Pole «brani» pora prevratit v pole sotrudnichestva [Elektronnyy resurs] / E.N. Bessonova. – Rezhim dostupu : <http://www.zabaykal.net>.

11. Shamlikashvili Ts.A. Mediatsiya kak alternativnaya protsedura uregulirovaniya sporov: chto neobkhodimo znat sudye. chtoby kompetentno predlozhit storonam obrashcheniye k protsedure mediatsii: Uchebnoye posobiye dlya vuzov. obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Yurisprudentsiya» / Ts.A. Shamlikashvili. – М.: Mezhhregionalnyy tsentr upravlencheskogo i politicheskogo konsultirovaniya. 2010. – 160 s.

12. Mediatsiya [Elektronnyy resurs] // Slovník ukraїnської мови: в 11 т. / [red. koleg. І. К. Bilodid (golova) ta in.]. – К.: Naukova dumka. 1970 – 1980. – Т. 4: І – М / [red. А. А. Buryachok. G. M. Gnatyuk. P. P. Dotsenko]. – К.: Naukova dumka. 1973. – 840 s. – Rezhim dostupu: <http://sum.in.ua/s/mediacija>.

13. Problema vladi yak politichna mediatsiya v perspektivi komunikativno-dialogovogo pidkhodu / S. Burtak // Visnik Lvivskogo universitetu. Seriya filosofsko-politologichni studii. – 2012. – Vip. 2. – S. 129-136. – Rezhim dostupu: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vlu_fps_2012_2_16.

14. Polyanska V. Mediatsiya politichnikh konfliktiv yak forma harmonizatsii politichnikh vidnosin / Viktoriya Polyanska // Naukovi zapiski Institutu politichnikh i etnonatsionalnikh doslidzhen im. I.F.Kurasa NAN Ukraїni. – 2014. – 4-5 (72-73) – S.121-129.

15. Allakhverdova O.V. Mediatsiya – peregovory v situatsii konflikta: uchebnoye posobiye / Allakhverdova O.V., Karpenko A.D. – Спб.: SPbGU. 2010. – 178 s.

Masur O.G.

POLITICAL MEDIATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL DISCOURSE

The article deals with the actual approaches to the meaningful interpretation of the phenomenon of mediation as a recognized world community of reality, an effective way to resolve conflicts, an alternative form of dispute settlement, which allows us to find a viable solution that maximally satisfies the needs of the parties involved in the dispute. The article presents the author's vision of the content filling of the phenomenon of political mediation as a political practice aimed at resolving disputes, conflicts, disputes through communicative-dialogue tools with the participation of the mediator between the special (specific) actors, the subjects of

the political process. The author outlines the general conceptual understanding of the process of political mediation and concluded that there is a positive potential for mediation in the modern political process.

The main theses characterizing political mediation as a political and technological practice, the author believes: the acquisition of political mediation of product properties and tools of modern political control; multi-level technology for resolving political contradictions; power-management practice of self-organization and self-government; institutionalized political practice; construct principles of graduality and synchrony in the development of the political process.

Keywords: *mediation, settlement of disputes, conciliation procedures, mediator, alternative form of dispute resolution.*

Мазур Оксана Геннадиевна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедры естественных и фундаментальных дисциплин

Краснодонского факультета инженерии и менеджмента ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: oksana-mazur@bigmir.net

Mazur Oksana Gennadievna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Natural and Fundamental Disciplines, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: oksana-mazur@bigmir.net

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 327.3

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Михайловская О.Г.

SOME FEATURES OF MODERN TERRORISM

Mihailovskaya O.G.

Терроризм как крайняя форма выражения социального, этнического, религиозного радикализма и экстремизма не склонен останавливаться ни перед чем для достижения своих целей. Сегодня терроризм оказался непосредственно связанным с проблемой выживания человечества, обеспечения безопасности государства. В статье сделана попытка рассмотреть некоторые аспекты проблемы терроризма как общественно-политического явления на современном этапе развития международных отношений.

Ключевые слова: терроризм, государство, противодействие терроризму.

Терроризм всех формах своего проявления стал одной из самых опасных по масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем. Терроризм все больше угрожает безопасности многих стран и их населения, влечет за собой огромные политические, экономические и моральные потери, оказывая сильное психологическое давление на людей и унося все больше жизней ни в чем не повинных граждан.

В последнее время интерес к данной проблеме возрос, в исследованиях рассматриваются вопросы поиска причин, истоков и движущих сил, приведших к резкой активизации деятельности различных течений политического экстремизма. На наш взгляд, наиболее интересные работы, в которых сделана попытка всестороннего анализа этого явления, таких авторов, как М.П. Требин «Терроризм в XXI веке. Истоки, цели, методы, организации, фигуры, прогнозы», В.Г. Федотова «Терроризм: попытка концептуализации», Б. Хоффман «Терроризм: взгляд изнутри = Inside terrorism» и др.

Целью нашей работы является анализ особенностей современного терроризма и выявление наиболее эффективных способов борьбы с ним.

Современный терроризм – это мощные структуры с соответствующим их масштабам оснащением. Сегодня в мире насчитывается около 500 нелегальных террористических организаций. Во многих государствах мира составляются списки организаций, которые

террористическими. Так, в США начали еще в 1997 году, внося в него 30 организаций, а в 2008 году в этот перечень было внесено уже 70 организаций. В Российской Федерации признаны террористическими 22 организации, деятельность которых запрещена решением Верховного Суда. В Великобритании в список включено 40 международных и 14 ирландских организаций. В Казахстане 17 организаций признаны террористическими. Евросоюз в «черный список» включил 45 человек и 46 организаций из разных регионов мира [3].

Главная задача современных террористов – осуществление масштабных разрушений, сопровождающихся как можно большим количеством человеческих жертв, с тем, чтобы достичь максимального резонанса в СМИ, спровоцировать напряженность в обществе и тем самым оказать давление на действия и политику государств.

В 2004 г. Президент РФ В. Путин подписал Указ «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом», была разработана принципиально новая концепция контртеррористической деятельности государства. Важнейшей ее составляющей стало определение понятия «терроризм», в том числе как «идеологии насилия», что фактически послужило законодательным и теоретическим обоснованием необходимости существования наряду с институтами борьбы с терроризмом институтов его предупреждения и профилактики [7].

В переводе с латинского слово «terror» – это страх, ужас [3, с. 235]. Основная цель террористов состоит в том, чтобы вызвать состояние ужаса не только у своих жертв-заложников, но и у всех остальных людей.

История возникновения терроризма уходит корнями в глубокую древность, самая ранняя известная в истории человечества террористическая группировка секта сикариев, действовала в Палестине в VI – VII н. э. В XI в. на Востоке действовали ассасины. Тайную секту основал Хасаналь-Саббах, которого историки считают основоположником идеологии терроризма. Он

основал не только идеологию терроризма, но и создал прототип государства новой формации – террористическое государство, в котором существовала строгая иерархия, оно не имело чётко обозначенных границ территории. Владения аль-Саббаха состояли из отдельных замков-крепостей. Территорию его государства нельзя было захватить, завоевать или покорить. Его сторонники кочевали из крепости в крепость.

Тайные общества древних террористов были также известны на Дальнем Востоке и в Индии. Весьма воинственными были они в Китае. Их члены занимались традиционным вымогательством, а профессиональные киллеры, которых тоже было немало, служили всякому, кто платил.

Мощный толчок распространению терроризма дала Великая Французская революция. Здесь впервые в своей истории человечество столкнулось с политическим терроризмом.

Терроризм как социальное явление начал широко распространяться с сер. XIX в. среди ультрареволюционных радикалов России и Европы. В Америке террористами были убиты президенты США Мак-Кинли и Гарфилд. Предприняты покушения на Бисмарка, германского кайзера. В 1894 году был убит президент Франции Карно, в 1897 году – премьер-министр Испании Кановас, в 1898 году – австро-венгерская императрица Елизавета, в 1900 году – году король Италии Умберто.

В 30-40-е годы XX века терроризм взяли на вооружение экстремистские организации правого толка: «Мусульманское братство» и «Молодой Египет». Даже в Индии с её традиционным отрицанием насилия неожиданную популярность получила террористическая группировка «Бхагат Сингх».

Уже в к. 60-х – нач. 70-х годов XX века произошла резкая активизация террористического движения. Эти годы – особый рубеж в истории терроризма. Старт террористическому разгулу дал Мюнхен, в котором состоялись Олимпийские игры 1972 года. 5 сентября 1972 года боевики террористической группировки «Чёрный сентябрь» захватили в заложники спортсменов Израиля. При штурме погибли и спортсмены, и террористы, и немецкие полицейские.

В последние годы терроризм стал особенно изощрён, кровав и безжалостен. Взрывы происходят в публичных местах, церквях, поездах, вокзалах, ресторанах, во время празднеств. Участились похищения государственных деятелей, дипломатов, партийных лидеров, а также убийства, ограбления, захваты государственных учреждений, посольств, самолётов. Возникают новые невиданные прежде направления терроризма: воздушный, ядерный, биологический, экологический и информационный терроризм. Все они носят явные черты политического терроризма. Его цель – не получение денежного выкупа или освобождение из тюрем

арестованных боевиков. Она гораздо масштабнее и грандиознее – поставить на колени целые народы и государства.

История показывает, что все самые громкие террористические события современности укладываются в последнее десятилетие XX века. Именно в этот период разрабатывается стратегия современного терроризма, совершенствуется и оттачивается его тактика. Террористы начинают объединяться в интернациональные «бригады», ставят себе на службу новейшие научные достижения человечества, изобретают и приводят в действие невиданные террористические ноу-хау.

Как уже отмечалось, проявления терроризма весьма разнообразны по своим масштабам, целям, формам, методам, природе и т.п., это и легло в основу классификаций терроризма в политической науке. Основными критериями выступают: методы воздействия – с использованием физического насилия; с уничтожением материальных объектов; с уничтожением информационных средств и информационных баз данных; с применением морально-психологического насилия [6].

По характеру влияния на межгосударственные отношения и в зависимости от гражданской принадлежности субъектов террористической деятельности терроризм подразделяется на внутренний и международный.

В свою очередь, международный и внутренний терроризм представлен различными типологиями. Так, во внутреннем терроризме в зависимости от его субъектов исследователи выделяют: государственный терроризм; терроризм проправительственный; терроризм оппозиционный; религиозный терроризм; межпартийный терроризм.

Международный терроризм может быть государственным и негосударственным.

Еще одним критерием классификации выступают цели террористов: сплывающий терроризм, акции которого направлены на объединение различных структур экстремистского толка; терроризм демонстрационный, призванный обеспечить «рекламу» той или иной террористической организации и проводимой ею в жизнь идеологии и политике; конфронтальный терроризм, проявляющийся в применении насилия в борьбе между противостоящими политическими блоками, движениями, организациями, а также между государственными структурами и оппозицией; терроризм провокационный, когда субъекты насильственными действиями стремятся заставить своего противника перейти к непопулярным среди населения или тактически выгодным для террористов действиям; терроризм религиозный, когда террористические акции направлены на представителей иной веры; экономический терроризм, который проявляется в борьбе между конкурирующими фирмами и другими крупными производителями; информационный терроризм, направленный на

вывод из строя информационных носителей или информационных сетей, а также кражу информации, представляющей большую ценность из-за своей новизны или секретности.

Современный терроризм приобретает новые черты, которые отвечают реалиям и уровню развития самого общества.

Так, мы можем констатировать изменение тактики терроризма. Современный терроризм – это не разрозненные индивидуальные действия, а серии разнообразных террористических акций, направленных против широкого круга лиц и объектов, тщательно подготовленные и осуществляемые в основном квалифицированными кадрами и хорошо организованными группировками. При этом наблюдается резкий количественный рост террористических актов с многочисленными жертвами и значительными материальными потерями, а также объединение усилий отдельных экстремистских формирований и криминальных структур на международном уровне для достижения своих политических целей.

Усовершенствовалась структура террористических группировок и усилилась конспиративность их деятельности.

Террористы стали во многих случаях действовать малочисленными подразделениями, ужесточили проверку новых членов. В рамках террористических организаций практикуется специализация подразделений по их предназначению: финансирование, разведка и контрразведка, поставка оружия и спецсредств, исполнение террористических актов.

Использование террористическими организациями крайне жестоких форм и методов борьбы повышает опасность совершения актов так называемого технологического терроризма. К ним, в первую очередь, относятся использование или угроза применения ядерного, химического и бактериологического оружия, радиоактивных или высокотоксичных химических, биологических веществ, а также попытки захвата экстремистами ядерных и иных промышленных объектов.

Как отмечает А. А. Шиян, терроризм успешно осуществил адаптацию всех существующих сегодня средств и систем массового уничтожения – химического оружия (теракты секты «Аум Сенрикё» в Токийском метро), биологического и бактериологического (рассылка «белого порошка» в США), ядерного (пока еще не применялось – однако ядерное оружие вообще всегда использовалось более «для устрашения», нежели для реального применения) [11].

Еще одной особенностью современного терроризма является курс на использование достижений научно-технического прогресса. Примером использования высоких технологий в интересах террористических группировок можно считать знаменитый «теракт 911». Затраты на подготовку и проведение теракта в Нью-Йорке

составили от 100 тыс. до 1 млн долларов. Нанесенный урон: в краткосрочной перспективе – около 10 млрд долларов, в долгосрочной – до 100 млрд долларов. При подготовке и проведении теракта были использованы новейшие технологии: электронные симуляторы полетов на самолете, тренинг-программы и т.п.

Развитие прогресса порождает новые виды терроризма, разрушительная сила которых постоянно растёт. Так, жизнь современного общества зависит от электронных баз данных и передаваемой информации. От этого зависит также оборона, деятельность спецслужб и правоохранительных органов, банковское дело, работа жизнеобеспечивающих систем городов и т.д. В этой связи жизненно важные сферы деятельности любого государства стали открытыми для компьютерных пиратов. А их согласованные действия могут не только парализовать всю страну, но и привести к многочисленным человеческим жертвам. Это обуславливает появление нового вида угрозы терроризма – информационного или электронного.

Соответственно сегодня террористы выбирают новые объекты для терактов, объекты глобального масштаба это – культуры и цивилизации, развитые страны и их экономика.

Сегодня растет количество террористических организаций и группировок, идеологической основой которых стал религиозный и этнической экстремизм.

Кроме того, сегодня резко увеличились людские и финансовые источники международного терроризма, терроризм становится не только прибыльной, но и самоокупаемой организацией.

По данным израильский Forbes, в 2016 г. список 10 богатейших террористических организаций в мире возглавило «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), захватившее часть территории Сирии и Ирака, с годовым оборотом около в \$2 млрд. Организация зарабатывает за счет продажи нефти, добываемой на оккупированных территориях.

На второе место Forbes поставил палестинское движение ХАМАС. Годовой оборот организации оценивается в \$1 млрд. Эта сумма складывается из пожертвований и налогов, которые ХАМАС собирает с жителей и предприятий в Секторе Газа.

Третье место занимают Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК) с оборотом в \$600 млн. Далее идут ливанская «Хезболла» (\$500 млн) и «Талибан» (\$400 млн). «Аль-Каида» и ее ответвления занимают шестое место с оборотом в \$150 млн [5].

Подводя итоги, мы можем с уверенностью сказать, что актуальность проблемы терроризма в современном мире будет возрастать. Проблема терроризма хоть и имела место в мировой истории раньше, однако на современном этапе она начинает приобретать новое глобальное значение. Корни

терроризма заложены не только в экономических, но и в исторических и этнокультурных проблемах, связанных с разрушением традиционного общества.

Поэтому сегодня основными задачами государства в сфере противодействия терроризму выступают: выявление источников финансирования деятельности террористических организаций, активизация проведения идеологической кампании и информационной войны, ужесточение уголовной ответственности для лиц причастных к деятельности организаций подобного типа, повышение уровня жизни граждан, усиление международного сотрудничества в этой сфере через диалог культур.

Л и т е р а т у р а

1. Гевелинг Л.В. Коррупционные формы политического финансирования: материальная основа распространения терроризма // Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансового терроризма. – М.: МНЭПУ, 2005. – С. 111–142.

2. Евросоюз обновил список террористических организаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.pravda.ru/news/world/18-05-2004/21746-0/>

3. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорель, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 318 с. – (Словари).

4. Розин В.М. Терроризм как выразительный симптом кризиса нашей цивилизации? // Философские науки. – 2003. – № 1 – С. 126–130.

5. Самые богатые террористические организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minval.az/news/67743>

6. Современный терроризм: состояние и перспективы / ред. Степанов, Е.И. – М.: Едиториал, 2000. – 240 с.

7. Требин М.П. «Терроризм в XXI веке. Истоки, цели, методы, организации, фигуры, прогнозы». – М: Харвест, 2003. – 816 с.

8. Указ Президента Российской Федерации от 13 сентября 2004 г. № 1167 О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru/2004/09/16/terrorizm-ukaz.html>

9. Федотова В.Г. Терроризм: попытка концептуализации. – М.: Наука, 2005. – 203с.

10. Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри = Inside terrorism [пер. с англ.] – М.: Ультра. Культура, 2003. – 264 с.

11. Шиян А.А. Терроризм в XXI веке: смена парадигмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.collegian.ru/index.php/tiara/2003/40--xxi-.html

R e f e r e n c e s

1. Sovremennyyj terrorizm: sostojanie i perspektivy / red. Stepanov, E.I. – М.: Editorial, 2000. – 240 s.

2. Geveling L.V. Korruptionnye formy politicheskogo finansirovaniya: material'naja osnova rasprostraneniya terrorizma // Finansovyy monitoring potokov kapitala s cel'ju preduprezhdenija finansovogo terrorizma. – М.: MNJePU, 2005. – S. 111–142.

3. Novejsnij politologicheskij slovar' / avt.-sost. D. E. Pogorelyj, V. Ju. Fesenko, K. V. Filippov. – Rostov n/D : Feniks, 2010. – 318 s. – (Slovary).

4. Evrosojuz obnovil spisok terroristicheskikh organizacij [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://www.pravda.ru/news/world/18-05-2004/21746-0/>

5. Rozin V.M. Terrorizm kak vyrazitel'nyj simptom krizisa nashej civilizacii? // Filosofskie nauki. – 2003. – № 1 – S. 126–130.

6. Same bogatye terroristicheskie organizacii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://minval.az/news/67743>

7. Trebin M.P. «Terrorizm v XXI veke. Istoki, celi, metody, organizacii, figury, prognozy». – М: Harvest, 2003. – 816 s.

8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13 sentjabrja 2004 g. N 1167 O неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом // Rossijskaja gazeta [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://rg.ru/2004/09/16/terrorizm-ukaz.html>

9. Fedotova V.G. Terrorizm: popytka konceptualizacii. – М.: Nauka, 2005. – 203s.

10. Hoffman B. Terrorizm: vzgljad iznutri = Inside terrorism [per. s angl.] – М.: Ul'tra. Kul'tura, 2003. – 264 s.

11. Shijan A.A. Terrorizm v XXI veke: smena paradigmy [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : www.collegian.ru/index.php/tiara/2003/40--xxi-.html

Mihailovskaya O.G.

SOME FEATURES OF MODERN TERRORISM

Terrorism, as well as its consequences, are one of the main and most dangerous problems facing the modern world. The reality of the present time is the fact that terrorism is increasingly threatening the security of most countries, entailing huge political, economic and moral losses.

During the last century, terrorism has changed significantly as a phenomenon. More recently, terrorism could be described as a local phenomenon. Since Tues. floor. XX century, it has already become a phenomenon of a global scale.

Modern terrorism acquires new features that meet the realities and level of development of the society itself, which is reflected in the change in the tactics and structure of terrorist organizations, improvement of the means and methods associated with the use of science and technology achievements.

In this regard, the state faces new challenges, which can only be resolved through the joint efforts of the entire international community.

Key words: terrorism, state, counteraction to terrorism.

Михайловская Оксана Георгиевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: ks-04@mail.ru

Mihailovskaya Oksana Georgievna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: ks-04@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 327.2 (327.8)

ИМПЕРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: К ВОПРОСУ ОБ ИМПЕРСКОЙ СУЩНОСТИ США

Татаринов И.Е.

THE NEW TIME EMPIRE: TO THE ISSUE OF THE IMPERIAL DISSENTION OF THE USA

Tatarinov I.E.

В статье проведён анализ социально-политических особенностей США в конце XX века, заключающихся, по мнению автора, в наличии признаков классических империй при идеологическом отвержении ими данного статуса. Делается вывод о возможности существования США в качестве мировой державы только при наличии равного по силе антагонистического центра. В качестве наиболее адекватного термина для обозначения статуса США предлагается «постклассическая империя».

Ключевые слова: США, СССР, идеология, «постклассическая империя».

Введение. Как известно, чтобы понять, почему происходят те или иные трансформации в современном мире, а также каковы прогнозы на ближайшее будущее, необходимо понимать фундаментальные закономерности мирового развития. Одной из таких закономерностей является не линейность, а дискретность и цикличность мирового развития. Это, кроме всего прочего, позволяет проанализировать причины и последствия доминирования США в современной системе международных отношений и ответить на вопрос: можно ли считать США классической империей?

На рубеже XX–XXI вв. в контексте глобализации или, по меткому выражению авторитетного американского политика Г. Киссинджера, американизации, в политических кругах с новой силой возобновилась дискуссия о геополитическом статусе Вашингтона. Последние внешнеполитические неудачи ушедшей администрации Б. Обамы сильно ударили по статусу США как мировой державы. Можно ли утверждать о факте существования американской империи на данном этапе? Эта проблематика неоднократно поднималась в трудах западных исследователей. Следует указать Э. Бацевича, Н. Фергюссона, Э. Годда и др. [1]. Отечественные авторы также касались данной темы. Например, заслуживают внимания работы М. Хазина и А. Кобякова, С. Картамышевой, А. Уткина, А. Глазовой и др. [2 – 5].

Изложение основного материала

Сама проблема не так однозначна на первый взгляд. Вашингтон сегодня имеет централизованный характер власти, чрезвычайно высокий уровень развития экономики, технологий, культуры, мощные вооружённые силы, претензии на рассмотрение всего мира как сферы собственных интересов, навязывание своих ценностей в глобальном масштабе, декларирование американских интересов практически в любой точке планеты. Всё это позволяет говорить многим учёным об имперском статусе США. Относительно недавно в США появилась книга Джорджа Фридмана «Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века» [6]. Её коммерческий успех среди западных читателей побудил автора написать продолжение, охватывающее более короткий промежуток времени, – «Следующие 10 лет» [7]. Сама личность Джорджа Фридмана достаточно примечательна. Будучи профессиональным политологом, он одновременно является основателем и директором частной разведывательно-аналитической организации Stratfor, которую некоторые исследователи не без основания называют «теневым ЦРУ». Следует отметить, что западные авторы не учитывают ряд важных аспектов. Они не учли, что в динамично развивающемся современном мире международная система подвержена воздействию огромного числа хаотически меняющихся факторов, поэтому предвидеть основной вектор их взаимодействия становится практически невозможно. Внешнеполитические события глобального масштаба на Ближнем Востоке и в Северной Африке, получившие название «Арабская весна», привели к радикальной геополитической трансформации всего региона. Следует отметить, что упомянутый выше Дж. Фридман в своей книге-прогнозе не смог предугадать последние события.

Авторитетный российский американист А.И. Уткин по поводу современного понимания термина «империя» отмечал: «Империя – это форма правления, при которой господствующее

государство определяет внешнюю и частично внутреннюю политику других стран» [8, с. 22]. Американский политолог Э. Тодд также указал подобное: «гегемония в 1950-х – 1990-х гг. в некоммунистической части планеты почти заслуженно была охарактеризована как имперская. Благодаря своим экономическим, военным и идеологическим ресурсам Соединенные Штаты достигли на время масштабов имперского государства» [9].

Несмотря на то что США не являются империей в том виде, в каком ею были Рим, Византия, европейские империи, распавшиеся после Первой мировой войны, большинство современных политиков в той или иной мере признают имперскую сущность Вашингтона. Даже несмотря на то что США по сути представляют собой олигархическую республику и государство без официального религиозного культа. Однако указанный выше Э. Тодд заметил, что характерным признаком постклассического империализма является то, что он не опирается на правовую или религиозную санкцию [9, с. 87-88]. Дж. Фридман также пытается обосновать «имперскую сущность» США и, как следствие, право Америки диктовать свою волю другим странам. По его мнению, Вашингтон вышел из «холодной войны» не только мировым гегемоном, но и мировой империей. В силу этого Америка волей истории обречена взять на себя ответственность за судьбу всего мира. Подобная миссия «не только даёт её обладателю огромные экономические преимущества, но и естественным образом порождает враждебность. Масштабы и мощь американской империи по природе своей внутренне разрушительны и побуждают США к экспансии» [7, с. 25].

Что характерно, большинство западных авторов не принимают во внимание мнение многих мировых экспертов, которые, признавая США мировым лидером, считают, что современный мир находится на стадии перехода от непродолжительной американоцентричной фазы развития, наступившей после окончания «холодной войны», к новой, полицентричной системе международных отношений [10]. Безапелляционно признавая за США имперские функции и имперскую ответственность, Дж. Фридман призывает отказаться от ложной иллюзии, будто США могут прекратить «беспардонно вмешиваться в дела других стран, а американцы могут наслаждаться жизнью, не опасаясь за свою безопасность». Апеллируя к фактам и указывая, что «США ежегодно производят 25% мировых богатств, а их Военно-морской флот господствует на океанах, вовлекает их в мировые проблемы и формирует жизнь людей в глобальном масштабе. Следовательно, если США намереваются сохранить свои масштабы, богатства и мощь, у них есть один вариант действий: научиться управлять своей разрушительной силой – и делать это без

стеснения» [7, с. 23-25, 30]. Американские авторы утверждают, что США имеющие внешний долг в 16 трлн долл. и живущие за счёт всего остального мира, имеют право управлять этим миром и диктовать ему свои правила. Как известно, глобальный финансовый кризис, вызванный просчётами США в экономической сфере, отразился на многих странах. Что интересно, и в этом авторы видят доказательство могущества американской империи, при этом отмечая, что «одним из показателей господства США является то, насколько сильно просчёты американской финансовой элиты отзываются в мире и какой вред ошибки США могут причинить всем остальным странам» [7, с. 76].

Какова же сегодня основная цель глобальной имперской политики США? Большинство западных исследователей считают, что ею должно стать предотвращение появления державы, которая «могла бы бросить вызов гегемонии Америки в любом уголке планеты». Чтобы противодействовать этому, необходимо использовать стратегию, позволяющую «ясно и хладнокровно выявлять самых опасных врагов, а затем создавать коалиции, которые будут их громить». Именно на плечи таких коалиций «посредством манёвров следует перекладывать бремя конфронтации и конфликтов, поддерживая каждую из стран экономическими выгодами, военными технологиями и обещаниями военного вмешательства» [7, с. 45-46].

Что интересно, в этой связи принцип Макиавелли «цель оправдывает средства» вполне применим к американской стратегии, базирующейся на постулате о том, что «моральные цели оправдывают применение средств, которые не только аморальны, но и неконституционны». Тот же Дж. Фридман указывал, что «только в этом случае период с 2011 по 2021 гг. станет десятилетием, в котором США начнут учиться управлять враждебностью мира» [7, с. 38, 43]. Указывая на существенные внешнеполитические просчеты администрации Д. Буша-младшего, Дж. Фридман указывает, что теперь «США ищут пути ухода из иракского, афганского и мирового кризисов, начавшихся в тот момент, когда захваченные террористами самолёты врезались в здания в Нью-Йорке и Вашингтоне». Акцентируя при этом внимание на необходимости продолжать играть на столкновении интересов других держав и по возможности не вмешиваться в этот процесс, либо вмешиваться минимально, США поставили перед собой недостижимую стратегическую цель – уничтожение террористической угрозы – и начали военные операции в Афганистане, а затем в Ираке. Тем самым они позволили втянуть себя в прямое военное противостояние с другими державами [7, 89, 92]. В то же время, как и любая империя, действующая по принципу «разделяй и властвуй», США нарушили это классическое правило, в результате ослабив Ирак, бывший ранее

эффективным противовесом Ирану, и нарушив таким образом существовавший баланс сил. В качестве исправления ситуации «первостепенной необходимостью должно стать возвращение к сбалансированной глобальной стратегии», суть которой заключается в том, чтобы поддерживать своё господство, сталкивая между собой региональных игроков для их взаимной нейтрализации, одновременно обеспечивая более обширные интересы империи. Прямое вмешательство с использованием армии является крайним средством [5, с. 199].

Примечательно, что неудачный имперский курс США имеет достаточно сторонников среди американского истеблишмента, преимущественно среди так называемых «глобалистов», которые выработали конкретные рекомендации относительно тактических шагов США, направленных на закрепление американской гегемонии. Считается, что США должны проводить политику постепенного дистанцирования от Израиля, поскольку с окончанием «холодной войны» отношения Вашингтона с Израилем стали приносить значительно меньше выгод, в то время как стабильно росли издержки. Следовательно, США должны придерживаться стратегии сдерживания Израиля в его нынешнем положении без создания угрозы его существованию [7, с. 139]. Однако, как показывают последние выборы президента США, к власти пришли «изоляционисты» во главе с Дональдом Трампом, имеющим мощную поддержку как «израильского лобби» в парламенте, так и имеющего совершенно противоположное мнение по вопросу американско-израильских отношений. Возможно, не в последнюю очередь симпатии Д. Трампа к Израилю и поддержке евреев обусловлены тем фактом, что его старшая дочь Иванка Трамп с 2009 года замужем за ортодоксальным евреем, сыном одного из лидеров еврейской общины Нью-Йорка, Джаредом Кушнером. Более того, И. Трамп прежде чем выйти замуж, приняла иудаизм, сменила имя на Яэль, и с того времени следует иудаистским канонам, активно занимаясь меценатством.

Кроме этого, прошлое демократическое правительство США считало возможным пойти на урегулирование отношений с Ираном. По крайней мере санкции, которые действовали несколько десятилетий, стали дозированно отменять. Однако не может идти речи ни о каком, даже тактического характера, партнёрстве с Ираном. Реализуя «золотое» имперское правило «разделяй и властвуй», отношения с Ираном планировалось развивать не в ущерб многолетнему союзнику и, одновременно, антагонисту Ирана – Турции, поскольку эта страна единственная в перспективе, способная быть противовесом Ирану. По оценкам американских аналитиков, Турция достигнет статуса региональной державы в течение 10 лет независимо от того, что будут предпринимать США [5, с. 201].

Кроме того, предлагается способствовать созданию «сильного и жизнеспособного Пакистана» в качестве противовеса усилению Индии для восстановления баланса сил. На восточноевропейском же направлении США должны дать гарантии политической и военной поддержки Польше, которая является «географическим разводным ключом» для германо-российского союза» [7, с. 147, 181].

В контексте проимперской стратегии Вашингтона вполне предсказуемо выглядит русофобская позиция глобалистов. По мнению М. Фридмана, «падение СССР предоставило США лишь ограниченное время для того, чтобы вогнать кол в сердце своего старого соперника и гарантировать, что он не воспрянет к жизни». Однако в тот самый момент, «когда США надо было сосредоточить силы на окраинах России и запечатать её в системе сдерживания, их силы оказались занятыми в других местах». Поэтому в наступающем десятилетии американскому президенту «следует проводить более последовательную стратегию и избегать подобных оплошностей» [5, с. 201]. Пророчески отмечая, что «в следующем десятилетии США придётся управлять хаосом в исламском мире, иметь дело с возрождающейся Россией, брызгливой и расколотовой Европой и огромным, испытывающим глубокие проблемы Китаем», отметим, что прогноз вполне реалистичен [7, с. 310].

Однако следует считать вышеуказанные рекомендации глобалистов в первую очередь как дальнейшее развитие обоснования идеи глобального доминирования США и некоей выработкой рецептов господства *Rex Americana*.

Выводы. Вне всякого сомнения, в наши дни единственной постклассической империей остаются США. Можно согласиться с мнением С. Н. Картамышевой, которая отметила, что «*Rex Americana* – это мир капиталистической экономики и либеральной демократии, навязываемой в качестве единой модели развития всему человечеству» [11, с. 402-405]. Однако к употреблению в научном обиходе термина «империя» следует подходить осторожно.

Сегодня, в отличие от империй прошлого, он применяется самими государствами в основном для характеристики своих внешнеполитических соперников. Постклассическая американская империя является примером сублимации империализма без империи, в чем и заключается сущность «постклассичности». Как во время «холодной войны», так и на рубеже XX и XXI веков Вашингтон не устанавливал протекторатов и не назначал администраций, однако он агрессивно экспортировал свои институты и идеологию. Во многих случаях Белый дом не останавливался перед применением военной силы, но вместе с этим предпочитал силу «мягкую», создавая ситуацию, при которой не империя нуждается в остальном

мире, а остальной мир нуждается в ней сам. Современное изменение геополитической картины мира, обусловленное смещением баланса сил на планете в XX веке и укреплением государственности США, породили у них амбиции, которые представляли угрозу национальной безопасности других государств, прежде всего – России (и СССР как модифицированной формы её политического устройства) [12, с. 124].

Таким образом, США по ряду критериев вполне можно идентифицировать в качестве постклассической империи, а тот миропорядок, который Вашингтон активно пытается выстраивать, можно охарактеризовать как «имперский». Однако с каждым годом Соединенным Штатам всё сложнее выполнять функцию глобального лидера и сверхдержавы, поскольку стремительно растёт число государств, бросающих им вызов в качестве региональных «геополитических полюсов».

Л и т е р а т у р а

1. Bacevich A.J. American Empire: the realities and consequences of US diplomacy / A.J. Bacevich. – Cambridge: Harvard University Press, 2002; Ferguson N. Colossus: the rise and fall of the American Empire / Niall Ferguson. – N-Y: Penguin Books, 2005; Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца / Эммануэль Тодд. – М.: Междунар. отношения, 2004.
2. Кобяков А. Б. Закат империи доллара и конец «Pax Americana» / Кобяков А. Б., Хазин М. Л. – М.: «Вече», 2003. – 368 с.
3. Картамышева С.Н. Идеология и внешняя политика: основные направления реализации американской стратегии распространения демократии // Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации. – Материалы III междунар. науч. конф. (23–25 ноября 2000 г.). – Владимир: ВПГУ, 2000. – С. 94–96.; Её же: Идеологическая экспансия США: имперский замысел // Петербургские Кариевские чтения по новистике «Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.)». – СПб.: СПбГУ, 1999.
4. Уткин А.И. Американская империя / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003; Его же: Удар американских богов / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Алгоритм, 2006.
5. Глазова А.В. «Имперская сущность» США и её последствия для мировой политики // Проблемы национальной стратегии. – № 4 (19). 2013. – С. 198–201.
6. Фридман Дж. Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века. – М.: Эксмо, 2010. – 336 с.
7. Фридман Дж. Следующие 10 лет. 2011–2021 / Джордж Фридман ; [пер. с англ. А.А. Калинина]. – М.: Коммерсантъ: Эксмо, 2011. – 316 с.
8. Уткин А.И. Американская империя... С. 22.
9. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца... С. 23.
10. См., например: Закария Ф. Постамериканский мир будущего / Фарид Закария ; пер. с англ. Н. Рудницкой. – М.: Европа, 2009. – 280 с.; Барма Н., Вебер С., Ратнер Э. Мир без Запада: Глобализация в обход Америки / Н. Барма, С. Вебер, Э. Ратнер // Россия в глобальной политике. 2008. Июль–август. – Т. 6. – № 4. – С. 19–33.

11. Картамышева С.Н. Идеологическая экспансия США: имперский замысел / Светлана Николаевна Картамышева. Петербургские Кариевские чтения по новистике «Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.)». – СПб.: СПбГУ, 1999.

12. Муза Д.Е. К проблеме имперского статуса США (кон. XX в.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований № 2 (56) 2015 г. – С. 118 – 124.

References

1. Bacevich A.J. American Empire: the realities and consequences of US diplomacy / A.J. Bacevich. – Cambridge: Harvard University Press, 2002; Ferguson N. Colossus: the rise and fall of the American Empire / Niall Ferguson. – N-Y: Penguin Books, 2005; Todd E. Posle imperii. Pax Americana – nachalo kontsa / Emmanuel Todd. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2004.
2. Kobayakov A.B., Hazin M.L. Zakat imperii dollara i konets «Pax Americana». M.: «Vechе», 2003. 368 s.
3. Kartamyisheva S.N. Ideologiya i vneshnyaya politika: osnovnyie napravleniya realizatsii amerikanskoj strategii rasprostraneniya demokratii // Zapad i Vostok: traditsii, vzaimodeystvie, novatsii. – Materialy III mezhdunar. nauch. konf. (23–25 noyabrya 2000 g.). – Vladimir: VPGU, 2000. – S. 94–96.; EYo zhe: Ideologicheskaya ekspansiya SShA: imperskiy zamyisel // Peterburgskie Karievskie chteniya po novistike «Imperii novogo vremeni: tipologiya i evolyutsiya (XV–XX vv.)». – SPb.: SPbGU, 1999.
4. Utkin A.I. Amerikanskaya imperiya / Anatoliy Ivanovich Utkin. – M.: Eksmo, Algoritm, 2003; Ego zhe: Udar amerikanskih bogov / Anatoliy Ivanovich Utkin. – M.: Algoritm, 2006.
5. Glazova A.V. «Imperskaya suschnost» SShA i eYo posledstviya dlya mirovoy politiki // Problemy natsi-onalnoy strategii № 4 (19). 2013. – S. 198–201.
6. Fridman Dzh. Sleduyuschie 100 let: Prognoz sobytiy XXI veka. M.: Eksmo, 2010. – 336 s.
7. Fridman Dzh. Sleduyuschie 10 let. 2011–2021 / Dzhordzh Fridman ; [per. s angl. A.A. Kalinina]. M.: Kommersant': Eksmo, 2011. – 316 s.
8. Utkin A.I. Amerikanskaya imperiya... S. 22.
9. Todd E. Posle imperii. Pax Americana – nachalo kontsa... S. 23.
10. Sm., naprimer: Zakariya F. Postamerikanskiy mir budushchego / Farid Zakariya ; per. s angl. N. Rudnits-koy. M.: Evropa, 2009. 280 s.; Barma N., Veber S., Ratner E. Mir bez Zapada: Globalizatsiya v obhod Ameriki / N. Barma, S. Veber, E. Ratner // Rossiya v globalnoy politike. 2008. Iyul-avgust. T. 6, № 4. S. 19–33.
11. Kartamyisheva S.N. Ideologicheskaya ekspansiya SShA: imperskiy zamyisel / Svetlana Nikolaevna Kartamyisheva. Peterburgskie Karievskie chteniya po novistike «Imperii novogo vremeni: tipologiya i evolyutsiya (XV–XX vv.)». – SPb.: SPbGU, 1999.
12. Muza D.E. K probleme imperskogo statusa SShA (kon. HH v.) // Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy № 2 (56) 2015 g. – S. 118 – 124.

Tatarinov I.E.

THE NEW TIME EMPIRE: TO THE ISSUE OF THE IMPERIAL DISSENTION OF THE USA

The article provides analysis of the socio-political characteristics of the United States in the late twentieth century, conclusion about classical empires signs in the

ideological rejection of the USA status has been made in the article. The conclusion about the possibility of the existence of the USA as a world power only in case of existence of equal in strength antagonistic center has been made. As the most appropriate term to describe the status of the United States proposed «post-classical Empire».

Key words: *the USA, the USSR, the ideology, «post-classical Empire».*

Татаринов Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Tatarinov Igor Evgenevich – PhD in History, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК [32:17.022.1](73)-021.191

США СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Писаный Д.М.

USA IN THE LIGHT OF THE POLITICAL MYTHS OF THE NEW AND MODERN TIMES: AN AXIOLOGICAL ASPECT

Pisanyi D.M.

В статье рассматривается система представлений о сущности и характере американской нации, созданная по социальному заказу правящей элиты этой страны. Ряд политических мифов моделирует в массовом сознании образ США как великой нации, причем это величие обусловлено американской «исключительностью», т. е. особым путем исторического развития. Самые значимые политические мифы США подвергаются критическому анализу. Приводятся исторические факты, опровергающие эти представления. Раскрываются основные тенденции влияния политических мифов США на массовое сознание.

Ключевые слова: политические мифы; американская исключительность; информационная война.

Миф, в который верят, постепенно становится правдой.

Джордж Оруэлл

В современном мире информация является оружием, которое по масштабам и силе воздействия не уступает огнестрельному. Согласно образному выражению, «даже... самый тихий шепот... прогремит громом над армиями, когда говорит правду» [1]. Наглая же лож может очернить как отдельного человека, так и создаваемые людьми сообщества (творческие коллективы, партии, фирмы и т.д.). Слух, распространенный в нужное время и в нужном месте, может породить ажиотаж или панику, посеять смуту и страх, а может и наоборот – мобилизовать массы на большие свершения.

Но эти приемы информационной войны рассчитаны на краткосрочный эффект. Для более же длительной работы с массовым сознанием, ориентированной на формирование убеждений и ценностных установок, важное значение имеет мифотворчество.

Политические мифы тесно связаны с исторической проблематикой. История имеет огромное воспитательное значение. При этом немаловажную роль играет способ подачи фактов, их ценностно-эмоциональные смыслы. Для

успешной реализации воспитательной функции истории факты прошлого должны восприниматься представителями подрастающего поколения или как личная трагедия, или как основание для собственной гордости.

В обоих случаях это усиливает патриотические чувства, способствует сплочению нации, укреплению общегосударственной политической идентичности. Если же нужных фактов в истории страны недостаточно, создаются политические мифы. Особенно преуспела в их создании правящая элита США. Причем в качестве «целевой аудитории», подверженной действию означенных мифов, выступают не только граждане США, но и иностранцы, в частности, жители постсоветских государств. А значит, ценностные установки данных мифов могут быть использованы в информационной войне, которая ведется в последние годы. Следовательно, тема данной статьи имеет как научную, так и практическую актуальность.

Проблемы, связанные с политической мифологией США, поднимались в ряде работ зарубежных (С. Хантингтон) и отечественных (В. Согрин, Л. Мутовкин) исследователей [2 – 4]. Однако до конца не раскрытым остается вопрос о взаимосвязи между тенденциозным изложением исторических фактов и формированием в массовом сознании определенных ценностных установок, выгодных творцам политических мифов.

Настоящая статья призвана в некоторой степени заполнить существующие пробелы. Ниже будет проанализирован ряд политических мифов Соединенных Штатов, представляющихся нам самыми значимыми, и некоторые аспекты влияния их ценностных установок на массовое сознание.

Один из самых распространенных политических мифов об Америке гласит, что США – «самая свободная» страна в мире. Американцы гордятся, что завоевали свою свободу и независимость в неравном бою. Рядовые граждане убеждены, что после победы над Британией США стали писать свою историю «с чистого листа»,

создавая совершенно «особое» общество, свободное от угнетения, с равными возможностями для всех.

Однако (и это достоверный факт) до сер. XIX в. на территории Штатов существовало рабство. И позже его отменили разве что в Бразилии (1888). Ликвидация же этого «особого» института Юга – результат борьбы различных социальных групп за сферы влияния, за собственность на средства производства, за право определять курс дальнейшего развития страны. Т. е. эмансипация афроамериканцев – отнюдь не следствие «эпидемии благородства» филантропов-аболиционистов.

В качестве примера приведем красноречивый, но малоизвестный факт: в семейном хозяйстве генерала-северянина Улисса Гранта перед Гражданской войной использовался труд рабов, и свободу они получили вовсе не по прокламации 1862 г., а после принятия запрещающей рабство 13-й поправки к Конституции США, т. е. в 1865 г.

На вопрос, почему он лично не освободил своих рабов (в отличие, например, от знаменитого генерала-южанина Роберта Э. Ли, освободившего своих рабов еще до войны), У. Грант просто отвечал, что «добрую помощь в хозяйстве в наши дни трудно найти». Эта деталь лишней раз показывает, насколько ошибочно видеть во всех северянах высокоморальных борцов за свободу [5, с. 104].

Более того, прошлое порой напоминает о себе весьма неожиданным образом. 18 февраля 2013 г. мир облетело сенсационное известие: через 150 лет после принятия 13-й поправки к Конституции США об отмене рабства штат Миссисипи, наконец-то, удушился официально ратифицировать её [6].

Близок к предыдущему по смыслу миф о том, что США – самая «демократичная» страна в мире. Но у её населения даже равенство возможностей возникло далеко не сразу. Весьма справедливым является утверждение С. Хантингтона о том, что «большую часть своей истории США были расистской страной. Белые американцы всегда ставили себя выше негров, индейцев, азиатов и мексиканцев и не считали их всех полноправными членами общества» [2, с. 95]. Зловещим символом отношения американцев к другим народам служит система рабства, существовавшая на юге страны.

Чтобы обуздать расовую дискриминацию уже после отмены рабства, понадобились долгие десятилетия. Перелом здесь был достигнут в президентство Ричарда Никсона. Так, при нем был принят Закон о правах избирателя (Voting Rights Act, 1970), который значительно расширил на практике доступ афроамериканцев к участию в избирательном процессе. (Ранее серьезные препятствия к этому возникали вследствие проверки адреса проживания. Чиновники целенаправленно затягивали этот процесс на годы, иногда – на десятилетия. По новому закону такая проверка должна была проходить максимум за 2 месяца).

Следует упомянуть и еще об одном аспекте. Современная демократия носит представительский характер. Выборы же являются одним из немногих проявлений прямой (непосредственной) демократии. Если взглянуть на американский электоральный процесс, то даже избрание Президента США далеко от подлинного народного волеизъявления. Имеется в виду пресловутая коллегия выборщиков. Их голосование неоднократно противоречило результатам всенародного волеизъявления. Президентская кампания 2016 г. – яркий тому пример.

Еще каких-то 20 лет назад невозможно было представить, что высший пост в этом государстве займет афроамериканец. Однако в 2008 г. это случилось. И именно в правление этого, самого «народного», президента, выдвинутого к тому же демократической партией, положение простого народа в США серьезно ухудшилось. Многомиллиардные вливания государства в экономику, предназначенные для преодоления кризиса 2007 г., были направлены на спасение банков и корпораций. Простым гражданам приходилось рассчитывать только на себя. Минимум 15% населения не смогли оправиться от последствий экономического кризиса [7]. Гласу этих народных масс никто не внемлет.

Если же обратиться к внешней политике, то демократия по-американски – это постоянные войны, свержение неудобных режимов, «гуманитарные» интервенции, политика двойных стандартов. Однако действия эти, о которых в мире хорошо известно, прикрываются красивым и нестареющим лозунгом «борьбы за демократию».

Следующий миф апеллирует ко всем, кому не чужда выгода, желание красивой жизни, кто признает власть денег. США – самая богатая страна мира. Ряд фактов свидетельствует об обратном. Так, по запасам природных ресурсов США уступают ... России, все природные ресурсы которой оцениваются в \$ 75 трлн (против \$ 45 трлн У США) [8].

По годовому уровню ВВП на душу населения США со своими \$ 55,9 тыс. в 2015 г. занимали только 6-е место, уступая Люксембургу (\$ 96,5 тыс.), Катару, Швейцарии, Норвегии, ОАЭ (\$ 58,5 тыс.) [9]. Государственный долг США достиг просто гигантских размеров – \$ 17 трлн. Кстати, в 1989 г. на Манхэттене недалеко от Таймс-сквер установили счетчик этого долга [7].

Наконец, весьма распространенным мифом является то, что США обрели свое благосостояние честным трудом. Да, честных тружеников в стране действительно много. Но не они дали мощные импульсы, приведшие в прошлом к стремительному росту экономики Штатов. Он достигается и поддерживается благодаря «разбойным» действиям. В основе национального богатства США лежат три грандиозных ограбления:

◆ первое совершили еще отцы-основатели, когда отняли Северную Америку у её коренных обитателей — индейцев;

◆ второе — экономическое ограбление воюющей Европы в Первой и Второй мировых войнах;

◆ третье, которое длится по сей день, — это деятельность Федеральной резервной системы (по сути своей мошенническая), а также система неокOLONиальных отношений, выстроенных США с большинством стран третьего мира.

По подсчетам исследователя С. Загатина, «на один честно заработанный доллар в истории США приходится три награбленных, если не больше» [10].

Данные мифы оказывают очень сильное воздействие на массовое сознание. Рассмотрим, как обстоит дело в самих США.

В сознание рядовых американцев успешно внедряется идея об «американской исключительности». Причем если в XVII – нач. XIX вв. это был образ «Нового Израиля», то сейчас (ни много ни мало) это «Новый Рим». Так, на государственном гербе США изображен орел (в Древнем Риме он символизировал власть над миром). Официальной символике вторит и массовая культура. Для примера возьмем хотя бы фильм «Ночь в музее», где ожившие фигуры тЕхасского ковбоя и римского легионера сообща выполняют ответственное задание, помогая главному герою. Зритель улавливает важную мысль: сходство американской и римской цивилизаций – в их самобытности и величии. Патриотизм и лояльность приводят к поддержке массами притязаний правительства США на глобальное лидерство. «Если не мы, то кто?» – так мыслят среднестатистические американцы. Побочным следствием этого служит национальный эгоцентризм, пренебрежительное отношение к культуре и ценностям других народов. Поэтому мало людей в США критически относятся к правительственному курсу (в особенности – к агрессии на Ближнем Востоке).

США играют в современном мире исключительно важную роль. Поэтому история и культура, быт и менталитет американцев вызывают в остальном мире стабильный интерес. Удовлетворяется он в значительной степени благодаря массовой культуре (кино, книжные бестселлеры и др.). Культурная продукция преодолевает океаны и распространяет американские духовные ценности в различные уголки земного шара. Поэтому и политическая мифология США оставляет след в обыденном сознании людей в других регионах мира.

Так, США с их финансовым и военным могуществом, относительно высоким уровнем жизни, широкими возможностями для достижения успеха представляются многим иностранцам «недостижимым идеалом». В повседневных буднях

неоднократно доводится слышать: «То ж в Америке, а у нас...» (и далее – сетование на то, что какое-то важное достижение США у нас в принципе невозможно).

На этой почве среди жителей развивающихся, в частности, постсоветских, стран в 1990-е гг. активно формировался «комплекс неполноценности» [11]. Особенно это усилилось, когда США перестали считаться противником России. В тот период все американское казалось доморощенным идеологам «новой жизни» а priori хорошим, а все советское – а priori плохим.

С этим аспектом тесно связано стремление правящих кругов к слепому заимствованию у США ряда процессов и тенденций в экономике, политике и культуре. А ведь еще один из основоположников цивилизационного подхода к историческому процессу Николай Яковлевич Данилевский говорил, что «пересадка» – не наилучший способ заимствования чужого государственного опыта. Лучше либо «удобрение», либо «прививка». Т. е. основа, базис остается местным, а иностранные заимствования должны включаться в него органически, без «рывков» и «рекордов» [12, с. 11–12].

Таким образом, политические мифы США тщательно разработаны, многоаспектны по форме и содержанию. Они формируют образ американской истории, а также американского гражданина, которыми можно гордиться. Но анализ этих утверждений показал, что в прошлом и настоящем США не все так идеально. Подлинное прошлое Соединенных Штатов далеко от восторженного пиетета, с каким его преподносят в американских школах. Тем не менее проанализированные нами мифы довольно хорошо выполняют возложенные на них функции, формируя в обыденном сознании людей четкие ценностные установки, которые облегчают непопулярные действия правящей элиты. Вот почему дальнейшее изучение данной проблематики является актуальным для отечественной политической науки.

Л и т е р а т у р а

1. Цитаты из фильма «Переводчица» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://citaty.kinootziv.com/c/perevodchitsa-75175/>. – Загл. с экрана. – Дата использования : 01.12.16.
2. Хантингтон С. Кто мы?: вызовы амер. нац. идентичности / Самюэль Хантингтон ; [пер с англ. А. Башкирова]. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
3. Согрин В. В. «Американская исключительность»: мифы и реальность / В. В. Согрин. – М.: Знание, 1986. – 64 с.
4. Мутовкин Л. А. Политические мифы [Электронный ресурс] / Л. А. Мутовкин. – Режим доступа : www.promgups.com/blog/wp-content/.../12/10.pdf. – Загл. с экрана. – Дата использования : 16.12.16.
5. Латов Ю. В. Новая экономическая история гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства / Ю. В. Латов // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. – Ростов, 2004. – Т. 2, № 1. – С. 97–116.

6. Chumley C. K. It's official: Mississippi finally ratifies 13th Amendment outlawing slavery [Electronic resource] / Cheryl K. Chumley. – Access mode: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/feb/18/its-official-mississippi-finally-ratifies-13th-ame/>. – The title screen. – Date of treatment: 20.11.16.

7. Катасонов В. Долг Америки: верхняя и нижняя части айсберга [Электронный ресурс] / Валентин Катасонов. – Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/historical-notes/1838-gosudarstvennyj-dolg-ssha-v-2013>. – Загл. с экрана. – Дата использования: 08.11.16.

8. 10 стран с самыми богатыми природными ресурсами, или зачем нам армия и флот [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sdelanounas.ru/blogs/17066/>. – Загл. с экрана. – Дата использования: 15.12.16.

9. ТОП-50 стран: ВВП на душу населения, тыс. долларов США (по состоянию на 2015 год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ereport.ru/stat.php?table=grecia&h=50&d=1>. – Загл. с экрана. – Дата использования: 13.12.16.

10. Загатин С. США: опыт строительства империи [Электронный ресурс] / Сергей Загатин. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/63112/>. – Загл. с экрана. – Дата использования: 29.11.16.

11. Литвиненко Т. Российская идентичность и вызовы времени [Электронный ресурс] / Тарас Литвиненко. – Режим доступа: https://ria.ru/valdaiclub_anniversary_comment/20130819/957220962.html. – Загл. с экрана. – Дата использования: 02.12.16.

12. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. – 816 с. – (Русская цивилизация).

References

1. Tsitaty iz filma «Perevodchitsa» [Electronic resource]. – Access mode: <http://citaty.kinootziv.com/c/perevodchitsa-75175/>. – The title screen. – Date of treatment: 01.12.16.

2. Hantington S. Kto my?: vyzovy amer. nats. identichnosty / Samuel Hantington; [per. s angl. A. Bashkirova]. – М.: ООО «Izd-vo AST»: ООО «Tranzitkniga», 2004. – 635 s.

3. Sogrin V. V. «Americanskaya iskluchitel'nost»: mify i realnost / V. V. Sogrin. – М.: Znaniye, 1986. – 64 s.

4. Mutovkin L. A. Politicheskiye mify [Electronic resource] / L. A. Mutovkin. – Access mode: www.promgups.com/blog/wp-content/.../12/10.pdf. – The title screen. – Date of treatment: 16.12.16.

5. Latov Y. V. Novaya ekonomicheskaya istoriya grazhdanskoj vojny v Amerike i liquidatsii plantatsionnogo rabstva / Y. V. Latov // Econ. vestn. Rostov. Un-ta. – Rostov, 2004. – Т.2, № 1. – С. 97 – 116.

6. Chumley C. K. It's official: Mississippi finally ratifies 13th Amendment outlawing slavery [Electronic resource] / Cheryl K. Chumley. – Access mode: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/feb/18/its-official-mississippi-finally-ratifies-13th-ame/>. – The title screen. – Date of treatment: 20.11.16.

7. Katasonov V. Dolg Ameriki: verhnaya i nizhnaya chasti aisberga [Electronic resource] / Valentin Katasonov. – Access mode: <http://rushist.com/index.php/historical-notes/1838-gosudarstvennyj-dolg-ssha-v-2013>. – The title screen. – Date of treatment: 08.11.16.

8. 10 stran s samymi bogatymi prirodnyimi resursami, ili zachem nam armiya i flot [Electronic resource]. – Access mode:

<http://sdelanounas.ru/blogs/17066/>. – The title screen. – Date of treatment: 15.12.16.

9. Top-50 stran: VVP na dushu naseleniya, tys. dollarov SSHA (po sostoyaniyu na 2015 god) [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.ereport.ru/stat.php?table=grecia&h=50&d=1>. – The title screen. – Date of treatment: 15.12.16.

10. Zagatin S. SSHA: opyt stroitelstva imperiyi [Electronic resource] / Sergey Zagatin. – Access mode: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/63112/>. – The title screen. – Date of treatment: 29.11.16.

11. Litvienko T. Rossiyskaya identichnost i vyzovy vremeni [Electronic resource] / Taras Litvienko. – Access mode: https://ria.ru/valdaiclub_anniversary_comment/20130819/957220962.html. – The title screen. – Date of treatment: 02.12.16.

12. Danilevskiy N. Y. Rossiya i Yevropa / N. Y. Danilevskiy. – М.: In-t rus. tsivilizatsiyi, 2008. – 816 s. – (Russkaya tsivilizatsiya).

Pisanyi D.M.

USA IN THE LIGHT OF THE POLITICAL MYTHS OF THE NEW AND MODERN TIMES: AN AXIOLOGICAL ASPECT

The national history often becomes an object of political speculations. Political myths are very serious weapon in the informational war. So topic of this article has scientific and practical relevance.

There are many different political myths in the USA. This article is devoted to critical analyzes of the North-American political myths. These myths formed a system of imaginations about the sense and character of the American nation. The main ideological message of the American political myths is the image of the great nation, which is the most free, democratic and rich country in the world.

Reason of such greatness is very special, exclusive way of the American historical development. The most important political myths of the USA are examined with the critical analyzes. Author refutes these myths using historical facts and discovers the main tendencies of influence of the USA political myths on the people collective mind.

Key words: political myths, American exclusivity, informational war.

Писаний Денис Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: mypostdmp@mail.ru

Pisanyi Denis Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of the Politology and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: mypostdmp@mail.ru

Рецензент: Шелото Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 328.187

РОЛЬ РЕФЕРЕНДУМА КАК ФОРМЫ ПРЯМОГО НАРОДОВЛАСТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Проценко А.В., Крупа К.В.

THE ROLE OF REFERENDUM AS A FORM OF DIRECT NATIONAL REGION IN THE MODERN DEMOCRATIC SOCIETY

Procenko A.V., Krupa K.V.

В статье анализируются характер, формы и механизмы использования референдума как способа осуществления прямой демократии, особенности привлечения за счет функционирования данной процедуры граждан к политическому управлению и процессу принятия важных политико-управленческих решений.

Ключевые слова: демократия, референдум, плебисцит, общественная инициатива, конституция, политические решения.

Процесс становления полноценного гражданского общества в любом современном государстве, функционирование демократического политического режима и эффективных правовых институтов обуславливает постепенное превращение народа из объекта государственного управления в приоритетный субъект власти. Большинство исследователей демократии исходят из того, что суверенитет народа – наиважнейший конституционный признак демократии, которая служит основанием ее оценки не только с точки зрения понимания самого этого субъекта, но также по форме совершения им власти.

В зависимости от того, как народ участвует в управлении, кто и как непосредственно выполняет властные функции, демократия делится на прямую, плебисцитную и представительную (коллективную).

Целью данной статьи является комплексный анализ, интегративное обобщение практики использования и принципов функционирования такой формы и механизма осуществления прямой демократии, как референдум.

В прямых формах народовластия граждане сами непосредственно участвуют в подготовке, обсуждении и принятии решений. Существенное влияние на развитие теории непосредственной демократии имела концепция, а позже и теория общей воли (*volonte generale*) и верховенства закона Ж.-Ж. Руссо, которая была выражена в формуле: «Народ, который подчиняется законам, должен быть их творцом», органично соединила в себе идеи народного суверенитета и верховенства закона и

заложила конституционные основы современной европейской непосредственной демократии [1, с. 239].

Со временем теории парламентаризма и избирательной демократии стали доминировать над идеями непосредственного принятия законов народом. В равной степени это можно сказать также и о референдуме, как о наиболее распространенной прямой демократии после выборов, как основной процедуры формирования собственно представительской структуры власти.

Относительно снижения роли этого института следует также отметить, что это было связано с определенной общественной дискредитацией референдума всенародными голосованиями в нацистской Германии в 1933 году относительно выхода государства из Лиги Наций; в 1934 г. – соединении должности рейхсканцлера и президента страны; в 1938 г. – аншлюса Австрии Германией [2, с. 70].

Отстраняясь от подобного субъективно-ценностного и исходя из рационалистических подходов, можно трактовать референдум как институт, обеспечивающий непосредственный выбор соответствующего решения, которое является предметом голосования. Референдуму присущи следующие характеристики: непосредственное участие граждан в представлении своей позиции, право только на один голос каждого избирателя и признание воли большинства за основу в процессе принятия правовых актов.

Право участия в референдумах имеют граждане страны, которые обладают избирательным правом. Хотя не всегда референдум связывает формальные ячейки принятия решений, однако ответственные политики не могут пренебрегать его результатами. Поэтому наряду с парламентской процедурой референдум является важным инструментом законодательного процесса. Эта норма, однако, не означает, что референдум может быть повседневной практикой принятия политических решений. В большинстве государств

референдумы и так называемые народные законодательные инициативы имеют вспомогательное значение, если вообще применяются на общегосударственном уровне. Как пишут шведские политологи Дж. Лане и С.Еррсон, «большинство политических систем закладывают основы непосредственной демократии в своих конституциях, но очень мало из них применяют референдум регулярно» [3, с. 21]. Однако в 1980-х - 1990-х годах сфера применения референдума в Европе значительно расширяется, что склоняет к предположению, что эта форма непосредственной демократии имеет незаурядное будущее.

Институт референдума имеет свою давнюю историю. Он был известен в государственно-политической жизни Древнего Рима, где соответствующие меры назывались плебисцитом. В новые времена референдум был впервые проведен в 1780 г. в североамериканском штате Массачусетс, а начиная с середины XIX в. этот институт был перенят большинством штатов США, а также в Швейцарии. Характерно, что и сегодня в Соединенных Штатах проводятся только местные референдумы на уровне штатов, административно-территориальных единиц. В Швейцарии референдумы проводятся как на местном уровне, так и на уровне федерации. Неудивительно, что именно в названных странах референдумы проводились чаще. В Швейцарии, начиная с 1874 г., произошло около 150 только конституционных референдумов. В Австралии с начала XX в. было организовано 40 общегосударственных референдумов. В США только в штате Калифорния в период между 1912 и 1978 годами проведено более 170 голосований по инициативе самих избирателей.

Достаточно распространенным стал референдум в XX в. Его проведение было предусмотрено рядом конституций европейских государств, принятых в период между мировыми войнами. В частности, это касается действующих конституций Австрии, Ирландии. Еще чаще об этом институте упоминают новейшие основные законы: Испании, Италии, Франции, ФРГ (на уровне федерации и ее субъектов), Швеции, Японии. Организация референдумов предполагается конституциями всех центральных и восточноевропейских государств, а также государств, образовавшихся на территории бывшего СССР. Конституции и законы устанавливают определенный круг субъектов референдной инициативы. В разных странах к ним отнесены глава государства или парламент. Иногда эти субъекты должны взаимодействовать. Например, в Польше референдум могут назначать нижняя палата парламента или президент с согласия верхней палаты. В некоторых странах правом референдной инициативы наделена определенная часть состава парламента (1/3 в Словении, 1/5 в Италии и т.д.) [4, с. 57].

Референдумы классифицируют по различным критериям. По предмету, по содержанию вопроса, выносимого на голосование, референдумы бывают конституционными, законодательными и по вопросам текущей политики.

Конституционный референдум – это голосование избирательного корпуса, которое обычно утверждает основной закон, его просмотр или внесение поправок к нему. Конституционный референдум, проводимый в Федеративном государстве, может быть общегосударственным и происходящим в пределах отдельных субъектов федерации. Практика конституционных референдумов распространена в зарубежных странах. Чаще всего конституционные референдумы проходили в Швейцарии и США. Проведение таких референдумов в США предусмотрено конституциями сорока девяти штатов из пятидесяти (кроме Делавэра). За весь период существования североамериканских штатов в качестве независимых государств, конфедерации и федерации здесь было вынесено на референдумы несколько десятков проектов конституций и тысячи конституционных поправок, часть из которых была принята. В некоторых штатах пересмотр конституции требует проведения двух референдумов. Законодательное собрание штата по своей инициативе ставит вопрос о формировании конституционного конвента. Этот вопрос выносится на референдум. В условиях положительного его решения образуется конвент, который и разрабатывает проект конституционной реформы. Такой проект окончательно утверждается также на референдуме. Все это является примером взаимосвязей прямой и представительной демократии.

Законодательный референдум – это голосование избирательного корпуса, которое обычно утверждает законопроект или отменяет закон, вступивший в действие. Такая форма референдума признана конституциями Дании, Эстонии, Ирландии, Исландии, Италии, Латвии, Португалии, отдельных штатов США, Швейцарии и других государств. Она нашла свое отражение и в основных законах, принятых в целом ряде развивающихся стран.

Законодательный референдум может иметь предварительный или корректирующий характер. В процессе проведения предварительного референдума на голосование выносится законопроект. Такой референдум практически всегда бывает утверждающим, ратифицирующим. Предметом второго, так называемого постпарламентского референдума, является пересмотр закона, который вступил в силу. Это отменяющий референдум.

Предварительный законодательный референдум отличается разнообразием соответствующих процедур. Например, в Дании после принятия законопроекта парламентом и до промульгации одна треть представительного органа

может подать на имя председателя письменное требование о том, чтобы этот законопроект был поставлен на народное голосование. Парламент рассматривает это требование и в случае его одобрения сообщает главе правительства (премьер-министру) о своем решении. Последний провозглашает проведение референдума.

Своеобразная разновидность предварительного референдума существует в некоторых кантонах Швейцарии. Здесь все наделены избирательными правами, граждане обязательно собираются раз или два раза в год, для того чтобы своим непосредственным голосованием ратифицировать принятые законодательным органом законопроекты.

Основной процедурой проведения следующего референдума является процедура так называемого народного вето. Исторически народное вето является одной из первых современных форм прямой демократии. Впервые на практике оно было реализовано в 1831 г. в одном из кантонов Швейцарии. Согласно этой процедуре, если в определенный конституцией срок необходимое количество избирателей в официальной форме заявит о своем несогласии с принятым законом, последний обязательно выносится на референдум. В зависимости от последствий референдума такой закон или отменяется, или сохраняет силу [5, с. 34-39].

Референдум по вопросам текущей политики – это голосование избирательного корпуса, прямо не касающееся конституционного или законодательного нормотворчества. Некоторые из таких референдумов по своему значению и последствиям ничем не уступают законодательным или даже конституционным референдумам. Разновидностью референдума по вопросам текущей политики является плебисцит. Понятие «плебисцит» в юридической науке понимается по-разному. Нередко оно воспринимается как синоним общего понятия референдума. С другой стороны, плебисцитами называют референдумы, которые не имеют законодательного и конституционного характера. Термин «плебисцит» используется для обозначения голосований, проводимых для определения политического статуса территорий. В частности, плебисциты проводятся по вопросам определения государственной принадлежности отдельных территорий.

Примером плебисцита является голосование населения Саарской области на предмет включения ее в состав ФРГ в 1957 г. После Второй мировой войны плебисциты по вопросам определения формы государственного правления, которое состоялось, были проведены в Италии, Франции и Греции. При этом основные законы этих государств специально не выделяют плебисцит как отдельный вид референдума, а Конституция Греции вообще упоминает о референдной форме прямой демократии.

Различают референдумы обязательные (облигаторные), которые характеризуются тем, что их решения являются обязательными для выполнения, и факультативные, которые означают, что их результаты не имеют обязательного значения. Если же речь идет о времени проведения, то выделяют референдумы ратификационные, которые проводятся после принятия соответствующего решения парламентом (например, утверждение в Испании конституции 1978 года), а также консультационные, которые происходят до принятия определенного решения (например, референдум в Ирландии 1992 г. по ратификации Маастрихтского трактата) [2, с. 24]. Консультативный характер референдума означает, что с его помощью только выясняется позиция граждан. Окончательное же решение по вопросам, вынесенным на референдум, является прерогативой парламента (или иного органа), однако проведение референдума является необходимым условием принятия такого решения.

Разница между Вестминстерской и консенсусной моделью демократии имеет значение, когда анализируются политические последствия референдума. Логично предположить, что этот институт более присущ первой модели, поскольку она влияет на принятие решения в противоречивом вопросе большим количеством граждан. Таким образом, подтверждается одна из черт вестминстерской модели, которая заключается в том, что народ можно идентифицировать с арифметическим большинством избирателей. Более того, решение референдума не оставляет места для дискуссий и компромиссов, которые характеризуют консенсуализм. Для него референдум является фактором дисфункциональным: он ослабляет значение договоренностей между политическими партиями и группами интереса и, как это подтверждает пример Швейцарии, отрицает ранее достигнутые договоренности между группами элиты. Тщательно подготовленный проект решения может быть отклонен всеобщим голосованием, в результате чего усилия, затраченные на получение компромисса, становятся бесполезными. Иначе в вестминстерской модели: всеобщее голосование создает здесь дополнительную конфронтацию правящих партий и политической оппозиции [6, с. 44].

Во втором случае оппозиция получает возможность мобилизации общественной поддержки в пользу собственных проектов решения определенной проблемы (инициатива положительная) или против предложенных инициатив правящих политических сил (инициатива отрицательная).

Анализируя функции референдумов, Т. Бьёрклунд подчеркивает, что они являются инструментом в руках политических меньшинств (оппозиции), механизмом преодоления внутривнутрипартийных разделов и громом отводом для

общественных разногласий. По мнению Дж. Детлефа и А. Сторсведа, референдум, кроме того, выполняет функцию «легитимации политического истеблишмента перед скептически настроенным электоратом» [2, с. 24].

Референдум становится сегодня чем-то большим, чем только выразителем общественного мнения. Прежде всего следует определить характер дел, которые выносятся на всеобщее голосование. Кроме традиционных – изменения конституции, предметом референдума становятся вопросы, вызванные поляризацией общественного мнения и пробуждающие сильные эмоции в обществе. Это, в частности, вопросы, касающиеся моральных проблем (допустимость разводов – Италия 1974 г., Ирландия 1986 и 1995 гг., допустимость аборт – Италия 1981 г., Ирландия – 1983 и 1994 гг.), принадлежность к международным организациям (Дания, Норвегия, Ирландия, Великобритания – принадлежность к ЕС, Испания – вступление в НАТО, Ирландия, Дания, Франция, Австрия, Швеция, Финляндия – ратификация Маастрихтского трактата), или проблемы так называемой «новой политики» (референдум по делу атомных электростанций в Австрии и Швеции). В двух референдумах (1991 и 1993 гг.) итальянцы определялись по основным проблемам политической реформы, в том числе и избирательной системы. Политическими последствиями обоих этих голосований была делегитимизация политической системы Республики, а также неприятие большинства действующих в ее пределах политических партий. Такого типа референдум может усугублять социальное разделение и конфликты, примером чего может служить хотя бы разделение ирландского общества по проблеме разводов и абортов или скандинавских стран по принадлежности к ЕС [5, с. 34-39].

Исключительную роль играют институты непосредственной демократии в Швейцарии, стране, которую называют колыбелью демократии участия. В современной Швейцарии сформировался трехуровневый механизм принятия решений, который включает: консультации перед принятием решения в парламенте с группами интересов; референдум, связанный с народной инициативой (положительный или отрицательный); деятельность политических партий, которые являются выразителями интересов избирателей.

Характерной чертой швейцарского консенсуализма является относительная слабость значения политической репрезентации партиями. Связано это с малой конкуренцией за места в правительстве и "автоматическим" обеспечением этих мест крупнейшим партиям. Таким образом, социальное недовольство выражается через институты непосредственной демократии, а не в парламентской деятельности партий. В такой ситуации референдум служит преимущественно

интересам избирателей и малых партий, не представленных на правительственной арене, однако способным мобилизовать социальную поддержку для решения спорных вопросов.

Значение института непосредственной демократии в Швейцарии следует не только и не столько из политической традиции, сколько из трудностей формирования стабильной парламентской коалиции, которая была способна преодолеть разнородность и разнообразие интересов, представленных политическими партиями. Следует также помнить, что швейцарское общество очень разделено. Линии социального разделения оговариваются этническими и религиозными различиями, на что накладывается также сильная автономия кантонов. Как отмечает Ф. Лехнер, «гетерогенность интересов и слабость национальных партий и групп интересов делает задачу формирования стабильной политической коалиции чрезвычайно сложной и рискованной» [6, с. 33].

Определенно нельзя обойти стороной такие «тектонические» по своим результатам политические решения, которые были приняты в результате проведения референдумов в европейских странах в последние несколько лет, в том числе и в сфере международных отношений. Именно процедурой референдума был определен выход Великобритании из Европейского союза или так называемый «Brexit». Во время референдума 2016 года за это решение высказалось 51,9 % проголосовавших, что существенно изменяет геополитическую и геоэкономическую конфигурацию в Европе.

Существенно перекроили политическую карту или коренным образом изменили политическую ситуацию Европы такие решения, вынесенные на референдум, как провозглашение независимости Черногории (2006 г.), вопрос о независимости Шотландии (2014 г.), а также непризнанные на данный момент европейским сообществом референдумы по присоединению Крыма к России (2014 г.), референдумы о провозглашении ЛНР и ДНР (2014 г.), провозглашение независимости Каталонии (2017 г.).

Таким образом, резюмируя, можно отметить, что анализ практики использования института референдума в современных демократиях приводит к утверждению, что этот институт пользуется ростом интереса как со стороны избирателей, так и со стороны политических сил различного толка. Частота использования его возрастает и, соответственно, в современном обществе усиливается роль данного института. О популярности референдума среди граждан говорят также присущие ему положительные фреквенции, а именно посещаемость или высокие показатели участия со стороны избирателей. В противоположность избирательной фреквенции, она имеет тенденцию к росту, что также подчеркивает

значительный интерес к данной форме реализации народовластия со стороны граждан как основных носителей суверенитета в современном демократическом обществе.

Л и т е р а т у р а

1. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор, демократия и представительство // Демократия: Антология / Сост. А. Проценко. – К.: Факел, 2005. – С. 237-247.

2. Онищук М. В. Непосредственная демократия, представительная демократия и муниципальная демократия: проблемы идентификации и разграничения // Вестник Академии правовых наук Украины. – 2006. – № 4. – С. 65-77.

3. Шведа Ю. Референдум как политический институт в условиях современной демократии // Политический менеджмент. – 2007. – № 2. – С. 18-25.

4. Бабичев И. В., Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участие населения в осуществлении местного самоуправления. Методическое пособие / И. В. Бабичев, Н. Р. Калантарова, Е. А. Кодина и др. – М., 2004. – 129 с.

5. Референдумы и плебисциты как форма прямого народовластия: история и современность (к 20-летию референдума 1996 года): материалы научной студенческой конференции (Минск, 23 ноября 2016 г.) / ред.: В. А. Бобков, А. В. Беляев, Е. Н. Дайняк. – Минск: БНТУ, 2016. – 59 с.

6. Lord C. A Democratic Audit of the European Union. – PALGRAVE MACMILLAN, 2004. – 256 p.

R e f e r e n c e s

1. Zh.-Zh. Russo Obshhestvennyj dogovor, demokratiya i predstavitel'stvo // Demokratiya: Antologija / Sost. A. Procenko. – K.: Fakel, 2005. – S. 237-247.

2. M.V. Onishhuk Neposredstvennaja demokratiya, predstavitel'naja demokratiya i municipal'naja demokratiya: problemy identifikacii i razgranichenija // Vestnik Akademii pravovyh nauk Ukrainy. – 2006. – № 4. – S. 65-77.

3. Ju. Shveda Referendum kak politicheskij institut v uslovijah sovremennoj demokratii // Politicheskij menedzhment. – 2007. – № 2. – S. 18-25.

4. I.V. Babichev, N.R. Kalantarova, E.A. Kodina i dr. Formy neposredstvennogo osushhestvlenija naseleniem mestnogo samoupravlenija i uchastie naselenija v osushhestvlenii mestnogo samoupravlenija. Metodicheskoe posobie. M., 2004. – 129 s.

5. Referendумы i plebiscity kak forma prjamogo narodovlastija: istorija i sovremennost' (k 20-letiju referendumu 1996 goda): materialy nauchnoj studencheskoj

konferencii (Minsk, 23 nojabrja 2016 g.) / red.: V. A. Bobkov, A. V. Beljaev, E. N. Dajnjak. – Minsk: BNTU, 2016. – 59 s.

6. Lord C. A Democratic Audit of the European Union. – PALGRAVE MACMILLAN, 2004. – 256 p.

Procenko A.V., Krupa K.V. THE ROLE OF REFERENDUM AS A FORM OF DIRECT NATIONAL REGION IN THE MODERN DEMOCRATIC SOCIETY

The article analyzes the nature, forms and mechanisms of using the referendum as a way to implement direct democracy, the peculiarities of attracting citizens to political management and the process of making important political and managerial decisions due to the functioning of this procedure.

Key words: democracy, referendum, plebiscite, social initiative, constitution, political decisions.

Проценко Александр Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: akstazatu@gmail.com

Procenko Alexander Valerievich – Candidate of Political Science, Docent of the Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: akstazatu@gmail.com

Крупа Кирилл Викторович – магистрант кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: krupakirill09@rambler.ru.

Krupa Kirill Viktorovich – Student of magistracy of the Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: krupakirill09@rambler.ru.

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 372.881.1

ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА ОБЩЕСТВА

Ковтун К. В.

TRENDS OF EDUCATIONAL POLICY IN THE FIELD OF FOREIGN LANGUAGES AS A REFLECTION OF THE SOCIAL ORDER OF A SOCIETY

Covtun C. V.

Стратегическим ориентиром языковой политики в области обучения иностранным языкам является социальный заказ общества, определяющий требования к уровню языковой подготовки учащихся и качеству владения ими иностранным языком. Знание как минимум одного иностранного языка, умение использовать этот язык в реальной коммуникации становится в современном обществе необходимой частью личной и профессиональной жизни человека. Повышение интереса к иностранным языкам в обществе влечёт за собой изменение места и роли иностранного языка как учебного предмета в общей системе образования. Знание иностранного языка на должном уровне является показателем современного образования. Тактические действия по реализации социального заказа, а следовательно, и языковой политики в сфере школьного образования обусловлены социально-экономическими, политическими, социально-педагогическими, методическими, социокультурными, индивидуальными факторами.

Ключевые слова: иностранный язык, обучение, общество, система образования.

Введение. Изменения социально-экономических и политических условий, происходящие в современном обществе, неизбежно влекут за собой изменения требований к системе образования. Это проявляется в отношении общества к иностранным языкам вообще и к конкретному языку в частности, к людям, говорящим на иностранном языке (ИЯ), а также в требованиях, которые общество предъявляет к уровню иноязычного образования своих граждан на каждом конкретном этапе социально-экономического развития. Другими словами, социально-экономические и политические факторы определяют социальный заказ общества по отношению к уровню и качеству владения его гражданами ИЯ. Социальный заказ выражается: в престижности / непрестижности знания ИЯ; в приоритетах в выборе ИЯ; в общественной потребности в людях, практически владеющих ИЯ как средством общения. Можно сказать, что социальный заказ есть стратегический ориентир языковой политики в области обучения ИЯ.

Целью работы является анализ тенденций образовательной политики в сфере обучения иностранным языкам; рассмотрение социально-экономических, политических, социально-педагогических, методических, индивидуальных факторов, определяющих специфику системы образования в области иностранных языков.

Изложение основного материала. Очевидно, что чем выше общественная потребность в знании языка и специалистах, владеющих одним или несколькими ИЯ, тем более значимыми становятся прагматические аспекты обучения предмету. Чем выше в обществе потребности в новых профессиональных, личных, культурных, научных контактах с носителями ИЯ, с достижениями культуры разных стран и чем реальнее возможность реализовать эти контакты, тем, естественно, выше статус ИЯ как средства общения и взаимопонимания [9].

В настоящее время этот статус становится еще более значимым, как следствие определенных факторов, характерных для современного общества, а именно: расширения экономических, политических, культурных связей между странами; доступа к опыту и знаниям в мире, большому информационному богатству, в том числе в результате развития международных средств массовой коммуникации; миграции рабочей силы; межгосударственной интеграции в области образования и, следовательно, возможности качественного образования у себя в стране и за рубежом (практически можно сказать, что изучение ИЯ на должном уровне есть показатель современного образования).

Открытость политики любого государства мировому сообществу стимулирует процессы интеграции и интернационализации разных сфер человеческой деятельности. Мир становится все «меньше и меньше», меняется понятие «сообщество людей»: представители разных национальностей начинают все более ощущать свою принадлежность к сообществу большего порядка, чем та «национальная общность», к которой они принадлежат. Интересно, что в обиход западноевропейских политиков,

педагогов и методистов вошел термин «мобильность» [9], который понимается как право свободного передвижения и повсеместного проживания в пределах стран, входящих в ЕС; право быть свободным в получении профессионального образования не только в своей стране, но и в соседних государствах; способность человека к адаптации к современным условиям проживания в мультикультурном обществе; умение даже на элементарном уровне устанавливать контакт с носителями языка; способность преодолевать возможные трудности, возникающие в процессе контакта с чужой культурой и ее носителями; умение проявлять толерантность к чужой культуре.

В современном обществе человек в своей повседневной, в том числе профессиональной, жизни все чаще «сталкивается» с ИЯ. Более того, интеграционные общественные процессы меняют не только статус ИЯ в обществе, но и выполняемые им в этом обществе функции. Приоритетными становятся установление взаимопонимания между народами, обеспечение доступа к многообразию мировой политики и культуры.

Следовательно, знание ИЯ становится в современном обществе необходимой частью личной и профессиональной жизни человека. Все это в целом вызывает потребность в большом количестве граждан, практически владеющих одним или несколькими ИЯ и получающих в связи с этим реальные шансы занять в обществе более престижное как в социальном, так и в материальном отношении положение. Отсюда ясно, что социальный заказ общества по отношению к ИЯ в связи с наличием реального выхода на иную культуру и ее представителей выражается не просто в практическом знании языка(ов), а и в умении использовать этот язык(и) в реальной коммуникации.

В то же время новая социально-экономическая и политическая ситуация обуславливает повышение требований к уровню языковой подготовки учащихся. Оказалось, что, несмотря на большие материальные затраты, которые несет государство на организацию массового обучения ИЯ, а также на значительные усилия преподавателей, большинство заканчивающих среднюю школу не умеют практически пользоваться языком. Отсюда резкие и в чем-то справедливые упреки в адрес методистов, учителей, авторов учебников по поводу слабой языковой подготовки учащихся. При этом к ИЯ, как ни к какому другому предмету, предъявляются особо высокие требования. Ведь не ставят в упрек учителям физкультуры то, что школьники имеют слабые физические данные, и не упрекают учителей математики в том, что большинство выпускников школы сразу после ее окончания не могут доказать ту или иную геометрическую или тригонометрическую теорему. И это не случайно. Во-первых, большинство людей считают, что знать ИЯ – значит владеть им на уровне родного языка (на наш взгляд, это утверждение ошибочно). Во-вторых (и это самое главное), знание ИЯ превращается в новой ситуации развития общества

в категорию, реально востребованную в практической и интеллектуальной деятельности человека.

Взросший статус ИЯ как средства общения стимулирует мощное движение общества навстречу новым формам и моделям обучения ему как предмету. Интенсивно внедряется раннее обучение ИЯ, начиная с детского сада и (или) начальной школы. Школа и семья стремятся как можно раньше приобщить ребенка к ИЯ, дав тем самым ему дополнительный шанс сориентироваться в современном динамично развивающемся обществе со все более ярко выраженными тенденциями к интеграции всех сфер общественной жизни.

Школа достаточно быстро реагирует на общественную потребность в знании ИЯ и включает в учебные планы второй иностранный язык, а подчас, если позволяют условия, и третий.

В последнее время появилась большая общественная потребность в приобщении к ИЯ и взрослого контингента учащихся, что нашло выражение в открытии большого количества курсов, предоставляющих возможность взрослой категории обучаемых изучать ИЯ, в том числе по интенсивной методике, с использованием современных ТСО [3; 5].

Тактические действия по реализации социального заказа, а следовательно, и языковой политики в сфере школьного образования по ИЯ обусловлены социально-педагогическими факторами. Данная группа факторов отражает прежде всего уровень осознания теми, кто непосредственно занимается образовательной политикой в области обучения ИЯ, значимости ИЯ как учебного предмета в общем контексте образовательной политики. Это выражается в определении места и статуса учебного предмета «иностранный язык» в общей образовательной системе и в конкретном типе учебного заведения, а также количества отводимых на изучение ИЯ учебных часов. Конкретное воплощение этих положений можно наблюдать на уровне директивных документов, определяющих государственную политику в области образования, в том числе и языкового [1; 2; 8]. Таким образом, действие социально-педагогических факторов сказывается прежде всего на содержании учебного предмета на уровне учебного плана и частично программы.

Система образования ИЯ, являясь лишь одной из подсистем общего образования, складывается под влиянием общей образовательной идеологии. Поэтому можно сказать, что действие социально-педагогических факторов выражается также в концептуальных подходах к содержанию учебного предмета «иностранный язык» в контексте общеобразовательных задач. Система образования ИЯ в каждый исторический период своего развития призвана в полной мере отражать основные тенденции образовательной политики государства на определенном этапе его развития и воплощать в реальность прежде всего общеобразовательные цели системы образования в целом.

Насколько качественно реализуется это положение, определяется действием так называемых методических факторов, воплощающих социальный заказ общества по отношению к ИЯ в категориях собственно методической науки. При этом важную роль играют не только результаты научных изысканий в области методики и смежных с нею наук, но и традиции в обучении предмету, существующие в обществе как следствие предшествующего опыта обучения ИЯ в конкретных социально-экономических условиях, а также реальные возможности, в том числе материально-технические, которыми обладает учебный процесс [4]. Все это в целом позволяет в той или иной степени реализовать социальный заказ общества в методических концепциях обучения ИЯ, программах, учебниках и пособиях, используемых в практике.

Степень адекватности выражения этого заказа в полной мере зависит от того, насколько последовательно учитываются социокультурные и индивидуальные факторы.

Социокультурные факторы, являясь предметом пристального внимания методистов, [4; 6] предполагают последовательный учет социокультурного контекста обучения ИЯ, в понятие которого входят такие категории, как общность / различие культуры страны изучаемого языка и исходной культуры обучаемых; удаленность / близость страны изучаемого языка от страны, в которой изучается ИЯ. Наряду с этим, социокультурные условия определяются сложившимся в обществе отношением к народу, говорящему на том или ином ИЯ, его культуре, обществу, а также системой культурных и социальных отношений, принятой в обществе, и др.

Что касается группы индивидуальных факторов, то она традиционно волнует и теоретиков, и практиков. Действие индивидуальных факторов сказывается на всех уровнях рассмотрения системы обучения, в том числе на уровне материальных средств обучения. Например, на уровне программы степень адекватности заявленных в ней целей социальному заказу общества в полной мере определяется уровнем и качеством индивидуальной интерпретации ее авторами объективных закономерностей, согласно которым должен строиться учебный процесс по предмету в конкретный исторический период общественного развития [7; 8]. В не меньшей степени достижение эффективных результатов в реализации требований общества по отношению к уровню владения ИЯ зависит от индивидуальных особенностей всех субъектов образовательного процесса, и в первую очередь – от обучаемых и обучающих, непосредственно воплощающих в жизнь программные установки. Поэтому целый ряд методических исследований рассматривает те или иные аспекты проблемы организации учебного процесса по предмету с учетом особенностей контингента обучаемых и профессионального

мастерства учителя / преподавателя, а также специфики их взаимодействия как субъектов обучения [10].

Социально-экономические и политические факторы являются первичными по отношению к другим. Однако высокие требования к подготовке школьников по ИЯ, предъявляемые объективными законами развития общества в конкретный исторический период, могут быть реализованы лишь при условии достаточно высокого уровня развития теории и практики обучения ИЯ, создающих «благоприятный контекст» для изучения предмета в школе. Ведь хорошо известно, что общество всегда в той или иной степени нуждалось в людях, практически владеющих ИЯ, но, как показывает ретроспективный взгляд на обучение предмету, понятие «практическое владение ИЯ» уточнялось и конкретизировалось в зависимости от уровня развития методики и смежных с нею наук.

Методическая наука как одна из подсистем общей системы обучения ИЯ обладает интегрирующими свойствами. Она «преобразует» требования, выдвигаемые обществом и системой общего образования по отношению к ИЯ как учебному предмету, в конкретные методические концепции, учебные программы, учебные пособия и рекомендации по организации и содержанию педагогического процесса. Заметим, что на уровень языковой подготовки членов общества отрицательно влияет недостаточная разработанность как психолого-педагогических, так и методических аспектов обучения ИЯ.

В то же время и практика обучения в силу тех или иных обстоятельств может тормозить или ускорять процесс внедрения новых эффективных форм и технологий обучения. Это самым естественным образом сказывается на реализации общественных запросов по отношению к ИЯ. К таким сдерживающим методический прогресс обстоятельствам относятся слабый уровень профессиональной подготовки учителей / преподавателей ИЯ, их нежелание отказаться по тем или иным причинам от укоренившихся в их опыте привычек в организации учебного процесса, их неумение соотносить методические системы с конкретными условиями обучения и т.д.

Выводы. Повышенный интерес к иностранным языкам является одной из характерных черт современной общественной жизни. Роль и место учебного предмета в общей системе образования коренным образом меняется: ИЯ переводится в разряд учебных дисциплин первостепенного значения, заняв в общем предметном реестре место рядом с родным языком и литературой. Таким образом, востребованность ИЯ в обществе повышает, в свою очередь, статус иностранного языка как учебного предмета в системе общеобразовательной подготовки учащихся.

Литература

1. Базисный учебный план средней общеобразовательной школы. – М.: МО РФ, ИОШ РАО, 2016. – 35 с.
2. Бим И.Л., Гальскова Н.Д., Сахарова Т.Е. и др. Аттестационные требования к владению иностранным языком учащимися к концу базового курса обучения// Иностранные языки в школе. – 2012. – № 5. – С. 2-8.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АРКТИ, 2003. – 192 с.
4. Гальскова Н.Д., Горчев А.Ю., Никитенко З.Н. Программа по иностранному языку: новые подходы к конструированию// Иностранные языки в школе. – 2010. – № 4. – С. 8-13.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения иностранным языкам или лингводидактика? // Иностранные языки в школе. – 2006. – № 1. – С. 2-5.
6. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности. Автореф. докт. диссерт. – М.: 1993. – 47 с.
7. Сериков В.В. Личностно ориентированное образование: к разработке новой модели педагогической деятельности. В кн.: Педагогический лицей: становление будущего учителя. – Волгоград, 2014. – С. 3-12.
8. Якиманская И.С. Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников// Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 64-77.
9. Edmondson, W., House, J. Einfuehrung in die Sprachlehrfor-schung. – Tuebingen; Basel: Francke, 1993. – 341 s.
10. Hellmich, H. Die Didaktik des Fremdsprachenunterrichts als integrative Wissenschaftsdisziplin. In: Deutsch als Fremdsprache (17). – 1980. – H. 4. – S. 218-224.

References

1. Bazyisnyiy uchebnyiy plan sredney obsheobrazovatelnoy shkolyi. – M.: MO RF, IOSH RAO, 2016. – 35 s.
2. Bim I.L., Galskova N.D., Saharova T.E. i dr. Attestatsionnyie trebovaniya k vladeniyu inostrannym yazyikom uchashchimisya k kontsu bazovogo kursa obucheniya// Inostrannyye yazyki v shkole. – 2012. – № 5. – S. 2-8.
3. Galskova N.D. Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazyikam: Posobie dlya uchitelya. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: ARKTI, 2003. – 192 s.
4. Galskova N.D., Gorchev A.Yu., Nikitenko Z.N. Programma po inostrannomu yazyiku: novyye podhodyi k konstruirovaniyu// Inostrannyye yazyki v shkole. – 2010. – № 4. – S. 8-13.
5. Minary-Beloruhev R.K. Metodika obucheniya inostrannym yazyikam ili lingvodidaktika? // Inostrannyye yazyki v shkole. – 2006. – № 1. – S. 2-5.
6. Safonova V.V. Sotsiokulturnyy podhod k obucheniyu inostrannomu yazyiku kak spetsialnosti. Avtoref. dokt. dissert. – M.: 1993. – 47 s.
7. Serikov V.V. Lichnostno orientirovannoe obrazovanie: k razrabotke novoy modeli pedagogicheskoy deyatel'nosti. V kn.: Pedagogicheskiy litsey: stanovlenie buduschego uchitelya. – Volgograd, 2014. – S. 3-12.
8. Yakimanskaya I.S. Trebovaniya k uchebnym programmam, orientirovannym na lichnostnoe razvitiye shkolnikov// Voprosyi psihologii. – 2008. – № 2. – S. 64-77.

9. Edmondson, W., House, J. Einfuehrung in die Sprachlehrfor-schung. – Tuebingen; Basel: Francke, 1993. – 341 s.

10. Hellmich, H. Die Didaktik des Fremdsprachenunterrichts als integrative Wissenschaftsdisziplin. In: Deutsch als Fremdsprache (17). – 1980. – H. 4. – S. 218-224.

Covtun C.V.

TRENDS OF EDUCATIONAL POLICY IN THE FIELD OF FOREIGN LANGUAGES AS A REFLECTION OF THE SOCIAL ORDER OF A SOCIETY

The strategic guideline of the language policy in the field of foreign language teaching is the social order of a society. It defines the requirements for a language level of students and quality of their knowledge of a foreign language. The status of a foreign language becomes more important as a result of certain factors characteristic of a modern society, namely: the expansion of economic, political and cultural ties between the countries; the access to the world knowledge and experience, a great deal of information, including the development of international mass media; labour migration; interstate integration in the field of education and thus opportunities for quality education abroad. Knowledge of at least one foreign language, the ability to use it in real communication becomes the essential part of the personal and professional life in the modern society. The increase of interest in foreign languages inspires the change of place and role of a foreign language as a school subject in the general education system. The knowledge a foreign language at the appropriate level is an indicator of quality education. Tactical actions for implementation of the social order, and hence of the language policy in school education are determined by socio-economic, political, socio-pedagogical, methodological, sociocultural, and individual factors. Methodology as one of the subsystems of the general system of teaching foreign languages has integrating properties. It «converts» the demands made by the society to a foreign language as a school subject into specific methodological concepts, curriculum, training manuals and guidelines for the organization and content of the educational process.

Key words: foreign language, learning, society, education system.

Ковтун Каролина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры естественных и фундаментальных дисциплин Краснодарского факультета инженерии и менеджмента ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: covtuncarolina@yandex.ua

Covtun Carolina Viktorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Natural and Fundamental Disciplines, Krasnodon Faculty of Engineering and Management of Lugansk National University named after Vladimir Dahl.

E-mail: covtuncarolina@yandex.ua

Рецензент: Шелото Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 94“17”(477.5)

КАЛЬМІУСЬКА ПАЛАНКА**Симоненко І.В.****KALMIUSKAY PALANKA****Simonenko I.V.**

На основі аналізу літератури досліджено життя запорожців на землях Кальміуської паланки у XVIII ст. Проблемно-хронологічний метод, застосований у дослідженні, дав змогу авторці висвітлити питання адміністративного і воєнного керівництва паланкою, ставлення козаків до релігії. Встановлено, що у XVIII ст. життя запорожців на землях Кальміуської паланки суттєво змінилось. Козаки все більше відчували прагнення царизму активно втручатися в їхнє життя, використовуючи для цього Військо Донське. З'ясовано, що у XVIII ст. запорожці більше вже розраховували на успіхи в господарській діяльності, аніж на воєнну здобич. В зимівниках склалося фермерське господарство, яке було пов'язане з ринком. Визначено, що скотарство залишалось найбільш важливою галуззю запорозького господарства. Але у XVIII ст. помічається і нове явище: козаки почали займатися хліборобством. Підкреслено, що і власник землі, і найманий працівник були націлені на високопродуктивну працю. Однак вирішуючи економічні проблеми, запорожці не забували і про свої воєнні обов'язки.

Ключові слова: паланка, Запорозька Січ, запорозьки козаки.

Вступ. Сьогодні дуже актуальним є вивчення історії Вітчизни. Знання вітчизняної історії інтелектуально розвиває людину, дозволяє сформулювати її світогляд і формує в кожному з нас громадянина.

У XVIII ст. значна частина території нашого краю входила до складу однієї із запорозьких паланок – Кальміуської. Взагалі історія запорозьких паланок є одним з найменш вивчених питань у вітчизняній історії. Незважаючи на це, в історико-краєзнавчій літературі вже робилися спроби висвітлити його. Значний інтерес становлять праці О.С.Лісянського [4], В.О.Пірко [5], В.І.Подова [6], в яких відображаються процеси заселення і господарського освоєння Донецького краю у XVI-XVIII ст. Цікавою, з точки зору інформативності, є праця П.І.Лаврива «Історія південно-східної України», в якій окремі розділи присвячені запорозьким і донським козакам, їхньому побратимству. Проте в цих працях недостатньо висвітлені такі аспекти: адміністративне і воєнне керівництво, ставлення козаків до релігії.

Мета нашого дослідження – чітко окреслити територіальні рамки Кальміуської паланки, розглянути життя запорожців на землях паланки у XVIII ст., висвітлити питання адміністративного і воєнного керівництва паланкою, ставлення козаків до релігії.

Результати (основний текст роботи). У XVIII ст. значна частина території Луганщини та Донеччини входила до складу Кальміуської паланки. «Паланка» в буквальному значенні слова з турецької на російську означає «невелика фортеця»; в переносному значенні слова цим означалось у запорожців центральне керівництво, а частіше всього відомство. Центром паланки був двір з різними будівлями. До 1768 року всіх паланок на Запорозжжі було п'ять – Бугогардовська, Перевизська (Інгульська), Кодацька, Самарська та Кальміуська; з 1768 р. додалось ще дві паланки – Орельська та Протовчанська, а згодом – третя, Прогноїнська [9, с.160].

Серед запорозьких паланок, які входили до складу Нової Січі (її розбудова розпочалася у березні 1734 року), життя Кальміуської паланки найбільшою мірою претерпіло зміни, що порушували традиційний побут козаків.

Кальміуська паланка у 30-і рр. XVIII ст. майже повністю втрачає своє стратегічне значення для Війська Запорозького: на турок через Азов ходити було заборонено, а в донських станицях запорожців вже не чекали, вірні слуги государя не жалували неблагонадійних січовиків. Донці поступово витісняють запорожців з їхніх угідь, захоплюють спірні землі. Взаємні територіальні претензії вилились у приграничний конфлікт.

В 1744 р. на ім'я імператриці Єлизавети Петрівни надійшла скарга від запорозьких козаків [7, с.85]. Вони писали, що прийшли на річку Кальміус ловити рибу. Тут на них напали донські козаки, спалили курені, побили та вигнали. Цю територію на підставі заїмки донські козаки вважали своєю [6, с.45]. Суперечка за ці землі затягнулася на кілька років.

Щоб покласти край взаємним претензіям, сенатським указом від 30 квітня 1746 р. була встановлена межа між Військом Донським і Запорозькою Січчю по річці Кальміус: лівий бік Кальміусу, від верхів'я і до гирла, закріплювався за

донськими козаками, а правий – за запорожцями. На території, що простяглася на сході від Кальміусу і до Дніпра на заході, від узбережжя Азовського моря, рік Берди і Конки – на півдні до Вовчої на півночі, й розташувалася Кальміуська паланка [5, с.55]. Центром Кальміуської паланки була Домаха. Цей запорозький зимівник виник приблизно у 1500 р. біля гирла Кальміусу. Як свідчить опис, зроблений архієпископом Гавриїлом зі слів мешканців, зимівник називався так тому, що там мешкала козачка Домаха. Недалеко від місця, де Кальміус впадає в море, був яр, по-місцевому балка. Поступово на цьому місці утворилося озеро Домаха, яке згодом висохло, а його територію забудували. У 1611 р. Домаха стала центром Кальміуської паланки. В 1754 р. на місці Домаського поста козаки побудували фортецю Кальміус [2, с.16].

Відомо, що і після встановлення межі запорожці не один раз її перетинали, через це продовжувались зіткнення з донцями. І тут треба погодитися з відомим дослідником історії запорозьких козаків Д.І.Яворницьким, який писав: «Немає сумніву, однак, що запорозькі козаки часто виходили за межі своїх вольностей, вважаючи межі власних володінь набагато ширшими вказаних трактатами і постановами» [9, с.51]. А що стосується меж Кальміуської паланки, то Д.І.Яворницький вказував, що «Кальміуська паланка знаходилась поміж Вовчою, Кальміусом і Азовським морем, в теперішніх уїздах Олександрівському, Бахмутському і Маріупольському» [9, с.161].

Таким чином, ми можемо зробити висновок, що у результаті розмежування Військо Донське утвердилося на південних землях Луганщини, а Кальміуська паланка зазнала значних територіальних втрат, компенсувати які можливо було лише подальшим заселенням земель по р.Лугані.

У XVIII ст. кількість запорозьких зимівників в басейні р.Лугані та Сіверського Дінця значно зросла. Продовжувалось життя поселень, які виникли раніше, в XVII ст., з'явилися нові.

Кілька військових старшин мали хутори в урочищі Шовковий протік (нині с.Горіхівка Лутугинського району). На них працювали наймані робітники – наймити [1, с.176-177].

Відставні запорожці, які жили у землянках і мазанках у байрака Кам'яного і протока Гриценкова (нині м.Брянка), успішно займались скотарством і землеробством, продаючи надлишки продуктів у Бахмутській фортеці. Худобу, хліб та інше продовольство везли на ринок у Бахмуті жителі зимівника, розташованого у байраків Тертишного і Скелеватого (нині с.Пархоменко).

Приблизно у 1738 р. тут оселився відставний запорожець Макар Безродний, який заснував обширний зимівник з великою кількістю землянок. Після його смерті зимівник став називатися Макарів Яр.

Кілька сімейств запорозьких козаків жило в балці Сухій і яру Холодовім.

В 1707 р. у числі населених місцевостей запорозького козацтва значилась Веселенька на р.Лугані.

До середини XVIII ст. існувало поселення запорозьких козаків біля Жовтого Яра на правому березі р.Сіверський Донець (нині с.Жовте Слов'яносербського району) [1, с.178].

В історичних документах згадується факт проживання малоросійських сімей у 40-50-х рр. XVIII ст. на Сіверському Донці, тобто на землях сучасних смт. Нижнє і с.Кримське.

Отже, у XVIII ст. запорозька присутність в басейні рік Лугані та Сіверського Дінця більш відчутна, ніж у XVII ст. Зимівники улаштовують і старшина, і рядові козаки. До них все частіше підселяються українські та російські селяни. Разом з ростом чисельності населення на землях Кальміуської паланки, втратою можливості брати участь у походах «за зипунами» удосконалюється господарство запорожців, яке розвивалось фермерським шляхом.

Земля на Запорожжі належала всьому війську і розподілялась для використання серед козаків. Її отримували лише ті запорожці, які володіли певним майном і мали змогу обзавестися власним господарством.

Населення Кальміуської паланки значною мірою складалося з козаків, які мали свої «зимівники» [8, с.126]. Серед їхніх власників були старшини та багаті козаки. Вони володіли великими земельними наділами, мали багато худоби і сільськогосподарського інвентаря. У таких зимівниках використовувалась праця найманих робітників – наймитів. Частина робітників наймалась для виконання сезонних робіт, інші наймити – постійні, жили у господарів зі своїми родинами, отримуючи «річну заробітну плату». Наймитами іноді ставали й збіднілі запорозькі козаки. На сезонні роботи в Запорожжя приходили українські і російські селяни.

Зимівники, що належали бідним козакам, називались «кугами». В них не було навіть хатин, жили вони в землянках, а у загоні для худоби розташовувалось не більше однієї-двох пар волів або коней.

У XVIII ст. біля зимівників запорожців все частіше поселяються російські та українські селяни-утікачі. Вони склали особливий стан – поспільство. На відміну від козаків, посполиті не несли воїнської служби, але сплачували у військову скарбницю податок, який в середині XVIII ст. дорівнював приблизно 50 коп. Ті з посполитих, що мали бажання стати козаками і можливість купити собі необхідне спорядження, записувались в запорожці. І навпаки, козаки, які з якихось причин не хотіли воювати, переходили в поспільство.

Порівняно широкий розвиток у XVIII ст. товарно-грошових відносин змушував запорозьких фермерів спеціалізуватись на випусканні тієї продукції, яку можна було з вигодою продати. Постійний попит був на продукцію скотарства. Тому скотарство залишалось

найбільш важливою галуззю запорозького господарства.

Разом з тим у XVIII ст. в господарстві помічається нове явище: козаки починають займатися хліборобством. Для посіва хліба вони обирали ділянки біля річок або по схилах балок. Врожаї були порівняно високими. Жито і пшениця давали у 9-10, просо в 30-40 разів більшу кількість зерна порівняно з посіяним. Обрана ділянка землі оброблялася доти, доки вона давала гарні врожаї, а потім залишалася, і починався оборіток пустища. Хоча зв'язок господарства запорожців з ринком у XVIII ст. був більш значним, аніж у XVII ст., воно здебільшого залишалось ще натуральним.

Адміністративне і воєнне керівництво Кальміуською паланкою зосереджувалось у руках старшини і «походило з середовища заможного козацтва» [4, с.84].

Раз на рік козаки Кальміуської паланки на своїй загальній Раді вибирали з найбільш шанованих, із життєвим досвідом січовиків старшину полковника, осаула, писаря і три людини підстаршину.

Керівництво паланки отримувало за свою службу особливо велику плату. Річної платні пану полковнику було достатньо для того, щоб купити коня, а пану писарю – для того, щоб купити рушницю.

Відомі такі кальміуські полковники: Кишинський (1743), Леонтій Федорів (1745), Марко Вус (1746), Андрій Іванів (1754), Грицько Гаркуша (1756) [3, с.94].

Зовнішньою відмінністю паланочного полковника від рядового козака був металевий пірнач, який він носив за поясом. Полковник мав такі обов'язки: він відповідав за оборону своєї землі й розвідку, стежив за порядком, вершив суд, навіть засуджував до смертної страти.

У мирний час рішення паланочного полковника могли бути оскаржені перед кошовим отаманом. Тоді кривдник і потерпілий сідали на коней і їхали до Січі. Але якщо і там кошовий отаман знаходив рішення паланочного полковника правильним, винуватцю приходилось туго.

В залежності від тяжкості вчинка за наказом кошового або полковника козак, який провинився, міг бути утопленим, повішеним на гак за ребро, посадженим на кіл і т.д. Ці заходи покарання аж ніяк не говорили про жорстокість запорожців. Справа у тому, що на Січ приходили не лише селяни і городяни, які рятувались від гніту і переслідувань, а часто й справжні карні злочинці - вбивці, злодії.

Підтримувати порядок серед таких людей можливо було тільки крайніми заходами. Виконувати вирок горді січовики-лицарі вважали нижче свого достоїнства. Смертний вирок на Запорожжі виконував інший злочинець.

Як правило, більшість проблем паланочного життя вирішувалась без застосування крайніх заходів; достатньо було наказу авторитетного полковника або просто його поради.

Важливі питання господарського життя паланки, наприклад, про використання угідь, будівництво

укріплень і т.д., вирішувались на паланочних сходках. Але такі сходки збиралися дуже рідко, бо Кальміуська паланка була великою і добратися зайнятим господарством козакам від Лугані до узбережжя Азовського моря було не просто. Вся важкість розглядання подібних проблем перекладалась на адміністрацію.

При всій зайнятості паланочних козаків наприкінці грудня вони, за винятком дозорних і хворих, виїздили на Запорожжя, де з 1 січня кожного року на Січі починалась Військова Рада [1, с.182].

Про прихильне ставлення козаків Кальміуської паланки до релігії свідчить існування церкви в урочищі гирла річки Берди. Її будівництво розпочалося в 1754 році при полковникові Андріїві Порохні. Дерево для побудови доставляли із самарських лісів, тобто з території Самарської паланки. Щоб не гнати спеціально за ним підводи, Порохня домовлявся з полковником Самарської паланки, щоб чумаки, їдучи на азовські коси за рибою чи іншими товарами, доставляли дерево до Кальміуської паланки, за що вони отримували додаткову платню. Обладнання для церкви паланкова старшина купила в Новочеркаську, тобто у донських козаків. Вказана церква функціонувала до осені 1768 р., до зруйнування паланки кримською ордою під час її останнього нападу на цю територію [5, с.57].

Напередодні нападу Кіш зобов'язав паланкову старшину перевести населення паланки разом з адміністрацією до р. Самари. Якщо паланкова адміністрація виконала це розпорядження і навіть вивезла туди церковні речі, то рядові козаки, посилаючись на нестачу кормів на Самарі для утримання худоби, відмовилися переїжджати на Самару. Можна допускати, що під натиском кримської орди вони відійшли на схід під захист Троїцької фортеці (нині м.Таганрог) і Ростова, де заснували на берегах р.Міус нові поселення: Покровське (Верхнє), Троїцьке, Сарматське, Консюзьке (Кам'янобрідське) і Батайське, котрі відмічаються у 1769 р. як «малоросійські» поселення.

У 1771 р. на старі місця повернулася із Самари паланкова адміністрація на чолі з полковником Петром Велігурою. Повернуто було також і вивезені церковні речі. З цього і розпочалась відбудова Кальміуської паланки. У 1775 р. у паланці вже нараховувалося 55 дворів і діяв млин. За підрахунками А.В.Бойка, на час зруйнування Запорозької Січі в межах Кальміуської паланки було близько 300 зимівників, в яких проживало до 4 тис. чоловік.

Висновки. Таким чином, ми можемо зробити висновок, що життя запорожців на землях Кальміуської паланки у XVIII ст. суттєво змінилось. Козаки все більше відчувають прагнення царизму активно втручатися в їхнє життя, використовуючи для цього Військо Донське. У XVIII ст. запорожці більше вже розраховують на успіхи в господарській діяльності, аніж на воєнну здобич. В зимівниках складається фермерське господарство, яке було пов'язане з ринком. Скотарство залишалось найбільш

важливою галуззю запорозького господарства. Але у XVIII ст. помічається і нове явище: козаки починають займатися хліборобством. І власник землі, і найманий працівник були націлені на високопродуктивну працю. Однак вирішуючи свої економічні проблеми, запорожці не забували і про свої військові обов'язки.

Литература

1. Горелик А.Ф. История родного края. Луганская область / Горелик А.Ф., Вихрова Т.В., Красильников К.В. – Ч.1. (с древнейших времен до начала XIX века). – Луганск, 1995. – 224 с.
2. Лаврів П. Від сивої давнини до козацької доби // Рідний край. Історико-краєзнавчий альманах. – № 1. – Донецьк, 1995. – С. 6-20.
3. Лаврів П.І. Історія південно-східної України. – Київ: Українська Видавнича Спілка, 1996. – 208 с.
4. Лисянский А.С. Конец Дикого поля. Историко-краеведческий очерк. – Донецк: Донбасс, 1973. – 131 с.
5. Пірко В.О. Заселення Донеччини у XVI-XVIII ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел). – Донецьк: Східний видавничий дім, 2003. – 180 с.
6. Подов В.И. История Донбасса: В 3 т. – Т.1. Донбасс в XVII-XVIII веках. – Луганск: Альма-матер, 2004. – 336 с.
7. Подов В.И. К тайнам истории (Заметки краеведа). – Луганск: Світлиця, 1996. – 103 с.
8. Полонська-Василенко Н. Історія України: У 2 т. – Т.2. Від середини XVII століття до 1923 року. – 3-тє вид. – Київ: Либідь, 1995. – 608 с.
9. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків: У 3 т. – Т.1. – Київ: Наукова думка, 1990. – 592 с.

References

1. Gorelik A.F. Istoriya rodnogo kraya. Luganskaya oblast / Gorelik A.F., Vihrova T.V., Krasilnikov K.V. – Ch.1. (s drevneyshih vremen do nachala XIX veka). – Lugansk, 1995. – 224 s.
2. Lavriv P. Vid sivoYi davnini do kozatskoYi dobi // RIdniy kray. Istoriko-kraEznavchiy almanah. – № 1. – Donetsk, 1995. – S. 6-20.
3. Lavriv P.I. IstorIya pIvdnenno-shIdnoYi UkraYini. – KiYiv: UkraYinska Vidavnicha SpIлка, 1996. – 208 s.
4. Lisyanskiy A.S. Konets Dikogo polya. Istoriko-kraevedcheskiy ocherk. – Donetsk: Donbass, 1973. – 131 s.
5. PIrko V.O. Zaseleण्या Donechchini u XVI-XVIII st. (korotkiy Istorichniy naris I urivki z dzherel). – Donetsk: ShIdniy vidavnichiy dIm, 2003. – 180 s.
6. Podov V.I. Istoriya Donbassa: V 3 t. – T.1. Donbass v XVII-XVIII vekah. – Lugansk: Alma-mater, 2004. – 336 s.
7. Podov V.I. K taynam istorii (Zametki kraeved). – Lugansk: SvItlitsya, 1996. – 103 s.
8. Polonska-Vasilenko N. IstorIya UkraYini: U 2 t. – T.2. Vid seredini XVII stolIttya do 1923 roku. – 3-tE vid. – KiYiv: LibId, 1995. – 608 s.
9. Yavornitskiy D.I. IstorIya zaporozkih kozakIv: U 3 t. – T.1. – KiYiv: Naukova dumka, 1990. – 592 s.

Симоненко И.В. КАЛЬМИУССКАЯ ПАЛАНКА

Статья посвящена рассмотрению жизни и быта запорожцев на землях Кальмиусской паланки в XVIII в.

Проблемно-хронологический метод позволил автору проанализировать вопросы административного и военного управления паланкой, отношение казаков к религии. Установлено, что в XVIII в. жизнь запорожцев на землях Кальмиусской паланки существенно изменилась. Казаки всё больше чувствовали стремление царизма активно вмешиваться в их жизнь, используя для этого Войско Донское. Выяснено, что в XVIII в. запорожцы больше уже рассчитывали на успехи в хозяйственной деятельности, чем на военную добычу. В зимовниках сложилось фермерское хозяйство. Скотоводство оставалось наиболее важной отраслью запорожского хозяйства, но в XVIII в. казаки начали заниматься и хлебопашеством. Подчеркнуто, что и владелец земли, и наёмный рабочий были нацелены на высокопродуктивный труд. Решая экономические проблемы, запорожцы не забывали и про свои военные обязанности.

Ключевые слова: паланка, Запорожская Сечь, запорожские казаки.

Simonenko I.V. KALMIUSKAY PALANKA

On the basis of analysis of literature the life of the Cossacks on lands of Kalmiuskay Palanka in the XVIII century is presented. Problem-chronological method applied in research, enabled to the author the administrative and military management of Palanka is analysed, Cossacks attitude to religion is illustrated. It is set that in the XVIII century Cossacks' living on lands of Kalmiuskay Palanka significantly changed. Cossacks increasingly felt desire tsarist actively intervene in their lives, using the Don Army. It was found that in the XVIII century Cossacks longer counting on economical activity, rather than war booty. In winter-houses had a farm. It is determined that the cattle remained the most important sector of the economy of Zaporozhye. But in the XVIII century a new phenomenon is noticed: the Cossacks were engaged in agriculture. It is showed that the land owner and the employee were aimed at high-productive work. However, solving economic problems, the Cossacks did not forget about their military duties.

Key words: Palanka, Zaporizhskay Sich, Cossacks.

Симоненко Ирина Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: ira_sim_26@mail.ru

Simonenko Irina Vitalevna – the Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of National and World History of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: ira_sim_26@mail.ru

Рецензент: Шелото Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 94 (477.62) «1917-1918»

ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ЛУГАНСКИЙ АСПЕКТ

Федоровский Ю.Р.

DONETSKO-KRIVOROZH REPUBLIC: LUGANSK ASPECT

Fedorovsky J. R.

Статья посвящена рассмотрению революционных процессов государственного самоопределения на территории Донецко-Криворожского региона и, в частности, в Луганском районе. Отслеживаются процессы формирования Донецко-Криворожской Республики и деятельность Луганского Совнаркома. Дается изложение основных событий этого ключевого момента истории Донбасса.

Ключевые слова: Донецко-Криворожская область, Съезды Советов, Луганский Совнарком, Донецкая Красная армия.

Введение. Кардинальные геополитические изменения, произошедшие в нашем крае в последние годы, логично актуализировали интерес к событиям столетней давности, когда на территории Донбасса впервые организовалась самостоятельная государственная единица – Донецко-Криворожская Республика. Оговоримся, что несмотря на название, она не имела отношения к нынешнему Донецку, который в то время был простым заводским поселком Юзовка. Столицами Донецко-Криворожской области, а затем Республики был губернский центр Харьков, а затем – уездный центр Луганск. То есть для нашего города значение ДКР в историческом смысле должно быть гораздо выше.

Изложение основного материала. После свержения царизма, 2 марта 1917 в Петрограде было образовано переходное Временное правительство, которое должно было обеспечить проведение демократических выборов в Учредительное собрание – новую высшую власть страны. Считая себя преемником царского, Временное правительство стремилось сохранить контроль над всеми территориями бывшей империи, в том числе Малороссией (Украиной). Для этого в губернских и уездных центрах создавались общественные комитеты и назначались комиссары, заменявшие ликвидированную царскую администрацию.

4 марта 1917 Общественный комитет в составе 20 человек был создан и в Луганске. В него вошли представители либеральной буржуазии: деятели земской управы, торговые служащие, учителя, юристы. Но специфика пролетарского Луганска

проявилась в том, что даже в этом буржуазно-демократическом органе половину мест, по организованному требованию рабочих отдали им. В комитет вошли: Иван Алексеев, Зиновий Ляпин, Иван Литвинов, Иосиф Вальтер и другие. Комиссаром Временного правительства в Славяносербском уезде был назначен председатель Земской управы Н. Кудрянов, но вскоре его сменил социалист Антон Нестеров. А 7 марта в Луганске был избран Совет рабочих депутатов во главе с журналистом Г.М.Римским (Лариным), представителем РСДРП (меньшевиков).

Лидером большевиков района в то время являлся Юрий Хрисанфович Лутовинов, которого прислали уполномоченным ЦК РСДРП в Донбасс в конце 1916 года для восстановления организаций. Он добросовестно выполнил свою подготовительную работу и после возвращения в Луганск 28 марта популярного рабочего лидера Клима Ворошилова влияние радикальной партии большевиков начало стремительно расти.

С первых дней Революции в стране сложилась ситуация «двоевластия»: существование параллельно органов Временного правительства и стихийно возникавших Советов рабочих, крестьянских, солдатских, казачьих и других депутатов. А на территории Украины, благодаря наличию национальных сил, возникло «троевластие» – в Киеве было объявлено о создании так называемой «Центральной Рады» – самопровозглашенного общественно-политического центра, который возглавил движение за достижение автономии 9 малороссийских губерний, в том числе Екатеринославской и Харьковской, куда входила большая часть современной Луганщины. Однако в Донбассе националисты были откровенно слабы и опирались лишь на тыловые подразделения украинизированных воинских частей. В Луганске таким стал 25 запасной Бахмутский полк, командир которого В. Малашко объявил себя украинским эсером, куренным атаманом местного «вільногокозацтва» и председателем «повітової ради». Никаким реальным влиянием этот орган не обладал и распался вскоре после Октябрьской революции.

Гораздо большей популярностью пользовалось областное объединение Советов Донбасско-Криворожского региона. С самого начала революции на малороссийских землях сложилось определенное «двоецентрие». Юго-Западный край объединял украинское сельскохозяйственное Правобережье и Центр с Киевом, Донецко-Криворожская область – промышленный русскоязычный Юго-Восток, ядром которого был Донбасс. Административная раздробленность этого промышленного узла между Харьковской, Екатеринославской губерниями и Областью Войска Донского волновала еще царское правительство, поэтому уже в первые дни после Февральской революции Временное правительство учредило 3 марта особый Донецкий комитет, объединивший хозяйственное управление Донецким угольным и Криворожским рудным бассейнами, во главе с инженером М. Чернышовым [1, с.178]. Был впервые создан единый орган, координирующий работу предприятий и организаций в рамках всего промышленного региона, вне зависимости от административных границ.

Кроме того, прошедшее 29 марта в Петрограде Всероссийское совещание Советов (470 делегатов от 186 организаций) санкционировало повсеместное создание областных и районных объединений Советов. Уже в первоначальной разбивке Европейской части из 9 пунктов значилось и Донецкое объединение. Соответственно, 15-17 марта в Бахмуте (ныне Артемовск) провели 1 конференцию Советов Донбасса. 138 делегатов от 48 Советов Горловки, Лисичанска, Бахмута и др. представляли 187 тысяч рабочих. Они одобрили идею объединения промышленных районов и выдвинули делегатов на планируемый 1 съезд Советов Донецко-Криворожской области.

25 апреля (старого стиля) 1917 в Харькове открылся уже I Областной съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. На нем 170 делегатов представляли свыше 1 млн рабочих и солдат. Съезд учредил Областной комитет Донкривбассаво главе с эсером Л. Голубовскими принял положение об организационной структуре Советов, завершив процесс объединения Харьковской и Екатеринославской губерний, Криворожского и Донецкого бассейнов. Область разбили на 11 административных районов, игнорируя прежнее админделение Российской империи. Среди первых районов Донецко-Криворожской области были: Луганский, Ровенско-Должанский, Юзовский. Год спустя именно эти территории и составили Донецко-Криворожскую Республику.

Напомним, что Киевская Центральная Рада по июльскому соглашению с Временным правительством получила под начало лишь четыре с половиной центральных губернии Малороссии. Ни Екатеринославщина, ни Харьковщина, ни Новороссия Киеву не подчинялись. Здесь складывались свои собственные органы власти.

В рамках «большевизации Советов» на августовских выборах в городскую думу Луганска РСДРП(б) получила большинство и Ворошилов был избран ее председателем. Таким образом, Луганск стал первым городом Малороссии, где думу возглавил большевик. В сентябре на перевыборах большевистским стал и Луганский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (82 из 120). Также большевизировались: Белянский горнозаводской подрайонный совет рабочих и солдатских депутатов, Боково-Хрустальский совет рабочих депутатов, Екатеринодонский совет рабочих депутатов, Кадиевский районный совет рабочих и солдатских депутатов, Лозово-Павловский подрайонный совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Макеевский Совет и др. Таким образом, в регионе еще до Октябрьской революции вся власть перешла к РСДРП, причем мирным путем.

Однако, после успешного большевистского восстания 25 октября (7 ноября) в Петрограде расхрибавшиеся киевские националисты объявили 7 (20) ноября свой «3 универсал Центральной Рады» о провозглашении так называемой «Украинской Народной Республики», включив в ее состав и Екатеринославскую губернию. В противовес этому Пленум Донецко-Криворожского облкома 17 (30) ноября принял Резолюцию с осуждением действий Киевской Рады: «Универсал проникнут сепаратистскими стремлениями, грозящими экономическому единству России... Облкомитет призывает пролетариат Донкривбассейна требовать производства референдума за оставление всего Донкривбассейна с Харьковом в составе Российской республики» [2].

Вопрос о провозглашении Донецкой республики планировалось вынести на III Областной Съезд Советов в начале декабря, однако из-за изменения политической обстановки он не был рассмотрен. Напротив, областные депутаты, объединившись с прибывшими из Киева депутатами Всеукраинского съезда Советов, разогнанного националистами, провели в Харькове альтернативный Всеукраинский съезд, который проголосовал за установление здесь советской власти. 12 (25) декабря 1917 была принята специальная Резолюция «О Донецко-Криворожском бассейне»: «Съезд протестует против преступной империалистической политики руководства казацкой и украинской буржуазной республик, пытающихся поделить между собой Донецкий бассейн, и будет добиваться единства Донбасса в пределах Советской Республики». Стало большевистским руководством Донецко-Криворожской Области – председателем Облисполкома был избран Б.Магидов.

Среди ушедших в Харьков депутатов Киевского съезда было 12 представителей ДКО (Луганск, Харьков, Краматорск, Кривой Рог). По архивным данным можно установить, что от Луганска на 1 съезд Советов в Киев были посланы двое рабочих: слесарь И.Лозовой (большевик) и маляр Чередниченко [3].

Гораздо более активно донбассовцы участвовали во 2 Всероссийском Съезде Советов 7 ноября в Петрограде: от ДКО туда отправился 51 депутат от 31 Совета, в том числе 36 большевиков. Луганск представляли Михаил Афонин и Никифор Кравцов.

Многие исследователи 1920-х годов (В. Аверин, Т. Харечко, М.Острогорский) выводили происхождение ДКР не от Донкривобкома, находившегося под влиянием эсеро-меньшевистского блока, а от Центрального Военно-Революционного Комитета и Центроштаба Красной гвардии Донбасса. «Вопрос о создании Донецкого. Ревкома был поднят впервые на совещании представителей Бахмутского и Горлово-Щербиновского комитетов нашей партии, состоявшемся 16 (3) ноября в Никитовке», - вспоминал Т. Харечко. Выделенное им бюро собрало 17 (4) декабря съезд делегатов от 11 ревкомов, в том числе Луганского, где было избрано Бюро ВРК Донбасса во главе с Ш. Грузманом. А Центробюро 5 января 1918 учредило Центральный Штаб Красной гвардии Донбасса во главе с Д.Пономаревым. 28 января конференция Ревкомов и Советов постановила «переименовать Бюро Военно-Революционных Комитетов в Центральный Военно-Революционный Комитет Донбасса» во главе с Харечко и объявила: «В Донецком бассейне органом революционной власти является Центральный Военно-Революционный Комитет Донецкого бассейна»...Так как в это время связь с Харьковом была затруднена занятием гайдамаками ряда узловых станций, то бюро ревкома приходилось выполнять на деле функции областной организации... С совнаркомом новой республики Ц.В.-Р. Комитет Донбасса договорился действовать на положении губернского Ревкома» [4, с.132, 134, 145].

М.Острогорский подтверждает: «Горловско-Щербиновский районный комитет большевиков еще в начале ноября (ст.ст.) 1917 года в присутствии Г.И.Петровского поставил вопрос об организации вседонбасского революционного центра, а 4 декабря (ст.ст.) 1917 года в нашем районе состоялась первая неполная конференция ревкомов Донбасса, которая избрала Центральное Бюро Ревкомов... Из приведенного видно, что задолго еще до исторических споров киевских и харьковских большевиков начало создания донбасских центров было уже прочно заложено в нашем районе. Таким образом, идея создания революционных центров Донбасса, выросшая затем в Донецко-Криворожскую республику, родилась не в голове харьковской партийной верхушки, а шла из самых низов Донбасса» [5, с.337].

Отметим, что развитие событий в Луганске и других регионах Донбасса шло достаточно независимо от губернских центров, о чем упоминает ряд источников. «Харьков даже не ведал о том, что у нас творится... Иметь какие-либо сношения с г. Харьковом или Екатеринославом не было времени. Да и Харьков мало думал тогда о нас, а поэтому пришлось все делать и создавать самим на свой личный страх и риск. На проходившие в Харькове Съезды Советов или

Партийные Конференции мы посылали своих представителей, которые там просиживали безвыездно по целым месяцам» [6, с.58, 67]. «Наши большевистские организаторы нередко проводили свою работу даже за пределами Донбасса: в Таганроге, Мариуполе, Старобельске, на Каменской станице и т.д. Роль Луганской организации на периферии объяснялась также тем, что Екатеринославская организация была настолько осаждена своими местными меньшевиками, анархистами, украинскими националистами и всякой другой мелкобуржуазной публикой, что не имела физической возможности проводить работу по губернии» [7, с.37].

Пока Харьков оставался столицей советской Украины, донецкие автономисты не поднимали вопрос о самостоятельности. Но, когда Центральная Рада 26 января 1918 бежала из Киева под напором красногвардейцев и правительство Советской УНР переехало сюда, в Харькове 27 января (9 февраля) 1918 года начался 4 областной съезд Советов Дон-Кривбассейна. Первым выступил луганский большевик Абрам Каменский, который «открывая съезд, приглашает делегатов особенно серьезно отнестись к предстоящей работе, тем более, что на Съезде должен решиться очень важный вопрос — о выделении Донецкого бассейна в автономную единицу». Как заявил лидер большевиков Артем: «Национальные предрассудки погибли с Центральной Радой и необходимо создавать Советские республики не по национальному, а по экономическому признаку. Сохранение же Донкривбассейна в составе Украины было бы несправедливо». Основным докладчиком по вопросу о создании ДКР выступил Семен Васильченко: «По мере укрепления советской власти на местах федерации Российской социалистической республики будут строиться не по национальному признаку, а по особенностям экономически — хозяйственного быта. Такой самодовлеющей в хозяйственном отношении единицей являются Донецкий и Криворожский районы... Донецкая республика может стать образцом социалистического хозяйства для других республик» [8, с.149-160].

Квалифицированным большинством (50 голосов из 74) 12 февраля 1918 «Областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов постановил образовать Совет Народных Комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов. Областной съезд выделил область в Донецкую Республику» [9].14 февраля Областной комитет сформировал Совет Народных Комиссаров Донецко-Криворожской Республики из 8 большевиков, в него вошел и представитель Луганска А.Каменский как нарком госконтроля (видимо, этот пост стал логическим следствием его предыдущей должности — с января 1918 Каменский был членом правления национализированного Паровозостроительного завода Гартмана).

Впрочем, согласно вышеуказанному принципу, это не мешало Луганским властям по прежнему вести совершенно самостоятельную политику.В феврале 1918 здесь прошел уездной съезд Советов, избравший

исполком, который возглавил большевик Борис Григорьевич Вобликов (Вольский), в Луганском комитете отвечавший за связи с крестьянством. Правивший до этого пробольшевистский городской исполком опасался уступать власть уездному, состоявшему из крестьян, «политическая физиономия которых далеко еще не была определена. Поэтому в марте было решено организовать Совнарком, которому оба исполкома должны были передать всю полноту исполнительной власти в нашем районе» [10, с.205]. Так возник новый орган – Луганский Совет народных комиссаров. Это региональное правительство возглавил Юрий Лутовинов (он же нарком труда), а вошли: нарком внутренних дел Александр Червяков (затем Иван Якимович), земельных дел – Н. Ханзон, продовольствия – Иван Алексеев, военных дел – И. Волокитин, госконтроля – А.Каменский, путей сообщения – Иван Николаенко, соцобеспечения – Э.Молдавский, просвещения – Яков Истомин, почт и телеграфа – А.Осипович, финансов – Василий Марапулец, юстиции – А.Червяков, управделами – Абрам Повзнер. В отличие от монопартийного Харьковского, в Луганский СНК кроме большевиков вошли эсеры Молдавский и Ханзон и меньшевик Повзнер.

Эпидемия самоопределения продолжилась и дальше: тогда же возник еще один районный Совнарком в Лозовой Павловке, его возглавил большевик Иван Васильевич Теплоухов. Но сразу было объявлено, что он подчиняется Донецкому областному СНК [11].

Центральная Рада, уже не контролировавшая даже собственную столицу Киев, 9 февраля подписала в Бресте договор с Австрией и Германией, призвав на Украину немецких «миротворцев» и 450000-ный оккупационный корпус вторгся на Поднепровье. Наступление интервентов поставило первым вопросом на повестку дня военный. Началась торопливое формирование советских добровольческих отрядов: в Луганске – 1 Социалистический отряд Ворошилова, в Юзовке – 1 пролетарский полк Никиты Хрущева, в Харькове из десятка броневиков была сформирована бронечасть ДКР во главе с А.Селявкиным. На базе прибывшей с Румынского фронта бывшей 8 армии Центроштабом была создана Донецкая Красная армия во главе с Александром Геккером и Петром Барановым.

Всего в Украинских Красных Армиях насчитывалось около 25 000 ч., поэтому они не могли сдержать железную поступь рейхсвера, более чем десятикратно превосходящего их силы. Однако на Левобережье немецкое наступление сильно замедлилось: части Красной Армии Донбасса неоднократно контратаковали интервентов под Змиевом, у Купянска, под Родаково. 30 марта был утвержден план обороны Донбасса, предусматривавший создание 2 укрепрайонов: Юзовского во главе с Д. Пономаревым и Ш. Грузманом, и Луганского, под руководством К. Ворошилова и А. Пархоменко.

В начале апреля Луганский СНК выступил с еще одной самостоятельной инициативой. «Наши луганские «дипломаты», учитывая, что по Брестскому договору немцы должны были занять Украину только до Северного Донца... придумали план присоединения Донбасса к Донской области на том основании, что лет 200 назад Бахмутский и Славяносербский уезды не входили в состав гетманской Украины, а присоединялись вместе с донскими степями к России», - вспоминал И.Николаенко [10, с.208]. Луганский СНК выслал в Ростов с предложением дипломатическую миссию во главе с Б. Вобликовым, соглашаясь на проведение плебисцита и денежную компенсацию. «Переговоры шли успешно». Однако, 9 апреля в Луганск прибыл вытесненный немцами из Харькова СНК ДКР во главе с Артемом. Два Совнаркома для одного города было слишком и Артем провел быструю реорганизацию. 13 апреля в «Луганском Революционном вестнике» №11 появился список объединенного СНК: председатель и наркоминдел – Артем, финансов – Межлаук, военный – Рухимович, труда – Магидов, контроля – Каменский, продовольствия – Алексеев, комиссар по управлению – Якимович, юстиции – А.Червяков, просвещения – Истомин, земледелия – Ханзон, госпризнания – Молдавский, общественных имуществ – Пузырев, путей сообщения – Котов, почты и телеграфа – Осипович, управделами – Повзнер, зампреда, комиссар без портфеля – Ю. Лутовинов.

Столичное значение Луганска было подчеркнуто еще одним фактом: эвакуировавшийся сюда Екатеринославский губкомитет Советов после переговоров с Луганским Советом 7 апреля принял решение о самоликвидации, выделив из своего состава «пятерку» для дальнейшего руководства в составе А.Татькова, Михайлова, Аксионенко, Камаева и Левенштейна.

Последний период существования ДКР – «Луганский» – был уже главным образом военным. 16 апреля решением СНК ДКР Клим Ворошилов был назначен командующим 5 Красной армии, в которую влились остатки всех остальных советских отрядов Донецкой республики. Попытки представителя мобилизационного отдела ЦИК Украины Г.Разживина поручить в Луганске были жестко пресечены главнокомандующим В.Антоновым-Овсенко: «Совет народных комиссаров Донецкого бассейна заявил недавно, что Донецкий бассейн и часть Криворожья составляет независимую от Украины часть Российской советской республики. В Донецком бассейне над формированием Красной армии давно работает Центроштаб в Юзове. Во главе всего формирования новых войсковых частей мною поставлен тов. Рухимович. Ввиду всего этого, предписываю немедленно выделить желающих работать в контакте с Центроштабом и тов. Рухимовичем, а остальных удалить» [12, с.194].

Луганск как столица ДКР функционировал до 28 апреля 1918 года, когда был захвачен немцами. Хотя первый бронепоезд германцев был отогнан от

железнодорожного вокзала огнем бойцов эсеровского отряда Н.Латышева. Только после орудийного обстрела города в него удалось войти рейхсверовцам из 91 и 215 пехотных дивизий генерала Эйхгорна. Большевики ушли на восток, в Россию. Чертково было взято лишь 30 апреля. 4 мая последние воинские части и правительство ДКР покинули территорию Донецкой республики, двинувшись в сторону станции Лихая. За советскими властями ушло 80 эшелонов беженцев, около 100 000 человек – донбасские рабочие с семьями, которые не желали оставаться под немецко-украинской оккупацией. Ушли на Восток, прокладывая путь к Царицыну через враждебные казачьи станицы белого Дона.

Вывод. Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что Луганск как центр Славяносербского уезда и крупный промышленный город, сыграл большую роль в процессах государственного самоопределения Донецко-Криворожского региона в революционный период 1917-1918 гг. В частности, это выразилось в формировании собственного регионального правительства – Совета народных комиссаров Луганска, а также во временном статусе столицы ДКР в апреле 1918 года.

Литература

1. Федоровский Ю.Р. Донбасскиереспублики 2014 годакапремникДонецко-КриворожскойРеспублики / Ю.Р.Федоровский// Наследие. – 2016. – №1.
2. Госархив ЛНР. Фонд Р-702, оп.1, д.286, л.59-60.
3. Госархив ЛНР. Ф. Р-2761, оп.1, д.137, л.131.
4. Харечко Т. Борьба за Октябрь в Донбассе / Т.Харечко // Летопись Революции. – 1927. – №5-6.
5. Острогорский М. История одной неправды / М.Острогорский // Летопись Революции. – 1928. – №2.
6. Казимирчук. Революционное движение в Горлово-Щербиновском районе Донбасса // Летопись Революции. – 1924. – №3.
7. Николаенко И. Февральская революция в Луганске / И.Николаенко // Летопись Революции. – 1927. – №4.
8. Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта / В.В.Корнилов. – Харьков: Фолио, 2011. – 604 с.
9. Донецкий пролетарий (Харьков). –1918. –14 февраля.
10. Николаенко И. Гражданская война в Луганске / И.Николаенко // Летопись Революции. – 1928. – №1.
11. Известия Лозово-Павловского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. – 15 марта.
12. Антонов-Овсенко В.А. Записки о гражданской войне. Том 2. / В.А.Антонов-Овсенко. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 298 с.

References

1. Fedorovskiy Yu.R. Donbasskierespubliki 2014 godakapreemnikDonetsko-KrivorozhskoyRespubliki / Yu.R.Fedorovskiy// Nasledie. – 2016. – №1.

2. Gosarhiv LNR. Fond R-702, op.1, d.286, l.59-60.
3. Gosarhiv LNR. F. R-2761, op.1, d.137, l.131.
4. Harechko T. Borba za Oktyabr v Donbasse / T.Harechko // Letopis Revolyutsii. – 1927. – №5-6.
5. Ostrogorskiy M. Istoriya odnoy nepravdy / M.Ostrogorskiy // Letopis Revolyutsii. – 1928. – №2.
6. Kazimirchuk. Revolyutsionnoe dvizhenie v Gorlovo-Scherbinovskom rayone Donbassa // Letopis Revolyutsii. – 1924. – №3.
7. Nikolaenko I. Fevral'skaya revolyutsiya v Luganske / I.Nikolaenko // Letopis Revolyutsii. – 1927. – №4.
8. Kornilov V.V. Donetsko-Krivorozhskaya respublika: rasstrelyannaya mechta / V.V.Kornilov. – Harkov: Folio, 2011. – 604 s.
9. Donetskii proletariy (Harkov). –1918. –14 fevralya.
10. Nikolaenko I. Grazhdanskaya voyna v Luganske / I.Nikolaenko // Letopis Revolyutsii. – 1928. – №1.
11. Izvestiya Lozovo-Pavlovskogo Soveta rabochih i soldatskih deputatov. – 1918. – 15 marta.
12. Antonov-Ovseenko V.A. Zapiski o grazhdanskoj vojne. Tom 2. / V.A.Antonov-Ovseenko. – M.-L.: Gosizdat, 1928. – 298 s.

Fedorovsky J.R.

DONETSKO-KRIVOROZH REPUBLIC: LUGANSK ASPECT

The article is devoted to the consideration of the revolutionary processes of state self-determination on the territory of the Donetsk-KrivoyRog region, and in particular, in the Lugansk region. The processes of the formation of the Donetsk-KrivorozhRepublic and the activity of the LuhanskSovnarkom are monitored. The main events of this key moment in the history of Donbass are given.

Key words: Donetsk-KrivoyRog Oblast, Congresses of Soviets, LuganskSovnarkom, Donetsk Red Army.

Федоровский Юлий Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г.Луганск.

E-mail: zonnenberg@lds.net.ua

Fedorovsky Julius Rudolfovitch – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor, Docent of the Faculty of Domestic and General history, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk National University named after V. Dahl», Lugansk.

E-mail: zonnenberg@lds.net.ua

Рецензент: Шелото Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры «Мировой философии и теологии» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 10.10. 2017

УДК 930+94

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 40 – 60 ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ

Пилипенко Ю.В.

STATE-CHURCH RELATIONS IN 40-60 YEARS OF XX-th CENTURY

Pilipenko Yu.V.

В статье анализируются факторы, которые повлияли на изменения взаимоотношений государства и церкви в период 40-60-х годов. Автор считает, что патриотическая деятельность РПЦ, ее вклад в победу над фашизмом, стремление Советской власти поднять свой авторитет на международной арене и среди международных религиозных организаций, привели к потеплению государственно-конфессиональных отношений. Однако, политика Хрущева и его окружения, направленная на формализацию участия государства в делах церкви и ужесточение государственного контроля над религиозной деятельностью РПЦ, привели к охлаждению, а затем и ухудшению государственно-конфессиональных взаимоотношений.

Определены основные этапы развития этих взаимоотношений следующим образом: потепление отношений (1943-1948); нарастание напряженности в отношениях (1949 - 1954); ужесточение государственной политики в отношении церкви (1955-1960). В статье также анализируется прямая взаимосвязь изменений государственно-церковных отношений на Донбассе с общей государственной политикой, а также отношения народа Донбасса как носителя православных ценностей с Русской Православной церковью.

Ключевые слова: *государственно-церковные отношения, репрессивная политика, РПЦ, политика администрирования, либерализация отношений, церковная идеология, антирелигиозная пропаганда.*

Рассматривая динамику развития государственно – религиозных отношений в новых общественно-политических условиях постсоветского периода, можно констатировать, что государственно-религиозные отношения стали обретать новое содержание, характер и масштаб, что, в свою очередь, обусловило процесс переосмысления советской эпохи в истории государства.

Невозможно объяснить государственную, общественную и культурную историю России и Донбасса без учёта феномена православия. Периоды исторического развития, во время которых наблюдалось негативное отношение государства к церкви, имели отрицательные последствия. Важно не

повторять ошибок, совершенных государством и церковью в процессе своих взаимоотношений в предшествующие десятилетия, а также использовать положительный опыт, полученный ими за этот период. История отношений государства и церкви в рассматриваемый период является неопределимым опытом, из которого как современная Россия, так и формирующие свою государственность республики Донецкого региона, могут извлекать уроки для формирования и осуществления новой церковной политики милосердия.

Изучение природы и специфики государственно-церковных отношений дают возможность не только воссоздать справедливую картину прошлого в конкретно-исторических ситуациях, но и окажут неоценимую помощь в выстраивании цивилизованных отношений государства и церкви, общества и верующих в будущем, предостерегут властные структуры от очередной борьбы с церковной идеологией.

История государственной политики в сфере государственно-конфессиональных отношений является существенной частью истории России в целом, и Донбасса, в частности. В XX веке государственно-церковные отношения приобрели особую остроту и драматичность, что оказало огромное влияние на общую ситуацию в стране и международное положение советского государства. Объективное знание истории взаимоотношений государства и Русской православной церкви может принести реальную как духовную, так и гражданскую пользу для усиления внутреннего и внешнего авторитета государства.

Тема государственно-конфессиональных отношений особенно актуальна в наши дни, поскольку имеет чрезвычайно важное общеполитическое значение на фоне мирового политического и экономического кризиса. Исследуемый нами Донбасс, в данный момент оказался в центре мировых событий и здесь, возможно, решается не только его будущее, будущее Украины и России, но и судьба всего мира. В данном противостоянии Донбасса и Украины

наблюдается конфликт, который носит не только гражданский и межэтнический характер, но имеет и явно выраженный религиозный оттенок. Этот факт подтверждает актуальность выбранной нами темы.

Движущей силой исторического процесса всегда был целеустремленный, единый народ. Эту борьбу продолжает сегодня народ Донбасса, борясь за православные ценности, за свой выбор религиозной идентичности, за свои представления об общности судьбы с русским миром, к которому он сегодня принадлежит как территориально, так и духовно. Именно духовная связь с русским миром и русской верой дает силы народу Донбасса для борьбы за свой суверенитет и восстановление дружеских связей, экономических отношений с Российской Федерацией. Можно констатировать, что данная тема занимает поистине важное место в истории нашего Отечества.

Исходя из вышесказанного, назрела необходимость исследования государственно-церковных отношений на Донбассе в 40-60 годах XX столетия как периода наиболее динамичного развития их отношений и влияния православно-духовных ценностей на жизнь народа, населяющего Донбасс как носителя этих ценностей.

Целью работы является изучение государственно-церковных отношений на Донбассе в 40 – 60 годах XX столетия.

В течение XX столетия взаимоотношения государства и церкви не раз претерпевали серьезные изменения, на которые повлияли определенные события, имевшие место в разные периоды истории советского государства. В связи с этим важно рассмотреть динамику взаимоотношений государства и РПЦ и факторы, обусловившие эти изменения. Необходимо также проанализировать взаимосвязь определенных изменений государственно-церковных отношений на Донбассе вследствие общей государственной политики.

При этом необходимо выявить особенности отношений церкви и государства на Донбассе и влияние этих отношений на политико-экономическую и духовную составляющую жизни населения Донбасса, повлиявшие на общегосударственную политику в целом и на политику государства в отношении церкви в данном регионе.

Теме государственно-конфессиональных отношений посвящено множество работ историков, историографов и политологов. Интерес к истории и значению Русской православной церкви в жизни русского народа, её роли в формировании и развитии национальной культуры огромен и закономерен. Большой вклад в исследование этой проблемы внесли такие ученые как Бажан О.Г., Лифинцев Д.В., Новикова Г., Реброва М.И., Титаренко Д.М., Форостюк О.Д. [1, 7, 8, 10, 14, 15] и другие. Однако, можно утверждать, что динамика развития государственно-религиозных отношений на всей территории Донбасса изучена недостаточно, комплексного изучения темы не было проведено и детальная работа по исследованию государственно-

конфессиональных отношений в аспекте их влияния на развитие духовной жизни на Донбассе рассматривается впервые, чем и обусловлен выбор данной темы.

Кардинальное изменение позиции руководства СССР в религиозном вопросе произошло в сентябре 1943 г., после знаменитой встречи И.В.Сталина с иерархами РПЦ. Эта встреча и последовавший за ней в скором времени Архиерейский Собор, избравший патриархом митрополита Сергия (Страгородского), ознаменовали собой новый период в истории взаимоотношений государства и Русской православной церкви [8, с.6].

Патриотическая позиция Церкви и верующих, повсеместное оживление религиозных чувств населения в годину тяжелых испытаний, необходимость единства советского народа для отпора врагу и осознание со стороны государства необходимости удовлетворения религиозных потребностей верующих способствовали кардинальному изменению церковной политики государства. Наряду с внутривластными причинами конструктивных изменений государственно-церковных отношений существовали и внешнеполитические причины. Прежде всего, в этот период назрела необходимость создания условий, которые бы обеспечили сплочение стран антигитлеровской коалиции и поддержку антифашистского движения в странах Европы. Немаловажную роль в установлении диалога государства и церкви сыграли и далеко идущие планы советского руководства: использовать авторитет РПЦ для усиления влияния СССР в христианских странах. Резкое улучшение отношений государства и РПЦ именно в 1943 г. не было случайным: предстояла встреча членов «большой тройки» в Тегеране. Именно по этой причине руководству страны необходимо было на деле продемонстрировать странам-союзникам реальную либерализацию государственно-церковных отношений [14, с.19].

На кардинальные изменения отношения государства к церкви повлияли следующие факторы: во-первых патриотический настрой духовенства и верующих, во-вторых стремление поднять авторитет Советской власти на международной арене путем либерализации отношений между РПЦ и международными религиозными организациями.

Годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы были отмечены ослаблением государственных и церковных взаимоотношений. За это время РПЦ сумела значительно улучшить своё материальное положение, усилить свой авторитет и влияние в стране и за рубежом. Один за другим стали возрождаться множество церковных приходов, система духовного образования и др. Несмотря на то, что советское правительство предприняло ряд мер по расширению некоторых прав религиозных организаций, широкой свободы действий церковь все же не получила. Ее деятельность продолжала жестко контролироваться государством и правительством.

Все это было связано с военным положением в стране, шпионско-диверсионной деятельностью враждебных стран, идеологическим устоем государства.

Новая церковная политика власти нашла отклик среди части населения страны. Тяготы оккупационного режима, гибель родных и близких, отступление Красной армии в первый период войны стали теми закономерными факторами, которые способствовали обращению людей к религии. В религии они искали утешение, спасение от отчаяния и обреченности, и она давала им и утешение, и надежду. Приметой того времени стали переполненные храмы в дни православных праздников, возможность исполнения религиозных треб на дому, колокольный звон, торжественные крестные ходы при большом количестве народа.

Для контроля над деятельностью церкви в октябре 1943 г. был создан Совет по делам РПЦ при СНК СССР. Формально Совету по делам РПЦ была отведена роль посредника между Советским Правительством и Московской Патриархией. Но по сути дела, Совет по делам РПЦ превратился в важный политический орган, реализовавший новую церковную политику государства. Немалая заслуга в осуществлении этой новой политики властей принадлежала Г.Г.Карпову, с самого начала, возглавившему Совет по делам РПЦ и старавшемуся проводить политику в отношении религиозных организаций согласно курсу, обозначенному в 1943 г., в течение полутора десятка лет.

Одним из первых шагов Совета по делам РПЦ было создание аппарата уполномоченных в регионах страны. В этом направлении работу Совета по делам РПЦ осложняла невозможность влиять на формирование аппарата в регионах, поскольку, согласно Положению о Совете, право выбора кандидатуры на эту должность было закреплено за региональными властями, что ограничивало свободу выбора. Трудности в работе Совета по делам РПЦ были обусловлены ещё и тем, что руководители государства противоречиво и непоследовательно подходили к принципам формирования новой церковной политики. А ведь принципы любой политики закрепляются законодательными актами. Особенностью новой политики в отношении церкви в данный момент являлось то, что изменение политического курса не было отражено в законодательных документах [1, с.67].

В данный период государственная политика реализовывалась через постановления и распоряжения правительства и ведомств, которые непосредственно касались вопросов деятельности Церкви. Несомненно, заслуга Совета по делам РПЦ заключалась в том, что, несмотря на сложности, ему удавалось реализовывать принятые законодательные акты, тем самым, способствуя становлению хоть и ограниченной, правовой базы государственно-церковных отношений [7, с.71].

Во многом осуществление этой политики зависело от уполномоченных Совета в регионах, от их корректности, такта, образованности. В этой части работы по проведению нового курса государства в отношении религиозных организаций встречались определённые трудности. Это было связано с тем, что немалая часть представителей местных органов воспринимали новую политику в области религиозных отношений как временное отступление от прежнего курса, обусловленного трудностями военного времени. Кроме того, некоторыми исполнительными комитетами в регионах оказывалось скрытое сопротивление реализации распоряжений СНК, проявлявшееся практически повсеместно в затягивании решения вопросов об открытии новых храмов, молитвенных домов и регистрации религиозных объединений.

В первые послевоенные годы, в 1948-1949 гг. уже стала намечаться тенденция, направленная на преуменьшение значения церкви в общественной жизни, которая не способствовала дальнейшей нормализации государственно-церковных отношений. Можно констатировать, что этот процесс был недолгим. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. выросли и масштабы репрессий, которые проводились в русле общей политики ужесточения контроля и устрашения всего общества. Сложившаяся ситуация в отношениях государства и церкви в конце 1940-х – начале 1950 гг. свидетельствовала о том, что религиозная сфера постепенно теряла свою значимость в жизни советского общества. Как следствие этого процесса, Совет по делам РПЦ также перестал иметь то значение, какое он имел в начале своей деятельности [1, с.69].

После смерти И.В. Сталина в истории государственно-церковных отношений снова произошли позитивные изменения. Характерным является то, что с 1954 г. обозначилась новая тенденция постепенно перемещать вопросы государственно-церковных отношений в идеологическую область. Хотя период правления Н.С. Хрущёва в сравнении с деяниями его предшественника принято именовать «оттепелью», между государством и религиозными организациями стало заметно охлаждение отношений. Все же в целом, 1952 – 1958 гг. характеризуются смягчением политического климата, возобновлением процесса либерализации, осуждением сталинских репрессий. С весны 1956 г. стало возможным освобождение из тюрем и лагерей многих священнослужителей, значительная часть которых продолжила службу в храмах. В целом по стране увеличилось количество зарегистрированных храмов, численность священников тоже значительно возросла, в основном за счёт бывших узников совести. На Донбассе также были открыты новые церкви, зарегистрированы религиозные объединения, а также выросло число нелегальных общин.

Однако, оживление религиозности вызывало обеспокоенность властей. В окружении Н.С. Хрущёва

было множество сторонников «жесткой» линии по отношению к Церкви. Вопрос об «активизации религиозной деятельности» становится предметом обсуждений партийных и советских организаций всех уровней. Так, 7 июля 1954 года ЦК КПСС принял Постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», которое, отмечая оживление деятельности «церкви и различных религиозных сект», увеличение количества граждан, отправляющих религиозные обряды, призывало партийные, комсомольские организации, Министерство просвещения, профсоюзы проводить антирелигиозную работу «систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям»[5].

Данное постановление не было проведено в жизнь из-за разногласий в руководстве, вследствие чего 10 ноября 1954 года было принято новое Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»[3], которое осуждало методы клеветы, оскорблений, административного вмешательства в деятельность религиозных организаций, «вместо развёртывания систематической кропотливой работы по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией»[6]. Более того, принятое 17 февраля 1956 года постановление Совета министров СССР «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» предоставило Совету по делам Русской православной церкви право регистрировать те религиозные общины, которые уже действовали без официального разрешения.

С конца 1950-х гг. вновь возобладали линия на усиление борьбы с религией, которая ещё более усилилась после XXII съезда партии. XX съезд объявил курс на построение коммунистического общества, где не могло быть места пережиткам прошлого, к которым относилась и религия. Как следствие, в государственно-церковных отношениях стали преобладать административно-командные методы, усилилась антирелигиозная пропаганда, в которую были включены партийные и общественные организации, учреждения народного образования. Лучшие научные силы страны были привлечены к работе по атеистической пропаганде [7, с.54].

После XX съезда Хрущёву удалось окончательно утвердить свою власть в стране и активизировать борьбу с религией. Секретное постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 года обязывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки»; государственным учреждениям предписывалось осуществлять мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин. 16 октября 1958 года Совет Министров СССР

принял Постановление «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей», которым были отменены прежние налоговые льготы для религиозных организаций [2], [11]. Кампания шла под лозунгом восстановления ленинской законности и борьбы со сталинизмом. В анти-монастырскую кампанию включились республиканские власти. Постановление Совета министров Украинской ССР от 1 ноября 1958 года из 357 га земли украинским монастырям оставило за ними только 60 га.

В этот период по всей стране в административном порядке вновь началось закрытие храмов, религиозных общин, приходов. Политика администрирования в отношении РПЦ и других конфессий была характерна и для Донбасса. Случаи преследования за религиозные убеждения стали обыденными и за совершение религиозных обрядов люди подвергались проработкам на профсоюзных собраниях, получали партийные и комсомольские взыскания, лишались родительских прав.

Краевые партийные и советские организации Донбасса также нацеливали низовые организации на ужесточение государственно-религиозной политики и на исправление недостатков в антирелигиозной работе.

Таким образом, на рубеже 1950-х – 1960-х гг. особое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде и атеистическому воспитанию масс. Идеологическое наступление на Церковь сопровождалось правительственными законодательными актами, подрывавшими материальную базу церкви. Наступление на церковь шло по всем направлениям. Так, В ноябре 1958 года ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам». С 1959 года началось закрытие действующих храмов. В январе 1960 года ЦК КПСС принял закрытое постановление – «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». С марта 1961 г. года постановлением Совета министров СССР открытие и закрытие церковью целиком передавалось на усмотрение областных исполкомов, которым также разрешалось ограничивать колокольный звон. Запрещалось совместное богослужение священников соседних церквей в дни праздников, участие детей и подростков в хорах певчих и церковных службах, не разрешалось строительство жилых домов для священников на средства общины, ограничивалось проведение крестных ходов, запрещалась благотворительность [12].

Несмотря на принимавшиеся меры, процесс «освобождения» значительной части населения от религиозных «пережитков», которым не было места в социалистической общественной системе, шёл весьма медленно. В донбасском регионе число религиозных обрядов и треб: крещений, венчаний, похорон не сокращалось. Росло число объединений, действовавших вне регистрации. На Донбассе на

полулегальном положении действовали многие религиозные объединения [15, с.75].

Научно-атеистическая пропаганда не была результативной из-за недостатка объективности, чувства меры, уважения прав гражданина на свободу совести и излишней политизации. Наличие социальных проблем, двойных стандартов, бюрократизма, искажений истории и приукрашиваний современности, внешних воздействий в виде зарубежной клерикальной пропаганды и т.п. делало научно-атеистическую пропаганду не воспринимаемой верующими. Более того, у них складывалась установка на негативное отношение к атеистической информации [1, с.17].

Практически государство поставило цель полностью ликвидировать религиозные организации. Необходимо отметить, что борьба против религии, развернувшаяся в начале 1960-х годов, проводилась с учётом сложившейся в стране атмосферы, когда в общественном сознании большинства населения, особенно молодого поколения, находили отклик идеи нового коммунистического общества. Это и многие другие позитивные моменты, наблюдаемые в обществе, обусловили равнодушие общества к проблемам религии и церкви [10].

Одной из важнейшей причиной изменения курса в отношении церкви и религии в годы политической «оттепели» стала и экономическая. Именно с постановлений «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» началась «хрущёвская антирелигиозная кампания», следствием которой стало огромное сокращение действующих храмов и монастырей.

Подводя итог данному исследованию, можно констатировать, что в конце 40-х и в начале 60-х годов XX века был осуществлен комплекс различных мероприятий, оказавших значительное влияние на развитие взаимоотношений между государством и церковью в рамках общегосударственной антирелигиозной кампании.

Взаимоотношения советского государства и церкви в 40 – 60-е годы не раз претерпевали серьезные изменения, на которые повлияли определенные факторы и события, происходящие в стране в данный период времени. Рассматривая динамику взаимоотношений государства и Российской Православной церкви (РПЦ) в эти годы, можно утверждать, что 1943 год является поворотным моментом, качественно изменившим эти отношения. Можно также определить основные этапы развития этих взаимоотношений следующим образом: потепление отношений (1943-1948); нарастание напряженности в отношениях, несмотря на Хрущёвскую «оттепель» (1949-1953); ужесточение государственной политики в отношении церкви (1954-1960г.г.).

Анализируя факторы, повлекшие изменения взаимоотношений государства и церкви в данный период, можно утверждать, что патриотическая

деятельность РПЦ, ее вклад в победу над фашизмом, стремление Советской власти поднять свой авторитет на международной арене и получить одобрение со стороны международных религиозных организаций, привели к потеплению государственно-конфессиональных отношений.

Несмотря на общую ситуацию в стране во время правления Хрущева, известную как «оттепель», политика Хрущева и его окружения, была направлена на формализацию взаимоотношений и ужесточение контроля государства над церковью. Издание большого количества постановлений Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР задавали на каждом этапе антирелигиозной борьбы конкретные направления государственной антицерковной политики и усиливали антирелигиозную пропаганду. Это привело к охлаждению, а затем и ухудшению государственно-конфессиональных взаимоотношений.

Таким образом, прослеживается прямая взаимосвязь изменений государственно-церковных отношений на Донбассе и общей государственной политики, а также отношения народа Донбасса как носителя православных ценностей с Русской Православной церковью. В рассматриваемый период местные власти действовали в русле постановлений Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, которые задавали на каждом этапе антирелигиозной борьбы конкретные направления государственной политики. Таким образом, можно сделать вывод, что в целом, на формирование религиозной жизни Донбасса оказали влияние следующие факторы: государственная церковная политика, в соответствии с которой развивалась религиозная ситуация в регионе; связь народа Донбасса, как носителя духовных православных ценностей с идеями и ценностями РПЦ, наличие глубоких корней православных традиций; многолетняя целенаправленная политика местных органов власти, в результате которой снижалось значение РПЦ для населения региона в начале 1960-х гг. XX в.

Можно утверждать, что в условиях атеистического Советского государства религиозная жизнь на Донбассе развивалась в соответствии с государственно-религиозной политикой СССР. Система запретов и ограничений, государственная политика, направленная либо на ужесточение, либо на либерализацию отношений с РПЦ, оказывали непосредственное влияние на религиозные процессы, происходящие на Донбассе. При этом следует подчеркнуть, что православные верующие в регионе составляли большую часть и даже тогда, когда практически не оставалось действующих церквей в данном регионе, реальная связь верующих с церковью не прерывалась.

Несмотря на то, что советское правительство предпринимало определенные меры по расширению прав религиозных организаций, широкой свободы действий церковь все же не получила, а ее деятельность продолжала жестко контролироваться со стороны государства и правительства.

Необходимо отметить, что важнейшим мотивом радикализации государственной церковной политики в указанные годы являлась доктрина о несовместимости коммунистического мировоззрения, базирующегося на материалистических позициях, с религиозным. Данная концепция была официально провозглашена на XXII съезде КПСС в виде принятия новых партийных Программы и Устава. Программа партии теоретически обосновывала идею обострения борьбы с «религиозными пережитками» на этапе развернутого строительства коммунизма, а Устав партии, организационно закреплял в повседневной деятельности партийных организаций теоретические положения Программы партии. Несмотря на краткие периоды потепления взаимоотношений церкви и религии в 40-60-е годы, данный период их взаимоотношений можно, в целом, считать и антирелигиозным, и антицерковным.

Литература

1. Бажан О.Г. Випробування вірою. Боротьба за реалізацію прав і свобод віруючих в Україні в другій половині 1950 – 1980 рр. / О.Г. Бажан, Ю.З. Данилюк. – К., 2000. – С. 80.
2. Записка заместителя председателя Совета по делам РПЦ П. Г. Чередыня в ЦК КПСС о мерах по реализации постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 года. 18 ноября 1958 г.
3. Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды».
4. Кашеваров А.Н. Экономический аспект антицерковной политики Советского государства 1958–1964 гг. // Новейшая история России. – 2011. – № 1. – С. 125.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. – М., 1971, стр. 502–505.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. – М., 1971, стр. 516–517.
7. Лифинцев Д.В. Социальная поддержка: сопоставительный анализ политико-правового и социально-психологического подходов / Д. В. Лифинцев // Вестник ПСТГУ, 2016. – № 2. – С.7-14.
8. Новикова Г. Рабочая тетрадь к учебнику Л.Л.Шевченко «Православная культура». Методические рекомендации / Г. Новикова // Духовно- нравственное воспитание, 2016. – №4. – С.39-40.
9. *Протоиерей Иаков Лобов*. Исторический очерк «Православие на Луганщине». [Электронный ресурс] / <https://aleksandrovsk-prav.ru/istoricheskiy-ocherk-pravoslavie-na-luganshine-avtor-protiirey-yakov-lobov/>
10. Реброва М.И. Возобновление церковной жизни в Сталинской (Донецкой) области в условиях германской оккупации (1941-1943) / М.И. Реброва. [Электронный ресурс] / М. Реброва – Режим доступа: <http://rakurs.pl.ua/novosti-luganska-i-luganskoyj-oblasti/120155-nacistskijj-okkupacionnyj-rezhim-na.html>
11. Русская Православная Церковь и право. Издательство «Бек», 1999, – С. 35.
12. Последний «Штурм неба». Антицерковная политика в годы Хрущёва /1958-1964/<http://globuss24.ru/doc/poslednii-sturm-neba-anticerkovnaa-politika-v-gody-hruseva-1958-1964>
13. Симон (Морозов) Система образования и религиозные ценности: взаимовлияние и взаимодействие / Симон (Морозов), К. Воденко Духовно-нравственное воспитание, 2016. – №4. – С.5-14.
14. Титаренко Д.М. Донбасс навесні 1943 року, німецькі документи свідчать // Титаренко Д.М. Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 12 / Гол.редактор З.Г. Ліхолобова. – ДонНУ, 2006.
15. Форостюк О. Д. Православная Луганщина в годы гонений и трагических испытаний (1917-1988 гг.): Справочник. – Луганск: РИО ЛИВД, 1999. – 240 с.

References

1. Bazhan O.G. Viprobuвання vIroyu. Borotba za reallzatsIyu prav I svobod vIruyuchih v UkraYinI v drugIy polovinI 1950 – 1980 rr. / O.G. Bazhan, Yu.Z. Danilyuk. – K., 2000. – S. 80.
2. Zapiska zamestitelya predsedatelya Soveta po delam RPTs P. G. Cherednyaka v TsK KPSS o merah po realizatsii postanovleniya TsK KPSS ot 4 oktyabrya 1958 goda. 18 noyabrya 1958 g.
3. Zapiska Otdela propagandy i agitatsii TsK KPSS po soyuznyim respublikam «O nedostatkah nauchno-ateisticheskoy propagandy».
4. Kashevarov A.N. Ekonomicheskij aspekt antitserkovnoy politiki Sovetskogo gosudarstva 1958–1964 gg. // Noveyshaya istoriya Rossii. – 2011. – № 1. – S. 125.
5. KPSS v rezolyutsiyah i resheniyah s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. T. 6. – M., 1971, str. 502–505.
6. KPSS v rezolyutsiyah i resheniyah s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. T. 6. – M., 1971, str. 516–517.
7. Lifintsev D.V. Sotsialnaya podderzhka: sopostavitelnyiy analiz politiko-pravovogo i sotsialno-psihologicheskogo podhodov / D. V. Lifintsev // Vestnik PSTGU, 2016. – № 2. – S.7-14.
8. Novikova G. Rabochaya tetrad k uchebniku L.L.Shevchenko «Pravoslavnaya kultura». Metodicheskie rekomendatsii / G. Novikova // Duhovno- npravstvennoe vospitanie, 2016. – №4. – S.39-40.
9. Protoierey Iakov Lobov. Istoricheskiy ocherk «Pravoslavie na Luganschine». [Elektronnyiy resurs] / <https://aleksandrovsk-prav.ru/istoricheskiy-ocherk-pravoslavie-na-luganshine-avtor-protiirey-yakov-lobov/>
10. Rebrova M.I. Vozobnovlenie tserkovnoy zhizni v Stalinskoy (Donetskoy) oblasti v usloviyah germanskoj okkupatsii (1941-1943) / M.I. Rebrova. [Elektronnyiy resurs] / M. Rebrova – Rezhim dostupa: <http://rakurs.pl.ua/novosti-luganska-i-luganskoyj-oblasti/120155-nacistskijj-okkupacionnyj-rezhim-na.html>
11. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov i pravo. Izdatelstvo «Bek», 1999, – S. 35.
12. Posledniy «Shturm neba». Antitserkovnaya politika v godyi HruschYova / 1958-1964 / <http://globuss24.ru/doc/poslednii-sturm-neba-anticerkovnaa-politika-v-gody-hruseva-1958-1964>
13. Simon (Morozov) Sistema obrazovaniya i religioznyie tsennosti: vzaimovliyanie i vzaimodeystvie / Simon (Morozov), K. Vodenko Duhovno-npravstvennoe vospitanie, 2016. – №4. – S.5-14.
14. Titarenko D.M. Donbass navesni 1943 roku, nimetski dokumenti svidchat // Titarenko D.M. NovI storInki Istorii Donbasu: Zbirnik statey. Kn. 12 / Gol.redaktor Z.G. Liholobova. – DonNU, 2006.
15. Forostyuk O. D. Pravoslavnaya Luganschina v godyi gonenyi i tragicheskikh ispytaniy (1917-1988 gg.): Spravochnik. – Lugansk: RIO LIVD, 1999. – 240 s.

Pilipenko Yu.V.
STATE-CHURCH RELATIONS IN 40-60 YEARS OF XX-th CENTURY

The article analyzes the factors which had an impact on the relationship between the state and church in the period of the 40 - 60-s of the twentieth century. The author considers that the patriotic activities of the ROC, its contribution to the victory over Fascism. Ambition of the Soviet power to raise its authority on the international arena and among the international religious organizations resulted in the state - confessional relations warming. However, Khrushchev's politics and that of his surrounding aimed at formalization of the state's concern in the Church's affairs and tightening of the state control over the religious activity of the Russian Orthodox church caused cooling and deterioration of the state-confessional interrelations.

The development stages of these interrelations have been defined in the following way: warming of relations (1943 – 1948); growing of tension in relations (1949 – 1954); toughening of the government policy towards the church (1955 – 1960). A direct dependence of changes in the state–confessional relations in Donbas and general government policy have been analyzed in the article, as well as relationship of the people of Donbas as a bearer of Orthodox values and Russian Orthodox Church.

Key words: *state-church relations, repressive politics, administration policy, liberalization of relationship, church ideology, anti-religious propaganda.*

Пилипенко Юлия Владимировна – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: sasha23112011@mail.ru

Pilipenko Yulia Vladimirovna – Postgraduate student of the Department of National and World History of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: sasha23112011@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 323.225

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТЕРРОРИЗМ: ПОНЯТИЙНЫЕ АСПЕКТЫ

Кандауров Б.И.

GLOBALIZATION AND TERRORISM: CONCEPTUAL ASPECTS

Kandaurov B.I.

В статье рассматриваются основы возникновения и развития терроризма, а также понятийные аспекты взаимодействия категорий глобализация и терроризм.

Ключевые слова: терроризм, глобализация, террористическая деятельность.

Глобализация как историческое явление и феномен, как объективная закономерность развития человечества привлекает все большее внимание исследователей и реально становится главной проблемой в повестке дня человечества XXI века. Современное мировое сообщество сталкивается с проблемами, среди которых на первом месте стоит терроризм. Своими корнями это явление уходит в прошлое. Основой возникновения и развития терроризма были имущественное и социальное неравенство, изменение уклада жизни, различия в менталитете, объективная необходимость изменить траекторию развития цивилизации. На сегодняшний день среди причин острой вспышки терроризма можно назвать: разноразностное развитие и ускорение разрыва между богатыми и бедными как внутри страны, так и в международном масштабе, коммерциализация всех сторон жизни и как следствие этого – разложения морально-этических основ.

Одновременно вместе с составляющими, которые меняются, терроризму присущ и постоянный компонент – его преступная суть. Любое преступление – это произвол, который направлен людьми против других людей и общества, или власти против людей, общества, страны. Искоренение терроризма должно начинаться борьбой с любым произволом, в основе которого всегда находится сила. Сохраняя свою преступную сущность, современный терроризм проявляется в условиях глобализации, изменения различных сторон человеческой деятельности, базируется на распространении в мире модели безопасности, основанной на компромиссном мышлении. Стоит по-новому взглянуть на окружающий мир и попытаться переосмыслить проблемы национальной экономической политики, а

также международного сотрудничества и безопасности, включая явления терроризма и проблемы борьбы с ним.

Значение противодействия терроризму неоднократно становилось темой различных исследований, но говорить об исчерпывающей изученности такого явления, как терроризм, еще очень рано.

Целью данного исследования является выявление особенностей взаимодействия понятий «глобализация» и «терроризм».

Суть глобализации нового состояния мирового развития заключается в достижении мировым сообществом критического уровня «экономической взаимозависимости» на основе:

1) экономической интеграции и нарастающего перемещения по миру капитала, товаров, рабочей силы;

2) становления экономических знаний и технологической интеграции (подталкивается мировым научно-техническим прогрессом);

3) современной информационно-коммуникационной революции, связанной с созданием сверхскоростных транспортных средств и ультрасовременных средств связи, распространением в мире персональных компьютеров и сети Интернет [1].

Достижение критического уровня «экономической взаимозависимости» создает ситуацию, при которой ни одна из стран не может уже самостоятельно и успешно решать задачи своего социально-экономического развития, более того, не связанные непосредственно друг с другом части мировой экономики испытывают зависимости от процессов, происходящих в них.

Политическая глобализация затрагивает всемирные интересы и сопровождается введением в мировую практику новых механизмов обеспечения безопасности, таких как миротворческие операции, международные санкции, антитеррористическая борьба.

Экономическая глобализация оказывает серьезное воздействие на различные стороны жизни и прежде всего на политическую деятельность.

Политические события в той или иной стране часто влияют на политическое положение во многих странах мира, приобретая глобальное значение.

Политическая и экономическая глобализация порождает еще одну новую тенденцию современности – персонификацию международных отношений. Она создает новые источники мировой инициативы – частные корпорации, неправительственные организации, которые способствуют появлению новых интересов потребления для всего человечества. Такие интересы могут не совпадать или вступать в противоречие с национально-государственными интересами в трактовке тех политических сил, которые в данный момент находятся у власти, что является вызовом мировому сообществу, требуя создания соответствующей политико-правовой инфраструктуры, с тем чтобы учитывать интересы нового круга участников международной деятельности. Глобализация воспринимается как стандартизация сфер производства, потребления и международных отношений. Круг важных источников и сфер проявления терроризма как угрозы XXI в. является локомотивом современного развития и глобализации, во многом проектирует достоверную картину будущего, выстраивается под влиянием внешних тенденций. Среди явлений, которые могут повлиять на формирование картины будущего, можно назвать результаты глобализации и современной информационно-коммуникационной революции, связанной с созданием ультрасовременных средств, транспорта и связи, распространением в мире персональных компьютеров и сети Интернет.

Глобализация с точки зрения выхода социально-экономической деятельности человека за пределы государственных границ является следствием того, что стремление человека расширять свободу от частных обстоятельств восприятия окружающего мира начинает приобретать технологическую базу в виде сетевых информационных технологий и достижений в области новой энергетики, генной инженерии и нано-технологий (исследования и производства на атомном и молекулярном уровнях) [1].

Основанная на достижениях научно-технического прогресса возможность устанавливать прямые равноправные связи всех со всеми порождает сетевой способ ведения дел, основанный на интернет-технологиях, которые радикальным образом меняют социально-экономическую сферу. Интернет-технологии позволяют экономическим отношениям, а также процесса создания нематериальных благ приобрести электронную форму существования, особенность которой заключается в сетевом характере ее структуры, низкой себестоимости и в том, что события в ней происходят мгновенно. Перечисленные обстоятельства глобализации и научно-технического прогресса открывают новые

экономические перспективы. В условиях глобализации и нового, сетевого экономического устройства устойчивость любой страны и возможность ее развития определяется не только вооруженными силами и природными ресурсами, а тем, какая судьба этой страны в новых базовых отраслях глобальной сетевой экономики. Новые тенденции и явления могут серьезно повлиять на трансформацию различных направлений человеческой деятельности, а именно терроризма.

Проблема терроризма всегда присутствовала как в рамках отдельного государства, так и на международной арене. Однако она стала актуальна после завершения глобального конфликта по вектору «Восток-Запад» и в результате поисков набора новых базовых идеологем, с помощью которых предполагалось консолидировать блок западных стран, сформировавшийся в период «холодной войны», а также привлечь в орбиту влияния большинство из бывших его противников. Несмотря на щедрую риторику политических деятелей на тему «нового терроризма» и посвященные ему обширные исследования авторитетных экспертов, до сих пор так и не устоялось единое универсальное определение, описывающее терроризм и террористическую деятельность. Между тем вопрос понятийного аппарата носит далеко не случайный характер. Для эффективного противодействия терроризму необходимо строить эффективную стратегию борьбы с терроризмом.

Терроризм как специфическое явление общественно-политической жизни имеет глубокие исторические корни и, не изучив его должным образом, нельзя строить эффективную политику противодействия ему. Такие понятия как «террор» и «терроризм» сегодня смешиваются, и это приводит к путанице при их употреблении. Однако эти понятия необходимо разделять. Террор как специфический метод достижения целей известен с древнейших времен и лежит в основе терроризма – сложного социально-политического явления. Терроризм – это не просто инструмент достижения политических целей, а именно целенаправленная политика опоры исключительно на террористические методы и приемы, которые продолжают совершенствоваться и приобретают дальнейшее распространение в международной политике. Специалисты считают, что сначала основной движущей силой террора была религия, которая с конца XIX века, особенно в годы «холодной войны», заменялась идеологическими, революционными, национально-освободительными, националистическими, сепаратистскими императивами.

Слово «террор» вошло в политический лексикон Европы в XIV в., когда с латыни на французский язык были переведены произведения древнеримского историка Тита Ливия. Значение этого слова в различные исторические эпохи

понималось по-разному. Однако большинство экспертов едины во мнении, что популярным оно стало во времена Великой французской революции 1789-1794 гг., которую иногда называют «эпохой террора» [2].

Феномен терроризма является составной частью фундаментальной проблемы человечества и связан с применением насилия ради достижения определенной цели. Терроризм сопутствует процессу перехода от войны к миру и наоборот. Многие эксперты склонны искать истоки мотивации действий современных террористов в постулатах, сформулированных в трудах средневекового философа Н. Макиавелли, а именно – «цель оправдывает средства». Немецкий радикал К. Гейнценг в 1848 году говорил, что силе и дисциплине регулярных войск нужно противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать максимальный хаос. Любое убийство оправдано в политической борьбе, если исходить из высших интересов человечества. Эта «философия бомбы» овладела разумом революционно настроенных людей в XIX в. и получила свое дальнейшее развитие в их теоретизированиях [3].

«Теорию разрушения» выдвигал М. Бакунин, который считал, что настоящие революционеры не должны идти ни на какие компромиссы с властью, их единственной формой действия должны стать разрушения, а средства борьбы – яд, нож и веревка. Выдвинутая наиболее радикальными представителями русского революционного движения второй половины XIX – начала XX в. доктрина «пропаганда действием» состояла в том, что террористические акции способны сделать нужное действие, направленное на народные массы и правительства. П. Кропоткин определял анархизм как «постоянное возбуждение с помощью слова устного и письменного, ножа, ружья и динамита». Революционеры-разночинцы XIX в. в своей борьбе осознанно использовали террористические методы, проповедуя «варварские средства борьбы с варварской системой» [4].

Терроризм стал постоянным фактором общественной жизни. Он был окружен ореолом романтизма, а его последователи не стеснялись называть себя террористами и свои акции рассматривали как самопожертвование на благо общества. Двойственность природы террора и терроризма до сих пор сказывается на политических оценках отдельных проявлений террористического характера и террористов, даже в материалах комиссии антитеррористического направления ООН. Следует в целом охарактеризовать предлагаемые подходы к определению понятия «терроризм» и меры противодействия террористической угрозе:

а) терроризм – это не просто уголовное преступление, бороться с которым обычными

методами с использованием действующего законодательства практически невозможно;

б) терроризм – это не просто явление новой эпохи, а некоторая форма войны, то есть продолжение или ведение войны другими методами и средствами, характеризующихся применением всех доступных в данный момент средств для достижения поставленной цели;

в) терроризм – это сложное социально-политическое явление, в основе которого лежит спектр социальных противоречий, включая экстремистскую террористическую идеологию, структуры для проведения террористических действий. При этом терроризм является одной из разновидностей политического экстремизма и относится к той области политической борьбы, которая использует насильственные формы и методы, запрещенные законом. Нужен серьезный и глубокий подход, предполагающий комплексные методы борьбы с терроризмом.

Государства-члены Европейского союза приняли решение подготовить соответствующее международное соглашение, содержащее унифицированное юридически конкретное определение терроризма. Чрезвычайно важной представляется идея о введении общего для всех государств-членов Европейского союза ордера на арест лиц, подозреваемых в совершении террористических актов. Международно-правовой документ, содержащий определение терроризма и устанавливающий формы и процедуры сотрудничества в сфере антитеррористической деятельности, должен разрабатываться с максимально широким представительством всех заинтересованных государств.

В рамках Содружества Независимых Государств также принимаются некоторые меры. В ст. 1 Договора о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом, подписанного в Минске 4 июня 1999, дается наиболее полное определение терроризма [5]. В соответствии с настоящим Соглашением, терроризм – противоправное уголовно наказуемое деяние, совершенное в целях нарушения общественной безопасности, оказания воздействия на принятие органами власти решений, устрашения населения, проявляющееся в виде:

- насилия или угрозы его применения в отношении физических или юридических лиц;

- уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, гибели людей, создает опасность;

- причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий;

- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного для прекращения его государственной или иной

политической деятельности, либо мести за такую деятельность;

- нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а также на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой;

- других деяний, подпадающих под понятие террористических в соответствии с национальным законодательством Сторон, а также другими общепризнанными международно-правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом.

Суть терроризма определяется как содержанием национальных законодательств государств-участников Содружества, так и международно-правовыми актами; подходы в организации системы мер противодействия при этом понятные и носят конкретный характер. Это определение также дает основу для долговременного международного сотрудничества в сфере борьбы с международным терроризмом, актуальность и необходимость которого подтверждена последними международными событиями.

Эксперты сходятся в том, что терроризм в широком смысле этого понятия является уголовным инструментом решения политических вопросов. Полностью изжить терроризм сейчас не удастся до тех пор, пока из человеческой практики не исчезнет сам феномен применения насилия для достижения поставленной цели. При определенных условиях обязательно найдутся отдельные индивидуумы, группировка или страны, которые могут обратиться в арсенал террористических методов в силу ряда причин: от собственной слабости, препятствуя открытому противостоянию некоторой угрозы или вызова, с намерением замаскировать свою активность. С терроризмом надо бороться, если его невозможно изжить совсем, то необходимо четко ограничить его проявление. Для этого необходимо прежде всего создать такие условия, при которых стало бы невозможно прибегать к терроризму при решении сложных вопросов или конфликтов.

Литература

1. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм. – М.: Наука, 2001. – 309 с.

2. Лакер У. Истоки: терроризм как явление // Иностранная литература. – 1996. – № 11. – С. 190 – 193.

3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 2. – С. 33 – 48.

4. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях // Автор-составитель О. В. Будницкий. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 32.

5. Борьба з міжнародним тероризмом: Нормативна база // Упоряд. В. А. Ліпкан. – К.: КНТ, 2007. – 248 с.

References

1. Mikheev V. V. Globalization and Asian regionalism. – М.: Nauka, 2001. – 309 p.

2. Laqueur W. Origins: the phenomenon of terrorism // Foreign literature. – 1996. – No. 11. – P. 190 – 193.

3. Huntington S. the Clash of civilizations // the Policy. – 1994. – No. 2. – S. 33 – 48.

4. The history of terrorism in Russia in documents, biographies, research / Author-compiled by O. V. Budnitskii. – Rostov-on-don, 1995. – S. 32.

5. Combating international terrorism: the Regulatory framework // Comp. V. A. Lipkan. – K.: CST, 2007. – 248 p.

Kandaurov B.I.

GLOBALIZATION AND TERRORISM: CONCEPTUAL ASPECTS

This article discusses the basics of emergence and development of terrorism, as well as the conceptual aspects of interaction between concepts of globalization and terrorism.

Key words: terrorism, globalization, terrorist activities.

Кандауров Богдан Игоревич – старший преподаватель кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.
E-mail: bogdankandaurov1992@gmail.com

Kandaurov Bogdan Igorevich – Senior Lecturer in the Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: bogdankandaurov1992@gmail.com

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 323.2

ТЕОРИЯ ПРЯМОЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Самойлов А. О.

THEORY OF DIRECT AND REPRESENTATIVE DEMOCRACY IN THE ITALIAN POLITICAL THOUGHT

Samoilov A. O.

Проанализировано взаимоотношение и проблемные аспекты прямой и представительской демократии в современной итальянской политической мысли, а также проанализирована взаимосвязь между этими двумя моделями в политической науке и даны рекомендации по практическому внедрению модели демократии.

Ключевые слова: прямая демократия, представительская демократия, итальянская политическая мысль.

Теория прямой и представительской демократии в современном научном мире рассматривается с особой тщательностью, что вызвано также и развитием новых технологий, внедрением интернет-голосования в некоторых странах. Особый интерес вызывают и новые формы интернет-организации граждан, которые, например, на данный момент испытываются в Республике Италия партией «Движение 5 звезд» (M5S) – речь идет о системе «Руссо», которая уже позволяет подписчикам формировать списки партии на выборы, а также и напрямую вносить свои законопроекты, что приблизит модель прямой демократии [1]. Однако недостаточно освещенными являются аспекты итальянской теории прямой и представительской демократии и проблемы их взаимоотношения, чем вызвана **актуальность** данной научной статьи.

Целью данной научной статьи является выявить взаимоотношение моделей прямой и представительской демократии в итальянской политической мысли для дальнейшей разработки оптимального механизма реализации демократии на практике.

Большинство современных демократий являются или полностью представительскими, либо же имеют ряд характеристик, сближающих их с этой категорией демократии. К последним могут быть отнесены и модели, которые в той или иной степени прибегают к прямому участию граждан в принятии и, в определенных случаях, в разработке решений.

Тем не менее речь идет о качественных и количественных сторонах вопроса:

- далеко не все граждане обладают необходимыми знаниями для разработки политического решения (качественный аспект);

- также невозможно использовать механизмы прямой демократии, когда речь идет о больших количествах граждан (как провозглашал Ж. Ж. Руссо), то есть, например, в современных мегаполисах, если речь не идет о наиболее важных вопросах для общества (количественный аспект) [2].

Одним из классиков современной итальянской политической мысли, который подчеркивает взаимосвязь между прямой и представительской демократией, был Н. Боббио. Его позицию можно выразить следующей цитатой: «в реальности представительская демократия и прямая демократия не являются двумя альтернативными системами, в том смысле, что где есть одна там не может быть другая, но они могут чередоваться [...] можно сказать, что в системе целостной демократии обе формы демократии являются необходимыми, но не могут, сами по себе, быть достаточными»⁵ [3, с. 42]. Для него представительская демократия могла бы быть «совместимой с Либеральным Государством, то есть с государством, которое признает и гарантирует некоторые фундаментальные свободы, такие как свобода мысли, вероисповедания, печати, собраний и т.д.», в то время как прямая демократия может быть «отождествлена [...] с идеалом Руссо» [3, с. 43]. Другими словами, в предложенном контексте первый вид демократии представляет форму правления либерального государства, а второй является лишь идеалом.

Иной точки зрения, согласно которой представительской демократии сейчас находится в кризисном периоде, придерживается другой итальянский исследователь Дж. Скьявонэ. Кризис

⁵ Здесь и далее по тексту перевод с итальянского авторский.

представительской демократии он объясняет общим упадком представительских структур, который приведет к прямой демократии – естественному и логическому своему продолжению. Тем не менее переход от одной модели к другой, согласно Дж. Скьявонэ, проходит через усиление института всеобщего голосования, который очень часто «извращается и искажается» через другие факторы (партии, парламент и т.д.), но благодаря которому воплощением можно было бы исправить недостатки и предотвратить риски, которые свойственны демократии, и которые могут привести к уничтожению ее самой в случае часто повторяемых политических кризисов, или же к невозможности развития демократии благодаря коррупции, недоверия правительству, часто провоцируемого рекламными технологиями или т.н. «черным пиаром», в том числе и через влиятельные СМИ. Переход к прямой демократии будет происходить также через институциональную трансформацию, в том числе и механизма выборов, поскольку сегодняшняя модель показывает себя сильно зависимой от капитала и его обладателей, а также искаженной благодаря усилиям зависимых от капитала СМИ [4].

Согласно исследователям, которые ссылаются на теории Руссо о прямой демократии, истинным определением демократии является «управление народа» или же «народовластие», поэтому наиболее правильным вариантом демократии является ее прямая форма, в котором управляющие и управляемые являются одним и тем же актором. С этой точки зрения представительская демократия является лишь уловкой для отступления от полного самоуправления. Но проблемы, с которыми сталкиваются при попытке имплементации прямой демократии, являются следующими: «предубежденный отказ от политической деятельности со стороны части граждан»; «слишком разный уровень возможности уделять внимание политической деятельности со стороны граждан, готовых ею заниматься»; «недостаток информации, навыков и политической культуры у основной массы граждан»; «тенденция к принятию эмоциональных или импульсивных решений со стороны среднестатистического гражданина»; «аморфность предполагаемой «воли народа», обычно неспособной к самовыражению, если не направлена и не стимулирована лидерами или профессиональными политиками»; «социологически подтвержденный факт, согласно которому не существует ни одной людской группы или ассамблеи, в которой «априори» не создавались бы механизмы выделения и отделения элит» [5, с. 23-24]. Таким образом, получается, что имплементация прямой демократии в абсолютной форме возможна в теории, но весьма ограничена на практике.

Другие важные выводы были сделаны Ди Джованэ, который представляет демократию как

систему, в которой воля народа обуславливает политический выбор. Как следствие – противопоставление представительской и прямой демократии теряет всякий смысл, поскольку обе имеют своей целью осуществление решений, вызванных, в той или иной степени, волей народа, и разнятся лишь качественный показатель системы: в представительской демократии имеет место «максимализация посредничества при осуществлении воли народа», в то время как в прямой демократии это «максимализация непосредственной воли» [6]. Мыслитель рассматривает в какой степени воля народа влияет на решения политических институтов, хотя само собой разумеется, что «мощность» влияния при прямой демократии в разы выше, даже если, как заметил Эрнст-Вольфганг Бюкенфорд, прямая демократия будет маскировать представительские структуры, развивающиеся внутри нее, поскольку народ призывается высказать свою точку зрения, но эмпирический анализ показывает, что эта важная способность выносить формулировать вопросы как правило осуществляется политическими элитами, которые не являются чем то отличным от политического класса, действующего в представительских органах, но лишь его вариациями. В конечном итоге автор дает ряд причин, по которым предпочтение следует отдавать представительской демократии. В общем легко констатировать тот факт, что «народные решения на референдумах в большей степени подвергнуты манипулированию по сравнению с ситуацией, когда электорат выбирает себе представителей», поскольку людям на референдуме не хватает информации, а сам выбор сводится лишь к двум вариациям – «да» или «нет», – что значительно искажает выбор избирателей, поскольку, даже если человеку нравится часть вынесенного на референдум предложения, а с другой он категорически не согласен, то его выбор предрешен.

Таким образом, можно сделать вывод, что осуществление той или иной модели демократии в чистом виде не представляется возможным – необходима система, которая бы органично объединяла прямую и представительскую демократии, в том числе и основываясь на историческом опыте. При этом в компетенцию прямой демократии должны отойти острые и интересные, если так можно выразиться, для общества вопросы, что возможно, если ее имплементировать на «низовом» уровне – уровне местного самоуправления. В то время как уже рассматривалось нами в статье «Перспектива имплементации прямой демократии в современной России на уровне местного самоуправления как эффективный механизм экономического развития (на основе работ Амартии Сэна)», вопросы общегосударственного масштаба должны оставаться в ведении представительских органов власти.

Л и т е р а т у р а

1. Rousseau il sistema operativo del M5S // Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://rousseau.movimento5stelle.it/>

2. F. Lanchester, Gli strumenti della democrazia: lezioni di diritto costituzionale comparato, Giuffrè Editore, Milano, 2004.

3. G. Pasquino (a cura di), Strumenti della democrazia, Il Mulino, Bologna, 2007.

4. G. Schiavone (a cura di), La democrazia diretta: un progetto politico per la società di giustizia, Dedalo, Bari, 1997.

5. G. Arezzo di Trifiletti, Il referendum abrogativo e gli istituti di democrazia diretta, Maggioli, Rimini, 1988.

6. A. Di Giovine, Democrazia diretta e sistema politico, CEDAM, Padova, 2001.

7. Самойлов А. О. Перспектива имплементации прямой демократии в современной России на уровне местного самоуправления как эффективный механизм экономического развития (на основе работ Амартии Сэна) // Сборник научных докладов международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные исследования: новое слово в науке», М. – 21.01.2016 г. – С. 107-124.

R e f e r e n c e s

1. Rousseau il sistema operativo del M5S // Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://rousseau.movimento5stelle.it/>

2. F. Lanchester, Gli strumenti della democrazia: lezioni di diritto costituzionale comparato, Giuffrè Editore, Milano, 2004.

3. G. Pasquino (a cura di), Strumenti della democrazia, Il Mulino, Bologna, 2007.

4. G. Schiavone (a cura di), La democrazia diretta: un progetto politico per la società di giustizia, Dedalo, Bari, 1997.

5. G. Arezzo di Trifiletti, Il referendum abrogativo e gli istituti di democrazia diretta, Maggioli, Rimini, 1988.

6. A. Di Giovine, Democrazia diretta e sistema politico, CEDAM, Padova, 2001.

7. Samoylov A. O. Perspektiva implementatsii pryamoy demokratii v sovremennoy Rossii na urovne

mestnogo samoupravleniya kak effektivnyiy mehanizm ekonomicheskogo razvitiya (na osnove rabot Amartii Sena) // Sbornik nauchnyih dokladov mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Fundamentalnyie i prikladnyie issledovaniya: novoe slovo v nauke», М. – 21.01.2016 г. – S. 107-124.

Samoilov A.O.

THEORY OF DIRECT AND REPRESENTATIVE DEMOCRACY IN THE ITALIAN POLITICAL THOUGHT

It was analyze the interaction and problematic aspects of direct and representative democracies in italian political theory. Also the interrelation between these two models in political science was analyzed and recommendations were given on practical implementation of the model of democracy.

Key words: *direct democracy, representative democracy, Italian political thought*

Самойлов Алексей Олегович – аспирант кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: alesam121@gmail.com

Samoilov A. O. – Postgraduate student of Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: alesam121@gmail.com

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 321.02+316.325

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ЧЕРТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Селиванов А.С.

THE EMERGENCE OF NEW FEATURES OF THE POLITICAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION PROCESSES

Selivanov A.S.

Статья рассматривает изменения, происходящие в политической системе современных государств под влиянием глобализационных процессов. В современном мире глобализация сужает компетенцию национальных государств и ограничивает суверенитет во внутренней и внешней политике. Как следствие часть исторически принадлежавших государству функций передаётся на наднациональный уровень (прежде всего таким транснациональным структурам, как транснациональные корпорации и межгосударственные организации – Международный валютный фонд, Международный банк, Европейский союз и другие). Другая часть полномочий передаётся на уровень территорий и регионов, которые также становятся субъектами политико-управленческой деятельности и формируют локальные сообщества.

Ключевые слова: глобализация, политика, политическая система, государство, гражданское общество, постиндустриальное общество, транснациональные корпорации.

Введение. Утрата современным государством части функций, исторически ему присущих, передача их на наднациональный уровень (в первую очередь таким как ТНК или международным организациям – МВФ, МБ, ЕС и др.), возникновение новых форм политической деятельности, структурная перестройка общества, растущая роль общественных организаций и других социальных групп поставили вопрос о пересмотре структуры политической системы общества, его формирования и роли элементов политической системы в современном мире.

1. Актуальность. Глобализация реструктуризирует способы нашего существования в мире, к тому же на глубинном уровне. Она надвигается с Запада, несет в себе выразительный отпечаток американской политической и экономической мощи и является неравномерной по своим последствиям. Но вместе с тем глобализация не обязательно означает господство Запада (и США, в частности) над другими странами. Потому что

глобализация влияет одновременно и на политическую систему Запада и приводит к изменениям в ней также, как и в других странах.

Целью данной статьи является рассмотрение изменений в политической системе, происходящих под влиянием глобализации, и разработка адекватного на них реагирования для субъектов политической системы, чтобы они сохранили свою роль в ней и влияние на процессы, которые протекают в современном гражданском обществе в условиях глобализованного мира.

2. Степень разработки проблемы. Конкретные социальные процессы, формы жизнедеятельности общества всегда происходят в рамках определенных социальных институтов, отношений и норм. Политическая жизнь общества, то есть его официально-публичные формы, реализуются через особенный социальный механизм – политическую систему общества, его политическую организацию. Для того чтобы исследовать объектно-предметные, правовые и другие аспекты политической системы общества, ее структуру, субъекты и институты, необходимо дать ответ на вопрос: что такое политика? Определение этого фундаментального понятия лежит в основе исследования содержания политической системы и ее основных характеристик.

Термин «политика» происходит от греческого polis, что означает буквально «город» или «город-государство». Основателем западной политической философии принято считать Сократа, его ученика Платона, который в свою очередь был учителем Аристотеля.

Классификации форм правления у древних политических философов создавались прежде всего для того, чтобы отличать «хорошие» режимы от «плохих». Двигаясь наощупь, хорошо понимая, что правление может быть возложено на простых людей (демократия), на богатых (олигархия) или вельмож (аристократия), древние классификации приобрели наиболее завершённую форму у Аристотеля в его

иерархии шести правильных и неправильных форм правления. Критерий здесь включал не только количество тех, кто владеет (от одного через нескольких ко всем), но и способ организации политической власти (структурный) и способ осуществления власти (функционально-практический).

По мнению Платона, идеальное государство и есть воплощение наивысшей справедливости как гармонии, равновесия, монолитного единства главных добродетелей тройственной души. Идея справедливости и идея государства у мыслителя настолько переплетены между собой, что и в наше время идут дискуссии вокруг вопроса, какая из этих идей была главным предметом диалога в работе «Государство» [1].

В государстве Платона были гениально предусмотрены трёхсословное средневековое государственное устройство, утопический коммунизм, просвещенный абсолютизм, необходимость разделения властей, геополитические факторы, авторитаризм и тоталитаризм и др. Во многом «линию Платона» продолжил его самый способный ученик и критик Аристотель.

Аристотель видел в политике «высшую форму коллективного бытия людей». Он считал человека «политическим животным» (по-гречески «zoopolitikon»). Аристотель считал человека по самой своей природе существом политическим, а того, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитым в моральном плане созданием, либо сверхчеловеком [3, с. 333].

Аристотель считал, что первичным по природе является государство, «полис» по сравнению с семьей и каждым человеком; ведь необходимо, чтобы целое было первичным по отношению к части.

Первым аналогом понятия «политическая система общества» было древнегреческое слово «полития» (politeia). Первоначально оно означало принадлежность к полису, то есть гражданство и связанное с ним участие в политике (общественных делах) через личные права и обязанности. Впоследствии это понятие приобрело значение политического устройства. Так, Аристотель называл политией организацию жителей или граждан полиса. Важнейшими элементами организации политического общества он считал суд и народное собрание. То есть именно суд и народное собрание во времена Аристотеля были главными элементами политической системы общества.

Христианская мысль сразу же поставила на первое место откровение вместо Разума. Что такое мудрость не стало яснее, но она стала другой – таинственной мудростью Бога, которая требует смирения, что было абсолютно неприемлемо для эллинов.

Важной, даже неотъемлемой составляющей политической системы средневекового общества была Церковь. Согласно концепции средневекового католицизма, Папа Римский считался представителем Бога на Земле, и его власть была выше власти монархов. Это наглядно продемонстрировал случай раскаяния германского императора Генриха перед Римским Папой в Каноссе.

Гоббс (1588-1679) – основатель теории общественного договора. Он считал (вопреки Аристотелю), что в естественном состоянии люди живут в нищете и постоянной опасности, каждый боится другого, все существует по принципу «человек человеку волк». Природа, таким образом, разделяет людей. Предоставленные сами себе они несчастны, поскольку ими движут личные страсти (честолюбие, тщеславие, себялюбие), или страсти религиозные и политические, которые ведут к конфликтам. Необходимо общее согласие (договор), чтобы пожертвовать своей свободой в пользу государства в обмен на гарантию безопасности, порядка и мира. Таким образом, идеи общего блага в религиозной или политической форме разъединяют людей, единые они в том, что боятся смерти и стремятся к приятной жизни. Во имя стремления к безопасности и удовольствию люди должны и могут отказаться от пагубных страстей и злобы, то есть нейтрализовать пагубные страсти с помощью государства, поощрять другие страсти (стремление к миру, порядку, удобству) [7].

В конце XVIII века были сформулированы принципы либеральной политической философии. Неверие к человеческим намерениям и страстям подкреплялось законами, гарантирующими права человека, и законами рынка, что нашло свое отражение в американской Декларации Независимости (1776) и Декларации Прав человека (1789).

У К. Маркса (1818-1883) в его сложном социально-экономико-политическом учении все движение истории детерминировано поэтапным развитием экономического базиса, для которого государство и политика выступают надстройкой наряду и вместе с религией, правом, моралью. Переработав схему Гегеля, Маркс был уверен, что открыл путь освобождения человечества, обозначил реальную движущую силу развития общества от предыстории к подлинной истории. На каждом этапе истории (общественно-экономической формации) политическое развитие определяется ходом классовой борьбы, расстановкой классово-политических сил, борьбой двух основных противоборствующих классов. Переход от одной формации к другой происходит через социальные революции, политический результат которых обусловлен развитием новых экономических производительных сил [8]. Согласно этой теории, политика после победы пролетариата должна отмереть вместе с государством как техника

социального освобождения, но на практике она превращается в технику удержания власти и поддержку господства победителей.

Мы видим, что от античного мира до времени формирования современного общества представления о политике и политической системе менялись вместе с изменением политических отношений. Но в своей основе главным элементом политической системы любого общества, независимо от общественного строя, является государственная власть, поскольку именно она определяет правила и законы, согласно которым происходит политическая жизнь общества. Таким образом, основным политическим институтом всегда выступает государство.

Другие группы общества тоже могут влиять на принятие властных решений, что делает их субъектами политической системы, но на разных этапах развития человеческого общества они меняются – церковь в средневековые времена, средства массовой информации с нового времени до наших дней, общественные организации в условиях современной политической системы.

Политическая система общества и мировые глобализационные процессы.

Термин «глобализация» происходит от англ. «global» (мировой, общий), его ввели в науку в 60-х годах XX века теоретики Римского клуба – Е.Ласло, Д.Медоуз, М.Месарович и другие [9]. Единого, завершеного, общепризнанного определения данного понятия на сегодняшний день не выработано. Глобализация трактуется как «расширение мировых социальных связей, которые соединяют отдаленные регионы таким образом, что местные события развиваются под влиянием событий, происходящих за много миль от них». Энтони Гидденс отмечает, что глобализация предполагает становление политической, экономической, социальной деятельности всемирной по своим последствиям, а также означает, что произошло усиление взаимодействия и взаимосвязей внутри государств и общества и между ними самими [10]. Глобализацию можно представить как процесс объединения человечества в единый мировой организм. В понятие «глобализация» входит расширение, углубление и ускорение взаимозависимости во всех аспектах современной общественной жизни: от культурного до уголовного, от финансового до духовного. Глобальная политика охватывает понятие, освещает распространение политической власти и политической деятельности через границы современных государств. Политические решения и акции в одной части мира могут иметь всемирный резонанс, а места политического действия и принятия политических решений могут быть связаны быстрыми коммуникациями в сложные сети участников принятия политических решений и политического взаимодействия.

Под глобальным управлением понимается совокупность формальных институтов и организаций, благодаря которым формируются и становятся устойчивыми правила и нормы, которые управляют мировым порядком, в сочетании с неформальными организациями и группами давления, которые преследуют цели и задачи, связанные с транснациональными управленческими и властными системами.

Выделяются три общих подхода, представители которых могут быть охарактеризованы как гиперглобализаторы, скептики и трансформационалисты.

Проявления глобализации: политическая глобализация (появление глобальной политики и элементов космополитического права с новыми формами регионализма, в том числе регионализма политического, под которым подразумевается географическое группировки сопредельных государств, имеющих общие свойства и многосторонние структуры (ЕС, АСЕАН), новые системы коммуникаций создают новый опыт, новые средства взаимопонимания и новые рамки политического сравнения независимо от непосредственного контакта с определенными народами или вопросами. Неравный доступ к новым средствам коммуникаций создаёт новые формы извлечения из глобальной политики.

Пьер Тейяр де Шарден и В. Вернадский описывают в своих работах процесс, когда сначала на уровне племен, родов, потом народов, государств постепенно происходит это глобализационное единение человечества. Причем ученые доказывают, что это явление – следствие планетной, геологической эволюции более глубокое в своих основах, чем это можно представить, а следовательно и остановить его ничем нельзя. Но многие международные организации пытаются направлять процесс глобализации в интересах сильных мира сего. Глобализация должна осуществляться не по чьему-то указанию «сверху», а, так сказать, «по горизонтали», на основе интеграции локальных инициатив, основываясь на принципах гуманизма, кооперации и солидарности. То есть естественным, эволюционным является объединение человечества по инициативе интересов социальных групп, народов, государств, когда каждая единица будет чувствовать необходимость и неизбежность этого процесса. Ведь в противном случае, как отмечает П. Тейяр де Шарден, люди будут продолжать оставаться друг другу враждебными, обособленными, и все это будет выглядеть примитивной механизацией. Муравейник вместо братства. Вместо ожидаемого скачка сознания – механизация, которая неизбежно вытекает из тотализации. По мнению француза, это ужасное нарушение правил ноогенеза. Люди должны объединяться по своей сути, силой любви, только такой путь к ноосфере является истинным. «Выход для мира, двери для будущего, вход в

надчеловечество» открываются вперед и не только для некоторых лиц, не для одного избранного народа. Они открываются только под натиском всех вместе, в том направлении, в котором все вместе (хотя и под влиянием и руководством элиты) могут объединиться и завершить себя в духовном обновлении Земли [11, с. 191-203].

Вернадский, разрабатывая концепцию ноосферы, исследует другую основу, на которой объединяется человечество, а именно, науку, которая выгодно отличается тем, что является, по сути, единственной и одинаковой для «всех времен, социальных сред и государственных объединений» [12, с. 503-512]. Правда, к этому пониманию человечество доходит тяжелым опытом истории, потому что и религия, и государственные образования на протяжении тысячелетий пытались и пытаются создать единство и силой включить всех в одно единое понимание смысла и цели жизни, такого понимания в многотысячной истории человечества не было. «Так же не способна, по мнению ученого, объединить человечество и философия».

Маргарет Тэтчер в своем труде «Искусство управления государством. Стратегии для мира меняются» отмечает, что глобализация сегодня – это особенность, которая определяет содержание управления государством в наши дни. Тэтчер подчеркивает, что несмотря на глобализацию, государства сохраняют свое значение, во-первых, потому что именно они устанавливают правовые рамки, а разумная правовая основа имеет колоссальное значение как для общества, так и для экономики. Во-вторых, потому что государства помогают развивать чувство самобытности, а с глобализацией стремление людей к самобытности усиливается. И, в-третьих, только государство обладает монопольным правом на принуждение, то есть правом на ликвидацию преступности на своей территории и защиты от внешней угрозы [13, с. 16]. Эти аргументы более глубоко прорабатывает в своем эссе «Выживет ли национальное государство в условиях глобализации» Мартин Вулф и приходит к выводу, что выживет [14].

Поэтому, как мы и отмечали выше, государство все же останется основным элементом политической системы общества в условиях глобализации. Другой важной составной частью политической системы современного общества являются группы влияния, общественные организации и гражданское общество вообще.

Специфика формирования политической системы постсоветских государств в условиях глобализации

Главным признаком демократически организованного государства является наличие гражданского общества, то есть общества с разрывными экономическими, культурными, правовыми, политическими отношениями между самими индивидами, не опосредованное

государством [15, с. 34]. Гегель в своей работе «Философия государства» утверждает, что гражданское общество составляет комплекс частных лиц, классов, групп, институтов, взаимодействие которых регулируют правом, и оно прямо не зависит от самого политического государства [16, с. 279-323].

Современные государства существуют в системе международных отношений, их политическая, культурная, экономическая и социальная жизнь находятся под влиянием процессов, которые проходят в современном мире.

Основная причина несовершенства политической системы большинства постсоветских государств заключается в том, что политические силы руководствуются в своей деятельности не правовыми нормами, а групповыми интересами.

Формирование нового социально-экономического уклада – информационного, постиндустриального, организованного общества, развитие многоукладности и разнообразия форм общественной жизни, глобализация экономических связей ведут к расширению и усложнению регуляторных функций государства. В отчете «Всемирного банка» «Государство в меняющемся мире», где предлагается концепция «эффективного государства», отмечается изменение аспектов с количественного аспекта на качественное развитие государственного вмешательства на эффективность и степень выражения потребностей населения [17, с. 42].

Однако в современном мире глобализация сужает компетенцию национальных государств, редуцируя суверенитет как основу международной деятельности часто к невидности внутреннего и внешнего. Если взглянуть на эту ситуацию под другим углом зрения, то глобализация (целенаправленно или попутно), протекая в форме преодоления границ, коренным образом меняет роль национальных государств как основных регулирующих единиц политического процесса. Несмотря на эффективность государства в определенных областях и регионах, чаще всего принадлежащих к традиционному ареалу, существующие реалии иначе расставляют акценты. Государство перестает быть единственным, унитарным актором под влиянием целого блока причин, три из которых кажутся приоритетными: глобализация рынков, усиливающееся давление со стороны региональных акторов, которые добиваются перераспределения компетенций до факта автономий, общий кризис госбюджетов, что оставляет все меньше возможностей для удовлетворения социальных и экономических интересов. В результате, как правило, внутренние локальные акторы конкурируют друг с другом, и их интересы уже редко аккумулируются в том, что принято называть «национальными интересами».

Современное государство теряет часть функций, которые исторически ему принадлежали,

поскольку традиционные государственные институты перестают контролировать экономический и политический процесс как в мировом масштабе, так и внутри своих границ. Как следствие, часть функций передается на наднациональный уровень (прежде всего транснациональным структурам, таким как ТНК или межгосударственным организациям – МВФ, МБ, ЕС и др.) Другая часть традиционно государственных полномочий передается на уровень территорий и регионов, которые также становятся субъектами политико-управленческой деятельности, обладают определенным властным ресурсом и способны обеспечить функционирование локального сообщества в координатах глобального мира.

Таким образом, эпоха глобализации ставит перед обществом новые задачи и вызовы. Особенно драматические изменения проходят в государствах, которые меняют свою политическую систему с посттоталитарной на демократическую. На наш взгляд, формирование политической системы в обществе зависит прежде всего от того, сможет ли человек, живущий в обществе, во-первых, а все гражданское общество с его элементами и группами, во-вторых, дать ответ на вызовы глобализации.

В эпоху глобализации происходит подрыв национального государственного суверенитета под влиянием новых акторов: глобальных фирм, религиозных группировок, транснациональных аналитических структур, которые берут на себя управленческие функции. Они взаимодействуют в этом процессе как между собой, так и с традиционными субъектами международных отношений – суверенными национальными государствами.

Национальные государства имеют шанс сохранить свое значение, во-первых, потому что именно они устанавливают правовые рамки, а умная правовая основа имеет колоссальное значение как для общества, так и для экономики. Во-вторых, потому что государства помогают развивать чувство самобытности, а с глобализацией стремление людей к самобытности усиливается. И, в-третьих, только государство обладает монопольным правом на принуждение, то есть право на ликвидацию преступности на своей территории и защиты от внешней угрозы.

Среди опасностей глобализирующегося общества главная, которая может ожидать человека, – потеря информационной безопасности и возможность стать жертвой технологий манипулирования сознанием.

Для успешного существования в обществе, которое меняется, человеку нужны, прежде всего, знания – философские, политические, социально-психологические. Имея опору на них, на весь опыт человечества, выраженный в трудах мыслителей прошлого и настоящего, человек и общество вообще смогут не стать жертвами подводных камней,

многие из которых поджидают человечество на пути глобализации.

Л и т е р а т у р а

1. Платон. Государство. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.philosophy.ru/library/plato/01/0.html>
2. Платон. Законы. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.philosophy.ru/library/plato/02/0.html>
3. Аристотель. Политика. – М.: АСТ, 2002. – 400с.
4. Гоббс Т. Левиафан. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.srph.ru/library>
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.srph.ru/library>.
6. М. Баньковский. Глобалізація сучасного світу і релігія. 2004. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.brama.com/survey/messages/27149.html>
7. Гіденс Е. Нестримний світ: як глобалізація перетворює наше життя. – К.: Альтерпрес, 2004 – 100 с.
8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Пер. с фр. Н.А. Садовского; Предисл. и примеч. А.С. Раутиана. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 231 с.
9. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М. : «Аграф», 1998. – 630 с.
10. Маргарет Тэтчер. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер, с англ. – М.: Альпина Паблшер, 2003. – 504 с.
11. Martin Wolf. Will the Nation-State Survive Globalization? Foreign Affairs, January/February 2001 http://www.i-u.ru/biblio/archive/tetcher_iskusstvo/00.aspx
12. Кухта Б. Основи політичної науки – Львів, Кальварія, 1997. – 334 с.
13. Гегель «Философия права» Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 580 с.
14. На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии 1999-2000 года. – М.: Весь мир, Всемирный банк, 2000. – 288 с.

References

1. Platon. Gosudarstvo. : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.philosophy.ru/library/plato/01/0.html>
2. Platon. Zakonyi. : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.philosophy.ru/library/plato/02/0.html>
3. Aristotel. Politika. – М.: AST, 2002. – 400s.
4. Gobbs T. Leviafan. : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.srph.ru/library>
5. Marks K., Engels F. Sochineniya. : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.srph.ru/library>.
6. M. Bankovskiy. Globalizatsiya suchasnogo svItu I religIya. 2004. : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.brama.com/survey/messages/27149.html>
7. GIdens E. Nestrinnyiy svIt: yak globalizatsIya peretvoryuE nashe zhitty. – К.: Alterpres, 2004 – 100 s.
8. Teyyar de Sharden P. Fenomen cheloveka / Per. s fr. N.A. Sadovskogo; Predisl. i primech. A.S. Rautiana. – М.: Ustoychivyy mir, 2001. – 231 с.
9. Vernadskiy V.I. Filosofskie myisli naturalista. – М. : «Agraf», 1998. – 630 с.
10. Margaret Tetcher. Iskusstvo upravleniya gosudarstvom. Strategii dlya menyayushegosya mira / per, s angl. – М.: Alpina Pabliher, 2003. – 504 s.
11. Martin Wolf. Will the Nation-State Survive Globalization? Foreign Affairs, January/February 2001 http://www.i-u.ru/biblio/archive/tetcher_iskusstvo/00.aspx
12. Kuhta B. Osnovi polItichnoYi nauki – LvIv, KalvarIya, 1997. – 334 s.

13. Gegel «Filosofiya prava» Gegel G. Filosofiya prava. – М.: Myisl, 1990. – 580 с.

14. Na poroge XXI veka. Doklad o mirovom razvitii 1999-2000 goda. – М.: Ves mir, Vsemirnyiy bank, 2000. – 288 с.

Selivanov A.S.

THE EMERGENCE OF NEW FEATURES OF THE POLITICAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION PROCESSES

This article reviews changes in the political systems of modern states under the influence of globalization processes. Today globalization narrows the competence of national states and limits sovereignty in domestic and foreign policy. As a consequence, some of the historically state-owned functions are transferred to a supranational level (transnational structures such as transnational corporations and international organizations - the International Monetary Fund, the International Bank, the European Union and others). The other part of the powers is transferred to the level of territories and regions, which also become subjects of political and administrative activity and form local communities.

Key words: *globalization, policy, political system, state, civil society, postindustrial society, transnational corporations.*

Селиванов Алексей Сергеевич – магистрант магистр кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.
E-mail: selivanov1654@yandex.ru

Selivanov Aleksey Sergeevich – Student of magistracy of the Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: selivanov1654@yandex.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 323.225

ЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ

Трубчанинов А.Д.

ETHNICITY AND POLITICAL CONFLICT: PROBLEM OF CONNECTION

Trubchaninov A.D.

В статье анализируется проблема взаимосвязи этноса и политического конфликта, исследуется генезис понятий «этнос», «этничность», рассматриваются основные подходы к определению этничности, а также примеры некоторых этнополитических конфликтов к. XX – н. XXI вв.

Ключевые слова: этнос, этничность, народ, политический, этнополитический, этнонациональный конфликт.

На протяжении многих веков различные этнические сообщества пребывали в конфликтном состоянии с другими этносоциальными группами по причине противоречия интересов, взглядов, идей, установок. Только за последние 20 – 30 лет мир увидел множество этнополитических конфликтов. Многие из них до сих не урегулированы. Поэтому несмотря на наличие большого количества научных публикаций, посвященных этнополитической конфликтологии, актуальной остается проблема взаимосвязи этноса и политики, а также определения, что является первичным, что – вторичным.

В настоящей статье нами делается попытка провести сопоставление между подходами к определению этничности и историческими примерами этнополитических конфликтов, таким образом, выявить, что является доминирующим – этничность или политика, и каким образом соотносятся между собой эти понятия.

Прежде, чем перейти к рассмотрению проблемы взаимосвязи этничности и политического конфликта, необходимо дать определение понятиям «этнос», «этничность».

В универсальном смысле под термином «этнос» понимается исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, характеризующаяся общими чертами и стабильными особенностями культуры [6, с. 1574]. При этом определяющим фактором выделения

этноса является общность исторической судьбы, формирующий особый тип поведения.

Само слово «этнос» (ethnos) появилось в Древней Греции, где имело несколько значений, среди которых основными были: народ, племя, группа людей, иноземное племя, язычники и т.д. Позже, в связи с латинизацией, появляется прилагательное «этнический» (ethnicos), которое использовалось в библейских текстах в смысле «языческий», «нехристианский». И лишь в XIX в. этот термин стал применяться в научной литературе в значении «народ». Во многом это заслуга известного немецкого этнолога А. Бастиана, который рассматривал понятие «народный» и «этнический» как синонимы, а под понятием «этнический» подразумевал культурно-специфический облик народа [4, с. 83].

Значительный вклад в разработку теории этноса в 20-е годы прошлого столетия внес русский этнограф С. М. Широкогоров, который считал, что этнос – это форма развития и существования человечества. Согласно его определению, «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единство, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличающих его от таковых других групп» [8, с. 13].

Под этничностью понимают свойство этнической общности, обозначающее её особенные отличия от других общностей, а также синоним более широко распространённого в российской науке понятия «этнос». Термин употребляется в русле представления о полиэтничном характере большинства современных обществ.

В целом, чёткого и общепризнанного определения термина ни в западной, ни в отечественной этнологии к настоящему времени не выработано. В российской науке он появился благодаря Западу, где изначально обобщённо обозначал «совокупность характерных культурных

черт этнической группы». Сообразно современным представлениям этничность можно представить как форму социальной организации культурных различий, состоящей из тех характеристик, которые сами члены этнической общности считают для себя значимыми, и которые лежат в основе их самосознания. К этим характеристикам относятся также обладание одним или несколькими общими названиями, общие элементы культуры, представление об общем происхождении и, как следствие – наличие общей исторической памяти. При этом присутствует ассоциация себя с особой географической территорией и чувство групповой солидарности. В качестве дополнительных критериев определения этнической общности используются различия в антропологическом виде, хозяйственной специализации, религии, языке, чертах материальной культуры [7].

Ученые выделяют несколько подходов к определению этничности. Основными подходами к этничности являются следующие: примордиалистский, инструменталистский, конструктивистский.

Рассмотрим примордиалистский подход, который еще называют эссенциализмом. Название «примордиалистский» переводится как «врожденный». Основным тезисом данного подхода является положение о естественной, врожденной связи любого человека со своей этнической группой и соответствующей культурой. Этничность – реально существующий феномен, само собой разумеющаяся данность бытия, имеющая объективную основу в природе и обществе. Это общность по крови, языку, обычаям, традициям, психическому складу людей. В отечественной литературе этого взгляда придерживались Л. Гумилев, С. Широкогоров. Этничность с точки зрения примордиалистов – неотъемлемая психологическая часть «я», а любые изменения – неестественные, навязываемые человеку.

С точки зрения примордиалистов этнический конфликт неизбежно порождается этничностью, и «в долгосрочной перспективе невозможно избежать возможных эксцессов из-за неудовлетворенного в своих притязаниях этнического национализма».

В данном подходе этничность неизбежно конфликтогенна сама по себе, а этнонациональный конфликт отличается от всех других видов конфликтов. Соответственно этнический конфликт – следствие этнических различий, поэтому не нуждается в специальном объяснении.

Что касается инструменталистского подхода, в центре внимания которого находятся не генетические или эмоциональные аспекты этнической идентичности, а ее рациональные аспекты и те функции, которые она выполняет в политической жизни общества. То есть этничность воспринимается не как данность бытия, а как инструмент и вопрос рационального выбора,

возникающий в динамике соперничества политических элит [2, с. 59].

Инструментализм опирается на социологический структурный функционализм М. Вебера о том, что представления о сходстве членов группы облегчают формирование социальной группы, но недостаточны для возникновения коллективной идентичности.

Группа людей институирует себя как этническая группа потому, что ее члены осознают, что это политически выгодно. Акцент в рамках инструменталистского подхода делается на роль этничности как средства реализации потребностей.

Исходя из основных тезисов инструменталистского подхода, этнический конфликт понимается как лишь одна из форм проявления конфликтного взаимодействия соперничающих сторон, которое скрывает проявление других конфликтов в сфере политики. То есть этнический конфликт – это следствие межгрупповых различий и следствие межгруппового соперничества за обладание экономическими, политическими ресурсами, лишь одна из форм проявления конфликтного взаимодействия соперничающих групп, которое камуфлирует в сфере политики проявление других конфликтов (экономических, политических, социальных). Сама же по себе этничность не является причиной конфликтов. Эффективным способом спровоцировать конфликт на этнической почве можно, используя этнические стереотипы. Тогда они выступают инструментом этничности.

Особый интерес представляет конструктивистский подход. Ф. Барт, норвежский этнолог и социолог первый предположил рассматривать в качестве самого главного критерия этничности границы группы, которыми она ограничивает себя от других подобных групп. Этнические границы направляют социальную жизнь в определенное русло, в результате чего образуется сложная организация общества.

Конструктивизм объединил в себе черты как примордиалистского, так и инструменталистского подходов.

Сходством с примордиалистами является то, что конструктивисты поддерживают положение о том, что этнические признаки существуют реально. Отличие заключается в том, что каждый признак может быть сходен с другими типами социальных связей. Этническая идентификация подвижна.

Сходство с инструменталистским подходом состоит в том, что ключевая роль принадлежит политике. Сама по себе этничность конфликт не порождает. Однако в отличие от инструменталистов конструктивисты полагают, что определенные конфликты могут порождаться патологическим состоянием социальной системы, которое не контролируется индивидами и элитами. И тогда источник конфликта не в этничности, а в социальной системе [2, с. 61]. Этнополитические

конфликты, происходившие в конце XX. – начале XXI вв., могут являться примером, показывающим, каким образом этнос и политика взаимодействуют друг с другом, и к какому результату это приводит. Проанализируем некоторые из них.

Одним из крайне длительных и сложных по своей разрешимости является Нагорно-Карабахский конфликт, начавшийся во второй половине 80-х гг. XX в.

В начальный период развертывания своей этнополитической специфики Нагорно-Карабахский конфликт принял форму национального движения армянского народа Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) за выход из состава Азербайджанской ССР (АзербССР) и включение автономии в состав Армянской ССР (АрмССР). Четкая этническая выраженность Нагорно-Карабахского конфликта присутствовала уже на начальном этапе конфликтного противостояния сторон. Последние стали позиционировать противоположность своих интересов именно в терминах этнического противопоставления себя другой стороне конфликта. Таким образом, в Нагорно-Карабахском конфликте сразу возникла линия этнического противостояния сторон, которые придавали этническому признаку свойство идентифицирующего характера: «армяне и азербайджанцы – противоборствующие стороны».

Необходимо отметить, что первоначальными сторонами конфликта стали этнос – инициатор выхода из состава инациональной союзной республики (армянский народ Нагорного Карабаха), и политическое руководство инациональной союзной республики, воспрепятствовавшее реализации права на такой выход. Отсюда уже в начальный период Нагорно-Карабахский конфликт стал не только этническим конфликтом, но и политическим, включившим в свое конфликтное поле политических субъектов противостояния.

Суть данного конфликта состояла в том, что одна из государствообразующих наций (народ Нагорного Карабаха) союзной республики (АзербССР), обладавшая в рамках данной республики своей собственной национально-административной автономией, пожелала выйти из ее состава и примкнуть к другой союзной республике (АрмССР). Последняя не могла остаться в данной ситуации нейтральной стороной и, учитывая, что национальное движение армянского народа Нагорного Карабаха обратилось к республиканскому руководству АрмССР с просьбой о включении НКАО в состав республики, Армянская ССР в лице своего политического руководства стала еще одним политическим субъектом Нагорно-Карабахского конфликта.

В данном конфликте доминирующую роль играла политика, хотя на первых этапах развертывания конфликтного потенциала, во второй половине 1980-х гг., политическая составляющая

конфликта была затемнена его этнической составляющей [1, с. 106].

Взаимосвязь этничности и политики можно проследить на примере Чеченского конфликта, начавшегося в 1991 г. Стоит отметить, что причины этнополитизации конфликта усиливались особенностями исторического взаимодействия Чечни и России: кавказская война, депортации и др.

Одной из основных причин усиления этнического недовольства чеченцев стала политика СССР: административно-командная, система, господствовавшая в СССР, обеспечивала полный контроль над всеми сторонами жизни автономий, лишая их какой-либо самостоятельности. Диктат Центра распространялся не только на экономику, социальную сферу и политику, но и на область культуры, науки и образования, стесняя тем самым национальное развитие местного населения.

Другим важным фактором, затрагивающим этнополитический аспект российско-чеченского конфликта, является то, что Чечня была единственной республикой в России, где переход к постсоветскому строю сопровождался национальной революцией, которая свергла старые номенклатурные элиты и оставшиеся институты советской власти. Одна из причин сравнительной легкости, с которой радикалы захватили республику, заключается в том, что, в отличие от большинства других этнических групп в СССР, чеченцам не позволяли иметь значительное представительство в руководящих органах своей собственной республики [5].

Таким образом, можно констатировать, что борьба за власть в Чеченской республике в 90-х гг. начиналась с призывов радикальных экстремистов вспомнить историческое прошлое, обратить внимание на отношение советской власти к чеченскому народу, тем самым подогревая национальную, этническую ненависть к русскому народу. В итоге этническое противостояние вылилось в борьбу политических элит, что в дальнейшем привело к началу полноценной войны.

Конфликты в странах бывшей Югославии также имеют этнополитический характер. Учитывая многонациональный состав населения новообразовавшихся государств каждый этнос желал реализовать свои интересы. Таким образом, первичными субъектами выступали именно этнические сообщества. Проанализируем кратко несколько примеров таких противоречий.

Конфликт в Хорватии (1991 – 1995 гг.) также связан с провозглашением независимости этой республикой 25 июня 1991 г. Его называют Отечественной войной, в ходе которой хорватские силы противостояли ЮНА и формированиям местных сербов, поддерживаемых властями в Белграде. В декабре 1991 г. была создана независимая Республика Сербская Краина с населением 480 тыс. человек (91% – сербы). Таким

образом, Хорватия лишилась значительной части территории.

Конфликт в Хорватии сопровождался взаимными этническими чистками сербского и хорватского населения. В ходе него погибли 20 – 26 тыс. человек (в большинстве – хорваты), около 550 тысяч стали беженцами при численности населения Хорватии около 4,7 млн человек. Территориальная целостность Хорватии была окончательно восстановлена в 1998 г.

Наиболее масштабной и ожесточенной стала война в Боснии и Герцеговине (1992 – 1995 гг.) с участием мусульман (бошняков), сербов и хорватов. Эскалация напряженности последовала за референдумом о независимости, прошедшем в этой республике 29 февраля – 1 марта 1992 г. при бойкоте со стороны большинства боснийских сербов. В столкновениях участвовали ЮНА, армия Хорватии, иностранные наемники, а также вооруженные силы НАТО.

Боснийский конфликт сопровождался массовыми этническими чистками и расправами над мирным населением. В ходе него погибли около 100 тысяч человек (в основном – мусульмане), еще два миллиона стали беженцами при довоенной численности населения Боснии и Герцеговины в 4,4 миллиона человек (когда мусульмане составляли 43,6 % населения, сербы – 31,4%, хорваты – 17,3%) [3, с. 95].

Таким образом, причиной конфликтов стран бывшей Югославии был политический вопрос – обретение независимости, создание новых суверенных государств. Если изначально конфликт имел форму этнического противостояния, а именно народов согласных и несогласных с последствиями крушения республики Югославия, то в дальнейшем такой конфликт перешел на политическую платформу, а субъектами, помимо этнических сообществ, стали и политические институты в лице международных (ООН) и военных (НАТО) организаций.

В заключение, необходимо подчеркнуть, что в XXI в. в условиях глобализации, мультикультурализма, миграционных процессов, многонационального состава большинства современных государств избежать этнополитических конфликтов достаточно сложно. Нужно учитывать, что многое зависит от политики государства в лице президента и правительства, и их толерантного отношения ко всем этническим меньшинствам, населяющим то или иное государство. Высшим органам власти многонациональных государств необходимо больше внимания уделять построению грамотной, конструктивной национальной политики, поддерживать интересы и традиции малых народов, для того, чтобы в перспективе избежать появления новых этнополитических конфликтов. Учитывая проанализированные конфликты, мы склоняемся именно к инструменталистскому подходу к

определению понятия «этничность», соглашаясь с тезисом о том, что этнический конфликт в большинстве случаев пересекается с политикой и вопросом распределения власти.

Л и т е р а т у р а

1. Агаджаня М. Этнополитическая идентификация и причины Нагорно-Карабахского конфликта / М. Агаджанян. – М. : 21-й ВЕК, 2008. – № 1. – С. 104 – 138.
2. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент : Учеб. пособие / А.Р. Аклаев. – М. : Дело, 2005. – 472 с.
3. Анникова В.А. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии / В.А. Анникова // Вестник РУДН. – М. : Кафедра политических наук Российский университет дружбы народов, 2015. – № 4. – С. 94 – 101.
4. Садохин А. П. Этнология / А.П. Садохин. – М. : Гардарика, 2006. – 287 с.
5. Саква Р. Чечня: справедливая война, которая ведется несправедливо? [Электронный ресурс] / Р. Саква. – Режим доступа : <http://poli.vub.ac.be/publi/pdf-files/05Sakwa22July11.pdf> (дата обращения 16. 12. 2016).
6. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – М. : Мысль, 1982. – 1632 с.
7. Тишков В. А. Этничность // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин, заместители предс. : А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – 348 с.
8. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С.М. Широкогоров. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2002. – 148 с.

R e f e r e n c e s

1. Agadzhanian M. Etnopoliticheskaya identifikatsiya i prichinyi Nagorno-Karabakhskogo konflikta / M. Agadzhanian. – М. : 21-y VEK, 2008. – № 1. – S. 104 – 138.
2. Aklaev A.R. Etnopoliticheskaya konfliktologiya: Analiz i menedzhment : Ucheb. posobie / A.R. Aklaev. – М. : Delo, 2005. – 472 s.
3. Annikova V.A. Etnicheskie konflikty na territorii byivshyey Yugoslavii / V.A. Annikova // Vestnik RUDN. – М. : Kafedra politicheskikh nauk Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 2015. – № 4. – S. 94 – 101.
4. Sadohin, A. P. Etnologiya / A.P. Sadohin. – М. : Gardariki, 2006. – 287 s.
5. Sakva R. Chechnya: spravedlivaya voyna, kotoraya vedetsya nespravedlivo? [Elektronnyiy resurs] / R. Sakva. – Rezhim dostupa : <http://poli.vub.ac.be/publi/pdf-files/05Sakwa22July11.pdf> (data obrascheniya 16. 12. 2016).
6. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar / Pod red. A.M. Prohorova. – М. : Myisl, 1982. – 1632 s.
7. Tishkov V. A. Etnichnost // Novaya filosofskaya entsiklopediya / In-t filosofii RAN ; Nats. obschestv.-nauch. fond ; preds. nauchno-red. sojeta V.S. StYopin, zamestiteli preds. : A.A. Guseynov, G.Yu. Semigin, uch. sekr. A. P. Ogurtsov. – 2-e izd., ispr. i dopol. – М. : Myisl, 2010. – 348 s.
8. Shirokogorov S.M. Etnos. Issledovanie osnovnyih printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavleniy / S.M. Shirkogorov. – Vladivostok : Izd-vo Dalnevostochnogo universiteta, 2002. – 148 s.

Trubchaninov A.D.
ETHNICITY AND POLITICAL CONFLICT: PROBLEM OF CONNECTION

The article analyzes the problem of the relationship of ethnicity and political conflict, explores the genesis of the concepts of ethnicity, examines the main approaches to the definition of ethnicity, some examples of ethno-political conflicts of the twentieth - XXI centuries.

Key words: *ethnicity, nation, political, ethno-political, ethnonational conflict.*

Трубчанинов Андрей Дмитриевич – магистрант кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: andreatr16@mail.ru

Trubchaninov Andrey Dmitrievich – Student of magistracy of the Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

E-mail: andreatr16@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 18.10. 2017

УДК 93/94

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Скоков А.С.

THE ETHNOSOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE DONBAS IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Skokov A.S.

В статье анализируется этническая и социальная структура населения Донбасса второй половины XIX — начала XX века. Отмечены особенности формирования этнической карты, основные занятия и профессии населения в указанный период.

Ключевые слова: этнос, социально-экономические преобразования, Донбасс.

Феномен Донбасса как особого региона включает в себя множество факторов, среди которых одним из важнейших выступает его полиэтничная структура. В регионе с такой структурой, как правило, возникает много проблем сосуществования представителей различных культур, и особенно остро эти проблемы проявляются в процессе заселения края и формирования нового промышленного субрегиона. В частности, на Донбассе этот процесс был связан с общеимперской политикой экономических преобразований в капиталистическом социуме второй половины XIX – начала XX вв. Исходя из этого, считаем важным изучение особенностей этнической и социальной структуры населения того периода, что и представляет актуальность нашего исследования.

Целью данной статьи является анализ особенностей этнической и социальной структуры Донбасса в контексте социально-экономических преобразований второй половины XIX - начала XX вв.

Вопрос формирования этноструктуры Донбасса привлекал внимание ряда ученых, как отечественных, так и зарубежных [1]. Было исследовано влияние аграрных и промышленных миграций на тенденции и динамику этноструктуры Донбасса, рост урбанизации региона, этнодемографический состав населения. Работы украинских и зарубежных исследователей отличаются достаточной добросовестностью сбора данных, анализа источников, введением в оборот новых архивных документов. Вместе с тем отмечается идеологическая ангажированность и крайне

тенденциозный подход по многим спорным вопросам истории края, что обуславливает необходимость преодоления этих негативных тенденций в новых научных разработках.

Донбасс – это исторически сложившийся регион, имеющий как географические, так и культурно-исторические рамки. В географическом смысле различают территорию «Большого Донбасса», которая включает в себя бывшие Луганскую и Донецкую области, а также части Днепропетровской и Ростовской областей (территорию Донецкого каменноугольного бассейна), и территорию «Малого Донбасса» - северную часть Донецкой (за исключением Приазовья) и южную часть Луганской (за исключением северной части – Слобожанщины) областей. Как культурно-историческая общность Донбасс сложился на стыке Новороссии и Слобожанщины, синтезировав в себе как различные субэтносы русского народа, так и представителей других наций (греки, немцы, евреи) [2].

К середине XIX в. на Донбассе, вследствие особенностей освоения территории, политики царского правительства, направленной на заселение региона, создания благоприятных условий для поселения иностранных подданных, сформировалась достаточно пестрая этноструктура. Преобладающая роль в заселении и хозяйственном освоении края принадлежала выходцам из великороссийских и малороссийских губерний.

Всего по переписи 1897 г. на Донбассе насчитывалось 30 этнических групп, что было на 22 больше по сравнению с ревизией 1858 г. [3]. В число народов, заселявших и осваивавших Донбасс, входили русские (великороссы, малороссы, белорусы), немцы, евреи, греки, армяне. Эти процессы отражают возросшую привлекательность колонизируемых территорий для трудовой миграции, как внешней, так и внутренней.

Прибывавшие на Донбасс поселенцы занимали привычные для себя производственные ниши (за исключением русских крестьян, которые в основном шли рабочими в промышленность). В сельскохозяйственном производстве большинство работников были выходцами из малороссийских губерний. Так, например, в Бахмутском, Мариупольском и Славяносербском уездах, согласно переписи 1897 г., насчитывалось 532 480 лиц, занятых в земледелии, животноводстве и переработке соответствующей продукции. Из них 61,8% составляли малороссы, 18,3% — великороссы, 8,6% — греки, 5% — немцы. В то же время основную массу работников промышленности Донбасса составляли великороссы. По данным общеимперской переписи 1897 г. их доля была следующей: в горной промышленности — 74%, в металлургической — 69%. В то же время доля малороссов составляла, соответственно, 22,3 и 20,2%. В небольшом количестве были представлены белорусы, молдаване, татары, поляки, греки, евреи и др. [3]. Таким образом, во второй половине XIX в. на Донбассе сложилось рациональное разделение труда по принципу этнической принадлежности.

В результате промышленного переворота увеличивается народонаселение региона. С 1858 по 1906 гг. численность населения Донбасса увеличилась на 54,4% и насчитывала 836094 чел. Мигранты составляли 48,6% прироста населения, поэтому их этнический состав повлиял на динамику этноструктуры региона в пореформенный период [3]. Происходит становление русского народа (и его субэтносов) как доминирующего этноса Донбасса.

В исследуемый период сложились основные пропорции этнической структуры Донбасса, которые отражали абсолютное доминирование русских (великороссов и малороссов). Свообразными этническими полюсами были Мариупольский и Старобельский уезды. Во втором малороссы составляли 83,4% населения, а в первом были представлены несколько больших групп неславянского населения: греки (19%), немцы (7,5%), татары (6%), евреи (4%). В этот период сформировались основные культурные характеристики региона — во время контактов больших групп переселенцев, основные потоки которых шли из малороссийских (37,9%) и великороссийских (46,7%) губерний [3]. Наиболее заметной чертой культуры населения Донбасса стало преобладание русского языка как родного и языка межнационального общения.

Царское правительство всячески стимулировало хозяйственное освоение Донбасса, что нашло отражение в относительно низких ценах на землю. Так, в конце XIX в. десятину земли в Екатеринославской губернии можно было купить за 60-80 руб., в то время как в Харьковской, Киевской, Курской губерниях она стоила 100-150 руб. за десятину [4]. Экономическая конъюнктура этого процесса оставалась благоприятной почти до конца

XIX в., когда поток переселенцев превысил возможности их размещения на новых землях.

Во второй половине XIX в. дальнейшее экономическое развитие ускорило изменения в этнической структуре населения Донбасса. Эти изменения были вызваны потребностями индустриализации, способствовавшей росту процесса урбанизации. Городское население пополнялось как за счет внешних миграций, так и за счет социального расслоения в сельской местности. Социальное расслоение, связанное с буржуазными реформами в черноземных губерниях Российской империи, также являлось одной из причин миграции на Донбасс.

Социально-экономические преобразования Александра II вызвали спрос на рабочих в новых индустриальных регионах. Пролетариат в основном формировался из крестьян, значительная часть которых не порывала связей с землей. В частности, на Юзовском металлургическом заводе сначала работало 425 бывших крестьян Луганской, Скотоватской, Авдеевской и Александровской волостей уезда [5]. Приходили на работу на фабрики и заводы крестьяне Орловской, Курской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, Харьковской, Черниговской, Полтавской губерний, из не входивших в состав Донбасса уездов Екатеринославской губернии. В 1871 г. в регион прибыло 82,5% рабочих из черноземной полосы России, 15,6% из малороссийских губерний и Области Войска Донского [4]. Следовательно, на Донбассе находили применение своим силам крестьяне, которым из-за уменьшения количества земли на душу населения перестало ее хватать. Таким образом, основными причинами переселения на Донбасс были: во-первых, политика царского правительства, направленная на хозяйственное освоение края; во-вторых, потребности в рабочих на новых предприятиях; в-третьих, усложнившаяся в результате реформ социальная дифференциация русской деревни.

В исследуемый период наблюдается резкое повышение добычи угля в Донбассе в результате увеличения его потребления железнодорожным транспортом, заводами пищевой промышленности, прежде всего сахарной, а позднее — южными металлургическими заводами. Вследствие увеличения потребности в угле собственники шахт поощряли рабочих относительно высокой заработной платой. Это должно было компенсировать неудовлетворительные социально-бытовые условия жизни шахтеров и крайне тяжелые условия труда. В результате высокая заработная плата привлекала все новых рабочих. Как правило, доходы шахтеров были в 1,5 – 2 раза выше, чем в родных губерниях [6]. Но тяжелый труд, низкий уровень техники безопасности и неудовлетворительные социально-бытовые условия приводили к большой текучести кадров. Данных очень мало, но перед Первой мировой войной текучесть кадров, выраженная соотношением годового количества увольнений к записям о приеме на работу среди шахтеров составляла сто процентов; текучесть

кадров среди заводских рабочих была ниже, колеблясь от двух третей до трех четвертей [7].

Большинство рабочих привлекалось из сельского хозяйства, поэтому крестьяне шли на заработки тогда, когда наступал перерыв в сельскохозяйственном труде. Спецификой формирования рабочего класса на Донбассе во второй половине XIX в. было то, что связи с землей окончательно не порывались. Следует отметить, что количество рабочих повышалось именно с октября по март, когда не было сельскохозяйственной работы. В результате работодатели были более заинтересованы в рабочих из других губерний, поскольку им было тяжелее бросить работу. Много разоренных крестьян в поисках заработка шли на сезонные работы в шахты и на заводы в промышленно-развитые регионы.

Заселение края шло рука об руку с промышленным переворотом и сопутствующими ему темпами увеличения числа рабочих. Численность работников Екатеринославской губернии в 1913 г. в сравнении с 1861-1870 гг. увеличилась в 41 раз. В конце XIX в. 46,7% всех переселенцев на Донбасс были выходцами из великороссийских губерний, из малороссийских — 37,9%, из Белоруссии — 0,8%, Кавказа — 1,8%, из других губерний — 8,4% [6]. Углублявшийся процесс урбанизации определил тот факт, что около половины вновь прибывших оседало в городах. Это определило этническую структуру городов Донбасса, в том числе их преимущественно русский облик и становление русского языка как языка межнационального общения разнообразных этнических групп, населявших Донецкий бассейн.

На рубеже XIX - XX вв. на Донбассе наблюдается обострение классовых противоречий между рабочими и руководящим персоналом шахт. Так как регион в первую очередь ассоциировался с шахтерским трудом, то отношения между его представителями формировались в результате специфики работы и условий проживания. Образовывалось своеобразное «рабочее братство», представители которого противостояли управленцам, о чем свидетельствуют неоднократно вспыхивавшие бунты и забастовки. В 1874 г. в Юзовке бастовали шахтеры, требовавшие увеличения зарплаты. Для разгона бастующих хозяин шахты Джон Хьюз привлек рабочих-прокатчиков, зарплата которых была значительно выше. Прокатчики разогнали шахтеров, предводителей бунта выслали в родные села под присмотр полиции. Также Хьюз попытался прекратить практику сезонных работ, не выдав паспорта тем рабочим, которые хотели уехать в села. Кроме того, он запретил начальнику станции продавать билеты тем рабочим, у которых не было паспорта. На следующий год работники заводов Хьюза, разозленные задержкой зарплаты, разгромили магазины и корчмы.

5 мая 1887 г. произошел бунт шахтеров шахт № 11, 18 и 19 в Рутченковом недалеко от Юзовки. Причиной стало уменьшение сезонного повышения заработной платы. Забастовка окончилась после прибытия вице-губернатора Екатеринославской

губернии с двумя батальонами. Значительно более кровавые события произошли в 1892 г. Причиной стал страх перед эпидемией холеры, которая попала на Донбасс из Астрахани. Одну крестьянку изолировали в бараке, рабочие заподозрили, что врачи решили ее убить. Взбунтовалось от пятнадцати до двадцати тысяч человек. Заводская администрация прибегла к помощи 12 Донского казачьего полка и полиции. Протестующих разгоняли прицельной стрельбой, были применены сабли и пики. Было убито несколько десятков рабочих, точное количество погибших неизвестно. Предводители восстания были арестованы и выпороты на главной площади Юзовки, некоторых забили до смерти. Шахтеры массово бежали из шахт от эпидемии и преследований, вследствие чего добыча угля упала на 60% [7].

После событий начала 1905 г. в политическом мировоззрении рабочих произошли заметные изменения. На промышленников стали смотреть не как на работодателей, а как на эксплуататоров, причем агитация революционеров из социал-демократических кружков была лишь одним из факторов этого мировоззренческого поворота. Куда большее впечатление произвели известия о событиях Кровавого воскресенья в Санкт-Петербурге и последующем правительственном терроре. Рабочие стали открыто выступать против царя, что было новым явлением. В песне тех лет были такие строки: «От Варшавы до Алтая нет дурнее Николая» [7]. Власти отвечали пулями и нагайками. В ответ начались вооруженные выступления. Рабочие вооружались всем, что попадалось под руку – самодельными копьями, охотничьими ружьями, косами. Воинственность шахтеров напомнила правящим классам о восстании Пугачева. Привлеченные к подавлению народных выступлений казаки, с одной стороны, олицетворяли государство с его аппаратом насилия, с другой – некоторые казацкие полки присоединились к всеобщему бунту. События 1905 г., несмотря на подавление восстания, оказали огромное влияние на последующие события. Главным итогом первой русской революции было падение авторитета царского правительства и лично царя, что сыграло огромную роль в последующих судьбах как Российской империи в целом, так и Донбасса в частности. Таким образом, недальновидная политика властей оказала определенное влияние на восприимчивость населения Донбасса к революционным идеям.

Таким образом, буржуазные реформы второй половины XIX в. оказали значительное влияние на хозяйственно-промышленную структуру края. В пореформенный период наблюдается масштабное увеличение темпов заселения территории Донбасса, развитие процессов урбанизации, промышленного освоения региона, прежде всего его угольных месторождений. Этносоциальная структура населения отличалась преобладанием представителей великорусского и малорусского этносов, а также наличием представителей около 30 других

национальностей (греки, немцы, евреи и др.). В результате неадекватной политики властей население Донбасса оказалось восприимчиво к протестным настроениям. Несмотря на значительное увеличение количества и связанное с этим повышение плотности населения при наличии представителей большого числа национальностей крупных межнациональных конфликтов на Донбассе удалось избежать, что определяет необходимость использования более чем двухвекового опыта совместного проживания разных народов на нашей земле и стимулирует дальнейшую научную разработку проблемы в целях обуздания агрессивного и воинствующего национализма, захлестнувшего значительную часть территории постсоветского пространства.

Л и т е р а т у р а

1. Гироаки К. Свобода і терор у Донбасі. Україно-російське прикордоння, 1870 – 1990 роки. — К.: Основи, 2002. — 512 с.; Кононов І. Ф. Донбасс: етнічні характеристики регіону // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2003. № 2. — С. 72 - 98; Маргулов А. Х. Урбанізація Донбасу у 1861 – 1917 роках. дис. к. і. н. – Донецьк, 2005; Молчанов В. Б. Донбас у системі соціально-демографічних та економічних процесів (XIX–початок XX ст.): Інститут історії України НАН України, 2015. – 106 с.; Михненко А. М. Історія Донецького басейну другої половини XIX – першої половини XX ст. Автореф. дис. канд. іст. наук. — Дніпропетровськ, 2001; Николаєць Ю. О. Поселенська структура населення Донбасу: етнополітичний аспект динаміки. — К.: ІПІЕНД ім. І.Ф. Кураса, 2012. — 188 с.; Пашина Н. П. Формування етноструктури Донбасу в контексті соціально-економічних перетворень краю пореформеного періоду (1861 – 1900 рр.): Автореф. дис. канд. іст. наук. — К., 1997. – 24 с.
2. Фадеев С. В. Словарь сокращений современного русского языка. — СПб.: Политехника, 1997. — 527 с.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XIII. Екатеринославская губерния. — Издание Центрального статистического комитета МВД. — Под редакцией Н. А. Тройницкого. — СПб, 1904.
4. Николаєць Ю. О. Поселенська структура населення Донбасу: етнополітичний аспект динаміки. С. 103.
5. ЦГИА Украины, г. Киев. Ф.2090. Окружной фабричный инспектор Харьковского округа, оп. 1, д. 4. Список промышленных предприятий Екатеринославской губернии на 1900 г. 1900 г., 40 л.
6. Молчанов В. Б. Донбас у системі соціально-демографічних та економічних процесів (XIX–початок XX ст.). С. 56.
7. Гироаки К. Свобода і терор у Донбасі. Україно-російське прикордоння, 1870 – 1990 роки. С. 97.

R e f e r e n c e s

1. Giroaki K. Svoboda i teror u Donbasi. Ukraïnosïyske prikordonnya. 1870 – 1990 roki. — K.: Osnovi. 2002. — 512 s.; Kononov I. F. Donbass: etnichni kharakteristiki regionu // Sotsiologiya: teoriya. metodi.

marketing. — 2003. № 2. — S. 72 - 98 ; Margulov A. Kh. Urbanizatsiya Donbasu u 1861 – 1917 rokakh. dis. k. i. n. – Donetsk. 2005; Molchanov V. B. Donbas u sistemi sotsialno-demografichnikh ta ekonomichnikh protsesiv (XIX–pochatok XX st.): Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni. 2015. – 106 s.; Mikhnenko A. M. Istoriya Donetskogo baseynu drugoi polovini XIX – pershoi polovini XX st. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. — Dnipropetrovsk. 2001; Nikolaets Yu. O. Poselenska struktura naselennya Donbasu: etnopolitichniy aspekt dinamiki. — K.: IPIEND im. I.F. Kurasa. 2012. — 188 s.; Pashina N. P. Formuvannya etnostrukturi Donbasu v konteksti sotsialno-ekonomichnikh peretvoren kraju poreformenogo periodu (1861 – 1900 rr.): Avtoref. dis. kand. ist. nauk. — K.. 1997. – 24 s.

2. Fadeyev S. V. Slovar sokrashcheniy sovremennogo russkogo yazyka. — SPb.: Politehnika. 1997. — 527 s.

3. Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. XIII. Ekaterinoslavskaya guberniya. – Izdaniye Tsentralnogo statisticheskogo komiteta MVD. – Pod redaktsiyey N. A. Troynitskogo. — SPb. 1904.

4. Nikolaets Yu. O. Poselenska struktura naselennya Donbasu: etnopolitichniy aspekt dinamiki. S. 103.

5. TsGIA Ukrainy, g. Kiyev. F.2090. Okruzhnoy fabrichnyy inspektor Kharkovskogo okruga. op. 1. d. 4. Spisok promyshlennykh predpriyatiy Ekaterinoslavskoy gubernii na 1900 g. 1900 g., 40 l.

6. Molchanov V. B. Donbas u sistemi sotsialno-demografichnikh ta ekonomichnikh protsesiv (XIX–pochatok XX st.). S. 56.

7. Giroaki K. Svoboda i teror u Donbasi. Ukraïnosïyske prikordonnya. 1870 – 1990 roki. S. 97.

Skokov A.S.

THE ETHNOSOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE DONBAS IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

In the article analysed the ethnic and social structure of population of Donbas of the second half of XIX - beginning of XX of century. The features of forming of ethnic map, basic employments and professions of population, are marked in an indicated period.

Key words: *ethnos, socio-economic transformation, Donbas.*

Скоков Антон Сергеевич – ст. преп. кафедры отечественной и всеобщей истории ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: sckockov.anton@yandex.ru

Skokov Anton senior lecturer department of Domestic and General History of the Luhansk National University named after Vladimir Dal.

E-mail: sckockov.anton@yandex.ru

Рецензент: *Бельдюгин В.А.*, к.и.н., доц., зав. каф. отечественной и всеобщей истории ГОУ ВПО «Далецкий университет»

Статья подана 23.11.2017

УДК 94(477)

ВОПРОС ВЕРХНЕГО НИЛА И ЕГО РОЛЬ В «БИТВЕ ЗА АФРИКУ»**Харьковский Р.Г.****THE QUESTION OF THE SUPREME NILE
AND ITS ROLE IN THE "BATTLE FOR AFRICA"****Kharkovskii R.G.**

В статье анализируется процесс обострения колониального соперничества за контроль над Суданом между Великобританией и Францией. Также рассматривается эволюция египетского вопроса в 1880 годы и взаимосвязь колониальной политики с развитием противостояния в регионе Верхнего Нила. Открытие Суэцкого канала привело к тому, что колониальные интересы обоих государств в Африке столкнулись. Особое место в исследовании уделяется событию 1882 г. – восстание в Египте и британская оккупация страны.

Ключевые слова: Суэцкий канал, восстание, оккупация, Кэ д'Орсэ, хедив.

Немногим более шести лет назад, 14 января 2011 года, президент Туниса Зин эль-Абидин Бен Али под давлением со стороны западных государств и массовых протестов в самом Тунисе был вынужден покинуть свой пост и оставить страну. Этот день условно можно считать началом «арабской весны», захлестнувшей вскоре большую часть Ближнего Востока и Северной Африки. Последствия серии «цветных» революций многие страны ощущают даже сейчас, и до сих пор сложно сказать, чего еще стоит ожидать в ближайшем будущем.

Все эти события придают особую актуальность изучению истории международных отношений в этом регионе. Исследование корней подобных противостояний, происходивших на этой территории в прошлом, на наш взгляд, может облегчить процесс решения международных конфликтов в этом регионе в настоящем и предотвратить их появление в будущем.

Проблемы истории международных отношений в регионе Ближнего Востока и в Северной и Восточной Африке освещены в работах таких представителей ближнего и дальнего зарубежья, как К. М. Базили, М. Г. Муравьев, В. М. Виноградов, В. П. Георгиев, Н. А. Дулина, М. О. Ерофеев, О. И. Жигалина, А. Дебидур, Н. С. Киняпина, Е. Лавис, А. Рамбо, А. З. Манфред, А. Д. Новичев, Ф. А. Ротштейн, Е. В. Тарле, М. Т. Панченкова, М. Н. Тодорова, Г. О. Нерсесов, Г. Л. Бондаревский,

С. Р. Смирнов, В. О. Субботин, И. С. Рыбаченок, М. С. Андерсон, Ч. Вебстер, Ф. Бейли, Дж. Марриот, Ф. Мозели, В. Пюр'и, Ф. Родки, М. Сабри и др. Значительный вклад в изучение ближневосточной и африканской политики стран Западной Европы и США внесли отечественные исследователи: О. А. Коппель, М. С. Бурьян, О. Б. Демин, О. Г. Захарчук, В. Ададуров, Б. Г. Гончар, К. А. Русаков, В. В. Савенков, А. А. Айвазян и др. Тем не менее отдельные аспекты истории зарождения и развития колониальной политики европейских государств в этом регионе, на наш взгляд, являются недостаточно изученными в отечественной историографии.

Данная статья представляет собой попытку проследить процесс обострения колониального соперничества за контроль над Суданом (Верхним Нилом) между Великобританией и Францией от восстания махдистов до Фашодского конфликта.

В конце XIX века в Европе стало появляться много информации о Судане. История этой страны, где протекает Верхний Нил, была тесно связана с Египтом, а ее судьба не могла не интересовать державы, стремившиеся к колониальному разделу «черного континента». Поэтому не обратившись к истории завоевания Судана в XIX в., невозможно в полной мере понять причины Фашодского кризиса 1898 г.

В 1820 – 1822 гг. отборная четырёхтысячная турецко-египетская армия под руководством внука правителя Египта Мухаммеда Али Исмаил-паши, покорила весь Северный и Центральный Судан. Это завоевание и дальнейшее египетское господство, по сути, превратило ранее раздробленную территорию Судана в единую страну, что способствовало развитию экономики и торговли. Росли торговые связи Судана с внешними рынками: Англией, Германией, Индией, Италией, Турцией, Францией, Эфиопией. Египетские власти активно проводили в Судане политику «арабизации» и параллельно с этим, начиная с правления Мухаммеда Али, часто приглашали в Судан в качестве советников европейцев, рассчитывая на то, что передовой опыт

Европы поможет модернизировать страну. Эта тенденция постепенно превратилась в традицию [2, 29-35].

После открытия Суэцкого канала (1869) значение Судана для европейских стран, в частности, для Англии и Франции, значительно возросло в связи с заинтересованностью последних в восточноафриканских странах, граничивших с Суданом. Между тем торжественное открытие Суэцкого канала императрицей Евгенией, безусловно ставшее апогеем колониальных амбиций Наполеона III, принесло Второй империи очень непродолжительный успех в колониальном соперничестве с Великобританией за Африку. Вскоре поражение Франции в войне с Пруссией (1870-1871), создание Третьей Республики и дипломатическая изоляция вынудили французские правящие круги практически на десять лет отойти от проведения активной колониальной политики, что, безусловно, подтолкнуло Англию к активизации своей колониальной политики в целом и в северо-восточной Африке в частности.

Однако Судан де-юре входил в состав Османской империи и находился под властью хедивов Египта. Не желая провоцировать конфликт с Портой и Египтом, Англия проводила свою экспансию под видом помощи Египту в борьбе с работорговлей. Используя этот официальный предлог, в 1869 г. Лондону удалось организовать военную экспедицию в Судан под эгидой хедива и на деньги египетской казны, но под руководством англичанина С.У.Бейкера. В результате его похода были покорены южные области Судана и созданы провинции Бахр-эль-Газаль и Экваториальная. Первым губернатором Экваториальной провинции был назначен сам Бейкер. Пять лет спустя Бейкера на посту губернатора Экваториальной провинции сменил генерал Ч. Д. Гордон, который в 1877 г. получил должность генерал-губернатора всего Египетского Судана. Собственно Бейкер и Гордон, «две выдающиеся личности», впервые серьезно «открыли» Судан для английского общества [Там же, 43-45].

Засилье европейцев на высших постах, многолетнее египетское владычество, бедность и постоянное увеличение налогов вызывали недовольство в народе. Однако после того как в 1875-1878 гг. Великобритания установила контроль над финансами Египта, хедив (находясь во власти лондонских финансистов) был вынужден смотреть сквозь пальцы на деятельность британских подданных, что давало Гордону полную свободу действий в проведении политики, направленной на вовлечение Судана в сферу британских интересов. Итогом политики Гордона стали народные выступления 1877-1879 гг. в Дарфуре и Бахр-эль-Газале. Напуганный размахом народных волнений, Гордон приказал расстрелять захваченных предводителей восстания. Действия генерал-губернатора вызвали волну возмущения и

недовольства в народных массах и серьёзно дискредитировали христиан в глазах исламского общества. Пытаясь разрядить обстановку, новый хедив Египта Тевфик в июле 1879 г. отозвал Гордона в Каир. Однако действия хедива не принесли желаемого результата, и два года спустя (1881) началось восстание под руководством мусульманского проповедника Мухаммеда Ахмеда. Это восстание сочетало в себе религиозные устремления и желание народа любой ценой освободиться от европейских руководителей и турецко-египетских феодалов, недовольство народа внутренней политикой египетско-европейского правительства. Когда Мохаммед Ахмед ибн-Абдала объявил в 1881 г. в дни Рамадана, что он Махди-аль Мунтазар, большая часть мусульманского населения, страдавшая от бедности и произвола европейцев, поддержала самопровозглашенного пророка. За короткий период армия Махди превратилась в серьёзную силу, стремившуюся положить конец египетскому господству в Судане. Между тем восстание назревало не только в Судане. В начале 80-х годов XIX в. практически вся долина Нила была охвачена национально-освободительным движением. События 1881-1882 гг. в Египте, приведшие в итоге к британской оккупации этой страны, существенно отвлекли внимание и силы англичан от Судана, что позволило восстанию махдистов развиваться и окрепнуть. После оккупации Египта ответственность за поддержание порядка в мятежном Судане легла на плечи Кромера. Первоначально, не желая распылять силы, он старался не вмешиваться во внутренние дела Судана, но вскоре ситуация вышла из-под контроля [Там же, 53-59].

К сентябрю 1882 г. обстановка в стране сложилась благоприятно для восставших. Войска хедива с большим трудом удерживали города Абу-Хараз, Коркои, Сеннар. В то же время Ашаф, Биркет, Таяра, Шат один за другим перешли в руки повстанцев. В 1883 г. положение стало критическим — к этому времени уже значительная часть Судана находилась под контролем махдистов. 5 ноября отряды Махди нанесли сокрушительное поражение египетской армии под командованием англичанина генерала Хикса на подступах к Эль-Обейду. Кроме того, значительная часть египетских солдат поддержала восставших и перешла на их сторону. Новость о разгроме армии Хикса, которая считалась сильнейшей в Египте, способствовала распространению восстания на всё новые и новые области и районы, что вызвало серьёзное беспокойство в британских и египетских правящих кругах.

Однако мнения разделились. Британский министр иностранных дел Гренвиль при сложившихся обстоятельствах выступал за оставление Судана, считая, что в противном случае британское правительство понесет большие финансовые расходы и людские потери. Более того,

по его мнению, даже при успехе мероприятия (использовании в Судане британских или индийских войск) это принесло бы «сомнительную пользу Египту» [Цит. по: 2; 59]. Лорд Кромер в своих отчётах, также характеризовал состояние дел в Судане как «исключительно серьёзное» [Там же] и признавал, что наиболее приемлемым выходом для правительства хедива будет эвакуировать армию и отойти к той позиции на Ниле, которую оно точно сможет удержать [Там же]. В тоже время египетское правительство предлагало удерживать Хартум [Там же]. Как опытный колониальный администратор, Кромер объективно оценивал ценность Судана и его стратегическое значение для Великобритании и Египта. Между тем он понимал и другое: в сложившейся ситуации у египетской армии в Судане практически не было шансов, она терпела поражение за поражением и могла быть полностью уничтожена. В результате Кромеру пришлось поддержать Гренвиля.

За удержание позиций в Судане выступал генерал Бейкер, который в начале 1884 г. писал Кромеру об ошибочности выведения войск из мятежного края. Но в тот период точка зрения генерала, не пользовалась поддержкой в британском правительстве и обществе.

Ситуация в Судане также являлась предметом активного обсуждения во французских правящих кругах. В ноябре 1883 г. посол Франции в Константинополе писал Ж. Ферри, что в Стамбуле высказывали серьёзные опасения по поводу сложившейся ситуации. При дворе султана опасались, что восстание в Судане может послужить прекрасным поводом для того, чтобы отсрочить эвакуацию британских войск из Египта.

Между тем в военном министерстве Великобритании заявляли о намерении «эвакуировать войска из Египта», как только хедив будет способен самостоятельно управлять и обстановка в Судане «не будет вызывать беспокойства» [1; 144]. Такие высказывания британских военных недвусмысленно давали понять, что восстание махдистов являлось важным предлогом, оправдывающим, по мнению лондонских политиков, пребывание королевских вооружённых сил в долине Нила.

В то же время в Лондоне было принято решение об оставлении Судана вплоть до «определённых границ» [Там же, 145]. В начале января 1884 г. это решение официально вступило в силу. По словам современников, в тот период британское правительство должно было решать другие «более важные» задачи, чем защита сомнительных владений [Там же].

Однако в Лондоне всё не было однозначно. Отдельные общественные деятели и политики в этот период отмечали, что кризис на Верхнем Ниле был следствием нерациональной политики кабинета Гладстона в регионе. Наиболее активно с обвинениями в адрес правительства и премьера

выступал генерал Гордон, который часто в своих статьях открыто обвинял правительство Гладстона в некомпетентности, говоря об ошибочности эвакуации войск из Судана. Такая оппозиционная позиция принесла Гордону немалую популярность в английском обществе. Между тем в частной переписке он был полностью солидарен с решением правительства оставить Судан и рассматривал его, как «бесполезное владение» [Там же].

В свою очередь дальнейшее развитие событий в Судане складывалось для англичан ещё менее благоприятно. В апреле 1884 г. в результате мятежа в Восточном Судане, возглавленного одним из последователей Махди - Осман Дигном, дервиши установили контроль над Экваториальной провинцией, что фактически означало полное поражение армии хедива. Сложившаяся ситуация (в Судане) вызвала широкий резонанс в британском обществе. Резкой критике подверглись действия как Лондона, так и Каира. Вопрос об эвакуации войск из Судана остро стоял на повестке дня. В этой сложной ситуации между британским и египетским правительствами возникли разногласия относительно кандидатуры ответственного за проведение эвакуации. В Каире предлагали возложить эту миссию на бывшего генерал-губернатора Судана – Абд аль-Кадир-пашу, однако в Лондоне, несмотря на неодобрение Кромера, настояли на кандидатуре генерала Гордона. 24 января Гордон прибыл из Лондона в Каир.

Изначально перед Гордоном были поставлены сложные и трудноразрешимые задачи. Генералу предстояло провести эвакуацию египетских отрядов без помощи британских вооружённых сил. Более того, он должен был добиться прекращения восстания и вернуть провинцию под контроль хедива. Прибыв в Хартум, Гордон начал активные действия по реализации поставленных перед ним задач. Между тем в Лондоне сильно недооценили сложившуюся ситуацию. 26 мая повстанцы заняли г. Бербер. Связь между Хартумом и Каиром была оборвана. Все пути отступления на север были перерезаны. В начале сентября армия генерала потерпела сокрушительное поражение. И Гордон оказался в осаждённом Хартуме. Однако генерал не терял веры в успех, ожидая свежих военных подкреплений. По этому поводу (военной экспедиции в Судан) он вел переписку с Кромером с первых дней своего пребывания в Хартуме. Кромер поддержал Гордона и ещё в апреле 1884 г. обратился с этим вопросом к британскому правительству. Однако только 8 августа парламент решил организовать экспедицию по спасению Гордона, на которую было отпущено 300 тыс. ф. ст. [2; 70] Руководителем семитысячного экспедиционного корпуса был назначен лорд Волсли. Но помощь опоздала всего на 2 дня. 23 января 1885 г. суданские войска взяли Хартум; Гордон, отважно руководивший обороной города в течение почти 300 дней, был убит [Там же, 71].

Смерть английского генерала получила большой общественный резонанс не только в Великобритании, но и во всей Европе.

Британское правительство оказалось в весьма трудном положении. После взятия Хартума махдистам удалось за короткий период (лето 1885 г.) захватить Донголу, Кассалу, Сеннар и почти полностью взять страну под свой контроль [Там же, 71-72]. К тому же международная обстановка также складывалась не в пользу Англии.

С одной стороны, Франция, не примирившись с потерей Египта, активно проводила свою колониальную политику в Центральной Африке. При этом на Кэ д'Орсэ не исключали расширение французских владений вплоть до Верхнего Нила. В то же время глава министерства иностранных дел Франции Ж. Ферри полагал, что неудачи Великобритании в Судане могут принести Лондону политическую выгоду, так как предоставят прекрасный повод передать Египет «в руки англичан навсегда» [Цит по: 3; 147], чего в Париже старались никак не допустить. С другой стороны, Германия, используя противоречия между Великобританией, Россией и Францией, к середине 80-х гг. смогла захватить часть Юго-Западной Африки, Камеруна, Того, а также укрепились в Восточной Африке, в непосредственной близости к Судану и Эфиопии.

По мнению российской исследовательницы А. А. Айвазян, «главной причиной», вызывавшей оживленный интерес к Судану в первые годы после британской оккупации долины Нила 1882 г., было «стратегическое расположение страны, прямо на границах с Египтом, в регионе Верхнего Нила» [1; 147]. Между тем, «вероятно, британцы сами до конца не были уверены» в необходимости контроля над Суданом. Поэтому в Лондоне считали нецелесообразным посылать дорогостоящие экспедиции, «грозящие серьезными» людскими и материальными «потерями» [Там же].

В апреле 1885 г. британский парламент принял решение вывести англо-египетские войска из Судана и «не предпринимать» каких-либо «наступательных операций» [2; 72]. В результате передовые части армии хедива, подкрепленные британскими воинскими подразделениями, заняли оборону у Вади-Хальфы.

С этого времени на протяжении тринадцати лет (1885-1898) в Судане существовало государство махдистов, возглавляемое после смерти самого Махди (1885) его учеником Абдаллахом. Советский востоковед С. Р. Смирнов считал, что даже после эвакуации из Судана англо-египетских войск борьба Великобритании против махдистов «не прекращалась» [2; 115]. «Она приняла лишь иные формы» [Там же]. По его мнению, эта борьба трансформировалась и проходила (с 1885 по 1896 гг.) главным образом на уровне дипломатов, военных резидентов и тайной агентуры [Там же]. Историк отмечал, что в этом противостоянии

«британская дипломатия добилась несомненных успехов» [Там же], значительно поспособствовала военному столкновению между махдистским Суданом и Эфиопией [Там же]. В начале 1890-х годов британское руководство начало пересматривать политику в отношении Судана и подготавливать планы по завоеванию этой страны.

Английский исследователь Г.Н. Сандерсон указывал на то, что завоевание этой территории было вопросом имперского престижа Великобритании [3; 210].

Первоначально в Париже Судан рассматривался лишь как экономический придаток Египта. Французские политики не имели никаких существенных интересов в этом районе. Между тем Судан был тесно связан с Египтом, а египетский вопрос всегда (начиная с XVII в.) был актуальным для французской дипломатии и, как справедливо отмечал историк А. Дж. П. Тэйлор, «было невозможно отделить Верхний Нил от египетского вопроса» [4; 79].

После опубликования исследований Верхнего Нила французского инженера Виктора Прома интерес к Судану как в самой Франции, так и в Европе в целом, значительно возрос. В начале 1893 г. Пром предоставил президенту Третьей Республики отчет об исследованиях в Судане. По его мнению, контроль над водами Верхнего Нила (построить там дамбу) дал бы возможность «угрожать Египту засухой или же неистовым наводнением» [1; 148]. Эти утверждения Прома произвели сильное впечатление на президента Сади Карно и, как следствие, поставили суданский вопрос в разряд приоритетных направлений французской колониальной политики. Впервые в Париже серьезно задумались об оккупации Фашоды.

На Кэ д'Орсэ рассчитывали за счет угрозы в Судане хотя бы частично вернуть Франции утраченные позиции в Египте. Дипломатическая активность Франции в суданском вопросе была существенным инструментом давления на Лондон в египетских делах. Один из ярых французских колониалистов капитан Монтель утверждал, что «Египет без Судана, это бессмысленное владение» [Цит. по: 1; 148].

В течение 1893-1898 гг. правительство Третьей Республики отправило ряд африканских экспедиций на Верхний Нил, что недвусмысленно свидетельствовало о важности суданского направления в политике французского министерства колоний. К тому же именно в этот период по обе стороны Ла-Манша появились долгосрочные планы построения непрерывной цепи колониальных владений в Африке. В Лондоне важнейшим африканским колониальным проектом стала идея создания непрерывной цепи владений от Каира до Кейптауна, в Париже – от Дакара до Джибути. В результате заранее было понятно, что колониальные интересы обоих государств в Африке неминуемо

столкнутся в районе Судана, на который они оба претендовали.

В то время в регионе Центральной Африки большой интерес имел бельгийский король Леопольд II. Он с большой опаской наблюдал за возросшим интересом Третьей Республики к Судану и соседним к нему территориям, в частности, к бассейну Конго, который король рассматривал, как зону своего влияния. 4 февраля 1894 г. между Парижем и Берлином было подписано соглашение о Камеруне. Оно сводилось к тому, что немцы обещали не препятствовать французской экспансии на Верхнем Ниле в обмен на признание Францией притязаний Германии на Камерун. В сложившейся ситуации в Лондоне было принято решение пойти на сближение с Бельгией, чтобы максимально изолировать французов в районе Верхнего Нила и обострить отношения между Парижем и Брюсселем. 12 мая 1894 г. было подписано соглашение, по которому суверен свободного государства Конго (Леопольд II) получал от Великобритании в пожизненную аренду левый берег Нила от оз. Альберт вплоть до Фашоды и часть территории Бахр-эль-Газала. Взамен Леопольд II предоставлял Англии, также на условиях аренды, полосу земли шириной в 25 км, проходившую вдоль восточной границы Конго с юга на север до оз. Танганьика. Сделкой были довольны обе стороны. Король получил перспективы расширения Свободного государства Конго за счёт Южного Судана, а Англия стала на шаг ближе к реализации проекта создания непрерывного массива колониальных владений от Каира до Кейптауна [2; 133-134].

Однако это соглашение создавало существенные препятствия продвижению Третьей Республики в долину Верхнего Нила. Франция, заручившись в этом вопросе поддержкой Германии, энергично выступила против англо-бельгийского договора. Скоро соглашение было несколько изменено. По новой трактовке договора Брюссель признавал английскую сферу влияния в районе Верхнего Нила, в отношении арендованных территорий в целом всё осталось практически без изменений.

В Париже энергично протестовали против этого договора. Французские притязания были поддержаны Берлином. Однако в Лондоне отреагировали на это спокойно и идти на уступки Франции не собирались. Как отмечает А. Дж. П. Тэйлор, политику Британии в Африке в этот период направлял Перси Андерсон, специалист по африканским делам в Форин Офис. Андерсон считал, что добрососедские отношения с Францией не стоят того, чтобы жертвовать своим влиянием в Африке [4; 60]. На Кэ д'Орсэ находились в тяжелом положении, с одной стороны, французы пытались не обострять и без того напряженные франко-британские отношения, с другой стороны, в Париже не хотели упускать перспектив дальнейшего проникновения в Судан. Международная ситуация

складывалась также не в пользу Третьей Республики, Австро-Венгрия и Италия поддержали Великобританию; в Берлине хоть и осудили англо-бельгийское соглашение, но все же не собирались приступать к активным действиям против туманного Альбиона. Россия также вела себя нерешительно. Французская дипломатия пыталась «мягкими методами» добиваться пересмотра и отмены некоторых статей соглашения, которые, по мнению Парижа, были наиболее неприемлемыми. В результате в Лондоне пошли на незначительные уступки и отказались от статьи 3, в соответствии с которой они арендовали у Леопольда маленький район на территории бельгийского Конго. На Кэ д'Орсэ было принято решение искать сближения с Бельгией.

В результате Парижу и Брюсселю удалось заключить соглашение, по которому спорные вопросы в бассейне реки Конго были урегулированы, а французы получили возможность продвигаться в район Верхнего Нила. Таким образом, дипломатам Кэ д'Орсэ удалось нивелировать значение англо-бельгийского договора. В то же время Конголезский кризис 1894 г. показал британским правящим кругам необходимость пересмотра политики «блестящей изоляции». Если ранее в Лондоне были твердо убеждены в том, что внешнеполитические противоречия европейских (континентальных) держав не позволят им создать антибританский союз, то произошедший эпизод свидетельствовал об ошибочности такого убеждения.

Л и т е р а т у р а

1. Айвазян А. А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. - М., 2014.
2. Смирнов С. Р. История Судана (1821-1956) [Текст] : научное издание / С. Р. Смирнов. - М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1968. - 295 с.
3. Sanderson G.N. England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh: University Press, 1965.
4. Taylor A. J. P. Prelude to Fashoda: The Question of the Upper Nile, 1894-5 // The English Historical Review. Vol. 65. No. 254. Jan. 1950. Pp. 52 – 80.

R e f e r e n c e s

1. Aivazyan A.A. Egiptskii vopros v mejdunarodnih otnosheniyah v konce XIX – nachale XX vv.. Dissertaciya na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. nauk. M. _ 2014.
2. Smirnov S. R. Istoriya Sudana _1821_1956, [Tekst] _ nauchnoe izdanie / S. R. Smirnov. _ M. _ Nauka_ Glav. red. vost. lit. _ 1968. _ 295 s.
3. Sanderson G.N. England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh: University Press, 1965.
4. Taylor A. J. P. Prelude to Fashoda: The Question of the Upper Nile, 1894-5 // The English Historical Review. Vol. 65. No. 254. Jan. 1950. Pp. 52 – 80.

Kharkovskii R.G.

**THE QUESTION OF THE SUPREME NILE AND ITS
ROLE IN THE "BATTLE FOR AFRICA"**

The article analyzes the process of exacerbating the colonial rivalry for control over Sudan between Britain and France. The evolution of the Egyptian question in the 1880s and the interrelationship of colonial policy with the development of confrontation in the Upper Nile region are also considered. The opening of the Suez Canal led to the fact that the colonial interests of both states in Africa collided. A special place in the study is given to the event in 1882 - the uprising in Egypt and the British occupation of the country.

Key words: *Suez Canal, insurrection, occupation, Ke d'Orsay, Khedive.*

Харьковский Руслан Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой

экономики и транспорта, Антрацитовский факультет горного дела и транспорта Луганского национального университета имени Владимира Даля.

E-mail: wwwryslans@mail.ru.

Kharkovskii Ruslan, candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of economy and transport, Anthracite faculty of mining and transport of the Luhansk national University named after Vladimir Dahl.

E-mail: wwwryslans@mail.ru.

Рецензент: *Саидов Зиявудин Абасович*, к.и.н., доц., зав. каф. всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.

Статья подана 15.11.2017

УДК 94(477)

**АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ КОЛОНИАЛЬНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА: «ПУТЬ К ФАШОДЕ»****Харьковский Р.Г., Саидов З.А.****ANGLO-FRENCH COLONIAL COMPETITION IN THE NORTH-EASTERN
AFRICA AT THE END OF THE XIX CENTURY: "THE WAY TO THE FASHODA"****Kharkovskii R.G., Saidov Z.A.**

В статье анализируется процесс обострения колониальных противоречий между Францией и Великобританией за контроль над Судано-египетским субрегионом. Также рассматривается эволюция египетского и суданского вопросов в колониальной политике Англии и Франции в 1880-1890-е годы: от британской оккупации Египта до «неизбежности» столкновения в Фашоде.

Ключевые слова: оккупация, Кэ д'Орсэ, хедив, Фашода.

В конце XIX века Англия и Франция доминировали в процессе колониального раздела территорий «чёрного континента». К этому времени по обе стороны Ла-Манша имели собственные колониальные проекты, связанные с будущим использованием присоединяемых земель. В Лондоне стремились реализовать проект создания непрерывной колониальной империи от Каира до Кейптауна, в Париже – от Дакара до Джибути. Таким образом, заранее было прогнозируемо, что интересы обеих держав столкнутся именно в Судане, который входил в оба проекта.

Проблемы истории внешней и колониальной политики европейских держав на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке освещены в работах таких представителей ближнего и дальнего зарубежья, как: Л.Ш. Ахмедова, К.М. Базили, Г.Л. Бондаревский, И.И. Васин, Т.Н. Гелла, П. Дармштеттер, Н.А. Ерофеев, А.С. Ерусалимский, Ю.Н. Зотова, А.З. Зусманович, А.З. Манфред, А.Д. Новичев, Г.А. Нерсесов, М.Т. Панченкова, И.Д. Парфенов, Ф.А. Ротштейн, И.С. Рыбаченок, С.Р. Смирнов, В.А. Субботин, Е.В. Тарле, В.А. Трофимов, П.П. Черкасов, Ж. Шарль-Ру, Г. Аното, Дж. Марриот, А. Рим, М. Сабри, А. Вандаль и др.

Значительный вклад в изучение ближневосточной и африканской политики стран Западной Европы и США внесли отечественные исследователи: М. С. Бурьян, Б. М. Гончар,

О. Б. Демин, О. Захарчук, Е. А. Коппель, К. А. Русаков, В. В. Савенков, В. Самчук, и др. Тем не менее, история зарождения и эволюции колониальной политики европейских держав в этом регионе, на наш взгляд, является недостаточно изученной в отечественной историографии.

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть историю обострения англо-французского колониального соперничества в Африке в конце XIX века, приведшего в 1898 г., в Фашоде, обе державы на грань войны.

В конце XIX века в Европе стало появляться много информации о Судане. История этой страны, где протекает Верхний Нил, была тесно связана с Египтом, а ее судьба не могла не интересовать державы, стремившиеся к колониальному разделу «черного континента». Поэтому, не обратившись к истории завоевания Судана в XIX веке, невозможно в полной мере понять причины Фашодского кризиса 1898 г.

В 1820-1822 гг. отборная четырёхтысячная турецко-египетская армия под руководством внука правителя Египта Мухаммеда Али Исмаил-паши покорила весь Северный и Центральный Судан. Это завоевание и дальнейшее египетское господство, по сути, превратило ранее раздробленную территорию Судана в единую страну, что способствовало развитию экономики и торговли. Росли торговые связи Судана с внешними рынками: Англией, Германией, Индией, Италией, Турцией, Францией, Эфиопией. Египетские власти активно проводили в Судане политику «арабизации» и параллельно с этим, начиная с правления Мухаммеда Али, часто приглашали в Судан в качестве советников европейцев, рассчитывая на то, что передовой опыт Европы поможет модернизировать страну. Эта тенденция постепенно превратилась в традицию [2, 29-35].

После открытия Суэцкого канала (1869 г.) значение Судана для европейских стран, в

частности, для Англии и Франции, значительно возросло в связи с заинтересованностью последних в восточноафриканских странах, граничивших с Суданом. Между тем торжественное открытие Суэцкого канала императрицей Евгенией, безусловно, ставшее апогеем колониальных амбиций Наполеона III, принесло Второй империи очень непродолжительный успех в колониальном соперничестве с Великобританией за Африку. Вскоре поражение Франции в войне с Пруссией (1870-1871 гг.), создание Третьей Республики и дипломатическая изоляция вынудили французские правящие круги практически на десять лет отойти от проведения активной колониальной политики, что, безусловно, подтолкнуло Англию к активизации своей колониальной политики в целом и в северо-восточной Африке в частности.

Однако Судан де-юре входил в состав Османской империи и находился под властью хедивов Египта. Не желая провоцировать конфликт с Портой и Египтом, Англия проводила свою экспансию под видом помощи Египту в борьбе с работорговлей. Используя этот официальный предлог, в 1869 г. Лондону удалось организовать военную экспедицию в Судан под эгидой хедива и на деньги египетской казны, но под руководством англичанина С. У. Бейкера. В результате его похода были покорены южные области Судана и созданы провинции Бахр-эль-Газаль и Экваториальная. Первым губернатором Экваториальной провинции был назначен сам Бейкер. Пять лет спустя Бейкера на посту губернатора Экваториальной провинции сменил генерал Ч. Д. Гордон, который в 1877 г. получил должность генерал-губернатора всего Египетского Судана. Собственно, Бейкер и Гордон, «две выдающиеся личности», впервые серьезно «открыли» Судан для английского общества [2, 43-45].

Засилье европейцев на высших постах, многолетнее египетское владычество, бедность и постоянное увеличение налогов вызывали недовольство в народе. Однако после того как в 1875-1878 гг. Великобритания установила контроль над финансами Египта, хедив (находясь во власти лондонских финансистов) был вынужден смотреть сквозь пальцы на деятельность британских подданных, что давало Гордону полную свободу действий в проведении политики, направленной на вовлечение Судана в сферу британских интересов. Итогом политики Гордона стали народные выступления 1877-1879 гг. в Дарфуре и Бахр-эль-Газале. Напуганный размахом народных волнений Гордон приказал расстрелять захваченных предводителей восстания. Действия генерал-губернатора вызвали волну возмущения и недовольства в народных массах и серьёзно дискредитировали христиан в глазах исламского общества. Пытаясь разрядить обстановку, новый хедив Египта Тевфик в июле 1879 г. отозвал Гордона в Каир. Однако действия хедива не

принесли желаемого результата, и два года спустя (1881 г.) началось восстание под руководством мусульманского проповедника Мухаммеда Ахмеда. Это восстание сочетало в себе религиозные устремления и желание народа любой ценой освободиться от европейских руководителей и турецко-египетских феодалов, недовольство народа внутренней политикой египетско-европейского правительства. Когда Мохаммед Ахмед ибн-Абдала объявил в 1881 г. в дни Рамадана, что он Махди-аль-Мунтазар, большая часть мусульманского населения, страдавшая от бедности и произвола европейцев, поддержала самопровозглашенного пророка. За короткий период армия Махди превратилась в серьёзную силу, стремившуюся положить конец египетскому господству в Судане. Между тем восстание назревало не только в Судане. В начале 80-х годов XIX века практически вся долина Нила была охвачена национально-освободительным движением. События 1881-1882 гг. в Египте, приведшие в итоге к британской оккупации этой страны, существенно отвлекли внимание и силы англичан от Судана, что позволило восстанию махдистов развиваться и окрепнуть. После оккупации Египта ответственность за поддержание порядка в мятежном Судане легла на плечи Кромера. Первоначально, не желая расплывать силы, он старался не вмешиваться во внутренние дела Судана, но вскоре ситуация вышла из-под контроля [2, 53-59].

К сентябрю 1882 г. обстановка в стране сложилась благоприятно для восставших. Войска хедива с большим трудом удерживали города Абу-Хараз, Коркои, Сеннар. В то же время Ашаф, Биркет, Таяра, Шат один за другим перешли в руки повстанцев. В 1883 г. положение стало критическим – к этому времени уже значительная часть Судана находилась под контролем махдистов. 5 ноября отряды Махди нанесли сокрушительное поражение египетской армии под командованием англичанина генерала Хикса на подступах к Эль-Обейду. Кроме того, значительная часть египетских солдат поддержала восставших и перешла на их сторону. Новость о разгроме армии Хикса, которая считалась сильнейшей в Египте, способствовала распространению восстания на всё новые и новые области и районы, что вызвало серьёзное беспокойство в британских и египетских правящих кругах.

Однако мнения разделились. Британский министр иностранных дел Гренвиль при сложившихся обстоятельствах выступал за оставление Судана, считая, что в противном случае британское правительство понесет большие финансовые расходы и людские потери. Более того, по его мнению, даже при успехе мероприятия (использовании в Судане британских или индийских войск) это принесло бы «сомнительную пользу Египту» [Цит. по: 2, 59]. Лорд Кромер в своих отчётах также характеризовал состояние дел в

Судане как «исключительно серьёзное» [Там же] и признавал, что наиболее приемлемым выходом для правительства хедива будет эвакуировать армию и отойти к той позиции на Ниле, которую оно точно сможет удержать [Там же]. В то же время египетское правительство предлагало удерживать Хартум [Там же]. Как опытный колониальный администратор Кромер объективно оценивал ценность Судана и его стратегическое значение для Великобритании и Египта. Между тем он понимал и другое: в сложившейся ситуации у египетской армии в Судане практически не было шансов, она терпела поражение за поражением и могла быть полностью уничтожена. В результате Кромеру пришлось поддержать Гренвиля.

За удержание позиций в Судане выступал генерал Бейкер, который в начале 1884 г. писал Кромеру об ошибочности выведения войск из мятежного края. Но в тот период точка зрения генерала не пользовалась поддержкой в британском правительстве и обществе.

Ситуация в Судане также являлась предметом активного обсуждения во французских правящих кругах. В ноябре 1883 г. посол Франции в Константинополе писал Ж. Ферри, что в Стамбуле высказывали серьёзные опасения по поводу сложившейся ситуации. При дворе султана опасались, что восстание в Судане может послужить прекрасным поводом для того, чтобы отерочить эвакуацию британских войск из Египта.

Между тем в военном министерстве Великобритании заявляли о намерении «эвакуировать войска из Египта», как только хедив будет способен самостоятельно управлять, и обстановка в Судане «не будет вызывать беспокойства» [1, 144]. Такие высказывания британских военных недвусмысленно давали понять, что восстание махдистов являлось важным предлогом, оправдывающим, по мнению лондонских политиков, пребывание королевских вооружённых сил в долине Нила.

В то же время в Лондоне было принято решение об оставлении Судана вплоть до «определённых границ» [1, 145]. В начале января 1884 г. это решение официально вступило в силу. По словам современников, в тот период британское правительство должно было решать другие «более важные» задачи, чем защита сомнительных владений [Там же].

Однако в Лондоне всё не было однозначно. Отдельные общественные деятели и политики в этот период отмечали, что кризис на Верхнем Ниле был следствием нерациональной политики кабинета Гладстона в регионе. Наиболее активно с обвинениями в адрес правительства и премьера выступал генерал Гордон, который часто в своих статьях открыто обвинял правительство Гладстона в некомпетентности, говоря об ошибочности эвакуации войск из Судана. Такая оппозиционная позиция принесла Гордону немалую популярность в

английском обществе. Между тем в частной переписке он был полностью солидарен с решением правительства оставить Судан и рассматривал его как «бесполезное владение» [Там же].

В свою очередь дальнейшее развитие событий в Судане складывалось для англичан ещё менее благоприятно. В апреле 1884 г. в результате мятежа в Восточном Судане, возглавленного одним из последователей Махди-Осман Дигном, дервиши установили контроль над Экваториальной провинцией, что фактически означало полное поражение армии хедива. Сложившаяся ситуация (в Судане) вызвала широкий резонанс в британском обществе. Резкой критике подверглись действия, как Лондона, так и Каира. Вопрос об эвакуации войск из Судана остро стоял на повестке дня. В этой сложной ситуации между британским и египетским правительствами возникли разногласия относительно кандидатуры ответственного за проведение эвакуации. В Каире предлагали возложить эту миссию на бывшего генерал-губернатора Судана – Абд аль-Кадир-пашу, однако в Лондоне, несмотря на неодобрение Кромера, настояли на кандидатуре генерала Гордона. 24 января Гордон прибыл из Лондона в Каир.

Изначально перед Гордоном были поставлены сложные и трудноразрешимые задачи. Генералу предстояло провести эвакуацию египетских отрядов без помощи британских вооружённых сил. Более того, он должен был добиться прекращения восстания и вернуть провинцию под контроль хедива. Прибыв в Хартум, Гордон начал активные действия по реализации поставленных перед ним задач. Между тем в Лондоне сильно недооценили сложившуюся ситуацию. 26 мая повстанцы заняли г. Бербер. Связь между Хартумом и Каиром была оборвана. Все пути отступления на север были перерезаны. В начале сентября армия генерала потерпела сокрушительное поражение. И Гордон оказался в осаждённом Хартуме. Однако генерал не терял веры в успех, ожидая свежих военных подкреплений. По этому поводу (военной экспедиции в Судан) он вел переписку с Кромером с первых дней своего пребывания в Хартуме. Кромер поддержал Гордона и ещё в апреле 1884 г. обратился с этим вопросом к британскому правительству. Однако только 8 августа парламент решил организовать экспедицию по спасению Гордона, на которую было отпущено 300 тыс. ф. ст. [2, 70]. Руководителем семитысячного экспедиционного корпуса был назначен лорд Волсли. Но помощь опоздала всего на 2 дня. 23 января 1885 г. суданские войска взяли Хартум. Гордон, отважно руководивший обороной города в течение почти 300 дней, был убит [2, 71].

Смерть английского генерала получила большой общественный резонанс не только в Великобритании, но и во всей Европе.

Британское правительство оказалось в весьма трудном положении. После взятия Хартума

махдистам удалось за короткий период (лето 1885 г.) захватить Донголу, Кассалу, Сеннар и почти полностью взять страну под свой контроль [2, 71-72]. К тому же международная обстановка также складывалась не в пользу Англии.

С одной стороны, Франция, не примирившись с потерей Египта, активно проводила свою колониальную политику в Центральной Африке. При этом на Кэ д'Орсэ не исключали расширение французских владений вплоть до Верхнего Нила. В то же время глава министерства иностранных дел Франции Ж. Ферри полагал, что неудачи Великобритании в Судане могут принести Лондону политическую выгоду, так как предоставят прекрасный повод передать Египет «в руки англичан навсегда» [Цит по: 3, 147], чего в Париже старались никак не допустить. С другой стороны, Германия, используя противоречия между Великобританией, Россией и Францией, к середине 80-х гг. смогла захватить часть Юго-Западной Африки, Камеруна, Того, а также укрепились в Восточной Африке, в непосредственной близости к Судану и Эфиопии.

По мнению российской исследовательницы А. А. Айвазян, «главной причиной», вызывавшей оживленный интерес к Судану в первые годы после британской оккупации долины Нила 1882 г., было «стратегическое расположение страны – прямо на границах с Египтом, в регионе Верхнего Нила» [1, 147]. Между тем, «вероятно, британцы сами до конца не были уверены» в необходимости контроля над Суданом. Поэтому в Лондоне считали нецелесообразным посылать дорогостоящие экспедиции, «грозящие серьезными» людскими и материальными «потерями» [Там же].

В апреле 1885 г. британский парламент принял решение вывести англо-египетские войска из Судана и «не предпринимать» каких-либо «наступательных операций» [2, 72]. В результате передовые части армии хедива, подкрепленные британскими воинскими подразделениями, заняли оборону у Вади-Хальфы.

С этого времени на протяжении тринадцати лет (1885-1898 гг.) в Судане существовало государство махдистов, возглавляемое после смерти самого Махди (1885 г.) его учеником Абдаллахом. Советский востоковед С. Р. Смирнов считал, что даже после эвакуации из Судана англо-египетских войск борьба Великобритании против махдистов «не прекращалась» [2, 115]. «Она приняла лишь иные формы» [Там же]. По его мнению, эта борьба трансформировалась и проходила (с 1885 по 1896 гг.) главным образом на уровне дипломатов, военных резидентов и тайной агентуры [Там же]. Историк отмечал, что в этом противостоянии «британская дипломатия добилась несомненных успехов» [Там же], значительно поспособствовав военному столкновению между махдистским Суданом и Эфиопией [Там же]. В начале 1890-х годов британское руководство начало

пересматривать политику в отношении Судана и подготавливать планы по завоеванию этой страны.

Английский исследователь Г. Н. Сандерсон указывал на то, что завоевание этой территории было вопросом имперского престижа Великобритании [3, 210].

Первоначально в Париже Судан рассматривался лишь как экономический придаток Египта. Французские политики не имели никаких существенных интересов в этом районе. Между тем Судан был тесно связан с Египтом, а египетский вопрос всегда (начиная с XVII века) был актуальным для французской дипломатии и, как справедливо отмечал историк А. Дж. П. Тэйлор, «было невозможно отделить Верхний Нил от египетского вопроса» [4, 79].

После опубликования исследований Верхнего Нила французского инженера Виктора Прома интерес к Судану, как в самой Франции, так и в Европе в целом значительно возрос. В начале 1893 г. Пром предоставил президенту Третьей Республики отчет об исследованиях в Судане. По его мнению, контроль над водами Верхнего Нила (построить там дамбу) дал бы возможность «угрожать Египту засухой или же неистовым наводнением» [1, 148]. Эти утверждения В. Прома произвели сильное впечатление на президента Сади Карно и, как следствие, поставили суданский вопрос в разряд приоритетных направлений французской колониальной политики. Впервые в Париже серьезно задумались об оккупации Фашоды.

На протяжении следующего года парижская дипломатия приложила значительные усилия для решения суданского вопроса в дипломатическом ключе. В результате чего французы получили возможность продвигаться в район Верхнего Нила.

Между тем такое положение вещей было неприемлемым для Великобритании, сумевшей к тому времени основательно укрепиться в Египте. В итоге очередное обострение англо-французского колониального соперничества в Африке стало неизбежным, а Фашодский кризис «неминуемым».

Л и т е р а т у р а

1. Айвазян А.А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 2014.
2. Смирнов С. Р. История Судана (1821-1956) [Текст]: научное издание / С. Р. Смирнов. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1968. – 295 с.
3. Sanderson G. N. England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh: University Press, 1965.
4. Taylor A. J. P. Prelude to Fashoda: The Question of the Upper Nile, 1894-1895 // The English Historical Review. Vol. 65. No. 254. Jan., 1950. – Pp. 52 – 80.

R e f e r e n c e s

1. Aivazyan A. A. Egipetskii vopros v mejdunarodnih otnosheniyah v konce XIX – nachale XX vv.. Dissertaciya na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. nauk. – M., 2014.

2. Smirnov S. R. Istorija Sudana (1821-1956), [Tekst]: nauchnoe izdanie / S. R. Smirnov. – M.: Nauka, Glav. red. vost. lit., 1968. – 295 s.

3. Sanderson G. N. England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh: University Press, 1965.

4. Taylor A. J. P. Prelude to Fashoda: The Question of the Upper Nile, 1894-1895 // The English Historical Review. Vol. 65. No. 254. Jan., 1950. – Pp. 52 – 80.

Kharkovskii R.G., Saidov Z.A.

ANGLO-FRENCH COLONIAL COMPETITION IN THE NORTH-EASTERN AFRICA AT THE END OF THE XIX CENTURY: "THE WAY TO THE FASHODA"

The article analyzes the process of aggravation of colonial contradictions between France and Great Britain for control over the Sudan-Egyptian subregion. The evolution of Egyptian and Sudanese issues in the colonial policy of England and France in the 1880s and 1890s is also considered: from the British occupation of Egypt to the «inevitability» of the clash in Fashod.

Key words: *occupation, Ke d'Orsay, Khedive, Fashoda.*

Харьковский Руслан Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и транспорта, Антрацитовский факультет горного дела и транспорта Луганского национального университета имени Владимира Даля.

E-mail: wwwryslans@mail.ru.

Kharkovskii Ruslan, candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of economy and transport, Anthracite faculty of mining and transport of the Lugansk national University named after Vladimir Dahl.

E-mail: wwwryslans@mail.ru.

Саидов Зиявудин Абасович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.

E-mail: ziyavudin59@mail.ru.

Saidov Ziyavudin, candidate of historical Sciences, associate Professor, head of chair of world history and international relations of the Lugansk National University named after Taras Shevchenko.

E-mail: ziyavudin59@mail.ru.

Рецензент: Саидов Зиявудин Абасович, к.и.н., доц., зав. каф. всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.

Статья подана 22.11.2017.

УДК 93

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ВО ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЕ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 1929-1939 гг.

Гречишкина Е.С.

MORAL UPBRINGING IN THE OUT-OF-SCHOOL WORK OF THE PIONEER ORGANIZATION IN 1929-1939

Grechishkina E.S.

В статье определяются основные формы и средства внешкольной работы в системе морально – нравственного воспитания пионеров в 1929-1939 гг.

Ключевые слова: мораль, нравственность, морально – нравственное воспитание, внешкольная работа, художественные средства воспитания.

Главная задача морально-нравственного воспитания - укоренение в сознании поведения человека господствующих в данной системе ценностей, норм, ориентаций и образцов, распространения определенного типа политической культуры.

Морально-нравственным воспитанием своих граждан занимается любое государство. В советском обществе этот процесс приобрел необычайную актуальность, он считался одним из первоочередных и обязательных, без политически образованных граждан партия не представляла себе будущего. Морально-нравственному воспитанию подрастающего поколения власть уделяла особенно большое значение. Особое значение оно приобрело в период 1929 - 1939 гг. когда сформировалась система контроля над всеми сферами жизни общества, когда альтернативы государственному воспитанию не существовало. Сам термин "морально-нравственное воспитание" понимался достаточно широко. Под ним понимали и коммунистическое воспитание в целом (куда включались и такие элементы, как интернациональное и антирелигиозное воспитание), и отдельный вид коммунистического воспитания [1, лист.195; 2, с.4]. Учитывая, что антирелигиозная и интернациональная работа имели свои цели и задачи, особые формы и методы, необходимо отделить изучение морально-нравственного воспитания от других направлений воспитательной идеологической работы, сосредоточиться на процессе ознакомления детей с политикой большевистской партии в таких отраслях как экономика, социальные вопросы, культура и тому подобное. В официальных выступлениях, документах, методической литературе по воспитанию детей,

детской прессе 1929 - 1939 гг. в этом процессе чаще всего употреблялись термины " морально - нравственное ", "политпросвещение", "массово-политическая работа", "партийное воспитание".

Историография проблемы насчитывает определенное количество работ советского периода, посвященных характеристике различных этапов развития пионерского движения, которые касаются и вопросов воспитательной работы этой области [3; 4]. Основная часть воспитательной работы с пионерами проводилась педагогами и вожатыми в школьных стенах. Элементы морально-нравственного воспитания вводились в школьные курсы по различным предметам, прежде всего, истории и обществоведению. Для активизации морально-нравственного воспитания с 15.02.1937 г. в старших классах средней школы было введено обязательные преподавания Конституции СССР. В школе работали также кружки политпросвещения, происходили политические беседы, лекции, политбои и тому подобное. Чрезвычайное внимание уделялось также и внешкольному морально-нравственному воспитанию пионеров. В постановлении секретариата ЦК ЛКСМ о качестве воспитательной работы в отряде юных пионеров (1935) отдельно подчеркивалась необходимость при проведении морально-нравственной работы в отрядах использовать все средства внешкольной работы [5].

Руководителями детского движения осознавалось, что для успешного проведения воспитательной работы вне школы дети должны иметь специальное помещение. Сначала такая роль отводилась пионерским клубам, постепенно появляется название "Дворец пионеров". Но до появления в 1935 "гордости" республиканского руководства - Харьковского Дворца пионеров, городские Дворцы только имели такое название, потому что находились в плохом состоянии, под них отдавались полуразрушенные помещения, в которых, по словам секретаря ЦК ЛКСМ, С. Андреева было "опасно пускать детей". Даже в областных центрах с

помещениями были проблемы, не говоря уже о небольших городах. В апреле 1934 С. Андреев обратился к секретарям ЦК КИИ (б) С. Косиора и П. Постышева с просьбой отдать пионерам бывшее здание ВУЦИК в связи с переносом столицы в Киев. Эта инициатива была перехвачена Павлом Постышевым, и он позже выступил от своего имени с заявлением о подарке харьковским пионерам. Этот Дворец надолго стал образцовым в области воспитательной работы, его опыт изучали на местах и даже за пределами республики. В своем докладе на заседании Харьковского горпарткомат директор Дворца пионеров Дашевский высказался по поводу открытия весьма показательно: "Передача, по инициативе Павла Петровича Постышева, здания ВУЦИК под дворец - акт огромной политической важности, демонстрация перед всем миром большевистской заботы о детях. Страна ...строит внешкольную работу среди детей ". И так, само появление Дворца пионеров расценивалась как событие политического уровня, так успешно прославлялась забота партии о растущем поколении [6].

Задача морально-нравственного воспитания также успешно выполнялась во время каникул в пионерских лагерях. Решая вопрос оздоровления детей рабочих и колхозников в голодном 1932 г., Президиум Центрального Бюро детского коммунистического движения требовала сосредоточить "исключительное внимание на вопросе качества работы оздоровительных учреждений, в сочетании оздоровления ребенка летом с подъемом его морально-нравственной активности ... особый упор сделав на организации политвоспитательной и клубно-массовой работам в оздоровительных учреждениях" [7]. Несмотря на то, что условия отдыха детей в большинстве лагерей в первой половине 1930-х гг. были не очень комфортными, морально-нравственное воспитание дирекция лагеря пыталась проводить в соответствии с установками из центра [8,9]. Акты и отчеты многочисленных проверок работы лагерей показывают, что наибольшее недовольство и возмущение членов комиссий вызывали дети, которые не были задействованы в воспитательных мероприятиях по вине руководства [10]. В 1939 г. методисты детского движения, давая советы вожатым лагеря, выразили мнение, что "успех работы в лагере и даже эффект оздоровления пионеров зависит от того, как будет организована морально-нравственная и культмассовая работа в отряде" [11]. В одном из номеров журнала "Пионервожатый" (1939) начальник и заведующий педагогической частью лагеря Краснозаводске райсовета Харьковской области в заметке "Морально-нравственная работа в нашем лагере" делилась опытом: "планируя работу нашего лагеря, мы пытались организовать ее так, чтобы основное внимание обратить на нравственно-воспитательную работу, которая проводилась в разнообразных и интересных формах". И так, очевидно, что приоритеты педагогов в вопросе

лагерного отдыха сводились к морально-нравственному воспитанию.

Пресса для вожатых советовала не ограничивать воспитательную работу в лагере "одними только беседами, докладами, порой непонятными пионерам", а использовать яркие, привлекательные формы работы - костры, политинформации, организовывать массовые игры, кружки. Методисты подчеркивали, что "во всей культмассовой работе и даже в самом оздоровлении детей мы должны воспитывать пионеров в коммунистическом движении, в духе советского патриотизма, в духе беззаветной преданности делу Ленина - Сталина». Морально-нравственная работа велась в лагерях в различных формах - пионерских сборов, экскурсий, лекций, вечеров, игр. Одной из самых популярных среди детей форм работы в лагерях были пионерские костры, это объясняется романтической и торжественной атмосферой, которая царила у огня, который собирал детей вокруг себя в ночи. Звездное небо, близость друзей, таинственность и магию обряда производили неизгладимое впечатление на детские души. Понимая это, методисты детского движения посчитали необходимым максимально использовать эмоциональный эффект этого действия в лагере. Каждый костёр должен иметь "морально-нравственную направленность", посвящаться "отдельным эпизодам истории большевизма, из жизни и деятельности вождей партии - Ленина и Сталина, героике Красной Армии ... отдельным знаменательным датам". Официально костёр считался частью пионерской символики - он символизировал дружбу и единение пролетарских детей всех стран. В советах вожатым указывалось, что право зажечь костер должно предоставляться лучшим пионерам, то есть использовался метод стимулирования. Примером для подражания должен был стать костер, устроенный в 1938г. в районном лагере в Пуще-Водице. Он был посвящен жизни и деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина. Описывая это мероприятие, автор советов для вожатых отметил, что "звенья изучали жизнь любимого Сталина, читали рассказы и воспоминания о юношеских годах вождя ... о его искусном плане разгрома белогвардейцев и интервентов, о Сталинской Конституции". Таким образом, морально-нравственное воспитание в лагерях было одним из главных элементов детского отдыха.

Очень популярным средством морально-нравственного воспитания были революционные праздники. "Яркий праздник сам по себе создает условия для глубокого восприятия и закрепления полученных знаний ", подчеркивалось методистами движения. Колонна пионеров на праздничных демонстрациях стала важным элементом массовых торжеств 1930-х гг. Кроме участия в праздновании, пионеры привлекались к его подготовке, включающей лекции о революционном смысле праздника, изучение биографий вождей и тому подобное. К примеру, в 1935г.,к празднику Октября лидеры пионеров советовали использовать, не ограничиваясь

традиционно "огромным докладом на собрании", а "заинтересовать детей и втянуть их в участие в праздновании", устроить "показ достижений, с которыми мы вышли к годовщине Октябрьской революции, показать новых гигантов", притянув юных любителей географии, которые значками, флажками отмечали места строительства новых заводов, чтобы каждый человек, который будет на собрании отряда увидел, как ребята реагируют на все это ", или" через вырезки газет, используя своих фотолюбителей ... заготовить своими собственными силами выставку, витрины новых домов, новых школ, построенных за последнее время". Дети, включаясь в подготовку, усваивали политический смысл праздников, а эти знания закреплялись эмоционально во время самого действия.

Необычайную популярность в процессе морально-нравственного воспитания приобретают экскурсии, которые рекомендовалось организовывать с целью демонстрации советских достижений. Экскурсии могли быть разнообразными по выбору объектов. В марте 1931г. состоялась одна из первых массовых пионерских экскурсий по маршруту Харьков – Сталино - Днепрострой, организованной Днепропетровским обкомом комсомола. В ней приняли участие лучшие пионеры-ударники столицы. Для централизованного управления экскурсионной деятельностью была создана Центральная детская исследовательская экскурсионная станция, которая имела филиалы во всех областных центрах. Центральная станция занималась разработкой экскурсий на дальние расстояния. В 1934г. сотрудниками был разработан маршрут по ДнепрогЭС, на Донбасс, в южные районы технических культур (сельские местности Николаевской, Херсонской, Одесской областей), также за пределы республики на Север с включением Беломорского канала, уральских промышленных районов и т.д.). Этот вид экскурсий имел целью "Показать достижения пятилетки - наши гиганты индустрии, образцовые совхозы, новые социалистические города, крупные культурные центры, нацкультстроительство [12]. Близкие экскурсии использовались для изучения своего края. Почин в этом деле сделали пионеры ДнепрогЭС в 1932г., призвав все пионерорганизации последовать их примеру. Среди направлений близких экскурсиям, методисты советовали обратить внимание на экскурсии детей села в город и наоборот - экскурсии городских детей с колхозов, совхозов, МТС и т.п. Экскурсии должны были быть не просто "обычными гуляньями", а "давать детям морально-нравственную зарядку". Следовательно, даже во время экскурсии пионеры не могли просто отдохнуть, поскольку должны были вести активную пионерскую деятельность - популяризировать решение партсъездов, помогать уборочной кампании и т.д.

Одним из важных направлений экскурсионной работы считалась посещение музеев революции, поскольку картины революционной борьбы, которые там присутствуют, "захватывают молодежь,

воспитывают ее в духе марксизма, ленинизма ", так музеи революции прививали революционные традиции большевистской борьбы». В 1930-х гг. экскурсии осуществлялись как в крупные музеи революции в Киеве, Харькове, так и в провинциальные, которые образовывались в областных центрах. К экскурсиям вожатым советовали готовиться внимательно и заранее продумывать тематику и план. Если в первой половине 1930-х гг. экскурсионная работа только начинала развиваться, то уже в 1939г. директор Одесской экскурсионно-туристической станции в июльском номере журнала "Пионервожатый" настаивал на том, что экскурсии, расширяя политический кругозор детей представляют собой лучшую форму активного отдыха детей, поэтому летом этими мерами необходимо охватить всю массу детей, и что "экскурсии должны быть не случайным явлением, а превратиться в повседневную работу с детьми". Понятно, что речь шла прежде всего о местных экскурсиях, которые не требовали значительных расходов.

Обязательной составляющей морально-нравственного воспитания была пропаганда художественными средствами. Секретариат ЦК ЛКСМ в постановлении о качестве воспитательной работы в пионерской организации (январь 1932 г.) принял "Использовать чтение художественной литературы (как классической так и современной) для показа нашего социалистического строительства и воспитания на этих образцах детей ». Работа над художественной книгой, над литературой считалась "хорошим стимулом для ребенка». Несмотря на очевидность необходимости привлечения книги в процесс воспитания, существовала проблема недостаточного количества политически выдержанной детской литературы. Эта проблема регулярно освещалась во время различных конференций и заседаний по вопросам детского движения. Уже в 1929г. на первой конференции ЛКСМУ одним из руководителей детского движения ставился вопрос о борьбе "Классовых врагов" за детей. По мнению докладчика по делам коммунистического детского движения, "эта борьба принимает формы борьбы через книгу, является таким большим и основным оружием воспитания детей. Средствами этой книги наш классовый враг пытается и, надо сказать, в некоторых случаях успешно, принять свою мелкобуржуазную идеологию". Как очень негативное явление был отмечен тот факт, что "сейчас детской книги, нашей книги, которая может стать острым орудием революционного классового воспитания детства - у нас почти нет". Не меньшую обеспокоенность вызвало то, что ни одна комсомольская организация на местах не пыталась проверить свои библиотеки в детских клубах и библиотеках, проверить, что дети читают, что делается на рынке литературы [13]. В 1930 г. ЦК ЛКСМ с целью централизации издательского дела для детей образовал государственное издательство детской и юношеской литературы (Детиздат). В его основу были положены сектора детской и юношеской

литературы ДВУ, и к ним присоединялись детские и юношеские сектора других издательств - "Украинский рабочий", "Пролетарий", "Книгоспилка", "Культура" [14].

Это позволило лучше контролировать детскую литературу, но не терпело проблемы с дефицитом "идеологически выдержанных книг", которые еще и были бы качественными, интересными и популярными среди детей. В 1934г. одесские методисты детского движения, обосновывая необходимость создания библиотек в детских лагерях, жаловались на то, что в некоторых областных лагерях дети читают "такие вредные книги: "Принц и нищий", "Монте-Кристо", "Дюма Майн-Рида", привезя их из дома". Они настаивали на том, что подбирая лагерную библиотеку, надо "внимательно просматривать все книги, чтобы не прошла вредная и враждебная литература", а также заставлять детей сдавать собственные книги библиотекарю для проверки на наличие вредоносных и их дальнейшей изоляции". Лагерная библиотека должна была кроме "лучших образцов советской беллетристики", "иметь книги, которые освещали бы политические кампании и даты (политический историю, революционный календарь, календарь научных изобретений)" [15]. Во второй половине 1930-х гг. журналы «Пионер» и «Пионервожатый» на последней странице уже регулярно информировали о литературных новинках революционного содержания - о партизанской борьбе украинских подростков в годы революции и гражданской войны, героических полярников и пограничников, пионеров-героев, борющихся с куркулями и тому подобное. Постепенно детская советская литература превратилась в важное средство морально-нравственного воспитания, она изображала образы новых героев, идеальных юных борцов за социализм.

Тем не менее, в республике морально-нравственная детская литература существовала еще в недостаточном количестве, поэтому наиболее эффективным инструментом воспитания были средства массовой информации. Пресса для детей и о воспитании детей подчинялась ЦБ ОКР и ЦК ВЛКСМ и эффективно работала с конца 1920-х гг. Это, прежде всего, методические "руководящие журналы" "Детское Движение" (с середины 1934 - "Пионервожатый") и "Друг Детей", а также детские издания: газеты "На смену", "Киевский пионер", журналы "Зейт Грейт", "Красные цветы", "На работе", "Знание и труд", "Красные цветы" (до 1931 г.), "Октябрьские восхождение" (с 1934 г. - "Пионерия"), "Октябрята", "Тук-тук", "Большевичка", "Дитромтас" (на немецком языке), "Будь готов" (на польском языке), "Будь готов" (болгарской) и редакция радиогозет для детей. Перед пионерской прессой ставились задачи "привлечение широких масс детей к активному участию во всех процессах социалистического строительства, коммунистического воспитания". Изучение материалов детской прессы считалось обязательным в работе пионерского отряда. Статьи, посвященные

разнообразным политическим кампаниям власти, биографиям вождей, событиям революции и гражданской войны, развертыванию оборонной работы пионерии и т.п. заняли доминирующее место в журналах и газетах для детей в 1930-х гг.

Итак, морально-нравственному воспитанию пионеров власть уделяла особое внимание. Республиканские и союзные руководители детского движения пытались охватить работой и внешкольное время ребенка. Перед организацией ставились задачи разнообразить формы работы, устраивать массовые мероприятия, привлекать методы воздействия на детей.

Внешкольная работа велась в пионерских клубах, детских лагерях, во время экскурсий, праздников, с помощью привлечения детской литературы и прессы. Все это позволяло достичь поставленной цели - прославлять новую идеологию и воспитывать у подростков верных борцов за коммунистическую дело.

Л и т е р а т у р а

1. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Далее - ЦДАГОУ), ф.7, оп.1, спр.1306.
2. Ханчин В. Политическое просвещение в пионеротряде / В. Ханчин; [Под ред. М.В. Крупениной] - М.-Л.: Молодая гвардия, 1930. - 95 (1) с.
3. История ВЛКСМ и Всесоюзной Пионерской организации имени В. И. Ленина: Уч. Пособие для студентов пед. ин-тов по спец. "История и педагогика" / В. А. Сулемовой, Л. Н. Кононенко, Д. И. Полякова, В. В. Лебединский; под ред. В. А. Сулемовой. - М.: Просвещение, 1978. - 352 с.
4. Из истории становления и развития детского коммунистического движения в СССР: сб. научных трудов / под общ. ред. В. К. Криворученко.- М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1985. - 166 с.
5. Ващенко Г. Образование и воспитание молодежи в СССР. / Сочинения. Том 4. Труды по педагогике и психологии / Г. Ващенко. - М.: «Школьник», «Фада» ЛТД, 2000.- 416 с.
6. Басов Н. Ф. Теоретико-методологические проблемы исследования истории детского движения в России: нач. XX в. - девяностых гг.): монография / Н.Ф.Басов. - Кострома: Изд-во КГПУ, 1997. - 348 с.
7. Всесоюзная пионерская организация, Уроки истории: научная дискуссия: материалы для обсуждения / ред. и сост. Т. В. Трухачева, А. Г. Кирпичник. - Кострома, 2001. - 215 с.
8. Пилипенко В. И. Очерки истории областной пионерской организации Луганщины / В. И. Пилипенко. — Луганск: "Альма—матер", 2005. — 240 с.
9. ЦДАГОУ, ф.1, оп.2, дел. 7097
10. Вожатому пионерского лагеря. — 1939 г. №10. — С.6-9.
11. Политвоспитательная работа в нашем лагере // Пионервожатый. — 1939. — М916. — 026—27.
12. Година М. Весенне-летние экскурсии // Детское движение. — 1934. — ЮЗ. — 021—25.
13. Адамович Е. Музей революций и преподавание истории / Е.Адамович // Детское движение. — 1934. — М914. — С.21—22.
14. Мучник Б. Наш опыт экскурсионной работы / Б. Мучник // Пионервожатый. — 1939. — Л9.14. — С.13—14.

15. Терлецкий В. Библиотека в пионерском лагере / В.Терлецкий, Е.Рапопорт // Детское движение. — 1934. — М913. С.27-29.

References

1. Tsentralniy gosudarstvenniy arhiv obschestvennykh ob'edineniy Ukrainyi (Dalee - TsTsAGOU), f.7, op.1, spr.1306.

2. Hanchin V. Politicheskoe prosveschenie v pionerotryade / V. Hanchin; [Pod red. M.V. Krupeninoy] .- M.-L: Molodaya gvardiya, 1930. - 95 (1) s.

3. Istoriya VLKSM i Vsesoyuznoy Pionerskoy organizatsii imeni V. I. Lenina: Uch. Posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. "Istoriya i pedagogika" / V. A. Culemovoy, L. N. Kononenko, D. I. Polyakova, V. V. Lebedinskiy; pod red. V. A. Culemovoy. - M.: Prosveschenie, 1978. - 352 s.

4. Iz istorii stanovleniya i razvitiya detskogo kommunisticheskogo dvizheniya v SSSR: sb. nauchnykh trudov / pod obsch. red. V. K. Krivoruchenko. - M.: VKSh pri TsK VLKSM, 1985. - 166 s.

5. Vaschenko G. Obrazovanie i vospitanie molodezhi v SSSR. / Sochineniya. Tom 4. Trudy po pedagogike i psikhologii / G. Vaschenko. - M.: «Shkolnik», «Fada» LTD, 2000. - 416 s.

6. Basov N. F. Teoretiko-metodologicheskie problemy issledovaniya istorii detskogo dvizheniya v Rossii: nach. HH v. - devyanostyih gg.): monografiya / N.F.Basov. - Kostroma: Izd-vo KGPU, 1997. - 348 s.

7. Vsesoyuznaya pionerskaya organizatsiya, Uroki istorii: nauchnaya diskussiya: materialy dlya obsuzhdeniya / red. i sost. T. V. Truhacheva, A. G. Kirpichnik. - Kostroma, 2001. - 215 s.

8. Pilipenko V. I. Ocherki istorii oblastnoy pionerskoy organizatsii Luganshchiny / V. I. Pilipenko. — Lugansk: "Alma—mater", 2005. — 240 s.

9. TsDAGOU, f.1, op.2, del. 7097

10. Vozhatomu pionerskogo lagerya. — 1939 g. #10. — S.6-9.

11. Politvospitatelnaya rabota v nashem lagere // Pionervozhatiy. — 1939. — М916. — 026—27.

12. Godina M. Vesenne-letnie ekskursii // Detskoe dvizhenie. — 1934. — YuZ. — 021—25.

13. Adamovich E. Muzei revolyutsiy i prepodavanie istorii / E.Adamovich // Detskoe dvizhenie. — 1934. — М914. — S.21—22.

14. Muchnik B. Nash opyt ekskursionnoy raboty / B. Muchnik // Pionervozhatiy. — 1939. — L9.14. — S.13—14.

15. Terletskiy V. Biblioteka v pionerskom lagere / V.Terletskiy, E.Rapoport // Detskoe dvizhenie. — 1934. — М913. — S.27—29.

Grechishkina E.S.

MORAL UPBRINGING IN THE OUT-OF-SCHOOL WORK OF THE PIONEER ORGANIZATION IN 1929-1939

The article defines the main forms and means of extracurricular work in the system of moral education of pioneers in 1929-1939.

Keywords: moral, morality, political education, out-of-school work, artistic means of upbringing.

Гречишкіна Елена Сергеевна, к.ист.н., доцент кафедры «Социально-экономические и педагогические дисциплины» Стахановский учебно-научный институт горных и образовательных технологий ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Grechishkina Elena Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, a dosent of the Chair « Socio-economic and pedagogical disciplines », Stakhanov Training Scientific Institute of Mining and Educational Technologies, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: grechishkinaelena17@gmail.com.

Рецензент: *Карчевская Наталья Васильевна*, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой «Социально-экономические и педагогические дисциплины» Стахановский учебно-научный институт горных и образовательных технологий ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 21.12.2017

УДК 070.16

«ЖЕЛТАЯ» ПРЕССА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**Одинцова М. И.****YELLOW PRESS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY****Odintsova M. I.**

В статье изучается вопрос специфики «желтой» прессы. Делается акцент на интерпретации понятия «желтая пресса», вариантах написания и толкования понятия, истории становления «желтой» прессы, критериях, характеризующих этот тип изданий. Подчеркивается своеобразие «желтой» прессы с момента ее появления и до настоящего времени, отмечается увеличение проявлений «желтизны» в качественной прессе. Автор останавливается на редакционной политике первых «желтых» изданий – «The Sun», «The New York World», «New York Morning Journal», «Daily Mail». Предметом рассмотрения автора стали также подобные российские издания – «газеты-копейки», «Петербургский листок», «Московский листок».

Ключевые слова: пресса, «желтая» пресса, бульварная пресса, «желтая» журналистика

Введение. Сегодня, когда весь мир обсуждает прогнозы о смерти газет, «желтая» пресса продолжает занимать значительную долю медиарынка. На фоне общего кризиса она получает все большую востребованность. И как следствие – отмечается динамичное развитие этого типа изданий.

Если раньше газеты стремились донести до читателей качественную и достоверную информацию, то теперь для получения высоких рейтингов и больших продаж во многих изданиях это отходит на задний план. Сейчас спрос на слухи и скандалы.

Распространение «желтой» прессы в массмедиа – это результат эволюции общества XX–XXI вв. Ученые считают, что определяющими чертами сегодняшнего времени являются новизна, быстротечность и разнообразие информации. Уставший от переизбытка жизненных проблем современный человек чаще всего отдает предпочтение более легкой информации, которая не перегружает психику. К тому же всегда интересно прочитать о чем-то, еще вчера запретном или не принятом обсуждать открыто. Поэтому «желтая» пресса, приписывая сенсациям высокую важность и уникальность, а именно на них концентрируется практически все внимание публики, не оставляет

места для осмысления действительно важных событий.

С провозглашением свободы слова как фундаментальной основы существования в демократическом обществе СМИ получили также и свободу в выборе тем. И многие табуированные темы, еще вчера бывшие под запретом, сегодня свободно поднимаются на страницах газет, а некоторые (например, криминал или секс) становятся единственной темой целого издания.

В наше время «желтая» пресса ориентируется прежде всего на читателя, который ждет яркой, сенсационной информации, пусть даже и неправдивой. Автор «желтой» газеты играет определенную роль, при которой сам определяет, что нужно его читателю. И часто это становится игрой на низменных инстинктах, однако выгодно продающейся многомиллионной аудитории.

Актуальность работы обусловлена ростом интереса во всем мире к изучению «желтой» прессы как важной составляющей современной массовой культуры.

Целью настоящей работы является осмысление специфики «желтой» прессы.

Изложение основного материала.

Как известно, термин «желтая пресса» появился в конце XIX века в США. Ученые озвучивают несколько версий возникновения номинации этого понятия. Одни считают, что поводом могла стать бумага, на которой печатались миллионные тиражи первых массовых газет: из экономии их печатали на дешевой бумаге, которая быстро желтела. Другие обращают внимание на то, что для привлечения внимания читателя заголовки таких газет печатались ярко-жёлтой краской, и считают, что выбор цвета был символичен, т.к. вызывал устойчивую ассоциацию с так называемым «желтым билетом» – «специальной карточкой, которую полиция выдавала представительницам другой профессии, не менее древней, чем журналистика» [8]. Не случайно, всегда вспоминают о двух древнейших. Но большинство сходится во мнении, что начало положила история с желтым малышом – героем комиксов, из-за которого разгорелась война между

«New York World» и «New York Journal». Именно она стала причиной того, что в 1896 г. Эрвин Уордман, редактор «New York Press», назвал обе конкурировавшие газеты «желтой прессой».

Сегодня словосочетание «желтая пресса» в большинстве случаев ассоциируется с низкосортной, недостоверной информацией, засильем иллюстраций эротического характера и неэтичным вмешательством в частную жизнь людей. Согласно кодексам и нормами журналистики, основанным на объективности и достоверности информации, честности, беспристрастности и отсутствии оценочных суждений, «желтые» издания трудно отнести к журналистике в классическом понимании этого слова.

Специфики «желтой» прессы на сегодняшний день изучена недостаточно. Этого вопроса в своих работах касались О.В. Лагутина [11], Н.В. Лесная [12], А.В. Прытков [15], Е.А. Сазонов [17] и др. Незнание вопроса проявляется уже в том (и это отмечено многими исследователями прессы), что требуется уточнение ряда понятий, таких, как: «качественная пресса», «развлекательная пресса», «бульварная пресса», «желтая пресса», «таблонд». До сих пор не выработана также единая форма написания понятия «желтая пресса». И хотя подавляющее большинство журналистиковедов и журналистов-практиков используют в качестве нормы написания «желтая» пресса (О.В. Лагутина, Е.А. Сазонов, А.В. Прытков, К.В. Баранова и др.), существуют также и другие варианты – «желтая пресса» (К.Ю. Мососова, Е.А. Сазонов), желтая пресса (А.В. Прытков, И.Л. Михайлин, Е. Пищикова, И.В. Юрченко).

До сих пор нет единого толкования и самого понятия «желтая» пресса.

Так, «Большая советская энциклопедия» отмечает, что издания «желтой прессы» выпускаются «миллионными тиражами и отличаются вульгарностью, разжиганием низменных инстинктов» [2, с. 137], кроме того, эта «реакционная, низкопробная, продажная буржуазная пресса, в погоне за сенсацией публикует вымышленную и искаженную информацию, скандальную хронику, компрометирующие „факты“ из личной жизни известных людей» [2, с. 137].

В «Большом энциклопедическом словаре» указывается, что: «„желтая пресса“ – низкопробные периодические издания, публикующие в погоне за сенсацией скандальные сообщения дезинформацию» [3].

В «Словаре журналистских терминов» отмечается, что «термин этот („желтая пресса“. – М. Одинцова) применен к журналистике, ориентированной на непроверенную информацию и дешевые сенсации. Он относится ко времени, когда печатные издания с целью привлечения читателей стали переходить на цветную полиграфию, «желтая» пресса направлена на увеличение числа

читателей за счет выдачи информации, которая может заинтересовать с точки зрения скандала, нездорового интереса к теме, или других нечистоплотных мотивов [19].

«Энциклопедический словарь СМИ» толкует понятие «желтая» пресса так: «бульварно-массовая газета, насыщенная шумными сенсациями, сплетнями, инсинуациями, а также соответствующими иллюстрациями, рассчитанная на малообразованную аудиторию с низменными интересами и вкусами» [10].

Современная желтая (или бульварная) пресса специализируется на слухах, сплетнях, скандалах. Профессор Я.Н. Засурский считает, что «желтая» пресса стремится развлекать читателя любой ценой и удовлетворяет невысокий читательский вкус.

Российский ученый В. Хорольский охарактеризовал «желтую» прессу так: «Желтая» пресса – массовое явление в области печатных СМИ и в культуре общества потребления – стала центром массовых иллюзий. Желтый журнализм – это мета-дискурс, возникший на основе гедонистических мифов, отводит реципиента от реальности, мифов, медленно разрушают интеллект малоразвитой части общества, детей» [21].

Украинский ученый И.Л. Михайлин трактует это понятие, как «бульварно-сенсационные печатные органы массовой информации, которые под предметом журналистики понимают события скандально-порнографического характера и рассчитаны на неприязнительные вкусы малообразованного, достаточного простого по своему культурному уровню, но многочисленного круга читателей» [6, с. 201]. При этом среди признаков желтой прессы называет сенсационные репортажи, скандальную криминальную хронику, бесстыдное освещение тайн частной и интимной жизни известных людей, значительное количество иллюстративного материала, преимущественно эротического характера. «В погоне за сенсацией, – отмечает ученый, – «желтая» пресса не останавливается перед ложными измышлениями, клеветой, сплетнями, искривлением фактов» [6, с. 201].

Российская ученая О.В. Лагутина, изучая отличия массовой, «желтой», бульварной прессы, приходит к выводу, что «желтая» пресса – «печатные издания, доступные по цене и специализирующиеся на слухах, сенсациях (зачастую мнимых), скандалах, сплетнях, запугивающем освещении табуированной тематики» [11, с. 10].

Информация в подобных изданиях выступает в качестве развлекательного товара. Учредители таких изданий не ставят перед собой никаких других задач, кроме получения дополнительной стоимости за счет увеличения продаж тиража. Сексуальная тематика, мотивы смерти, освещение скандалов, преступлений, насилия, сознательные попытки приукрашивания действительности с

целью привлечения аудитории занимают господствующее место на страницах «желтых» газет [5].

Исследователь желтой прессы Германии И.В. Юрченко, ссылаясь на своих немецких коллег, пишет, что желтая пресса – это «газеты, поступающие в свободную продажу, которые обладают подчеркнутым популярно сенсационным оформлением (большие заголовки, широкоформатные фотографии), предлагают читателю шокирующие сообщения и сознательно пользуются чрезвычайно прямолинейным, даже вульгарным, способом изложения, чтобы будить и удовлетворять любопытство, жажду сенсаций и остроту ощущений у читателей» [22].

Классическими темам желтой прессы, по мнению исследователя, являются «убийства, ограбления, катастрофы с многочисленными человеческими жертвами, развод звезд» [22]. Отличительной особенностью подобного типа изданий является то, что зачастую новости просто придумываются. Авторы таких газет, пытающиеся подать новость в негативном свете, сознательно деформируют факт, сгущая краски и придумывая нелепые подробности.

Кроме того, в «желтой» прессе автор не волен писать о том, что интересно лично ему, ведь в первую очередь он обязан учитывать мнение инициаторов журналистского материала – «редакции, владельцев газеты, спонсоров и т.д., а не только читательской аудитории» [22].

В зарубежной журналистике, например США, желтая пресса воспринимается как «сенсационные, недостоверные, непристойные или вульгарные сообщения, которые нередко соединяют в себе крикливые заголовки и иллюстрации» [20, с. 48].

Таким образом, все ученые отмечают, что «желтая» пресса – это массовый тип издания, отличающийся сенсационностью, вульгарностью материалов.

Как известно, «желтая» пресса зародилась в 30-е годы XIX в., когда к читательской аудитории получили возможность присоединиться беднейшие слои населения, что способствовало повороту развития культуры в сторону массовости. Родоначальником «penny press» (центовой прессы) считают нью-йоркского журналиста Бенджамина Дэя, выпускавшего газету «The Sun». На первой полосе был напечатан девиз газеты – «Оно [солнце] светит для всех», что указывало на очень широкий читательский адрес. На это же указывала и самая дешевая цена – всего 1 цент за экземпляр.

Отличительной чертой «The Sun» стала сенсационность. Газету наполняли материалы о преступлениях и скандалах. Когда же номер казался скучным, его не гнушались расцветить выдуманскими событиями. Ярким примером такой мистификации можно считать серию репортажей 1835 года о человекоподобных существах, якобы

найденных на Луне. Уличенная во лжи, «The Sun» однако не изменила свою редакторскую политику.

В 1887 г. Джозеф Пулитцер, приобретя американский журнал «The New York World», полностью перестроил его концепцию. Он наполнил издание крикливыми сенсационными заголовками, рассказами о катастрофах, скандалах, преступлениях и сенсационными разоблачениями злоупотреблений во власти и бизнес-среде. Уильям Рандорф Херст, купив «New York Morning Journal» также использовал подобный стиль изложения материала и первым сформулировал теоретические основы «желтой» прессы. Херст считал, что главным показателем качества газеты является ее тираж, и стремился к тому, чтобы его издания любой ценой читало как можно больше людей [1, с. 93]. Он отметил, что читатель интересуется прежде всего такими событиями, которые содержат элементы его собственной примитивной природы. Среди них:

- самосохранение (содержится во всех материалах, сообщающих об убийствах, самоубийствах, несчастных случаях, драмах, а также о том, как сохранить здоровье, как правильно питаться и т.д.);

- любовь и размножение (истории женитьбы и замужества, сексуальные скандалы, развод, любовный треугольник, романтические истории о том, как любовь побудила осуществить что-нибудь необычное, драмы ревности – короче, все интересное во взаимоотношениях полов);

- честолюбие (вызывается таинственным во всех этих историях: таинственное заставляет задуматься о том, какой будет развязка, к тому же побуждает читателя покупать последующие номера газеты, чтобы убедиться в правильности своей догадки).

Херст утверждал, что журналистский материал, содержащий один из этих элементов, следует оценивать как хороший, содержащий два из них – как лучший, содержащий все три элемента – как первоклассный информационный материал. «Мы отодвигаем все сообщения, которые не содержат ни одного из перечисленных элементов. Мы пренебрегаем или вовсе не замечаем тех вещей, которые являются лишь необходимыми, но не интересными», – отмечал Херст [4].

Среди принципов, сформулированных Херстом, отметим также такие: «Моя газета должна быть написана и издана так, чтобы ее могли и хотели читать полуграмотные эмигранты, невежды, жители городского дна, подростки – все» [9]. А также: «Главный и единственный критерий качества газеты – тираж» [4].

Для Херста не существовало барьера благопристойности. Особое место отводилось историям из жизни знаменитостей, светским сплетням и скандалам. Все новости, касающиеся личной жизни знаменитостей, считались хорошими постольку, поскольку можно было извлечь нужный

Херсту эффект. При этом, интерес читателя подогревался иллюстрациями (которые в то время сами по себе были новинкой в газетах) – фотографиями и рисунками обнаженных женщин или кровавых картин с места событий.

Газеты Херста, обычно одноцентовые, как правило, хорошо иллюстрированные и с огромными заголовками, довольно искусно адаптировались к грубоватому менталитету и самому зарождению культуры новых иммигрантов, а также обеспечили успех комиксов (рисованных лент, имитировавших истории без слов в юмористических изданиях и детских газетах). Таким образом, «Херст сделал со своей газетой силу, с которой нельзя было не считаться» [14].

Показательна также редакционная политика британской газеты «Daily Mail», чей тираж в начале XX века превысил миллион экземпляров и стал самым большим в мире. С начала выхода в 1896 г. «Daily Mail» стоила полпенни за экземпляр и была рассчитана на широкие массы британцев. Бывший премьер-министр лорд Солсбери с презрением говорил, что это газета, в которой «конторские рассыльные пишут для конторских рассыльных» [13]. Подбором материалов для публикаций и углом подачи «Daily Mail» манипулировала общественным мнением. Лорд Нортклифф, ее владелец, как-то утверждал: «Я заставлю всю страну есть „стандартный хлеб“» [13].

Один из основателей «Daily Mail» лорд Ротермир утверждал, что «новости – это то, что кто-то не хочет публиковать» [1]. В Америке неизвестный редактор дал аналогичное определение новостей, которое взяли на знамя ведущие таблоидные издания США – «The New York World», «The Daily Graphic», «The Daily Mirror»: «Новость – это не то, что собака съела человека. Новость – это, когда человек съел собаку» [1]. Именно апелляция к человеческим инстинктам, примитивность в восприятии и изложении информации, большое количество шокирующих фотографий стали основными постулатами «желтой» журналистики.

Американский историк и журналист Франк Лютер Мотт для определения понятия «желтой» прессы использует 5 критериев, характеризующих этот тип изданий:

- массивные заголовки, разработанные для того, чтобы обеспокоить читателя, побудить его к покупке газеты или журнала, в котором сами новости по факту незначительны;
- избыток изображений или иллюстраций;
- использование ложных интервью, заголовков, чтобы сбить с толку читателей; псевдонаучные утверждения или мысли нескольких «экспертов», которые не являются авторитетными;
- акцент на цветных вкладках в воскресенье (например, комиксов, что является обычным явлением в США);
- сочувствие «неудачнику», который борется с системой [7].

Джозеф Кэмпбелл понимает «желтую» прессу как издание, где ежедневно располагается множество колонок уже на первой полосе, пестрящей различными темами (такими, например, как спорт или скандалы), а также использующие смелые макеты (с большими иллюстрациями и яркими цветами) и часто привлекающие анонимные источники и саморекламу [23].

Обращение к массовой культуре во второй половине XIX века наблюдалось и в России. Примером могут быть так называемые «газеты-копейки» – популярные бульварные издания, адресованные, прежде всего, малообразованным читателям из малообеспеченных слоев населения. «Значение газеты в жизни рабочих, – отмечает исследователь этого периода истории России И.С. Розенталь, – определялось не только объемом, политической информацией и периодичностью издания, они предъявляли к ней те же требования – универсальность содержания, широта охвата действительности, – что и в других сферах культурного потребления, тем более что многим рабочим газета заменяла книгу» [16, с. 89–90].

Ярким примером подобных изданий были газеты «Петербургский листок» и «Московский листок», отличающиеся простым полиграфическим исполнением, дешевой, доступным стилем изложения (включая комментарии к статьям), обличительной направленностью, информационной насыщенностью, сенсационностью, скандальностью, развлекательностью, иллюстративностью. Умение изданий такого типа учитывать запросы массового читателя привели к огромной популярности у своей аудитории. Ученые также отмечают, что «газеты-копейки» «внесли в печатное дело свежую струю, заложили основы законов, по которым живут современные СМИ, приблизили газету к рядовому читателю» [17].

Новый виток развития «желтой» прессы приходится на 50-60-е гг. XX века, когда изменения в социуме привели к возникновению идеи сексуальной революции. В 1953 г. начинает выходить журнал «Playboy» – популярное издание, посвященное исключительно теме секса. И с этого времени «гипертрофированное внимание к освещению сексуальной тематики стало характерным для большинства „желтых“ изданий» [17].

XXI век принес «желтым» газетам жесткую конкуренцию не только между собой, но и с электронными и конвергентными СМИ. В этих условиях «желтая» пресса вынуждена окончательно отступить от основных принципов журналистики и этических норм. У многих это вызывает обеспокоенность и желание понять, почему же «желтая» журналистика все больше желтеет. «Конкуренция на рынке печатных СМИ приводит к тому, что выжить и приносить доход могут только высококачественные или очень желтые издания. И если первые должны всё время

повышать уровень, чтобы оставаться на плаву, то вторые должны с каждым годом становиться ещё желтее...» [18].

Выводы. Среди причин появления «желтой» прессы наиболее важными являются следующие:

- эволюция массового сознания в индустриальном и постиндустриальном обществе;
- появление массового общества потребления;
- расширение функций журналистики (рекреативной и гедонистической).

Появившись в конце XIX в., «желтая» пресса прочно заняла свою специфическую нишу в системе СМИ. С увеличением потока информации и ускорением процесса ее обновления современный человек испытывает перенасыщение фактами, а значит, как следствие – усложняется процесс их осмысления. Более простой путь получения информации, не требующий больших умственных затрат, предлагает «желтая» пресса. Сегодня «желтые» газеты выходят миллионными тиражами, что доказывает их огромную популярность. Они стремятся стать прессой для всех, поэтому учитывают интересы и предпочтения своей аудитории, играя часто на низменных инстинктах. Сегодня «желтая» пресса становится не просто источником сомнительной информации, но и инструментом влияния, и прежде всего на изменение массовой психологии общества.

«Желтая» пресса – явление неоднозначное, подвижное, наполненное противоречиями, которые проявляются в целом ряде дисбалансов: когнитивном (отсутствие иерархической структуры газеты по принципу важности и серьезности информации), этическом (деформация общепринятых норм и социально-поведенческих моделей), информационном (искажение, подмена реальных фактов, откровенно неправдивая информация, дефицит серьезной и избыток развлекательной информации), эмоциональном (искривление эмоционально-образной ориентации), культурном (распространение массовой культуры, мифологизация познания), социальном (изменение менталитета, генерация новых стереотипов). Дисбалансы порождаются самой природой феномена «желтой» прессы. И это может стать предметом последующего изучения.

Л и т е р а т у р а

1. Блавацкий С. Таблоїдизація якісної преси у Великій Британії / С. Блавацкий // Вісник Львів. Університету. Серія журналістика. 2007. Вип. 30. С. 91–102.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/>.
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://alcala.ru/entsiklopedicheskij-slovar/slovar-Zh/29958.shtml>.
4. Вильям Рендольф Херст [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.peoples.ru/undertake/media/william_randolph_hearst/index1.html.

5. Герасимчук А. Спорный вопрос: что такое желтая пресса? / А. Герасимчук // УАргумент. 27 мая 2011 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://uargument.com.ua/politika/sporniy-vopros-cto-takoe-zhyoltaya-pressa>.

6. Гетьманець М.Ф. Сучасний словник літератури і журналістики / М.Ф. Гетьманець, І.Л. Михайлин. К., 2009. 384 с.

7. Желтая журналистика [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ru.knowledgr.com/00022487/>.

8. Желтая пресса [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.scrollkit.com/s/ohdQ7bm#page1>.

9. Желтые страницы Уильяма Херста [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.cablook.com/mixlook/zheltyy_stranitsy_uilyama_khersta/.

10. Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ / А.А. Князев [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru/text16/069.htm>.

11. Лагутина О.В. Массовая, «желтая», бульварная пресса: к вопросу разграничения понятий / О.В. Лагутина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. №2. С. 7–15 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://elibrary.ru/contents.asp?iss>.

12. Лесная М.В. Топология современных таблоидных СМИ России, Великобритании и США : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Лесная Марина Валерьевна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. Краснодар, 2010. 215 с.

13. Лорен Коллинз Ее величество Daily Mail: часть 2 / Лорен Коллинз [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20120422/190879152.html>.

14. Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки / С.А. Михайлов. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. 448 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text6/01.htm>.

15. Прытков А.В. Квалюид в системе современной российской прессы: типологический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Прытков Александр Владимирович; [Место защиты: Воронежский государственный университет]. Воронеж, 2014. 240 с.

16. Розенталь И.С. Духовные запросы рабочих России после революции 1905–1907 гг. / И.С. Розенталь // Исторические записки. М., 1982. Вып. 107. С. 89–90.

17. Сазонов Е.А. Феномен «желтой прессы» / Е.А. Сазонов // Научно-культурологический журнал. 2005. №7 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=497>.

18. Сенсационное закрытие News of the World: правила игры меняются. Интервью Давида Эйдельмана [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/17488.html>.

19. Словарь журналистских терминов [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ach-biblio.ru/?page_id=261/text37/069257.com.

20. Терри-Элмор Р. Словарь языка средств массовой информации США / Р. Терри-Элмор [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://mirknig.su/knigi/inostrannie_yaziki/10605-slovar-yazyka-sredstv-massovoy-informacii-ssha.html.

21. Хорольский В. Отечественные и зарубежные учёные о глобальных проблемах массмедийной коммуникации / В. Хорольский // Акценты. Новое в массовой коммуникации». Вып. 5-6 (68–69). 2007. С. 48–64.

22. Юрченко И.В. «Желтая» пресса как отражение массовой культуры (на материале немецкой газеты «BILD») [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15576378>.

23. W. Joseph Campbell What's Good About Yellow Journalism [Electronic resource] / Access mode: http://fs2.american.edu/wjc/www/documents/whats_good_abt_yellow_jo.pdf?AID=3434.

References

1. Blavac'kij S. Tabloidizacija jakisnoj presi u Velikij Britanii / S. Blavac'kij // Visnik L'viv. Universitetu. Serija zhurnalistika. 2007. Vip. 30. S. 91–102.

2. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://bse.sci-lib.com/>.

3. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://alcala.ru/entsiklopedicheskij-slovar/slovar-Zh/29958.shtml>.

4. Vil'jam Rendol'f Herst [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: http://www.peoples.ru/undertake/media/william_randolph_hearst/index1.html.

5. Gerasimchuk A. Spornyj vopros: chto takoe zhjoltaja pressa? / A. Gerasimchuk // UArgument. 27 maja 2011 [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://uargument.com.ua/politika/sporniy-vopros-chto-takoe-zhyoltaya-pressa>.

6. Get'manec' M.F. Suchasnij slovník literaturi i zhurnalistiki / M.F. Get'manec', I.L. Mihajlin. K., 2009. 384 s.

7. Zheltaja zhurnalistika [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://ru.knowledgr.com/00022487/>.

8. Zheltaja pressa [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.scrollkit.com/s/ohdQ7bm#page1>.

9. Zheltye stranicy Uil'jama Hersta [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: http://www.cablook.com/mixlook/zheltyy_stranitsy_uilyama_khersta/.

10. Knjazez A.A. Jenciklopedicheskij slovar' SMI / A.A. Knjazez [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.evartist.narod.ru/text16/069.htm>.

11. Lagutina O.V. Massovaja, «zheltaja», bul'varnaja pressa: k voprosu razgranichenija ponjatij / O.V. Lagutina // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika. 2013. № 2. S. 7–15 [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/contents.asp?iss>.

12. Lesnaja M.V. Topologija sovremennyh tabloidnyh SMI Rossii, Velikobritanii i SShA : dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.10 / Lesnaja Marina Valer'evna; [Mesto zashhity: Kuban. gos. un-t]. Krasnodar, 2010. 215 s.

13. Loren Kollinz Ee velichestvo Daily Mail: chast' 2 / Loren Kollinz [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://inosmi.ru/world/20120422/190879152.html>.

14. Mihajlov S.A. Zhurnalistika Soedinennyh Shtatov Ameriki / S.A. Mihajlov. SPb.: Izd-vo Mihajlova V.A., 2004. 448 s. [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://evartist.narod.ru/text6/01.htm>.

15. Prytkov A.V. Kvaloid v sisteme sovremennoj rossijskoj pressy: tipologicheskij aspekt: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.10 / Prytkov Aleksandr Vladimirovich; [Mesto zashhity: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet]. Voronezh, 2014. 240 s.

16. Rozental' I.S. Duhovnye zaprosy rabochih Rossii posle revoljucii 1905–1907 gg. / I.S. Rozental' // Istoricheskie zapiski. M., 1982. Vyp. 107. S. 89–90.

17. Sazonov E.A. Fenomen «zheltoj pressy» / E.A. Sazonov // Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. 2005. №7

[Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=497>.

18. Sensacionnoe zakrytie News of the World: pravila igry menjajutsja. Interv'ju Davida Jejdela [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.iarex.ru/interviews/17488.html>.

19. Slovar' zhurnalistskih terminov [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: http://ach-biblio.ru/?page_id=261/text37/069257.com.

20. Terri-Jelmor R. Slovar' jazyka sredstv massovoj informacii SShA / R. Terri-Jelmor [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: http://mirknig.su/knigi/inostrannie_yaziki/10605-slovar-yazyka-sredstv-massovoy-informacii-ssha.html.

21. Horol'skij V. Otechestvennye i zarubezhnye uchjonye o global'nyh problemah massmedijnoj kommunikacii / V. Horol'skij // Akcenty. Novoe v massovoj kommunikacii. Vyp. 5-6 (68–69). 2007. S. 48–64.

22. Jurchenko I.V. «Zheltaja» pressa kak otrazhenie massovoj kul'tury (na materiale nemeckoj gazety «BILD») [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15576378>.

23. W. Joseph Campbell What's Good About Yellow Journalism [Electronic resource] / Access mode: http://fs2.american.edu/wjc/www/documents/whats_good_abt_yellow_jo.pdf?AID=3434.

Odintsova M.I.

YELLOW PRESS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

The article studies the specificity of the "yellow" press. The emphasis is on the interpretation of the concept of "yellow press", the options for writing and interpreting the concept, the history of the formation of the "yellow" press, the criteria that characterize this type of publications. The originality of the "yellow" press is emphasized from the moment of its appearance to the present time, there is an increase in the manifestations of "yellowness" in the quality press. The author dwells on the editorial policy of the first "yellow" publications – The Sun, The New York World, The New York Morning Journal, Daily Mail. The subject of consideration of the author also became similar Russian publications – "newspaper-penny", "Petersburg leaf", "Moscow leaf".

Key words: press, yellow press, tabloid press, yellow journalism.

Одинцова Майя Ивановна, к.н. по соц. ком., доцент кафедры журналистики ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Odintsova Maya Ivanovna, Candidate of Sciences, a dosent of the Chair "Journalism", State Educational Establishment of Higher Professional Education "Lugansk Vladimir Dahl National University".

E-mail: odin2004@ukr.net

Рецензент: *Фесенко Юрий Павлович*, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 28.12.2017

ТРЕБОВАНИЯ

к оформлению статей для публикации в научном журнале «ВЕСТНИК Луганского национального университета имени Владимира Даля»

ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЕЙ

1. Документы и материалы собираются на кафедрах, ответственных за раздел, затем передаются в издательство университета.
2. К публикации принимаются статьи, материалы которых соответствуют научному направлению сборника (**определяется кафедрой, формирующей раздел в журнале**).
3. Статьи, не соответствующие научному направлению журнала или Требованиям к оформлению статей, редакцией не принимаются.
4. Для принятия решения о публикации статьи в журнале необходимо предоставить:
  - сопроводительное письмо (с указанием, что статья ранее нигде не публиковалась) от организации, где работают авторы, и сведения об авторах статьи, рецензию.Для сотрудников ЛНУ им. В. Даля вместо письма можно предоставить выписку из заседания совета факультета и рецензию;

– электронный вариант статьи:

Название файла статьи: <фамилия автора_город> например – Петров_Луганск.doc.

Название английского файла Petrov_Lugansk.doc.

Статья сохраняется в форматах *.doc, *.docx, *.

Внимание! Убедительная просьба, проверить получение редакцией материалов.

Внимание! Редакция оставляет за собой право возвращать статьи авторам на доработку в следующих случаях: правка ошибок после вычитки, статья небрежно оформлена и не соответствует требованиям редакции.

ДЛЯ ВЫЧИТКИ текст статьи распечатывают в соответствии с такими требованиями:

- формат А4 (поля по 20 мм с каждой стороны);
- шрифт Times New Roman,
- размер –14 пт,
- межстрочное расстояние – 1,5 строки.
- четкая печать на лазерном или струйном принтере.

Статьи подаются в одном экземпляре, напечатанные на лазерном (струйном) принтере, с подписями всех авторов, файл статьи на диске или e-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com, а также предоставляются данные на английском языке (авторы статьи, заглавие статьи; наименование организации, ведомства, должность, электронный адрес автора); аннотация; ключевые слова; список литературы латиницей).

Луганский национальный университет имени Владимира Даля,
г. Луганск, кв. Молодежный, 20,а

СТРУКТУРА СТАТЬИ

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на языке текста)
Фамилии, инициалы авторов (на языке текста статьи)

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском языке)
Фамилии, инициалы авторов (на английском языке)

*Аннотация на языке статьи***Ключевые слова:**

Основной текст статьи, включающий следующие разделы:

Введение**Изложение основного материала****Результаты исследований****Выводы****Л и т е р а т у р а на языке текста статьи****Л и т е р а т у р а л а т и н и ц е й****Фамилии, имя, отчество (ПОЛНОСТЬЮ), название статьи (на английском языке)***Аннотация (на английском языке)**Ключевые слова (на английском языке)***Сведения об авторах (на русском и английском языке), e-mail: (каждого автора)****Рецензент***Статья подана***ОБРАЗЕЦ статьи на сайте университета***http://www.dahluniver.ru/about_university/departments/izdatelstvo/***ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ**

Основной текст статьи размещается на формате А4 (80х245 мм), ориентация – книжная со следующими полями: верхнее – 3 см, нижнее – 2,25 см, левое – 2 см, правое – 11 см. От края до верхнего колонтитула – 2 см, до нижнего колонтитула – 1см, межстрочный интервал – 1,0. Запрет висячих строк. Автоматическая расстановка переносов (ширина зоны переноса слов – 0,25 см). Запрет переноса слов прописными буквами.

Текст статьи оформляется в редакторе **Microsoft Word XP/2003/2007/2010**.

Статья сохраняется в форматах *.doc, *.docx, *.rtf.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ

На первой странице в первой строке набирается УДК, без абзацного отступа. (выравнивание по левому краю). Шрифт Times New Roman, размер 10 пт, начертание – обычный.

пропуск строки

Название статьи на языке текста (русском или украинском) набирается прописными буквами (шрифт Times New Roman, размер – 11 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по центру).

пропуск строки

Фамилии, инициалы авторов (количество авторов **не более 3-х** от одной организации) **на языке текста статьи** (русском или украинском) (шрифт Times New Roman, размер – 11 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по центру).

пропуск строки

пропуск строки

Название статьи на английском языке набирается прописными буквами (шрифт Times New Roman, размер – 11 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по центру).

пропуск строки

Фамилии, инициалы авторов на английском языке (шрифт Times New Roman, размер – 11 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по центру).

пропуск строки

пропуск строки

пропуск строки

Аннотация на языке статьи объемом не менее 500 знаков (не менее 8 строк) (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, без абзацного отступа).

Ключевые слова на языке статьи (не более 7 слов) размещаются с новой строки (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, без абзацного отступа).

пропуск строки

пропуск строки

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman; размер – 10 пт; начертание – обычный; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см.

Заголовок каждого раздела (**Вступление** и т.д.) выделяют по тексту полужирным, помещают с новой строки. Текст раздела идет сразу после заголовка в той же строке.

Статья должна включать такие разделы:

Введение (постановка проблемы, задачи в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами, анализ последних публикаций (не менее 3-х статей), в которых анализируется решение данной проблемы, формулировка цели статьи (отдельный абзац с новой строки – «Целью работы является...») и постановка задач);

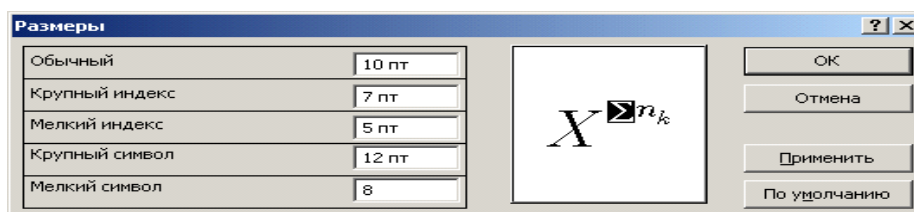
Изложение основных материалов

Результаты исследований

Выводы

Литература

Формулы и символы набираются только (!!!) в редакторе формул Microsoft Equation 2.0/3.0 или MathType со следующими параметрами: стиль – математический; размеры шрифта:

Формулы не должны быть деформированы (формат объекта → размер → масштаб → 100%)

Нумерация формул – в круглых скобках с выравниванием по правому краю границы текста.

Внимание! Убедительная просьба не увлекаться "декоративной математикой".

Рисунки, диаграммы и графики размещаются непосредственно в тексте без обтекания (формат рисунка → положение → обтекание → в тексте) в последовательности, в которой приводятся ссылки на них в статье, сразу после первой ссылки на них. Рисунки выполняются в форматах .jpg, .wmf или .tif. Выполненные в Word рисунки должны быть сгруппированы и стоять без обтекания либо помещены в полотно.

Подрисовочный текст, номер, название рисунка выполняется шрифтом Times New Roman; размер – 9 пт; начертание – обычный; интервал – 1,0.

Рисунки не должны быть деформированы.

Внимание! Запрещается внедрять графические материалы в виде объектов, связанных с др. программами, например, с КОМПАС, MS Excel и т.п. **Рисунки, выполненные непосредственно в MS Word, не принимаются.**

Таблицы. Таблица озаглавляется словом "Таблица" (шрифт – обычный TNR 9 пт, выравнивание – по правому краю) со следующим за ним номером. В следующей строке помещается название таблицы с прописной буквы (не более 3-х строк), (шрифт – полужирный, TNR, 9 пт, выравнивание – по центру) без заключительной точки. Шрифт заголовков столбцов и строк, содержания таблицы – обычный TNR 9 пунктов. Таблицы нумеруются арабскими цифрами и размещаются после первого упоминания (ссылки на них).

пропуск строки

Заголовок «**Л и т е р а т у р а**» размещается после выводов и набирается строчными буквами (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – **полужирный**, разреженный – 2,5 пт, выравнивание – по центру). Список литературных источников выполняется шрифтом Times New Roman; размер – 9 пт; начертание – обычный, в виде нумерованного списка с точкой без скобки.

пропуск строки

Заголовок «**R e f e r e n c e s**» и список литературы, набранный латиницей, помещают через интервал после списка литературы с использованием сайта <http://translit.ru> (шрифт Times New Roman; размер – 9 пт; стиль – **полужирный**, разреженный – 2,5 пт, выравнивание – по центру). Используйте, по возможности, ссылки на переводные версии журналов и книг, а не просто транслитерируйте их.

Внимание! Список использованной литературы в статье, в соответствии с требованиями **РИНЦ**, должен также быть представлен в романском алфавите отдельным элементом статьи под заголовком **References** повторяя список литературы на языке оригинала.

пропуск строки

пропуск строки

Фамилии, инициалы авторов, название статьи (на украинском, если статья на русском или русском, если статья на украинском языках) (Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

Аннотация на украинском (русском) языках размещаются с новой строки, объемом не менее 500 знаков (не менее 8 строк) (Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

Ключевые слова на украинском (русском) языках (до 7 слов) размещаются с новой строки после аннотации (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

пропуск строки

Фамилии, инициалы авторов, название статьи на английском языке (Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

Аннотация на английском языке объемом не менее 850 знаков (не менее 12 строк) Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

Аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- написана качественным английским языком (не компьютерный перевод);
- компактной (укладываться в объем 850 знаков).

Ключевые слова на английском языке (до 7 слов) размещаются с новой строки (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

пропуск строки

Сведения об авторах (на русском и английском языках): ПОЛНОСТЬЮ фамилия, имя отчество (начертание – полужирный), ученая степень, звание, должность, место работы, адрес электронной почты (шрифт Times New Roman; размер – 9 пт; начертание – обычный, без абзацного отступа).

пропуск строки

Рецензент: указывается фамилия, инициалы, ученая степень, ученое звание рецензента из редколлегии Вестника по данному направлению (шрифт Times New Roman; размер 9 пт; начертание – обычный, без абзацного отступа).

пропуск строки

Статья подана (шрифт Times New Roman; размер 8 пт; начертание – обычный, выравнивание – по правому краю). Дата поступления статьи ставится кафедрой, отвечающей за формирование данного сборника.

1. Статья, текст вместе с рисунками и др. нетекстовыми элементами, должна быть объемом 3...7 полных страниц (до списка литературы) формата А4 (210×297 мм).

**ВЕСТНИК
ЛУГАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ
№ 4(6) Ч.1 2017**

Научный журнал

Лит.редактор

*Бугокова Л.В.
Минина Я.В.
Штанько М.С.*

Оригинал-макет

Гриниченко Е.А.

Подписано к печати 4.01.2018
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Условных печатных стр. 44,06. Обл. печать. стр. 45,5.
Тираж 100 экз. Изд. № 0067.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Луганского национального университета
имени Владимира Даля

Свидетельство о регистрации серия МИ-СГР ИД 000003 от 20.11.2015 г.

91034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20,а.
Тел.: (050) 285-80-08, (072) 138-34-80
E-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com
<http://www.dahluniver.ru>